
Ш
Ш
А.МЕРРИТ
А·МЕРРИТ

Том 1
КОРАБЛЬ ИШТАР
СЕМЬ ШАГОВ
К САТАНЕ
ЖИТЕЛИ
МИРАЖА

Том 2
ВЕДЬМА, ГОРИ!
ТЕНЬ, ПОЛЗИ!
ПОКОРИТЕЛИ
ЛУННОГО
БАССЕЙНА
РАССКАЗЫ

Том 3
МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ
МОНСТР
ЛИК В БЕЗДНЕ
ЧЕРНОЕ КОЛЕСО
РАССКАЗЫ

AMERICA

Коллекция "Януса"

А.МЕРРИТ

МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ МОНСТР
ЛИК В БЕЗДНЕ
ЧЕРНОЕ КОЛЕСО

рассказы

Перевод с английского Д.Арсеньева

Художник О.Иванов

ПЕРМЬ
«ЯНУС»
'93

ББК 84.4 США
М 52

В очередной том самого полного на русском языке собрания сочинений американского писателя Абрахама Меррита включены романы: «Металлический монстр», являющийся продолжением книги «Покорители Лунного бассейна»; «Лик в бездне» и посмертный роман знаменитого фантаста «Черное колесо». Завершает книгу блок рассказов.

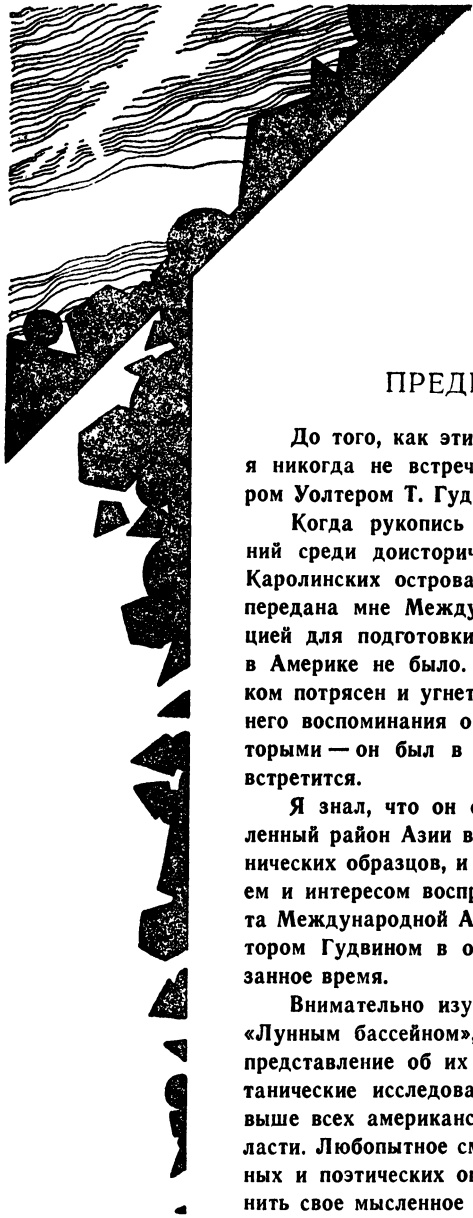
Издательство выражает благодарность А. В. Сачинскому и Э. Ф. Степанову за помощь в подготовке собрания сочинений Абрахама Меррита.

© «Янус», состав. с/с А. Меррита, 1992.
© Д. Арсеньев, перевод, 1993.
© О. Иванов, оформление томов, 1993.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ МОНСТР

Фантастический роман

ПРЕДИСЛОВИЕ

До того, как эти записки попали в мои руки, я никогда не встречался с их автором — доктором Уолтером Т. Гудвином.

Когда рукопись с описанием его приключений среди доисторических руин Нан-Матала на Каролинских островах («Лунный бассейн») была передана мне Международной Научной Ассоциацией для подготовки к печати, доктора Гудвина в Америке не было. Он пояснил, что еще слишком потрясен и угнетен; слишком болезненны для него воспоминания о тех, кого он любил и с которыми — он был в этом уверен — никогда не встретится.

Я знал, что он отправился в какой-то отдаленный район Азии в поисках определенных ботанических образцов, и потому с большим удивлением и интересом воспринял приглашение президента Международной Ассоциации встретиться с доктором Гудвином в определенном месте и в указанное время.

Внимательно изучая документы, связанные с «Лунным бассейном», я составил себе мысленное представление об их авторе. Прочел я и его ботанические исследования, которые поставили его выше всех американских специалистов в этой области. Любопытное смешение точных научных данных и поэтических описаний позволило мне уточнить свое мысленное представление. И я был рад, что угадал довольно точно.

Президент Ассоциации познакомил меня с крепким, хорошо сложенным человеком чуть ниже среднего роста. У него оказался широкий, но довольно низкий лоб, напомнивший мне покойного волшебника электричества Стайнметца [1]. Под прямыми черными бровями добрые, проницательные карие глаза, немного печальные, с легким оттенком юмора; глаза одновременно мечтателя и деятельного человека.

Не старше сорока, решил я. Короткая заостренная бородка не скрывает решительной твердой нижней челюсти и красивой формы рта. Волосы густые, черные, с проблесками седины: точки и полоски серебра, сверкающие тусклым металлическим блеском.

Правая рука на перевязи и прижата к груди. Приветствовал он меня несколько скованно. Протянул левую руку, и, когда я пожал ее, меня поразило странное, но приятное ощущение: тепло, чуть ли не электричество.

Президент Ассоциации осторожно помог ему сесть.

— Доктор Гудвин, — сказал он мне, — еще не вполне оправился от всех последствий своих приключений. Их суть он позже сам объяснит вам. А тем временем не согласитесь ли, мистер Меррит, прочесть это?

Он протянул мне несколько листков, и, читая их, я ощущал на себе взгляд доктора Гудвина, ищущий, взвешивающий, оценивающий. Оторвав взгляд от письма, я увидел в его глазах новое выражение. Застенчивость исчезла; взгляд его был дружеским. Очевидно, я прошел испытание.

— Принимаете, сэр? — вежливо и серьезно спросил президент.

— Принимаю? — воскликнул я. — Конечно! Для меня это не только большая честь, но и радость — сотрудничать с доктором Гудвином.

Президент улыбнулся.

— В таком случае, сэр, мне нет необходимости тут задерживаться, — сказал он. — Завершенная часть рукописи у доктора Гудвина. Вы сможете обсудить ее.

Он поклонился и, прихватив старомодную шляпу и тяжелую трость, удалился. Доктор Гудвин повернулся ко мне.

— Начну, — сказал он после небольшой паузы, — со встречи с Ричардом Дрейком на поле голубых маков, подобном молитвенному ковру у подножия безымянной горы.

Зашло солнце, стемнело, вспыхнули огни города, много часов Нью-Йорк шумел вокруг, но я ни на что не обращал внимания, слушая рассказ об удивительной, совершенно необычной драме неизвестной жизни, о необыкновенных существах, неведомых силах и о непобе-

---

[1] Чарлз Протеус Стайнметц, известный американский инженер и изобретатель. *(Прим. перев.)*

димом человеческом героизме — в тайных ущельях неисследованной Азии.

Только на рассвете ушел я домой. И еще много часов спустя отложил незавершенную рукопись, попытался уснуть, и сон мой был неспокоен.

А. Меррит

---

1. ДОЛИНА ГОЛУБЫХ МАКОВ

В великом тигле жизни, который мы зовем нашим миром, в еще более обширном тигле, называемом вселенной, тайн и загадок — как песчинок на берегу океана. Они преодолевают гигантские заполненные звездами пространства; таятся, крошечные, под ищущим глазом микроскопа. Они рядом с нами, невидимые и неслышимые, зовут нас, спрашивают, почему мы не слышим их призывов, не видим их чудес.

Иногда покров с глаз человека спадает, и он видит — и рассказывает о своих видениях. И тогда те, кто не видел, недоуменно поднимают брови, насмехаются над ним, а если видение было действительно великим — обрушиваются на того, кто видел, и уничтожают.

Чем грандиозней тайна, тем яростнее оспаривается ее существование; но если она не так значительна, человек может сообщить о своих наблюдениях и добиться, чтобы его выслушали.

И для этого есть причина. Жизнь — это фермент, и над ней и вокруг нее, изменяясь и перемещаясь, добавляя или отбирая, бьются бесчисленные силы, видимые и невидимые, известные и неизвестные. И человек, атом в этом ферменте, цепляется за то, что кажется ему устойчивым; и совсем без радости встречает утверждения, что опирается он, так сказать, на сломанную трость и не видит более прочной.

Земля — это корабль, прокладывающий свой путь по неведомым океанам пространства, где есть неизвестные течения, тайные мели и рифы, и где дуют непостижимые ветры космоса.

И если к путникам, с трудом движущимся своим курсом, подходит некто и заявляет, что курс неверен и карты нужно переделать, его вряд ли встретят приветливо!

Поэтому люди привыкли осторожно рассказывать о тайнах. Но

каждый в глубине сердца знает, что в реальность своего видения он должен верить.

Я разбил свой лагерь в необыкновенно прекрасном месте, таком прекрасном, что дыхание перехватывало и в груди начинало болеть; но потом охватывало ощущение спокойствия, как целительный туман.

Я шел с самого начала марта. Теперь же была середина июля. И впервые с начала пути ощутил — не забытье, этого никогда не будет, — успокоение, впервые со своего возвращения с Каролинских островов год назад.

Нет необходимости останавливаться на этом — все это уже описано. И не буду говорить о причинах своей непоседливости: те, кто читал мой предыдущий рассказ, знают их. Не нужно также описывать шаги, приведшие меня в эту мирную долину. Достаточно сказать, что однажды вечером в Нью-Йорке, перечитывая свою, может быть, самую значительную работу — «Маки и примулы Южного Тибета», результат моих путешествий 1910—1911 годов, я решил вернуться в эти тихие, заброшенные места. Только там мог я найти что-то похожее на забвение.

Я давно хотел изучить некое растение, все разновидности той его формы, что растет на южных склонах Эльбурса, горного хребта в Персии, который тянется от Азербайджана на западе до Хорасана на востоке. Оттуда я собирался следовать за ареалами этого растения в хребтах Гиндукуша и в южных отрогах Трансгималаев — огромной горной цепи, выше самих Гималаев, глубоко изрезанной ущельями и пропастями; такое название этим горам дал Свен Хедин в своем путешествии в Лхасу.

После этого я собирался по горным переходам добраться до озер Манасаровар, где, согласно легенде, растет светящийся пурпурный лотос.

Честолюбивый проект и очень опасный; но ведь сказано, что серьезные болезни требуют сильнодействующих средств; я знал, что пока озарение или какая-то весточка не подскажет мне, как добраться до тех, кого я так люблю, ничто не успокоит мою сердечную боль.

И, откровенно говоря, я чувствовал, что такого озарения или вести никогда не будет, и потому конец меня не особенно беспокоил.

В Тегеране я нашел необычного слугу; больше того, товарища, советника и переводчика.

Это китаец по имени Чу Минг. Первые тридцать лет своей жизни он провел в большом монастыре Палкхор-Чойнд в Гианцзе, к западу от Лхасы. Я не спрашивал у него, почему он оттуда ушел и как оказался в Тегеране. Мне просто повезло, что он ушел из монастыря, а я нашел его. Он отрекомендовался как лучший повар на десять тысяч миль от Пекина.

Мы путешествовали почти три месяца: Чу Минг, я и два пони с моим имуществом.

Мы шли по горным дорогам, которые помнили эхо марширующих войск Дария и орд сатрапов. Высокогорные пути Ахеменидов, а еще раньше они дрожали от топота ног мириадов богоподобных завоевателей-дравидов.

Мы прошли древними иранскими тропами; дорогами воинов победоносного Александра; прах македонцев, греков, римлян вздымался вокруг нас; пепел пламенного честолюбия Сасанидов стонал у нас под ногами — ногами американского ботаника, китайца и двух пони. Мы проходили ущельями, чьи стены отражали возгласы эфталитов, белых гуннов, разрушивших мощь гордых Сасанидов; но и они сами, в свою очередь, пали перед турками.

Мы вчетвером — два человека и двое животных — прошли путями персидской славы, позора и смерти Персии. И уже сорок дней не видели мы ни одной живой души, ни следа пребывания человека.

Дичи было в изобилии; Чу Мингу иногда не хватало зелени, но мяса хватало всегда. Вокруг нас был сумбур могучих вершин. Я знал, что мы находимся вблизи слияния Гиндукуша с Трансгималаями.

Однажды утром мы вышли из неровного ущелья в очаровательную долину, и, хоть было еще рано, я разбил палатку, решив до завтра никуда не двигаться.

Долина напоминала гигантскую чашу, наполненную спокойствием. В ней жил спокойный, величественный, невозмутимый дух — как непоколебимое спокойствие, которое, согласно верованиям бирманцев, охватывает место, где спит Будда. На востоке начинался гигантский склон безымянной вершины, через ущелье в нем мы пришли сюда. Вершина была увенчана серебряной шапкой, усаженной бледными изумрудами, — это были снежные поля и ледники. Далеко на западе другой серокрасный гигант вздымался, закрывая выход из долины. На севере и юге горизонт представлял собой хаотическую линию башен, шпилей, минаретов, ступенчатых, куполообразных, и каждый был увенчан короной из серебра и зелени вечных снегов и льда.

Вся долина представляла собой непрерывное поле голубых маков, блистающее под утренним небом середины июля. Маки тянулись вдоль пройденной нами тропы и уходили вперед на мили, которые еще предстояло пройти. Они кивали, склонялись друг к другу, казалось, они перешептываются, вот-вот поднимут головы и посмотрят, как толпа миниатюрных лазоревых фей, посмотрят полуозорно, полудоверчиво в лица охраняющих их венценосных гигантов. И когда поднимался легкий ветерок, маки, казалось, сгибались под легкой походкой невидимой торопливой принцессы.

Как обширный молитвенный ковер, сапфировый, шелковый, маки тянулись до серых подножий гор. Между их южной оконечностью и

толпящимися вершинами виднелся ряд поблекших коричневых низких холмов — будто увядшие и усталые старики в коричневой одежде лежат, согнув спины, спрятав лица между вытянутыми руками, упираясь ладонями в землю и касаясь ее лбом, — лежат в бессмертной позе преклонения.

Я почти ожидал, что они встанут, — и тут на одном из каменистых склонов появился человек, неожиданно, с той внезапностью, с какой в этих широтах при необычном свете возникают предметы. Он стоял, разглядывая наш лагерь; и в это время рядом с ним показался нагруженный пони и тибетский крестьянин. Первый помахал рукой и большими шагами начал спускаться с холма.

Когда он приблизился, я внимательно разглядел его. Молодой гигант, на добрых три дюйма выше шести футов, энергичная голова с непослушными черными волосами; приятное чисто выбритое лицо американца.

— Я Дик Дрейк, — сказал он, протягивая руку. — Ричард Кин Дрейк, в недавнем прошлом — военный инженер в армии дядюшки Сэма во Франции.

— Меня зовут Гудвин, — я взял протянутую руку, тепло пожал ее. — Доктор Уолтер Т. Гудвин.

— Ботаник Гудвин? Я вас знаю! — воскликнул он. — Вернее, знаю о вас. Мой отец восхищался вашими работами. Вы его знали, профессор Элвин Дрейк.

Я кивнул. Итак, он сын Элвина Дрейка. Я знал, что Элвин умер за год до начала этого моего путешествия. Но что его сын делает в этой дикой местности?

— Гадаете, откуда я взялся? — ответил он на мой невысказанный вопрос. — Короткая история. Война кончилась. И я ощутил непреодолимое желание какой-то перемены. И не смог придумать ничего более оригинального, чем Тибет. Я всегда хотел там побывать. Ну, и поехал. Решил пробиться напрямик в Туркестан. И вот я здесь.

Молодой гигант сразу мне понравился. Несомненно, подсознательно я ощущал необходимость в товарище. И даже подумал, возвращаясь с ним в свой маленький лагерь, не согласится ли он участвовать в моих путешествиях.

Я хорошо знал труды его отца, и хотя меньше всего можно было ожидать, что у Элвина Дрейка, чопорного, всегда погруженного в свои опыты, родится такой крепкий сын, я подумал, что иногда наследственность совершает чудеса.

Почти с благоговением слушал он, как я инструктировал Чу Минга по поводу ужина, и потом постоянно поглядывал на китайца, возившегося с кастрюлями.

Пока готовилась еда, мы поговорили — немного и поверхностно, обычные новости и сплетни, какими делятся путешественники, встре-

чаясь в пустынных местах. Но когда он расправился с приготовленными Чу Мингом блюдами, на лице Дрейка появилось задумчивое выражение.

Он вздохнул, доставая трубку.

— Повар — чудо, а не повар. Где вы его нашли?

Я коротко рассказал ему.

Потом мы замолчали. Неожиданно солнце скрылось за плечом каменного гиганта, охраняющего западный вход в долину; в долине быстро темнело, в нее вливался поток кристально-ясных теней. Это прелюдия к чуду неземной красоты, такого не увидишь нигде больше на Земле — закат в Тибете.

Мы выжидательно смотрели на запад. Легкий прохладный ветерок подул со склонов, как посыльный, пошептался с кивающими маками, вздохнул и улетел. Маки застыли. Высоко над головами засвистел коршун. И, будто по сигналу, в западной части неба стали ряд за рядом появляться легкие облака, ныряя головами вперед, в путь заходящего солнца. И цвет их постепенно менялся — от пятнисто-серебряного до светло-розового, доходя до глубокого алого.

— Небесные драконы пьют кровь заката, — сказал Чу Минг.

Как будто огромный хрустальный шар опрокинулся над небом, его голубизна быстро сменилась ясным сверкающим янтарем, а потом так же стремительно — блистающим фиолетовым цветом. Долину залило мягкое зеленоватое освещение.

И в этом свете крутые скальные откосы, как заколдованные, стали вдруг сплющиваться. Они заблестели и одновременно устремились вперед, как огромные ломти бледно-изумрудного гагата, прозрачные, светящиеся, будто за ними вспыхнуло кольцо маленьких солнц.

Свет потускнел, горы накинули на могучие плечи одеяния цвета аметиста. И тут с каждой покрытой снегом и ледниками вершины, с каждой башни, минарета, шпиля брызнули разноцветные лучи, целая армия радужных призматических сияний, какой-то упорядоченный хаос радуг.

Большие и маленькие, переплетающиеся и движущиеся, они окружили долину невероятно прекрасным поясом, как будто сам бог света прикоснулся к вечным скалам и вызвал их сверкающие души.

По темнеющему небу пробежала розовая полоска живого света — совершенно необычный чистый луч, при виде которого у наблюдателя всегда перехватывает горло, этот луч тибетцы называют тинг-па. Какое-то мгновение розовый палец указывал на восток, затем изогнулся и медленно разделился на шесть сверкающих розовых лент, медленно начал спускаться к восточной части горизонта, где навстречу ему вспыхнуло туманное пульсирующее свечение.

Я услышал, как Дрейк с трудом перевел дыхание. Мне самому тоже перехватило горло.

Шесть лент раскачивались, двигались из стороны в сторону по все увеличивающейся дуге, как будто свисали со скрывшегося за горизонтом шара, который их породил, как маятники.

Все быстрее и быстрее раскачивались шесть лучей — и затем распались, разделились, будто их сжала и разорвала невидимая гигантская рука.

Какое-то мгновение оборванные концы бесцельно дрожали, потом повернули вниз, устремились на восток, в хаос вершин, и быстро исчезли. На долину опустилась ночь.

— Боже! — прошептал Дрейк. — Как будто кто-то протянул руку, дернул эти лучи и стащил их вниз — как ниточки.

— Я тоже видел, — я недоумевающе пожал плечами. — Видел. Но раньше никогда подобного не было.

— Целенаправленно, — прошептал Дрейк, — сознательно. Как будто кто-то потянулся, поиграл лучами, разорвал их и потащил вниз, словно ивовые прутья.

— Это дьяволы, которые живут здесь, — дрожа, сказал Чу Минг.

— Какой-то магнитный феномен. — Я был сердит на себя за приступ паники. — Луч может изменить свое направление, проходя через магнитное поле. Конечно, так оно и было. Несомненно.

— Не знаю. — В голосе Дрейка звучало сомнение. — Нужно очень сильное магнитное поле, чтобы сделать это. Трудно себе представить... — Он вернулся к своей первой мысли. — Но это было... так чертовски сознательно, — повторил он.

— Дьяволы... — бормотал испуганный Чу Минг.

— Что это? — Дрейк схватил меня за руку и указал на север. Пока мы говорили, там появилась глубокая чернота, черный омут, на фоне которого чуть виднелись слабо светящиеся вершины.

Гигантское туманно-зеленое огненное кольцо взметнулось из этой черноты и устремилось к зениту; вслед за ним в небо взлетел целый лес копий, и темнота стала подобна черной руке, держащей тысячу огненных копий.

— Заря, — сказал я.

— Да уж, мощная, должно быть, — пробормотал Дрейк, внимательно глядя на нее. — Вы заметили большое пятно на Солнце?

Я покачал головой.

— Бóльших я не видел. Вначале заметил на рассвете утром. Зажигалка для зари, это пятно. Я вам говорил... вы только посмотрите! — воскликнул он.

Зеленые копья отступили. Чернота сжалась — и вдруг начала пульсировать волнами свечения, пронизанного полосками сверкающих вихрей, словно бесчисленное войско танцующих светлячков.

Все выше поднимались валы, фосфоресцирующе зеленые и радужно фиолетовые, призрачно желтые и металлически шафрановые, как светя-

щийся пепел от роз, потом они дрогнули, раскололись и образовали великолепный гигантский искрящийся занавес.

Из-за этого колеблющегося, дрожащего занавеса появилось обширное световое кольцо. Вначале туманное, но постепенно края его становились резче, пока в северной части неба не образовался великолепный круг из холодного пламени. И вокруг него начала сворачиваться заря.

Складки занавеса со всех сторон устремились к кольцу, складываясь, сгибаясь, они кипели, как пена на краю котла, а потом устремлялись внутрь, как будто изо рта Эола; на знаменитой старой картине бог сидит, выдувает изо рта ветры, овевающие Землю, и втягивает их обратно.

Да, в кольцо рта устремилась заря, образовав сверкающий столб, достающий до земли. И тут же туман затянул небо, скрыв этот невероятный водопад.

— Магнетизм? — прошептал Дрейк. — Думаю, нет!

— Это в том месте, где разорвался тинг-па; и втянули его так же, как лучи, — сказал я.

— Целенаправленно, — проговорил Дрейк. — Какое-то дьявольство. Дерет по нервам... как металлическим когтем. Целенаправленное дьявольство. За этим что-то разумное.

— Разумное? Дрейк, что разумное может обрывать лучи садящегося солнца и втягивать зарю?

— Не знаю, — ответил он.

— Дьяволы, — прохрипел Чу Минг. — Дьяволы ослушались Будду... они стали сильны...

— Как металлическим когтем! — выдохнул Дрейк.

С запада издалека до нас донесся звук, вначале шепот, потом дикий рев, пронзительный вой, треск. В тумане появился свет, но быстро погас. Снова треск, рев, вой, уходящий шепот.

Тишина и темнота окутали долину голубых маков.

2. ОТПЕЧАТОК В СКАЛАХ

Наступил рассвет. Дрейк спал хорошо. Но у меня не было его юношеской способности восстанавливаться, и потому я долго лежал, без сна и в тревоге, и только перед самым рассветом задремал.

За завтраком я заговорил о том, что стало моим искренним желанием.

— Дрейк, — спросил я, — куда вы идете?

— С вами, — рассмеялся он. — Я свободен и могу идти, куда хочу. Мне кажется, кому-то нужно помочь вам присматривать за поваром. Он может сбежать.

Эта мысль, казалось, приводила его в ужас.

— Отлично! — от всего сердца воскликнул я и протянул ему руку. — Я хочу пересечь этот хребет в направлении озер Манасаровар. Мне бы хотелось изучить тамошнюю флору.

— Мне подходит все, что скажете, — ответил он.

Мы скрепили рукопожатием наше партнерство и скоро уже двигались по долине к западному выходу из нее; наш объединенный караван шел за нами. Милю за милей шли мы через голубые маки, обсуждая загадку вчерашнего вечера.

В свете дня оттенок ужаса перед этим событием рассеялся. В потоке яркого солнечного света не было места загадкам и страху. Улыбающиеся сапфировые поля расстилались перед нами.

Шепчущие игривые ветерки начинали временами сплетничать с кивающими цветами. Стаи розовых вьюрков проносились над головой, иногда среди птиц начинались ссоры; грациозные шалашники слетались к игривому ручью, вдоль которого мы шли уже больше часа.

Я, к своему удовлетворению, почти доказал, что наблюдавшееся нами явление объясняется исключительными атмосферными условиями этих высот, условиями такими уникальными, что здесь все возможно. Но Дрейк не был убежден.

— Знаю, — сказал он. — Конечно, я все это понимаю — наложение слоев теплого воздуха могло исказить лучи; частицы с высших уровней могли произвести впечатление этой свернутой зари. Признаю, что все это возможно. Я даже признаю, что это вероятно, но, черт меня побери, док, если я в это верю. Я слишком ясно ощущал сознательную силу, кто-то знал, что делает, — и у него была для этого причина.

Была уже середина дня.

Чары долины действовали на нас, и мы шли медленно. Западный конец приблизился, ясно стало видно ущелье, через которое нам предстояло пройти. Но до темноты мы вряд ли до него доберемся, и мы с Дрейком смирились с мыслью о еще одной ночи в этой мирной долине. Глубоко задумавшись, я вздрогнул от его восклицания.

Он смотрел на какое-то место в ста ярдах справа от нас. Я тоже взглянул туда.

Утесы возвышались едва на расстоянии полумили. Когда-то здесь произошел камнепад. И эти камни образовали насыпь, мягко спускающуюся ко дну долины. Ива и черная ольха, изогнутые березы и тополя нашли здесь почву для своих корней и закрыли всю насыпь, видны были только ее края у самого начала луга.

В центре этой насыпи, начинаясь на полпути от склонов и протягиваясь на цветущее поле, виднелся гигантский отпечаток.

Серо-коричневый, он четко выделялся на зеленом фоне насыпи и голубом — поля, прямоугольник тридцати футов шириной и двухсот длиной, задняя часть слегка закруглена, а от передней, подобно когтям, отделялись четыре треугольника двадцати футов длиной каждый.

Чрезвычайно похоже на след ноги, но какое существо может оставить такой след?

Я побежал к склону, Дрейк опередил меня. Остановился в том месте, где — если это действительно был след — начинались когти.

След свежий. На краю обломанные кусты и расколотые деревья, их белая древесина разрублена будто ятаганом.

Я ступил на сам след. Поверхность гладкая, будто специально выровненная; я склонился, не веря собственным глазам. Камень и земля раздавлены, уплотнены, сжаты в гладкий, микроскопически зернистый материал, и в него, как ископаемые, вдавлены еще сохраняющие свой голубой цвет маки. Сильный циклон может пробить соломинкой дюймовую доску, но какая сила могла втиснуть эти нежные цветки, как инкрустацию, в твердую поверхность камня?

Я вспомнил ночной рев, треск, странное свечение.

— Вот что мы слышали, — сказал я. — Звуки — вот что их вызвало.

— Нога Шин-дже! — Голос Чу Минга дрожал. — Здесь прошел повелитель ада!

Я перевел Дрейку его слова.

— У повелителя ада всего одна нога? — вежливо спросил Дрейк.

— Он перешагивает через горы, — ответил Чу Минг. — На той стороне другой отпечаток. Шин-дже проходил по горам и ступил сюда.

Я снова перевел.

Дрейк оценивающе взглянул на вершину.

— Около двух тысяч футов, — решил он. — Ну, если Шин-дже соблюдает наши пропорции, примерно так и получается. Ступня такой длины соответствует ноге в две тысячи футов. Да, он мог перешагнуть через вершину.

— Вы серьезно? — спросил я.

— Какого дьявола! — воскликнул он. — Я не спятил! Это не отпечаток ноги. Это совершенно невозможно. Посмотрите, с какой математической точностью обрезаны края, словно штемпелем... Да, мне это напоминает штамп. Прижатый с невероятной силой. Как... как гигантская металлическая печать в руках гор. Отпечаток... печать...

— Но зачем? — спросил я. — С какой целью...

— Лучше спросите, откуда взялась эта дьявольская сила, — сказал он. — Посмотрите: кроме этого отпечатка больше ни следа. Деревья и кусты, маки и трава не тронуты. Как могло то, что сделало этот отпечаток, больше ничего не тронуть? Вряд ли объяснение Чу Минга делает все это более понятным.

Я осмотрелся. Действительно. Если не считать отпечатка, ни следа необычного, все нормально.

Но достаточно и отпечатка!

— Я думаю, нам нужно поторопиться и до темноты добраться до ущелья, — выразил Дрейк мою мысль. — Я готов встретиться с чем угодно, но не хочу, чтобы меня впечатали в камень, как цветок в книжке стихотворений у какой-нибудь девушки.

Уже в сумерках мы из долины вышли в проход. И прошли по нему еще целую милю, прежде чем полная темнота заставила нас разбить лагерь. Ущелье сужалось. Противоположные стены были разделены всего сотней ярдов. Но мы не возражали против этой близости, совсем нет! Их прочность, неизменность внушала уверенность.

Найдя глубокую нишу, способную вместить весь караван, мы вошли туда вместе с пони, и я был рад провести тут ночь, каким бы ни оказался рассвет. Мы поужинали хлебом с чаем и, уставшие до мозга костей, улеглись на жесткую каменную поверхность. Я спал крепко, и лишь раз или два меня будили стоны Чу Минга; ему снилось что-то страшное. Не знаю, была ли заря на рассвете, да это меня и не интересовало. Спал я без сновидений.

3. РУФЬ ВЕНТНОР

Нас разбудил проникающий в нишу рассвет. Выводок куропаток оказался поблизости, и мы подстрелили трех. Хорошо позавтракали и чуть погодя пошли дальше по ущелью.

Оно неуклонно, хотя и полого, шло вниз, и потому я не удивился, увидев вскоре субтропическую растительность. Гигантские рододендроны и древесные папоротники уступили место рощам стройных копеков и крепкого бамбука. Мы добавили к своим запасам несколько снежных куропаток, они оказались далеко от своего обычного места жительства — вершин и высокогорий.

Мы шли весь день, и, когда вечером разбили лагерь, сон сразу овладел нами. Через час после рассвета мы снова были в пути. Сделали короткий привал для ланча и двинулись дальше.

Около двух часов дня мы впервые увидели руины.

Высокие, поросшие зеленью стены каньона уже давно начали сближаться. Вверху, между их краями, широкая полоса неба напоминала фантастическую реку, сверкающую, ослепляющую; каждый выступ стен озарялся жемчужным светом.

Мы как будто все больше углублялись в этот небесный поток, становилось заметно темнее, появились призрачные зеленоватые тени, движущиеся завесы просвечивающего аквамарина, ясные дымки серовато-зеленого хризолита.

Свет стал более слабым, тусклым, но не утратил своей хрустальной ясности. Небесная река над нашими головами превратилась в ручей, в узкую щель, неожиданно совсем исчезла. Мы оказались в туннеле со

стенами и потолком из папоротников вперемежку с красноватыми орхидеями, ярко-алыми грибами и золотым мхом. И сразу же вышли под прямые лучи солнца.

Перед нами была широкая зеленая чаша в руках окружающих вершин; мелкая, круглая, как будто в час, когда все еще не застыло, Бог надавил тут пальцем. Вокруг толпились горы, наклоняя головы и заглядывая в долину.

Осмотрев углубление, я решил, что оно примерно с милю в диаметре. В него ведут три хода: щель в северном склоне, тот туннель, через который прошли мы, а третий путь уходил по северному откосу и скрывался за выступом скалы.

Широкая дорога, совершенно очевидно выбитая в горах руками человека. Древняя дорога, за которой виднелись бесчисленные годы.

А от долины нам навстречу устремилась сама душа одиночества.

Никогда в жизни не испытывал я такого одиночества, как при виде этой зеленой чаши. Оно было ощутимым, осязаемым... как будто исходило из какого-то загадочного источника. Омут отчаяния...

* * *

На середине долины начинались развалины. Странно они выглядели. Двумя рядами тянулись они по дну долины. Прижимались к утесам. От центра к южному краю долины уходила изгибающаяся линия руин.

Пролеты расколовшихся циклопических ступеней лестницы вели к вершине утеса, там стояла разрушенная крепость.

В целом развалины напоминали колоссальную фигуру — старухи, ведьмы, она лежала ниц, неподвижно, безжизненно, прижимаясь к основаниям утесов. Нижние ряды — ноги, центральная группа развалин — тело, верхние ряды — протянутые руки, лестница — шея, а над ней голова — древняя крепость, с двумя большими круглыми отверстиями в стене северного склона; мертвая высохшая голова смотрела, следила.

Я взглянул на Дрейка: лицо у него было напряженным, чары долины подействовали и на него. Китаец и тибетец перешептывались, на их лицах было выражение ужаса.

— Что-то тут не так! — Дрейк повернулся ко мне, и напряженное выражение его лица осветилось легкой улыбкой. — Но я предпочитаю идти вперед, чем возвращаться. Что скажете?

Я кивнул, любопытство победило чувство страха. Держа ружья наготове, мы начали спускаться. Слуги и пони шли за нами.

Как я сказал, углубление было мелкое. Мы шли по старому пути, уходящему от туннеля, спускаться было легко. Тут и там рядом с тропой поднимались большие разбитые прямоугольники. Мне казалось, что

я вижу на них следы резьбы: разинутую зубастую пасть дракона, очертания чешуйчатого тела, огромные крылья, как у летучей мыши.

Но вот мы приблизились к первому ряду развалин, которые уходили к центру долины.

Чуть не потеряв сознание, я упал на Дрейка, цепляясь за него.

На нас устремился поток бесконечной безнадежности, он вился вокруг, затоплял нас, призрачными пальцами, с которых падали капли отчаяния, сжимал нам сердце. Казалось, он исходит от каждой развалины, стремится по дороге, затопляет нас, поглощает, душит.

Невидимый, он был осязаем, как вода; касался каждого нерва. Меня охватила крайняя усталость, желание упасть на камни, откатиться в сторону. Умереть. Я чувствовал, как дрожит Дрейк, знал, что он напрягает последние остатки сил.

— Держитесь, — шептал он, — держитесь...

Тибетец закричал и побежал, пони устремились за ним. Я смутно вспомнил, что на моем пони бесценные образцы; но гнев тут же забылся, поглощенный отчаянием. Я услышал всхлип Чу Минга, увидел, как он падает.

Дрейк наклонился, поднял его на ноги. Мы повели его между собой, он руками обнимал нас за шею. И вот, как пловцы, наклонив вперед головы, мы начали пробиваться сквозь невидимый, необъяснимый поток.

Тропа постепенно начала подниматься, и сила потока ослабла, ко мне возвращалась уверенность, уходило ужасное стремление сдаться на волю потока, позволить ему унести меня. Вот мы уже у подножия циклопического пролета, вот на полпути вверх по лестнице, вот уже у стен крепости, и поток все мелел, мелел, и мель превратилась в сухую устойчивую почву, а невидимый водоворот остался позади.

Мы распрямились, переводя дыхание, опять как пловцы, с трудом добравшиеся до берега.

В разрушенном портале — еле заметное движение.

Там показалась девушка. Ружье выпало из ее рук. Она побежала прямо ко мне.

И в этот момент я ее узнал.

Руфь Вентнор!

Девушка добежала до меня, обняла тонкими руками и с облегчением и радостью заплакала.

— Руфь! — воскликнул я. — А вы что здесь делаете?

— Уолтер! — всхлипывала она. — Уолтер Гудвин! О, слава Богу! Слава Богу!

Она оторвалась от меня, перевела дыхание, потрясенно рассмеялась.

Я быстро оглядел ее. Если не считать выражения страха, та же Руфь, которую я знал три года назад: большие карие глаза, то очень

серьезные, то озорные; миниатюрная нежная фигура; прекрасная кожа; дерзкий носик; сияющие вьющиеся локоны.

Дрейк виновато кашлянул. Я представил его.

— Я... я смотрела, как вы сражаетесь с этой ужасной ямой. — Она вздрогнула. — Не узнала вас, не знала, кто вы: друзья или враги, но сердце мое чуть не остановилось от жалости к вам, Уолтер, — выдохнула она. — Что это может быть... там?

Я покачал головой.

— Мартин вас не видел, — продолжала она. — Он следит за дорогой, ведущей наверх. А я побежала вниз — помочь.

— Март следит? — переспросил я. — За чем следит?

— Я... — она как-то странно колебалась. — Лучше я вам расскажу сейчас. Это так странно, так невероятно...

Через разбитый портал Руфь провела нас в крепость. Она оказалась еще грандиознее, чем я себе представлял. Пол обширного помещения, в которое мы вошли, был засыпан обломками, упавшими с потрескавшегося сводчатого потолка. Сквозь щели в потолке пробивался дневной свет.

Через обломки мы прошли к широкой полуразрушенной лестнице, ведущей наверх; Руфь шла впереди. Мы оказались у одного из черных, подобных глазам отверстий. В отверстие отчетливо видна была древняя дорога. На нее внимательно смотрел человек с ружьем в руках. Я узнал в нем Вентнора. Он не слышал нашего приближения.

— Мартин, — негромко позвала Руфь.

Он повернулся. Луч света из трещины упал на него, выделил в полутьме. Я увидел спокойные серые глаза, умное лицо.

— Гудвин! — закричал он, соскакивая с камней, на которых сидел, и тряся меня за плечи. — Если бы я молился — именно об этом я молился бы. Как вы здесь оказались?

— Просто блуждаю, Март, — ответил я. — Но, Боже, как я рад вас видеть!

— Каким путем вы пришли? — спросил он. Я показал на юг.

— Через долину? — недоверчиво спросил он.

— Дьявольское место, — вмешался Дрейк. — Стоило нам наших пони и всего моего вооружения.

— Ричард Дрейк, — сказал я. — Сын старого Элвина. Вы его знали, Март.

— Хорошо знал! — воскликнул Вентнор, пожимая Дрейку руку. — Он хотел, чтобы я отправился на Камчатку за каким-то проклятым веществом для одного из его дьявольских экспериментов. Как он?

— Умер, — кратко ответил Дрейк.

— О! — сказал Вентнор. — Простите. Это был великий человек.

Я коротко рассказал ему о своих странствиях и о встрече с Дрейком.

— Вот это место... — задумчиво сказал он. — Будь я проклят, если знаю, что это такое. Может быть, газ... какой-то. Если бы не он, мы бы уже два дня назад убрались из этой дыры. Я уверен, что это газ. И сейчас его, должно быть, меньше, чем утром. Мы попытались тогда пройти и не смогли.

Я его почти не слушал. Вентнор нашел объяснение, которое не приходило мне в голову. Должно быть, в долине действительно скопился газ; так в шахтах накапливается метан, заполняет ямы, струится по штрекам. Может быть — какой-то бесцветный, лишенный запаха газ с неизвестными свойствами; и все же...

— Вы не пробовали воспользоваться респираторами? — спросил Дрейк.

— Конечно, — ответил Вентнор. — Прежде всего. Но они бесполезны. Газ, если, конечно, это газ, проникает не только через нос и рот, но и сквозь кожу. Мы просто не могли идти, вот и все. Но вы-то прошли. Может, нам попытаться сейчас снова? — энергично спросил он.

Я почувствовал, что бледнею.

— Нет... не сейчас, — ответил я с трудом.

Он понимающе кивнул.

— Понятно, — сказал он. — Ну, что ж, подождем немного.

— Но почему вы здесь остаетесь? Почему не ушли по дороге в горы? И за чем следите? — спросил Дрейк.

— Давай, Руфь, — улыбнулся Вентнор. — Расскажи. В конце концов, ты имеешь на это право.

— Март! — воскликнула она, покраснев.

— Ну... восхищались-то они не мной! — Он рассмеялся.

— Мартин! — снова воскликнула она и топнула.

— Давай, — сказал он. — Я занят. Мне нужно наблюдать.

— Ну... — неуверенно начала Руфь. — Мы пробирались в Кашмир. Мартин хотел там что-то посмотреть. Мы пошли по горным проходам. Это было примерно месяц назад. На четвертый день мы увидели дорогу, ведущую на юг. И решили двинуться по ней. Дорога была очень старая и заброшенная, но она вела в нужном направлении. Вначале мы оказались в невысоких холмах, потом у основания большого хребта и, наконец, в самых горах — и тут дорога кончилась.

— Завал! — вмешался Вентнор. — Завал — и все! Перекрыта огромной насыпью. Мы не смогли пройти.

— Поэтому мы стали искать обход, — продолжала Руфь. — Но никуда не могли выйти.

— Ничего не нашли, — сказал Вентнор. — Боже! Как я рад видеть вас, Уолтер Гудвин! Поверьте, правда. Однако... продолжай, Руфь.

— В конце второй недели, — сказала она, — мы поняли, что заблудились. Мы оказались в глубине хребта. Вокруг огромные покрытые снегом вершины. Ущелья, долины, каньоны, по которым мы пробовали

пройти, вели во всех направлениях: на восток и на запад, на север и на юг. Настоящий лабиринт, и мы как будто все углублялись в него. Ни малейшего признака человека. Как будто мы первые люди, оказавшиеся здесь. Дичи изобилие. Проблема пищи нас не тревожила. Мы знали, что рано или поздно найдем выход. И не беспокоились.

Пять ночей назад мы заночевали у входа в прекрасную небольшую долину. Над ней небольшой холм, похожий на наблюдательную вышку. Вокруг деревья, как часовые.

Мы разожгли на холме костер; потом поели, и Мартин уснул. А я сидела, любуясь небом и прекрасной долиной. Ничего не слышала, но что-то заставило меня вскочить и оглянуться.

На самом краю освещенного пространства стоял человек и смотрел на меня.

— Тибетец? — спросил я. Она покачала головой, в глазах ее было беспокойство.

— Совсем нет, — повернулся к нам Вентнор. — Руфь закричала и разбудила меня. Я успел бросить на него взгляд, прежде чем он исчез. На плечах его был короткий пурпурный плащ. Грудь покрыта тонкой кольчугой. Ноги в мягкой обуви с ремнями до колен. У него был небольшой круглый обитый кожей щит и короткий обоюдоострый меч. На голове шлем. Короче, такие жили две тысячи лет назад.

И он рассмеялся, видя наше изумление.

— Продолжай, Руфь, — сказал он, возвращаясь к своим наблюдениям.

— Но Мартин не видел его лица, — продолжала она... — А я хотела бы его забыть. Белое, как и у меня, Уолтер, но жестокое, такое жестокое; глаза сверкали, и он смотрел на меня, как... работорговец. Мне стало стыдно, я хотела укрыться.

Я закричала, и Мартин проснулся. Когда он пошевелился, человек отступил с освещенного места и исчез. Я думаю, он не видел Мартина, считал, что я одна.

Мы подбросили дров в костер, передвинулись в глубь деревьев. Но я не могла уснуть... сидела час за часом, держа в руке пистолет, — она похлопала по автоматическому пистолету у себя на поясе, — ружье держала рядом.

Часы тянулись... ужасно медленно. Наконец, я задремала. А когда проснулась, наступил рассвет и... — она прикрыла глаза рукой, — два человека смотрели на меня. Один из них тот, которого я видела раньше.

— Они говорили, — снова прервал ее Вентнор, — на древнеперсидском.

— Древнеперсидский? — недоверчиво переспросил я.

— Да, — он кивнул. — Я хорошо знаю современный персидский и неплохо владею арабским. Современный персидский, как вы знаете,

происходит непосредственно от языка Ксеркса, Кира, Дария, которого победил Александр Македонский. Он изменился, главным образом, благодаря заимствованию большого количества арабских слов. Ну, так вот... в языке, на котором они говорили, не было ни следа арабского влияния.

Звучит, конечно, странно, но я легко все понимал. Они говорили о Руфи. Если говорить точнее, они обсуждали ее с большой откровенностью...

— Мартин! — гневно воскликнула она.

— Ну, ладно, — полувиновато продолжал он. — Кстати, я видел, как подбиралась эта парочка. Ружье у меня было под рукой. Поэтому я лежал спокойно и слушал.

Вы понимаете, Уолтер, что когда я увидел этих двоих, будто материализовавшихся из призрачных орд Дария, мое научное любопытство было возбуждено... чрезвычайно. Поэтому я не очень обращал внимание на то, что они говорили; не только потому, что считал, что Руфь спит; я понимал, что понятия о вежливости и о допустимости выражений со временем меняются... а эти джентльмены, совершенно очевидно, принадлежали к ушедшим тысячелетиям. Ну, во всяком случае, меня сжигало любопытство.

Они говорили о том удовольствии, какое получит при виде Руфи некая загадочная личность. К этой личности они относились со страхом и почтением. Я уже подумал, сколько еще любопытство антрополога будет удерживать меня, но тут проснулась Руфь.

Она вскочила, как маленькая фурия. Выстрелила прямо в них. Их удивление было... смехотворным. Я понимаю, это звучит невероятно, но, похоже, они понятия не имеют об огнестрельном оружии. Во всяком случае, так они себя вели.

Просто побежали в заросли. Я выстрелил в них, но промахнулся. Но Руфь не промахнулась; одного из них она ранила, он оставил кровавый след.

Но мы по нему не пошли. Пошли в противоположном направлении — и как можно быстрее. Ни днем, ни ночью ничего не произошло. На следующее утро, поднимаясь по склону, мы заметили впереди, в нескольких милях, в том направлении, куда мы двигались, какой-то блеск. Немного погодя показалось примерно двести человек.

Действительно, люди Дария. Жители Персии, которой уже несколько тысячелетий не существует. Невозможно не узнать их большие, крытые кожей щиты, огромные луки, копья, их доспехи.

Они прошли мимо; мы начали отступать, путая следы. Ночью не разводили костер; следовало бы отпустить нашего пони, но мы этого не сделали. На нем были мои инструменты и оружие, и я чувствовал, что все это нам пригодится.

На следующее утро мы увидели другой отряд — а может, тот же

самый. Снова повернули. Пробирались поросшей деревьями равниной и наткнулись на древнюю дорогу. Она вела на юг, снова в горы. Мы двинулись по ней. И она привела нас сюда.

Как вы видите, это не самое удобное место. Направились мы через долину к тому ущелью, о вашем входе мы ничего не знали. В долине было не очень приятно. Но мы смогли тогда пройти.

Прошли. Но когда собрались углубиться в ущелье, оттуда послышался страшный рев и треск...

Я вздрогнул и бросил взгляд на Дрейка; тот внимательно слушал каждое слово Вентнора.

— Звуки такие необычные, такие... обескураживающие. Мы не решились туда идти. А неприятное ощущение в долине быстро усиливалось.

Мы как можно быстрее вернулись в крепость. А когда в следующий раз попытались спуститься в долину, поискать другой выход — не смогли. Вы знаете, почему, — резко закончил он.

— Но люди в древнем вооружении. Люди из времен Дария, — Дрейк нарушил молчание после этого поразительного рассказа. — Это невероятно!

— Да, — согласился Вентнор. — Но они были. Конечно, я не утверждаю, что это остатки армии Дария. Может, еще от Ксеркса... или Артаксеркса. Но они, несомненно, были, Дрейк, это точное повторение жителей древней Персии.

Похоже на ожившее настенное изображение с могилы Хосровов. Я упомянул Дария, потому что это кажется мне наиболее вероятным. Когда Александр Великий разгромил его империю, он проделал это очень основательно. К побежденным не проявляли снисхождения. И вполне вероятно, что население одного или двух городов на пути Александра решило не дожидаться его прихода, а поискать убежища.

Естественно, они ушли в почти недоступные горные хребты. И ничего невероятного нет в предположении, что здесь они нашли убежище. На всем протяжении человеческой истории эта местность была почти неизвестна. Нашли какую-нибудь защищенную горами, легко охраняемую долину и решили временно поселиться в ней, построили город, создали правительство; короче говоря, залегли, пережидая, пока кончится буря.

Почему они остались? Ну, может, им на новом месте больше понравилось. А может, какая-то случайность преградила им выход — обвал или оползень закрыл проход. Десятки возможных предположений.

— Но те, что охотились за вами, не были взаперти, — возразил Дрейк.

— Да, — печально согласился Вентнор. — Да, не были. Может, мы прошли на их территорию неизвестным им путем. А может, они сами нашли другой выход. Не знаю. Но знаю, что я их видел.

— Эти звуки, Мартин, — сказал я, — он описал то, что мы слышали в долине, — вы с тех пор их не слышали?

— Слышали, — ответил он после недолгого колебания.

— И вы считаете, что эти... воины все еще охотятся за вами?

— Не сомневаюсь, — жизнерадостно ответил он. — Они не похожи на тех, кто легко отказывается от добычи... мы им должны были показаться новой, интересной и потому очень желанной добычей.

— Мартин, — решительно сказал я, — где ваш пони? Мы попытаемся снова пройти долиной. Немедленно. С нами Руфь. Против такого количества противников нам не выстоять.

— Вы считаете, что сможете пройти?

4. ЖИВОЙ МЕТАЛЛ

Облегчение и оживление в голосе выдали напряжение и тревогу, которые Вентнор до сих пор удачно скрывал; меня охватил стыд за свой страх, за нежелание снова углубляться в долину.

— Конечно, — я снова овладел собой. — Дрейк, вы согласны?

— Да, — ответил он. — Да. Я присмотрю за Руфью... гм... я хотел сказать, за мисс Вентнор.

Легкая улыбка появилась на лице Вентнора и тут же исчезла; лицо его снова стало серьезным.

— Подождите, — сказал он. — Я принес с собой несколько... образцов из ущелья, откуда слышались звуки. Нужно взять их с собой.

— Что за образцы? — оживленно спросил я.

— Я положил их в безопасное место, — продолжал он. — Мне кажется, они гораздо интереснее, чем эти вооруженные люди, и гораздо важнее. Мы их должны взять с собой.

Идите с Руфью, вы и Дрейк, и взгляните на них. И привезите их сюда, на пони. Тогда мы двинемся. Несколько минут не имеют значения, вероятно, но все же торопитесь.

И он снова начал наблюдать. Приказав Чу Мингу оставаться с ним, я вслед за Руфью и Дрейком спустился по разрушенной лестнице. Внизу она подошла ко мне, положила на плечи свои маленькие руки.

— Уолтер, — выдохнула она, — я боюсь. Я так боюсь, что даже не решаюсь сказать об этом Марту. Они ему тоже не понравились, эти маленькие предметы, которые вы увидите. Они ему не понравились, и он не хочет, чтобы я поняла, насколько.

— Но что это такое? И что в них страшного? — спросил Дрейк.

— Сами увидите! — И она медленно, словно нехотя, повела нас в глубину крепости. — Они лежат грудой у входа в ущелье, в котором мы слышали звуки. Мартин унес их в мешке, прежде чем мы убежали из ущелья.

Они странные, как будто себе на уме; похоже, что это самые кон-

чики когтей невероятно огромной кошки, которая притаилась за углом, ужасной кошки, размером с гору, — задыхаясь, выговорила Руфь.

Пробираясь между обломками, мы вышли в открытый центральный двор. Здесь из разрушенного каменного бассейна бил чистый ключ; у древней стены сосредоточенно пасся пони. Из его корзины Руфь достала большой холщевый мешок.

— Чтобы нести их, — сказала она, вздрогнув.

Через остатки большой двери мы прошли в другое помещение, большее, чем предыдущее; и оно было лучшей сохранности, потолок не разбит; в помещении после яркого солнечного света двора было полутемно. В середине Руфь остановила нас.

Передо мной была трещина шириной в два фута, расколовшая пол и уходившая в неосвещенную черную глубину. За ней ровный гладкий пол, почти совсем без обломков.

Дрейк негромко присвистнул. Я посмотрел, куда он показывал. На противоположной стене неглубокий барельеф — два переплетенных дракона. Их гигантские крылья, их чудовищные кольца покрывали почти нетронутую поверхность стены, и это были те же изображения, что встретились мне сегодня утром на прямоугольных блоках у дороги.

Во взгляде Руфи я прочел почти не скрываемый страх, какое-то очарование ужасом.

Но смотрела она не на драконов.

Она смотрела на то, что на первый взгляд могло показаться приподнятым над полом кругом рисунков. Не более фута толщиной, он сверкал тусклым блеском, как будто, подумал я, его недавно отполировали. Сравнительно с грандиозными драконами на стене этот рисунок на полу казался банальным, смехотворно незначительным. Почему же на лице Руфи такой ужас?

Я перепрыгнул через трещину; Дрейк последовал за мной. Теперь я увидел, что круг не непрерывный. Он сложен из резко ограненных кубов примерно в дюйм высотой каждый и разделенных с математической точностью дюймом пространства. Я сосчитал кубы — девятнадцать.

Почти касаясь их основаниями, располагалось такое же количество пирамид, или тетраэдров, с такими же четкими гранями и такой же длины. Они лежали на боку, нацеливаясь вершинами в шесть шаров, которые в самом центре образовывали нечто вроде цветка примулы с пятью лепестками. Пять шаров — лепестки цветка — по моей приблизительной оценке достигали в диаметре полутора дюймов, шар в центре — на целый дюйм больше.

Таким упорядоченным было это расположение, так напоминало геометрический рисунок, сделанный каким-нибудь умным ребенком, что мне не хотелось нарушать его. Я нагнулся и вздрогнул, почувствовав первый приступ ужаса.

Потому что внутри круга, почти рядом с прижавшимися друг к другу шарами, виднелось точное — только маленькое — повторение гигантского следа в долине с голубыми маками!

Оно четко выделялось на полу — с тем же оттенком сокрушительной силы, с такими же четко прорубленными краями, с тем же намеком на металл — и нацелено оно было на шары, возле них виднелись отпечатки треугольных когтей.

Я протянул руку и поднял одну из пирамидок. Казалось, она цепляется за каменный пол; потребовалось усилие, чтобы оторвать ее. На ощупь впечатление тепла — как бы его лучше описать? — тепла живого существа.

Я взвесил пирамидку в руке. Странно тяжелая, вдвое больше удельного веса, например, платины. Достав увеличительное стекло, я осмотрел ее. Несомненно, пирамидка металлическая, но поверхность гладкая, почти шелковистая, не похожая на известные мне металлы. Я такого никогда не видел; и тем не менее это, несомненно, металл. Бороздчатый — тоненькие бороздки радиально расходятся от крошечных тускло светящихся точек в глубине поверхности.

Неожиданно у меня появилось странное ощущение, что каждая из этих точек — это глаз, уставившийся на меня, рассматривающий меня. Послышался негромкий возглас Дрейка:

— Посмотрите на кольцо!

Кольцо сдвинулось!

Все быстрее двигались кубы, все быстрее вращался круг; пирамиды приподнялись, встали на свои квадратные основания; шесть шаров коснулись их, присоединились к вращению, и с магической неожиданностью все фигуры круга соединились, слились — кубы, пирамиды и шары.

С той же поразительной внезапностью круг приподнялся, на мгновение все снова зашевелилось, и вот на месте круга странная маленькая фигура, чуть смешная, страшноватая, в фут высотой, квадратная, угловатая, заостренная — и живая; будто ребенок построил из кубиков фантастическое чудовище, и оно вдруг ожило.

Тролль из детского сада! Игрушечный кобольд!

Оно постояло всего секунду и начало быстро меняться, переходя, словно было из ртути, от одной фигуры к другой — это менялись местами кубы, пирамиды и шары. Как метаморфозы, которые можно увидеть в калейдоскопе. И в каждой исчезающей форме нечеловеческая гармония, тонкое трансцендентальное искусство, и каждая форма в нем — символ, слово...

Задача Эвклида, приобретшая свободную волю!

Геометрия, наделенная сознанием!

Движение прекратилось. Затем кубы начали громоздиться один на другой, пока не образовали пьедестал девяти дюймов вышиной; на

этот столб поднялся больший шар, а остальные пять шаров образовали кольцо под ним. Остальные кубы защелкали, сливаясь парами по дуге вокруг каждого из пяти шаров; на конце этих построений заняли свое место пирамиды, касаясь друг друга вершинами.

Фантазия Лилипутии представляла собой теперь пьедестал из кубов, увенчанный кольцом из шаров, от которого отходили лучи пятиконечной звезды.

Шары начали вращаться. Все быстрее и быстрее вращались они вокруг основания — центрального шара; лучи звезды стали диском, в котором мелькало множество крошечных искорок, эти искорки сливались, исчезали и появлялись в еще большем количестве.

Тролль скользнул мимо меня. Он плыл. Я почувствовал, как меня охватывает паника. Отпрыгнул, но он последовал за мной, как будто готов был на меня наброситься.

— Бросьте ее! — крикнула Руфь.

Но прежде чем я смог уронить пирамидку, которую по-прежнему держал в руке, маленькая фигура коснулась меня, и меня охватил странный паралич. Пальцы сжались, нервы напряглись. Я стоял, не способный пошевелиться.

Маленькая фигура остановилась. Ее вращающийся диск сместился с горизонтального положения. Как будто она смотрела на меня, наклонив голову... и снова мне показалось, что на меня смотрят многочисленные глаза. Она не казалась угрожающей — скорее чувствовалось ожидание, вопрос; как будто она попросила меня о чем-то и теперь удивлена, что я не выполняю просьбу. Я по-прежнему не способен был пошевелиться, хотя напряжение в нервах свидетельствовало, что они оживают.

Диск вернулся на место, снова наклонился ко мне. Я услышал крик, увидел, как в явно угрожавшую теперь фигуру ударила пуля, услышал, как она отскочила, не произведя ни малейшего эффекта. Дик подскочил ко мне, поднял ногу и ударил фигуру. Блеснул свет, Дик упал и лежал неподвижно на полу, будто ударенный гигантской рукой.

Руфь закричала; вокруг нее послышалось слабое шуршание. Я видел, как она перепрыгнула через трещину и опустилась на колени возле Дика.

На том месте, где она раньше стояла, виднелось какое-то движение. Туда двигалось десятка два поблескивающих голубоватых геометрических тел — пирамиды, кубы, шары, подобные тем, что образовали фигуру. В воздухе резко запахло озоном, чувствовалось электрическое напряжение.

Эти тела, сцепившись, перекинулись с той стороны через пропасть, образовав мост, не доходящий до противоположного края. Фигура у моих ног рассыпалась, все ее составляющие заскользили к пропасти.

У ближней стороны пропасти они тоже сцепились, как и те. И передо мной был мост, только в самом центре его не хватало одного тела.

Я почувствовал, как маленький предмет, который я держу в руке, пытается вырваться. Уронил его. Крошечная фигурка метнулась к мосту, поднялась на него — и заняла пустующее место.

Дуга была завершена, она протянулась над пропастью.

И тут же по ней, будто дождавшись ее завершения, прокатились шесть шаров. Когда они оказались на противоположной стороне, ближний к нам конец моста приподнялся в воздухе, свернулся, как хвост скорпиона, покатился и опустился на пол на той стороне.

Снова послышался свистящий шелест — и кубы, пирамиды, шары исчезли.

Мои нервы медленно оживали; я изумленно поискал взглядом Дрейка. Он сидел, Руфь поддерживала его руками.

— Гудвин! — прошептал он. — Что... что это было?

— Металл... — это было единственное слово, которое я смог произнести. — Металл...

— Металл! — повторил он. — Эти существа металлические? Металл — живой и мыслящий?

Неожиданно он замолчал, и на лице его ясно читалось выражение ужаса.

Посмотрев на бледную Руфь, я понял, что сам тоже бледен и поражен ужасом.

— Они такие маленькие, — прошептал Дрейк. — Такие маленькие... кусочки металла... маленькие кубики, шарики, пирамидки...

— Дети! Всего лишь дети! — Это Руфь. — Дети!

— Куски металла... — Дрейк поискал меня взглядом, нашел. — И они искали друг друга, действовали вместе — сознательно, разумно — у них была целеустремленность, целенаправленность... такие маленькие... а сила, как у динамита... живые, думающие...

— Не нужно! — Руфь ладонями закрыла ему глаза. — Не нужно... не бойтесь!

— Боюсь? — повторил он. — Я не боюсь... нет, боюсь...

Он с трудом встал и шагнул ко мне.

Бояться? Дрейк боится. Что ж, я тоже, я ужасно испуган.

То, что мы видели в помещении с драконами, вне нашего опыта, вне знаний всего человечества, за пределами науки. Не фигуры — это ерунда. И даже не то, что, будучи металлическими, они движутся.

Будучи металлическими, они в то же время движутся сознательно, разумно, целеустремленно.

Это металлические существа... обладающие разумом!

Вот что невероятно, вот что ужасно. Это — и их сила.

Бог Тор, разместившийся внутри Мальчика-с-пальчик, — и мыслящий.

Нечто инертное, неподвижное вдруг приобрело волю, способность двигаться, сознание — разум.

Мыслящий металл!

5. РАЗРУШИТЕЛЬ

Мы молча переглянулись, молча вышли во двор. Я по-прежнему испытывал ужас. На тесно толпящиеся вершины наползали сумерки. Еще час, и на них опустятся аметистово-пурпурные мантии; радужной красотой сверкали вечные снега и ледники; приближалась ночь.

Глядя на них, я подумал, в какое тайное место среди этих задумчивых громад бежали таинственные металлические существа. И сколько их там таких, какие неисчислимые мириады? А эти скрытые орды — какой они формы? И какой силой обладают? Маленькие, как эти, или...

И тут же в сознании моем возникли две картины: маленький отпечаток на пыльном полу крепости и его колоссальный близнец в долине голубых маков.

Я повернулся, прошел через полуразрушенный портал и посмотрел на зачарованную долину.

Не веря себе, протер глаза; потом подбежал к самому краю чаши.

Жаворонок поднялся с крыши одной из развалин и устремился в темнеющее небо.

Стайка мелких птиц со щебетом пролетела над долиной; на самой середине древней дороги сидел заяц.

Долина спокойно распростерлась в янтарном свете, улыбающаяся, мирная, без тени ужаса!

Я осторожно начал спускаться по дороге, по которой мы с таким отчаянным трудом поднимались всего час назад; шел все дальше и дальше; уверенность и удивление возрастали.

Исчезло ощущение одиночества, исчез водоворот отчаяния, который грозил стащить нас к смерти.

Всего лишь спокойная, улыбающаяся, мирная и очень красивая долина в горах. Я оглянулся. Даже руины утратили свои зловещие очертания; просто изъеденные временем, обрушившиеся груды — ничего больше.

Я видел, как с края уступа меня манят Руфь и Дрейк, побежал к ним.

— Все в порядке! — кричал я на бегу. — Место в полном порядке!

Поднялся по склону и присоединился к ним.

— Пусто! — воскликнул я. — Побыстрее позовите Мартина и Чу Минга! Пока дорога свободна...

Над нами прогремел ружейный выстрел; потом еще один и еще. Из портала показался Чу Минг.

— Идут! — выдохнул он. — Идут!

Высоко на извивающейся горной дороге блеснули копья. Оттуда вниз устремился человеческий поток. Я видел шлемы и кольчуги. В авангарде скакали на горных пони всадники по двое в ряд. Блестели их высоко поднятые короткие мечи.

За всадниками торопились пехотинцы, над ними раскачивался целый лес поднятых копий. До нас ясно доносились воинственные крики.

Снова рявкнуло ружье Вентнора. Один из передних всадников упал; еще один споткнулся о него и тоже упал. На мгновение наступление приостановилось.

— Дик, — закричал я, — бегите с Руфью к входу в туннель. Мы придем за вами. Мы их сможем здесь задержать ненадолго. Я иду к Мартину. Чу Минг, быстрее к пони!

Я столкнул их с откоса. Мы вдвоем с китайцем побежали через портал. Я указал на животное и сам побежал в крепость.

— Быстрее, Март! — кричал я с разрушенной лестницы. — Мы можем пройти через долину. Руфь и Дрейк уже на пути туда. Быстрее!

— Хорошо! Еще минуту! — отозвался он.

Я слышал, как он почти с пулеметной скоростью опустошает магазин. Наступила короткая пауза, и он начал спускаться большими прыжками, его серые глаза блестели.

— Пони? — Он пробежал мимо меня к порталу. — Там все мое вооружение.

— Об этом позаботится Чу Минг.

Мы устремились к выходу. Впереди на добрых пятьсот ярдов к зеленому устью туннеля бежали Руфь и Дрейк. Между ними и нами подталкивал пони Чу Минг.

На бегу я оглянулся. Всадники оправились и находились теперь всего в полумиле от того места, где дорога сворачивала к крепости. Я увидел, что у всадников, помимо мечей, были еще большие луки. Блеснула в воздухе стайка стрел; они упали на землю, не долетев.

— Не оглядывайтесь! — выдохнул Вентнор. — Быстрее, Уолтер. Их ждет сюрприз. Надеюсь, я правильно рассчитал время.

Мы свернули с древнего пути, побежали по траве.

— Похоже, успеем, — он тяжело дышал, — вы бегите за остальными. Я их задержу, пока вы не скроетесь в туннеле. Не позволю им добраться до Руфи.

— Хорошо. — Мне самому становилось трудно дышать. — Мы их задержим. Дрейк позаботится о Руфи.

— Храбрый парень, — сказал он. — Я бы не стал вас просить об этом. Вероятно, это означает смерть.

— К чему напрашиваться на неприятности? — раздраженно ответил я.

Он протянул руку, коснулся меня.

— Вы правы, Уолтер, — он улыбнулся. — Все равно... что... везти уголь... в Ньюкасл [1].

За нами послышался громовой взрыв. Облако дыма и пыли повисло над северным краем разрушенной крепости.

Оно быстро поднялось, и я увидел, что одна сторона сооружения обрушилась, усыпав дорогу обломками. Среди них лежали люди и лошади; другие бегали с криками, пошатываясь. На дальнем конце этой каменной дамбы остальные нападающие задержались, как вода перед внезапно упавшим деревом.

— Рассчитал до секунды! — воскликнул Вентнор. — Это их немного задержит. Динамит и взрыватели. Прямо на них обрушилась вся северная сторона, клянусь Господом!

И мы побежали дальше. Чу Минг теперь намного опередил нас; Руфь и Дик находились не более чем в полумиле от зеленого входа в туннель. Я увидел, как Дрейк остановился, поднял ружье, выстрелил вперед и, держа Руфь за руку, побежал назад, по направлению к нам.

И в этот момент из заросшего туннеля, через который мы прошли, через который надеялись спастись, устремились к нам вооруженные люди. Нас обошли с обеих сторон.

— К расселине! — закричал Вентнор. Дрейк услышал, потому что изменил направление и побежал к входу в расселину, в которой, как сказала Руфь, лежат маленькие металлические существа.

За ним устремился Чу Минг, таща пони. А из туннеля в долину выбегали воины. Мы опустились на колени, посылая в них пулю за пулей. Они остановились в нерешительности. Мы вскочили и побежали.

Передышка была недолгой, потом мы снова остановили их, а потом еще раз.

Руфь и Дрейк теперь были всего в пятидесяти ярдах от расселины. Я видел, как он остановился, оттолкнул ее от себя. Она покачала головой.

Рядом с ними теперь и Чу Минг. Руфь подбежала к пони, сняла с его спины ружье. И вот они с Дрейком принялись стрелять в своих преследователей. Те остановились, дрогнули, рассыпались в поисках укрытия.

— Да поможет нам Бог! — выдохнул Вентнор.

За нами послышался волчий вой. Первый отряд перестроился, преодолел баррикаду, образованную динамитом, настигал нас.

Я и не знал, что могу так бежать. Над нами свистели пули прикрывающих ружей. Мы были теперь совсем близко к входу в расселину. Если только нам удастся достичь ее... Все ближе и ближе преследователи, ближе ложатся их стрелы.

---

[1] Через Ньюкасл происходил вывоз угля из Англии. *(Прим. перев.)*

— Бесполезно! — сказал Вентнор. — Не успеем. Встретим их здесь. Ложитесь и стреляйте!

Мы упали лицом к ним. Послышались победные крики. И со странным обострением всех чувств, которое всегда происходит в минуту смертельной опасности — это мозг призывает к действию все резервы человеческого организма, — я увидел их во всех подробностях: кольчуги из блестящих звеньев, синие и алые, у всадников; темные латы пехотинцев; их луки, копья, короткие бронзовые мечи, их пики и щиты; и под круглыми шлемами их бородатые жестокие лица, белые, как у нас, там, где их не покрывала борода; их яростные и насмешливые глаза.

Отпрыски древней, давно умершей персидской мощи. Люди из безжалостных, завоевавших весь мир орд Ксеркса; свирепые волки Дария, которых разбил Александр, — в мире двадцатого столетия, далеко выйдя за пределы своего времени!

Рассматривая их, я не переставал быстро стрелять. Но они продолжали приближаться, не обращая внимания на упавших. Стрелять из луков перестали. Я удивился, потому что теперь мы были в пределах досягаемости. У них приказ взять нас живыми, любой ценой?

— У меня осталось всего десять патронов, Мартин, — сказал я.

— Ну, во всяком случае мы спасли Руфь, — ответил он. — Дрейк сможет удержать вход в расселину. У него на пони много боеприпасов. Но нас они возьмут.

Снова дикий крик, нападающие устремились на нас.

Мы вскочили, посылая в них последние пули; стояли, готовые использовать ружья как дубинки. Я слышал, как закричала Руфь...

Но что это с вооруженными людьми? Почему они остановились? На что они смотрят поверх наших голов? И почему так неожиданно прекратили стрелять Руфь и Дрейк?

Мы одновременно повернулись.

На черном фоне расселины появилась фигура, призрак, женщина, прекрасная, ужасная, невероятная!

Высокая, с ног до головы закутанная в облегающий светло-янтарный покров, она казалась даже выше Дрейка. Но не ее рост вызвал во мне дрожь благоговения и страха, заставившего меня разжать руки, опустить дымящееся ружье на землю; и не развевающиеся вокруг ее головы, как дымчатое знамя, сверкающие медные пряди волос, и не то, что сквозь покров тело ее слабо светилось.

Глаза, большие и широко раскрытые глаза, в чьих глубинах виднелся звездный огонь. Они сверкали на ее белом лице, не просто блестели, отражая свет, нет, они сами были источником холодного света далеких звезд. И такие же невозмутимые, как эти звезды.

И в лице, хотя почти ничего, кроме глаз, я на нем рассмотреть не мог, чувствовалось что-то неземное.

— Боже! — прошептал Вентнор. — Кто она?

Женщина вышла из расселины. Не более чем в пятидесяти футах от нее застывшие позы Руфи, Дрейка и Чу Минга свидетельствовали о том же изумлении, которое парализовало и меня.

Женщина взглянула на них, поманила. Я увидел, как они двинулись к ней, Чу Минг при этом держался сзади. Большие глаза взглянули на Вентнора и меня. Женщина подняла руку, подзывая нас к себе.

Я повернулся. Передо мной войско, пришедшее по древней дороге в горах: всадники, пехотинцы, копейщики — не менее тысячи человек. Справа отряд, пробравшийся через ущелье, десятков шесть или чуть больше.

Казалось, они околдованы. Стояли молча, как манекены, только свирепые глаза свидетельствовали, что они живы.

— Быстрее! — выдохнул Вентнор.

Мы побежали к женщине, которая остановила смерть, когда ее челюсти уже смыкались.

Мы не успели пробежать и половины пути, как сзади послышались крики. Наше бегство будто разорвало чары, удерживавшие воинов. Зазвенели мечи о щиты. Я быстро оглянулся. Они двигались, приближались — медленно, с опаской, но я знал, что эта неуверенность скоро пройдет; они набросятся на нас и поглотят.

— В расселину! — крикнул я Дрейку. Ни он, ни Руфь не обратили на это внимания, они не отрывали взглядов от закутанной в покровы женщины.

Вентнор схватил меня за плечо и остановил. Женщина взметнула голову. Облачко металлических волос развевалось, будто на ветру.

Она издала низкий вибрирующий крик; гармоничный, странно тревожащий, золотой и сладкий — и в нем слышались странные звуки долины голубых маков, помещения с драконами.

Не успел смолкнуть этот крик, как из расселины с невероятной быстротой хлынули десятки металлических существ. Расселина изрыгала их наружу.

Шары, кубы и пирамиды, не маленькие, как в руинах, а фигуры четырех футов высотой, тускло блестящие, а под этим блеском мириады крошечных огненных точек, как немигающие глаза.

Они завертелись, смешались и образовали баррикаду между нами и воинами.

Те обрушили на них дождь стрел. Я слышал выкрики их офицеров; они устремились вперед. Да, они были храбры, эти люди!

Снова послышался крик женщины, золотой, повелительный.

Шары, кубы, пирамиды сблизились, соединились, закипели. Мне снова показалось, что кипит ртуть. И из их середины выдвинулась прямоугольная колонна.

Она оформилась, стала восьми футов толщиной и двадцати высотой. Справа и слева у нее выросли руки, страшные руки, они все росли, это шары и пирамиды взбегали по колонне и удлиняли эти руки, занимая свои места. И руки удлинялись с волшебной быстротой.

Перед нами возвышалась чудовищная фигура, геометрическое чудо. Сверкающий прямоугольный столб, несмотря на свою неподвижность, казалось, угрожающе пригнулся, в нем чувствовалась сила, готовая вырваться на свободу.

На самой вершине колонны сидели два больших шара, как головы какого-то двуликого Януса чужого мира. А налево и направо вытягивались узловатые руки, достигшие уже пятидесяти футов, они извивались, сгибались, распрямлялись — гротескная имитация действий боксера перед схваткой. И на конце каждой из шести рук шары были густо усажены пирамидами — опять как гигантская ужасная пародия на рукавицы с остриями древних гладиаторов, что сражались перед императором Нероном.

На мгновение фигура застыла, готовясь, настраиваясь, как спортсмен, — химера, аморфная, но странно симметричная, под темнеющим небом, на фоне зелени долины, и перед ней застывшее войско...

И тут — она ударила!

Вперед устремились две руки — скользящим движением, с ужасающей силой. Они прошли сквозь передние ряды вооруженных людей, пробили в них две большие бреши.

Испытывая приступ тошноты, я увидел, как разлетаются обрывки людей и лошадей. Другая рука устремилась вперед, как молотящая змея, присоединилась к концу первой, стала стофутовой цепью и, подобно цепу, забилась в толпе. Третья рука нанесла тесной группе воинов прямой удар.

Все наши преследователи побросали мечи, копья, пики, с криками побежали. Всадники пришпоривали лошадей, топтали пехотинцев, бежавших перед ними.

Разрушитель, казалось, забавлялся, глядя, как они бегут.

Прежде чем они убежали на сто ярдов, он распался. Я услышал негромкие воющие звуки, и вот непосредственно за бегущими снова сформировался угловатый столб, у него выросли руки и опять ударили по людям.

Те разбежались с дикими криками, поодиночке, парами, небольшими группами бежали к краям долины. Они походили на крыс, в панике разбегающихся по дну большой зеленой чаши. И, как огромная кошка, чудовищная фигура играла с ними, да, играла.

Она снова рассыпалась, приняла новую форму. На месте столба с руками возвышался треножник тридцати футов высотой, ноги его состояли из перемежающихся кубов и пирамид, а наверху вращался огромный круг из шаров. Из середины круга протянулось щупальце,

извивающееся, разворачивающееся, как стальная змея не менее восьмидесяти футов длиной.

На его конце шары, кубы и пирамиды слились, образовав большой треугольник. И вершинами этого треугольника фигура била — быстро, с удивительной точностью, весело — била бежавших, протыкала их, подбрасывала высоко в воздух.

Я думаю, именно эта игривость Разрушителя заставила меня в ужасе открыть рот и не отрываться от страшного зрелища.

Вооруженные люди продолжали разбегаться, но треножник был быстрее их.

С устремлявшейся вперед змеи лился красный дождь.

Я слышал, как вскрикнула Руфь, оторвал взгляд от долины, повернулся. Она без чувств лежала на руках Дрейка.

За ними стояла женщина, глядя на бойню, спокойная и неподвижная, окутанная неземным равнодушием. Ее взгляд показался мне таким же холодным, безличным, незаинтересованным, как взгляд звезд на ураганы и землетрясения нашего мира.

Слева послышался топот множества ног; Чу Минг закричал. Сошли ли они с ума от ужаса, подгоняло ли их отчаяние, хотели ли они убить, прежде чем сами будут убиты? Не знаю. Но те из вышедших из туннеля, кто остался в живых, устремились к нам.

Они были совсем близко, закрывались щитами. Луков у них не было. Молча они приближались к нам, сверкали их мечи и копья.

Разрушитель качнулся к нам, металлическое щупальце протянулось, как змея, чтобы оказаться между нападающими и своей необычной хозяйкой.

Я услышал крик Чу Минга; он поднял руки, закрыл глаза — и побежал прямо на копья!

— Чу Минг! — закричал я. — Чу Минг! Сюда!

И побежал к нему. Но меня обогнал Вентнор, стреляя из пистолета. Копье мелькнуло в воздухе и ударило китайца в грудь. Он пошатнулся, опустился на колени.

И в этот момент гигантский цеп ударил по воинам. Он косил их, как серп спелую рожь. Разорванных и искалеченных, разбрасывал по склонам долины. Останки даже отдаленно не напоминали людей.

Вентнор оказался возле Чу Минга, я тоже опустился рядом с ним. На губах китайца показалась розовая пена.

— Я подумал, что Шин-дже убьет нас, — прошептал он. — Страх ослепил меня.

Голова его опустилась, он дернулся, застыл.

Мы встали, ошеломленно оглядываясь. У выхода из расселины стояла женщина, глядя на Дрейка. А тот держал на руках Руфь, прижав ее голову к груди.

Долина опустела, только груды тел были рассыпаны по ней.

Высоко в горах виднелось несколько человек — все, что осталось от войска, устремившегося в долину, чтобы пленить или убить нас. А высоко в темном небе показались ягнятники, крылатые стервятники Гималаев.

Женщина подняла руку и снова поманила нас. Мы медленно двинулись к ней, остановились рядом. Большие ясные глаза рассматривали нас. Не менее удивленно смотрели и мы на нее.

6. НОРАЛА

Мы увидели красавицу, какой, я думаю, мир не видел со времен троянской Елены. Прежде всего поражали ее глаза, чистые, как промытое дождем апрельское небо, хрустально прозрачные, как тайный источник, посвященный богине Луны Диане. Радужная оболочка испещрена золотисто-янтарными и сапфировыми точками, сверкавшими, как звездочки.

И тут с удивлением я заметил, что эти созвездия не только в радужной оболочке, но и в зрачках, глубоко внутри них, как далекие звезды в глубине бархатного полуночного неба.

Откуда же исходил тот блеск, более страшный, более угрожающий в своем холодном спокойствии, чем горячее пламя гнева? Глаза эти не угрожают, нет. Они спокойны и неподвижны, и в них мелькает тень заинтересованности, призрак дружеской улыбки.

А над ними ровные, тонко прорисованные бронзовые брови. Губы ярко-алые и — спящие. Сладкие губы... такие мог увидеть в своей мечте великий художник и изобразить, как самую суть женской привлекательности, но губы спящие и не стремящиеся проснуться.

Гордый прямой нос; широкий низкий лоб, и над ним — масса прядей-щупалец, рыжевато-золотых, роскошно топазовых, металлических. Как тонкая медная проволока; и туманных, как облака, которые Сультзе, богиня сна, посылает на рассвете, чтобы поймать блуждающие сны влюбленных.

Под этим удивительным лицом изящная шея, переходящая в изысканную линию плеч и груди, полуприкрытых покровом.

Но на этом лице, в этих глазах, на этих алых губах и на груди что-то неземное.

Что-то пришедшее прямо из загадочных глубин заполненного звездами пространства; из упорядоченного, спокойного, безграничного космоса.

Бесстрастный дух, спокойно глядящий на человеческие страсти, в ее губах, в каждой линии ее спящего тела — и этот дух не дает ей проснуться.

Сумерки спокойствия, опускающиеся на горное озеро. Иштар, без сновидений спящая в Нирване.

Что-то в ней не от нашего мира, что-то грандиозное, как космос по сравнению с летним ветром, океан — с волной, молния — со светлячком.

— Она не... человек, — услышал я шепот Вентнора. — Посмотрите ей в глаза, на ее кожу...

Кожа у нее была белая, как жемчужное молоко, тонкая и нежная, как паутина, шелковая и мягкая; прозрачная, будто сквозь нее пробивался неяркий свет. Рядом с ней Руфь с ее прекрасной кожей казалась обожженной солнцем деревенской девчонкой по сравнению с Титанией.

Женщина рассматривала нас, будто впервые в жизни видела людей. Заговорила — голос у нее был какой-то отдаленный и в то же время сладкий и звонкий, как звуки маленьких золотых колокольчиков; он был полон спокойствием, это часть наполняющего ее духа, золотые колокольчики звучали из тишины, говорили за нее, от ее имени. Говорила она, запинаясь, как будто губы ее не привыкли к звукам человеческой речи.

И говорила на персидском языке, на чистейшем древнеперсидском.

— Я Норала, — прозвенел ее золотой голос. — Я Норала.

Она нетерпеливо покачала головой. Из-под покрова показалась рука, стройная, с длинными пальцами, с ногтями, как розовые жемчужины; на запястье свернулся золотой дракон со злобными маленькими алыми глазками. Стройная белая рука коснулась головы Руфи, повернула ее, так что эти странные, испещренные огненными точками глаза посмотрели прямо в глубину карих глаз Руфи.

Долго смотрела она. Потом та, что назвалась Норалой, коснулась пальцем слезы, висевшей на длинных ресницах Руфи, удивленно посмотрела на нее. Какое-то воспоминание проснулось в ней.

— Ты... боишься? — запинаясь, спросила она.

Руфь покачала головой.

— Они... тебя пугают?

Она указала на разбросанные по долине груды. И тут я увидел, откуда исходит блеск этих странных глаз. Маленькие лазурные и золотые звездочки побледнели, задрожали, потом вспыхнули, как далекие галактики серебряных солнц.

Руфь испуганно отшатнулась от этого странного блеска.

— Нет... нет... — выдохнула она. — Я плачу — из-за него.

И она указала на Чу Минга — коричневое пятно на краю пространства, усеянного частями тел.

— Из-за него? — В голосе слышалось удивление. — Почему?

Она взглянула на тело Чу Минга, и я знал, что она не видит в нем ничего человеческого, ничего родственного себе. В глазах ее было выражение легкого удивления, но когда она посмотрела на нас, странного свечения в них не было. Она долго разглядывала нас.

— Что-то давно спавшее пробуждается во мне, — наконец нарушила она молчание. — И требует, чтобы я взяла вас с собой. Идемте!

Неожиданно она отвернулась и направилась к расселине. Мы переглянулись, думая, как поступить.

— Чу Минг, — заговорил Дрейк. — Мы не можем бросить его так. По крайней мере прикроем от стервятников.

— Идемте. — Женщина стояла у входа в расселину.

— Я боюсь! Мартин, мне страшно. — Руфь протянула дрожащую руку к своему рослому брату.

— Идемте! — снова позвала Норала. Голос ее прозвучал резко, повелительно, безапелляционно.

Вентнор пожал плечами.

— Что ж, идемте, — сказал он.

Бросив последний взгляд на китайца — стервятники уже подбирались к нему, — мы пошли к расселине. Норала молча ждала, пока мы не прошли мимо нее; потом последовала за нами.

Не прошли мы и десяти шагов, как я понял, что это не расселина. Туннель, проход, вырубленный людьми, и на стенах изображения драконов, а потолок — голая скала.

Женщина быстро скользила вперед. Мы следовали за ней. Далеко, далеко впереди показался тусклый свет. Он дрожал, мерцал, этот световой занавес на расстоянии не менее мили от нас.

Но вот он приблизился; мы прошли сквозь него и вышли из туннеля. Перед нами тянулось узкое ущелье, будто тело каменного гиганта, у ног которого проходил туннель, было разрезано мечом. Высоко над головой виднелась неширокая полоска неба.

Два каменных монолита охраняли вход в туннель; гигантские каменные блоки наклонились, растрескались. От входа расходились трещины, как морщины в скале: давление слоев давно пыталось закрыть это отверстие.

— Стойте! — неожиданно послышался золотой голос Норалы. И снова я увидел вспышку белого звездного света в ее глазах.

— Может, лучше... — она рассуждала сама с собой. — Может, лучше закрыть этот проход. Он не нужен...

Снова прозвенел ее голос, дрожащий, вызывающий странное беспокойство, гармоничный. Вначале это было бормочущее пение, ритмичное и низкое; звуки, их тона, их последовательности были мне совершенно незнакомы; незнакомые, резкие, чуждые темы, которые все время повторялись, падали хрустально-чистые жемчужины звуков, упорядоченные, математические, геометрические, как движения фигур — маленьких в руинах, огромных в долине.

Но что это? Я понял — это движение, трансформированное в звуки!

У входа в туннель что-то шевельнулось. Движения стали быстрее,

как будто следуя ритму песни Норалы. В темноте показались слабые вспышки. Они возникали и исчезали, как будто просыпались мягкие огоньки, гигантские светляки: вспышки дымчатого янтаря, блестки розового, искры бриллиантов, опалов, изумрудов и рубинов — все более яркие, ослепляющие.

Их окутал дрожащий туман, быстрый, колеблющийся. Он сгустился, его пронизали тонкие линии, светящиеся полоски, паутинки.

Их становилось все больше, они переплетались, пульсировали, сливались — и все это мгновенно, в десятую часть того времени, какое требуется на рассказ об этом.

Из светящегося тумана сверкнули молнии. Они охватили всю поверхность скалы водопадом зеленого пламени. Трещины стали шире, монолиты задрожали, рухнули.

И как будто после абсолютной тьмы блеснул свет. Я раскрыл ослепленные глаза; медленно возвращалась способность видеть. Скала еще слабо светилась. И в этом свечении я увидел, что вход в туннель исчез, был запечатан, на его месте виднелись тонны каменных обломков.

Мимо нас пронеслись большие тела, задели меня за руку, я почувствовал прикосновение металла, но металла теплого, полного жизни. Промелькнули, и снова все стихло.

— Идемте! — Норала склонила голову, ее фигура слабо светилась в темноте. Мы быстро пошли за ней. Рядом со мной шла Руфь, она схватила меня за руку.

— Уолтер, — прошептала она. — Уолтер, она не человек!

— Вздор! — ответил я. — Вздор, Руфь. А кто же она — богиня, дух Гималаев? Она человек, как вы и я.

— Нет. — Даже в темноте я видел, как она вздрогнула. — Не совсем человек. Иначе почему ее слушаются эти штуки? Как могла бы она вызвать молнии и запечатать вход в туннель? А ее кожа и волосы... они удивительные, Уолтер.

При взгляде на нее я кажусь себе... шероховатой. И в ней живет какой-то свет, благодаря ему мы идем здесь. А когда она коснулась меня... я... я тоже вся засветилась, изнутри.

Человек, да, но в ней есть еще что-то... что-то сильнее человечности, что-то... заставляющее человеческое в ней спать, — с удивлением закончила она.

Поверхность, по которой мы шли, была ровной, как танцевальная площадка. Мы следовали за загадочным светом, который, казалось, испускает Норала. Полоска неба над головой исчезла, словно ее затянуло тучами, потому что звезд я не видел.

В темноте я снова ощутил слабое движение, что-то мягко шевелилось рядом с нами. У меня было ощущение, что по обе стороны от нас движется невидимое войско.

— Что-то движется рядом с нами, идет рядом, — высказала мою мысль Руфь.

— Это ветер, — ответил я и замолк: ветра не было.

В темноте послышалось странное глухое щелканье. Свечение, окутывавшее Норалу, усилилось, четче выделялось на темном фоне.

— Переходите!

Она указала в пустоту впереди; и, когда мы шагнули вперед, протянула руку и остановила Руфь. Дрейк и Вентнор, встревоженные, приблизились к ним. А я сделал шаг вперед, вышел из сияния.

Передо мной виднелись два куба; размеры одного в неустойчивом свете я оценил в шесть футов, другой показался мне вдвое меньше. Они испускали бледный фосфоресцирующий луч, разрезавший темноту. Впереди меньший, затем большой, они очень напоминали лестницу из кубиков, построенную ребенком.

И тут в этом луче я увидел непрерывную линию кубов, не изогнутую, как мост в комнате с драконами, а плоскую; она пересекала пропасть, начинавшуюся у самых моих ног. Не менее ста футов в длину, эта линия шла над темными неведомыми глубинами. Далеко, далеко внизу слышался шум потока.

Я остановился. Из этих кубов состояло тело чудовища в долине. То самое существо, которое убийственно играло вооруженными людьми.

И теперь они сложились в стройный неподвижный мост.

— Не бойся, — мягко, как с ребенком, заговорила женщина. — Поднимайся. Переходи. Они повинуются мне.

Я встал на первый блок, поднялся на второй. Передо мной была тонкая линия с резкими краями, гладкая, и только тонкие светящиеся полоски показывали, где один куб примыкает к другому.

Я пошел, вначале медленно, потом со все растущей уверенностью, потому что от линии исходила сила, она вела и поддерживала меня, как целый лес маленьких невидимых рук; при их поддержке я шел устойчиво, уверенно. Посмотрел вниз: на меня смотрели мириады светящихся точек. Они меня околдовали; я почувствовал, что замедляю шаг; и тут же ощутил головокружение. Решительно отвел взгляд и зашагал дальше.

Теперь из глубины яснее слышался шум воды. Передо мной всего несколько футов моста. Я добрался до конца, ступил на меньший куб, спустился на камень.

По мосту пошел Вентнор. Он вел за собой пони. Глаза животного были завязаны, чтобы оно не видело узкой полоски. Дальше, ободрительно похлопывая пони по корпусу, шагал Дрейк. На ходу он беззаботно раскачивался. Маленькое вьючное животное шло спокойно и уверенно, как все представители его породы в горах; темнота его не смущала.

Потом, рука об руку с Руфью, прошествовала Норала. Вот она

уже рядом с нами, отпустила Руфь, скользнула мимо нас. Мы прошли больше ста ярдов, и Норала свернула к невидимой стене каньона.

Стояла, закрывая нас. Послышался звонкий золотой зов.

Я оглянулся в темноте. Сзади поднималось что-то похожее на огромный, тускло светящийся стержень. Он поднимался все выше и выше. И вот стоит вертикально стройная колонна, гигантская тонкая фигура с заостренным концом, не менее ста футов высотой.

Потом она медленно наклонилась к нам, все ближе и ближе к поверхности; коснулась и на мгновение застыла. И вдруг исчезла.

Но я хорошо понял, что видел. Мост, через который мы прошли, поднялся, как крошечный мост в развалинах крепости; перенесся через пропасть и на противоположной стороне рассыпался на отдельные кубы; теперь они следуют за нами.

Металлический мост, который сам может собираться и разбираться. Думающий, сознательный металлический мост! Металлический мост, обладающий волей, мозгом, разумом, и он движется за нами.

Сзади послышался негромкий сдержанный шелест, он быстро приближался. Рядом остановилась призрачно сверкающая фигура, похожая на застывшую змею, вырезанную из гигантского прямоугольного стержня холодной синеватой стали.

Голова пирамидальная, тетраэдром; задняя часть тела исчезала в темноте. Голова приподнялась, кубы, образовавшие шею чудовища, раздвинулись, теперь они соединялись углами, и все это напоминало гигантскую копию раскрашенных фантастических маленьких ящеров, каких японские мастера вырезают из дерева.

Казалось, чудовище рассматривает нас — насмешливо. Заостренная голова опустилась, мимо нас потекло тело. На нем держались другие пирамиды, как зубцы, украшающие спины кошмарных стегозавров. Показался конец — на хвосте другая пирамида, такая же, как в голове.

Змея проскользнула мимо — весело; исчезла.

Мне казалось, что мост через пропасть, чтобы следовать за нами, должен был распасться, однако ему это не понадобилось. Он способен был двигаться не только отдельными блоками, но и как единое целое. Двигаться разумно, сознательно, как двигался Разрушитель.

— Идемте! — Приказ Норалы прервал мои мысли. Мы пошли за нею. Подняв голову, я увидел дружеское мерцание звезды, и понял, что ущелье расширяется.

Звезд становилось больше. Мы вышли в долину, небольшую, как та, из которой бежали; и точно так же окруженную касающимися неба вершинами. Мне все было хорошо видно. Вся долина была проникнута мягким свеченнем, как будто далекие звезды лили в нее свой свет, заполняли, как чашу, до краев своим бледным пламенем.

Светло, как зимой в арктическую ночь в долинах Аляски; атабаски

верят, что ночи освещаются отблесками охотящихся богов. Стены долины, казалось, отступили в бесконечность.

Мерцающая дымка, окружавшая Норалу, рассеялась или смешалась со свечением, стала его частью.

Я смотрел на Норалу, стараясь прояснить свои мысли, подтвердить догадку, что же в ней нечеловеческого, не от нашего мира. Но это убеждение происходило не от окутывавшего ее света и не потому, что она призывала молнии; и даже не потому, что ей подчинялись эти... существа, уничтожившие воинов и перебросившиеся мостом через пропасть.

Все это, я был уверен, в пределах объяснимого, все это можно понять, если установить фундаментальные факты, лежащие в основе.

И неожиданно я понял. Бок о бок в этой женщине рядом с человеческим жило сознание, чуждое земле, бесстрастное, по крайней мере в нашем понимании страстей, упорядоченное, математическое — проявление вечного закона, которому подчинены движения звезд.

Вот что было в жестах, пробудивших молнии. Вот что звучало в песне, когда звуки трансформировались в движения. И это нечто — большее, чем знает и воспринимает мое сознание.

Что-то делит ее сознание, нет, правит им, спокойное и безмятежное, что-то абсолютно недоступное, немыслимое, космически слепое ко всем человеческим эмоциям; оно, подобно вуали, покрывает все ее сознание, штампует — странное слово, почему я вспомнил его? — штампует мысли, что-то отпечаталось на ней, как... как гигантский след на поле голубых маков, как маленький отпечаток в комнате с драконами.

Я попытался сдержать поток фантастических мыслей; принялся внимательно наблюдать за Норалой, чтобы вернуться к нормальному состоянию.

Покров соскользнул с нее, обнажив шею, руки, правое плечо. На груди пряжка тусклого золота соединяла прозрачные складки светло-янтарного шелка, покрывавшего ее высокие груди, не скрывая в то же время их божественных очертаний.

Широкий золотой пояс перехватывал талию. На длинных стройных ногах золотые сандалии, до круглых колен ноги опоясаны ремнем.

Сверкающее сквозь янтарные складки, светящееся чудо ее тела.

Оживший замысел великого скульптора. Богиня молодости Земли, возрожденная в Гималаях.

Она подняла взгляд, нарушила долгое молчание.

— Вы пробуждаете во мне старые мысли, — сонно сказала она, — старую мудрость, старые вопросы — все, что я забыла, и считала — навсегда...

Золотой голос смолк — говорившая исчезла, как будто растаял призрак, как будто порвалась кинолента.

Вспышка пронеслась по небу, еще и еще. Яркий зеленый луч, по-

хожий на луч прожектора, устремился к зениту, постоял мгновение и ушел. Вверх устремились копья и стрелы зари; все быстрее и быстрее, одно за другим, радужные, синие, дымчато-красные.

Вся долина стала видна.

Я почувствовал, как Вентнор сжал мою руку и посмотрел, куда он показывает. Справа, в полумиле от нас, в долину вдавался отрог высотой футов в пятьдесят.

На его вершине стояла — Норала!

Руки ее были подняты к сверкающему небу. Огни зари поднимались и опадали, двигались и застывали — и вместе с ними шевелились пряди волос Норалы. И в них, и сквозь них весело проходили маленькие светящиеся точки.

Все ее обнаженное тело было ярко освещено, оно сверкало и пульсировало светом, свет наполнял ее, как сосуд, она купалась в нем. Схватила руками пламенеющие локоны, подняла их вверх. Начала медленно, ритмично раскачиваться; как далекое эхо, послышались золотые звуки ее пения.

И вдруг вокруг нее, окружая ее, на скале засверкали мириады огоньков. Бледные изумруды, пламенные рубины, блестящие сапфиры, радужное сверкание, мерцающий блеск. Некоторое время они вились, потом из них одна за другой ударили молнии; молнии стремились к ней, ударялись в прекрасное тело, опадали, плясали вокруг нее.

Молнии омывали ее — она купалась в них.

Небо быстро затягивалось дымкой. Заря погасла.

Долина снова заполнилась мягким свечением, оно опустилось на нее, как вуаль, скрывая все под собой. И скрыло в своих сверкающих складках Норалу.

7. ФИГУРЫ В ТУМАНЕ

Мы молча смотрели друг на друга в призрачном свете, бледные и потрясенные.

Долина застыла, как будто все звуки удалились из нее. Мягкое сияние, окутывавшее ее, на глазах сгущалось. Долину постепенно затянул мерцающий туман, все скрылось в нем.

Эта тишина была подобна савану. Мозг мой не мог смириться с ней, и тяжелые предчувствия охватили меня. Мы молча переложили седельные мешки, подтянули подпругу пони и стали ждать возвращения Норалы.

Я заметил, что место, на котором мы стоим, приподнято над дном долины. Снизу к нам подбирался сверкающий туман, но все еще находился в десяти футах ниже.

Неожиданно в тумане появился слабо светящийся квадрат. Он медленно поднимался, и вот шестифутовый куб остановился почти у

наших ног. Стоял, рассматривая нас мириадами своих глубоко посаженных сверкающих бороздок.

За ним один за другим подплыли еще шесть — их вершины поднимались из тумана, как и у первого, и все они смотрели на нас; похожие на блестящие спины морских чудовищ, на башенки фантастической подводной лодки, поднимающейся из глубин фосфоресцирующего моря. Один за другим кубы подплывали и останавливались перед нами, один за другим сторонами прилегали к первому кубу.

Они растянулись перед нами полумесяцем. Мы отступили шагов на десять.

За ними, рассекая туман, со струящимися медными волосами, с глазами, мерцающими неземным пламенем, плыла Норала. На мгновение она скрылась от нас за живым полумесяцем; неожиданно оказалась на нем; пролетела по нему, как огненный дух, остановилась перед нами.

Она снова была окутана своим покровом; золотой пояс, золотые сандалии — все на месте. Жемчужной белизной сверкало ее тело; ни следа от бывших в нее молний.

Она подошла к нам, повернулась и взглянула на кубы. Она не произнесла ни звука, но, как по команде, центральный куб скользнул вперед, остановился перед ней. Она положила руку на его край.

— Поедешь со мной, — сказала она Руфи.

— Норала, — Вентнор сделал шаг вперед. — Норала, мы должны идти с ней. И это, — он указал на пони, — тоже с нами.

— Да... вы тоже, — прозвенел далекий голос, — но об этом... я не подумала.

На мгновение она задумалась, потом повернулась к шести ожидающим кубам. Опять будто по приказу четыре из них шевельнулись, устремились друг к другу, с идеальной точностью слились, все это напоминало пародию на воинские маневры: перед нами была платформа длиной в двенадцать футов и шириной в шесть.

— Поднимайтесь, — сказала Норала.

Вентнор беспомощно смотрел на высокую поверхность кубов.

— Поднимайтесь. — В голосе ее звучало нетерпение. — Смотрите!

Она обняла Руфь за талию и с той же невероятной скоростью, с какой исчезла при появлении зари, оказалась на вершине одного из кубов, по-прежнему держа девушку. Как будто обе они взлетели наверх с необыкновенной легкостью.

— Поднимайтесь, — сказала она еще раз, глядя на нас сверху вниз.

Вентнор начал завязывать пони глаза. Я положил руку на край куба, подпрыгнул. Мириад невидимых рук подхватил меня, поднял, мгновенно опустил на верхнюю грань.

— Поднимите сюда пони, — сказал я Вентнору.

— Поднять? — недоверчиво переспросил он.

Как солнечный луч в кошмаре, сверкнула улыбка Дрейка.

— Ловите! — крикнул он, просунул одну руку под живот пони, другую под горло; плечи его напряглись — и пони взлетел наверх со всем своим грузом и мягко приземлился на все четыре ноги рядом со мной. Изумление отразилось на лицах двоих, оставшихся внизу.

— Следуйте за нами, — сказала Норала.

Вентнор прыгнул наверх, Дрейк — за ним; они мгновенно оказались рядом со мной, негромко бранясь. Невидимые руки поднялись выше, прочно держали наши ноги и нижнюю часть тела — держали нас и животное.

Куб, на котором стояли Норала и Руфь, устремился вперед; я видел, как испуганно присела Руфь, обхватив руками колени женщины. Они погрузились в туман, исчезли.

И вслед за ними, как щепка в быстром течении, мы тоже полетели в туман.

Кубы двигались без всякой вибрации, так гладко и ровно, что если бы не поднявшийся сразу ветер и не скользящие мимо стены из тумана, я решил бы, что мы неподвижны.

Я видел, как неясная фигура Вентнора передвинулась к переднему краю. Он шел как будто в воде. Я попытался последовать за ним, но не смог поднять ноги; двигаться можно было, только скользя.

И еще мне показалось, что сила, которая держит нас, передает нас от одного сжатия к другому; впечатление было такое, будто двигаешься сквозь густую паутину. У меня появилась фантастическая мысль, что я могу перебраться через край куба, проползти по его сторонам, не падая, как муха на вертикальной поверхности сахарной головы.

Я приблизился к Вентнору. Он напряженно смотрел вперед. Я понял, что он пытается отыскать в тумане Руфь.

Он повернулся ко мне, лицо беспокойное, глаза лихорадочно блестят.

— Вы их видите, Уолтер? — Голос его дрожал. — Боже, почему я это позволил? Почему разрешил ей уйти одной?

— Они перед нами, Мартин. — Я говорил с уверенностью, причину которой не смог бы объяснить. — Куда бы нас ни вела эта женщина, она не хочет нас разлучать — по крайней мере сейчас. Я в этом уверен.

— Она сказала: «Следуйте за нами». — Это голос Дрейка. — Но что еще мы можем делать? Эта птичка нам не подчиняется. А Норале подчиняется. Она хотела сказать, чтобы она следовала за ней.

— Правда. — Выражение надежды появилось на обеспокоенном лице. — Это правда. Мы имеем дело с существами, которых не могло придумать никакое человеческое воображение. И с ними эта женщина —

внешне человек, да. Но мысли ее — нечеловеческие. Как же нам знать...

Он снова повернулся, напряженно всматриваясь вперед.

Ружье Дрейка упало.

Он наклонился, чтобы поднять его; потянул обеими руками. Ружье оставалось неподвижным.

Я тоже нагнулся и попробовал вместе с ним. Но ружье как будто превратилось в часть блестящей поверхности. Крошечные глубокие звездочки подмигивали нам...

— Они... смеются над нами! — выдохнул Дрейк.

— Ерунда, — ответил я, пытаясь сдержать невольную дрожь. — Ерунда. Эти блоки — сильные магниты, вот что держит ваше ружье; нас тоже.

— Я не о ружье, — сказал он. — Об этих светящихся точках, о глазах...

Послышался возглас Вентнора, в нем звучало почти болезненное облегчение. Мы распрямились. Головы наши вынырнули из тумана, как пловцы из воды. Мы незаметно поднимались над уровнем тумана.

И в ста ярдах перед нами, рассекая туман, погруженные в него по плечи, летели Норалла — ее золотые пряди развевались — и рядом с ней Руфь. Услышав крик брата, Руфь обернулась и помахала нам рукой.

Впереди на расстоянии мили виднелся проход в стене долины; мы летели к нему. Не неровная расселина, не произведение природы — впечатление огромной двери.

— Смотрите, — прошептал Дрейк.

Между нами и широкой дверью из тумана высунулись сверкающие треугольники, похожие на акульи плавники, а под ними мелькали очертания круглых тел, словно гигантских дельфинов; туман завивался вокруг них. Вскоре нас окружили треугольные плавники и круглые тела. Они устремились к порталу, проходили в него — армия металлических существ вела нас, охраняла, играла вокруг нас.

Странным, необыкновенно странным было это зрелище — просторная тихая долина, затянутая туманом; над туманом летит величественная голова Норалы; вокруг упорядоченное движение блестящего металла; титаническая дверь, зияющая впереди.

И вот мы на пороге, миновали его...

8. БАРАБАНЫ ГРОМА

На порог, как волны, набегал туман и вдруг исчез. Держась точно на таком расстоянии, как и тогда, когда я впервые увидел головы Норалы и Руфи в тумане, их куб летел впереди. Он резко выделялся в необычном свете, заполнявшем место, в котором мы оказались. Я не мог определить, каньон это, коридор или туннель.

Норала одной рукой поддерживала Руфь; в ее позе чувствовалось отношение покровительства, защиты — первое подлинно человеческое чувство в этой прекрасной загадке.

Перед ними летели десятки ее друзей, теперь они казались не тусклыми, нет, они сверкали, будто выточенные из голубоватой отполированной стали. Они... маршировали... Стройными рядами шары, кубы, пирамиды двигались, как в строю.

Я оглянулся: из пены тумана появлялись десятки металлических существ, резали туман, как волны. И когда они выплывали из него и оказывались на свету, тусклость исчезала, и стороны их начинали сверкать.

Откуда этот свет, это сверкание? Наша скорость уменьшилась. Я огляделся. Стены расселины или туннеля перпендикулярные, гладкие, сверкающие холодным металлическим зеленоватым блеском.

Между стенами, подобно ритмическим вспышкам светлячков, мягко и вкрадчиво пульсировало свечение, создававшее впечатление чего-то невероятно малого — скорее электронов, чем атомов. Свечение было зеленоватым, как и стены; но я был уверен, что свечение не от стен.

Светящиеся частицы мигали и блекли, как мошки в прямых солнечных лучах, или, если воспользоваться более научным сравнением, как коллоид в освещенном поле ультрамикроскопа; и точно так же глаз воспринимал не сами эти частицы, а только их движение.

Если не считать этих частиц, освещение было яркое, хрустально прозрачное. Высоко над нашими головами — в пятистах футах, в тысяче — стены сливались в дымке цвета туманного берилла.

Стены, несомненно, из камня, но отшлифованного, выровненного, покрытого чем-то.

Да, покрытого. Покрытого какой-то металлической субстанцией, которая и служила источником свечения и от которой исходила сила, пришло мне в голову, воспламеняющая мигающие частицы. Но кто мог все это сделать? Зачем? Как?

Точность обработки, совершенство этих гладких стен действовали на нервы, вызывая смутное желание какой-то человеческой дисгармонии, человеческого беспорядка.

Поглощенный наблюдениями, я забыл о тех, кто разделял мое беспокойство и опасности. Почувствовал, что мне сжимают руку.

— Если будем достаточно близко и мне удастся оторвать ноги, я прыгну, — сказал Дрейк.

— Что? — Я вздрогнул от неожиданности. — Куда прыгнете?

Я посмотрел, куда он показывает. Мы быстро сближались с первым кубом; он находился едва ли в двадцати шагах впереди; казалось, он останавливается. Вентнор наклонился вперед, дрожа от напряжения.

— Руфь! — окликнул он. — Руфь, как ты?

Она медленно повернулась к нам — сердце мое дрогнуло, потом,

казалось, застыло. Ибо на милом лице Руфи было то же выражение неземного спокойствия, что и на лице Норалы; в ее карих глазах тень того же бесстрастного духа, что в глазах Норалы; и голос ее прозвучал как отдаленное эхо золотого звона голоса Норалы.

— Хорошо, — вздохнула она, — хорошо, Мартин. Не бойся за меня...

И снова отвернулась от нас, глядя вперед, молча, как стоявшая рядом с ней женщина.

Я украдкой взглянул на Вентнора, на Дрейка: разыгралось ли у меня воображение или они тоже заметили? И тут же понял, что заметили: лицо Вентнора побелело, как и губы, Дрейк сжал зубы, в глазах его сверкнул гнев.

— Что она сделала с Руфью? Видели ее лицо? — почти нечленораздельно спросил Дрейк.

— Руфь! — в голосе Вентнора звучала боль.

Она не обернулась. Как будто не слышала его.

Теперь кубы разделяло не более пяти ярдов. Дрейк собрался, попытался оторвать ноги от сверкающей поверхности, подготовился прыгнуть, когда кубы еще больше сблизятся. Его широкая грудь дрожала от усилий, мышцы на шее напряглись узлами, пот катился по лицу.

— Бесполезно, — выдохнул он, — бесполезно, Гудвин. Как будто пытаешься поднять себя за шнурок от ботинка. Или муха, застрявшая в патоке...

— Руфь! — снова крикнул Вентнор.

И как будто это послужило сигналом, куб рванулся вперед и восстановил прежнее расстояние между нами.

Авангард металлических существ ускорил свое движение. С невероятной скоростью они полетели вперед, исчезли в сверкающей дали.

Ускорился и куб с женщинами, он летел все быстрее и быстрее. И так же быстро следовала за ним наша платформа. Головокружительно проплывали мимо светящиеся стены.

Мы повернули к правой стене и приближались к широкому карнизу. Я решил, что он не менее ста футов в ширину. Начиная с него, поверхность резко понижалась.

Противоположные стены медленно сближались. Металлическое войско следовало за нами.

Все выше становился карниз, все ниже опускалось дно ущелья. Вот мы в двадцати футах над ним, в тридцати. И характер стен изменился. Под металлической поверхностью заблестели жилы кварца, подобные туманным опалам; иногда виднелись полоски зеленого цвета, иногда янтарного; линии бледной охры.

Мое внимание привлекла чернильно-черная полоса в самом центре опускающейся поверхности. Она была такой черной, что на первый взгляд показалась мне выходом угля.

Постепенно она расширялась. Это была щель, трещина. Вот она в фут шириной, вот уже в три, чернота будто поднималась из нее — чернота, в которой сама душа глубин. И она все расширялась; а потом неожиданно ее стороны разлетелись, и внизу открылись два острых края.

Поверхность под нами исчезла, внизу была пропасть, невероятная, неизмеримая.

Мы — человеческие атомы, несущиеся с огромной скоростью на волшебном коне вдоль уступа, расколовшего бесконечное пространство.

Я оглянулся: десятки кубов отделялись от сопровождающего нас металлического войска; длинной колонной по два они промелькнули мимо, устремились вперед. Далеко впереди появилось какое-то сияние; мы продолжали нестись в чернейшей ночи, но сияние усиливалось.

Сквозь мрак протянулась длинная полоса светло-синего свечения. Она развернулась, как лента тусклого пламени, как змеиный язык, застыла. Я почувствовал, как существа под нами рванулись вперед; их скорость необычайно возросла; ветер бил нас с ураганной силой.

Я закрыл глаза руками и продолжал всматриваться сквозь щели между пальцами. Прямо перед нами баррикада из кубов, и мы несемся на нее, как стальной таран. Я невольно закрыл глаза: столкновение казалось неизбежным.

Существо, на котором мы летели, поднялось.

Мы под углом поднялись к верху барьера, оказались над ним и продолжали все с той же огромной скоростью нестись в черноте; светлая лента, которую я видел перед этим, оказалась еще одной линией кубов, еще одним мостом через пропасть. А под ним ощущались неизмеримые глубины.

И вот мы снова несемся в ночи. Вокруг слышатся удары, громовые раскаты, рев. Шум все усиливается, как будто бьет нас.

Снова далекое тусклое свечение, как восходящее солнце, видимое сквозь густой рассветный туман. Туман расходится — там, впереди, что-то вначале действительно похожее на восходящее солнце — гигантский шар, горизонтально перерезанный чернотой, будто застывшей у его основания.

Солнце? Разум говорил мне, что это невозможно.

Но что это тогда? Ра египтян, лишенный своих крыльев, изгнанный и состарившийся в коридорах смерти? Или это издевательское подобие солнца, холодный призрак, который, как верили в древности норвежцы, в замороженном аду пытает проклятых?

Я нетерпеливо отбросил фантазии. Солнце или нет, этот шар светился, и его многоцветные лучи разгоняли тьму, в которой мы летели.

Мы подлетали все ближе и ближе, стало гораздо светлее, и я увидел, что под нами по-прежнему пропасть. А шум стал еще громче, еще раскатистей.

У основания светлого диска я разглядел светящийся бассейн. Из его глубин выступал огромный прямоугольный язык, блестящий, словно стальной.

На этом языке появилась черная фигура, она поднялась из пропасти, устремилась к диску и стала отчетливо видна.

Похожая на гигантского паука, приземистая и рогатая. На мгновение силуэт ее стал четко виден на фоне шара — и вдруг исчез.

И вот невдалеке, тоже силуэтом, как фигура паука, показался на фоне сияющего срезанного круга куб с Руфью и Норалой. Он, казалось, парит, ждет.

— Это дверь! — Дрейк кричал мне на ухо, чтобы я услышал в урагане звуков.

То, что мне показалось диском, на самом деле было выходом, порталом; но размеров гигантских.

Сквозь него лился свет. А круглая форма оказалась иллюзией, порожденной темнотой, в которой мы летели, и контрастным ярким светом.

Прямоугольный язык оказался рампой, склоном, уходящим в пропасть.

Норала высоко подняла руки над головой. Сверху из темноты показалась необыкновенная фигура — чудовищный бронированный краб с плоской спиной; от него отходили острые иглы; массивное тело охвачено мечущимся зеленоватым пламенем.

Он пролетел под нами и мимо нас. На спине у него виднелись многочисленные выступы, из которых вырывались ослепительные вспышки, сапфирно-синие, изумрудно-зеленые, солнечно-желтые. Я увидел, что эта кошмарная фигура стоит на колоннообразных ногах, состоявших из чередующихся пирамид и шаров. Формы чудовища быстро менялись, на мгновение оно наполовину распалось.

Потом я увидел, как вращающиеся шары, кубы и пирамиды заняли новые положения. Передние ноги удлинились, задние укоротились, приспосабливаясь к углу наклона местности.

Это не химера, не кракен из пропасти. Машина, состоящая из металлических существ. Я снова увидел вспышки, и мне показалось, что это груды руды, которые переносит эта мыслящая машина.

Она исчезла. На ее месте повис куб с загадочной женщиной и Руфью. Потом они исчезли, и на их месте оказались мы.

Мы висели высоко над океаном живого света — морем радужного великолепия, которое тянулось миля за милей и чьи невероятные волны вздымались в воздух на тысячи футов, взлетали гигантскими всплесками, огромными потоками, светящимися облаками жидкого пламени, разрываемыми могучими когтями сильного ветра.

Ошеломленное зрение слегка прояснилось, свечение, сверкание, ра-

дужное сияние приобрело форму, стало упорядоченным. В нем я различил какие-то циклопические непостижимые формы.

Передвигались они медленно, с ужасающей целеустремленностью. Темно отсвечивали в этих наполненных пламенем глубинах. И испускали потоки молний.

Их было много десятков, огромных и загадочных. Их пламенные молнии пробивали дымку, расшивали ее, как будто это были летящие покровы, полные самого духа огня.

А шум такой, словно десятки тысяч Торов своими молотами сокрушают врагов Одина. Наковальня, на которой огромные молоты выковывают новый мир.

Новый мир? Металлический мир!

Эта мысль пронеслась в моем ошеломленном сознании, исчезла — и только много времени спустя я ее припомнил. Потому что неожиданно гром стих, сияние поблекло и будто затянулось туманом. Огромные фигуры потемнели, слились с темнотой.

И в этом тускнеющем свете, далеко-далеко от нас, казалось, за многие мили, засверкала широкая полоса сияющего аметиста. От нее отделились занавеси, мерцающие, туманные, как складки зари; они потоком устремились от аметистовой полосы.

И на их фоне вырисовалось нечто огромное, пурпурно-черное; я вначале принял это за гору; как одна из наших фантастических вершин на пустынном юго-западе, которые внезапно вырисовываются на фоне садящегося солнца; я сразу понял, что это такое, но подсознательно стремился найти более естественное объяснение.

Это был Город!

Город не менее пяти тысяч футов высотой, увенчанный многочисленными башнями, шпилями, титаническими арками, гигантскими куполами. Как будто созданные человеком утесы Нью-Йорка во много раз увеличились в высоту и в длину. Очень похоже на небоскребы на фоне сумеречного неба.

Пропасть под нами потемнела, будто туда устремилась ночь; обширные пурпурные стены города засверкали бесчисленными огнями. От увенчивающих его арок и башен отделялись молнии, широкие полоски пламени, вспыхивающие, электрические.

Подводят ли меня уставшие глаза, игра ли это света и тени — или многочисленные фигуры вверху действительно меняют форму? Ледяная рука, протянувшаяся из неизвестности, сжала мне сердце. Они действительно менялись, эти арки и купола, башни и шпили. Передвигались, распадались, образовывались вновь, как прошитые молниями края грозовой тучи.

Я с трудом оторвал взгляд, увидел, что наша платформа остановилась на широком серебристом карнизе недалеко от огненного портала и всего в ярде от куба, на котором стояла Норала, и к ней прижима-

лась неподвижная Руфь. Услышал вздох Вентнора, восклицание Дрейка.

Прежде чем мы успели окликнуть Руфь, их куб соскользнул с карниза и исчез.

Наша платформа вздрогнула и устремилась следом.

Меня охватило тошнотворное ощущение падения; мы ухватились друг за друга; впервые за все время в страхе заржал пони. С огромной скоростью мы понеслись вниз по крутой сверкающей рампе, уходящей в глубины пропасти, прямо к высоким стенам.

Далеко впереди мчался куб с женщиной и девушкой. Волосы их летели за ними, смешивались, шелковая паутина каштановых и сверкающая сеть рыже-золотых; в них мелькали светящиеся частицы, как рои светлячков; тела их окутывали огоньки зеленоватого свечения.

А вокруг нас и над нами снова послышались удары многочисленных молотов.

9. ОГНЕННЫЙ ПОРТАЛ

Мы как будто оказались на метеоре, несущемся в пространстве. Свистел и кричал разрываемый воздух. Ветер заставлял нас пригибаться, но магнитные зажимы прочно держали ноги.

Пони расставил ноги, опустил голову; сквозь рев урагана слышалось его пронзительное ржание, та ужасная жалоба, которую можно услышать только от лошади. Она означает, что выдержка лошади на пределе.

Вентнор сгибался все ниже и ниже; прикрывая глаза рукою, вглядывался вперед, чтобы разглядеть Руфь. Дрейк скорчился рядом с ним, поддерживая его, сопротивляясь урагану.

Полет постепенно переходил в горизонтальный, но скорость все увеличивалась, давление ветра стало почти невыносимым. Я повернулся, опустил руку, прижал голову к плечу, посмотрел назад. Впервые увидев это место, я почувствовал его размеры, но только сейчас начал понимать, насколько оно действительно обширно: портал, через который мы прошли, теперь находился далеко от нас, он превратился в огненное кольцо и все продолжал уменьшаться.

Это не пещера: я видел звезды, с облегчением узнавал знакомые созвездия неба Северного полушария. Какие бы ужасы и испытания нас ни ждали, мы по крайней мере не встретим их в глубоком подземелье. Эта мысль странно успокаивающе подействовала на меня.

Неожиданно звезды и небо исчезли.

Я не сразу понял, что произошло.

Я почувствовал, что сила циклона уменьшилась; теперь ветер дул снизу вверх и в переднюю поверхность куба. Я слышал только шум нашего полета и ржание испуганного пони.

Осторожно повернув голову, увидел на самом краю куба Вентнора и Дрейка. Они сидели, скорчившись, по-лягушечьи. Я пополз к ним — буквально пополз, как гусеница; когда тело касалось поверхности куба, сила удерживала его и позволяла только скользящее движение. И вот, как червь размером с человека, я добрался до товарищей.

И когда мои ладони коснулись куба, я окончательно удостоверился, что как бы он ни действовал, он все равно металлический.

Ошибиться невозможно. Это металл, похожий на полированную платину.

И металл этот теплый, приятный на ощупь, с температурой примерно 35 градусов по Цельсию. Я посмотрел на эти маленькие светящиеся точки, которые — я теперь был уверен в этом — являются органами зрения; они походили на точки пересечения бесчисленных плоскостей кристалла. И казались одновременно близкими к поверхности и очень далекими от нее.

И в то же время они похожи... на что же они похожи? Осознание сходства вызывало шок.

Похожи на галактики золотистых и сапфировых звезд в глазах Норалы.

Я подполз к Дрейку, приблизил голову к его голове.

— Не могу двигаться, — прокричал я. — Не могу оторвать рук. Мы прилипли — как мухи. Как вы сказали.

— Тащите их на колени, — ответил он, наклоняясь ко мне. — Это их освобождает.

Я поступил, как он посоветовал, и, к своему изумлению, понял, что могу освободить руки. Я ухватил его за пояс, попробовал встать.

— Бесполезно, док. — Прежняя улыбка появилась на его напряженном юном лице. — Надо ждать. Колени оторвать невозможно.

Я кивнул, подвигаясь еще ближе к нему. Потом прилег на Землю, чтобы отдохнули мышцы ног.

— Вы видите их, Уолтер? Женщину и Руфь? — беспокойно спросил Вентнор, поворачиваясь ко мне.

Я всмотрелся в мерцающие сумерки; покачал головой. Ничего не видно. Наши несущиеся кубы как будто вновь погрузились в туман; как снаряд в воздухе, мы разрывали этот туман, но он клубился перед нами, стенами стоял по сторонам и смыкался, когда мы пролетали; из-за него ничего не было видно.

Но у меня было устойчивое впечатление, что там, за этими туманными стенами, происходит упорядоченное движение; орды, более грандиозные, чем войска Чингиз-хана, которые века назад бились об основания этих же самых гор, проходят взад и вперед. Я мельком замечал огромные фигуры, которые даже назвать не могу; они быстро мелькали мимо; в тумане виднелись блестки, подобные огненным копьям.

И всегда, повсюду постоянное передвижение, ритмичное, вызывающее ужас — будто миллионы ног невидимых существ неизвестного, чуждого мира впервые ступают на наш порог. Они готовятся, тренируются в обширном прилегающем пространстве между известным и неизвестным, бдительные, угрожающие, ожидающие сигнала, чтобы обрушиться на нас.

* * *

Мне снова показалось, что я на пороге какого-то открытия, откровения, и я напрягался, пытаясь поймать это открытие, осознать его; и в это время почувствовал, что скорость наша уменьшается, рев стихает, туман вокруг редеет.

Туман совсем рассеялся. Я увидел, как распрямились Вентнор и Дрейк; сам поднялся с трудом.

Мы оказались на краю водоворота, воронки в сверкающем тумане; дальний край воронки в миле от нас расширялся в большой круг; его смутно очерченные края сталкивались со стеной города. Как будто перед нами на боку лежит конус из хрустально прозрачного воздуха, а на его изогнутые стороны давит некая среда, тяжелее воздуха, но легче воды.

Верхняя дуга основания конуса уходила в высоту на тысячу и более футов; над ней все скрывала мерцающая туманность, похожая на огромное облако светляков. Со всех сторон от конуса в бесконечность уходила все та же мерцающая туманность.

И вдруг в ней появились тысячи ярких лучей, они метнулись, заплясали, сплетались и расплетались, пролетали туда и сюда — как мириады лучей больших прожекторов в фосфоресцирующем туманном море, как бесчисленные полосы зари, пробивающие собственный радужный покров. И в игре этих лучей чувствовалось что-то ужасно механическое, ритмичное и упорядоченное.

Эта игра была — как бы ее лучше описать? — целенаправленна; как перемещение маленьких металлических существ в развалинах, как золотая песня Норалы, как изменения Разрушителя; и подобно всему этому, в игре лучей чувствовалось скрытое значение, какое-то сообщение: мозг понимал, что это сообщение, но суть его постигнуть не мог.

Лучи, казалось, поднимаются вверх от самой земли. Теперь они походили на бесчисленные копья, которые несет марширующая армия титанов; а вот они превращаются в тучи стрел, испускаемые боевыми отрядами гениев света. Они вздымаются вертикально, а между ними, раздвигая их, движутся огромные смутные фигуры, словно образуются и рассыпаются горы; словно темные чудовища огненного мира пробиваются сквозь густой лес высоких деревьев из холодного пламени; чудовищная химера бредет через бамбуковую чащу, раздвигая ее огненны-

ми клыками; фантастический левиафан всплывает сквозь гигантские светящиеся водоросли на поверхность моря под свет звезд.

Откуда эта сила, какой механизм производит эти лучи? Он не сзади нас: повернувшись, я увидел, что сзади густой туман. Я был уверен — не знаю, почему, — что энергия исходит от отдаленной стены самого города.

Конус, в вершине которого мы находились, расширялся от того места, где мы стояли — на этот раз неподвижно.

Основание конуса помещалось на стене, вершина — там, где мы.

В большом круге поверхность стены была гладкой и тусклой: ни следа мелькающих огней, которые мы видели, пролетая над радужным морем. Она слабо светилась. Без единого выступа, гладкая вертикальная стена из полированного синеватого металла — и все.

— Руфь! — простонал Вентнор. — Где она?

Сердясь на себя за черствость, за то, что на время забыл обо всем, я неуклюже подполз к нему, пытаясь дотронуться, утешить, если смогу.

И тут, как будто его возглас послужил сигналом, огромный конус двинулся. Круглое основание медленно скользнуло вниз с мерцающей стены; пошло вниз, круто вниз; я понял, что мы задержались на краю какой-то глубокой впадины, потому что основание конуса опустилось уже футов на двести и продолжало опускаться.

* * *

Послышался облегченный вздох Вентнора, Дрейк что-то произнес, с моего сердца спала тяжесть. Всего в десяти ярдах от нас, чуть ниже нас, в тумане показалась великолепная голова Норалы и рядом с ней милая головка Руфи. Они вынырнули из мерцания, как пловцы из глубин. И вот они прямо перед нами, и нам видна поверхность их куба.

Но они к нам не поворачивались, смотрели прямо вперед, по оси опускающегося конуса; Норала обнимала Руфь за талию.

Дрейк болезненно сжал мое плечо; ему не нужно было указывать, что его поразило. Воронка прервала свой медленный спуск, сделала один быстрый резкий рывок и остановилась. Теперь основание конуса упиралось в гладкий треугольник, расширяющийся от вершины, в которой находились мы, до противоположной стороны длиной футов в пятьсот; эта сторона примыкала к основанию металлической стены города. Плоскость треугольника была наклонена под углом в тридцать градусов.

Круг с туманными очертаниями превратился в овал, приплюснутый эллипс пятисот футов в высоту и втрое больший в длину. И точно

в его центре, сверкая, словно он вел в наполненное сиянием пространство, находился еще один гигантский прямоугольный портал.

По обе стороны от него в сплошной металлической стене появились две щели.

Начинались они как тонкие линии на высоте в сотню ярдов, через них пробивался яркий свет; затем они расширялись, как зрачки чудовищной кошки, и в самом широком месте из них вырывалось голубое сияние, словно расплавленная сталь через раскрытый затвор.

В глубине их ощущалось движение. Десятки башнеобразных фигур скользили через них, каждая из фигур ярко-радужно светилась. Над их вершинами вращались огненные короны.

Вырываясь из кошачьих зрачков стены, эти зыбкие фигуры, увенчанные вращающимися огнями, стремились вперед, поворачивались, раскачивались, как листья на сильном ветру. Исчезали в тумане. И как только все они прошли, зрачки начали сокращаться, превратились в узкие щели, исчезли. И перед нами снова только ждущий портал в стене.

Первый куб устремился вперед. Точно так же внезапно за ним последовала и наша платформа. Снова под напором ветра мы вцепились друг в друга; пони закричал в ужасе. Металлический утес устремился навстречу нам, как стальная грозовая туча, разинутой пастью холодного голубого пламени надвинулся портал.

Мы пронеслись в него, были пожраны им.

Ослепительный свет, невыносимо яркий поток, глаза не выдерживают, болят. Мы втроем прижались к боку пони, зарыли лица в его жесткую шерсть, пытались спрятать глаза; но как мы ни старались, как ни напрягали мышцы век, свет пробивался сквозь закрытые глаза, сквозь тело маленького животного, через наши головы, обжигая зрение.

10. ВЕДЬМА! ВЕРНИ МОЮ СЕСТРУ!

Не знаю, долго ли находились мы в этом потоке света. Казалось, целые часы. На самом деле — минуты или даже секунды. Потом я почувствовал перемежающуюся тень, мягкую, целительную полутьму.

Поднял голову и осторожно открыл глаза. Мы спокойно двигались в голубом полумраке; в движении ощущалось каким-то образом приближение к дому, к концу пути. Мы как будто находились на краю освещенного пространства, в той области, где быстрые световые волны, которые мы называем фиолетовым светом, смешиваются с еще более быстрыми; мозг их воспринимает, но не может описать в цветовых терминах. И глаза мои как будто затянулись пленкой; вероятно, следствие яркого света, подумал я, нетерпеливо тряся головой.

И тут я увидел какой-то предмет не далее фута от себя; застыл,

ощутил покалывание на коже головы, смотрел, не веря своим глазам. Я увидел скелет руки. Кости казались серовато-черными, они были резко очерчены, как в хирургическом экспонате; костяная рука как будто что-то сжимала.

Снова ледяное покалывание на черепе и по всей коже: эти кости сжимают скелет лошади, на которой могла бы скакать сама смерть; голый лошадиный череп свисает впереди на длинных шейных позвонках.

Я поднес руки к лицу, чтобы закрыть ужасное призрачное видение — и рука скелета тут же придвинулась ко мне, оказалась перед моими глазами, коснулась меня.

Я испустил крик ужаса, который оборвался, как только я понял, что происходит. И так велико было мое облегчение, так приятно среди необъяснимого ухватиться за что-то понятное, что я рассмеялся вслух.

Это мой собственный скелет. А лошадь смерти — наш пони. Оглядываясь, я уже знал, что увижу. И увидел: два скелета, черепа опираются на кости рук, скелеты прислонились к скелету лошади.

А перед нами, вертикально на сверкающей поверхности куба, два женских скелета — Руфь и Норала!

Сверхъестественно странное зрелище. Материализовавшаяся мрачная сцена из «Танца Смерти» Дюрера. И в то же время оно почему-то успокаивало.

Потому что зрелище это вполне объяснимо с точки зрения человеческих знаний. Эффект освещения; как я и предположил, световые волны с меньшей длиной волны, чем едва исследованные ультрафиолетовые лучи; эта область исследована в еще меньшей степени.

Но это не рентгеновское излучение: вокруг костей нет того туманного ореола, который бывает при рентгене: его лучи не могут сделать полностью невидимой плоть, окружающую кости. А тут скелеты видны совершенно четко, и ни следа плоти.

Я наклонился, заговорил со своими спутниками.

— Не открывайте пока глаза, — сказал я. — Мы проходим через странное излучение. У него свойства рентгеновских лучей. Меня вы увидите скелетом...

— Что? — закричал Дрейк. Не прислушавшись к моему предупреждению, он распрямился, посмотрел на меня. Даже понимая причину, я не мог сдержать дрожи, когда его череп придвинулся ко мне.

Скелет Вентнора тоже повернулся ко мне; и тут же его внимание привлекло зрелище впереди. Я увидел, как отвисла нижняя челюсть, лишенная плоти; потом шевельнулась: он собрался заговорить.

Внезапно скелеты перед нами снова оделись плотью. Впереди прекрасная женщина и девушка.

Этот переход от сверхъестественно нереального к норме произошел так быстро, что даже в моем лишенном суеверий сознании появилась

мысль о колдовстве. В следующее мгновение мы трое стояли, глядя друг на друга, снова облеченные в плоть, и пони больше не казался конем смерти, это снова был наш мохнатый терпеливый маленький спутник.

Освещение изменилось, ультрафиолетовые лучи исчезли, пространство вокруг пронизывали желтоватые отблески, похожие на лучи скрытого солнца. Мы проходили широким, казавшимся бесконечным коридором. Желтый свет становился интенсивней.

— Эти лучи не совсем рентгеновские, — прервал мои мысли Дрейк. — Надеюсь, они во всех отношениях от них отличаются. Иначе у нас могут быть неприятности.

— Еще неприятности? — слегка саркастически спросил я.

— Рентгеновские лучи обжигают, — пояснил он, — а здесь нет возможностей для лечения — если доживем до него, — мрачно закончил он.

— Мне кажется, мы недолго подвергались их действию... — начал я и замолчал.

Без всякого предупреждения коридор перешел в обширное пространство, яркость которого я не могу описать. Помещение больше десяти главных залов Карнака; обширнее знаменитого зала в ужасном Аменти, где на троне между Искателем Сердец и Пожирателем Душ сидит Озирис и судит души только что умерших.

Это был храм, во всей своей грандиозности, но человек никогда не создавал подобного храма. Ни в каких сохранившихся от молодости Земли развалинах не ощущал я так ясно чуждости и необычности, которые ощутил в этом месте. Ни в руинах храмов, некогда бывших жилищем богов Древнего Египта, ни в колоннадах святилищ Древней Греции и императорского Рима, ни в одной мечети, соборе, церкви.

Все они были посвящены богам: этих богов создал сам человек, как утверждает наука, или эти боги создали человека, как считают верующие; и во всех них чувствовалось присутствие человека.

Дух, сила, заполнявшая это обширное пространство, не имела никакого отношения к человеку.

Ни одно место? Нет, одно вспомнилось — Стоунхендж. В этом круге монолитов я испытал нечто подобное, нечеловеческое; мрачный, неуступчивый, чуждый дух, будто не люди, а каменные исполины воздвигли эти большие менгиры.

Мы находились в святилище, сооруженном металлическим племенем.

Все оно было заполнено мягким желтым освещением, напоминающим рассеянный солнечный свет. Снизу поднимались сотни гигантских прямоугольных столбов, с полированной поверхности которых, казалось, струится шафрановый свет.

Колонны уходили вдаль, насколько хватало глаз, они стояли угнетающе правильно, подавляюще математически. От их массивности ис-

ходило ощущение силы, загадочной, механической, но живой; что-то священническое, жреческое; они напоминали храмовую стражу.

Я увидел, откуда исходит свет, пронизывающий все это пространство. Высоко над столбами плыли десятки шаров, похожих на бледные замороженные солнца. Большие и маленькие, по всему верху горели эти странные светильники, неподвижные, висящие без всякой опоры. С их сферических поверхностей и исходило светло-золотое освещение, застывшее, неподвижное, какое-то замороженное.

— Похожи на звезды на большой рождественской елке, — прошептал Дрейк.

— Это свет, — ответил я. — Конечно, не материя, не металл, хочу я сказать...

— В них что-то от огней святого Эльма... порождений атмосферного электричества. — Голос Вентнора звучал спокойно. Теперь, когда мы явно приближались к сердцу загадки, он овладел собой, снова стал спокойным, хладнокровным наблюдателем-ученым.

Мы продолжали молча смотреть; вообще мы почти не разговаривали с начала этой странной поездки, которая, по-видимому, подходила к концу. Перед все новыми и новыми загадками мозг отказывался от речи, он апатично передоверил зрению и слуху сбор сведений, поиски причин, чего-то такого, что способствовало бы пониманию.

Теперь мы медленно скользили через лес колонн; полет проходил так ровно, без всяких усилий, что казалось — мы стоим неподвижно, а огромные колонны скользят мимо нас. Голова у меня закружилась от этого призрачного движения. Я закрыл глаза.

— Смотрите! — Дрейк тряс меня. — Смотрите! Что вы об этом скажете?

В полумиле перед нами столбы заканчивались у обширного дрожащего зеленоватого сияния — занавеса. Высоко, выше бледно-золотистых солнц, поднимались его складки.

В его мерцании чувствовались лучи зари, он как будто был сплетен из этих лучей. А вокруг плясали прозрачные тени, образовавшиеся от смешения золотого света шаров с зеленоватым сиянием занавеса.

Куб, несущий Руфь и Норалу, подплыл к основанию занавеса и остановился. Норала спрыгнула с него, помогла спуститься Руфи, потом повернулась и махнула нам рукой.

Платформа под нами дрогнула. Я почувствовал, как удерживающая меня магнитная сила слабеет, уходит. Встал с колен и увидел, как спрыгнул Вентнор и с ружьем в руке подбежал к сестре.

Дрейк наклонился за своим ружьем. Я неуверенно двинулся к краю слившихся кубов. Меня что-то осторожно подталкивало. Рядом со мной стоял Дрейк, держа за повод пони.

Куб наклонился, мягко, игриво, и с легким толчком мы все трое

оказались на поверхности; мы с Дрейком в изумлении, а маленькое животное тут же принялось разминать ноги и облегченно ржать.

И тут неожиданно четыре блока, образовавшие нашу платформу, разъединились; к ним подплыл куб, на котором ехали женщины.

Четыре пристроились за ним и все вместе исчезли.

— Руфь! — В голосе Вентнора звучал страх. — Руфь! Что с тобой? Что она с тобой сделала?

Мы подбежали к нему. Он стоял, сжимая ее руки, глядя на сестру. У нее были широко раскрытые мечтательные невидящие глаза. Лицо спокойное и неподвижное — зеркальное отражение неземного спокойствия Норалы.

— Брат! — Милый голос казался отдаленным, доносящимся из спокойного пространства, как отражение золотого голоса Норалы. — Брат, со мной все в порядке. Правда, брат, все хорошо.

Вентнор опустил вялые, безжизненные руки сестры, повернулся к женщине, тело его напряглось, лицо исказилось смесью гнева и боли.

— Что ты с ней сделала? — спросил он у Норалы на ее языке.

Она спокойно смотрела на него, его гнев ее не испугал, вызвал только легкое удивление.

— Сделала? — медленно повторила она. — Я убрала все, что ее беспокоило, подняла ее выше печалей. Я дала ей мир, и вам дам, если...

— Ты мне ничего не дашь! — яростно прервал он ее; и тут хладнокровие оставило его. — Проклятая ведьма, верни мне сестру!

В гневе он заговорил по-английски, она, конечно, не поняла слов, но гнев и ненависть поняла хорошо. Спокойствие ее дрогнуло, исчезло. В глубине глаз вспыхнули золотые огоньки, как в тот раз, когда она призывала Разрушителя. Не обращая на это внимания, Вентнор грубо схватил ее за обнаженное плечо.

— Верни мне ее, говорю тебе! — крикнул он. — Верни ее!

Глаза женщины стали ужасны. В расширившихся зрачках сверкнули звезды; лицо стало лицом разгневанной богини. Я ощутил тень крыльев смерти.

— Нет! Нет, Норала! Нет, Мартин! — Покров нечеловеческого спокойствия, окутавший Руфь, разорвался; из-под него проглянула Руфь, какой мы ее знали. Она, протянув руки, бросилась между ними.

— Вентнор! — Дрейк схватил его за руки, крепко сжал. — Так вы ее не спасете!

Вентнор дрожал, чуть не всхлипывая. Никогда раньше я не подозревал, как велика его любовь к Руфи. Женщина тоже поняла это, пусть смутно. Под влиянием человеческой страсти, казалось, совершенно чуждой ей, ее спящая душа — я использую это популярное слово, чтобы обозначить все специфически присущее человеку, — зашевелилась, просыпаясь.

Гневное выражение покинуло ее лицо; глаза ее, устремленные на девушку, смягчились. Она задумчиво взглянула на Вентнора, в ее взгляде явно сквозил интерес, вопрос.

Улыбка появилась на прекрасном лице, очеловечив его, преобразуя, делая нежным.

И на лице Руфи, как в зеркале, я увидел то же превращение!

— Идемте, — сказала Норала и двинулась к сверкающему занавесу. Она положила руку на шею Руфи, и у нее на плече я увидел следы пальцев Вентнора, оскверняющие чистоту ее кожи, пачкающие ее, как святотатство.

На мгновение я задержался, глядя, как их фигуры становятся туманными; потом торопливо пошел следом. Оказавшись в тумане, я ощутил приятное покалывание, ускорение пульса, приподнятость.

Пытаясь расклассифицировать, привести в порядок свои ощущения, я принялся догонять ушедших вперед. Еще десяток шагов, и мы вышли из-за занавеса.

11. МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТОР

Мы стояли на краю колодца, стены которого были из того же зеленого туманного свечения, через какое мы пролетели, только здесь оно было плотнее; такое впечатление, будто его частицы прижаты друг к другу. На тысячи футов над нами поднимался туманный цилиндр, и в маленьком отдаленном круге, который был выходом из него, я увидел звезды; и понял, что колодец находится под открытым небом.

Шахта не менее полумили в диаметре, и по всей ее высоте через равные промежутки проходят широкие аметистовые полосы — как кольца в пустом патроне. Они по цвету точно повторяли те, что я видел при спуске в это удивительное место и на фоне которых вырисовывались очертания удивительного города. Они все время вращались, и быстро.

Лишь один взгляд бросил я на них, потому что мое внимание приковало к себе нечто необыкновенное: сооружение, алтарь, машина — я не мог подобрать слова.

Основание его находилось всего в ста ярдах от нас и было концентрично по отношению к стенам шахты. Стояло оно на толстом круглом пьедестале как будто из непрозрачного горного хрусталя; пьедестал опирался на множество колонн из того же материала.

Над пьедесталом вздымалась некая структура, состоящая из сверкающих конусов и вращающихся дисков; фантастическая, но странно симметричная; причудливая, как угловатый головной убор горных богов яванцев — и в то же время холодно, болезненно математическая. Конусы торчали во всех направлениях, по-видимому, переплетенные полосками металла и света.

Какого они цвета? Мне почему-то пришел в голову тот загадочный элемент, который окрашивает корону Солнца, эту солнечную диадему, видимую только при полном затмении; неизвестный элемент, которому наука дала название короний и который никогда не был найден на Земле; впрочем, возможно, электричество — одна из форм его существования; осязаемое электричество; сила, тесно связанная с массой; энергия, превращенная в материю.

Тысячи конусов торчали во все стороны, заканчиваясь мощным шпилем, доходившим до самого выхода из колодца.

В их расположении мозг улавливал бесконечные расчеты, апофеоз геометрического выражения неизвестных пространственных измерений, уравнения, которыми руководствуются бесчисленные звезды.

Математика космоса.

Слева от хрустального основания вздымался большой шар. Он вдвое выше рослого человека и светлее остальных металлических существ, почти лазурный; и в других, каких-то неясных отношениях он тоже отличался от них.

За ним скользили две пирамиды, их вершины на ярд вздымались над шаром. Пирамиды остановились, рассматривая нас. С противоположной стороны хрустального пьедестала приплыли шесть других шаров, меньших, чем первый, и более темных, синевато-пурпурных.

Они разделились и встали по обе стороны большого шара и чуть впереди пирамид — линия внимательных стражников.

Так они стояли загадочным рядом, внимательно глядя на нас, под своим богом или машиной из конусов и дисков, внутри колодца со стенами из свечения.

И в этот момент в моем сознании кристаллизовалась сущность того, что произошло до этого, паническое чувство одиночества, будто я оказался в чуждом мире — настолько же чужом человеку, насколько чужим кажется наш мир мыслящему кристаллу.

Норала приветственно подняла белые руки; послышалось ее странное золотое пение. Может быть, это речь, подумал я. Если так, то что это: молитва или приказ?

Большой шар дрогнул и развернулся. Движение это было очень быстрым. Он раскрылся.

На месте лазурного шара блестел великолепный диск, сама душа пламени! Одновременно пирамиды подпрыгнули вверх и назад — на их месте холодным синим огнем горели две гигантские звезды с четырьмя лучами.

Зеленое свечение стен усилилось, по нему пробежали вспышки — как будто сам дух драгоценностей разорвал чары, удерживающие его, и торжествующе заполнил шахту своим великолепием. Песня Норалы смолкла; женщина опустила руку на плечо Руфи.

Мы трое, как один, подбежали к ним. Я ощутил шок, похожий на быстрый короткий удар по всем нервам и мышцам: они беспомощно застыли.

Парализующим был этот краткий незримый контакт, но никакой боли я не ощутил. Напротив, чрезвычайно обострились зрение и слух, невероятно усилились наблюдательные способности, как будто энергия моих двигательных центров переместилась в органы чувств.

Теперь я видел мельчайшие детали этого пламенеющего чуда и его служителей. Между ними скользнули Норала и Руфь, я не заметил никакого движения с их стороны и знал, что они не шли, их перенесла та же сила, что сделала нас неподвижными.

Но тут же я забыл о них, разглядывая диск.

Овальный, высотой футов в двадцать, — решил я, — двенадцать по короткой оси. По периферии его проходила широкая золотая лента, словно из солнечного хризолита.

Внутри этой полосы на математически правильных расстояниях располагались девять ярко светящихся овоидов. Они сияли, как гигантские драгоценные камни; цвет их переходил от светло-голубого водянистого через лазурный и пурпурный к призрачному розовато-лиловому, в котором просвечивали алые полутона.

В каждом овоиде горело пламя — сама суть жизненной силы.

Тело — выпуклое, похожее на шишку на щите, мерцающее серовато-розовое и хрустальное. От овоидов отходили светящиеся полоски, радужные и яркие, как ручейки расплавленных драгоценностей; эти полоски вливались в центр диска, состоящий из спиралей, кругов, треугольников.

Что сказать об этом центре?

Даже сейчас я могу только высказать догадку. Это, несомненно, мозг, как мы понимаем мозг; но намного, намного превосходящий наш мозг по энергии и силе.

Он напоминал огромную розу. Невероятного размера розу с тысячами сложенных лепестков. Роза цвела мириадом меняющихся оттенков. И все время от овоидов в центр вливались потоки разноцветного пламени, они прибывали и убывали, создавая крещендо и диминуэндо невероятных гармоний, полных экстаза, ужасных.

В сердце розы звездой сиял пламенеющий рубин.

И все это от пламенного алого центра до золотистых вспыхивающих краев было проникнуто силой, огромной и сознательной.

С той же полнотой и ясностью воспринимал я и звездообразные фигуры, наполовину скрытые диском. Свечение их было не таким ярким, и не было у них огненного чуда пульсирующих драгоценных камней. Они были синие, с необычным оттенком синевы, и от синевато-черных выпуклостей на каждом видном мне луче к центру шли сверкающие синие линии.

Хоть они по форме и цвету отличались от овоидов диска, я понял, что это тоже органы чувств, но неведомых чувств с неизвестными возможностями. Центр звезд мне не был виден.

Женские фигуры подплыли к диску и остановились.

И в тот же момент я почувствовал прилив сил, освобождение от сдерживающей меня силы, как будто лопнули связывавшие меня узы. Вентнор побежал, держа ружье наготове. Мы — за ним; приблизились к светящимся женским фигурам; тяжело дыша, остановились в десяти шагах от них.

Норала взлетела к пламенеющему центру диска, будто поднятая невидимыми руками. На мгновение повисла там. Я увидел ее изумительное тело, просвечивающее сквозь покровы, окутанное мягким розовым сиянием.

Она поднялась еще выше, к правому краю диска. Из краев трех овоидов появилось облако щупалец, тонких, как опаловые паутинки. Они на ярд отошли от диска, касались Норалы, ласкали ее.

Так она висела какое-то время; лицо ее мне не было видно; потом медленно опустилась и стояла, широко разведя руки, медные волосы облачком струились с ее гордой головы.

Мимо нее вверх проплыла Руфь, лицо ее было полно блаженства, будто она увидела рай, и в то же время бесконечно спокойно. Ее глаза были прикованы к центру огненной розы, в которой теперь вспышки стали ярче и чаще. Тут она повисла, и вокруг ее головы возник слабый ореол.

Снова вперед устремились паутинки-щупальца, прикасаясь к ней. Пробежали по ее грубой одежде — озадаченно. Обернулись вокруг шеи, взъерошили волосы, погладили брови, грудь, обняли за талию.

Все это странно напоминало изучение разумным существом из другого мира какого-то нового образца; это существо поражено сходствами и отличиями с собой и пытается разгадать их сущность. И будто советуясь с другими, это существо переместило Руфь ближе к правой звезде.

В этот момент прогремел выстрел.

Еще один; эти звуки прозвучали как профанация. Вентнор, на которого мы не смотрели, отошел в сторону, откуда смог стрелять в центр диска. Он склонился в нескольких ярдах от нас, бледный, с яростными серыми глазами, тщательно целясь для третьего выстрела.

— Не нужно! Мартин, не стреляйте! — закричал я, подбегая к нему.

— Стойте! Вентнор... — крик Дрейка смешался с моим.

Но еще до этого Норала, как быстрая ласточка, подлетела к нему. Руфь мягко опустилась к основанию диска и стояла, слегка раскачиваясь.

Из сине-черного утолщения на конце одной звезды устремился осле-

пительный луч, молния, такая же реальная, как молнии грозы, устремилась к Вентнору.

Разрываемый воздух смыкался за ней с треском разбитого стекла. Молния ударила — в Норалу.

И, казалось, расплескалась по ней, пробежала, как вода. Извивающийся язычок пламени пробежал по ее обнаженному плечу, перепрыгнул на ствол ружья Вентнора. Охватив все ружье, пламя коснулось Вентнора. Ружье вылетело из его рук, полетело вверх и там, высоко над нами, взорвалось. Вентнор конвульсивно вскочил с колен и упал.

Я услышал плач, горький и негромкий. Мимо нас пробежала Руфь, все неземное исчезло с ее лица, которое превратилось в маску человеческого горя и ужаса. Руфь бросилась к брату, послушала его сердце; поднялась с колен и протянула к диску умоляющие руки.

— Не нужно! Не делайте ему больно! Он не хотел плохого! — жалобно воскликнула она, как ребенок. Схватила Норалу за руку. — Норала, не позволяй им убить его! Не позволяй причинять ему боль. Пожалуйста! — всхлипывала она.

Я услышал проклятие Дрейка.

— Если они тронут ее, я убью эту женщину! Клянусь Господом, убью! — И он подошел к Норале.

— Если хочешь остаться в живых, отзови этих своих дьяволов. — Голос его звучал сдавленно.

Она взглянула на него; на ее спокойном лице, в ясном безмятежном взгляде читалось явное недоумение. Конечно, она не поняла его слов, но не это вызывало у меня тяжелые предчувствия.

Она не понимала причины его слов. Не понимала причины горя Руфи, ее мольбы.

Все с большим и большим удивлением переводила она взгляд от угрожающего Дрейка на умоляющую Руфь, потом на неподвижное тело Вентнора.

— Переведите ей мои слова, Гудвин. Я говорю серьезно.

Я покачал головой. Это не выход. Взглянул на диск, по-прежнему окруженный секстетом шаров, охраняемый пламенными звездами. Они стояли неподвижно, спокойно — наблюдали. Я не чувствовал ни враждебности, ни гнева; как будто они ждут от нас... чего ждут?

Я понял: они равнодушны. Так же равнодушны, как мы к судьбе поденок; и лишь слегка любопытны.

— Норала, — повернулся я к женщине, — она не хочет, чтобы он страдал, не хочет, чтобы он умер. Она его любит.

— Любит? — повторила она, и все ее удивление кристаллизовалось в этом слове. — Любит?

— Она его любит, — повторил я; и потом, повинуясь непонятному импульсу, добавил, указывая на Дрейка: — А он любит ее.

Послышалось негромкое удивленное восклицание Руфи. Норала

снова взглянула на нее. Потом с легким недоумевающим жестом повернулась к диску.

* * *

Мы напряженно ждали. Они явно общались, обменивались мыслями. Как, не могу даже догадаться.

Но совершенно очевидно, что эти двое: женщина-богиня и абсолютно нечеловеческое сооружение из металла — понимали друг друга.

Потому что Норала повернулась к нам, а тело Вентнора вздрогнуло, встало, постояло с закрытыми глазами, опустив голову на плечо, и поплыло к диску: как человек, которого невидимые вестники смерти, по верованиям арабов, уносят мертвым на суд к Аллаху.

Руфь застонала и прикрыла глаза; Дрейк подошел к ней, взял ее за руки, сжал их.

Тело Вентнора стояло перед диском, потом начало подниматься к его центру. Показались щупальца, коснулись его, потрогали, отогнули воротник рубашки. Тело поднялось выше, подплыло к правой звезде, к тому ее утолщению, что вызвало трагедию. Оттуда протянулись другие щупальца, осматривали, ласкали.

Потом тело опустилось, его мягко перенесли по воздуху и осторожно уложили у наших ног.

— Он не мертв, — сказала Норала рядом со мной. — Он не умрет. Может, даже снова сможет ходить. Они не могут помочь, — в ее голосе прозвучал оттенок извинения. — Они не знают. Они думали, это... — она колебалась, будто не могла подобрать слово, — будто это огненная игра.

— Огненная игра? — переспросил я.

— Да, — она кивнула. — Вы увидите. А теперь я возьму его к себе в дом. Вы в безопасности, не бойтесь. Он отдал вас мне.

— Кто отдал нас тебе, Норала? — как можно спокойнее спросил я.

— Он... — Она кивнула в сторону диска и произнесла титул, которым древние ассирийцы и древние персы наделяли своих королей-завоевателей. Титул этот означал «царь царей, великий царь, хозяин жизни и смерти». Она отобрала у Дрейка руки Руфи, указала на Вентнора.

— Неси его, — приказала она и пошла назад от диска, сквозь стены света.

Когда мы поднимали тело, я просунул руку под рубашку и пощупал сердце. Пульс медленный, но ровный.

Подойдя к мерцающей круглой стене, я оглянулся. Сверкающий диск, гигантские звезды и шесть больших шаров стояли неподвижно под своим геометрическим суперэвклидовым богом, алтарем или ма-

шиной из переплетающихся силовых линий и металла. Стояли неподвижно и смотрели на нас.

Мы вышли в пространство с колоннами. Тут нас терпеливо ждал пони. Вид этого послушного слуги вызвал комок у меня в горле. Мое человеческое тщеславие, вероятно, было унижено равнодушием этих существ, для которых мы всего лишь игрушки.

Снова Норала мелодично крикнула. Из пирамиды колонн показались пять кубов. Четыре из них снова соединились, образовав платформу. Мы поднялись на нее, Дрейк первым; потом подняли пони и, наконец, тело Вентнора.

Я видел, как Норала ведет Руфь к оставшемуся кубу; девушка вырвалась, склонилась рядом со мной, прижала голову брата к груди. Отыскав в медицинской сумке шприц и нужный раствор, я принялся осматривать Вентнора.

Кубы дрогнули, полетели сквозь лес колонн.

Мы присели, не обращая внимания на окружающее, слепые к новым чудесам, стараясь разжечь в Вентноре искорку жизни, почти погасшую.

12. Я ДАМ ТЕБЕ МИР

Занятые Вентнором, мы не замечали ни времени, ни того, куда направляемся. Мы раздели его по пояс, Руфь массировала ему голову и шею, а сильные пальцы Дрейка разминали грудь и живот. Я почти до предела истощил свои скромные познания в медицине.

Ни раны, ни ожога на нем мы не нашли, даже на руках, по которым пробежало жидкое пламя. Слегка пурпурный, синюшный оттенок кожи сменился обычной бледностью; кожа прохладная, давление крови чуть ниже нормального. Пульс участился, стал сильнее; дыхание слабое, но регулярное и не затруднено. Зрачки глаз сократились и стали почти невидимы.

Никакой нервной реакции я не мог вызвать. Я знаком с результатами удара электричеством, знаю, что делать в таких случаях, но у Вентнора проявлялись симптомы, отчасти известные мне, но в то же время и незнакомые, вызывавшие удивление. Странный пассивный автоматизм, окоченелость мышц: руки и ноги, как у куклы, оставались в любом положении, в каком мы их оставляли.

Несколько раз во время работы я замечал, что Норала смотрит на нас; но она не пыталась помочь и не разговаривала.

Теперь, слегка успокоившись и расслабившись, я начал обращать внимание на окружающее. В воздухе что-то изменилось, чувствовалось, что электрическое напряжение слабеет; появился благословенный запах зелени и воды.

Свет вокруг прозрачно-жемчужный, примерно как луна в полнолуние. Оглядываясь назад, туда, откуда мы летели, я видел в полумиле за нами вертикальные острые края двух утесов и щель между ними в милю шириной.

Должно быть, мы пролетели в эту щель, потому что в ней виднелось радужное туманное свечение города; оно пробивалось наружу сквозь этот вход. По обе стороны от нас возвышались вертикальные стены утесов, они постепенно снижались; у их основания виднелась чахлая зелень.

Дрейк негромко, удивленно свистнул; я обернулся. Мы медленно подплывали к чему-то, удивительно напоминавшему гигантский пузырь из сапфира и бирюзы, на две трети поднимающийся над поверхностью; остальное скрывалось внизу. Казалось, он притягивает к себе свет и отбрасывает многоцветные отражения.

Маленькие башенки, круглые, пронизанные прямоугольными отверстиями, покрывали его поверхность, как крошечные пузырьки, присевшие передохнуть.

Этот пузырь-купол частично скрывали высокие незнакомые деревья, усеянные розово-белыми цветами, похожими на цвет яблони.

Волшебное место; жилище гоблинов; такой дом мог построить царь джиннов для возлюбленной дочери Земли.

Голубой купол достигал пятидесяти футов в высоту, и к его широкому овальному входу вела гладкая блестящая дорога. Кубы пронеслись по ней и остановились.

— Мой дом, — сказала Норала.

Сила, удерживавшая нас на поверхности кубов, ослабла, изменила угол своего приложения; армия крошечных глаз вопросительно смотрела на нас; мы осторожно опустили тело Вентнора; свели вниз пони.

— Входите, — сказала Норала, приглашающе взмахнув рукой.

— Скажите ей, пусть подождет минутку, — попросил Дрейк.

Он снял повязку с головы пони, сбросил седельные мешки и отвел животное в сторону от дороги, где росла свежая трава, усеянная цветами. Тут он стреножил пони и вернулся к нам. Мы подняли Вентнора и медленно прошли в дверь.

Мы оказались в затененной комнате. Ее заполнял неяркий свет, прозрачный, без оттенка голубизны, которого я ожидал. Хрустальный свет; и тени тоже хрустальные, жесткие — как грани большого кристалла. Когда глаз привык, я увидел, что эти тени — совсем не тени.

Перегородки из полупрозрачного камня, похожего на лунный; они отходили от изгибающихся стен высокого купола и делили его на отдельные помещения. В них овальные двери с металлически блистающими занавесями — шелк с отблеском серебра или золота.

Я увидел недалеко груду шелковистых покровов; мы принялись

укладывать на них Вентнора, и в этот момент Руфь с испуганным возгласом схватила меня за руку.

Через занавешенный овал скользнула фигура.

Черная и высокая, длинные мускулистые руки свисают, как у обезьяны; плечи широкие и уродливые, одно намного длиннее другого, и рука с этой стороны свисает ниже колен.

Двигалась эта фигура боком, словно краб. Лицо покрыто бесчисленными морщинами, и чернота его казалась не свойством пигмента кожи, а результатом бесчисленных прожитых лет. И ни на лице, ни в фигуре ничто не позволяло сказать, кто перед нами: мужчина или женщина, а может быть — и евнух.

С изуродованных плеч спадало короткое красное одеяние без рукавов. Существо казалось невероятно древним, а могучие мышцы и напряженные сухожилия свидетельствовали об огромной силе. Во мне оно вызвало какое-то отвращение. Но глаза у него не древние, нет. Без ресниц, без радужной оболочки, черные и яркие, они сверкали на этом морщинистом лице, смотрели только на Норалу и были полны огнем преклонения.

* * *

Существо распростерлось у наших ног, вытянув длинные руки.

— Хозяйка! — взвыло оно высоким неприятным фальцетом. — Великая Богиня!

Норала коснулась сандалией его вытянутой руки, и при этом прикосновении по лежащему телу пробежала дрожь экстаза. — Юрук, — начала она и смолкла, глядя на нас.

— Богиня говорит! Юрук слушает! Богиня говорит! — В голосе звучало восхищение.

— Юрук. Встань. Посмотри на незнакомцев.

Существо — теперь я понял, кто это, — поднялось, присело на корточки, удивительно напоминая обезьяну, упираясь кулаками в пол.

По изумлению в его немигающем взгляде я понял, что до сих пор евнух даже не замечал нашего присутствия. Изумление исчезло, сменилось огнем злобы, ненависти — ревности.

— Агх! — рявкнул он. Вскочил, протянул руку к Руфи. Она испуганно вскрикнула, прижалась к Дрейку.

— Полегче! — Дрейк ударил его по руке.

— Юрук! — в звонком голосе слышался гнев. — Юрук, они мои. Им нельзя причинять вред. Берегись, Юрук!

— Богиня приказывает. Юрук повинуется. — И хоть в голосе его слышался страх, но в то же время и злобное недовольство.

— Отличный товарищ для ее новых игрушек, — пробормотал Дрейк. — Но если этот тип начнет развлекаться, я тут же пристрелю

его. — Он подбадривающе прижал к себе Руфь. — Веселей, Руфь. Не обращайте на него внимания. С этим-то мы справимся.

Норала взмахнула белой рукой. Юрук исчез в одном из завешенных выходов и почти тут же вернулся с большим подносом, полным фруктов, и густой белой жидкостью в фарфоровых чашках.

— Ешьте, — сказала Норала, когда узловатые руки поставили поднос у наших ног.

— Голодны? — спросил Дрейк. Руфь покачала головой.

— Схожу за нашими седельными мешками, — сказал Дрейк. — Будем пользоваться своими продуктами, пока их хватит. Не стал бы пробовать то, что принес этот парень Юрук — при всем уважении к добрым намерениям Норалы.

Он направился к выходу, евнух преградил ему путь.

— У нас с собой своя еда, — объяснил я Норале. — Он идет за ней.

Она равнодушно кивнула, хлопнула в ладоши. Юрук отступил, и Дрейк вышел.

— Я устала, — вздохнула Норала. — Путь был долгий. Надо освежиться...

Она протянула Юруку ногу. Тот встал на колени, развязал бирюзовые ремни, снял сандалии. Норала поднесла руки к груди.

Медленно скользнуло вниз ее одеяние, как будто не хотело расставаться с нею; с шорохом спустилось с ее высокой нежной груди, с изысканных круглых бедер и легло у ног, как опавшие лепестки цветка из бледно-янтарной пены. Из чашечки этого цветка поднималось сверкающее чудо ее тела, увенчанного облаком дивных волос.

Она была обнажена и в то же время одета в неземную чистоту, чистоту далеких спокойных звезд, вечного снега на высоких вершинах, прозрачного серебристого весеннего рассвета; тело ее излучало божественное очарование, от которого гасло пламя желания. Юная Иштар, девственная Изида, женщина — но без женской притягательности, словно изысканная живая статуя из слоновой кости и молочного жемчуга.

Она стояла, не обращая внимания на наши взгляды, отчужденная, далекая, как будто забывшая о нашем существовании. И это спокойное равнодушие, полное отсутствие того, что мы называем сознанием пола, еще яснее показало, какая огромная пропасть разделяет нас.

Она медленно подняла руки, сплела свои роскошные локоны в корону. Я видел, как вошел с седельным мешком Дрейк; увидел, как мешок выпал из его рук при виде этого поразительного зрелища; увидел, как расширились его глаза, полные удивления и благоговейного восхищения.

Норала переступила через упавшие одежды и двинулась к дальней стене, Юрук последовал за ней. Он наклонился, поднял серебряный кувшин и начал осторожно лить на плечи женщины его содержимое.

Снова и снова наклонялся он, наполняя сосуд из мелкого бассейна, из которого с журчанием вытекал чистый ручеек. Я восхищался мраморной гладкостью и тонкостью кожи Норалы, на которой ласковая вода оставляла крошечные серебристые брызги-жемчужинки. Евнух скользнул в сторону, достал из стенного шкафа белое полотенце, вытер Норалу, набросил ей на плечи синюю шелковую накидку.

Она вернулась к нам, склонилась к Руфи, которая сидела, держа на коленях голову брата.

Сделала движение, будто хотела привлечь девушку к себе, но увидела на лице Руфи нежелание. Какая-то тень промелькнула в ее широких загадочных глазах; с тем же выражением жалости, смешанным с любопытством, взглянула она на Вентнора.

— Выкупайтесь, — сказала она, указывая на бассейн. — И отдохните. Здесь вам не грозит опасность. А ты... — на мгновение рука ее замерла на голове девушки, — когда захочешь, я снова дам тебе мир.

Она раздвинула занавес и в сопровождении евнуха исчезла за ним.

13. ГОЛОС ИЗ ПУСТОТЫ

Мы беспомощно переглянулись. Потом Руфь покраснела, опустила голову: может, увидела выражение глаз Дрейка, может, из-за какой-то мысли; паутина ее волос скрыла ее лицо и бледное загорелое лицо Вентнора.

Неожиданно она вскочила на ноги.

— Уолтер! Дик! Что-то происходит с Мартином!

Мы мгновенно оказались рядом, склонились к Вентнору. Рот его открылся, медленно, медленно, с явным усилием. И сквозь почти неподвижные губы послышался голос, слабый, будто долетающий с бесконечно далекого расстояния, призрак голоса.

— Трудно... трудно! Так трудно! — жаловался этот шепот. — Не могу долго поддерживать связь... голосом... Глупо было стрелять. Простите... мог вызвать для всех большие неприятности... но сходил с ума от страха за Руфь... думал, стоит попытаться. Простите, я так обычно себя не веду...

Тонкая струйка звуков оборвалась. Я почувствовал, как наполняются слезами глаза; как это похоже на Вентнора — ругать себя за кажущуюся глупость, просить прощения, признавать свою ошибку — точно так же, как не похоже безумное нападение на диск в его собственном храме, в окружении его собственных прислужников, на обычно хладнокровного Вентнора.

— Мартин, — сказал я, наклоняясь ближе, — все в порядке, дружище. Вас никто не винит. Попытайтесь успокоиться.

— Дорогой, — в голосе Руфи звучала нежность, — это я. Ты меня слышишь?

— Только искорка сознания в неподвижной пустоте, — снова послышался голос. — Живой и ужасно одинокий. Похоже на бесконечный космос — и в то же время в своем теле. Не могу ни видеть, ни слышать, ни ощущать — все закорочено, замкнуто, но каким-то непонятным способом узнаю вас, Руфь, Уолтер, Дрейк. Вижу без зрения... плыву в темноте, которая одновременно свет... черный свет... неописуемый. Соприкасаюсь с этими...

Снова затих его голос; вернулся, слова произносились не очень связно, в странном и беспокойном ритме, как вершины волн, соединенные только полосками пены... озвученные обрывки мыслей, созданные какими-то неведомыми способностями мозга, сложившиеся в невероятное сообщение.

— Групповое сознание... гигантское... действующее в нашей области... также в областях вибрации, энергии, силы... выше, ниже уровня, доступного человеку... воспринимающее... в его распоряжении известные нам силы... но в гораздо большем масштабе... управляющее неизвестными нам видами энергии... неведомыми нам чувствами... не могу понять их... невозможно передать... только редко сталкивается с известными нам... силами, чувствами... но даже тут сильно видоизмененные... металлические... кристаллические, магнитные, электрические... Неорганические... сознание в основе своей то же, что у нас... но фундаментально измененное средствами, при помощи которых проявляет себя... разница в теле... нашем... их... Сознание, подвижное... неумолимое, неуязвимое... все яснее... не могу увидеть ясно... — в голосе звучало отчаяние, он стал пронзительным. — Нет! Нет, о Боже! Нет!

Потом ясно и торжественно:

— И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествует он над рыбами морскими и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле [1].

Молчание. Мы придвинулись, прислушиваясь; снова негромкий далекий голос... теперь он еще дальше. Что-то пропущено между текстом из «Бытия» и тем, что мы услышали дальше; что-то такое, о чем он хотел нас предупредить, но не смог выразить. Шепот оборвался на середине фразы:

— Не Иегова бог тех мириадов миллионов, что в течение столетий и других столетий до этого находили на земле сад и могилу... и все эти бесчисленные боги и богини — лишь призрачные барьеры между человеком и теми вечными силами, которые, как инстинктивно знает человек, готовы его уничтожить. Уничтожить, как только уменьшится его бдительность, ослабнет сопротивление — вечный неумолимый закон,

[1] Библия. Книга «Бытие», 1, 26. *(Прим. перев.)*

который безжалостно уничтожит человечество в тот же момент, как человечество с ним столкнется и обернет против себя его волю и силу...

Небольшая пауза; затем следующие фразы:

— Слабые, которые молятся о чуде, чтобы оно расчистило им дорогу; а расчистить может только их воля. Нищие, просящие милостыню у снов. Крикуны, возлагающие на богов свою ношу; но только эта ноша может дать им силу быть свободными и ничего не бояться, самим стать подобными богам среди звезд...

И опять далекий слабый голос:

— Господство над всей Землей? Да... пока человек годится для этого, но не дольше. Наука предупредила нас. Где были млекопитающие, когда миром правили гигантские ящеры? Прятались в страхе в темных убежищах. Но именно от этих прятавшихся животных происходит человек. Какой период в истории Земли человек владеет ею? Один вдох, мимолетное облачко. И будет оставаться хозяином только до тех пор, пока власть не вырвет у него кто-нибудь более сильный... точно так же, как сам он вырвал власть у соперничавших видов... как вырвали власть ящеры у гигантских земноводных... а те в свою очередь у кошмарных обитателей триасовых морей... и так до первобытной слизи на заре земной жизни. Жизнь! Жизнь! Жизнь! Жизнь повсюду стремится к завершению. Жизнь отодвигает в сторону другую жизнь, борется за мгновения превосходства, добивается его, снова уходит в вечность, падает под ноги другой подымающейся жизни, чей час пробил... Жизнь бьется в каждый запретный порог миллионы лет, да, в миллионах вселенных; толкает двери, срывает их, обрушивается на жителей, которые считали себя в безопасности. И эти... эти... — голос неожиданно упал, стал хриплым, — ...за порогом дома человека, а он даже не подозревает, что его двери уже взломаны. Эти... металлические существа с мозгом из мыслящего кристалла, существа, сосущие энергию солнца... их кровь — молнии. Солнце! Солнце! — вдруг воскликнул он. — Вот в чем их слабость.

Голос стал высоким и скрипучим.

— Возвращайтесь в город! Возвращайтесь в город! Уолтер... Дрейк. Они не неуязвимы. Нет! Солнце — ударьте по ним через солнце! Идите в город... они не неуязвимы... Хранитель конусов... ударьте по Хранителю, когда... Хранитель конусов... аххх!..

Мы в ужасе отпрыгнули, потому что из почти неподвижных губ сорвался смех, безумный, издевательский, ужасающий.

— Уязвимы... по тому же закону... что и мы! Конусы! Идите!.. — выдохнул он. Задрожал. Рот его медленно закрылся.

— Мартин! Брат! — плакала Руфь. Я приложил руку к его груди: сердце его билось, в его ударах чувствовалась упрямая воля, как будто здесь, как в осажденной крепости, сосредоточились все его силы.

Но сам Вентнор, то сознание, что было Вентнором, ушло; отступило в тот мир, в котором, как он сказал, оно плывет — одинокий чувствующий атом; единственная линия его связи с нами прервалась; перерезана так, словно он действительно теперь в далеком космосе.

Мы с Дрейком посмотрели в глаза друг другу, не решаясь нарушить молчание; его прерывали только всхлипывания девушки.

14. СВОБОДНА! НО КАКОЕ ЧУДОВИЩЕ!

Своеобразная способность человеческого мозга скрываться за банальностями сразу после психологического кризиса или даже во время него всегда казалась мне особенно интересной.

Конечно, это способ инстинктивной защиты, возникший по той же причине, по какой у животных вырабатывается защитная окраска, например, полоски зебры и тигра, которые позволяют им сливаться с кустарником и джунглями, форма стебелька или листка у некоторых насекомых; и вообще все изумительное искусство маскировки, которое так развилось в ходе последней войны.

Подобно дикому животному, мозг человека пробивается через джунгли — джунгли жизни, переходит по мысленным тропам, проторенным поколениями его предшественников в их продвижении от рождения к смерти.

И тропы эти ограждены и закрыты фигурально и буквально — кустами и деревьями по нашему собственному выбору; это убежища привычного, постоянного, знакомого.

На этих унаследованных тропах, за этими привычными барьерами человек чувствует себя уверенно, как животное на своей территории, — по крайней мере он так считает.

За пределами троп дикая местность, мир неведомого, и тропы человека — всего лишь кроличьи норы на опушке огромного леса.

Но для человека — это родной дом!

Поэтому сюда он устремляется после каких-нибудь откровений, после бури эмоций, напряженной борьбы — он старается уйти в убежище привычного; ему нужно такое окружение, которое не требует траты умственной энергии или инициативы, где не нужно напрягать силы в борьбе с неизвестным.

Прошу прощения за это отступление. Я написал это, вспомнив слова, которыми Дрейк, наконец, нарушил молчание.

Он подошел к плачущей девушке, и голос его прозвучал резко. Я вначале рассердился, но потом понял его цель.

— Вставайте, Руфь, — резко сказал он. — Он пришел в себя и придет снова. Оставьте его и позаботьтесь о еде. Я хочу есть.

Она недоверчиво, возмущенно взглянула на него.

— Есть? — воскликнула она. — Вы можете думать о еде!

— Конечно!.. — оживленно ответил он. — Давайте поработаем, вместе у нас получится.

— Руфь, — мягко вмешался я, — нам нужно немного подумать и о себе, если мы хотим ему помочь. Вы должны поесть, а потом отдохнуть.

— Нечего оплакивать молоко, даже если оно пролилось, — еще более оживленно заметил Дрейк. — Я понял это на фронте; мы вопили от радости при виде пищи, даже если парня, который ее принес, разорвало на клочки.

Руфь подняла с колен голову Вентнора, опустила ее на шелка, гневно вскочила, сжав кулаки, будто собиралась ударить Дрейка.

— Вы животное! — прошептала она. — А я думала... думала... О, как я вас ненавижу!

— Вот так-то лучше, — сказал Дик. — Ну, ударьте меня, если хотите. Чем больше рассердитесь, тем лучше себя почувствуете.

На мгновение мне показалось, что она его послушается; но тут гнев ее рассеялся.

— Спасибо... Дик, — спокойно сказала она.

И пока я сидел с Вентнором, они вдвоем приготовили еду из наших запасов, вскипятили чай на спиртовой лампе, набрав воды в журчащем ручейке. И я знал, что в этих повседневных заботах Руфь нашла облегчение после невыносимого напряжения и сверхъестественной обстановки, в которой мы так долго находились. К своему удивлению, я обнаружил, что проголодался, и с глубоким облегчением заметил, что Руфь тоже поела, хоть и немного.

Что-то в ней по-прежнему было неуловимое и тревожное. Может, просто эффект необычного освещения, думал я; и сразу понял, что это не так; украдкой поглядывая на Руфь, я видел в ее лице тень все того же нечеловеческого спокойствия, неземного отчуждения, которое, как я считаю, больше всего вывело из себя Вентнора и заставило его напасть на диск.

Я видел, как Руфь сражается с этим неизвестным, отгоняет его. Побледнев, она подняла голову и взглянула на меня. И в глазах ее я прочел ужас — и стыд.

— Руфь, — сказал я, — нет необходимости напоминать вам, что мы в трудном положении. Любой факт, любой обрывок знаний для нас необычайно важен, он может определить наши действия. Я хочу повторить вопрос вашего брата: что с вами сделала Норала? И что случилось с вами, когда вы подплыли к диску?

Вспышка интереса в глазах Дрейка сменилась удивлением: Руфь отшатнулась от моих вопросов.

— Ничего... — прошептала она, потом вызывающе: — Ничего. Не понимаю, о чем вы говорите.

— Руфь! — теперь я говорил резко. — Вы знаете. Вы должны нам сказать — ради него. — И я указал на Вентнора.

* * *

Она перевела дыхание.

— Вы правы... конечно, — неуверенно ответила она. — Только я... мне казалось, я с этим справлюсь. Но вы должны знать: я помечена.

Я перехватил быстрый взгляд Дрейка; в нем то же опасение за ее душевное здоровье.

— Да, — сказала она спокойнее. — Что-то новое и чуждое в самом сердце, в сознании, в душе. Оно пришло ко мне от Норалы, когда мы летели на кубе, и он... он поставил на мне свою печать... когда я была... — она покраснела, — в его объятиях.

Мы смотрели на нее, а она задумчиво продолжала:

— Что-то заставляло меня забыть вас двоих... и Мартина... и весь знакомый мне мир. Оторвать меня от вас... от всех... перенести в какое-то неведомое спокойствие, в упорядоченный экстаз вечной тишины. И я так хотела подчиниться этому зову, помоги мне Господь!

— Я почувствовала это впервые, — продолжала она, — когда Норала положила руку мне на плечо. Это ощущение плыло со мной, окутывало меня, как... как вуаль, с головы до ног. Это спокойствие и мир, и в нем глубочайшее счастье, счастье бесконечной и абсолютной свободы. Мне казалось, что я на пороге неведомых экстазов... а вся моя прошлая жизнь — только сон: и вы все, и даже Мартин — сновидения. Вы не были... реальны... и вы... не имели никакого значения.

— Гипноз, — сказал Дрейк, когда она смолкла.

— Нет, — она покачала головой. — Нет, это нечто большее. Это ощущение — ощущение чуда — все усиливалось. Я вся была полна им. Ничего не помню о нашем полете, ничего не видела... и только однажды сквозь окутавший меня туман донеслось предупреждение, что Мартин в опасности, и я прорвалась сквозь эту завесу и увидела, как он схватил Норалу, а в глазах ее смерть. Я спасла его... и снова забыла. А потом, увидев прекрасное пламенное Существо... я не испытала ни страха, ни ужаса... только сильнейшее... радостное... предчувствие, как будто... как будто... — Она смолкла, опустила голову и, так и оставив предложение незаконченным, прошептала: — И когда... оно... подняло меня, было такое чувство, будто я, наконец, вырвалась из черного океана отчаяния и увидела солнце рая.

— Руфь! — воскликнул Дрейк; в голосе его слышалась боль; лицо Руфи исказилось.

— Подождите, — сказала она, поднимая маленькую дрожащую руку. — Вы сами спросили... и теперь должны выслушать.

Она помолчала; а когда снова заговорила, в голосе ее звучал странный низкий ритм, глаза ее сверкали.

— Я была свободна... свободна от всех человеческих пут: страха и печали, любви и ненависти; свободна даже от надежды: к чему надежда, если все, чего я хочу, принадлежит мне? Я была частицей вечности и в то же время полностью сознавала, что я — это я. Как будто я превратилась в отражение сияющей звезды на поверхности тихого лесного пруда; стала легким ветерком, овевающим горные вершины; туманом, окутывающим спокойную долину; сверкающим лучом зари высоко в небе. И музыка — странная, удивительная, ужасная — но мне она не казалась ужасной, я сама была ее частью. Мощные аккорды, великие темы, подобные звездным роям, гармония — голос закона вечности, преобразованного в звуки. И все это... бесстрастно... но... восхитительно. От Существа, которое держало меня, от его огней исходила жизненная сила, поток нечеловеческой энергии, в котором я купалась. Как будто эта энергия... заново собирала меня, приближала к первоисточнику жизни, сливала меня с ним. Я чувствовала, как меня касаются легкие щупальцы, ласкают меня... и тут послышались выстрелы. Пробуждение было... ужасным, я с трудом возвращалась. Увидела Мартина... он лежал, пораженный. И разорвала чары, отбросила их. — И, о Уолтер, Дик... как это было больно... как больно! В то мгновение я будто отказалась от мира, в котором нет беспорядка, нет печали, сомнений, от ритмичного, гармоничного мира света и музыки, ушла в мир, подобный... черной, грязной кухне. И это ощущение во мне, — голос ее стал высоким, в нем слышались истерические нотки. — Оно во мне, оно шепчет, шепчет... пытается оторвать меня от вас, от Мартина, от всего человеческого; призывает сдаться, отказаться от своей человечности. Его печать! — всхлипнула она. — Чужое сознание, запечатанное во мне, оно пытается подчинить во мне человека, подавить мою волю... и если я сдамся, оно даст мне свободу, невероятную свободу... но я тогда перестану быть человеком и стану... чудовищем.

И она закрыла лицо дрожащими руками.

— Если бы я смогла уснуть! — простонала она. — Но я боюсь спать. Мне кажется, я никогда больше не смогу спать. Ведь если я усну, то не знаю, кем проснусь...

Я поймал взгляд Дрейка; он кивнул. Тогда я порылся в медицинской сумке и достал нужный раствор.

Налил немного в чашку и поднес к ее губам. Как ребенок, не раздумывая, она послушно выпила.

— Но я не сдамся. — Взгляд ее был трагичным. — Никогда! Я могу победить! Вы ведь верите мне?

— Победить? — Дрейк опустился рядом с ней, прижал ее к себе. — Вы храбрая девушка! Я знаю, конечно, вы победите. И помните: девять десятых того, что вы нам рассказали, просто результат переутомления

и напряженных нервов. Вы победите... мы все победим. Не сомневайтесь.

— Я не сомневаюсь, — ответила она. — Я это знаю... но будет трудно... но я буду... буду...

15. ДОМ НОРАЛЫ

Она закрыла глаза, тело ее расслабилось, средство подействовало быстро. Мы положили ее рядом с Вентнором на груду шелков, укрыли их складками, потом молча взглянули друг на друга, и я подумал, такое ли у меня мрачное и изможденное лицо, как у него.

— Похоже, нам стоит посовещаться, — сказал он наконец коротко. — Надеюсь, вы не хотите спать.

— Нет, — так же коротко ответил я; такая манера спрашивать не успокаивала нервы. — И даже если бы хотел, вряд ли взвалил бы на вас все проблемы и отправился спать.

— Ради Бога, не разыгрывайте примадонну! — выпалил он. — Я не хотел вас обидеть.

— Простите, Дик. Мы оба немного нервничаем. — Он кивнул, сжал мою руку.

— Было бы не так плохо, если бы все четверо были в нормальном состоянии. Но Вентнор отключился, и один Бог знает, на сколько. А Руфь... у нее все наши неприятности и еще вдобавок свои. Мне кажется... — он помолчал в нерешительности. — Мне кажется, что она не преувеличивала в своем рассказе. Может, наоборот, преуменьшила.

— Мне тоже, — мрачно согласился я. — И для меня это самое отвратительное в нашей ситуации — и причина не только в Руфи, — добавил я.

— Отвратительно! — повторил он. — Немыслимо, все это немыслимо. И тем не менее оно существует! И Вентнор — как он пришел в себя, что он говорил. Как будто заблудившаяся душа обрела голос. Был ли это бред, Гудвин? Или — если можно так выразиться — он вступил в контакт с этими существами, узнал их цель? Правда ли в его словах?

— Спросите себя сами, — ответил я. — Да вы знаете, что это правда. Разве вам и до его слов не приходили в голову такие мысли? Мне приходили. Его слова — лишь интерпретация, синтез фактов. Мне не хватало смелости сделать это самому.

— Мне тоже, — кивнул он. — Но он пошел дальше. А что он имел в виду, говоря о Хранителе конусов и о том, что эти существа подчиняются тому же закону, что и мы? И почему велел нам возвращаться в город? Откуда он мог знать?

— В этом-то как раз ничего необъяснимого нет, — ответил я. — Сверхъестественная способность к восприятию благодаря тому, что от-

резаны остальные, естественные каналы. В этом нет ничего необычного. В самой заметной форме мы находим это в чувствительности слепых. И вы, наверно, видели эксперименты с гипнозом, когда достигается тот же результат. Действуя вполне объяснимым способом, мозг приобретает возможность реагировать на то, что в нормальном состоянии не замечается, способен проникнуть в сферы более широкие, чем в нормальном состоянии. Есть такие болезни, при которых человек глохнет, но зато может воспринимать колебания намного выше и ниже обычного уровня человеческого восприятия.

— Знаю, — сказал он. — Меня не нужно убеждать. Но мы все это воспринимаем теоретически — а когда сталкиваемся сами на практике, начинаем сомневаться. Многие христиане не сомневаются, что Спаситель воскрес из мертвых, но если бы увидели это сегодня, стали бы настаивать на медицинском осмотре, помещении в клинику. Я не богохульствую, просто констатирую факты.

Неожиданно он встал и подошел к занавесу, за которым исчезла Норала.

— Дик! — воскликнул я, торопливо идя за ним. — Куда вы? Что собираетесь делать?

— Иду за Норалой, — ответил он. — Хочу поговорить с ней и разобраться.

— Дрейк! — в ужасе воскликнул я, — не повторяйте ошибки Вентнора. Так мы ничего не добьемся. Не нужно, прошу вас, не нужно.

— Вы ошибаетесь, — упрямо ответил он. — Я до нее доберусь. Ей придется говорить.

Он протянул руку к занавесу. Но не успел его коснуться, как он раскрылся. Показался черный евнух. Он стоял неподвижно, разглядывая нас; на его черном лице горело пламя ненависти. Я протиснулся между Дрейком и ним.

— Где твоя хозяйка, Юрук? — спросил я.

— Богиня ушла, — мрачно ответил он.

— Ушла? — Я не мог ему поверить: Норала мимо нас не проходила. — Куда?

— Кто может спрашивать у богини? Она приходит и уходит, когда ей вздумается.

Я перевел все это Дику.

— Он должен мне показать, — сказал Дик. — Не бойтесь, Гудвин, я не стану распускать язык. Но мне нужно с ней поговорить. Правда, нужно.

* * *

Что ж, подумал я, в его действиях много разумного. Совершенно очевидное решение — если, конечно, мы не признаем Норалу чем-то

сверхъестественным; а я не мог признать этого. Она распоряжается неведомыми силами, она в контакте с металлическими существами, на ней печать их разума, описанная Руфью, — все это так. Но она по-прежнему женщина, я был в этом уверен. И, конечно, Дрейк не повторит ошибки Вентнора.

— Юрук, — сказал я, — мы думаем, ты лжешь. Мы хотим поговорить с твоей хозяйкой. Отведи нас к ней.

— Я уже сказал вам, что она ушла отсюда, — ответил он. — Если вы мне не верите, мне все равно. Я не могу отвести вас к ней, потому что не знаю, где она. Вы хотите, чтобы я провел вас по ее дому?

— Да.

— Богиня приказала мне подчиняться вам. — Он сардонически поклонился. — Идите за мной.

Поиски наши были коротки. Мы вошли в то, что за неимением лучшего описания я назову центральным залом. Он круглый и весь покрыт грудами толстых небольших ковров; их цвета смягчились от времени.

Стены из того же подобия лунного камня, что и то помещение, в которое мы вошли через внешнюю дверь. Они поднимались вверх, к куполу, хрустальным цилиндрическим конусом. В стенах четыре двери, такие же, как та, через которую мы вошли. Мы по очереди заглянули в каждую дверь.

Все помещения оказались равными по размеру и форме, они расходились радиально от центрального зала. В каждом внешняя стена купола образовывала стену и потолок. Боковые стены — полупрозрачные перегородки; в каждой комнате стена, примыкающая к центральному залу — дугообразная.

Первое помещение оказалось абсолютно пустым. Во втором мы увидели с полдесятка наборов лат, множество коротких обоюдоострых мечей и длинных копий. Третье, я решил, логово Юрука; внутри медная жаровня, стойка с копьями и огромный лук; рядом прислонен полный стрел колчан. В четвертой комнате много больших и маленьких сундуков, деревянных и бронзовых; все прочно закрыты.

Пятая, несомненно, служила спальней Норалы. На полу толстый слой древних ковров. Рядом в домашнем беспорядке много пар сандалий. На одном сундуке груда гребней, поясов и лент, украшенных драгоценными камнями, алыми, синими, желтыми.

На все это мы едва взглянули. Искали Норалу. И не нашли ни следа. Она ушла, как и уверял нас евнух; невидимо мелькнула мимо Руфи, может быть, когда та не отрывала взгляда от брата; а может, в доме есть еще один тайный выход.

Юрук опустил занавесы и вернулся в первую комнату, мы за ним. Двое, оставшиеся в ней, не пошевелились. Мы подтащили седельные мешки и уселись на них.

Черный евнух присел в десяти шагах, лицом к нам; подбородок он опустил на колени, глядя на нас немигающими, лишенными всякого выражения глазами. Потом его удивительно длинные руки медленно двинулись; неторопливо, размеренно он описывал ими круги и дуги, касаясь пола когтями. Казалось, эти руки наделены собственной волей, независимы от остального тела.

Теперь я видел только его кисти, ритмично двигающиеся взад и вперед, так медленно, так усыпляюще — взад и вперед... — с этих черных рук стекал сон, они гипнотизировали...

Гипнотизировали! Я сбросил сонливость. Быстро взглянул на Дика, у того голова повисла, кивала, кивала ритмично, в такт движению черных рук. Я вскочил на ноги, дрожа от незнакомого чувства гнева, сунул пистолет прямо в сморщенное лицо.

— Будь проклят! — крикнул я. — Прекрати! Прекрати и повернись к нам спиной!

Мышцы рук сжались, когти напряглись, готовые схватить меня; глаза затянулись пленкой ненависти.

Он не мог знать, что это за трубка, которой я ему угрожаю, но ощутил угрозу. Обхватив руками колени, повернулся ко мне спиной.

— В чем дело? — сонно спросил Дрейк.

— Он пытался загипнотизировать нас, — коротко ответил я. — И это ему почти удалось.

— Да. — Дрейк совершенно пришел в себя. — Я смотрел на его руки, и мне все больше хотелось спать... Мне кажется, лучше связать Юрука. — Он встал.

— Нет, — удержал его я. — Пока мы настороже, он нам не опасен. Не хочу применять насилие. Подождите, может, это понадобится позже.

— Хорошо, — мрачно кивнул он. — Но говорю вам, доктор, когда наступит время, я буду действовать решительно. В этом пауке что-то такое, отчего мне хочется раздавить его... медленно.

— У меня нет угрызений совести — когда это полезно, — так же мрачно ответил я.

Мы снова опустились на седельные мешки; Дрейк достал черную трубку, печально посмотрел на нее, потом вопросительно на меня.

— Все мое было на убежавшем пони, — ответил я на его немой вопрос.

— И мое — на моем пони, — вздохнул он. — И во время бега в развалинах я потерял свой кисет.

Он снова вздохнул и сжал трубку зубами.

— Конечно, — наконец сказал он, — если Вентнор прав... в этом своем бестелесном анализе... есть от чего прийти в ужас.

— От этого и еще от многого другого, — согласился я.

— Он сказал «металл», — размышлял Дрейк. — Металлические су-

щества с кристаллическим мозгом и с молниями вместо крови. Вы принимаете это?

— Насколько я мог заметить, да, — ответил я. — Металлические, но подвижные. Неорганические, но со свойствами, которые мы до сих пор считали возможными только у органического вещества. Кристаллические, конечно, по строению и очень сложные. Магнитно-электрические силы составляют часть их жизни, как энергия мозга и нервных тканей — часть жизни человека. Одушевленные, подвижные, разумные комбинации металла с электрической энергией.

Дрейк сказал:

— Мы видели, как шар превратился в диск, а две пирамиды в звезды. Значит, их верхняя... оболочка способна изменяться. Думая об этом, я все время вспоминаю броненосца.

— Возможно... — у меня появилась новая мысль. — Возможно, под этой металлической оболочкой есть органическое тело, что-то мягкое, животное... как в панцире черепахи, в перламутровой раковине устрицы или ракообразного.

— Нет, — прервал он, — если там есть тело, оно должно находиться между внешней оболочкой и центром. Потому что в центре что-то кристаллическое, очень твердое, непроницаемое... Гудвин, Вентнор попал в цель. Я видел, как ударила пуля. Но не отскочила, просто упала вниз. Как муха, ударившаяся о камень... и существо даже не почувствовало этого удара, как камень не почувствует столкновения с мухой.

* * *

— Дрейк, — сказал я, — я считаю все-таки, что эти существа состоят исключительно из металла, они неорганические, в какой-то невероятной, неведомой нам форме. Будем действовать, исходя из этого.

— Вы правы, — согласился он, — но я хотел, чтобы вы первым сказали это. Разве это так невероятно, Гудвин? Как вы определите разум, сознание?

— Общепринято определение Геккеля. Все, способное воспринять стимул, реагировать под воздействием этого стимула и запомнить свою реакцию, может быть названо разумным, сознательным существом. Пропасть между тем, что мы называем органическим и неорганическим, постоянно сокращается. Вы знакомы с замечательными экспериментами Лилля с различными металлами?

— Очень поверхностно.

— Лилль доказал, что под воздействием электричества и других факторов металлы проявляют почти те же свойства, что нервы и мышцы человека. Они устают, отдыхают, а после отдыха становятся заметно сильнее; и у них бывает несварение, и они проявляют явные

свойства памяти. Он также обнаружил, что они могут заболеть и умереть. Лилль заключает, что существует металлическое сознание. Ле Бон первым доказал, что металл чувствительнее человека, что его неподвижность только видимая[1]. Возьмите брусок магнитного железа, кажущийся таким серым и безжизненным, и подвергните его воздействию магнитного поля. Что произойдет? Железо состоит из молекул, которые в обычном состоянии повернуты во всех направлениях, совершенно беспорядочно. Но когда через него проходит ток, в этой внешне неподвижной массе происходят большие изменения. Все крошечные частицы поворачиваются своим северным концом в направлении движения тока. И тогда сам брусок становится магнитом, окруженным и наполненным магнитной энергией. Внешне он остался неподвижным; в действительности произошло большое передвижение.

— Но это бессознательное движение, — возразил я.

— Откуда вы знаете? — сказал он. — Если прав Жак Леб[2], это сознательное движение молекул, не менее сознательное, чем наши движения. Между ними нет никакой разницы.

— Все наши движения — не что иное, как невольная и неизбежная реакция на определенные стимулы. Если Леб прав, тогда я лютик на поле. Ведь Леб всего лишь восстановил провидение, одну из древнейших идей человечества, и сформулировал ее в терминах тропизма. Омар Хайям, химически возрожденный в Рокфеллеровском институте. Тем не менее те, кто признает его теории, утверждают, что нет разницы между их собственными импульсами и перемещением молекул в магнитном поле.

— И все же, Гудвин, железо соответствует трем критериям Геккеля: оно воспринимает стимулы, отвечает на них определенными действиями и сохраняет память об этом; когда ток перестает идти, у железа меняется степень деформации при растяжении, проводимость и другие свойства; они были изменены током; но с течением времени воспоминание об этом воздействии сглаживается. Точно так же ведет себя человеческий организм.

16. МЫСЛЯЩИЙ МЕТАЛЛ

— Допустим, — согласился я. — Мы подходим к их способу передвижения. В простейшей формулировке всякое движение есть перемещение в пространстве под воздействием силы тяготения. Ходьба человека — это постоянное преодоление силы тяготения, которая стремится притянуть его к поверхности Земли и прижать к ней. Гравитация рас-

[1] Ле Бон «Эволюция материи», глава одиннадцатая. *(Прим. автора.)*

[2] Профессор Жак Леб из Рокфеллеровского института, Нью-Йорк. «Механистическая концепция жизни». *(Прим. автора.)*

пространяется в эфире — это колебания, родственные магнитному полю, которое, если использовать ваше сравнение, поворачивает молекулы железа. Ходьба — это постоянные разрывы поля тяготения. Снимите на пленку идущего человека, пропустите ускоренно, и вам покажется, что человек летит. Не будет видно постоянных падений и подъемов, из которых и состоит ходьба. Я полагаю, что передвижение этих существ состоит в постоянном преодолении поля тяготения, точно так же, как наша ходьба, только в таком ритме, что нам это продвижение кажется непрерывным. Несомненно, если бы мы могли замедлить поступление частичек света в глаз, мы бы увидели вместо непрерывного полета серию прыжков — точно так же как замедление пленки показывает нам ходьбу как серию спотыканий. Хорошо, до сих пор в этом феномене нет ничего такого, что человеческий мозг счел бы невозможным; поэтому интеллектуально мы продолжаем оставаться хозяевами этого феномена; нам нужно опасаться только недоступного человеческой мысли.

— Металлические и кристаллические, — сказал Дрейк. — А почему бы и нет? А мы сами кто такие? Кожаные мешки, полные некими жидкостями и опирающиеся на подвижное устройство, состоящее в основном из извести. Мы, с нашей кожей, ногтями и волосами, происходим в конечном счете из того первобытного желе, которое существовало бессчетные миллионы лет назад и которое Грегори[1] назвал протобионтом. И оттуда же змеи с их чешуей и птицы с их перьями; рог носорогов и волшебные крылышки бабочки; панцирь краба, тонкая паутинка и сверкающее чудо перламутра. Разве между всеми ними меньшая пропасть, чем между нами и металлом? Я думаю, нет.

— Не материально, — согласился я. — Но остается вопрос о сознании.

— Этого я не могу понять, — сказал Дрейк. — Вентнор говорил... как он это назвал? — о групповом сознании, действующем в нашей сфере и в сферах выше и ниже нашей, с известными и неизвестными нам чувствами. Я вижу это... смутно, Гудвин... но не могу понять.

— Мы согласились называть эти существа металлическими, Дик, — ответил я. — Но это совсем не значит, что они состоят из известных нам металлов. Но, будучи металлическими, они должны иметь кристаллическую структуру.

— Как указал Грегори, кристаллы и то, что мы называем органической материей, с самого начала эволюции имели равные шансы. Мы не можем представить жизнь, не наделив ее определенным сознанием. Голод — это проявление сознания, и нет других стимулов для еды, кроме голода. Кристаллы едят. Извлечение энергии из пищи сознатель-

[1] Дж. В. Грегори, профессор геологии университета Глазго. *(Прим. автора.)*

но, потому что целенаправленно, а цели без сознания не бывает; извлечение энергии для деятельности тоже целенаправленно и потому сознательно. Кристаллы делают и то, и другое. И могут передать эту способность своим детям, точно так же, как мы. Нет причин, почему бы им в благоприятных условиях не вырастать до гигантских размеров, однако они этого не делают. Они достигают определенного размера и за него не переходят. Напротив, они делятся, дают жизнь другим, меньшим кристаллам, которые начинают расти, пока не достигают размеров предшествующего поколения. И эти младшие поколения, как у людей и животных, повторяют старшие! Итак, мы приходим к заключению о возможности появления кристаллических существ, которые благодаря законам эволюции могут достигнуть такой ступени, какой достигли существа, удерживающие нас. И разве не меньше разницы между нами и ими, чем между нами и ползающими земноводными, нашими далекими предками? Или между нами и амебой — живым плавающим желудком, из которого мы все вышли? Или между амебой и инертным желе протобионта?

* * *

— А что касается группового сознания, о котором говорил Вентнор, то я думаю, он имеет в виду общественное сознание, как у пчел или муравьев, то, что Метерлинк назвал «духом улья». Оно проявляется в распределении ролей насекомых — так геометрические построения ясно проявляют разум наших кристаллических существ. Ничего нет удивительнее быстрой организации без всякой видимой связи то ли для нападения, то ли для работы в рое пчел; точно так же без всякой связи изготовители воска, воспитатели молодежи, собиратели меда, химики, изготовители пищи — все эти многочисленные специалисты роя вдруг покидают его с молодой маткой, но оставляют достаточно специалистов всех видов, чтобы обслуживать старую. И все это пропорциональное распределение достигается без всяких известных нам способов связи. И это очевидно разумное распределение. Ибо если бы оно было случайным, могли бы уйти все изготовители меда, и тогда весь рой умер бы с голоду, или ушли бы все химики, и не была бы правильно подготовлена пища для молодежи — и так далее, и так далее. Для такого развития, как у наших существ, требуется длительная эволюция, не меньше времени, чем потребовалось нам, чтобы обособиться от ящеров. Что они делали все это время? Почему не ударили по человеку, как говорил Вентнор?

— Не знаю, — беспомощно ответил я. — Но эволюция — это не медленный, постепенный процесс, как думал Дарвин. Бывают взрывы, природа создает новый вид почти за одну ночь. А потом долгие века развития и приспособления, и появляется новая раса. Возможно, ка-

кие-то необыкновенные условия сформировали эти существа. А может, они долгие века развивались в космосе, не на Земле, и та невероятная пропасть, которую мы видели, на самом деле одна из их дорог. Они могли попасть сюда на осколке какой-то разбитой планеты, найти в этой долине подходящие условия и развиться с поразительной быстротой [1].

— Что-то их сдерживало, — прошептал Дрейк, — а теперь они освободились. Вентнор прав, я это чувствую. Что же нам делать?

— Возвращаться в их город, — ответил я. — Идти туда, как он сказал. Я думаю, он знал, о чем говорил. И думаю, он сможет нам помочь. Он не просил нас, это был приказ.

— Но что можем мы сделать, два человека против всех этих существ? — простонал Дрейк.

— Узнаем, когда придем в город, — ответил я.

— Ну что ж, — прежняя беззаботность вернулась к нему, — в каждом кризисе на этом старом шаре вовремя подвертывался человек, помогавший его разрешить. Нас двое. И самое худшее — погибнем в борьбе, как многие до нас. Итак, что бы ни было в аду, идем в ад.

Некоторое время мы молчали.

Наконец Дрейк заговорил:

— Идти нужно утром. — Он рассмеялся. — Звучит так, будто мы живем в пригороде.

— Рассвет скоро, — сказал я. — Прилягте, а я вас разбужу, когда решу, что вы достаточно спали.

— Это нечестно, — сонно возразил он.

— Я не хочу спать, — ответил я, и ответил правду.

К тому же мне хотелось без помех порасспрашивать Юрука.

Дрейк улегся. Когда он уснул, я подошел к черному евнуху и, положив руку на рукоять пистолета, сел лицом к нему.

17. ЮРУК

— Юрук, — прошептал я, — ты любишь нас, как пшеничное поле бурю, приветствуешь, как приговоренный к повешению веревку. Раскрылась дверь в мир страшных снов; ты считал ее запечатанной, а через нее пришли мы. Ответь правдиво на мои вопросы, и, может быть, мы уйдем в ту же дверь.

В глубине его черных глаз появился интерес.

— Отсюда есть выход, — прошептал он. — И он не проходит через... них. Я могу показать его вам.

---

[1] Теория профессора Сванте Аррениуса о распространении жизни при помощи крошечных спор, которые переносятся в пространстве. Смотри его «Сотворение мира». *(У. Т. Гудвин.)*

Я не был настолько слеп, чтобы не заметить выражения злобы и коварства на его морщинистом лице.

— Куда же ведет этот путь? — спросил я. — Нас искали — люди в кольчугах, с копьями и стрелами. Твой путь ведет к ним, Юрук?

Некоторое время он колебался, полузакрыв лишенные ресниц веки.

— Да, — мрачно признал он. — Путь ведет к ним, в их место. Но там вы будете в меньшей опасности, среди своих.

— Не думаю, — сразу ответил я. — Непохожие на нас уничтожили похожих, прогнали их, иначе те захватили бы нас и убили. Зачем же нам уходить от них и идти к тем, кто нас уничтожит?

— Они вас не убьют, — сказал он, — если отдадите им... ее. — Он указал длинным пальцем на спящую Руфь. — Черкис многое простит за нее. Почему бы вам так не поступить? Ведь она всего лишь женщина.

Он выплюнул это слово, и я почувствовал желание убить его.

— К тому же, — добавил он, — вы и сами можете позабавить его.

— Черкиса? — спросил я.

— Черкиса. Юрук не дурак. Он знает, что в мире, с тех пор как мы бежали от гнева Искандера в тайную долину, возникло много нового. Вы сможете развлечь Черкиса многим, кроме этой женщины. Многим, я думаю. Идите к нему, не бойтесь.

Черкис? Что-то знакомое. Черкис? Ну, конечно, это Ксеркс, знаменитый персидский завоеватель. Время исказило его имя в Черкис. А Искандер? Конечно, Александр. Вентнор был прав.

— Юрук, — спросил я, — а та, кого ты называешь богиней, Норала, она из народа Черкиса?

— Давным-давно, — ответил он, — очень-очень давно была смута в их городе, даже в самом дворце Черкиса. И я бежал с матерью богини. Нас было двадцать. И мы бежали сюда, прошли тем путем, который я вам покажу...

Он хитро улыбался; я не проявил интереса.

— Мать богини понравилась тому, кто правит здесь, — продолжал он. — Но потом она состарилась, стала некрасивой и увяла. И он убил ее. Она превратилась в облачко пыли и улетела. И он убил остальных, которые перестали ему нравиться. И ударил меня, как его... — он указал на Вентнора. — Придя в себя, я увидел свои искалеченные плечи. Богиня родилась здесь. Она в родстве с тем, кто правит! Поэтому она может призывать молнии. Разве не был отцом Искандера Зевс Аммон, явившийся к матери Искандера в образе большой змеи? Ну? Родилась богиня, с самого рождения владела она молниями. И она такая, какой вы ее знаете. Идите к своим! Идите к своим! — он неожиданно закричал. — Пусть тебя лучше побьет твой брат, чем съест тигр. Идите к своим. Я вам покажу путь.

Он вскочил на ноги, обхватил меня за пояс и провел через завешенный овал в цилиндрический зал, раздвинул занавес спальни Норалы, втолкнул меня туда. Потом быстро подошел к дальней стене и нажал в потайном месте.

* * *

Отодвинулась часть стены из жемчугоподобного материала, обнаружив овальный проход. Я увидел тропу, уходящую в лес, бледно-зеленый в убывающем свете. Тропа черным языком уходила в глубину рощи и исчезала.

— Иди по ней, — указал Юрук. — Бери с собой тех, кто пришел с тобой, и иди по ней.

Сморщенное лицо светилось ожиданием.

— Уйдешь? — спрашивал Юрук. — Уведешь всех с собой?

— Пока нет, — ответил я задумчиво. — Пока нет.

И тут же пришел в себя от пламени гнева в его глазах.

— Отведи меня назад, — коротко сказал я. Он вернул дверь на место, мрачно повернулся. Я шел за ним, думая, чем вызвана такая ненависть к нам, стремление избавиться от нас, несмотря на приказ женщины, которая для него богиня.

Человек привыкает искать сложное, когда простой ответ находится рядом. Поэтому я не сразу понял, что в основе его поведения обычная ревность; он хотел по-прежнему, как было уже, очевидно, многие годы, оставаться единственным человеком рядом с Норалой. Но я не понял, и Руфь с Дрейком дорого за это заплатят.

Я взглянул на них. Они продолжали спокойно спать. Все так же в трансе лежал Вентнор.

— Садись, — приказал я евнуху. — И повернись ко мне спиной.

Я сел рядом с Дрейком, продолжая разгадывать загадку, но не упуская из виду черного. Я достаточно легко ответил на вопрос Дрейка о сознании металлических существ; теперь я понимал, что это самая суть необычного феномена; должен был признать, что именно в этом вопросе я испытываю наибольшую неуверенность. Ясно, что чувство упорядоченности у этих существ намного превосходит то, что присуще человеку.

Ясно также, что они знают о магнитных силах больше человека и хорошо умеют ими управлять. У них есть представление о красоте: об этом свидетельствует дворец Норалы; человеческое воображение не могло бы его создать, а руки человека — воплотить в действительность. Каковы же чувства, что питают их сознание?

В золотой зоне диска было девять овалов. Мне стало ясно, что это органы чувств.

Но — девять чувств!

А большие звезды — у них сколько? А кубы? Раскрываются ли они, как шар и пирамиды?

А само сознание — что это такое в конце концов? Производное мозга, его выделение? Кумулятивное выражение, химическое в своей основе, всего огромного количества клеток, из которых состоит наш организм? Непостижимый правитель города-тела, жителями которого являются клетки? Созданный ими самими, чтобы управлять?

Это ли многие называют душой? Или это просто другая форма материи, самореализующаяся сила, которая использует тело как средство, как другие силы используют машины? Ведь то, что мы называем «я», «эго», это всего лишь искорка осознания, бегущая по тропе времени в механизме, который мы называем мозгом; искорка, вступающая в контакт, как электрическая искра в проводе.

Существует ли море сознания, которое плещет о берега далеких звезд? И находит выражение во всем: в человеке и камне, металле и цветке, драгоценности и облаке? Одинаковое всюду по своей сущности и ограниченное только формами того, что оно одушевляет? Если это так, то проблема жизни металлических существ перестает быть проблемой, она решена!

Думая об этом, я постепенно понял, что становится светлее; пробрался мимо Юрука к двери и выглянул. На небе играл рассвет. Я потряс Дрейка. Он мгновенно проснулся.

— Мне нужно немного поспать, Дик, — сказал я. — Когда солнце будет высоко, поднимите меня.

— Уже рассвет, — прошептал он. — Гудвин, нужно было разбудить меня раньше.

— Ничего, — ответил я. — Внимательно следите за евнухом.

Я закутался в теплое одеяло и почти сразу уснул.

18. В ПРОПАСТЬ

Солнце стояло высоко, когда я проснулся; я догадался об этом, увидев яркий свет. Я постепенно приходил в себя, и на меня нахлынули воспоминания.

Я смотрю совсем не на небо: это купол волшебного дома Норалы. И Дрейк не разбудил меня. Почему? Сколько же я спал?

Я вскочил на ноги, осмотрелся. Не было ни Руфи, ни Дрейка, ни черного евнуха!

— Руфь! — крикнул я. — Дрейк!

Ответа не было. Я подбежал к двери. Посмотрев на яркий небосвод, решил, что сейчас около семи; значит, я проспал примерно три часа. Сколь ни мало это время, я чувствовал себя удивительно отдохнувшим, освеженным и был уверен: это результат действия особой атмосферы горных высот. Но где остальные? Где Юрук?

Я услышал смех Руфи. Увидел в нескольких сотнях ярдов слева полускрытый стеной цветущих кустов небольшой луг. На нем Руфь и Дрейк. Вокруг паслись с десяток белоснежных коз. Руфь доила одну из них.

Успокоившись, я вернулся в комнату, склонился к Вентнору. Состояние его не изменилось. Я с тоской посмотрел на бассейн, в котором купалась Норала; потом, убедившись, что процесс доения еще далеко не завершен, разделся и бросился в воду.

Едва я успел одеться, как пара показалась в дверях; каждый нес фарфоровую кастрюльку, полную молока.

На лице Руфи не было ни тени страха, передо мной была прежняя Руфь; и улыбалась она без всяких усилий; воды сна начисто смыли с нее предыдущий день.

— Не волнуйтесь, Уолтер, — сказала она. — Я знаю, о чем вы думаете. Но я — это снова я.

— Где Юрук? — я резко повернулся к Дрейку, чтобы скрыть ощущение счастья и комок в горле; он предупреждающе подмигнул, и я не стал повторять вопрос.

— Вы приберитесь, а я быстро приготовлю завтрак, — сказала Руфь.

Дрейк взял чайник и позвал меня с собой.

— Насчет Юрука, — прошептал он, когда мы вышли. — Я дал ему маленький предметный урок. Отвел его в сторону, показал свой пистолет и уложил одну из коз Норалы. Не хотелось этого делать, но я знал, что для него это полезно. Он закричал, упал ниц и принялся вопить. Вероятно, подумал, что это молния; может, я украл оружие Норалы. «Юрук, — сказал я ему, — ты получишь это и даже еще больше, если хотя бы пальцем дотронешься до девушки».

— И что было потом? — спросил я.

— Он убежал туда. — Дрейк улыбнулся, показав на лес, в который уходила дорога, показанная мне евнухом. — Наверно, прячется там за деревьями.

Наполняя чайник, я рассказал Дрейку о своем разговоре с Юруком.

Дрейк присвистнул.

— В клещах! Опасность позади и опасность впереди.

— Когда пойдем? — спросил он, когда мы возвращались.

— Сразу после еды, — ответил я. — Нет смысла откладывать. Как вы себя чувствуете?

— Откровенно говоря, как центральный участник в сцене суда Линча, — ответил он. — Интересно, но не очень приятно.

Мне тоже. Я был полон научного любопытства. Но приятно мне не было, нет!

* * *

Мы, как могли, позаботились о Вентноре, раскрыли силой ему рот, просунули резиновую трубку ниже дыхательного горла в пищевод и влили немного козьего молока. За завтраком все молчали.

Мы не могли взять с собой Руфь, это было ясно; она должна оставаться с братом. Конечно, в доме Норалы она в большей безопасности, чем с нами, но все же оставлять ее не хотелось. Я подумал: нет никакой необходимости уходить нам двоим. Одного вполне достаточно.

Дрейк может остаться...

— Незачем класть все яйца в одну корзину, — я решил обсудить этот вопрос. — Я пойду один, а вы останетесь и поможете Руфи. Если я не вернусь, вы сможете пойти за мной.

Его возмущение моим предложением было таким же сильным, как и у Руфи.

— Вы пойдете с ним, Дик Дрейк! — воскликнула она. — Или я смотреть на вас не буду!

— Боже! Неужели вы хоть на минуту подумали, что я соглашусь?— Боль и гнев боролись в его лице. — Мы идем вдвоем, или не идет никто. Руфь здесь в безопасности, Гудвин. Ей нужно только опасаться Юрука, а он получил урок. К тому же у нее ружья и пистолеты, и она умеет ими пользоваться. О чем вы думали, делая такое предложение? — Гнев его перешел все границы.

Я пытался оправдаться.

— Со мной все будет в порядке, — сказала Руфь. — Я не боюсь Юрука. А эти существа мне не повредят... теперь, после... после... — Глаза ее наполнились слезами, губы задрожали, но потом она прямо посмотрела нам в лицо. — Не спрашивайте, откуда я это знаю, — негромко сказала она. — Поверьте, это так. Я ближе к ним... чем вы. И если захочу, смогу призвать на помощь силу, которую мне дал их хозяин. Я боюсь только за вас.

— А за нас бояться не нужно, — торопливо ответил Дрейк. — Мы игрушки Норалы. Мы табу. Поверьте, Руфь, готов голову отдать: все эти существа, большие и маленькие, уже знают о нас. Местное население, вероятно, примет нас как почетных гостей. Может, даже повесят надпись «Добро пожаловать в наш город!» на воротах.

Она улыбнулась, чуть не плача.

— Мы вернемся, — сказал он. Неожиданно наклонился и положил руки ей на плечи. — Вы думаете, на свете есть что-нибудь, способное помешать мне вернуться к вам? — прошептал он.

Она дрожала, глядя ему в глаза.

— Что ж, нам, пожалуй, пора, — испытывая неудобство, вмешался я. — Я согласен с Дрейком: мы табу. Опасности нет, если не счи-

тать случайностей. И мне кажется, что с этими существами случайности невозможны.

— Так же невероятно, как ошибка в таблице умножения, — рассмеялся Дрейк, выпрямляясь.

Мы приготовились. Ружья, мы это знали, бесполезны; пистолеты мы решили прихватить — «для уверенности», как выразился Дрейк. Наполнили водой фляжки, захватили немного еды, несколько инструментов, включая небольшой спектроскоп, медицинскую сумку — все это уложили в корзину, которую Дрейк взвалил себе на широкие плечи.

Я прихватил компас и сильный полевой бинокль. К величайшему сожалению, фотоаппарат исчез вместе с убежавшим пони, а у Вентнора давно кончилась пленка.

Мы были готовы к путешествию.

* * *

Наш путь пролегал по гладкой темно-серой дороге, поверхность которой напоминала цемент, спрессованный под очень большим давлением. Не менее пятидесяти футов шириной, в дневном свете она блестела, будто была покрыта какой-то стекловидной пленкой. Дорога резко, клинообразно сужалась, заканчиваясь у входа в дом Норалы.

Сужаясь в удалении, она тянулась, прямая, как стрела, и исчезала за перпендикулярными утесами, образующими стену. Сквозь эту стену прошлой ночью мы пролетели на кубах из пропасти Города. Дальше видимость закрывала туманная дымка.

Вместе с Руфью мы быстро осмотрели окрестности дома Норалы. Он размещался словно в узкой перемычке песочных часов. От входа отходили крутые стены, образуя нижнюю часть фигуры; за домом скалы расходились шире.

Здесь, в верхней части песочных часов, рос лес, похожий на парк. Примерно в двадцати милях он оканчивался стеной утесов.

Как тропа, которую показал мне Юрук, минует эти утесы? Есть там горный переход или туннель? И почему вооруженные люди не отыскали этот проход и не воспользовались им?

Перешеек между этими двумя горными клиньями не более мили шириной. В самом центре его стоит дом Норалы; похоже на сад, усеянный цветами и ароматными лилиями; тут и там виднелись маленькие зеленые лужайки. Голубой купол дома Норалы не стоял на земле, а как бы вырастал из нее. Создавалось впечатление, что он продолжается под поверхностью.

Не могу сказать, из чего он сделан. Как будто в глубине поверхности заключены многочисленные жемчужины. Прекрасный, удивительный, невообразимо прекрасный купол — огромный пузырь из расплавленных сапфиров и бирюзы.

Но у нас не было времени любоваться его красотой. Несколько последних указаний Руфи, и мы двинулись по серой дороге. И не успели уйти далеко, как услышали ее голос.

— Дик! Дик, идите сюда!

Он подбежал к ней, взял ее за руки. Несколько мгновений она, казалось, испуганно смотрит на него.

— Дик, — услышал я ее шепот. — Дик, вернитесь благополучно ко мне.

Я видел, как она обняла его, черные волосы смешались с ее каштановыми, их губы встретились. Я отвернулся.

Немного погодя он присоединился ко мне; шел молча, опустив голову, подавленный.

Пройдя сотню ярдов, мы обернулись. Руфь по-прежнему стояла на пороге загадочного дома, глядя нам вслед. Она помахала нам рукой и исчезла. Дрейк продолжал молчать. Мы пошли дальше.

Приблизились стены входа. Редкая растительность у подножий скал совсем исчезла, дорога слилась с гладкой ровной поверхностью каньона. От одного вертикального среза прохода в скалах до другого тянулся занавес из мерцающего тумана. Подойдя ближе, мы увидели, что туман не неподвижен; он походил не на водяной пар, а скорее на световую завесу, странную смесь кристалла с каким-то раствором. Дрейк сунул в него руку, помахал: туман не шевельнулся. Он, казалось, проходит сквозь руку, кость и плоть призрачны и не в состоянии сдвинуть с места сверкающие частицы.

Бок о бок мы вошли в туман.

И я сразу понял, что никакой влаги тут нет. Воздух сухой, насыщенный электричеством. Я почувствовал возбуждение, электрические прикосновения, приятное покалывание в нервах, почувствовал веселье, почти легкомысленность. Мы хорошо видели друг друга и поверхность скалы, по которой шли. Не слышалось ни звука, казалось, здесь вообще не распространяются звуковые колебания. Я видел, как Дрейк повернулся ко мне, раскрыл рот, губы его зашевелились, и хоть он пригнулся к самому моему уху, я ничего не услышал. Он удивленно нахмурился, и мы пошли дальше.

* * *

Неожиданно мы вышли на открытое место, наполненное чистым прозрачным воздухом. И сразу услышали высокое резкое гудение, похожее на звук пескоструйной машины. В шести футах справа от нас скала круто обрывалась в пропасть. Вниз уходил ствол шахты, заполненный туманом.

Но не этот ствол заставил нас схватиться друг за друга. Нет! Из него поднималась колоссальная колонна, составленная из кубов. Она

находилась в ста футах от нас. Вершина ее поднималась на сто футов над нами, основание скрывалось где-то внизу.

Наверху ее — огромное вращающееся колесо, в несколько ярдов толщиной, с заостренным краем, которым оно касалось скалы; сверкающее зелеными вспышками, это колесо с огромной скоростью врезалось в скалу.

Над колесом к скале крепился огромный металлический шлем с забралом из какого-то светло-желтого металла; этот шлем, как гигантским зонтиком, накрывал мерцающий пар, создавая тот участок чистого воздуха, в котором мы оказались.

А со всей длины колонны мириады крошечных глаз металлических существ смотрели на нас, озорно подмигивая; не могу объяснить это ощущение, но я чувствовал, что смотрят они с удивлением.

Колесо продолжало вращаться еще только несколько мгновений. Я видел, как камень растекается перед ним, как лава. И вдруг, словно получив приказ, оно резко остановилось.

Голова колонны наклонилась, смотрела на нас!

Я заметил, что режущий край колеса усажен меньшими пирамидами, а на вершинах этих пирамид чашеобразное покрытие, сверкающее тем же бледным светом, что и святилище конусов, в котором мы побывали.

Колонна продолжала сгибаться, колесо приближалось к нам.

Дрейк схватил меня за руку, оттащил назад в туман. Нас снова окружила полная тишина. Мы осторожно продолжали идти, высматривая конец уступа, чувствуя, как огромное лицо-колесо крадется за нами; боялись оглянуться, боялись сделать неверный шаг, чтобы не сорваться в пропасть.

Медленно, ярд за ярдом, мы продвигались вперед. Неожиданно туман поредел; мы вышли из него.

Хаос звуков окружил нас. Звон миллиона наковален; гром миллионов кузниц; громовые раскаты; рев тысяч ураганов. Грохот пропасти бил по нам, как в тот раз, когда мы спускались по длинной рампе в глубины моря света.

Этот гром был насыщен силой, это был сам голос силы. Оглушенные, нет, ослепленные им, мы закрыли глаза и уши.

Как и раньше, гром стих, повисла удивленная тишина. Потом в этой тишине послышалось мощное гудение, а сквозь него пробивались звуки, словно потекла река бриллиантов.

Мы раскрыли глаза, у нас, как рукой, перехватило горло.

Очень трудно, почти невозможно описать словами раскрывшуюся перед нами картину. Я все хорошо видел и все же не могу воплотить в словах увиденное, его суть, его душу, то невыразимое удивление, которое оно вызывало, всю потрясающую душу красоту и необычность, всю грандиозность, фантастичность и ужас чужого.

Владение Металлического Чудовища, оно было полно, как чаша, его волей, было ощутимым проявлением этой воли.

Мы стояли на самом краю широкого карниза. Смотрели вниз, в огромное углубление в форме правильного овала, примерно тридцати миль в длину, по моему мнению, и вполовину этого расстояния в ширину, окруженного колоссальными вертикальными стенами. Мы были в верхнем конце этой обширной впадины, у окончания ее длинной оси; я хочу сказать, что она уходила от нас на свою наибольшую длину. В пятистах футах под нами находилось дно чаши. Исчезли светлые облака, закрывавшие дно прошлой ночью; воздух был хрустально чист и прозрачен; каждая деталь видна со стереоскопической ясностью.

Вначале зрение улавливало широкую ленту сверкающего аметиста, опоясывающую всю стену. Лента тянется по горам на высоте в десять тысяч футов, и от нее спускается этот загадочный мерцающий туман, гасящий звуки.

Но теперь я видел, что не везде эта светящаяся завеса неподвижна, как та, через которую мы прошли. К северо-западу она пульсирует, как заря, и, как заря, пронизана быстрыми радужными вспышками, многоцветными спектральными проблесками. И эти проблески — упорядоченные, геометрические, будто огромный призматический кристалл подлетает к краю завесы и тут же отступает в глубину.

От этой завесы взгляд переходит на невероятный город, возвышающийся в двух милях от нас.

Сине-черный, сверкающий, как будто отлитый из полированной стали, он вздымается в высоту на пять тысяч футов!

Не могу сказать, каковы его истинные размеры: мешали крутые края пропасти. Сторона, обращенная к нам, вероятно, не менее пяти миль в длину. Ее колоссальный откос действует на зрение, как удар; ее тень, падая на нас, заставляет останавливаться сердце. Он подавляет, этот город, ужасный, как полуночный город Дит в Дантовом аду.

Металлический город размером с гору.

Гладкая, без окон и выступов, огромная стена возносится к небу. Оно должно быть слепым, это огромное продолговатое лицо, но оно не слепо. В нем чувствуется внимание, бдительность. Оно смотрит на нас, будто на каждом его футе размещены часовые; невидимые стражники, пользующиеся иным, чем зрение, чувством.

Металлический город размером с гору — и чувствующий.

У его основания — огромные отверстия. Повсюду сквозь них проходит множество металлических существ; большими и малыми группами, входя и выходя, они образуют у отверстий нечто вроде пены, как волны, врывающиеся внутрь, в пробитые океаном щели берега, а потом отступающие назад.

От огромного города взгляд перемещается на пропасть, в которой он находится. Поверхность ее похожа на декоративную тарелку, огромная гладкая плоскость, словно сошедшая с гончарного круга, не прерываемая ни холмиком, ни горкой, ни склоном, ни террасой; гладкая, горизонтальная, безукоризненно ровная. И никакой зелени: ни дерева, ни куста, ни травинки.

И на всей этой плоскости оживленное движение. Такое же целенаправленное, как и механическое, симметричное, геометрическое, упорядоченное...

Передвижение металлических орд.

Они двигались под нами, эти загадочные существа, в бесчисленных количествах. Маршировали навстречу друг другу батальонами, полками, армиями. Далеко к югу я увидел группу колоссальных фигур, похожих на подвижные замки или пирамидальные горы. Они с невероятной скоростью вращались друг вокруг друга, десятки пирамид плясали под огромной башней. От этой башни отделялись яркие вспышки, молнии, и вслед за этим громовые раскаты.

С севера приближалась группа обелисков, на вершине которых вращались пламенные колеса.

Металлические существа соединялись в невероятные фигуры, круглые, квадратные, острые, покрытые выступами; они быстро менялись, превращаясь в другие, и их были тысячи. Я видел, как они слиплись в чудовищную фигуру размером в десять небоскребов, потом эта фигура превратилась в химеру на десятках колоннообразных ног, и этот гигантский безголовый тарантул длиной в две тысячи футов куда-то стремительно направился. Я видел, как линия длиной в милю разбилась на круги, потом на ромбы и пятиугольники, потом собралась в большие колонны и взметнулась в небо.

И во всем этом непрекращающемся движении ощущалась целенаправленность, стремление к определенной цели; все это напоминало маневры, тренировку.

И когда позволяли эти многочисленные фигуры, я видел, что поверхность пропасти покрыта полосами всех цветов, эти полосы образуют гигантские ромбы и квадраты, прямоугольники и параллелограммы, пятиугольники и восьмиугольники, круги и спирали, шутовские, но гармоничные, гротескно напоминающие живописные опыты футуристов.

И всегда эти рисунки упорядоченны, логически последовательны. Как страница с нерасшифрованным посланием чужого мира.

Откровения четвертого измерения, сделанные каким-то Эвклидовым божеством. Заповеди, данные богом математики!

И поперек всей долины, отходя от южного края завесы и исчезая в сверкании этой завесы на востоке, проходила широкая лента светло-зеленого гагата; проходила не прямо, а с многочисленными извивами и росчерками. Похожая на предложение в арабском письме.

Края ее были сапфирно-голубые. Вдоль всего ее протяжения небесно-голубые края сопровождались полосками черного цвета. Через ленту переброшены многочисленные хрустальные арки. Не мосты — даже с такого расстояния я видел, что это не мосты. Оттуда доносились хрустальные звуки.

Гагат? Река из гагата? Он должен быть расплавленным, потому что я видел в этой ленте стремительное движение. Это не гагат. Это река; река, напоминающая арабскую вязь.

Я взглянул вверх, на окружающие вершины. Они на мили уходили в ослепительное небо. Поднес к глазам бинокль. Похоже на огромный радужный цветок с многочисленными каменными лепестками; башни королевского пурпура, обелиски цвета индиго, титанические стены ярко-зеленого, лимонно-желтого и ржаво-рубинового цветов; сторожевые ярко-алые башни.

Среди них рассыпаны сверкающие алмазы ледников и бледные неправильной формы снежные поля.

Вершины окружали пропасть, словно диадема. Ниже проходило кольцо пламенеющего аметиста с его золотистым туманом. А между ними обширное пространство, покрытое неподвижными символами и необъяснимым движением. Между этими вершинами размещалась синечерная металлическая масса города.

От вершин, от обширной пропасти, от города исходило ощущение присутствия космического духа, недоступного пониманию человека. Как эманация звезд и пространства, это присутствие было алмазно-твердым и алмазно-прозрачным, кристаллическим и металлическим, подобным камню и одновременно — мыслящим!

От того места на карнизе, где мы стояли, вниз уходила крутая рампа, подобная той, по которой мы спускались ночью в темноте. Она опускалась под углом не менее сорока пяти градусов; поверхность у нее гладкая и полированная.

Сквозь туман за нашими спинами проскользнул сверкающий куб; остановился; повернулся к нам по очереди всеми своими шестью гранями.

Я почувствовал, как меня поднимает множество невидимых рук; видел, как рядом со мной извивается Дрейк. Преодолевая державшую нас силу, я попытался приблизиться к нему. Куб придвинулся к краю, покачнулся на мгновение. Мы висели в воздухе, а под нами расстилалась пропасть. Произошла какая-то быстрая перестановка, и я увидел, что под нами огромная, уходящая вниз на сотни футов колонна. Ее верхней частью был куб, на котором мы стояли. Дробящего колеса не было, но я знал, что это та самая резавшая стену колонна, от которой мы бежали; любопытный куб был ее разведчиком. Как будто желая больше узнать о нас, колонна отыскала нас в тумане, ее посланник поймал нас и доставил к ней.

Колонна наклонилась, как тогда, когда металлические существа по приказу Норалы образовали мост через пропасть. Нам навстречу поднималось дно пропасти. Все дальше и дальше наклонялся столб. Снова мы быстро переместились с одной поверхности на другую. Дно углубления полетело навстречу еще стремительней. Зрение мое затуманилось. Я ощутил легкий шок, повернулся на существе, державшем нас...

Мы стояли на дне пропасти.

А вниз по столбу, который доставил нас сюда, стремились десятки кубов. Они отделялись от колонны, окружали нас, рассматривали, заинтересованно, с любопытством, глядя на нас многочисленными сверкающими точками глаз.

Мы беспомощно смотрели на них. Вдруг я почувствовал, что меня снова поднимают, и оказался на поверхности ближайшего блока. Я поворачивался на нем, а крошечные глаза рассматривали меня. Потом блок, как мячик, перебросил меня другому. Я увидел в воздухе высокую фигуру Дрейка.

Игра становилась все быстрее, ошеломительней. Я понимал, что это игра. Но для нас она была опасна. Я чувствовал себя хрупким, как стеклянная куколка в руках неосторожного ребенка.

Меня бросили на ожидающий куб. На поверхности, футах в десяти от меня, ошеломленно покачивался Дрейк. Неожиданно державшие меня невидимые руки сжались и опустили на поверхность куба. И прежде чем я упал, ко мне метнулось тело Дрейка. Он упал рядом со мной.

Как озорной мальчишка, уставший от своих проказ, куб улетел, устремился прямо в открытый портал; его сопровождали десятки других. Меня ослепила вспышка радужно-голубого сияния; и когда зрение прояснилось, я увидел рядом с собой вместо Дрейка его скелет. И тут же скелет снова покрылся плотью.

Куб резко остановился, множество маленьких невидимых рук подняло нас, спустило вниз, поставило рядом. И куб быстро скрылся.

Мы находились в обширном зале под множеством бледных светильников-солнц. Мимо гигантских колонн стремились армии металлических существ; они не торопились, двигались спокойно, размеренно, сознательно.

Мы находились внутри города, как и велел Вентнор.

19. ЖИВОЙ ГОРОД

Сразу за нами находилась одна из циклопических колонн. Мы подползли к ней, прижались к ее основанию, избегая потоков металлических существ; пытались, прячась здесь, обрести утраченное спокойствие. Сами себе мы казались никчемными безделушками в этом огромном пространстве, вверху сверкали гирлянды замороженных солнц, мимо проносились загадочные толпы кубов, шаров и пирамид.

Размеры их разнились от ярда до тридцатифутовых гигантов. На нас они не обращали внимания и не останавливались; проносились мимо, занятые своими загадочными делами. Спустя какое-то время количество их уменьшилось; непрерывный поток разбился на изолированные группы, на одиночек; совсем прекратился. Зал опустел.

Насколько хватало глаз, тянулось уставленное колоннами пространство. Я снова ощутил приток необыкновенной энергии к мышцам и нервам.

— Последуем за толпой! — сказал Дрейк. — Кстати, вам не кажется, что вы заряжены энергией?

— Я испытываю необыкновенный подъем, — ответил я.

— Я тоже. — Он осматривался. — Интересно, есть ли у них окна. Стены кажутся мне цельными, насколько я мог увидеть. Может, поискать отверстие для прохода воздуха? Этим существам воздух не нужен, это точно. Интересно...

Он смолк, зачарованно глядя на столб за нами.

— Смотрите, Гудвин! — Голос его дрожал. — Что вы скажете об этом?

Я посмотрел, куда он показывает; вопросительно взглянул на него.

— Глаза! — нетерпеливо пояснил он. — Разве вы их не видите? Глаза в колонне!

Теперь я их увидел. Столб был светло-синий, металлический, чуть темнее металлических существ. И внутри него мириады крошечных кристаллических точек, которые, как мы убедились, служат органами зрения. Но эти точки не светились, как остальные: они были тусклыми, безжизненными. Я коснулся поверхности. Гладкая, холодная, ничего от того теплого ощущения живого существа, которое испытываешь, прикасаясь к металлическим существам. Я покачал головой, осознавая невероятную возможность, на которую намекал Дрейк.

— Нет, — сказал я. — Сходство есть, да. Но нет жизненной силы. К тому же это совершенно невероятно.

— Они, должно быть, спят, — упрямо возразил он. — Нет ли линий соединения, если они действительно из кубов?

Мы тщательно осмотрели поверхность. Она казалась непрерывной; никакого следа тех тонких сверкающих линий, которые обозначали место соединения одного куба с другим: и на мосту, по которому мы прошли через пропасть, и на платформе, на которой следовали за Норалой.

— Совершенно невозможно. Думать так — чистое безумие, Дрейк! — воскликнул я, удивляясь собственной настойчивости в отрицании.

— Может быть, — с сомнением покачал он головой. — Может быть. Но... идемте дальше.

Мы пошли в том направлении, куда исчезли металлические сущест-

ва. Дрейк по-прежнему не был убежден; у каждого столба он останавливался и беспокойно осматривал его.

Но я почему-то в эту минуту все больше интересовался фантастическим светом, заполнявшим этот колонный зал своим лютиковым блеском. Светильники вверху не мигали; теперь я видел, что это не диски, а шары. Большие и маленькие, они висели неподвижно, и лучи их были так же неподвижны, как и сами шары.

И хоть они были неподвижны, ни в шарах, ни в их лучах ничего не свидетельствовало о металле — они напоминали огни святого Эльма, эти колдовские огоньки, которые иногда вспыхивают на мачтах кораблей, причудливые гости из невидимого океана атмосферного электричества.

Иногда они исчезали, это происходило довольно часто, исчезали мгновенно, полностью, с обескураживающей внезапностью. Я заметил, однако, что когда исчезал один шар, рядом с той же поразительной внезапностью тут же возникал другой; иногда он был больше исчезнувшего; иногда вспыхивала целая гроздь меньших шаров.

Интересно, что это такое, думал я. Как они закреплены? Каков источник их энергии? Рождены электромагнитными потоками, текущими над нами? Возникают на месте пересечения таких потоков? Эта теория может объяснить их внезапное исчезновение и появление — перемещаются потоки, места их соприкосновения. Беспроволочный свет? Над такой идеей науке стоит поработать. Если только мы вернемся...

— Куда теперь? — прервал мои размышления Дрейк. Зал кончился. Мы стояли перед глухой стеной, исчезавшей вверху в мерцающем сиянии.

— Я считал, что мы идем туда, куда ушли они, — изумленно ответил я.

— Я тоже, — согласился он. — Мы, должно быть, свернули. Они тут не проходили, если только... — Он колебался.

— Что только? — резко спросил я.

— Если только стена не раскрылась и не пропустила их, — сказал он. — Вы не забыли те большие овалы, как кошачьи глаза, что раскрылись во внешней стене? — негромко добавил он.

Забыл. Я снова посмотрел на стену. Безусловно, сплошная, гладкая. Ровная сверкающая поверхность вздымалась перед нами, фасад из полированного металла. Внутри огненные точки, еще более тусклые, чем в столбах; почти неразличимые.

— Идем влево, — нетерпеливо сказал я. — И выбросьте эту глупую мысль из головы.

— Хорошо! — Он вспыхнул. — Но вы ведь не думаете, что я испугался?

— Если ваша мысль правильна, у вас есть право испугаться, —

едко ответил я. — И хочу вам сказать, что я тоже боюсь. Чертовски боюсь.

Мы прошли шагов двести у основания стены. И неожиданно оказались у отверстия, продолговатого, не менее пятидесяти футов шириной и вдвое больше в высоту. И у входа в него мягкий желтый свет обрывался, будто отрезанный невидимым экраном. Туннель был наполнен тусклым серовато-синим блеском. Мы несколько мгновений разглядывали его.

— Не хотелось бы быть тут раздавленным, — сказал я.

— Не стоит сейчас об этом думать, — мрачно ответил Дрейк. — В таком доме одним шансом больше или меньше — пустяк, Гудвин. Поверьте мне. Идемте.

Мы вошли в туннель. Стены, пол и потолок из того же материала, что и большие столбы, и стена зала; и в них тоже тусклые копии светящихся глаз металлических существ.

— Странно, что все тут прямоугольное, — заметил Дрейк. — В их архитектуре нет ни шаров, ни пирамид — если это действительно архитектура.

И правда. Впереди и сзади все математически ровное. Странно. Впрочем, мы пока еще мало видели.

В туннеле тепло, и воздух какой-то другой. Становилось все теплее, жар сухой и горячий. Но он не угнетал, а скорее подбадривал. Я притронулся к стене: жар не от нее. И ветра нет. Но температура все поднималась.

Коридор повернул направо; продолжение его вдвое уже. Далеко впереди светился какой-то желтый стержень, как столб, поднимающийся от пола до потолка. Волей-неволей мы шли к нему. Он становился все ярче.

В нескольких шагах от него мы остановились. Свет исходил из щели в стене не более фута шириной. Мы в тупике, потому что через отверстие не пролезть ни мне, ни Дрейку. Из отверстия тянуло теплом.

Дрейк подошел к отверстию, всмотрелся. Я присоединился к нему.

Вначале мы увидели только пространство, заполненное желтым свечением. Потом я заметил радужные вспышки; словно горящие рубины и изумруды испускают разноцветные лучи; мелькали алые, розовые, светло-синие, фиолетовые огни.

И в этом радужном свечении показалось сверкающее тело Норалы!

Она стояла нагая, одетая только в покрывало своих медных волос, глаза ее улыбались, галактики далеких звезд вспыхивали в их глубине.

И вокруг нее вертелась бесчисленная толпа маленьких существ.

Именно они испускали вспышки, прорезавшие золотистый туман.

Они играли вокруг нее, носились, создавали причудливые образования, тут же меняли их. Сверкающими волшебными кольцами окружали ее ноги; раскрывались в пламенеющие диски и звезды, взлетали и повисали на ее прекрасном теле гирляндами многоцветных живых огней. Среди дисков и звезд мелькали маленькие кресты, тускло-красные и дымчато-оранжевые.

Голубая вспышка, и с пола поднялся стройный столб; превратился в корону, которая устремилась к ее развевающимся волосам. Другие светящиеся кольца окружили ее ноги, груди; как браслеты, повисли на руках.

Потом, как стремительная волна, толпа маленьких существ набросилась на нее, накрыла, спрятала под блестящим облаком.

Я видел, как Норала весело взмахивала руками; ее великолепная голова вынырнула из невероятного, кипящего потока живых драгоценностей. Слышал ее смех, сладкий, золотой, далекий.

Богиня необъяснимого!

Мадонна с металлическими младенцами!

Детский сад металлических существ!

Норала исчезла. Исчезла и светлая щель, исчезло помещение, куда мы заглядывали. Мы смотрели на сплошную гладкую стену. Щель закрылась с волшебной быстротой у нас на глазах; закрылась так быстро, что мы не заметили движения.

Я схватил Дрейка, оттащил его подальше: в противоположной стене открывалось отверстие. Вначале только щель, но она быстро расширилась. Перед нами другой коридор, длинный, освещенный; в его глубине я заметил движение. Оно приближалось, становилось яснее. По коридору по три в ряд, заполняя его от стены до стены, двигались большие шары!

Мы отступали перед ними, все дальше и дальше, прижимаясь к стене, вытянув руки, готовясь встретить их грозное приближение.

— Некуда бежать, — сказал Дрейк. — Они нас раздавят. Держитесь сзади, доктор. Постарайтесь вернуться к Руфи. Может, я смогу их задержать!

И прежде, чем я смог остановить его, он прыгнул прямо перед шарами, которые теперь находились едва ли в двадцати ярдах от нас.

Шары остановились в нескольких футах от него. Казалось, они удивленно рассматривают его. Поворачивались друг к другу, словно совещались. Медленно приблизились. Нас подтолкнуло вперед и медленно подняло. И пока мы висели, поднятые неведомой силой — я могу ее сравнить только со множеством маленьких рук, — под нами мелькнули шары.

Их ряды свернули в коридор, по которому мы пришли из огромного зала. И когда под нами мелькнул последний ряд, нас осторожно опустили на ноги; мы стояли, слегка покачиваясь.

Я дрожал от бессильной ярости и унижения; это чувство поглотило радость спасения. Глаза Дрейка гневно сверкали.

— Высокомерные дьяволы! — Он сжимал и разжимал кулаки. — Высокомерные, подавляющие дьяволы!

Мы смотрели им вслед.

Неужели проход суживается, закрывается? Я видел, как стены медленно движутся навстречу друг другу. Втолкнул Дрейка во вновь открывшийся проход и прыгнул вслед за ним.

За нами, на том месте, где мы только что стояли, была сплошная стена.

Неудивительно, что нас охватила паника; мы, как сумасшедшие, побежали по открывшемуся коридору, временами испуганно оглядываясь, опасаясь увидеть страшное зрелище: медленно сдвигающиеся стены, готовые раздавить нас, как мух, в стальных тисках.

Но стены не сближались. Ровный, пустой, перед нами и за нами простирался все тот же коридор. Наконец, тяжело дыша, избегая смотреть друг на друга, мы остановились.

И в этот момент нас охватила глубокая дрожь, затронувшая самые основания жизни, дрожь, которая охватывает человека, увидевшего невозможное и знающего, что оно — есть.

Неожиданно на стенах, на потолке, на полу вспыхнули бесчисленные огоньки. Как будто с них сняли покров, будто они пробудились от сна, мириады сверкающих точек появились на светло-синих поверхностях; огоньки разглядывали нас, оценивали, издевались над нами.

Крошечные огненные точки — глаза металлических существ!

Этот коридор не проложен в неживой материи чудом инженерного искусства; его раскрытие не вызвано невидимыми механизмами. Это жизнь; пол, потолок, стены — все живое, все состоит из металлических существ.

И раскрытие проходов, так же, как их закрытие, — сознательное волевое действие существ, образующих эти мощные стены.

Все эти действия — сознательное, скоординированное исполнение приказов гигантского общего сознания, которое, подобно духу роя, душе муравейника, животворит каждую отдельную часть.

Мы начинали понимать. Если это правда, тогда столбы гигантского зала, его грандиозные стены — все это Город как единое живое существо!

Построенный из тел бесчисленных миллионов. Бесконечные тонны образуют столб, в котором каждый атом живой, мыслящий.

Металлическое чудовище!

Теперь я понял, откуда возникало ощущение, будто стены бесчисленными глазами Аргуса смотрят на нас. Они действительно смотрели на нас!

Ощущение внимательного разглядывания — нас на самом деле раз-

глядывали бесчисленные миллиарды крошечных глаз живого вещества, из которого создан Город.

Видящий Город. Живой Город!

Не тайный механизм закрывал стены, скрывая от нас Норалу, играющую с маленькими существами. Никакой механизм не сдвигал и не раздвигал стены, не руководил несущимися шарами. Они подчинялись сознанию того гигантского существа, частью которого были; из их тел состоит эта чудовищная мыслящая масса!

* * *

Я думаю, что эта ошеломляющая истина на какое-то время свела нас с ума. Мы побежали, схватившись за руки, как испуганные дети. Потом Дрейк остановился.

— Клянусь всеми дьяволами этого места, — торжественно заявил он, — я больше не побегу. Ведь в конце концов мы люди. Если они убьют нас, значит убьют. Но клянусь создавшим меня Господом, больше я от них не побегу. Умру стоя.

Его храбрость подбодрила меня. Мы вызывающе пошли вперед. Снизу, из-под нас, сверху, с потолка, со стен по всему пути на нас смотрело множество глаз.

— Кто бы мог подумать? — бормотал Дрейк про себя. — Живой город! Живое гнездо, огромное живое металлическое гнездо!

— Гнездо? — я уловил это слово. Что это значит? Муравейник солдат-насекомых, город муравьев, который Биб изучал в Южной Америке и о котором как-то рассказывал мне. Этот город создавался из живых тел муравьев, точно так же, как этот Город — из тел кубов.

Как выразился Биб [1], «дом, гнездо, очаг, детская, брачные покои, кухня, спальня и зал собраний насекомых-солдат». Построенный и заселенный слепыми свирепыми маленькими насекомыми, которые, руководствуясь только запахом, осуществляют грандиозные операции, самые сложные действия. Это нисколько не более удивительно, подумал я, как только избавишься от парализующего воздействия формы этих металлических существ. Откуда приходят стимулы, правящие ими, стимулы, на которые они реагируют?

А откуда приходят приказы, которым повинуется армия муравьев — приказы открыть тот или иной коридор в муравейнике, образовать помещение, заполнить его? Такая же загадка?

Мои мысли прервало ощущение, что я движусь с возрастающей скоростью, что тело мое стало легче.

Одновременно я ощутил, что поднимаюсь над полом коридора и с

---

[1] Уильям Биб. «Атлантик Мансли», октябрь, 1919.. *(Прим. автора.)*

довольно большой скоростью лечу вперед. Посмотрев вниз, я увидел в нескольких футах под собой пол. Дрейк положил руку мне на плечо.

— Закрывается за нами, — прошептал он. — Они нас выталкивают.

Действительно, коридор будто устал от нас. Он решил... подбросить нас. За нами он закрывался. Я с интересом отметил, как точно это закрытие совпадает с нашей скоростью, как легко сливаются стены.

Наше продвижение все ускорялось. Как будто мы, лишенные веса, плывем в каком-то бурном ручье. Впечатление странно приятное, плывущее — какое слово использовала Руфь? — элементарное. Поддерживающая сила исходила как будто отовсюду, от стен, с пола и потолка. Движение ровное и без всяких усилий. Я видел, что перед нами коридор открывается, как закрывался сзади.

И повсюду маленькие глаза подмигивали... смеялись.

Опасности нет, не может быть. Все глубже проникало в мой мозг чуждое сознание спокойствия. Все быстрее и быстрее плыли мы — наружу.

Неожиданно перед нами блеснул дневной свет. Мы прошли в него. Сила, державшая нас, отступила. Я почувствовал под ногами прочную почву: стоял, прислонившись к стене.

Коридор кончился — и закрылся за нами.

— Выпнули! — воскликнул Дрейк. Неуместное слово, вульгарное, но оно вполне описывало мои чувства.

Нас выпнули в башенку, выступавшую из стены. И под нами расстилалась самая поразительная, самая фантастическая картина, какая представала взгляду человека с самого его сотворения.

20. СОЛНЕЧНЫЕ ВАМПИРЫ

Это был кратер; в полмили высотой и в две тысячи футов длиной тянулся край круглого углубления. Над ним круг белого сверкающего неба, и в самом центре этого круга — солнце.

И сразу, не успев еще разглядеть и десятой части картины, я понял, что это — самый центр Города, его важнейший орган, его душа.

Вокруг края кратера располагались тысячи огромных весенне-зеленых вогнутых дисков. Как пояс из гигантских перевернутых щитов; и в каждом, как герб щита, ослепительный огненный цветок — отраженное расширенное солнце. Ниже этого пояса виднелось еще множество дисков. И в каждом — отражение солнца.

В ста футах под нами дно кратера.

С него поднимался лес гороподобных конусов, светящихся, гигантских. Они вздымались ярус за ярусом, фаланга за фалангой. Все выше и выше поднимались их острые вершины.

Они теснились у подножия одного величественного шпиля, который поднимался к небу над ними. Вершина этого конуса была усе-

ченной. От срезанного конца радиально расходилось множество тонких стержней; стержни поддерживали тысячефутовое колесо из тускло-зеленых дисков, вогнутая поверхность которых была не гладкой, а многогранной.

Это поразительное сооружение покоилось на хрустальном основании со множеством ног, как та рогатая химера, за которой мы встретили большой диск. Но по размерам эта по сравнению с той — как Левиафан и мелкая рыбешка. И от этого сооружения исходило впечатление немыслимой силы, преобразованной в материю, ставшей ощутимой энергии, силы, набросившей на себя материальную оболочку.

На полпути между верхним краем кратера и дном начинались толпы металлических существ.

Колоссальным живым ковром свисали они со стофутовых балок, покрывали изгибающиеся стены — такие же живые, как они сами.

С гигантских перекладин свисали они нитями и фестонами — шары и кубы были усажены пирамидами так густо, что напоминали колючие булавы титанов. Одна причудливая группа за другой, — они свисали, как маятники. А навстречу им поднимались рощи стройных колонн.

Между балками свисали длинные гирлянды металлических существ, собранные грандиозным калейдоскопическим узором.

Они собирались вокруг башенки, в которой мы находились.

Фантастической шпалерой висели они перед нами — и все время быстро двигались, то скрывая, то снова открывая конусы.

А снизу постоянный поток металлических существ все увеличивал их количество; существа поднимались по столбам и балкам; строили все новые живые гирлянды, подвешивались живыми узорами, меняли рисунок.

Быстро сплетались меняющиеся арабески, кружевные узоры, невероятно странные, немыслимо прекрасные — всегда геометрические, кристаллические.

Неожиданно их движение прекратилось — так неожиданно, что это действовало, как наступление полной тишины.

Невообразимым ковром, украшенным невероятной вышивкой, металлические существа покрыли обширную чашу.

Выстлали ее, как храм.

Убрали своими телами, как святилище.

По дну к конусам двинулся бледно светящийся шар. По форме он не отличался от остальных шаров, но от него исходила сила; он излучал власть, как звезда — свет; был одет в невидимые одежды небесной мощи. За ним двигались две большие пирамиды, а дальше — еще десять шаров, чуть меньших первого.

— Металлический император! — выдохнул Дрейк.

Они двигались, пока не достигли основания конуса. У хрустального парапета остановились. Повернулись.

Последовало множество метеорных вспышек. Шар раскрылся, превратившись в тот же великолепный набор огней, что пылал перед Норалой и Руфью.

Я увидел светящийся сапфировый овал, окруженный золотой полоской, загадочные лепестки пульсирующего пламени, неподвижный блестящий центр этого загадочного цветка.

И почувствовал, что сердце мое стремится к этому существу, преклоняется перед его красотой и силой, почти обожествляет его!

Дрожь восхищения охватила меня. Я украдкой бросил взгляд на Дрейка. Он прижался опасно близко к краю карниза, сжав кулаки до белизны, глаза смотрят восхищенно — он испытывает те же чувства, что и я.

— Дрейк! — я резко ударил его локтем. — Ничего подобного! Помните, что вы человек! Следите за собой, боритесь!

— Что? — недоумевающе спросил он. Потом резко: — Откуда вы знаете?

— Я сам это почувствовал, — ответил я. — Ради Бога, Дик, держитесь! Вспомните Руфь!

Он энергично потряс головой, будто избавляясь от чего-то прилипшего.

— Больше не забуду, — сказал он.

Снова присел на краю карниза; всмотрелся. Ни одно металлическое существо не двинулось; тишина, неподвижность не нарушались.

Пирамиды, шедшие за шаром, развернулись в две сверкающие звезды. А десять меньших шаров стали огненными; они были прекрасны, но менее величественны, чем центральный шар. Это его советники?

А все остальные существа, собравшись рядами, гирляндами, фестонами, не двигались.

Послышался словно негромкий плач, откуда-то издалека. Он приближался. Какая-то дрожь пробежала по переполненному кратеру. Пульс ожидания?

— Голодны! — прошептал Дрейк. — Они голодны!

* * *

Плач слышался ближе; снова слабая дрожь пробежала по всему кратеру. Я уловил его быстрое живое пульсирование.

— Голодны, — снова прошептал Дрейк. — Как львы, увидевшие надзирателя с мясом.

Плач теперь слышался снизу, под нами. Я чувствовал, что на этот раз не мелкая дрожь, а настоящий шок охватил всю орду. Ударил и миновал.

В поле нашего зрения к пламенному диску двинулся огромный куб.

Втрое выше рослого человека было то пламенеющее существо, которое Дрейк назвал металлическим императором.

Но куб превосходил его. Черный, упрямый, грубый, он заслонил сияние диска, затмил его. И, казалось, его тень упала на весь кратер. Фиолетовые огни звезд по сторонам пульсировали бдительно, угрожающе.

На мгновение темный куб заслонил диск, затмил его.

Снова метеоритная вспышка света. На месте куба возвышался огромный огненный крест, перевернутый крест.

Основанием служил куб, вертикальная перекладина вдвое превышала по длине горизонтальную. Раскрываясь, он, должно быть, повернулся, потому что его лицо было обращено к нам и прочь от конусов, тело его закрыло диск и почти перекрыло поверхности двух бдительных звезд.

Крестообразная фигура возвышалась не менее чем на восемьдесят футов. Она пламенела гневным дымчато-алым сиянием; мрачным оранжевым блеском, прорезанным вспышками сернисто-желтого. В этих огнях не было торжественного многоцветного великолепия, как у металлического императора, не было сапфировых, пурпурных цветов, цвета милосердной зелени. И ничего похожего на фиолетовый цвет звезд. Крест, гневный, дымчато-красный, двинулся вперед, и в его гладком скольжении было что-то зловещее, реальное, грубое — что-то более близкое к человеку, понятное ему.

— Хранитель конусов и металлический император! — прошептал Дрейк. — Я начинаю понимать Вентнора!

Снова быстрый пульс, живое биение пронеслось по кратеру. И снова неподвижность, тишина.

Хранитель повернулся, я увидел его слабо светящуюся голубую металлическую спину. Достал бинокль, отрегулировал его.

Крест скользнул мимо диска, мимо его придворных и звездчатой стражи. А они поворачивались лицом к нему, все время смотрели на него.

Теперь разъяснилось одно обстоятельство, которое меня удивляло: механизм, благодаря которому шар становился овальным диском, пирамида — четырехлучевой звездой и куб — я видел это в игре маленьких существ вокруг Норалы, а сейчас видел перед собой в Хранителе — куб превращался в крест.

Металлические существа, полые внутри!

Полые металлические ящики!

В сторонах вся их сила, вся жизнь, это и есть они сами.

Эта их оболочка — вся их суть.

Складываясь, овальный диск становился шаром; в четырехлучевой звезде все четыре луча отходят от квадратного основания; скла-

дываясь, такая звезда превращается в пирамиду; шесть поверхностей куба превращаются в перевернутый крест.

И эти подвижные, гибкие оболочки не массивны. Учитывая общую массу этих металлических существ, они поразительно тонки. Стенки Хранителя, несмотря на его восьмидесятифутовый рост, не более ярда в толщину. Мне показалось, что по краям я вижу бороздки; то же самое по краям поверхностей звезд. Сбоку тело металлического императора казалось вогнутым, поверхность его гладкая, полупрозрачная.

Хранитель наклонялся, его верхняя продолговатая часть сгибалась, как на петлях. Все ниже и ниже нагибалась она — гротескное выражение покорности, пародия на реверанс.

Может, эта гора конусов — действительно святилище, идол металлического народа, его бог?

Теперь длинная часть креста находилась под прямым углом к горизонтальной перекладине. Вся фигура напоминала букву «Т», висящую в двадцати футах над поверхностью.

Вниз от тела Хранителя устремился клубок щупалец, подобных змеям или хлыстам. Серебристо-белые, они окрашивались алым и оранжевым пламенем поверхности, которая теперь была скрыта от моих глаз; они отражали мрачное гневное сверкание. Червеобразные, извивающиеся, они, казалось, покрывают всю обращенную книзу плоскость.

Под ними что-то находилось, что-то похожее на огромную светящуюся клавиатуру. Щупальца касались ее, нажимали тут и там, поворачивали, толкали, действовали...

* * *

Дрожь пробежала по столпившимся конусам. Я видел, как раскачивались их вершины, вздрогнули большие диски.

Дрожь усиливалась; вибрация каждого отдельного конуса становилась все более быстрой. Послышалось низкое угнетающее гудение — как отдаленное эхо грандиозного урагана.

Все быстрее и быстрее становилась вибрация. Резкие очертания конусов растворялись.

И вдруг — исчезли.

Гора конусов превратилась в мощную пирамиду бледно-зеленого свечения — один огромный бледный столб пламени с большим языком на вершине. Из дискообразного колеса полился поток света, этот свет собирал в себя все сияние снизу.

Щупальца Хранителя еще быстрее задвигались над загадочной пластиной; превратились в облако извивов. Фасеточные диски дрогнули, повернулись вверх, колесо начало вращаться, быстрее, все быстрее...

И от пламенеющего круга вверх, в небо, устремился толстый столб напряженного света.

С огромной скоростью, плотный, как вода, концентрированный, он улетел к солнцу.

Улетел со скоростью света — со скоростью света? Мне в голову пришла мысль; невероятная мысль, но я тут же поверил в нее. Мой пульс обычно семьдесят в минуту. Я взглянул на часы, отыскал артерию, внес поправку на возможное учащение, начал считать.

— В чем дело? — спросил Дрейк.

— Возьмите мой бинокль, — я говорил, продолжая считать. — Спички в моем кармане. Закоптите стекла. Я хочу взглянуть на солнце.

С видом крайнего изумления, которое в других условиях я нашел бы очень смешным, он повиновался.

— Держите у меня перед глазами, — приказал я.

Прошли три минуты.

Вот то, что я искал. Сквозь затемненные линзы я отчетливо видел солнечное пятно, близко к северному краю солнца. Невообразимый циклон раскаленного газа; немыслимо огромное динамо, посылающее потоки электромагнитного излучения на все окружающие планеты; солнечный кратер, который, как мы теперь знаем, достигает ста пятидесяти тысяч миль в поперечнике; большое солнечное пятно лета 1919 года — самое большое из зафиксированных астрономами.

Прошло пять минут.

Начал протестовать здравый смысл. Бесполезно прижимать к глазам бинокль. Даже если моя мысль верна, даже если этот светящийся столб действительно посланец, снаряд, запущенный с Земли, пробивший атмосферу и летящий в космическом пространстве со скоростью света, если его запустили эти существа, все равно должно пройти от восьми до девяти минут, пока он достигнет солнца; и столько же минут пройдет, пока изображение происшедшего на солнце сможет преодолеть пространство в девяносто миллионов миль между нами и солнцем.

И разве моя гипотеза не является абсолютно невероятной? И чего собираются достичь металлические существа? Этот колоссальный столб, несмотря на свой размер, ничтожно мал в сравнении с целью.

Как может это копье подействовать на энергию солнца?

И все же... все же... укус комара может довести слона до безумия. В природе очень тонкое равновесие. И у незначительного повода могут быть самые серьезные последствия, если это тонкое равновесие нарушено. Может быть... может быть...

Прошло восемь минут.

— Возьмите бинокль, — попросил я Дрейка. — Посмотрите на солнечное пятно, на большое.

Он послушался.

— Вижу. Ну и что?

Девять минут.

Если я прав, копье долетело до солнца. Что будет дальше?

— Я вас не понимаю, — сказал Дрейк, опуская бинокль.

Десять минут.

— Что происходит? Посмотрите на конусы! На императора! — удивленно произнес Дрейк.

* * *

Я всмотрелся, почти забыв о своем счете.

Пирамидальное основание конусов сморщилось. Столб света не ослаб, но механизм, производивший его, на несколько ярдов погрузился в хрустальное основание.

А император металла! Тусклыми и слабыми стали его огни, потускнело их великолепие; слабее стали фиолетовые вспышки звезд, его придворных.

Хранитель конусов! Его вытянутые плоскости склонялись все ниже и ниже, щупальца начали двигаться бесцельно, слабо — устало.

Я чувствовал, как отовсюду вокруг меня извлекается энергия. Жизнь будто уходила из Города, уходила на корм этой сверкающей пирамиде, поддерживая светящийся столб, мчащийся к солнцу.

Металлические существа стали вялыми, малоподвижными; живые гирлянды провисли, живые колонны прогнулись, начали раскачиваться.

Двенадцать минут.

С грохотом обрушилась одна увешанная балка и потащила за собой другие; разбившись, упала она в самую гущу ощетинившихся отростками колонн. Под нами сверкающие глаза стены тускнели, умирали. И ужасное чувство одиночества, отчаянное желание быть принесенным в жертву — то, что я уже испытал в развалинах, снова надвинулось на меня.

Кратер терял сознание. Жизнь уходила из Города, его магнитная жизнь устремлялась в сверкающий столб.

Огни металлического императора становились все тусклее.

Четырнадцать минут.

— Гудвин, — воскликнул Дрейк, — жизнь уходит из этих существ! Уходит с лучом, который они посылают.

Пятнадцать минут.

Я видел, как щупальца Хранителя бесцельно извивались на клавиатуре. Неожиданно пламенная пирамида потемнела, погасла.

Сверкающий столб метнулся в небо и исчез в пространстве.

Перед нами съежившиеся конусы, достигающие едва шестой части своего прежнего размера.

Шестнадцать минут.

По всей окружности кратера наклонились щиты, приподнялись,

будто каждый держала ждущая рука. Под ними другие диски развернулись, образовав обширные венцы.

Семнадцать минут.

Я перестал считать; выхватил бинокль у Дрейка, направил его на солнце. Вначале ничего не увидел; потом в нижней части большого солнечного пятна возникла ослепительная точка. Ее свет ослеплял даже сквозь закопченное стекло.

Я протер глаза, посмотрел снова. Точка на месте, только стала больше, сверкает еще ярче, еще невыносимей.

Я молча протянул Дрейку бинокль.

— Вижу! — прошептал он. — Вижу! Они это сделали, Гудвин! — В голосе его звучала паника. — Гудвин! Пятно! Оно расширяется! Расширяется!

Я выхватил у него бинокль. Снова увидел ослепительную точку. Но так до сего дня и не знаю, действительно ли Дрейк видел расширяющееся пятно.

Мне оно показалось неизменным. А может, и нет. Может быть, под воздействием этого столба энергии пятно углубилось.

Солнце подмигнуло!

Так до сего дня и не знаю. Но так или иначе, нижняя часть пятна продолжала невыносимо ярко сиять. А для меня и это было необыкновенным чудом.

Двадцать минут — подсознательно я продолжал считать — двадцать минут.

Вокруг приподнятых на краю кратера дисков появилась мерцающая дымка. Прозрачный туман, очень светлый и чистый. В мгновение он сгустился, превратился в обширное кольцо, и в каждом диске засверкало отражение солнца, словно видимое сквозь густые облака частиц аквамарина.

Снова шевельнулись щупальца Хранителя — слабо. Как один, приподнятые щиты наклонились, нацелились вниз. Все ярче светился окружающий их туман, он все сгущался.

И вдруг, опять как один, диски начали вращаться. В каждой вогнутой поверхности, в каждом кольце под дисками вспыхнуло зеленое пламя, зеленое, как свежая растительность. Бесконечное число ослепительных частиц, собранных в лучи, ударило в тысячефутовое колесо, увенчивавшее конусы, заставило его вращаться.

Над ним образовалось яркое облако светящегося тумана. Откуда возникали эти горящие туманности, этот светящийся туман? Как будто многочисленные вращающиеся диски высасывали из воздуха невидимую энергию и трансформировали ее в видимую, туманную форму.

Теперь это уже было наводнение. От вертящегося колеса вниз устремился водопад зеленых огней. Они текли по поверхности конусов, затопляли их, поглощали.

И в этом световом наводнении конусы начали расти. Их объем заметно увеличивался. Они как будто поглощали свет. Нет, светящиеся частицы прилипали к ним, встраивались в их тело.

Все шире и шире разливался сверкающий поток. И все выше становились конусы, они тянули вверх свои вершины — к вращающемуся колесу, которое кормило их.

С плоскостей Хранителя свисала туча щупалец, теперь они энергично разворачивались, устремлялись к загадочному механизму управления. Диски на верху кратера наклонились еще больше. Потоки зеленого огня лились в кратер, затопляя металлические существа, плещась о полированные стены, когда металлические существа от них отходили.

Все вокруг нас дрожало во все учащающемся жизненном пульсе.

— Кормятся! — прошептал Дрейк. — Кормятся! Питаются солнцем!

Все быстрее двигались лучи. Кратер превратился в котел, полный зеленого пламени, и в этом котле сплетались, пересекались, смешивались лучи. И там, где они пересекались, скрещивались, внезапно вспыхивали ослепительные, но лишенные лучей огненные шары, мгновение пульсировали и распадались, разлетались спиралевидными, пушистыми, сверкающими брызгами бледного изумруда.

Все сильнее и сильнее бился пульс вернувшейся жизни.

Луч ударил прямо в металлического императора. И тот торжествующе расцвел, вспыхнул. Его золотой пояс, больше не тусклый и мрачный, сверкал солнечным пламенем, удивительная роза стала светящимся чудом.

Хранитель распрямился; он возвышался над императором, весь алый и ярко-желтый, более не мрачный и грозный.

Весь кратер наполнился светом.

Нас тоже окутал светящийся туман.

Я ощутил дикое возбуждение, пульс заметно участился, дыхание стало быстрым и порывистым. Я наклонился, хотел коснуться Дрейка. С моих протянутых пальцев с треском отделились искры, большие зеленые искры устремились к нему. Дрейк не обратил на это внимания; он, как околдованный, смотрел на кратер.

Вокруг разразилась буря жемчужных огней. На всех столбах и колоннах, на всех балках, подвесках, гирляндах повисли сверкающие бриллианты, горящие рубины, расплавленные изумруды и сапфиры, вспыхивающие аметисты и опалы, метеоритная радуга, ослепляющий спектр.

Кратер превратился в сокровищницу титанического Аладдина, полную драгоценностей. В этих драгоценностях была заключена душа джинна света, она билась в них, стремясь вырваться на свободу.

Я постарался отвлечься от фантазий. Реальность и так достаточно фантастична: шары, пирамиды и кубы раскрывались, купались в огне, пили его, а радужный водоворот все быстрее вращался вокруг них.

— Кормятся! — в голосе Дрейка звучал страх. — Кормятся солнцем!

Диски на краю кратера начали подниматься. Теперь в кратер лился свет только от огромного вращающегося колеса.

Диски поднимались все выше, но я не видел, какой механизм осуществляет это. Движение их прекратилось, тысячи их повернулись. Теперь потоки света устремились на Город и на овальную долину, заливали их, затопляли, как только что кратер. Я понял, что теперь кормятся остальные металлические существа.

И как бы в ответ в небе раскатился гром.

— Если бы мы знали! — Голос Дрейка в этом грохоте казался нереальным. — Вот что имел в виду Вентнор! Если бы мы спустились вниз, когда они были слабы, мы справились бы с Хранителем, разбили бы эту клавиатуру, что управляет конусами. Мы бы их убили!

— Есть и другие конусы! — крикнул я в ответ.

— Нет, — он покачал головой. — Это главная машина. Это и имел в виду Вентнор, когда говорил, что нужно ударить при помощи солнца. И мы упустили шанс...

Ураган над нами становился все громче; внизу начался другой ураган. В тумане сверкнули молнии. Они становились все чаще, молнии зеленые, как окружающий их туман; потом разрушительные фиолетовые молнии, ярко-алые.

Кратер пронизывали молнии металлических существ; он был прошит ими; в пропасти создавался грандиозный электрический узор.

Что сказал Дрейк? Если бы мы знали, мы могли бы уничтожить эти существа... Уничтожить существа, которые могут за миллионы миль дотянуться до солнца и пить мед его энергии!

Уничтожить существа, которые живут солнцем, берут свою жизнь у него... существа, которые могут вложить свою силу в огненное копье, пронзить им солнце и получить назад силу, в десятки, нет, в тысячи раз большую.

Уничтожить этот Город — гигантскую динамо-машину, питающуюся магнитной жизнью Земли и Солнца...

Гром становился все грандиознее, уничтожительнее — словно вооруженные боги сражались в сотне Валгалл; как боевые барабаны воюющих вселенных; как кузницы бьющихся солнц.

Весь Город кипел, пульсировал жизнью, он упивался жизнью. Я чувствовал это и в себе, я весь дрожал в унисон с ним. Видел пламенную фигуру Дрейка; вокруг меня светился огненный нимб.

Мне показалось, что я вижу Норалу: она летела, одетая в пламя. Я попытался позвать ее. Дрейк упал, лежал, пламенея, у моих ног на узком карнизе.

В голове у меня шумело, все громче и громче; я начал погружаться в невообразимую тьму. Что-то выбрасывало меня в холодные глу-

бины пространства, оно одно могло загасить окружающее меня пламя — пламя, частью которого стал я сам.

Я чувствовал, что уношусь куда-то далеко... в забвение.

21. МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ФАНТАСМАГОРИЯ

Я устало раскрыл глаза. С трудом пошевелился. Высоко надо мной круг неба, по его краям кормящие щиты. Но теперь они тускло мерцают, а небо над ними ночное.

Ночь? Сколько же я тут пролежал? И где Дрейк? Я попытался встать.

— Спокойней, старина, — послышался рядом голос Дрейка. — Спокойно — и тише. Как вы себя чувствуете?

— Весь избит, — простонал я. — Что случилось?

— Мы не привыкли к таким представлениям, — сказал он. — На этой оргии нас перекормили. Слишком много магнетизма, и у нас произошел приступ электрического несварения. Шшш... посмотрите вперед.

Я осторожно повернулся. Теперь я видел, что лежу навзничь и головой вперед у основания одной из стен кратера. Взглянув на стену, я с облегчением заметил, что крошечные светящиеся точки в ней снова стали тусклыми и безжизненными.

Впереди слабо светилась гора из конусов. Вокруг ее хрустального основания виднелись огромные огни яйцеобразной формы. Они не испускали лучей, не отбрасывали теней. Рядом с каждым таким огнем стояла крестообразная фигура — теперь я знал, что это раскрывшийся куб.

Эти кресты по размеру вдвое меньше Хранителя. И размещаются непрерывной дугой у огромного пьедестала; теперь я видел, что огни на несколько футов ближе к пьедесталу. Я уже говорил, что они яйцеобразной формы, широким концом книзу, и стояли они в широких чашах, поддерживаемых тонкими серыми металлическими стеблями.

— Они строят основание для конусов, — прошептал Дрейк. — Конусы выросли, и для них требуется больше места.

— Магнетизм, — прошептал я в ответ. — Электричество. Они извлекли его из солнечного пятна. Больше того. Я видел, как под действием этой энергии росли конусы. Она питала их, как и все металлические существа, но конусы при этом росли. Как будто щиты и конусы превращали энергию в материю.

— И если бы мы с самого начала не были сильно намагничены, она бы добралась до нас, — сказал он.

Мы смотрели на разворачивавшееся перед нами действие. Кресты склонялись, перегибались через поперечные стержни. Они сгибались од-

новременно, будто по команде. И с их горизонтальных плоскостей вниз свисало множество щупалец.

У подножия каждого креста я видел груду слабо светящегося материала. Щупальца погрузились в нее и извлекли что-то похожее на хрустальный стержень. Склонившиеся плоскости распрямились, одновременно протянули стержень к огням.

Послышалось резкое странное шипение. Концы стержня начали растворяться, превращаясь в поток ослепительно сверкающих крошечных частиц, которые, проходя через яйцеобразные огни, устремлялись к пьедесталу. Стержень быстро таял. Там должна быть чрезвычайно высокая температура, но это никак не сказывалось на действиях металлических работников.

По мере того, как концы стержня превращались в светящийся туман, щупальца все ближе подползали к огням без лучей, через которые пролетали частицы. И вот, когда стержень исчез и сквозь огонь полетели последние частицы, щупальца почти окунулись в него, они, несомненно, касались его.

Не меньше двух десятков раз повторился этот процесс, пока я наблюдал. Казалось, о нашем присутствии не подозревают; а может, остаются к нему равнодушными. Движения становились все быстрее, хрустальные слитки без всякой паузы проходили через плавающие плавильни. Неожиданно огни уменьшились, как пламя свечи, а кресты свернулись в кубы.

Они стояли неподвижно, большие блоки, черные на фоне сверкающих конусов, разумные монолиты, дуга друидов, арка разумных менгиров Стоунхенджа. На рассвете и в сумерках большие менгиры Стоунхенджа наполняются загадочной гранитной жизнью, кажутся молящимися каменными жрецами; точно та же иллюзия и с этими кубами.

* * *

Кубы дрогнули, стройные стержни свернулись, потускневшие огни покачнулись, поднялись и опустились на спины кубов.

Размеренным ходом по два в ряд кубы торжественно заскользили в окружающую тьму. За первыми кубами устремлялись десятки других, которых мы до того не видели, пара за парой выплывали они из темноты.

И уходили в загадочную тень, по двое, и на каждом стержень с пламенем.

Они странно напоминали процессию монахов с тусклыми факелами. Угловатые металлические священники какого-то бога металла, несущие свечи электрического огня, торжественно удалялись от святая святых, обитатель которой ничего не знает о человеке и не хочет знать.

Не могу передать в словах тот непонятный, чуждый ужас, который пробуждало каждое движение металлического чудовища, невероятное ощущение, таящееся на пороге сознания, никогда не исчезающую тень.

Все меньше, тусклее становились огни. Исчезли.

Мы продолжали сидеть неподвижно. Ничто не шевелилось, не слышалось ни звука. Мы молча встали, пошли по ровной поверхности к конусам.

По дороге я заметил, что поверхность кратера, как и его стены, состоит из тел металлических существ, и, подобно существам в стенах, эти тоже спали, их тусклые глаза подернулись дымкой. Мы подходили все ближе и, наконец, оказались всего в нескольких десятках шагов от колоссального механизма. Я заметил, что основание его поднято не очень высоко, всего фута на четыре над поверхностью. Мощные столбы, на которых оно стоит, кажутся рощей и на расстоянии превращаются в сплошной лес.

Я понял также, какое гигантское сооружение опирается на эти столбы: сверху это было не так заметно.

Как же столбы выдерживают этот колоссальный вес? И тут я вспомнил, как конусы сначала отдавали энергию, а потом получали ее и при этом росли.

Свет! Невесомые магнитные ионы; потоки электрических ионов; светящийся туман, сконденсировавшийся вокруг конусов. Может ли быть, что конусы, несмотря на свою громоздкость, почти ничего или вообще ничего не весят? Как кольчатый Сатурн, в тысячи раз превышающий по объему Землю, плывет в небе; но если перенести его в наш мир, так легки его кольца и все его вещество, что они плавали бы в воде наших океанов, как пузыри. Конусы возвышались надо мной, все ближе и ближе.

Они лишены веса. Откуда я это знаю — не пойму, но теперь, почти касаясь их, я это знал. Они одновременно легкие и плотные, сплошные и прозрачные, сгустившиеся и нематериальные.

И снова мне пришло в голову, что это энергия, ставшая видимой, сила, сконцентрировавшаяся в материю.

Мы обогнули конусы в поисках клавиатуры, на которой работал Хранитель, механизма, который под нажимом щупалец изменил наклон дисков и послал копье зеленого света в солнце. Я нерешительно коснулся хрустального основания: теплое, но происходит ли эта теплота от ослепительного дождя частиц, который мы видели, или это свойство самого механизма, не знаю.

Раскаленный туман не оставил никаких следов на поверхности основания. Она была ровной и алмазно-прочной. Ближайшие конусы находились едва в девяти футах от края.

Неожиданно мы увидели клавиатуру, остановились перед ней.

В форме большого «Т», светящаяся слабым фиолетовым блеском, она напоминала тень Хранителя. Поднятая над поверхностью на фут, она внешне никак не была связана с конусами.

Она состояла из тысяч плотно втиснутых маленьких восьмиугольных стержней; у одних вершины чашеобразные, у других заостренные; ни одного шире полудюйма. Похожи на сплав хрусталя с металлом — соединение энергии с материей.

Стержни подвижны, они образовывали невероятно сложную клавиатуру; как будто для разыгрывания комбинаций четырехмерных шахмат. Я понял, что только щупальца Хранителя, его руки, могут владеть этой невероятной сложностью. Ни диск, ни звезды, ни даже император не могут играть здесь, извлекать аккорды силы.

Но почему? Почему только огненный крест может заставить звучать эти переплетенные октавы, передавать команды?

Никакой видимой связи клавиатуры с конусами нет; нет антенны между нею и кругом дисков. Может ли быть, что сигнал передается через тела металлических существ дна кратера и его стен?

Немыслимо, немыслимо, потому что такой механизм чрезмерно сложен.

Быстрое исполнение приказов, которое мы наблюдали, свидетельствует, что металлическому чудовищу не нужны какие-то средства для передачи мысли отдельным своим частям.

Что-то тут не вяжется, есть какой-то разрыв, который групповое сознание своими обычными способами преодолеть не может. Иначе к чему клавиатура, к чему труд Хранителя?

Возможно, каждый такой маленький стержень напоминает ключ беспроволочного телеграфа, передатчик, усиливающий энергию, в которой содержится приказ. Сверхпередатчик, посылающий всем существам приказы высших ячеек Металлического Чудовища, которые для них как для нашего организма клетки мозга.

Я наклонился, собираясь, несмотря на почти непреодолимое нежелание, коснуться стержней клавиатуры.

Какая-то тень упала на нас, тень красноватая, смесь алого и охры...

Над нами возвышался Хранитель!

Ведя жизнь, полную опасностей, часто сталкиваясь с необходимостью принятия быстрых решений, я понял, что моя реакция на опасность почти чисто инстинктивная; она не более сознательна, чем отдергивание руки от раскаленного металла, чем нападение загнанного в угол животного. И очень редко в действие вступают высшие функции мозга. Один из таких случаев — когда я последовал за Ларри О'Кифом и Лаклой в объятия Разрушителя душ в месте, таком же необыч-

ном, как это[1]; другой случай — сейчас. Я отвлеченно, отчужденно рассматривал гневно пылающую фигуру.

По сравнению с ней мы были как мальчики-с-пальчик перед великаном; если бы он был в человекообразной форме, мы были бы на треть расстояния до колена. Я сосредоточил внимание на двадцатифутовом квадрате — основании Хранителя. Поверхность его была абсолютно ровной, зеркальной, но в то же время в ней чувствовалась зернистость, тесное сжатие бесчисленных микроскопических кристаллов.

И в этих гранулах, скорее угадываемых, чем видимых, горел тусклый красный свет, дымчатый и мрачный. У каждого конца квадрата, на полпути к середине, был ромб примерно в ярд шириной. Эти ромбы тускло светились желтоватым светом, и казалось, что стиснутых кристаллов в них нет. Я решил, что это органы чувств, аналогичные большим овалам императора.

* * *

Мой взгляд перешел к распростертым рукам. Они от конца до конца достигали шестидесяти футов. У каждого конца еще два ромба, но не тусклые, а гневно горящие оранжево-алым огнем. На пересечении, в центре креста, нечто напоминающее дымящееся отражение пульсирующей многоцветной розы императора, но каждый лепесток ее обрезан и стал прямоугольным.

В центре виднелся решетчатый узор. В эту розу стекалось множество ручейков гневно-алого и оранжевого цвета, которые перекрещивались решеткой узора, но никогда не изгибались и не образовывали дуг.

Между ручейками огня виднелись восьмиугольные розетки, полные серебристого сияния, бороздчатые и похожие на полураскрытые бутоны хризантем, вырезанные из серого гагата.

А над всем возвышался гигантский вертикальный стержень. На верху его я увидел огромный ярко-алый прямоугольник; два других прямоугольника смотрели на нас из-под него, как два глаза. И вдоль всей вертикальной части были тесно усажены бороздчатые восьмиугольники.

И тут я почувствовал, что меня поднимает и несет вверх. Дрейк сжал мое плечо, мы поднимались вместе. Полет наш прервался напротив решетчатого сердца в центре розы с прямоугольными лепестками. Тут мы на мгновение повисли. Потом восьмиугольники зашевелились, раскрылись, как бутоны...

Это были гнезда, в которых помещались щупальца Хранителя; хлыстообразные щупальца развернулись и устремились к нам.

Кожа моя сжалась от прикосновения этих щупалец. Тело, прочно

[1] См. роман «Покорители Лунного Бассейна». *(Прим. автора.)*

зажатое, оставалось неподвижным. Но прикосновение не было неприятным. Похожие на гибкие стеклянные полоски, их гладкие концы прикасались к нам, поглаживали по волосам, притрагивались к лицам, зарывались в одежду.

Роза постоянно пульсировала, пульсировали и огненные ручейки-вены, по которым в нее струился свет. Огромный ало-желтый квадрат наполнился жидким пламенем; алмазные органы чувств под ним, казалось, затянулись дымом, от них исходили потоки оранжево-красного пара.

Хранитель рассматривал нас.

И сознание мое подчинилось ритму этой прямоугольной розы. Но в этом ритме не было ничего от огромного торжественного первобытного спокойствия, которое, как описывала Руфь, излучает металлический император. Это было сознание, несомненно, мощное, но гневное, нетерпеливое, мятежное, оно казалось незавершенным и борющимся. В его дисгармонии чувствовалась сила, стремящаяся освободиться, энергия, сражающаяся сама с собой.

Все больше щупалец, подобных гибким стеклянным стержням, устремлялось к нам; они закрывали лицо, все труднее становилось дышать. Одно щупальце обернулось вокруг моего горла и начало сжиматься...

Я слышал, как вскрикнул Дрейк, слышал его затрудненное дыхание. Но не мог повернуть к нему головы, не мог заговорить. Неужели конец?

Давящее кольцо расслабилось, щупалец стало меньше. Я почувствовал, как в держащем нас существе просыпается гнев.

Тусклые огни сверкнули. Появились рядом и другие огни, подавившие блеск Хранителя. Снова ко мне протянулся пучок щупалец. Я почувствовал, как меня вырывают из невидимых объятий и переносят по воздуху.

Мы вместе с Дрейком висели перед сияющим диском — металлическим императором!

Это он вырвал нас у Хранителя; я видел, как щупальца Хранителя гневно тянулись к нам, а потом мрачно, медленно вернулись в свои гнезда.

А от диска, покрывая меня, поглощая, пришло невероятное спокойствие, все человеческие мысли гасли, и все человеческое во мне, казалось, начало погружаться в немыслимую космическую тишину, тонуть в бездонной пропасти. Я боролся с этим, старался поставить преграду на пути льющейся в меня силы, забить эту силу изучением самого императора.

Его сапфировые овалы задумчиво рассматривали нас; мы висели в десяти футах от них. Они казались жидкими и светящимися, подобными большим жемчужинам. Вдоль края диска шла золотистая по-

лоска, в которой были размещены девять овалов, их соединял лабиринт геометрических символов, цепочек живых огней; рисунок этот был бесконечно сложен и бесконечно прекрасен: множество симметричных форм, так похожих на снежинки или радиолярии — это математическое чудо природы.

Сверкающее лепестковое сердце было переплетено живой радугой холодного пламени.

Мы медленно плыли в воздухе, а диск разглядывал нас.

Я чувствовал себя не действующим лицом, а каким-то сторонним наблюдателем; два человека висят, как мошки, в воздухе, с одной стороны от них мерцающий алым и оранжевым крест, с другой стороны светящийся диск; сзади громоздятся конусы, далеко вверху кольцо щитов.

Раздавался звон, волшебный, сладкий, хрустальный. Он исходил от конусов, это был их голос. В обширный круг неба устремилось копье зеленого света; вслед за ним еще несколько.

Мы мягко скользнули вниз, стояли, покачиваясь, у основания диска. Хранитель перегнулся, склонился. Снова плоскости его повисли над клавиатурой. Вниз спустились щупальца, исполняя на стержнях неведомую симфонию силы.

Все чаще становились копья зари, они превратились в обширный вздымающийся занавес. Многогранное колесо на верху горы конусов поднялось выше; сами конусы засветились, и в небо устремилось не копье, а светлое кольцо, похожее на петлю лассо.

И, подобно лассо, оно перехватило зарю, разорвало ее.

В эту петлю устремились потоки светящихся частиц; утрачивая свой цвет, они водопадом, как в воронку, устремлялись в петлю.

Эти частицы опускались ниже, покрывая конусы. Но теперь конусы не сверкали, как под потоком энергии со щитов, и если и росли в размерах, то медленно, незаметно для глаза; сами щиты оставались неподвижны. Я видел, как то тут, то там поднимаются меньшие кольца, эти раскрытые рты конусов пьют магнитную энергию, бесчисленные ионы, летящие от солнца.

А потом, как и в тот раз, когда мы наблюдали это явление в долине голубых маков, кольцо исчезло, скрылось в светящемся тумане.

Забыв о соседстве двух немыслимых нечеловеческих существ, мы следили за игрой щупалец на поднятых стержнях клавиатуры.

Но если мы забыли, то о нас не забыли!

Император скользнул ближе; смотрел на нас вопросительно, заинтересованно; так человек смотрит на какое-нибудь интересное насекомое, на котенка, на щенка. Я чувствовал эту заинтересованность, как раньше ощущал бесконечное спокойствие, как чувствовал игривость глаз существ в коридоре, любопытство колонны, опустившей нас в долину.

Толчок, полный гигантской, сверкающей игривости.

Снова толчок — мы отлетели дальше. И неожиданно на поверхности под нами засветилась полоска, ее образовали ожившие глаза, они указывали нам путь.

Я видел, как повернулся император, теперь к нам была обращена его огромная металлическая овальная спина, четко выделявшаяся на фоне блеска конусов.

А с узкой тропы, образовавшейся по неслышному приказу, поднялось войско маленьких невидимых рук, этих чувствительных магнитных потоков, органов металлических существ. Они держали нас и двигали вперед. Все быстрее и быстрее двигались мы в направлении ушедших металлических конусов.

Я повернул голову: конусы уже далеко. Над фосфоресцирующей клавиатурой все еще нависали плоскости Хранителя; по-прежнему виднелся черный на фоне сияния диск императора.

Но светящаяся мигающая тропа между ними и нами исчезла, она гасла сразу за нами.

Мы двигались все быстрее и быстрее. Цилиндрическая стена приблизилась. В ней виднелся высокий прямоугольный вход. Нас несло к нему. Перед нами уходил вдаль коридор, такой, какой закрывался за нами.

Но, в отличие от того коридора, поверхность этого быстро поднималась, по этой гладкой скользкой поверхности человек не смог бы двигаться. В сущности это была шахта, прямая, как стрела, идущая под углом в тридцать градусов. Ни ее конца, ни каких-нибудь поворотов мы не видели. Все вверх и вверх уходила она вглубь Города, сквозь само металлическое чудовище, и перспективу скрывала только неспособность человеческого глаза проникнуть сквозь светящуюся дымку, затягивавшую эту шахту на удалении.

На мгновение мы повисли на пороге. Но импульс, который нес нас сюда, не кончился. Нас потянуло вверх, ноги наши едва касались сверкающей поверхности. Сила, поднимавшая нас, исходила от пола, поддерживала нас с боков.

Все выше и выше, десятки, сотни футов.

22. ПРЕДАТЕЛЬСТВО ЮРУКА

Правда ли, что время внутри нас самих, что, подобно пространству, своему двойнику, оно лишь иллюзия человеческого сознания? Иногда часы мелькают, как крылья колибри, а секунды идут словно в свинцовых башмаках.

И правда ли, что когда угрожает смерть, сознание, благодаря воле к жизни, покоряет эту иллюзию, продлевает время? Отшатываясь от

забвения, мы можем в мгновение воссоздать целые годы прошлого и будущего, продлевая свое существование.

Как иначе объяснить медленность нашего падения, неторопливость, с которой проплывала мимо стена?

И неужели это наказание — приговор, вынесенный за то, что мы осквернили своими взглядами священное место, за то, что видели ковчег металлических существ, их святая святых, место, где рождаются металлические дети?

Долина раскачивалась, раскачивалась широкими медленными взмахами.

Колоссальная стена медленно уходила вверх.

И вдруг я понял, но сам не мог поверить себе, чувствовал лишь крайнее изумление. Это не иллюзия. После первых мгновений падения наш спуск перехватили. Раскачиваемся мы, а не долина.

Как по широкой дуге маятника, мы раскачивались на поверхности стены Города — на расстоянии трех футов от нее; и при этом медленно-медленно опускались.

Теперь я видел, что проснулись бесчисленные глаза в стене, они рассматривают нас с озорной насмешкой.

Нас держала хватка живой стены; она раскачивала нас, словно давала возможность все новым участкам разглядеть нас; это она медленно, осторожно опускала нас на дно, до которого теперь было около двух тысяч футов.

Меня охватили гнев и негодование; всякая благодарность, которую я должен был испытывать за спасение, исчезла, поглотилась унижением.

Я погрозил кулаком подмигивающей стене, пытался дотянуться до нее и пнуть, как рассерженный ребенок, проклинал ее — не по-детски. Требовал, чтобы она бросила меня вниз, на смерть.

Дрейк дотронулся до меня рукой.

— Спокойней, — сказал он. — Спокойней, старина. Бесполезно. Спокойней. Посмотрите вниз.

Я, красный от стыда, ослабевший от взрыва ярости, взглянул вниз. Теперь дно долины находилось в тысяче футов. Вокруг того места, куда мы должны были опуститься, толпилось множество металлических существ. Казалось, они смотрят вверх и ждут нас.

— Комитет по встрече, — улыбнулся Дрейк.

Я отвел взгляд, взглянул вверх. Воздух прозрачный, но небо затянуто тучами, звезд не видно. Освещение примерно такое, как в полнолуние, но в свете было что-то незнакомое. Он не отбрасывал тени; мягкий, он в то же время освещал все с ясностью солнечного полудня. Я подумал, что свет исходит от окружающего нас аметистового кольца.

И в это время в далекой дымке сверкнула фиолетовая искра. Со

скоростью метеора она устремилась к нам. У самого основания стены приземлилась во вспышке голубого блеска. Я понял, что это одно из летающих существ, невероятных посыльных.

После его приземления суетливое передвижение ожидающих нас металлических существ усилилось. И наше продвижение изменилось. Длинная дуга, по которой мы раскачивались, сократилась. Мы опускались теперь гораздо быстрее.

Далеко, в том направлении, откуда прилетел вестник, я почувствовал другое движение; приближалось что-то отличное от металлических существ. Оно становилось все ближе.

— Норала! — выдохнул Дрейк.

С развевающимися волосами, закутанная в шелковые янтарные покрывала, она, как прекрасная ведьма, приближалась к Городу на спине огромного коня из больших кубов.

Она подлетала все ближе. И наше падение становилось все более отвесным. Теперь мы опускались, словно привязанные к разматывающейся нити. До дна долины оставалось не более двухсот футов.

— Норала! — кричали мы. — Норала!

Прежде чем она смогла нас услышать, кубы повернули, остановились под нами. Сквозь сотню футов разделяющего нас пространства я увидел странные созвездия в больших глазах Норалы, увидел гневное выражение ее лица.

Мягко, как рукой облачного гиганта, нас сняли со стены и без всякого толчка поставили рядом с ней на поверхность куба.

— Норала... — я замолчал. Это не Норала, которую мы знали. Исчезло спокойствие, ни следа неземного равнодушия. Норала проснувшаяся... и ставшая человеком.

И все же в охватившем ее гневе я чувствовал нечто нечеловеческое. Брови над сверкающими глазами сложились в неподвижную золотую черту; тонкие ноздри раздувались; губы побелели и стали безжалостными. Как будто во время долгого сна ее человеческая сущность приобрела необыкновенные силы, и теперь, проснувшись, ярость ее гнева коснулась зенита той сферы, в которой спокойствие было надиром.

* * *

Она была подобна урне, заполненной огнем бога гнева.

Что же ее пробудило, что изменило нечеловеческое спокойствие на этот поток ярости? Меня охватило страшное предчувствие.

— Норала! — Голос мой дрожал. — Те, кого мы оставили...

— Они исчезли! — Золотой голос стал глубже, он дрожал, полный угрозы; так должны были звучать барабаны орд Тимура, призывая на битву. — Их захватили.

— Захватили! — выдохнул я. — Кто захватил? Они? — Я указал рукой на металлические существа, толпившиеся вокруг нас.

— Нет! Эти мои. Они мне повинуются. — Золотой голос страстно дрожал. — Их захватили люди!

Дрейк что-то прочел на моем лице, хотя слов понять не мог.

— Руфь...

— Захвачена, — сказал я. — И Руфь, и Вентнор. Захвачены вооруженными людьми, людьми Черкиса!

— Черкис! — Она подхватила это имя. — Да, Черкис! А теперь он и все его мужчины, и все женщины, все живое, чем он правит, заплатят за это. А вы не бойтесь. Я, Норала, верну то, что принадлежит мне. Горе, горе тебе, Черкис, горе всему, что принадлежит тебе! Ибо я, Норала, проснулась и я, Норала, помню. Горе тебе, Черкис, горе: пришел твой конец! И не богами своей матери, которые отвернулись от нее, я клянусь в этом. Я, Норала, не нуждаюсь в них. Я, Норала, обладаю большей силой, чем они. Я раздавлю этих богов, Черкис, как раздавлю и тебя, и все живое, что принадлежит тебе! Да! И даже все неживое!

Норала говорила, не останавливаясь, речь пламенно лилась из ее безжалостных уст.

— Идем! — воскликнула она. — И часть мести я оставила вам, это ваше право.

Она высоко подняла руки, топнула по спине металлического существа, державшего нас.

Существо вздрогнуло и понеслось. Стены Города быстро удалялись.

Мы полетели не к туманному занавесу, а поперек долины. Над нами, как шелковое знамя, развевались на ветру волосы Норалы, в них сверкали колдовские огни.

Теперь мы были уже далеко от Города. Куб замедлил свое движение. Норала высоко подняла голову. Из горла ее прозвенел трубный зов, золотой, призывный, повелительный. Трижды прокричала она, и вся окружающая долина, казалось, затихла и слушает ее.

Сразу вслед за ее зовом послышалось золотое пение. Дикое, высокомерное, триумфальное. Победный крик, призывающий блуждающие звезды, дающий сигнал всем пиратам и корсарам мира!

Космический призыв к убийству!

Огромный блок, на котором мы ехали, дрогнул; я почувствовал, как меня колют тысячи игл, подталкивают к веселой, безжалостной оргии разрушения.

Повинуясь призыву, к нам устремились десятки кубов, шаров, пирамид. Они построились за нами и мчались, как волнующееся море.

Все выше и выше становилась металлическая волна, все новые и

новые металлические существа присоединялись к ней, все выше поднимался ее гребень. Вскоре он затенил нас, навис над нами.

Кубы, на которых мы летели, изменили свой курс, все с большей скоростью устремились к туманному занавесу.

Снова прозвенел золотой зов Норалы; все выше и выше вздымалась следовавшая за нами волна. Мы поднялись по крутому склону, теперь аметистовое кольцо было почти над нами.

Зов Норалы смолк. Одно головокружительное мгновение — и мы проскочили сквозь занавес. Перед нами засверкал сапфировый шар, волшебный кокон ее дома. Мы приближались к нему.

* * *

У дороги паслись три оседланных пони; они подняли головы. Мгновение стояли в ужасе, затем с ржанием ускакали.

Мы были у входа в дом Норалы; нас приподняло и перенесло к входу. Мы с Дрейком, подчиняясь одной мысли, устремились вперед, собираясь войти.

— Подождите! — Белые руки Норалы удержали нас. — Там опасность — без меня. Вы должны идти за мной!

На ее прекрасном лице было все то же гневное непреклонное выражение. Усеянные звездочками глаза смотрели не на нас, а куда-то поверх нас, смотрели холодно, расчетливо.

— Недостаточно, — услышал я ее шепот. — Мало для того, что я собираюсь сделать.

Мы повернулись в направлении ее взгляда. На расстоянии ста футов почти через все ущелье протянулась невероятная завеса. В складках ее происходило движение, вниз, как руки, опускались вращающиеся шары, захватывали пирамиды, те застывали, как ощетинившиеся волоски; огромные полосы из кубов выступали наружу и снова втягивались в завесу. Завеса находилась в непрерывном движении, она дрожала от напряжения, от ожидания.

— Мало! — прошептала Норала.

Губы ее раскрылись; послышался еще один трубный зов, тираническ ий, высокомерный, звонкий. Завеса задрожала сильнее, из нее устремились каскады кубов. Они строились в высокие столбы, которые начали раскачиваться и вращаться.

Десятки пламенеющих колонн устремились к аметистовой завесе и исчезли в ней. Испуская фиолетовое свечение, они возвращались к Городу.

— Хай! — крикнула Норала им вслед. — Хай!

Она снова подняла руки; звездные галактики ее глаз бешено плясали, испускали лучи. Могучая завеса из металлических существ пульсировала и дрожала; ее части переплетались; кубы, шары и пирами-

ды, из которых она была сплетена, казалось, стремятся оторваться от нее.

— Идем! — воскликнула Норала и повела нас в дом.

Мы пошли за ней. Я чуть не упал, споткнувшись о тело, — человек со смуглым лицом, в кожаных доспехах лежал поперек порога, вытянув ноги.

Норала надменно перешагнула через него. Мы вошли в помещение с бассейном. Вокруг бассейна лежало еще с полдесятка вооруженных людей. Руфь защищалась, подумал я с мрачным удовлетворением, хорошо защищалась; захватившие ее и Вентнора дорого заплатили.

Мой взгляд привлекла фиолетовая вспышка. Рядом с бассейном, в котором мы впервые видели белое чудо тела Норалы, сверкали две большие пурпурные звезды. Между ними, как проситель, выкованный из черного железа, стоял Юрук.

Держась на двух нижних лучах, звезды сторожили его. Евнух скорчился, головой касаясь колен, закрыв глаза руками.

— Юрук!

В голосе Норалы звучало неземное немилосердие.

Евнух поднял голову, медленно, со страхом.

— Богиня! — прошептал он. — Богиня! Смилуйся!

— Я пощадила его, — повернулась к нам Норала, — чтобы вы сами могли его убить. Он привел тех, кто забрал мою девушку и беспомощного человека, которого она любит. Убейте его.

Дрейк понял, рука его устремилась к пистолету. Он достал оружие. Направил его на черного евнуха. Юрук увидел, закричал, закрываясь руками. Норала рассмеялась — сладко, безжалостно.

— Он умрет от страха еще до того, как вы ударите, — сказала она. — Умрет дважды, и это хорошо.

Дрейк медленно опустил пистолет, повернулся ко мне.

— Не могу, — сказал он. — Не могу... сделать это...

— Хозяева! — Евнух на коленях подполз к нам. — Хозяева, я не хотел плохого. Я сделал это из любви к богине. Много лет я служил ей. А до того служил ее матери. Я подумал, если девушка и пораженный уйдут, вы последуете за ними. И я снова буду один с богиней. Черкис не убьет их. Черкис встретит вас приветливо, а за то, чему вы его можете научить, вернет вам девушку и пораженного. Смилуйтесь, хозяева. Я не хотел зла. Попросите богиню умилосердиться!

* * *

Ужас изгнал из черных глаз Юрука тень древности, стер с лица следы возраста. Исчезли морщины. Поразительно молодое лицо Юрука умоляюще смотрело на нас.

— Чего вы ждете? — спросила Норала. — Время поджимает, мы должны уже быть в пути. Когда многих ожидает смерть, зачем медлить из-за одного? Убейте его!

— Норала, — ответил я, — мы не можем убить его просто так. Убивая, мы делаем это в честной схватке — лицом к лицу. Исчезла девушка, которую мы оба любим; вместе с ней исчез ее брат. И даже если мы убьем Юрука — из-за его предательства все произошло, — ее нам это не вернет. Мы можем его наказать, да, но убить — нет. И мы хотим поскорее отправиться за девушкой и ее братом.

Несколько мгновений она с явным удивлением смотрела на нас.

— Как хотите,—наконец сказала она, и добавила саркастически: — Может, я слишком долго спала и потому не понимаю вас. Но Юрук нарушил мой приказ. То, что принадлежало мне, я поручила ему, а он отдал моим врагам. Неважно, что вы собираетесь делать. Важно только то, что решу я.

Она указала на мертвецов.

— Юрук, — золотой голос звучал холодно, — собери эту падаль и сложи вместе.

Евнух встал, опасливо проскользнул между двумя звездами. Одно за другим стащил все тела в центр комнаты, сложив грудой. Один оказался жив. Когда евнух схватил его, он открыл глаза, раскрыл рот.

— Воды! — умолял он. — Дайте мне воды! Я весь горю!

Я почувствовал прилив жалости; взял фляжку и подошел к нему.

— Ты, бородатый! — послышался безжалостный окрик, — никакой воды ему не будет. Но он напьется, и скоро — наньется огня!

Лихорадочные глаза воина устремились к ней, он увидел всю безжалостность ее прекрасного лица.

— Колдунья! — простонал он. — Проклятое отродье Аримана! — И плюнул в нее.

Черные когти Юрука сомкнулись вокруг его горла.

— Сын нечистой суки! — взвыл евнух. — Ты осмеливаешься святотатствовать перед лицом богини!

И сломал шею воина, словно тонкий прутик.

От такой черствой жестокости я на мгновение окаменел; Дрейк выругался, поднял пистолет.

Норала ударила его по руке.

— Твой шанс миновал, — сказала она, — и не за это ты должен был убить его.

Юрук бросил тело убитого на остальные; груда была завершена.

— Поднимайся! — приказала Норала, указывая на груду. Евнух бросился к ее ногам, извивался, умолял, стонал. Норала взглянула на звезду, отдала неслышный приказ.

Звезда скользнула вперед, и ее лучи почти незаметно дернулись.

Извивающаяся черная фигура взлетела с пола и, как мешок, упала на груду мертвых тел.

Норала подняла руки. Из фиолетовых овалов на верхних лучах звезд полились потоки голубого пламени. Они упали на Юрука, разлились по нему, по телам убитых. Тела начали сокращаться, задвигались; казалось, мертвецы пытаются встать, мертвые мышцы и нервы отвечали на потоки проходящей через них энергии.

От звезд летели молния за молнией. В комнате послышался треск, как от разбитого стекла. Тела загорелись. Дыма, отвратительного, тошнотворного, было мало, огонь будто пожирал его, прежде чем он мог подняться.

На месте груды убитых с черным евнухом наверху осталась только маленькая кучка пепла. Ее взвихрил ветерок, она скользнула по полу и исчезла за дверью. Молниеносные звезды стояли молча, разглядывая нас. Неподвижно стояла и Норала, гнев ее на мгновение был смягчен этим ужасным жертвоприношением. И тоже неподвижные, лишенные дара речи увиденным, стояли мы.

— Слушайте, — сказала она наконец. — Вы, двое, любившие девушку. То, что вы видели, ничто по сравнению с тем, что увидите, — как клок тумана перед грозовой тучей.

— Норала... — я обрел способность говорить, — когда захватили девушку?..

Возможно, мы еще успеем догнать похитителей, прежде чем Руфь попадет в еще большую опасность. И тут у меня появилась новая мысль, вызвавшая удивление. Юрук показывал мне утесы, куда ведет тропа. До них не менее двадцати миль. А какой длины проход дальше, в утесах? И далеко ли поселение вооруженных людей? На рассвете Дрейк пригрозил евнуху своим пистолетом. Сейчас рассвет еще не наступил. Как мог Юрук так быстро добраться до персов, как они могли так быстро вернуться?

Поразительно, но Норала ответила не только на мой высказанный, но и на невысказанные вопросы.

— Они пришли задолго до сумерек, — сказала она. — А накануне ночью Юрук уходил в Рушарк, город Черкиса; еще до наступления рассвета они двинулись в путь сюда. Так сказал мне этот черный пес, которого я убила.

— Но вчера утром Юрук был тут с нами, — возразил я.

— С тех пор прошла еще ночь, — ответила она, — и вторая ночь почти на исходе.

Ошеломленный, я задумался. Если это правда — а я нисколько не сомневался в этом, — тогда мы пролежали у живой стены перед конусами не несколько часов, а остаток дня, целую ночь, следующий день и еще часть ночи.

* * *

— Что она сказала? — Дрейк беспокойно смотрел на мое побледневшее лицо. Я рассказал ему.

— Да, — снова заговорила Норала. — В сумерках перед прошлой ночью я вернулась сюда. Девушка была здесь. Она рассказала, что вы ушли в долину, и попросила меня помочь вам, вернуть вас назад. Я утешила ее, дала ей... мир; но не совсем, потому что она сопротивлялась. Мы немного поиграли вместе, и я оставила ее засыпающей. Поискала вас и нашла. Вы тоже спали. Я знала, что вам не причинят никакого вреда, пошла по своим путям... и забыла о вас. Потом снова вернулась сюда — и нашла Юрука и тех, кого убила девушка.

Большие глаза сверкнули.

— Высокие почести заслужила эта девушка своей битвой, — сказала Норала, — хотя не понимаю, как она могла убить столько сильных мужчин. Сердце мое стремится к ней. И потому, когда я привезу ее сюда снова, она больше не будет игрушкой Норалы. Будет ее сестрой. А с вами будет так, как она захочет. И горе тем, кто захватил ее!

Она замолчала, прислушиваясь. Снаружи послышалась буря тонких воплей, настойчивых и энергичных.

— Но у меня есть и более старая месть, — торжественно звучал золотой голос. — Я давно о ней забыла... и позор мне, что забыла. Среди... этих... — она указала рукой на тайную долину, — я вообще забыла всю прошлую ненависть и все жестокости. Если бы не вы и не все случившееся, я бы о них и не вспомнила, мне кажется. Но сейчас я проснулась и буду мстить. А после этого, — она помолчала, — когда все будет кончено, я вернусь сюда. В этом пробуждении нет ничего от умиротворенной радости, которую я люблю, это свирепый, убийственный огонь. Я вернусь...

Глаза ее подернулись дымкой, смягчилась их гневная яркость.

— Слушайте, вы, двое! — Дымка исчезла. — Те, кого я собираюсь убить, злы, они все: мужчины и женщины — зло. И давно уже они такие, много солнечных циклов. И дети их подобны им; а если они растут мягкими и любящими мир, их убивают или они сами умирают от разбитого сердца. Все это мне давно рассказывала мать. И потому больше не будет у них детей, чтобы не росли они злыми и несчастными.

Снова она смолкла, и мы не нарушали ее раздумий.

— Мой отец правил Рушарком, — сказала она наконец. — Его звали Рустум, и он был потомком героя Рустума, как и моя мать. Это были добрые и мягкие люди, их предки построили Рушарк, когда, спасаясь от мощи Искандера, оказались запертыми в этой долине упавшей горой. И вот в одном из благородных семейств вырос Черкис. Злой, злой был он и, когда вырос, задумал захватить власть. В ночь ужаса он перебил тех, кто любил моего отца; отец едва успел бежать

из города с моей матерью, новобрачной, и пригоршней верных людей. Они случайно нашли дорогу в это место. Пришли сюда и были схвачены... теми, кто теперь мой народ. И моя мать, а она была прекрасна, поднялась перед тем, кто правит здесь, и понравилась ему, и он построил для нее этот дом, который стал моим. И со временем родилась я... но не здесь, нет, в тайном месте света, где рождается мое племя.

Она смолкла. Я взглянул на Дрейка. Тайное место света — тот волшебный зал, где огни превращаются в музыку. Мы заглянули и туда, и за это святотатство, как я думал, нас выбросили из Города. Может, в этом объяснение ее необычности? Может, там вместе с молоком матери всосала она загадочную жизнь металлического народа, стала мутантом, родственным этим существам? Кто мог бы объяснить...

* * *

— Мать показывала мне Рушарк, — Норала продолжала рассказ, прервав мои размышления. — Однажды, когда я была еще мала, мать и отец пронесли меня через лес и по тайному пути. Я смотрела на Рушарк — большой город, многолюдный, котел, полный жестокости и зла. Отец и мать не были похожи на меня. Они стремились к своим, хотели вернуться. И вот однажды мой отец отправился в Рушарк, чтобы поискать друзей и с их помощью вернуть себе свое место. Те, кто повинуется мне, ему не повиновались; не мог он повести их, как поведу я, на Рушарк. Черкис захватил его. И ждал, хорошо зная, что мать последует за отцом. Черкис не знал, где искать ее, потому что между городом и этим местом огромные непроходимые горы, и путь сюда тщательно скрыт; и лишь случайно моя мать и те, кто бежал с ней, открыли его. Моего отца пытали, но он не показал им пути. А потом те, что оставались здесь, вместе с моей матерью отправились на поиски отца. Меня они оставили с Юруком. И Черкис захватил мою мать.

Ее гордая грудь вздымалась, глаза горели.

— С моего отца живьем содрали кожу, а потом распяли его. Его кожу прибили к воротам города. Надругавшись над моей матерью, Черкис отдал ее своим солдатам для забавы. Всех ее сопровождающих пытали и убили, и Черкис смеялся над их муками. Но один из них бежал и рассказал все мне. Я была еще девочкой. Рассказал, попросил отомстить и умер. Прошли годы, но я не похожа на своих родителей, я забыла, я жила здесь в спокойствии, отгороженная от всех, и не думала о людях и их путях... Ай, ай! — воскликнула она. — Горе мне! Я забыла! Но теперь я отомщу. Я, Норала, раздавлю их: и Черкиса, и город Рушарк, и все, что в нем! Я, Норала, и мои слуги — мы втопчем их в скалы, так что никто никогда не узнает и места, где они

были! И если бы я встретила их богов со всей их мощью, я растоптала бы их, впечатала бы их в камень под ногами моих слуг!

Она протянула белые руки.

Почему Юрук солгал мне, думал я, глядя на нее. Диск не убивал ее мать. Конечно! Он лгал, чтобы сыграть на нашем страхе, хотел отпугнуть нас.

Вой снаружи все возрастал. Одна из звезд сложилась и скользнула к выходу.

— Идем! — приказала Норала и пошла вперед. Вторая звезда последовала за нами. Мы переступили через порог.

И на мгновение застыли, пораженные, затаив дыхание. Перед нами возвышалось чудовище — колоссальный безголовый сфинкс. Как передние лапы и челюсти, в стены ущелья упирались столбы из кубов и шаров. За ними на высоту в двести футов вздымалось само чудовище.

Все оно состояло из движущихся, переплетающихся металлических существ; они образовали гигантское туловище, огромные щиты, живую кольчугу. И от всех этих движущихся частей, от всего чудовища доносился вой. Как безголовый сфинкс, прижималось оно к земле — и сделало шаг навстречу нам.

— Хай! — воскликнула Норала, в ее золотом голосе звучала жажда битвы. — Хай, мои спутники!

Сверху опустился огромный хобот из кубов и вращающихся шаров. Как хобот, он ткнулся в нас, подхватил и поднял вверх. Несколько мгновений я пошатывался, испытывая головокружение; меня держали; я стоял рядом с Норалой на маленькой ровной площадке, полной мигающих глаз; на другой стороне площадки покачивался Дрейк.

Во всем чудовище чувствовалась дрожь, нетерпеливый пульс. Я повернул голову. На полмили уходила назад спина зверя, заканчиваясь драконьим хвостом, который извивался еще на расстоянии в полмили. Со спины вздымался зубчатый воротник, густая роща копий, свивающихся и развивающихся щупалец, зубчатых вершин. Они непрерывно двигались, наклонялись; непрерывно хлестал фантастически длинный хвост.

— Хай! — еще раз крикнула Норала. Послышался ее золотой зов, теперь он звучал как безжалостный гимн убийству.

Чудовищный корпус поднялся. В него втянулся длинный хвост. В него ушли зубцы спины. Мы поднимались все выше и выше, на три сотни футов, на четыре, на пять. Гигантская нога перешагнула через голубой купол дома Норалы. Из боков чудовища, как у паука, торчало множество других ног.

Начинался рассвет. Мы двигались со все возраставшей скоростью, прямо к линии холмов, за которой лежал город вооруженных людей — и Руфь и Вентюр.

23. РУШАРК

Колоссальная фигура двигалась ровно, мы чувствовали себя на ней, как в колыбели. Чудовище не скользило, оно шагало.

Колоннообразные ноги поднимались, сгибались в тысячах суставов. Пьедесталы ног, огромные и массивные, как платформы шестнадцатидюймовых орудий, опускались с математической точностью.

Деревья под этими ногами падали, как камыш на пути мастодонта. Далеко снизу доносился треск. Густой лес замедлил продвижение чудовища не больше, чем трава помешала бы человеку.

За нами в зелени леса оставался след из глубоких черных ям, с такими же ровными и гладкими краями, как на отпечатке в долине маков. Это были отпечатки ног существа, которое несло нас.

Свистел ветер. Взлетел выводок птиц, они отчаянно били крылышками. Лицо Норалы смягчилось, она улыбнулась.

— Уходите, маленькие глупышки, — воскликнула она и взмахнула рукой. Птицы улетели с криками.

На широких крыльях скользнул к нам стервятник; всмотрелся в нас; полетел в сторону холмов.

— Не будет тебе падали, черный пожиратель мертвых, когда я кончу, — услышал я шепот Норалы. Глаза ее снова стали мрачны.

Становилось все светлее; Норала снова возвысила голос. И теперь, под мерный топот чудовища, ее гимн начал действовать и на меня. И на Дрейка тоже, увидел я, потому что он высоко поднял голову, глаза его горели так же ярко, как и у поющей.

Торжествующий пульс пронизал наши тела. Пульс чудовища, пульс песни!

Утесы приближались. С грохотом падали деревья, их треск сопровождал боевую песнь стоявшей рядом со мной валькирии, как дикие аккорды бурного прибоя. Впереди непрерывный лес. Прямо перед нами утесы. Рассвет кончился. Наступил день.

Через гранитные утесы вела расселина. В ней густо лежала тень. Мы двигались прямо к ней. И тут верх чудовища начал быстро опускаться. Мы опускались все ниже и ниже, на сто футов, на двести; теперь мы были всего в двух десятках ярдов над вершинами деревьев.

Вперед протянулась шея, тело гигантской змеи, все усаженное пирамидами, пирамидами усажена и голова. На вершине каждой пирамиды быстро вращалось колесо. На сотни футов вперед тянулась эта невероятная шея, а сзади, вдвое более длинное, извивалось чудовищное тело.

Теперь мы ехали на змее, на сверкающем голубым металлом драконе, покрытом пиками, копьями и чешуей. Конь Норалы растянулся, собираясь преодолеть ущелье.

И по-прежнему по всему телу проходил дикий, торжествующий, быстрый пульс. По-прежнему звенела песня Норалы.

По обе стороны от нас раздвигались и падали деревья, как будто мы — морское чудовище, а они — рассекаемые нами волны.

Теперь утесы окружили нас. Мы опустились еще ниже; теперь до поверхности было не больше пятидесяти футов. Чудовище потоком стремилось вперед.

Нас окутала глубокая тьма. Туннель.

Мы плыли по нему. И вырвались из него в более широкое место, полное рассеянного света. Свет проходил через отверстие в высокой, много тысяч футов, каменной стене. Впереди, в миле от нас, снова щель, но такая узкая, что едва ли через нее пройдет человек.

Неожиданно металлический дракон остановился.

Пение Норалы изменилось, стало более звонким и высокомерным. Прямо перед нами шея чудовища раскололась. Мне пришло в голову, что Норала — душа этой химеры; чудовище улавливало и понимало все ее мысли, повиновалось им.

Как будто она действительно часть — не только чудовища, но невероятно более громоздкого существа, лежащего в пропасти. Металлическое чудовище отдало Норале часть себя, превратилось в ее коня, в ее бойца. Но у меня не было времени размышлять над этим.

Отделившаяся часть продвинулась вперед. В нее устремилось множество существ, угловатых, круглых, прямоугольных. Они соединились и превратились в колоссальный столб, у которого немедленно выросло множество рук.

По рукам вперед двинулись большие шары, за ними десятки огромных пирамид, не менее десяти футов в высоту каждая. Многочисленные руки застыли. Титанический Бриарей[1] несколько мгновений стоял перед нами неподвижно.

Потом шары на концах его рук начали вращаться — все быстрее и быстрее. Я видел, как на них раскрываются многочисленные пирамиды, превращаясь в войско звезд. Ущелье осветилось яркими фиолетовыми вспышками.

Звезды, которые до того стояли неподвижно, присоединились к бешеному вращению шаров и превратились в колоссальные вращающиеся колеса. Потом снова остановились. Свет их стал ярче, ослепительней; они как будто собирались с силами.

Я чувствовал, как под нами нетерпеливо дрожит чудовище.

От звезд отделился ураган молний. Водопад электрического пла-

---

[1] В античной мифологии сын бога неба Урана и богини земли Геи. Чудовищное существо с пятьюдесятью головами и сотней рук. *(Прим. перев.)*

мени полился в щель, ударяясь о гранитные стены. Нас ослепил свет, оглушил грохот.

Скала перед нами задымилась и раскололась, полетели в облаках пыли осколки.

Щель расширилась, как пробоина в песочном вале, когда в нее врывается вода. Снова водопад молний; мощное оружие разрывало гранит, раскалывало его на части.

* * *

Щель постепенно расширялась. Стены ее плавились, и столб продвигался вперед, посылая перед собой потоки молний. Мы ползли следом. Вокруг нас вились облака пыли от расколотых скал; но до нас они не доходили, их относил сильный ветер, дувший сзади.

Мы продолжали двигаться, ослепленные, оглушенные. Непрерывно лился вперед поток голубого пламени; непрерывно ревел гром.

Послышался еще более громкий звук, вулканический, хаотический, заглушивший собой гром. Стороны ущелья дрогнули, прогнулись наружу. Раскололись и обрушились. Нам в лицо ударил яркий дневной свет.

Столб-разрушитель задрожал — как от хохота!

Звезды закрылись. Обратно в тело чудовища устремились шары и пирамиды. Столб скользнул назад, присоединился к телу, от которого отделился. По всему телу пробежала волна торжества, пульс радости, колоссальный, металлический, молчаливый хохот.

Мы скользнули вперед, из ущелья. Платформа под нами дрогнула.

Я почувствовал, что мы поднимаемся. Ошеломленно оглянулся. В скале за нами дымилось широкое отверстие. Из него валили облака пыли, грозя затопить нас. Весь гранитный барьер, казалось, дрожит. Мы продолжали подниматься.

— Смотрите, — прошептал Дрейк, поворачивая меня.

Менее чем в пяти милях от нас лежал Рушарк, город Черкиса. Как будто ожил древний город, лежавший мертвым много столетий. Восстановленная страница из сгоревшей книги Древней Персии. Город Хосровов, перенесенный каким-то джинном в наше время.

Он был построен на невысоком холме в центре долины, чуть большей, чем долина металлического Города. Долина ровная, словно дно первобытного озера; холм, на котором стоял город — единственное возвышение на ней.

За городом узкая извивающаяся река. Долина окружена высокими крутыми утесами.

Мы медленно приближались.

Город был почти квадратным, окруженным двойной стеной из обтесанного камня. Первая стена в сто футов высотой, с башенками,

парапетом и несколькими воротами. В четверти мили за ней вторая стена.

Сам город, по моей оценке, занимал не менее десяти квадратных миль. Он поднимался широкими террасами. Прекрасный город, усеянный цветущими садами и зелеными рощами. Множество каменных домов с красными и желтыми крышами, к небу устремляются высокие шпили и башни. На вершине холма широкая площадь, ее окружают большие белые здания с золотыми крышами: храмы и дворцы.

Вокруг города поля и огороды. На них множество маленьких фигур. Среди них я заметил всадников, блестело их вооружение. Все спешили к воротам, под защиту укреплений.

Мы приближались. Со стен послышались слабые звуки гонгов, резкий рев труб. Я видел, как на стенах появились воины; множество маленьких фигур с блестящими телами; свет отражался от их шлемов, от наконечников копий.

— Рушарк! — выдохнула Норала. Глаза ее были широко раскрыты, на губах жестокая улыбка. — Смотри, я перед твоими воротами. Смотри, я здесь. Никогда не было мне так весело!

Созвездия ее глаз ослепляли. Прекрасна, прекрасна была Норала — как Изида, наказывающая Тифона за убийство Озириса; как мстительная Диана; от нее исходило сияние гневной богини.

Вились пламенеющие волосы. От всего ее тела исходила яростная сила, запах разрушения. Она прижалась ко мне, и я вздрогнул от этого прикосновения.

* * *

Дикое возбуждение вспыхнуло во мне. Жизнь, человеческая жизнь показалась ничтожной. Сам город превратился в груду игрушек.

Раздавим его!

Чудовище под нами встряхнулось. Мы двинулись быстрее. Громче слышались барабаны, гонги, трубы. Ближе стены, все больше на них человеческих муравьев.

Мы шли по стопам последних беглецов. Чудовище замедлило шаг, терпеливо ждало, пока они достигнут ворот. Но ворота уже закрылись. Те, что опоздали, застыли перед ними; потом бросились к стенам, прижимались к ним в поисках убежища.

Чудовище приближалось, медленно опускаясь. Теперь оно превратилось в веретено в милю длиной, на его выпуклом центре стояли мы втроем.

Мы остановились в ста футах от внешней стены. И более чем на пятьдесят футов возвышались над ней. Сотни воинов стояли за парапетом, напряженно ждали лучники с большими луками, приложив стре-

лы к щеке; десятки воинов в кожаных латах держали в правых руках копья, другие готовили пращи.

На равных интервалах размещались приземистые мощные орудия из дерева и металла, возле которых лежали груды больших округлых камней. Я понял, что это катапульты; вокруг них копошились воины, укладывая на место снаряды, оттягивая назад толстые веревки; выпущенные, они метнут вперед снаряд. Со всех сторон тащили все новые баллисты, собирали отовсюду батареи, чтобы противостоять сверкающему чудовищу, нависшему над городом.

Между внешней и внутренней стенами скакало множество всадников. На внутренней стене так же густо, как на внешней, толпились воины, лихорадочно готовясь к обороне.

Город кишел. От него, как от огромного рассерженного улья, доносилось непрерывное гудение.

Невольно я подумал, какое зрелище должны мы представлять для тех, кто смотрит на нас, — невероятно огромное живое металлическое чудовище. Они должны решить, что это дьявольская военная машина, которой управляют колдунья и два ее спутника в человеческом облике. Я представил себе, что такое чудовище смотрит на Нью-Йорк, и в панике бегут от него тысячи людей...

Послышались трубные звуки. На парапет поднялся человек в сверкающих алых доспехах. С ног до головы он был одет в кольчугу. Из-под шлема, напоминавшего плотно прилегающие шлемы крестоносцев, на нас смотрело бледное жестокое лицо. В яростных глазах ни следа страха.

Люди Рушарка злы, как сказала Норала, злобны и жестоки — но они не трусы, нет!

Человек в алых доспехах поднял руку.

— Кто вы? — закричал он. — Кто вы трое, пришедшие к Рушарку сквозь скалы? Мы с вами не ссорились!

— Я ищу мужчину и девушку, — ответила Норала. — Девушку и больного мужчину, которых ваши воры украли у меня. Приведи их ко мне!

— Ищи их в другом месте, — ответил он. — Здесь их нет. Поворачивай и ищи в другом месте. Уходи быстрее, или я передумаю, и ты вообще не сможешь уйти!

Норала рассмеялась, и под ударами этого смеха черные глаза воина яростно сверкнули, белое лицо приняло еще более жестокое выражение.

— Маленький человек с большими словами! Муха, грозящая громом! Как тебя зовут, маленький человек?

Насмешка язвила глубоко, но в своем гневе человек не оценил угрозы.

— Я Кулун! — крикнул человек в алых доспехах. — Кулун, сын

великого Черкиса и командующий его армией. Я, Кулун, брошу тебя под копыта своих лошадей, сдеру с тебя кожу и прикреплю к столбу, чтобы отпугивать с поля ворон! Достаточный ответ?

Она перестала смеяться; задумчиво взглянула на него... глаза ее наполнились адской радостью.

— Сын Черкиса! — услышал я ее шепот. — У него есть сын...

На жестоком лице появилось насмешливое выражение; он явно решил, что она испугалась. Но разочарование наступило быстро.

— Слушай, Кулун! — крикнула Норала. — Я Норала, дочь другой Норалы и Рустума, которого Черкис пытал и казнил. А теперь, лживое отродье нечистой жабы, иди и скажи своему отцу, что я, Норала, у его ворот. И приведи с собой девушку и мужчину. Иди, говорю я!

24. ЧЕРКИС

На лице Кулуна появилось выражение крайнего изумления, смешанного со страхом. Он спрыгнул с парапета в группу своих людей. Послышался громкий трубный звук.

С укреплений обрушился дождь стрел, туча копий. Подпрыгнули приземистые катапульты. Они выбросили град камней. Я съежился под этим ураганом смерти.

Услышал золотой смех Норалы, и прежде чем они могли долететь до нас, стрелы, копья и камни были будто перехвачены множеством невидимых рук. И упали вниз.

Из гигантского веретена вперед устремилась большая рука, молот, усаженный кубами. Он ударил в стену вблизи того места, где исчез одетый в алые доспехи Кулун.

Камни стены раскололись от этого удара. Вместе с частью стены упали воины и были погребены под камнями.

В стене появилась брешь в сотню футов шириной. Снова устремилась вперед рука, ухватилась за парапет, оторвала часть стенного укрепления, словно оно было из картона. Рядом с брешью на стене образовалась ровная плоская открытая площадка.

Рука отступила, и из всей длины веретена выросли другие руки, увенчанные молотами; они угрожающе нависли.

Со всей длины стен послышались вопли ужаса. Неожиданно дождь стрел прекратился, катапульты застыли. Снова прозвучали трубы. Смолкли крики. Наступила тишина, ужасная, напряженная.

Снова выступил вперед Кулун, высоко подняв обе руки. Все его высокомерие исчезло.

— Мир! — закричал он. — Мир, Норала! Если мы отдадим тебе девушку и мужчину, ты уйдешь?

— Иди за ними, — ответила она. — И передай Черкису мой приказ: пусть он тоже придет с этими двумя!

Мгновение Кулун колебался. Ужасные руки взметнулись выше, грозя ударить.

— Да будет так! — крикнул он. — Я передам твой приказ.

И фигура в алом устремилась к башенке, в которой, вероятно, была лестница. Кулун исчез. Мы молча ждали.

Я заметил движение на дальней стороне города. Всадники, пони, везущие повозки, группы пешеходов уходили из города через противоположные ворота.

Норала тоже увидела их. С непостижимым мгновенным повиновением ее невысказанной мысли от металлического чудовища отделилась часть и превратилась в десяток обелисков; я видел, как такие выходили из отверстий-ворот в металлическом Городе.

И уже через мгновение колонны оказались далеко, они загоняли назад беглецов.

Они их не трогали, не причиняли им вреда — нет, они вели себя как собаки, загоняющие скот: окружали, преграждали путь, угрожали. И беглецы устремились назад.

С террас и стен снова послышались крики ужаса, вопли. Вдали от нас обелиски встретились, слились, превратились в одну толстую колонну. Она возвышалась неподвижно, карауля дальние ворота.

На стене началось движение, блеснули копья, обнаженные лезвия мечей. К разрушенному укреплению на стене несли двое носилок, задернутых занавесками. Они были окружены тройным рядом мечников, в полном вооружении, с маленькими щитами. Мечников вел Кулун.

Носильщики остановились посередине плоской платформы и осторожно опустили носилки. Один из них отвел занавес вторых носилок, что-то сказал, и оттуда вышли Руфь и Вентнор.

— Мартин! — Я не мог сдержать этот крик; он смешался с окликом Дрейка: тот звал Руфь. Вентнор приветственно поднял руку. Мне показалось, что он улыбается.

Куб, на котором мы стояли, устремился вперед и повис в пятидесяти футах от них. Мгновенно воины подняли мечи; они готовы были ударить пленников и только ожидали приказа.

Теперь я увидел, что Руфь одета не так, как раньше. На ней была короткая юбочка, не достигавшая колен. Плечи обнажены, волнистые каштановые волосы развязаны и спутаны. На лице ее гневное выражение, как и у Норалы. На голове Вентнора кроваво-красный шрам — царапина от виска до затылка, как лента.

Занавеси первых носилок дрогнули; за ними кто-то заговорил. Носилки, в которых принесли Руфь и Вентнора, оттащили. Воины чуть расступились.

Их место заняли лучники. Они опустились на колено. Расположившись парами, они натянули луки, наложили стрелы, нацелившись ими прямо в сердце пленников.

Из носилок вышел гигант. Ростом не менее семи футов; широкие плечи, бочкообразную грудь, большой живот покрывал пурпурный плащ, усеянный драгоценностями; в густых поседевших волосах пылающая драгоценная диадема.

Кулун и мечники окружили его, и он подошел к разрушенному месту на стене. Посмотрел вниз, потом невозмутимо взглянул на поднятую молотообразную руку, все еще нацеленную на брешь. Кулун по-прежнему держался рядом с ним. Человек подошел к самому краю разрушенных укреплений и принялся молча рассматривать нас.

* * *

— Черкис! — прошептала Норала; шепот ее звучал гимном Немезиде [1]. Я чувствовал, как тело ее с ног до головы дрожит.

Волна ненависти, страстное желание убивать охватило меня, когда я разглядывал глядящего на нас человека. Его лицо — маска зла, холодной жестокости и черствой похоти. Немигающие, злобно-ледяные черные глаза смотрели на нас, наполовину скрываясь за толстыми щеками. Свисал тяжелый подбородок, рот застыл в жестокой улыбке.

И когда он смотрел на Норалу, в глазах его мелькнуло выражение желания.

Но от него исходило ощущение силы, грозной, злой, жестокой — но непреодолимой. Таков был Черкис, потомок, возможно, самого Ксеркса Завоевателя, который три тысячелетия назад правил большей частью известного тогда мира.

Нарушила молчание Норала.

— Черак! Приветствую тебя, Черкис! — В ее звонком голосе звучало безжалостное веселье. — Смотри, я только чуть-чуть постучала в ворота твоего города, и ты поторопился мне навстречу. Приветствую тебя, жирная свинья, плевок жабы, толстый червь под моими сандалиями!

Он не обратил внимания на оскорбления, хотя я слышал, как ропот поднялся среди его воинов, а глаза Кулуна жестко сверкнули.

— Поторгуемся, Норала, — спокойно ответил он; голос у него был глубокий, полный зловещей силы.

— Поторгуемся? — Она рассмеялась. — А чем ты будешь торговать, Черкис? Торгуется ли крыса с тигрицей? У тебя, жаба, ничего нет.

Он покачал головой.

— У меня есть эти, — и он указал на Руфь и ее брата. — Ты можешь убить меня и, наверно, многих моих людей. Но прежде чем ты пошевельнешься, мои лучники прострелят им сердца.

Она смотрела на него, больше не насмехаясь.

---

[1] В греческой мифологии — богиня мести. *(Прим. перев.)*

— Моих ты уже убил, Черкис, — сказала она медленно. — Поэтому я здесь.

— Я знаю, — тяжело кивнул он. — Но это было давно, Норала, и я с тех пор многому научился. Я убил бы и тебя, Норала, если бы нашел тогда. Но теперь я бы так не поступил, я поступил бы совсем по-другому, потому что я многому научился. Мне жаль, что те, кого ты любила, умерли так, как они умерли. Мне искренне жаль!

В этих словах таилась какая-то насмешка, какая-то скрытая издевка. Неужели он имеет в виду, что за эти годы научился причинять большие муки, применять более изощренные пытки? Если и так, Норала, очевидно, не заметила такой возможности истолкования его слов. Она казалась заинтересованной, гнев ее уменьшился.

— Нет, — бесстрастно продолжал низкий хриплый голос. — Все это теперь неважно. Ты хочешь получить этого мужчину и эту девушку. Они умрут, если ты шевельнешь пальцем. А если они умрут, я победил тебя, потому что не дал исполниться твоему желанию. Я выиграл, Норала, даже если ты меня убьешь. Вот что сейчас важно.

На лице Норалы появилось сомнение, и я уловил в глубине черных злых глаз презрительное выражение торжества.

— Бесплодной будет твоя победа надо мной, Норала, — сказал он и смолк.

— Что ты предлагаешь? — заговорила она неуверенно; с замирающим сердцем я услышал сомнение в ее голосе.

— Ты уйдешь и больше не будешь стучаться в мои ворота, — в этой фразе была насмешливая угрюмость, — уйдешь и поклянешься никогда не возвращаться. И тогда я отдам их тебе. А если нет, они умрут.

— Но какие гарантии, какие заложники тебе нужны? — Голос ее звучал обеспокоенно. — Я не могу клясться твоими богами, Черкис, они не мои боги. По правде говоря, я, Норала, не знаю богов. Я скажу да, возьму этих двоих, а потом нападу на тебя и уничтожу. Ты ведь так бы поступил на моем месте, старый волк?

— Норала, — ответил он, — ничего подобного я у тебя не прошу. Разве я не знаю, кто породил тебя, из какого рода ты происходишь? Разве не держали твои предки слово всегда, до самой смерти, никогда не нарушая его? Между тобой и мной не нужны никакие клятвы богам. Твое слово более свято, чем все боги... о славная дочь царей, принцесса крови!

* * *

Теперь громкий голос звучал ласково; не подобострастно, а так, словно воздавал должное равной себе. Лицо Норалы смягчилось; взгляд ее теперь не был враждебным.

Я почувствовал уважение к интеллекту этого тирана; но это уважение не смягчило, а лишь усилило ненависть к нему. Но я понимал всю хитрую изобретательность его действий: он безошибочно избрал единственно возможный путь, чтобы она прислушалась к его словам; тем самым он выигрывает время. Неужели он сумеет ее обмануть?

— Разве это не правда? — В вопросе слышалось львиное урчание.

— Правда! — гордо ответила она. — Но почему ты говоришь об этом, Черкис? Ведь твое слово прочно, как текущий ручей, а обещания крепки, как мыльные пузыри. Не понимаю, почему ты так говоришь.

— Я изменился, принцесса; прошли годы после моих злых поступков; я многому научился. С тобой говорит не тот, о ком тебе рассказывали, кого учили — и справедливо — ненавидеть.

— Может быть, ты говоришь правду. Не таким я представляла себе тебя. — Она как будто была почти убеждена. — По крайней мере ты прав вот в чем: если я пообещаю, то уйду и больше не буду угрожать тебе.

— А зачем тебе уходить, принцесса? — Он спокойно задал этот поразительный вопрос, потом выпрямился во весь свой гигантский рост и развел руки.

— Принцесса? — прогремел его бас. — Нет, царица! К чему тебе снова оставлять нас, царица Норала? Разве я не родственник тебе? Объедини свои силы с нашими. Я не знаю, что это за военная машина, на которой ты едешь, как она построена. Но вот что я знаю: если мы объединимся, мы сможем уйти отсюда, где жили так долго, пойдем в забытый мир, захватим его города и будем править. Ты научишь моих людей строить такие машины, Норала, и мы построим их множество. Царица Норала, ты выйдешь замуж за моего сына Кулуна, который стоит рядом со мной. И пока я жив, ты будешь править вместе со мной, править как равная. А когда я умру, править будете вы с Кулуном. Так сольются наши царские линии, старая вражда умрет, старая рана залечится. Царица, где бы ты ни жила, мне кажется, людей у тебя мало. Царица, тебе нужны люди, сильные люди, которые пойдут за тобой, будут собирать урожай твоей силы, будут исполнять малейшие твои желания, молодые люди, готовые развлечь тебя. Забудем прошлое. Мне тоже многое нужно забыть, царица. Приди к нам, о великая, с твоей силой и красотой. Учи нас. Веди нас. Возвращайся и воссядь на трон своих предков, чтобы править всем миром!

Он смолк. Над укреплениями, над всем городом нависла выжидательная тишина. Город будто знал, что судьба его повисла на волоске.

— Нет! Нет! — это крикнула Руфь. — Не верь ему, Норала! Это ловушка! Он издевался надо мной, пытал...

Черкис полуобернулся, я успел увидеть адскую тень на его лице. Вентнор рукой зажал Руфи рот, прервал ее крик.

— Твой сын... — быстро заговорила Норала, и Черкис тут же повернулся к ней, пожирая ее глазами. — Твой сын... и власть здесь... власть над всем миром. — Голос ее звучал восхищенно, он дрожал. — И ты предлагаешь это мне? Мне, Норале?

— Даже больше! — Огромное тело трепетало от нетерпения. — Если пожелаешь, о царица, я, Черкис, сойду с трона и буду сидеть под твоей правой рукой, буду выполнять твои приказания.

Несколько мгновений она рассматривала его.

— Норала, — прошептал я, — не делай этого. Он хочет выведать твои тайны.

— Пусть мой жених выйдет вперед, чтобы я могла рассмотреть его, — сказала Норала.

Черкис заметно расслабился, успокоился. Обменялся взглядами с одетым в алое сыном; в их глазах вспыхнуло дьявольское торжество.

Я видел, как забилась в руках Вентнора Руфь. Со стены донеслись торжествующие крики, их подхватили на внутренних укреплениях, на заполненных толпами террасах.

— Кулун ваш, — прошептал Дрейк, наклоняясь ко мне и доставая пистолет. — Я беру Черкиса. И не промахнитесь.

25. МЕСТЬ НОРАЛЫ

Норала схватила одной рукой мою руку, другой — Дрейка.

Кулун распустил свой капюшон, откинул его на плечи.

Он сделал шаг вперед и протянул руки к Норале.

— Сильный мужчина! — восхищенно воскликнула она. — Приветствую тебя, мой нареченный! Но подожди минутку. Встань рядом с человеком, ради которого я пришла в Рушарк. Я хочу взглянуть на вас обоих.

Лицо Кулуна потемнело. Но Черкис улыбнулся со злобным пониманием, пожал широкими плечами и что-то шепнул сыну. Кулун мрачно отошел назад. Лучники опустили луки, отскочили, чтобы дать ему пройти.

Быстро, как язык змеи, взметнулось щупальце с пирамидами на конце. Пронеслось через расступившееся кольцо лучников.

Оно слизнуло Руфь, Вентнора... и Кулуна!

С той же скоростью свернулось и опустило двоих, которых я любил, у ног Норалы.

Потом вновь взметнулось вверх, держа алую фигуру Кулуна.

Огромное тело Черкиса, казалось, сморщилось.

Со стен послышались крики ужаса.

Раздался безжалостный смех Норалы.

— Тшай! — воскликнула она. — Тшай! Жирный глупец! Тшай тебе, Черкис! Жаба, поглупевшая от возраста! Ты думал поймать меня,

Норалу, в свои грязные сети? Принцесса! Царица! Повелительница Земли! Ну, старый лис, которого я переиграла, чем будешь торговаться теперь с Норалой?

С провисшим ртом, со сверкающими глазами тиран медленно поднял руки — в позе просителя.

— Ты хочешь получить назад жениха, которого дал мне? — рассмеялась Норала. — Получай!

Металлическая рука, державшая Кулуна, опустилась. Положила Кулуна к ногам Черкиса; и, будто Кулун был виноградиной, раздавила его.

Прежде чем видевшие это смогли пошевелиться, щупальце нависло над Черкисом, который в ужасе смотрел на то, что было его сыном.

Щупальце не ударило его, оно притянуло его, как магнит булавку.

И как раскачивается булавка на конце магнита, так качалось большое тело Черкиса под основанием державшей его пирамиды. В таком висячем положении он подлетел к нам и повис не далее чем в десяти футах...

Невероятной, неописуемой была эта сцена... хотел бы я, чтобы вы, те, кто прочтет мой рассказ, увидели ее так же, как мы.

Живая металлическая змея, на которой мы стояли, угрожающе поднялась на всю милю своей длины; на стенах сверкали вооружением воины; террасы прекрасного древнего города, его сады и зеленые рощи, множество красных и желтых крыш домов, дворцы и храмы; свисающее тело Черкиса в невидимых объятиях щупальца, его седые волосы касаются основания пирамиды, руки его вытянуты, плащ с драгоценностями развевается, как крылья летучей мыши; на его побелевшем злобном лице выражение адской ненависти; а под ним город, и от него идет почти видимая, ощутимая волна огромного и беспомощного ужаса; вдали сторожевая колонна — и над всем этим бледное небо, и в его свете окружающие утесы кажутся многоцветными картинами.

Смех Норалы стих. Она мрачно взглянула на Черкиса, посмотрела в его дьявольские глаза.

— Черкис! — негромко сказала она. — Тебе приходит конец, тебе и всему, что тебе принадлежало! Но ты увидишь этот конец.

Висящее тело устремилось вперед; взметнулось выше; опустилось на поверхность пирамиды, которой оканчивалась державшая его металлическая рука. Мгновение Черкис пытался вырваться; я думаю, он хотел броситься на Норалу, убить ее, прежде чем сам будет убит.

Но после нескольких отчаянных попыток понял их тщетность и с достоинством выпрямился, взглянул на город.

Над городом нависло ужасное молчание. Город будто сжался, закрыл свое лицо, боялся вздохнуть.

— Конец! — прошептала Норала.

По всему телу металлического чудовища пробежала дрожь. Вниз обрушился ураган молотов. Под их ударами рушились стены, разлетались, раскалывались, и вместе с их обломками, как блестящие мухи, разлетались вооруженные люди.

Сквозь брешь в милю длиной я увидел хаотическое смятение. И снова скажу: они не были трусами, эти люди Черкиса. С внутренней стены взметнулся дождь стрел, полетели большие камни — так же бесцельно, как и раньше.

И тут из открытых ворот устремились отряды всадников, они размахивали копьями и большими булавами; с яростными криками напали они на бока металлического существа. Я видел, как под прикрытием их нападения всадники в плащах устремились к спасительным утесам. Богатые и влиятельные жители города старались спастись; за ними по полям устремилось множество пеших беглецов.

* * *

Концы веретена отступили перед нападающими всадниками, сплющиваясь при этом; они походили на головы гигантской кобры, прячущиеся в капюшон. И вдруг с молниеносной быстротой превратились в две дуги, в две огромных клешни. Их концы перешагнули через нападавших; и, как гигантские щипцы, начали сжиматься.

Всадники теперь тщетно пытались остановить лошадей, повернуть их, бежать. Концы клешней встретились, кольцо замкнулось. Всадники оказались заключены в два круга в полмили шириной. И вот на людей и лошадей двинулись живые стены. В кольцах началось лихорадочное перемещение... я закрыл глаза...

Ужасно заржали лошади, кричали люди. Потом тишина.

Содрогаясь, я открыл глаза. На месте всадников ничего не было.

Ничего? Два больших ровных круга, поверхность которых влажно краснела. Никаких останков людей или лошадей. Как и пообещала Норала, они были втоптаны в камень, растоптаны ногами ее... слуг.

Испытывая тошноту, я отвел взгляд и посмотрел на существо, разворачивавшееся на равнине: огромное змееобразное тело из кубов и шаров, усаженное остриями пирамид. Его изгибы блестели на полях, на равнине.

Оно игриво развернулось и заплясало среди беглецов, давя их, разбрасывая в стороны, скользя над ними. Некоторые в бессильном отчаянии бросались на него, некоторые падали на колени и молились. Металлические изгибы неумолимо катились дальше.

Больше в моем поле зрения беглецов не было. За углом разбитой стены поднялась змееподобная фигура. Там, где она прошла, не осталось ни всходов, ни деревьев, ни зелени. Голая скала, на которой тут и там блестели алые пятна.

Вдали слышались крики и какой-то гром. Я понял, что это колонна разбивает укрепления с противоположной стороны. И как будто этот гром послужил сигналом, концы веретена задрожали, мы снова взметнулись вверх на сотню и больше футов. Назад устремилось войско молотящих рук, сливалось с породившим их телом чудовища.

Справа и слева от нас в веретене появилось множество щелей. В этих щелях закипели металлические существа; кружились шары, кубы, пирамиды. На мгновение все стало бесформенным.

И вот справа и слева от нас встала армия причудливых гигантских воинов. Головы их на пятьдесят футов вздымались над нашей движущейся платформой. Они опирались на шесть колоссальных колоннообразных ног. На высоте в сто футов эти шесть ног поддерживали громоздкое круглое тело, образованное из шаров. И от этого тела, которое одновременно было и головой, отходили десятки колоссальных рук в форме цепов — усаженные пиками балки, титанические боевые палицы, циклопические молоты.

И в ногах, в корпусах, в руках — всюду возбужденно горели маленькие глаза металлических существ.

И вот от них, от всего существа, на котором мы передвигались, послышался тонкий вой, торжествующий вопль пронесся по всему полю битвы.

И веселым ритмичным шагом чудовища пошли по городу.

Внешние стены под ударами металлических рук разлетелись, как под тысячами молотов Тора. По их обломкам, по вооруженным людям шагали существа, вдавливая людей в камень.

Весь город, кроме небольшой части, скрытой холмом, открылся моему взгляду. В краткое мгновение остановки я увидел толпы, заполняющие узкие улицы, люди бежали, топча упавших, перебирались через баррикады тел, набрасывались друг на друга.

Широкая ступенчатая улица из белого камня, как огромная лестница, поднималась на вершину холма, прямо к обширной площади, вокруг которой толпились дворцы и храмы — акрополю города. По этой улице стремился живой поток, тысячи жителей Рушарка искали спасения в святилищах своих богов.

В одном месте поднимались большие резные арки, в другом стройные изысканные башенки, крытые красным золотом; дальше ряд колоссальных статуй, еще дальше множество стройных решетчатых мостиков, начинавшихся среди цветущих деревьев; сады, полные цветущих кустов, в них сверкали фонтаны; тысячи и тысячи многоцветных вымпелов, знамен, полотнищ.

Прекрасный город — крепость Черкиса Рушарк.

Его красота привлекала глаз; от него поднимался аромат цветущих садов — и ужас агонии душ в Дите.

Ряд разрушительных фигур удлинился, каждый гигантский метал-

лический воин отошел от своих товарищей. Они сгибали многочисленные руки, боксировали с невидимым противником — гротескно, ужасающе.

Вниз обрушились молоты и булавы. Под их ударами здания раскалывались, как яичная скорлупа, их обломки погребали под собой толпы бегущих по улицам. Мы перешагивали через руины.

Снова и снова опускались страшные молоты. И город под ними рушился.

Огромный металлический паук полз по широкой улице, вдавливая в камень пытавшихся убежать по ней.

Шаг за шагом Разрушители пожирали город.

* * *

Я не испытывал ни гнева, ни жалости. Во всем моем теле бился торжествующий пульс, как будто я превратился в частицу уничтожительного урагана, как будто стал одним из этих грозных воинов, обрушивающих удары на город.

В голове зашевелились мысли, смутные, незнакомые, но как будто уловившие самую суть истины. Почему я никогда не понимал этого? Почему не видел, что эти большие зеленые штуки, называемые деревьями, уродливы, несимметричны? Что эти высокие башни, эти здания — отвратительны и неестественны?

Что эти маленькие существа с четырьмя отростками, которые с криком разбегаются внизу, — они отталкивающе уродливы?

Их нужно уничтожить! Все это уродливое искаженное безобразие нужно стереть с лица Земли! Превратить в гладкие непрерывные плоскости, гармоничные дуги, в гармонию линий, отрезков, углов!

Что-то глубоко во мне пыталось заговорить, пыталось сказать мне, что это нечеловеческие мысли, не мои мысли, что это отражение мыслей металлических существ!

Это что-то пыталось достучаться до меня, объяснить, что оно говорит. И его настойчивость сопровождалась какими-то ритмичными ударами, будто били барабаны горя. Все громче и громче доносились эти звуки; я все яснее понимал бесчеловечность своих мыслей.

Эти звуки взывали к моей человеческой сущности, скорбно стучали в самое сердце.

Плач Черкиса!

Широкое лицо сморщилось, щеки обвисли; жестокость и злоба исчезли; злость в глазах смыта слезами. Из глаз струились потоки слез, грудь разрывалась от рыданий. Черкис смотрел на гибель своего города и своего народа.

А Норала безжалостно, холодно наблюдала за ним; казалось, ей не хочется пропустить ни тени его боли.

Теперь я увидел, что мы близки к вершине холма. Между нами и большими белыми зданиями на его вершине теснились тысячные толпы. Они падали перед нами на колени, молились. Рвали друг друга, пытаясь спрятаться в массе. Бились о закрытые двери святилищ, взбирались на столбы, толпились на золоченых крышах.

Всеобщий хаос — и мы в его сердце. И тут храмы и дворцы раскололись, взорвались, разлетелись. Я мельком увидел скульптуры, блеск золота и серебра, сверкание великолепных шпалер — и повсюду толпы людей.

Мы сошлись с ними, наступили на них.

Ужасные всхлипывания прекратились. Голова Черкиса повисла, глаза закрылись.

Разрушители сошлись. Их руки свернулись, ушли в тела. На мгновение они образовали колоссальный столб. Потом снова изменили форму, прокатились по руинам, как расширяющаяся волна, вдавливая в камень все, над чем прокатывались.

Далеко впереди я увидел все еще играющего змея, он уничтожал немногих беглецов, каким-то чудом проскочивших мимо Разрушителей.

Мы остановились. Мгновение Норала смотрела на обвисшее тело того, на кого обрушилась ее ужасная месть.

Потом металлическая рука, державшая Черкиса, дернулась. Фигура в плаще отлетела от нее, как большая летучая мышь. Упала на плоскую вершину, где недавно находилось гордое сердце его города. Синим пятном среди всеобщего разрушения лежало разбитое тело Черкиса.

Высоко в небе появилась черная точка, она быстро росла — стервятник.

— Все-таки я оставила для тебя падаль! — воскликнула Норала.

С хлопаньем крыльев птица спустилась к телу, вонзила клюв.

26. БАРАБАНЫ СУДЬБЫ

Мы медленно спускались с холма, на котором стоял уничтоженный город; останавливались, словно глаза Норалы еще не насытились зрелищем разрушений. Ни следов зелени, ни следов человека, вообще никаких следов жизни.

Мужчина и дерево, женщина и цветок, ребенок и бутон, дворец, храм и дом — все это Норала растоптала. Вдавила в скалу, как и пообещала.

Грандиозная трагедия заняла все мое внимание; мне некогда было подумать о товарищах, я забыл о них. И вот, неожиданно приходя в себя, начиная осознавать всю бесчеловечность этого разрушения, я обернулся к ним за поддержкой. Смутно удивился легкой одежде Ру-

фи; она была почти нагой; с любопытством взглянул на красную полосу на лбу Вентнора.

В его глазах и в глазах Дрейка я увидел отражение того же ужаса, что просыпался во мне. Но в глазах Руфи ничего подобного не было — строго, равнодушно, безжалостно, как сама Норала, рассматривала Руфь пустыню, которая еще час назад была цветущим городом.

Я почувствовал прилив отвращения. Ведь не могли же все уничтоженные так безжалостно быть порождениями зла. Однако и мать, и расцветающая девушка, и юноша, и старик — все проявления человеческой жизни за большими городскими стенами теперь превратились в камень. Мне пришло в голову, что в Рушарке не могло быть больше плохих людей, чем в любом крупном городе нашей цивилизации.

Я, конечно, не ждал, что Норала подумает о чем-нибудь подобном. Но Руфь...

Реакция на прошедший ужас становилась все сильнее, начали жечь жалость и гнев, ненависть к этой женщине, которая стала душой катастрофы.

Взгляд мой упал на красную полоску. Я увидел, что это бороздка, будто вокруг головы Вентнора затянули петлю и врезали ее в кость. На краях борозды виднелась засохшая кровь, двойное кольцо вздувшейся, побелевшей плоти окаймляло полосу. Это был след — пытки.

— Мартин! — воскликнул я. — Кольцо? Что они с вами делали?

— Привели в себя этим, — негромко ответил он. — Вероятно, я им должен быть благодарен, хотя намерения у них были не совсем... терапевтические...

— Его пытали. — Голос Руфи звучал напряженно и горько; говорила она по-персидски, ради Норалы, подумал я, не догадываясь о более глубокой причине. — Его пытали. Мучили его, пока он не пришел в себя. И пообещали, что будут мучить так, что он будет молить о смерти. А меня... меня... — она подняла сжатые руки. — Со мной обошлись, как с рабыней. Провели через город, и жители насмехались надо мной. Привели меня к этой свинье, которую наказала Норала... и раздели меня перед ним, как рабыню. У меня на глазах пытали брата. Норала, они были злые, все злые! Норала, ты хорошо поступила, убив их всех!

Она схватила руки женщины, прижала к себе. Норала смотрела на нее большими серыми глазами, в которых исчезал гнев, сменяясь прежним бесконечным спокойствием. И когда она заговорила, в голосе ее снова слышались отголоски далекого хрустального звона.

— Дело сделано, — сказала она. — И хорошо сделано... сестра. Теперь мы с тобой будем жить в мире... сестра. А если в мире, из которого ты пришла, есть такие, кого следует убить, мы пойдем с тобой и с нашими спутниками и растопчем их... как я только что сделала.

Сердце мое замерло: в глубине глаз Руфи в ответ на призыв Норалы появилась гневная тень; глаза ее становились такими же, как глаза Норалы. И, наконец, в лице Руфи на нас смотрел двойник Норалы!

Белые руки женщины обняли девушку, прекрасная голова склонилась к ней, огненные пряди смешались с нежными каштановыми завитками.

— Сестра! — прошептала Норала. — Маленькая сестра! Эти люди будут с тобой, пока ты этого хочешь. Можешь поступить с ними по своему желанию. Если хочешь, они уйдут в свой мир, и я прикажу проводить их к выходу. Но мы с тобой, маленькая сестра, будем жить вместе... в просторах... этого мира. Разве не так?

Не задумываясь, не оглядываясь на нас троих — возлюбленного, брата, старого друга, — Руфь прижалась к ней, положила голову на ее девственную грудь.

— Будет так! — ответила она. — Сестра, будет так. Норала, я устала, хватит с меня людей.

Экстаз нежности, пламя неземного восторга вспыхнуло на удивительном лице женщины. Голодно, вызывающе прижала она к себе девушку; звезды в небесах ее глаз светились мягко, ласково.

— Руфь! — воскликнул Дрейк и подскочил к ним. Она не обратила на него внимания; и в тот же момент его прыжок был остановлен, Дрейка развернуло спиной к ним.

— Подождите! — крикнул Вентнор, хватая его за руку. — Подождите. Сейчас бесполезно.

В голосе его звучало понимание, сочувствие; он беспокойно смотрел на сестру и эту удивительную женщину, обнимавшую ее.

— Ждать! — воскликнул Дрейк. — Ждать! Дьявол! Проклятая ведьма крадет ее у нас!

Он снова бросился вперед; отскочил, будто от удара невидимой руки; упал на нас, Вентнор схватил его и удержал. И в это время металлическое чудовище, на котором мы двигались, остановилось. По нему пробежала дрожь.

Нас подняло. Между нами и женщинами появилась щель, она расширилась. Норала воздвигла между собой и нами барьер.

* * *

Щель становилась все шире. Теперь Руфь была будто в другом мире. Нас с ней соединял только голос.

Мы поднимались все выше, стояли втроем на плоской поверхности башни; в пятидесяти футах от нас на такой же площадке стояли Норала и Руфь, сплетя руки. Они смотрели в сторону дома.

К нам приблизилась змея, исчезла под нами, слившись с ожидающим чудовищем.

Чудовище медленно начало двигаться, спокойно покатилось к проходу, проделанному в скалах. На нас упала тень скал. Мы как один оглянулись, увидели голубую фигуру с черным пятном на груди.

И тут же скалы скрыли ее. Мы двигались по ущелью, через каньон и туннель, все молчали. Дрейк с ненавистью смотрел на Норалу. Вентнор тоже смотрел на нее — с загадочным сочувствием. Мы миновали ущелье и на мгновенье остановились на краю зеленого леса.

И тут, как будто с неизмеримо далекого расстояния, послышался слабый размеренный гул, будто удары бесчисленных приглушенных барабанов. Существо, на котором мы ехали, вздрогнуло. Звук замер. Дрожь прекратилась, существо равномерно, без усилий двинулось сквозь деревья; но теперь двигалось оно не так быстро, как подгоняемое гневом Норалы.

Вентнор зашевелился, нарушил молчание. Я увидел, как он похудел, как заострилось его лицо, стало почти неземным, очищенное страданием и, пришло мне в голову, каким-то странным знанием.

— Бесполезно, Дрейк, — сонно сказал он. — Теперь все в руках богов. И не знаю, боги ли это людей или... металла. Но вот что я знаю: равновесие будет нарушено. Если в нашу сторону, Руфь вернется к нам. А если в другую сторону — нам тоже не о чем беспокоиться. Потому что с человечеством будет покончено!

— Мартин! О чем это вы?

— Это кризис, — ответил он. — Мы ничего не можем сделать, Гудвин, ничего. То, что будет, зависит только от судьбы.

Снова послышались отдаленные раскаты — на этот раз громче. Снова существо вздрогнуло.

— Барабаны, — прошептал Вентнор. — Барабаны судьбы. Что они предвещают? Новое рождение Земли и уход человека? Новое дитя, которому будет отдано господство — нет, кому оно уже отдано? Или барабаны предвещают конец... их?

Барабанный бой снова стих. Теперь слышался только шум падающих деревьев под шагами существа. Норала стояла неподвижно; так же неподвижна была Руфь.

— Мартин! — снова воскликнул я, испытывая страшное сомнение. — Мартин, о чем вы говорите?

— Откуда... они... пришли? — Голос его звучал ясно и спокойно, глаза под красным шрамом были чистыми и спокойными. — Откуда они пришли, эти существа, что несут нас? Что пронеслись над городом Черкиса, как ангел смерти? Рождены ли они Землей... как мы? Или они приемные дети... подброшенные с далеких звезд? Эти существа, которые во множестве все равно являются одним? Откуда они взялись? Кто они?

Он взглянул на кубы, на которых мы стояли; в ответ на него смотрело множество глаз, загадочно, будто они слышали и понимали.

— Я не забыл, — сказал Вентнор. — Не забыл, что видел, плавая атомом во внешнем космосе. Мне кажется, я говорил вам, говорил с огромными усилиями; губы были в вечности от меня, атома, стремившегося раскрыть их. Были... три... видения, откровения... не знаю, как их назвать. И хотя все они казались мне реальными, только одно, я думаю, истинно; а еще одно может быть истинно, а может, и нет.

* * *

Раскаты барабанов послышались яснее, они звучали зловеще. Поднялись в крещендо; резко смолкли. Я видел, как Норала подняла голову, прислушалась.

— Я видел мир, обширный мир, Гудвин, плавно летящий в пространстве. Не шар, планета из множества граней, гладких, словно отполированные поверхности; огромный голубой, слабо светящийся драгоценный камень; кристаллический мир, вырубленный из эфира. Геометрическое выражение Великой Первопричины, Бога, если хотите, ставшее материальным. Мир безвоздушный, безводный, бессолнечный. Казалось, я приближаюсь к нему. И тут я увидел, что все его поверхности покрыты рисунком, гигантским симметричным чертежом, математическими иероглифами. В них прочитывались немыслимые расчеты, формулы переплетающихся вселенных, арифметические прогрессии звездных армий, таблицы движений солнц. В этих рисунках была ужасающая гармония, как будто все законы мира: от тех, что управляют атомом, до тех, которыми руководствуется космос, — все они были, наконец, разрешены и сведены воедино. Этот многогранный мир в своей мозаике подводил итог ошибкам бесконечности. Рисованные символы постоянно меняли форму. Я подлетел ближе: эти рисунки были живыми. Это было бесконечное количество... существ!

И он указал на существо, которое несло нас.

— Я отлетел назад, посмотрел на эту планету издалека. И тут мне в голову пришла фантастическая мысль — фантастическая, конечно, но я знал, что в ней есть зерно правды. — Теперь он говорил виновато. — Этот драгоценный мир управляется неким математическим богом, ведущим его сквозь пространство, забавляющимся арифметическими ошибками другого божества, противоположного математическому, божества случая, в сущности — нашего Бога и всего того, что мы зовем жизнью. У него не было цели: он ничего не должен был преобразовывать; ему не нужно было исправлять неточности Другого. И только время от времени он отмечал разницу между достойным сожаления беспорядком других миров и безупречно упорядоченным и аккуратным своим храмом и его аккуратными служителями. Этот странствующий демиург сверхгеометрии несется в пространстве на своем абсолютно совершенном мире; он хозяин всех небесных механизмов; его народ не зависит

от сложного химизма и механизмов равновесия, от которых зависит наша жизнь; ему не нужны ни воздух, ни вода, он не обращает внимания ни на жару, ни на холод; он питается магнетизмом межзвездного пространства и время от времени задерживается, чтобы воспользоваться энергией большого солнца.

Я почувствовал глубокое изумление. Возможно, это фантазия. Но тогда откуда у Вентнора эта последняя мысль? Он не видел, как мы, оргию в зале конусов, не видел, как металлическое чудовище питается солнцем.

— Видение мира исчезло, — продолжал Вентнор. — Я увидел обширные пещеры, полные металлических существ; они работали, росли, размножались. В пещерах нашей Земли — плоды неведомого лона? Не знаю. Но в этих пещерах, при свете бесчисленного количества разноцветных шаров, — я снова ощутил дрожь изумления, — они росли. Мне пришло в голову, что они стремятся к солнечному свету, на поверхность. Они вырвались — под желтый блистающий солнечный свет. Наш? Не знаю. И это видение миновало.

Голос его стал глубже.

— И потом пришло третье видение. Я увидел нашу Землю. Я знал, Гудвин, знал неоспоримо, безошибочно, что это наша Земля. О, ее холмы были сровнены, горы уничтожены, превращены в холодные полированные поверхности, геометрические, упорядоченные. Моря превратились в геометрические водоемы, будто огромные изумруды, сверкающие в хрустальных берегах. Полярный лед обточен. И на плоских равнинах появились иероглифы многогранного мира. И на всей Земле, Гудвин, ни одного растения, ни одного города и ни одного человека. Вся Земля, которая была нашей, теперь принадлежала... им. Видения! — произнес Вентнор. — Не думайте, что я полностью их принял. Частично правда, частично иллюзия — ослепленный мозг пытается из света и тени построить доступную пониманию картину. И все же — какая-то правда в этих видениях есть. Какая именно, не знаю. Но знаю одно: последнее видение показывало картину того, чем закончится начинающееся сейчас, в это мгновение.

Перед моими глазами вспыхнула картина: город, окруженный стенами, заполненный людьми, его рощи и сады, его наука и искусство; и Разрушители, растаптывающие его, и затем ужасная безжизненная вершина.

И вдруг в этой вершине я увидел всю Землю, в этом городе — все города людей, его сады и рощи — поля и леса Земли, а исчезнувший народ Черкиса превратился во все человечество.

— Но, Мартин, — я говорил, запинаясь, пораженный невыносимым ужасом, — ведь было еще что-то. Вы говорили о Хранителе конусов и о том, что нужно воспользоваться солнцем, чтобы уничтожить эти существа; о том, что ими правят те же законы, что и нами, и если они их нарушат, то погибнут. Надежда, обещание, что они не будут победителями.

— Помню, — ответил он, — но не очень ясно. Что-то было. Какая-то тень падала на них, какая-то угроза. Тень, рожденная нашим миром, какой-то грозивший им дух самой Земли. Не могу вспомнить — это уходит от меня. Но то, что помню, говорит мне: эти барабаны звучат не для нас.

* * *

И как будто слова его послужили сигналом, снова раздались звуки, но уже не приглушенные и слабые. Они ревели; казалось, они проносятся по воздуху и обрушиваются на нас. Они отбивали нам в уши громовую дробь, будто титаны барабанили по перекрытым пещерам стволами деревьев.

Дробь не смолкала; она становилась громче, яростнее; она звучала вызывающе и оглушительно. Чудовище под нами снова начало дрожать, ритмично, в такт бьющим барабанам.

Я видел, как резко распрямилась Норала; постояла, прислушиваясь. Дрожь подо мной усилилась, стала лихорадочной.

— Барабаны? — произнес Дрейк. — Это не барабаны. Это артиллерийская канонада. Это десятки Марн, десятки Верденов. Но откуда здесь возьмется артиллерия?

— Барабаны, — прошептал Вентнор. — Это барабаны. Барабаны судьбы.

Рев становился все громче. Превратился в ритмичную канонаду. Существо остановилось. Башня, на которой находились Норала и Руфь, наклонилась, перегнулась через разделявшую нас щель, коснулась нашей башни.

Норала и Руфь были приподняты и быстро опустились рядом с нами.

Послышался громкий резкий вой, гораздо громче, чем раньше. Земля дрогнула, как в землетрясении; мы оказались в центре водоворота; быстро опустились.

Существо раскололось надвое. Перед нами вздымалась гигантская ступенчатая пирамида, немного меньше той, которую построил Хеопс и которая отбрасывает свою тень на святой Нил. В нее устремлялись десятки и десятки металлических существ, сливались с нею. Пирамида качнулась, двинулась от нас.

Послышался звонкий, гневный, золотой крик Норалы.

Пирамида остановилась, она колебалась; казалось, она вернется. Но тут послышалось крещендо барабанной дроби, безапелляционное, властное. Пирамида устремилась вперед, снося на ходу деревья широкой, в полмили, полосой.

Серые глаза Норалы широко раскрылись, в них было крайнее удивление, ошеломление. Норала на мгновение покачнулась. Потом из ее горла полился поток звуков.

Под нами подпрыгнуло то, что осталось от существа, понеслось вперед. Развевались пламенные волосы Норалы; вокруг ее молочно-перламутрового тела и вокруг Руфи начал образовываться сверкающий нимб.

На расстоянии я увидел сапфировую искру: дом Норалы. Стремительная пирамида была теперь недалеко от него, и мне пришло в голову, что в этой огромной фигуре не было ни шаров, ни меньших пирамид. А в том уменьшившемся чудовище, что несло нас, кроме нескольких дрожащих кубов, на которых мы стояли, кубов не было, только шары и пирамиды.

Сапфировая искра превратилась в блестящий шар. Мы продолжали настигать большую пирамиду. И ни на мгновение Норала не переставала испускать поток звуков, и не прекращался оглушительный вой.

Сапфировый шарик вырос, стал большой сферой. Пирамида, которую мы пытались настигнуть, перестроилась в огромный столб; основание столба вырастило подпорки; и вот чудовище на этих подпорках переступило через дом Норалы.

Вот синий купол совсем рядом, вот он уже под нами. Нас осторожно спустили, поставили перед входом. Я посмотрел на сооружение, которое принесло нас.

Я был прав: оно состояло только из шаров и пирамид; невероятно гротескной фигурой нависло оно над нами.

И повсюду в нем видно было стремительное движение; отдельные части его непрерывно перемещались. И вот оно исчезло в тумане, последовав за большой пирамидой.

На лице Норалы было отчаяние, неуверенность, что-то необыкновенно жалкое.

— Я боюсь! — услышал я ее шепот.

Она крепче обняла дремлющую Руфь; знаком пригласила нас войти. Мы молча вошли в дом; она — за нами в сопровождении трех больших шаров и двух пирамид.

У груды шелков она остановилась. Девушка доверчиво взглянула на нее.

— Я боюсь! — снова прошептала Норала. — Боюсь... за тебя!

Она нежно глядела на девушку, мягко и трепетно сияли галактики ее глаз.

— Я боюсь, маленькая сестра, — прошептала она в третий раз. —

Ты не можешь, как я, пройти в огне. — Она помолчала. — Отдыхай до моего возвращения. Эти останутся с тобой. Они будут тебя охранять и слушаться.

Она сделала знак пяти фигурам. Они выстроились вокруг Руфи. Норала поцеловала девушку в глаза.

— Спи до моего возвращения, — прошептала она.

И, не взглянув на нас троих, вышла из комнаты. Я услышал вой, затихающий на расстоянии.

Шары и пирамиды смотрели на нас, охраняя груду шелков, на которой спала Руфь, как околдованная принцесса.

На голубой шар обрушивались звуки барабанов.

Барабаны судьбы!

Барабаны судьбы!

Означает ли их бой конец человечества?

27. БЕЗУМИЕ РУФИ

Долго стояли мы молча в полутемной комнате, прислушиваясь, погруженные в свои мысли. Громовая барабанная дробь продолжалась; иногда она отступала, и тогда слышался стук тысяч пулеметов, удары тысяч клепальщиков, одновременно ударяющих по тысячам металлических корпусов; иногда гром стихал, сменяясь треском, будто метеоры ударялись в полую сталь.

Но барабанный бой оставался все время, ритмичный, громовой. Руфь спокойно спала, положив голову на руку; две большие пирамиды бдительно стояли по обе стороны от нее; один шар застыл у ее ног, другой — у головы, а третий расположился между нами и ею; и все бдительно смотрели на нас.

Что там происходит, на краю каньона, за воротами, в утесах, за завесой, в пропасти металлического чудовища? Какое сообщение передают барабаны? О чем повествуют их громовые руны?

Вентнор прошел мимо шара-часового, склонился к спящей девушке. Ни шар, ни пирамиды не шевельнулись; продолжали следить; этот их взгляд ощущался как что-то осязаемое. Вентнор прислушался к биению ее сердца, взял ее за руку, проверил пульс. Перевел дыхание, распрямился и успокаивающе кивнул.

Дрейк неожиданно повернулся и прошел к выходу; на его лице ясно отразилось напряжение и тревога.

— Ходил взглянуть на пони, — сказал он, вернувшись. — Он в безопасности. Я боялся, что он убежал. Темнеет. В каньоне и над долиной яркий свет.

Вентнор миновал шар, присоединился к нам.

Голубой дом дрогнул от взрыва звуков. Руфь пошевелилась; свела брови; руки ее сжались. Шар, стоявший перед нами, повернулся во-

круг оси, скользнул к шару у ее головы, потом к шару у ее ног — как будто пошептался с ними. Руфь застонала, тело ее согнулось, неподвижно застыло. Глаза ее открылись; она смотрела на нас, как на какое-то ужасное видение; мне показалось, что она смотрит чужими глазами, в ее глазах отражались чужие страдания.

Шары у ее ног и головы повернулись, метнулись к третьему шару. На лице Вентнора я увидел выражение жалости — и огромное облегчение. И с удивлением понял, что страдания Руфи — а она явно страдала — вызывают у него радость. Он заговорил, и я понял, почему.

— Норала! — прошептал он. — Она смотрит глазами Норалы, чувствует то же, что Норала. Там что-то неладно... с ними... Если бы мы могли оставить Руфь, только взглянуть...

Руфь вскочила на ноги, закричала — золотой звучный призыв, как у Норалы. Мгновенно обе пирамиды раскрылись, стали двумя сверкающими звездами, окружили ее своим сиянием. На их верхних лучах я увидел овалы — они угрожающе блестели.

Девушка взглянула на нас, овалы заблестели еще ярче, молнии готовы были сорваться с них.

— Руфь! — негромко позвал Вентнор.

Тень смягчила невыносимую жесткую яркость ее карих глаз. Что-то в них стремилось вырваться на поверхность, как тонущий человек.

Ушло в глубину, лицо приняло выражение ужасного горя; отчаяние души, поверившей во что-то и обманутой.

На нас смотрела обнаженная душа, лишившаяся надежды и ужасная.

Руфь снова отчаянно закричала. Центральный шар устремился к ней, поднял ее к себе на спину, скользнул к выходу. Она стояла на нем, как юная Победа, Победа, глядящая в лицо поражению; стояла на загадочном шаре голыми стройными ногами, одна грудь обнажена, руки подняты, девственно архаичная, ничего не было в ней от той Руфи, что мы знали.

— Руфь! — закричал Дрейк. Отчаяние, такое же сильное, как у нее на лице, звучало в его голосе. Он встал перед шаром, преградил ему дорогу.

На мгновение существо остановилось, и в это мгновение прорвалась человеческая душа девушки.

— Нет! — закричала она. — Нет!

Дикий зов испустили побелевшие губы, он звучал неуверенно, запинаясь, будто сама посылавшая его сомневалась в нем. Звезды закрылись. Три шара повернулись — недоумевающе, смущенно. Руфь снова крикнула, звучно, с перерывами. Ее приподняли, опустили на пол.

Мгновение пирамиды и шары вращались вокруг нее — затем устремились к выходу.

Руфь с всхлипыванием качнулась им вслед. Как будто притяну-

тая, она подбежала к выходу, выбежала наружу. Мы бросились за ней. Впереди сверкнуло ее белое тело, она бежала к пропасти. Бежала, как легконогая Атланта. Далеко позади нас остался голубой дом, приближался туманный барьер, когда последним отчаянным усилием Дрейк поравнялся с ней и схватил ее. Они упали и покатились по ровной дороге. Руфь билась молча, кусалась, царапалась, пыталась освободиться.

— Быстрее! — крикнул Вентнор, протягивая мне руку. — Отрежьте мой рукав. Быстрее!

Ни о чем не спрашивая, я достал нож и отрезал рукав у плеча. Вентнор выхватил его у меня, склонился к Руфи; быстро сунул скомканный рукав ей в рот, прочно завязал.

— Держите ее! — приказал он Дрейку и сам с облегченным вздохом распрямился. Глаза девушки, полные ненависти, устремились к нему.

— Отрежьте другой рукав, — сказал он, и, когда я это сделал, снова наклонился, прижал Руфь коленом, перевернул и связал ей руки за спиной. Она перестала сопротивляться; он снова осторожно повернул ее, положил на спину.

— Держите ее ноги. — Он кивнул Дрейку, который сжал стройные лодыжки сильными пальцами.

* * *

Она лежала, беспомощная, не в состоянии шевельнуть ни рукой, ни ногой.

— Слишком мало Руфи и слишком много Норалы, — сказал Вентнор, глядя на меня. — Если бы она закричала, то могла бы вызвать целое войско этих существ и сжечь нас. И сделала бы это — если бы догадалась. Вы ведь не думаете, что это Руфь?

Он указал на бледное лицо, на глаза, в которых сверкало холодное пламя.

— Нет! — Вентнор схватил Дрейка за плечо, отбросил на десяток футов. — Черт возьми, Дрейк, неужели вы не поняли?

Потому что глаза Руфи вдруг смягчились; она жалобно посмотрела на Дрейка, и он расслабил ей лодыжки, наклонился, собираясь достать кляп изо рта.

— Ваш револьвер, — прошептал мне Вентнор; прежде чем я смог пошевельнуться, он выхватил мой пистолет из кобуры и направил на Дрейка.

— Дрейк, — сказал он, — оставайтесь на месте. Если сделаете еще шаг к ней, я вас застрелю. Клянусь Господом, застрелю!

Дрейк колебался, на лице его было выражение недоверчивого изумления; я сам негодовал из-за действий Вентнора.

— Но ей больно, — сказал Дрейк. Глаза Руфи по-прежнему жалобно и просительно были устремлены на него.

— Больно! — воскликнул Вентнор. — Слушай, парень, она моя сестра! Я знаю, что делаю. Разве вы не видите? Не видите, как мало от Руфи в этом теле, как мало от девушки, которую вы любите? Не знаю, откуда, но твердо знаю. Дрейк, вы забыли, как Норала обманула Черкиса? Я хочу вернуть свою сестру. Я помогаю ей вернуться. Я знаю, что делаю. Посмотрите на нее!

Мы посмотрели. В лице, которое смотрело на Вентнора, не было ничего от Руфи, как он и сказал. Холодный, страшный гнев, с которым Норала смотрела на Черкиса, когда он висел над своим гибнущим городом. Но тут произошло быстрое изменение — словно разгладились волны бури на озере.

Перед нами снова было лицо Руфи — только Руфи; и глаза тоже ее, умоляющие, жалобные.

— Руфь! — воскликнул Вентнор. — Пока ты нас слышишь — прав ли я?

Руфь энергично кивнула; снова исчезла, ушла.

— Видите? — мрачно повернулся он к нам.

Столб света упал на завесу, почти пронзил ее. До нас донеслась волна звуков. Но до нас звуки все же доносились приглушенно. Конечно, подумал я, завеса.

И смутно удивился. Ведь основная цель завесы — удерживать, концентрировать магнитный поток. Задержка звука — случайный результат, не имеет отношения к истинному назначению завесы; ведь звук — это всего лишь колебания воздуха. Нет, конечно, это вторичный эффект. Металлические существа так же равнодушны к шуму, как к жаре или холоду...

— Мы должны взглянуть, — прервал мои мысли Вентнор. — Надо пройти завесу и посмотреть, что происходит. Победа или поражение — мы должны знать.

— Отрежьте свои рукава, как я, — сказал он Дрейку. — Перевяжите ей ноги. Мы понесем ее.

Это было быстро сделано. Легкое тело Руфи висело между ее братом и возлюбленным. Мы быстро миновали туман, осторожно продвигались вперед в мертвой тишине.

Вышли из тумана и тут же отшатнулись от хаоса света и грохота.

Вентнор и Дрейк опустили Руфь, мы стояли, ослепленные, оглушенные, пытаясь прийти в себя. Руфь дергалась, извивалась, пыталась продвинуться к краю пропасти. Вентнор подошел к ней, удержал.

* * *

На коленях, таща Руфь, мы ползли вперед; остановились, когда поредевший туман, по-прежнему скрывая нас, позволил взглянуть на не-

стерпимую яркость, заполнявшую пропасть; туман чуть приглушал ее, и потому мы могли вынести этот свет.

Я всмотрелся: мышцы и нервы парализовало благоговением и страхом. Я чувствовал себя, как человек, стоящий вблизи боевых отрядов звезд, свидетель смертных мук вселенных; как пронесенный через пространство и повисший над извивами туманности Андромеды, глядя, как она в страданиях рождает солнца.

Нет подходящего образа, нет метафоры — в окруженной горами долине была живая борющаяся сила, родственная той, что живет в туманностях и звездах; космический дух, преодолевший все измерения и стремящийся в бесконечность; разумная эманация самой бесконечности.

И голос ее был неземным. Она использовала земную оболочку для своего грома, своего звона — как в большой раковине можно услышать рев и шепот океана, так и здесь гремящая раковина пропасти отражала голоса того беспредельного моря, что омывает берега бесчисленных звезд.

Я видел перед собой могучий водоворот во много миль шириной. Его волнами были мощные свечения; он был покрыт пеной молний, прошит бродячими туманами раскаленного пламени, пробит остриями живого света. Он ритмично выбрасывал огненную пену высоко к небу.

Над ним небо сверкало, словно щит в руках гневного бога. Из водоворота вздымалась гора, горящий левиафан светло-синего металла, погруженный в лаву невероятного вулкана; огромная металлическая дуга, пересекающая огненное наводнение.

А барабанная дробь, которую мы слышали, ревущие ураганы взрывающихся звезд — это падение радужных вершин, разряды молний, ритмические удары огненных лучей о сверкающую гору, которая от этих ударов дрожала и покачивалась.

Дрожащая гора, сражающийся левиафан — это был Город!

Само металлическое чудовище, охраняемое своими легионами, отбивалось от других своих же легионов, отделившихся от него и в то же время так же принадлежавших ему, как клетки принадлежат телу.

Металлическое чудовище сражалось... с самим собой.

Когда я впервые его увидел, чудовищное тело было в мили высотой; в нем находилось большое сердце конусов, что извлекали магнитный поток из нашего солнца; в нем другие конусы, меньшие, в нем мастерские, родовые покои и другие многочисленные загадки, которых мы не видели и о которых не могли и догадаться. Теперь это тело уменьшилось на целую четверть.

Двойной линией вдоль основания горы стояли сотни огромных фигур.

Угловатые, в их очертаниях не было ни одной вершины пирамиды, ни одной дуги шара, огромные, вздымались они ввысь. На верху этих фигур огромные массы в форме молотов, как те металлические кулаки, что обрушились на стены города Черкиса; но по сравнению с ними как лапа динозавра с рукой человека.

И фигуры эти были живые и изменяющиеся; они били гигантскими булавами, размахивали ими из стороны в сторону, как будто поддерживающие их столбы — огромные вертикально поставленные поршни.

* * *

За ними стоял второй ряд, такой же прямоугольный и высокий. От него отделялись десятки рук-балок. Этот ряд был густо усажен пламенеющими крестообразными фигурами. Раскрывшиеся кубы гневно сверкали красным и дымчато-желтым. Их щупальца вздымали множество огромных щитов, как те, что окружали помещение с конусами.

И когда ударяли молоты, над их согнутыми головами кресты посылали потоки алых молний. Из углублений щитов вылетали языки ослепительного пламени. Огненными канатами они связывали те существа, по которым били молоты, в которые устремлялись алые молнии.

Теперь я видел и фигуры нападающих. Гротескные, с иглами и клыками, пиками и рогами, шишками и кирасами; фантастически угловатые, словно рогатые боги яванцев, они шли навстречу башням, которые били их молотами, жгли молниями.

И были они такими же огромными, такими же непредставимо фантастическими в десятках своих меняющихся обличий.

Более чем на милю от поникшего Города пространство занимали, выстроившись, как небоскребы, мощные многоногие башни. На их вершинах вращались гигантские колеса. Из центра этих колес вырывались сверкающие молнии, множество копий фиолетового цвета. И свет их не был непрерывным; вспышки следовали за вспышками, и каждая устремлялась вслед за предыдущей.

Именно их удары и порождали барабанную дробь. Они били в стены, стекая с них потоками огня. Словно перед падением они пробивали стену, и она истекала огненной кровью.

С грохотом множества батарей молоты обрушивались на нападающих. Под их ударами шары и пирамиды разлетались на тысячи осколков, взрывались лазурным и фиолетовым пламенем, радужными многоцветными огнями.

Молоты тоже раскалывались, отлетали, превращались в потоки желтых и алых метеоров. Но место расколовшихся кубов тут же занимали новые. И всегда, стоило только свалиться рогатой клыкастой фигуре, распасться, исчезнуть, тут же поднималась другая, такая же огромная и страшная, она начинала метать молнии, рвать своими ко-

лоссальными иглами и крючковатыми челюстями, колотить огромными кулаками, подобными кулакам металлического Атласа.

Сражающиеся фигуры раскачивались, отступали и надвигались, спотыкались и падали, и корпус всего чудовища тоже раскачивался, придвигался или отдалялся, и это ужасное движение вместе с потоком света вызывало головокружение.

Из вращающихся колес непрерывно стремился поток молний, падая и на башнеобразные фигуры, и на стену Города. Раздался пронзительный вой, неземной тонкий вопль. У оснований защитников вспыхнул нестерпимый свет, подобный тому, что предвещал появление летающего существа у дома Норалы.

Но в этом свете не было сапфирового сияния, он был цвета охры, пронизанной зеленью. И все же это было следствие той же самой необъяснимой силы: из тысяч таких огней появились гигантские прямоугольные столбы; огромные снаряды вылетели из пламенных пастей скрытых в земле титанических мортир.

Они взметнулись высоко, повернули и устремились на метателей молний. Под их ударами эти химеры пошатнулись; я видел, как живые снаряды и живые цели сплавляются, превращаясь в поток молний.

Но не все. В рядах рогатых гигантов появились бреши, но их тут же заполняли шары и пирамиды, отделявшиеся от колоссального корпуса. Непрерывным, нескончаемым потоком летели снаряды; и столь же непрерывно снова возникали нападающие.

Но вот из рядов нападающих вырвались вперед бесчисленные рогатые драконы, огромные цилиндры, усаженные пирамидами. Они шли навстречу снарядам, нацеливались на них.

Ощетинившийся дракон и бьющий молотом столб сталкивались и сплавлялись в ослепительных вспышках. Падали кубы, шары, пирамиды, некоторые раскрывались наполовину, другие полностью, в дожде дисков, звезд, огромных пламенных крестов; в буре немыслимых снарядов.

Теперь я увидел, что в Городе — в самом теле металлического чудовища — идет такая же колоссальная схватка, что и снаружи. Оттуда доносился глубокий вулканический рев. С вершины срывались огни, каскады и фонтаны обезумевших существ, сражавшихся друг с другом, раскачивались на краях, падали; на фоне пылающего неба мелькали силуэты борющихся химер.

Вой становился все сильнее. Из-за испускающих лучи башен появилось войско шаров. Они летели, как тысячи бледно-лазурных металлических лун; боевые луны летели метеорным потоком, размахивая знаменами фиолетового пламени. Поднялись высоко, на мили и оттуда упали на спину чудовища.

Навстречу им поднялись огромные колонны из кубов, они разбивали шары, сбрасывали их вниз. Сотни, разбитые, падали, но тысячи

продолжали нападение. Я видел, как они прилипают к столбам, колонны переплетенных кубов и шаров сжимали друг друга, как гигантские змеи, а вдоль их завитков раскрытые диски и кресты бросали друг в друга ятаганы молний.

В стене Города появилась светящаяся трещина; она прошла с вершины до подножия; расширилась в брешь, из которой полился поток света. Из щели устремился водопад рогатых шаров в тысячу футов высотой.

Но лился он только мгновение. Щель закрылась, зажав оставшиеся шары в колоссальных тисках. И раздавила их. В общем шуме ясно послышался ужасающий рев.

Из сомкнувшихся тисков лился поток осколков; они сверкали, искрились — и умирали. И снова в стене нет ни следа щели.

Ураган огненных копий ударил в стену. Под его напором откололась часть живого утеса в милю шириной; обрушилась, как лавина. Ее падение открыло огромные пространства, большие помещения и залы, полные боевыми молниями; оттуда долетал рев, громовые удары. И тут же вся эта поверхность закрылась металлическими кубами. Стена снова стала сплошной.

Я оторвал ошеломленный взгляд от Города, посмотрел на долину. Всюду: в башнях, в переплетенных кольцах, в бесчисленных формах и комбинациях — сражались металлические существа. На колонны обрушивались металлические волны и отбрасывались назад; над сумятицей и безумием схватки взлетали металлические кометы.

И всюду: на юге и севере, на западе и востоке — по всей долине металлическое чудовище под пламенными знаменами, под бурей молний убивало себя.

Корпус Города наклонился; качнулся к нам. Прежде чем он закрыл от наших глаз пропасть, я увидел, что хрустальные мосты через гагатовую реку исчезли, чудесные драгоценные ленты на ее берегах разбиты.

Все ближе наклонялся Город.

Я ощупью отыскал бинокль, взглянул в него. И увидел, что там, куда падали молнии, металлические кубы гибли, чернели, становились безжизненными, тусклыми; сверкание маленьких глаз исчезало; металлические корпуса раскалывались.

Все ближе к Городу подходило чудовище; я с дрожью опустил бинокль, не мог смотреть больше.

Падали рогатые фигуры, сражавшиеся с башнями. Снова встали, собрались для нового удара. Но тут Город приблизился еще больше, закрыл от меня поле битвы.

Я снова поднял бинокль. Благодаря ему металлический утес приблизился, оказался всего в пятидесяти футах, и я увидел, что крошечные глазки больше не светятся озорно или зло, они безумны.

Все ближе подбиралось чудовище.

На удалении в тысячу футов оно остановилось, собралось. И с ревом вся сторона, обращенная к нам, скользнула на дно долины.

28. ГИБЕЛЬ НОРАЛЫ

Упавшая масса стала гигантской грудой развалин. Кто знает, какие залы, полные чудес, погибли в ней? Да, тысячи футов было в ней, потому что обломки поднялись чуть не до края карниза, на котором мы лежали. Гигантский вал образовали тускнеющие остатки тел металлических существ.

Открылись тысячи пустот, тысячи помещений. Потом снова послышался громовой рев — перед нами раскрылся кратер с конусами.

Я увидел их в разрыве, они безмятежно теснились вокруг стройного, устремленного к звездам столба. Казалось, дождь молний их не тревожит. Но кольцо щитов по краям кратера исчезло.

Вентнор выхватил у меня из рук бинокль, долго держал его у глаз.

Потом вернул мне.

— Смотрите!

В бинокль открывшийся огромный зал казался всего в нескольких ярдах от нас. Он был заполнен изменчивым пламенем. У остатков стен сражались толпы металлических существ. Но вокруг конусов оставалась свободная зона, и туда никто не входил.

В этом поясе, в этом сияющем святилище были только три фигуры. Одна — удивительный диск с огненным сердцем, который я назвал металлическим императором; вторая — мрачный огненный крест Хранителя.

А третья — Норала!

Она стояла рядом со своим сверхъестественным повелителем—а может, он был ее слугой? Между ними и плоскостями креста Хранителя размещалась гигантская Т-образная пластина с бесчисленными стержнями — клавиатура, управлявшая деятельностью конусов, поднимавшая исчезнувшие щиты; она же, вероятно, управляла энергией всего Города, тех меньших органов, один из которых поразил Вентнора.

Норала в бинокль казалась совсем рядом, так близко, что можно было протянуть руку и коснуться ее. Пламенеющие волосы развевались вокруг гордой головы, как знамя из потока расплавленного медного золота; лицо ее — маска гнева и отчаяния; большие глаза устремлены на Хранителя; изящное тело обнажено, на нем ни обрывка шелка.

И от струящихся прядей до белых ног ее окружал светящийся овальный нимб. Юная Изида, девственная Астарта, стояла она в объятиях диска, как поруганная и преданная богиня, стремящаяся к мести.

Несмотря на всю их неподвижность, мне показалось, что император и Хранитель сошлись в схватке, в смертельной рукопашной; я осознал это так отчетливо, словно, подобно Руфи, мыслил мозгом Норалы, смотрел ее глазами.

Мне стало также ясно, что эта схватка двоих — вершина той битвы, что кипит вокруг; что тут решается судьба, о которой говорил Вентнор; и в этом зале определяется не только будущее диска и креста, но и будущее всего человечества.

Но с помощью каких средств велась эта невидимая дуэль? Они не бросали молнии, не сражались никаким видимым оружием. Только обширные плоскости перевернутого креста дымились и тлели мрачным пламенем охры и алого; а по всей поверхности диска плясали холодные радужные огни, отбивая невероятно частый ритм; радужно светилось пламенное рубиновое сердце, сапфировые овалы превратились в огненные бассейны.

Послышался громовой разряд, заглушивший все остальные звуки, ошеломивший нас в нашем укрытии. По обе стороны кратера рухнули стены Города. Я на мгновение увидел множество открытых помещений, в которых светились меньшие копии горы конусов, меньшие резервуары энергии чудовища.

Ни император, ни Хранитель не шевелились, оба казались совершенно равнодушными к разворачивавшейся вокруг них катастрофе.

Я подполз к самому краю завесы. Между диском и крестом образовалось облако черного тумана. Он был прозрачный, точно сотканный из светящихся черных частиц. Он висел, как черный занавес, удерживаемый невидимыми руками. Качался, дрожал, колебался — то в сторону диска, то в сторону креста.

Я чувствовал, как они напрягают силы, пытаются через этот туман добраться друг до друга.

Неожиданно император ослепительно вспыхнул. Как от удара, черный занавес отлетел к Хранителю, окутал его. И я видел, как под ним потускнели сернистые алые огни. Погасли.

Хранитель упал!

* * *

На лице Норалы вспыхнуло дикое торжество, отогнавшее отчаяние. Как в смертных муках, взметнулись плоскости креста. На мгновение сквозь черную завесу сверкнули его огни, понеслись вперед, ударились о загадочную клавиатуру, которой могли управлять только его щупальца.

Торжествующее выражение исчезло с лица Норалы. Его место занял невероятный, непередаваемый ужас.

Гора конусов содрогнулась. От нее протянулся мощный поток энер-

гии, как продолжительное сокращение сердца. Под напором этой энергии император дрогнул, развернулся и, разворачиваясь, подхватил Норалу, прижал ее к пламенеющей розе.

Вторая пульсация прошла через конусы, более сильная.

Диск содрогнулся в спазме.

Огни его поблекли; снова вспыхнули, неземным сиянием озарив фигуру Норалы.

Я видел, как извивалось ее тело, словно разделяя агонию диска. Голова ее повернулась. Большие глаза, полные невыразимого ужаса, смотрели на меня.

Спазматическим, бесконечно ужасающим движением диск закрылся...

И сомкнулся над ней!

Норала исчезла — была закрыта в нем. Прижата к запертым огням кристаллического сердца.

Я услышал всхлип, звуки перехваченного дыхания — понял, что всхлипнул я сам. Рядом извивалось тело Руфи, изогнулось конвульсивной дугой, застыло.

Конусы сбрасывали свои короны на дно. Гора растворялась. Под светящимися обломками неподвижно лежали распростертый крест и большой неподвижный шар, ставший гробницей женщины-богини.

Кратер заполнился бледным свечением. Все быстрее и быстрее стремилось оно вниз, в пропасть. И из всех меньших ям, от меньших конусов стремилось то же бледное свечение.

Город начал падать, чудовище рушилось.

Как воды, прорвавшиеся сквозь дамбу, сияние устремилось в долину. Над долиной нависла тишина. Молнии прекратились. Металлические орды застыли, сияющий поток ударялся в них, уровень его быстро поднимался.

В глубине тонущего города светилось множество призрачных отражений.

Они поднимались, прорывались на поверхность, проникали в каждую щель, в каждый разрыв, шары алые и сапфировые, рубиновые и радужные, веселые солнца из родового покоя, и рядом с ними замерзшие бледно-золотые солнца с застывшими лучами.

Многие тысячи их поднимались вверх и застывали на поверхности, пока вся пропасть не превратилась в озеро, покрытое желтой пеной солнечного пламени.

Эти загадочные шары поднимались группами, отрядами, полками. Они плавали по всей долине; разделялись и застывали неподвижно, как загадочные многочисленные души огня над умирающей оболочкой, в которой они жили.

Под ними, выступая из светящегося озера, торчали неподвижно какие-то громоздкие черные фигуры.

То, что было Городом, корпусом металлического чудовища, теперь превратилось в огромный бесформенный холм, и с него струились тысячи этих шаров, этих неведомых сущностей, которые когда-то были заключены в конусах.

Как будто чудовище истекало кровью, и кровь эта все выше поднимала уровень сверкающего озера.

Все ниже и ниже опускался гигантский корпус; было в этом беспомощном падении что-то бесконечно жалкое, что-то невероятное, космически трагичное.

Неожиданно шары дрогнули под потоком сверкающих атомов, спустившихся с неба: словно дождь прошел по светящемуся озеру. Частицы падали так густо, что шары превратились в тусклые ореолы.

Пропасть ослепительно, невыносимо сверкнула. Со всех неподвижных фигур устремились потоки огня, раскрылись горящие диски, звезды, кресты. Город превратился в холм горящих драгоценностей, разливавшихся потоком расплавленного золота.

* * *

В воздухе повисло напряжение, чувствовалось сосредоточение огромной энергии. Все гуще становились потоки падающих частиц, все выше вздымался желтый прибой.

Вентнор закричал. Я не разобрал слов, но понял его. Дрейк тоже. Он взвалил на широкие плечи Руфь, словно ребенка. И мы побежали назад, сквозь завесу.

— Назад! — кричал Вентнор. — Как можно дальше!

Мы продолжали бежать; добрались до ворот в скалах, пробежали в них, поднялись по сияющей дороге, ведущей к синему дому. Вот дом уже едва в миле от нас; мы бежали, задыхаясь, бежали, спасая жизнь.

Из пропасти донесся звук — я не могу описать его!

Невероятно одинокий, ужасный вопль отчаяния пронесся мимо нас, как стон звезды, болезненный и страшный.

Затих. И нас охватило чувство невыносимого одиночества, стремление к гибели, которое мы испытали в долине голубых маков, когда впервые встретили Норалу. Но сейчас чувство было сильнее, сопротивляться ему было невозможно. Мы упали; нас рвало на части стремление к быстрой смерти.

Теряя сознание, я смутно увидел, как ослепительно засверкало небо; умирающим слухом уловил громовой оглушительный рев. Нас окатила воздушная волна плотнее воды, отбросила вперед на сотню ярдов. Уронила нас; за ней накатилась вторая волна, иссушающая, обжигающая.

Она пронеслась над нами. И хотя она обжигала, в ней таилась и

какая-то бодрящая, насыщенная энергией сила; она прогнала смертоносное отчаяние и подкрепила гаснущий огонь жизни.

Я с трудом встал, оглянулся. Завеса исчезла. Ворота в скалах были полны плутонического огня, как будто там открывался проход к самому сердцу вулкана.

Вентнор схватил меня за плечо и повернул. Он показал на сапфировый дом, побежал к нему. Далеко впереди я видел Дрейка, он прижимал к груди Руфь. Жара стала обжигающей, невыносимой; легкие мои горели.

В небе над каньоном повисла цепь молний. Неожиданный порыв сильного ветра подхватил нас, потащил к пропасти.

Я упал, вцепился в камень. Прогремел гром, но не гром металлического чудовища или его орд; нет, грохот нашего земного неба.

И ветер холодный; он охлаждал горящую кожу, омывал больные легкие.

Небо снова раскололи молнии. И вслед за ними сплошным потоком хлынул дождь.

Из пропасти послышалось шипение, словно в ней гневалась вавилонская Тиамат, мать Хаоса, змея, живущая в пустоте; змея Мидгард древних норвежцев, держащая в своих кольцах мир.

Сбиваемые с ног ветром, затопляемые дождем, цепляясь друг за друга, как утопающие, мы с Вентнором пробивались к волшебному шару. Свет быстро гас. Но я видел, как Дрейк со своей ношей вошел в дом. Свет стал янтарным, совсем погас; нас охватила тьма. В свете молний мы добрались до двери, прошли в нее.

В электрическом свете мы увидели Дрейка, склонившегося к Руфи.

И как будто хрустальная панель приводилась в движение невидимыми руками, вход закрылся. Буря смолкла.

Мы упали рядом с Руфью на груду шелков, пораженные, ошеломленные, дрожащие от жалости... и благодарности.

Мы знали — знали с полной уверенностью, лежа под этим куполом в черных и серебристых тенях, в свете вспышек молний, — что металлическое чудовище умерло.

Убило само себя!

29. ВЫЖЖЕНЫ!

Руфь вздохнула и пошевелилась. В блеске молний, сверкавших почти непрерывно, я увидел, что ее оцепенелость, все признаки каталепсии исчезли. Тело ее расслабилось, кожа слегка порозовела; она спала нормальным глубоким сном, и ее не тревожили непрерывные раскаты грома, от которых содрогались стены голубого дома. Вентнор прошел через завесу в центральный зал, вернулся с одним из плащей Норалы, накрыл им девушку.

Мной овладела невыносимая сонливость, невероятная усталость. Нервы, мозг, мышцы расслабились, оцепенели. Я не сопротивлялся этому оцепенению и уснул.

* * *

Открыв глаза, я увидел, что комната со стенами из лунного камня полна серебристым хрустальным светом. Я слышал журчание текущей воды и смутно осознал, что это бассейн с фонтаном.

Несколько минут я лежал, ни о чем не думая, наслаждаясь отсутствием напряжения и чувством безопасности. Потом вернулись воспоминания.

Я тихо сел; Руфь все еще спала, она спокойно дышала под плащом; одну белую руку она положила на плечо Дрейка, как будто во сне подползла к нему.

У ног ее лежал Вентнор; как и они, он крепко спал. Я встал и на цыпочках прошел к закрытой двери.

Поискав, нашел замок — чашеобразный выступ. Нажал.

Хрустальная панель скользнула в сторону; ее приводил в движение какой-то скрытый механизм с противовесом. Должно быть, колебания от ударов грома высвободили этот механизм, когда он закрыл дверь за нами. Но вспомнив это сверхъестественное, целенаправленное действие, я усомнился в том, что это был результат вибраций от шторма.

Я осмотрелся. Невозможно было определить, сколько часов назад встало солнце.

Небо было низкое и пепельно-серое; шел мелкий дождь. Я вышел наружу.

Сад Норалы был разгромлен, деревья вывернуты с корнем, масса цветов и зелени уничтожена.

Ворота, ведущие к пропасти, закрыты дождем. Я долго смотрел на каньон, смотрел с тоской; старался представить себе, что сейчас делается в пропасти; хотел разгадать загадки ночи.

Во всей долине ни звука, ни движения.

Я вернулся в голубой дом и остановился на пороге, глядя в широко раскрытые удивленные глаза Руфи. Она сидела на шелковой постели, кутаясь в плащ Норалы, как внезапно разбуженный ребенок. Увидев меня, она протянула руку. Дрейк, мгновенно проснувшийся, вскочил на ноги и схватился за пистолет.

— Дик! — позвала Руфь дрожащим милым голосом.

Он посмотрел ей в глаза, в которых — я с замирающим сердцем понял это — был дух только Руфи; ясные глаза Руфи светились радостью и любовью.

— Дик! — прошептала она и протянула к нему тонкие руки. Плащ ее упал. Он шагнул к ней. Их губы встретились.

Их, обнявшихся, и увидел проснувшийся Вентнор; его взгляд выражал облегчение и радость.

Руфь вырвалась из объятий Дрейка, оттолкнула его, несколько мгновений стояла, прикрыв глаза.

— Руфь! — негромко позвал Вентнор.

— Ох! — воскликнула она. — О, Мартин, я забыла. — Она подбежала к нему, прижалась, спрятала лицо у него на груди. Он нежно погладил ее каштановые локоны.

— Мартин. — Она взглянула ему в лицо. — Мартин, все ушло... Я... снова я. Целиком я! Что произошло? Где Норала?

Я смотрел на нее. Неужели она не знает? Конечно, лежа в исчезнувшей завесе, она не могла видеть развернувшейся колоссальной трагедии; но ведь Вентнор говорил, что она одержима этой странной женщиной; разве не могла Руфь видеть ее глазами, думать ее мозгом?

И разве ее тело не проявляло тех же признаков мучений, что и тело Норалы? Она забыла? Я хотел заговорить, но меня остановил быстрый предупреждающий взгляд Вентнора.

— Она... в пропасти, — ответил он мягко. — Но разве ты ничего не помнишь, сестричка?

— Это в моем сознании стерто, — ответила она. — Я помню город Черкиса... и то, как тебя пытали, Мартин... и меня тоже...

Лицо ее побледнело; Вентнор беспокойно свел брови. Я знал, чего он ждет; но лицо Руфи оставалось человеческим; на нем ни следа той чуждой души, что еще несколько часов назад так пугало нас.

— Да, — кивнула она. — Это я помню. И помню, как Норала отплатила им. Помню, я радовалась, свирепо радовалась... а потом устала, так устала. А потом... потом пришла в себя здесь, — в замешательстве кончила она.

Вентнор сменил тему. Он сделал это сознательно, почти банально, но я понимал, зачем ему это. Он отвел сестру от себя на расстояние вытянутой руки.

— Руфь! — полуукоряюще, полунасмешливо воскликнул он. — Не кажется ли тебе, что твое утреннее неглиже слишком скромно даже для этого заброшенного угла Земли?

Раскрыв изумленно губы, она смотрела на него. Потом опустила глаза, увидела свои голые ноги, колени с ямочками. Прижала руки к груди, покраснела.

— Ох! — выдохнула она. — Ох! — И спряталась от Дрейка и меня за широкой фигурой брата.

Я подошел к груде шелков, взял плащ и бросил ей. Вентнор указал на седельные мешки.

— Там у тебя есть смена одежды, Руфь, — сказал он. — Мы осмот-

рим дом. Позови нас, когда будешь готова. Поедим и пойдем посмотрим, что случилось — там.

Она кивнула. Мы прошли через занавес и вышли из зала в бывшую комнату Норалы. Здесь мы остановились. Дрейк с замешательством смотрел на Мартина. Тот протянул ему руку.

— Знаю, Дрейк, — сказал он. — Руфь рассказала мне, когда нас захватил Черкис. Я очень рад. Ей пора заводить собственный дом, а не бегать со мной по заброшенным местам. Мне ее будет нехватать — очень, конечно. Но я рад, парень, рад!

В молчании они смотрели друг на друга. Потом Вентнор выпустил руку Дика.

— И все об этом, — сказал он. — Перед нами проблема — как мы вернемся домой?

— Это... существо... мертво. — Я говорил с убежденностью, которая поразила меня самого. Эта убежденность не была основана на осязаемой, ощутимой очевидности.

— Я тоже так думаю, — ответил Вентнор. — Нет... я это знаю. Но даже если мы переберемся через его тело, как мы выберемся из пропасти? Тот путь, которым мы прошли с Норалой, непреодолим. На стены не подняться. И еще есть пропасть... через которую она перебросила мост. Как нам пересечь ее? Туннель к развалинам закрыт. Остается путь через лес, туда, где был город Черкиса. Откровенно говоря, не хочется туда идти. Я не уверен, что все воины погибли... некоторые могли спастись и скрываться там. Мы недолго проживем, если попадем им в руки.

— В этом я не уверен, — возразил Дрейк. — Если они и уцелели, то страшно напуганы. Думаю, если они нас увидят, побегут так быстро, что задымятся от трения.

— В этом что-то есть, — улыбнулся Вентнор. — Все же мне не хотелось бы рисковать. Ну, во всяком случае прежде всего нужно посмотреть, что произошло в пропасти. Может, тогда у нас возникнет какая-нибудь идея.

— Я знаю, что там произошло, — объявил, к нашему удивлению, Дрейк. — Короткое замыкание!

Мы заинтересованно смотрели на него.

— Все сгорело! — сказал Дрейк. — Все эти существа — все выгорели. В конце концов чем они были? Живыми динамо-машинами. У них сгорела изоляция — какой бы она ни была. И все. Короткое замыкание, и все в них выгорело! Не буду делать вид, что понимаю, почему это произошло. Не знаю. Конусы — это какой-то вид концентрированной энергии — электрической, магнитной или той и другой. А может, еще какой-то. А я считаю, что они состояли из затвердевшего... корония. Если правы двадцать величайших ученых нашего мира, короний — это... свернувшаяся энергия. Электрический потенциал Ниагары, свер-

нутый в булавочную головку. Ну, ладно... они или оно... утрачивает контроль. Все булавочные головки разворачиваются в Ниагары. И превращаются из контролируемой точки в неудержимый водопад... другими словами, их энергия высвобождается. Ну, хорошо... что же из этого следует? Что должно следовать? Каждая живая батарея куба, шара, пирамиды взорвалась. Во время короткого замыкания вся долина должна была превратиться в вулкан. Пойдемте посмотрим, что произошло с вашими непреодолимыми пропастями и неподъемными стенами, Вентнор. Я не уверен, что там не найдется выхода.

— Входите, все готово, — позвала нас Руфь. Ее слова прервали возникший было спор.

Войдя в помещение с бассейном, мы увидели не дриаду, не языческую девушку. В бриджах и короткой куртке, решительная, владеющая собой, убравшая непокорные локоны под плотно прилегающую шляпку, обутая в прочную обувь, Руфь возилась у спиртовки с закипающим котелком.

Пока мы торопливо завтракали, она молчала. И не подошла к Дрейку после завтрака. Держалась возле брата, когда мы двинулись по дороге под дождем к карнизу между утесами, где раньше сверкала завеса.

По мере нашего приближения становилось все жарче; воздух парил, как в турецкой бане. Туман стал так густ, что мы шли на ощупь, держась друг за друга.

— Бесполезно, — выдохнул Вентнор. — Ничего не видно. Придется повернуть назад.

— Выжжено! — сказал Дик. — Я ведь вам говорил. Вся долина превратилась в вулкан. А дождь стал туманом. Придется ждать, пока он не разойдется.

Мы вернулись в голубой дом.

Весь день шел дождь. Несколько оставшихся светлых часов мы блуждали по дому Норалы, осматривая его содержимое, или сидели, рассуждая, обсуждая фазы феномена, который наблюдали.

Мы рассказали Руфи, что произошло после того, как она присоединилась к Норале. Рассказали о загадочной борьбе между великолепным диском и мрачным пламенным крестом, который я назвал Хранителем.

Рассказали о гибели Норалы.

Услышав об этом, она заплакала.

— Она была такая милая, — плакала она, — такая красивая. И она очень любила меня. Я знаю, что она меня любила. О, я знаю, что мы не могли разделить с нею ее мир. Но мне кажется, что Земля была бы не так отравлена, если бы на ней жила Норала со своим народом, а не мы.

Плача, она ушла в комнату Норалы.

Странную вещь она сказала, подумал я, глядя ей вслед. Сад мира был бы не так отравлен, если бы в нем жили эти существа из кристаллов, металла и магнитных огней, а не мы, из плоти и крови. Я подумал об их прекрасной гармонии, вспомнил о человечестве, негармоничном, нескоординированном, вечно стремящемся к самоуничтожению...

У входа раздалось жалобное ржание. На нас смотрела длинная волосатая морда с парой терпеливых глаз. Пони. Несколько мгновений он смотрел на нас, потом доверчиво вошел, подошел ко мне, прижался головой.

Это был пони одного из персов, убитых Руфью. На нем было седло. Отогнанный ночной бурей, он вернулся, привлекаемый инстинктивным стремлением оказаться под защитой человека.

— Удача! — сказал Дик.

Он занялся пони, снял седло, принялся растирать животное.

30. ШЛАК!

Ночью мы спали хорошо. Проснувшись, обнаружили, что буря еще усилилась: ветер ревел, и шел такой сильный дождь, что было невозможно идти к пропасти. Мы дважды пытались, но гладкая дорога превратилась в поток, и, промокнув, несмотря на плащи, до нитки, мы отказались от попыток. Руфь и Дрейк уединились в одной из комнат дома; они были поглощены друг другом, и мы им не навязывались. Весь день шел дождь.

Вечером мы доели последние припасы Вентнора. Руфь, по-видимому, забыла Норалу; она о ней больше не говорила.

— Мартин, — спросила она, — нельзя ли нам завтра выйти? Я хочу уйти отсюда. Хочу вернуться в наш мир.

— Двинемся, как только кончится буря, Руфь — ответил он. — Сестренка, я тоже хочу, чтоб ты быстрей вернулась.

На следующее утро буря прекратилась. Мы проснулись на рассвете. Утро было яркое и ясное. Мы молча торопливо позавтракали. Седельные мешки были упакованы и привязаны к пони. Там было и то немногое, что мы могли унести из дома Норалы: лакированные кожаные доспехи, пара плащей, сандалии, гребень с драгоценностями. Руфь и Дрейк по бокам пони, мы с Вентнором впереди — начали свой путь к пропасти.

— Вероятно, придется возвращаться, Уолтер, — сказал Вентнор. — Не думаю, что нам удастся пройти.

Я указал вперед. Мы еще совсем недалеко отошли от дома. Там, где между вертикальными утесами висела завеса, теперь виднелось большое рваное отверстие.

Дорога, которая раньше вела через утесы, теперь была перегоро-

жена тысячефутовым барьером. Над ним и за ним в хрустально чистом воздухе я ясно видел противоположную стену.

— Мы можем тут подняться, — сказал Вентнор.

Мы достигли подножия барьера. Тут обрушилась лавина, баррикада из обломков скал, камней, земли. Мы начали подниматься, добрались до вершины, увидели долину.

Впервые мы увидели эту долину как сверкающее море, пронизанное лесом молний, усеянное гигантскими пламенными знаменами; видели ее без огненных туманов, как огромную плиту, покрытую чистописанием бога математики; видели ее полной металлическими существами с колоссальным иероглифом посередине — живым Городом; видели ее как светящееся озеро, над которым повисли загадочные солнца, озеро желтого пламени, на которое падал ливень сверкающих частиц, а в самом озере воздвигались острова-башни, выбрасывающие потоки огней; видели среди всего этого женщину-богиню, наполовину земную, наполовину из неведомого мира, погрузившуюся в живую могилу, умирающую могилу, в пламенеющую загадку; видели крестообразного металлического Сатану, мрачно пламенеющего кристаллического Иуду, предающего... самого себя.

Там, где мы видели невообразимое, бесконечное, необъяснимое... теперь там был только... шлак!

Аметистовое кольцо, от которого струилась светящаяся завеса, растрескалось и почернело; как угольная лента, как траурная корона, опоясывало оно пропасть. Завеса исчезла. Дно долины потрескалось и почернело. Рисунок, иероглифы исчезли. Сколько хватало глаз, расстилалось море шлака, черное, застывшее, мертвое.

Тут и там поднимались черные холмы, огромные столбы, наклоненные и изогнутые, словно это застыл поток лавы. Особенно тесно эти столбы теснились вокруг огромной центральной насыпи. Все, что осталось от сражающихся металлических существ. А насыпь — это само металлическое чудовище.

Где-то здесь прах Норалы, в урне металлического императора!

И от одного края пропасти до другого, на всех этих разбитых берегах, на застывших волнах и холмах, на почерневших покосившихся столбах и башнях — всюду только шлак.

Я ожидал катастрофы, понимал, что увижу трагедию, но никогда не приходилось мне видеть картину такого опустошения и ужаса.

— Выгорело! — прошептал Дрейк. — Короткое замыкание, и все выгорело! Как динамо, как электричество!

— Судьба! — сказал Вентнор. — Судьба! Пока еще не пробил час человечества, оно еще не должно отказаться от своего мира. Судьба!

Мы начали пробираться в долину. Весь день и часть следующего мы искали выхода из пропасти.

Все стало невероятно хрупким. Поверхности гладких металлических

тел, в которых когда-то светилось множество глаз, ломались при малейшем прикосновении. Очень скоро ветер и дождь превратят их в пыль и развеют.

Становилось все очевиднее, что теория катастрофы, предложенная Дрейком, справедлива. Чудовище представляло собой огромную динамомашину. Оно жило, приводилось в движение магнетизмом, электричеством.

Энергия, которой его снабжали конусы, явно родственна электромагнитной.

Высвободившись в катастрофе, эта энергия создала магнитное поле невероятной мощности, разрядилась в необыкновенно сильном электрическом разряде.

И сожгла металлическое чудовище: произошло короткое замыкание, и все перегорело.

Но что привело к катастрофе? Что заставило металлическое чудовище обратиться против себя? Какая дисгармония вкралась в этот совершенный порядок и привела в действие механизм уничтожения?

* * *

Мы можем только догадываться. Разрушительным агентом послужила фигура, которую я назвал Хранителем, в этом не было сомнения. В загадочном механизме, который, будучи многими, оставался одним и сохранял руководство всеми своими частями на протяжении многих миль, — в этом механизме у Хранителя было свое место, свои функции и обязанности.

И у удивительного диска тоже. Концентрированная сила, явное господство над другими заставило нас назвать его императором.

И разве не назвала Норала этот диск правителем?

Они были очень важной частью организма металлического чудовища. Они представляли удивительный закон, которому повиновались и сами.

Что-то от того загадочного закона, который Метерлинк назвал духом улья.

Может быть, в Хранителе конусов, страже и инженере этого механизма, проявилось честолюбие?

И он захотел свергнуть диск, занять его место, место правителя?

Как иначе объяснить конфликт между ними? Мы почувствовали его, когда диск вырвал нас из тисков Хранителя в ночь накануне оргии кормления.

Как иначе объяснить поединок в зале конусов, который послужил сигналом к окончательной катастрофе?

Как объяснить борьбу кубов, подчинявшихся Хранителю, с шарами и пирамидами, оставшимися верными диску?

Мы с Вентнором обсудили это.

— Мир, — говорил он, — это арена борьбы. Воздух, и море, и земля, и все живущее в них должны бороться за существование. Не Марс, а Земля — планета войны. Мне кажется, что магнитные течения, нервные ткани нашей планеты служили пищей этому чудовищу. В этих течениях дух Земли. Они были перенасыщены борьбой, ненавистью, войной. И чудовище, питаясь, проникалось этим. Может быть, Хранитель настроился на борьбу за существование? Стал чувствителен к этим силам, стал подобен человеку? Кто знает, Гудвин, кто может сказать?

Это чудовищное самоубийство остается загадкой. И такой же загадкой остается происхождение чудовища. У нас есть только неопределенные теории.

А ответы на эти загадки навсегда потеряны в шлаке, по которому мы шли.

* * *

В середине второго дня мы нашли расселину в почерневшей стене пропасти. Решили проверить ее. Идти по дороге, которой нас привела Норала, мы не решались.

Гигантский откос раскололся, по нему можно было подняться. Но даже если цел туннель, которым мы проходили, остается еще пропасть, через которую мы не можем перебросить моста. И даже если пройдем и эту пропасть, вход Норала закрыла своими молниями.

Поэтому мы углубились в расселину.

Мне нет необходимости описывать наши дальнейшие скитания. Из расселины мы вышли в лабиринт долин и после месяца блужданий, питаясь только дичью, вышли на дорогу к Гианцзе.

Еще через шесть недель мы были дома, в Америке.

Мой рассказ окончен.

В дикой местности Трансгималаев остался голубой шар, загадочный дом ведьмы с молниями. Оглядываясь назад, я не могу назвать ее вполне женщиной.

Там огромная пропасть, окруженная горными вершинами; а в ней окаменевшее, потрескавшееся тело необъяснимого, невероятного существа, живого и в то же время готового уничтожить человечество. Тень, отбрасываемая им, исчезла, завеса отдернулась.

Но для меня, для всех нас четверых, видевших этот феномен, остается неискоренимым его урок; он дает нам новые силы и в то же время учит новой скромности.

Ибо в огромном тигле жизни, в котором мы лишь ничтожная часть, могут возникнуть новые формы и поглотить нас.

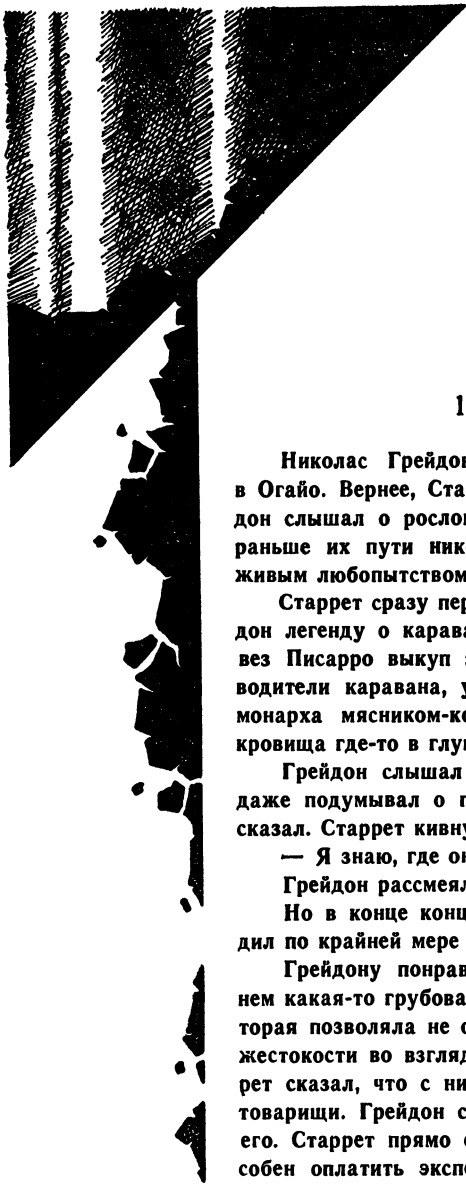
Какие новые тени летят нам навстречу в огромном резервуаре сил загадочной бесконечности?

Кто знает?

ЛИК В БЕЗДНЕ

Фантастический роман

1. СУАРРА

Николас Грейдон встретился со Старретом в Огайо. Вернее, Старрет отыскал его там. Грейдон слышал о рослом авантюристе с Запада, но раньше их пути никогда не пересекались. Он с живым любопытством открыл дверь посетителю.

Старрет сразу перешел к делу. Знает ли Грейдон легенду о караване с сокровищами, который вез Писарро выкуп за Инку Атахуальпу? Предводители каравана, услышав об убийстве своего монарха мясником-конкистадором, спрятали сокровища где-то в глуши Анд.

Грейдон слышал эту историю сотни раз; он даже подумывал о поисках сокровищ. Он так и сказал. Старрет кивнул.

— Я знаю, где они, — сказал он.

Грейдон рассмеялся.

Но в конце концов Старрет убедил его; убедил по крайней мере в том, что стоит поискать.

Грейдону понравился этот великан. Была в нем какая-то грубовато-добродушная прямота, которая позволяла не обращать внимания на следы жестокости во взгляде и в очертаниях рта. Старрет сказал, что с ним еще двое, оба его старые товарищи. Грейдон спросил, почему они выбрали его. Старрет прямо ответил: потому, что он способен оплатить экспедиционные расходы. Сокровища они разделят поровну. А если ничего не найдут, Грейдон первоклассный геолог, а район,

куда они отправляются, богат полезными ископаемыми. Он, несомненно, сделает важные открытия, которые они сумеют с выгодой реализовать.

Грейдон задумался. Никаких заказов на ближайшее время у него не было. Ему только что исполнилось тридцать четыре года, а с окончания Гарвардской высшей геологической школы одиннадцать лет назад у него ни разу не было настоящего отпуска. Расходы он может себе позволить. Если даже не ждать слишком многого, по крайней мере будет интересно.

Он познакомился с двумя товарищами Старрета: Сомсом, долговязым, мрачным, бывалым янки, и Данкре, циничным забавным маленьким французом. Они составили соглашение, и Грейдон подписал его.

По железной дороге они добрались до Сьерра де Паско — это был самый близкий город к той дикой местности, с которой начинался их путь. Неделю спустя они в сопровождении восьми осликов и шести arrieros, или носильщиков, уже находились среди хаоса горных пиков, между которыми, как указывала карта Старрета, пролегал их маршрут.

Именно эта карта убедила Грейдона. Не пергамент, а лист тонкого золота, почти такой же гибкий. Старрет вытащил его из маленькой золотой трубки старинной работы и развернул. Грейдон не увидел на листе никакой карты, вообще никакого изображения. Старрет повернул его под другим углом, и стали ясно видны линии.

Это был великолепный образчик картографии. В сущности не карта, а скорее рисунок. Тут и там любопытные знаки; по словам Старрета, они вырублены на скалах как указатели. Их предназначали для тех представителей древней расы, которые пойдут за сокровищами, когда испанцев сметут с земли.

Грейдон не знал, ключ ли это к сокровищу выкупа Атахуальпы или к чему-то другому. Старрет говорил, что именно к сокровищу. Но Грейдон не поверил его рассказу о том, как он стал обладателем этого золотого листа. Тем не менее, была какая-то цель у изготовителей карты, была причина, почему они с таким искусством спрятали ее изображение. В конце этого пути ждало что-то интересное.

Знаки на скалах оказались именно там, где указывала карта. Радостные, предвкушая богатые находки, заранее представляя себе, как потратят заработок, они двигались вслед за знаками. Путь неизменно вел все дальше в глушь.

Наконец arrieros начали роптать. Они сказали, что приближаются к проклятому району — Карабайским Кордильерам, здесь живут только демоны. Обещания награды, просьбы, угрозы заставили их пройти еще немного дальше. Однажды утром четверо проснулись и обнаружили, что все arrieros исчезли, прихватив с собой половину осликов и большую часть припасов.

Они пошли дальше. И тут знаки подвели их. Либо они потеряли след, либо карта, которая до сих пор вела их по верному пути, наконец солгала.

Местность, в которой они оказались, была совершенно безлюдной. С тех пор, как две недели назад они останавливались в селении племени куича, им не встретился ни один человек. В том селении Старрет напился огненного индейского самогона. Пищу находить становилось все труднее. Было мало животных и еще меньше птиц.

Хуже всего были изменения, происшедшие со спутниками Грейдона. Насколько они радовались первым успехам, настолько же впали в уныние сейчас. Старрет постоянно напивался и то заводил шумные и сварливые потасовки, то угрюмо о чем-то думал.

Данкре стал молчалив и раздражителен. Сомс, по-видимому, пришел к выводу, что Старрет, Грейдон и Данкре сговорились против него; либо они сознательно пропустили, либо вообще стерли знаки-указатели. Только когда эти двое присоединялись к Старрету и напивались индейским самогоном, которым нагрузили одного из осликов, они веселели. В такие моменты Грейдон видел, что все неудачи они готовы приписать ему и что его жизнь может оказаться подвешенной на тонкой ниточке.

В тот день, когда началось великое приключение Грейдона, он возвращался в лагерь. С утра он охотился. Данкре и Сомс вместе отправились в очередной раз на отчаянные поиски утраченных знаков.

Как бы в ответ на свои предчувствия, Грейдон услышал оборвавшийся на середине женский крик: материализовались смутные опасения, охватившие его, когда он несколько часов назад оставил Старрета одного в лагере. Грейдон чувствовал, что близка какая-то кульминация неудач, — и вот ответ! Он побежал, поднялся по склону, поросшему серо-зелеными algarrobas, к их палатке.

Сквозь густой подлесок выбрался на поляну.

Почему девушка больше не кричит? До него донесся смех, хриплый, издевательский.

Присев, Старрет держал на колене девушку. Толстой рукой он охватил ее шею, сдавил пальцами рот, не давая ей кричать. Правая рука сжимала руки девушки; ее колени были зажаты в изгибе его правой ноги.

Грейдон схватил его за волосы, другой рукой за подбородок. Резко дернул голову назад.

— Отпусти ее! — приказал он.

Полупарализованный Старрет расслабился, извиваясь, встал на ноги.

— Какого дьявола ты вмешиваешься?

Он потянулся за пистолетом. Кулак Грейдона ударился о челюсть Старрета. Пистолет упал на землю, Старрет тоже.

Девушка вскочила и отбежала.

Грейдон не смотрел ей вслед. Несомненно, она убежала, чтобы привести своих соплеменников, какое-нибудь племя из группы аймара, которых не смогли покорить даже инки. И которые отомстят за девушку так, что Грейдону даже думать об этом не хотелось.

Он склонился к Старрету. Из-за удара и выпивки тот, вероятно, не скоро очнется. Грейдон подобрал его пистолет. Хорошо бы Данкре и Сомс быстрее вернулись в лагерь. Втроем они могли бы сопротивляться... может, даже спаслись бы... но для этого они должны вернуться быстро... девушка скоро придет со своими мстителями... сейчас, должно быть, рассказывает им о нападении. Он обернулся...

Девушка смотрела на него.

Упиваясь ее красотой, Грейдон забыл о лежавшем у его ног человеке, забыл обо всем.

Кожа цвета бледной слоновой кости. Она просвечивает сквозь одежду из ткани янтарного цвета, похожей на шелк. Глаза овальные, слегка раскосые, египетского типа, с большими полуночными зрачками. Нос маленький и прямой; брови ровные, черные, почти сросшиеся. Волосы черные, похожие на облако или сгусток тумана. На низком широком лбу узкая золотая лента. В ленту вделано изогнутое серебристое перо caraquenque — птицы, чьи роскошные перья в прошлом шли только на плюмажи для инкских принцесс.

На руках золотые браслеты почти до тонких плеч. На маленьких ногах высокие полуботинки со шнуровкой из оленьей шкуры. Она гибка и стройна, как девушка-ива, которая ожидает, когда Кваннон пройдет сквозь мир деревьев, принося им новый зеленый огонь жизни.

Девушка не индианка... и не дочь древних инков... и не испанка... расу ее он не знает.

На щеках ее синяки — следы пальцев Старрета. Ее длинные, стройные руки коснулись щек. Девушка заговорила — на языке аймара.

— Он умер?

— Нет, — ответил Грейдон.

В глубине ее глаз вспыхнуло горячее пламя; он готов был поклясться, что это пламя радости.

— Хорошо! Я не хотела бы, чтобы он умер, — голос ее стал задумчив, — по крайней мере... не так.

Старрет застонал. Девушка снова коснулась синяков на щеках.

— Он очень силен, — прошептала она.

Грейдону показалось, что в ее голосе звучит восхищение; он удивился: может, ее красота — лишь маска примитивной женщины, преклоняющейся перед грубой силой.

— Кто ты? — спросил он.

Она долго-долго смотрела на него.

— Я — Суарра, — ответила она наконец.

— Но откуда ты? Кто ты? — снова спросил он. Она не соизволила ответить.

— Он твой враг?

— Нет, — сказал Грейдон. — Мы путешествуем вместе.

— Тогда почему... — она указала на распростертую фигуру, — почему ты так ему сделал? Почему не позволил ему поступить со мной, как он хотел?

Грейдон вспыхнул. Вопрос, со всем, что в нем подразумевалось, задел его.

— Кто я такой, ты думаешь? — горячо ответил он. — Мужчина не должен позволять такое!

Она с любопытством смотрела на него. Лицо ее смягчилось. Она сделала шаг к нему. Снова коснулась синяков на щеках.

— А ты не думаешь, — спросила она, — почему я не зову своих людей, чтобы наказать его, как он заслужил?

— Думаю, — замешательство Грейдона было откровенным. — На самом деле думаю. Почему ты их не зовешь, если они близко?

— И что бы ты делал, если бы они пришли?

— Не позволил бы им взять его... живым, — ответил он. — Не я.

— Может, поэтому, — медленно ответила она, — я и не зову.

Неожиданно она улыбнулась. Он шагнул к ней. Она предупреждающе подняла руку.

— Я — Суарра, — сказала она. — И я — Смерть!

Грейдон ощутил холодок. Снова ему в глаза бросилась ее чуждая красота. Может, в легендах о населенных призраками Кордильерах есть правда? Он никогда не сомневался, что за ужасом, который испытывали индейцы, за бегством arrieros скрывается нечто реальное. Может, она — один из духов, один из демонов Кордильер? На мгновение эта фантастическая мысль показалась совсем не фантастической. Потом вернулся разум. Девушка — демон! Он рассмеялся.

— Не смейся, — сказала она. — Я говорю о смерти, которую не знаете вы, живущие за высокими пределами нашей земли. Тело твое может жить, но это смерть и более, чем смерть, потому что оно изменяется... ужасным образом. А то, что живет в твоем теле, что говорит твоими губами, тоже изменяется... еще ужаснее!.. Я не хотела бы, чтобы к тебе пришла такая смерть.

Как ни странно звучали ее слова, Грейдон их почти не слышал; не понимал их смысла, поглощенный ее красотой.

— Не знаю, как вы миновали вестников. Не понимаю, как могли пройти, не замеченные ими. Теперь вы далеко проникли в Запретную землю. Скажи — зачем вы вообще пришли сюда?

— Мы пришли издалека, — ответил он, — по древнему следу сокровища из золота и драгоценностей, сокровища Атахуальпы, Инки.

Нас вели знаки на скалах. Мы их потеряли. И сами заблудились. И оказались здесь.

— Я ничего не знаю об Атахуальпе или об Инке, — сказала девушка. — Кем бы они ни были, сюда они прийти не могли. А что касается их сокровищ, то, как бы они ни были велики, они ничто для нас, жителей Ю-Атланчи, где драгоценные камни как галька в ручье. Эти сокровища как горсть песка в куче, — она помолчала и в задумчивости продолжала, как бы в ответ на свои мысли: — Не понимаю, как их пропустили вестники... Мать должна узнать об этом... надо быстрее к Матери...

— Мать? — спросил Грейдон.

— Мать-Змея! — она снова взглянула на него; коснулась браслета на правом запястье. Подойдя ближе, Грейдон увидел на браслете барельеф с изображением змеи с женской головой, грудью и руками. Змея, свернувшись, лежала на чем-то похожем на большую чашу; чашу высоко поднимали в своих лапах четыре зверя. Грейдон так поглощен был разглядыванием свернувшейся кольцами змеи, что вначале не обратил внимания на зверей. Он продолжал всматриваться. И понял, что и голова не вполне женская, в чем-то она змеиная.

Змея, но изготовивший ее мастер вложил в изображение такую женственность, что зритель видел в ней женщину, забывая, что это змея.

Глаза змеи сделаны из ярко блестящего пурпурного камня. Грейдону показалось, что эти глаза живые, что откуда-то издалека через них на него смотрит живое существо. Что эти камни — средство, продолжение глаз далекого существа.

Девушка коснулась одного из зверей, державших чашу.

— Ксинли! — сказала она.

Удивление Грейдона усилилось. Он знал, что это за зверь. И понял, что смотрит на невероятное.

Это динозавры! Чудовищные ящеры, правившие землей миллионы и миллионы лет назад; если бы не их исчезновение, человек никогда не возник бы.

Кто же в глуши Анд может знать о динозаврах? Кто мог изобразить их с таким жизненным правдоподобием? Ведь только вчера наука установила, кому принадлежат эти огромные кости, давно погребенные в скалах, окруживших их непроницаемым покровом. С огромным трудом, используя все современные возможности, медленно наука собирала эти разрозненные кости, как ребенок собирает мозаику, создавала образы химер давно прошедшей юности Земли.

И вот здесь, далеко от науки, кто-то сумел изобразить этих чудовищ на женском браслете. Но ведь это значит, что художник видел живые образцы! Или по крайней мере рисунки, сделанные людьми, видевшими динозавров в древности.

И то и другое совершенно невероятно.

К какому племени принадлежит девушка? Она называла какое-то имя... Ю-Атланчи.

— Суарра, — сказал он, — а где Ю-Атланчи? Это здесь?

— Здесь? — Она рассмеялась. — Нет! Ю-Атланчи — Древняя Земля. Скрытая земля, где правили шесть властителей и властители властителей. И где теперь правит Мать-Змея и... другие. Это место — Ю-Атланчи? — она снова рассмеялась. — Я иногда охочусь здесь с... — она странно взглянула на него, помолчала. — И вот тот, что тут лежит, схватил меня. Я охотилась. Ушла от сопровождающих: мне нравится охотиться в одиночку. Вышла из деревьев и увидела tetuane — ваш дом. И лицом к лицу столкнулась с... ним. Я удивилась, так удивилась, что не успела ударить этим, — она указала на небольшой холм поблизости. — Прежде, чем я справилась с удивлением, он схватил меня. Потом пришел ты.

Грейдон взглянул, куда она указывала. На земле лежали три стройных блестящих копья. Древки из золота, у двух — наконечники из опала. У третьего на конце — изумруд, прозрачный и безупречный; все — шести дюймов длиной и трех в самой широкой части, заостренные по краям.

Бесценные драгоценности, прикрепленные к кускам золота, лежали на земле, и Грейдона охватила паника. Он забыл про Сомса и Данкре. Допустим, они вернутся, пока девушка еще здесь. Девушка с золотыми украшениями, с драгоценными копьями — и такая красивая!

— Суарра, — сказал он, — ты должна уходить, и побыстрее. Этот человек и я еще не все. Есть еще двое, они уже близко. Бери свои копья и уходи. Иначе я не смогу спасти тебя.

— Ты думаешь, я...

— Уходи, — прервал он. — Уходи и держись подальше от этого места. Завтра я постараюсь увести их отсюда. Если хочешь, чтобы за тебя отомстили твои люди, пусть приходят и сражаются. Но сейчас забирай копья и уходи!

Она подошла к холмику и подняла копья. Одно протянула ему — с изумрудом.

— На память о Суарре, — сказала она.

— Нет, — он отвел ее руку. — Иди!

Если остальные увидят этот камень, ему никогда — он это знал — не удастся увести их отсюда. Старрет видел эти драгоценности, но, может, он сумеет убедить остальных, что это был пьяный бред.

Девушка с интересом смотрела на него. Она сняла с рук браслеты и вместе с копьями протянула ему.

— Хочешь взять это все и оставить своих товарищей? — спросила она. — Это золото и драгоценные камни. Это сокровище. Ведь это ты

искал? Бери. Бери и уходи, оставь этого человека. Удовлетворись этим, и я выведу тебя из Запретной земли.

Грейдон колебался. Один изумруд — целое состояние. Чем он обязан этим троим в конце концов? А Старрет сам виноват. Тем не менее — они его товарищи. Он отправился вместе с ними с открытыми глазами. Он представил, как ускользает трусливо, тайком, с добычей, оставив троих неподготовленными, непредупрежденными перед встречей... с чем?

Эта картина ему не понравилась.

— Нет, — сказал он. — Эти люди мои товарищи. Что бы ни пришло — я встречу это с ними вместе.

— Но ты ведь стал бы сражаться с ними из-за меня... даже уже сражался, — сказала она. — Почему же тогда цепляешься за них вместо того, чтобы уйти на свободу, с сокровищами? И почему позволяешь уйти мне? Ты ведь знаешь, что если ты меня не задержишь... или не убьешь, я могу привести своих соплеменников.

Грейдон рассмеялся.

— Конечно, я не могу позволить им повредить тебе, — сказал он. — Если оставить тебя в плену, боюсь, я не смогу спасти тебя, предохранить от боли. И убежать не могу. Поэтому больше не разговаривай, иди!

Она воткнула копья в землю, надела на руки золотые браслеты, протянула к нему белые руки.

— А теперь, — прошептала она, — клянусь мудростью Матери, я спасу тебя... если смогу.

Послышался звук рога. Казалось, он звучит где-то высоко в воздухе и далеко. Ему ответил другой, ближе; сочный, густой вопрошающий звук — и странно чуждый.

— Идут, — сказала девушка. — Мои спутники. Ночью разожгите костер. Спите без страха. Но не выходите за эти деревья.

— Суарра... — начал он.

— Тише, — предупредила она. — Молчи... пока я не уйду.

Звук рога приблизился. Девушка побежала меж деревьями. С ближайшего холма послышались призывные звуки. Сумятица звуков рога — беспокойных, волшебных. Потом тишина.

Грейдон стоял, прислушиваясь. Солнце коснулось снежной вершины могучего пика, на который он смотрел, коснулось и превратило льды в одежду из расплавленного золота. Аметистовые тени сгустились, задрожали и быстро рассеялись.

Он продолжал вслушиваться, затаив дыхание.

Далеко, далеко снова прозвучал рог. Слабо, слабо, сладко повторялись звуки сумятицы, окружавшей девушку.

Солнце ушло за вершины; края замерзших поверхностей сверкали, будто покрытые бриллиантами. Потом бриллианты сменились рубина-

ми. Золотые поля потускнели, потом стали янтарными, розовыми, жемчужными и наконец серебряными, сверкая, как облачные призраки в высоком небе. На заросли algarrobas опускались быстрые андские сумерки.

Только тогда Грейдон, вздрогнув от неожиданного, необъяснимого страха, понял, что, кроме голоса девушки и звуков рога, он больше ничего не слышал. Не было звуков людей или животных, пробирающихся сквозь заросли, не было топота ног.

Ничего, кроме мелодичных звуков рога.

2. НЕВИДИМЫЕ НАБЛЮДАТЕЛИ

Старрет из забытья, вызванного ударом, перешел в пьяное забытье. Грейдон перетащил его в палатку, подсунул под голову рюкзак и накрыл одеялом. Потом вышел и разжег костер. В подлеске послышался шум. Из-за деревьев показались Сомс и Данкре.

— Нашли знаки? — спросил Грейдон.

— Знаки? Дьявол, нет! — выпалил уроженец Новой Англии. — Слушайте, Грейдон, вы рог слышали? Дьявольски странный рог! Откуда-то сверху.

Грейдон кивнул. Он понимал, что должен рассказать о происшествии, чтобы они сумели подготовиться к обороне. Но как много им рассказать?

Рассказать о красоте Суарры, о ее золотых украшениях и копьях из золота с изумрудными наконечниками? Повторить им, что она говорила о сокровищах Атахуальпы?

Если он это сделает, больше с ними говорить нельзя. От алчности они сойдут с ума. Но что-то он все же должен рассказать: им нужно готовиться, потому что на рассвете на них нападут.

А о девушке они скоро узнают от Старрета.

Он услышал восклицание вошедшего в палатку Данкре, слышал, как он выходит; поднял голову и взглянул на маленького жилистого француза.

— Что со Старретом? — спросил Данкре. — Вначале я подумал, он пьян. Но потом увидел царапины, как от дикой кошки, и шишку размером с апельсин. Что вы с ним сделали?

Грейдон принял решение и был готов отвечать.

— Данкре, — сказал он, — Сомс, мы в трудном положении. Меньше часа назад я вернулся с охоты и увидел Старрета, державшего девушку. Это плохо — здесь, хуже быть не может, вы оба это знаете. Пришлось ударить Старрета, прежде чем я смог освободить девушку. Ее соплеменники нападут, вероятно, утром. Уходить нет смысла. Мы эту дикую местность не знаем. Для встречи с ними это место не хуже остальных. Проведем ночь в подготовке, чтобы встретить их как следует, если придется.

— Девушка? — спросил Данкре. — Как она выглядит? Откуда она и как она убежала?

Грейдон решил ответить на последний вопрос.

— Я отпустил ее.

— Отпустили! — выпалил Сомс. — Какого дьявола вы это сделали? Почему не связали ее? Мы могли бы использовать ее как заложника, Грейдон, смогли бы поторговаться с этой сворой индейцев, если они придут.

— Она не индианка, Сомс, — сказал Грейдон и замялся.

— Белая? Испанка? — недоверчиво вмешался Данкре.

— Нет, и не испанка. Но белая. Да, белая, как и мы. Не знаю, кто она.

Двое смотрели на него, потом посмотрели друг на друга.

— Очень интересно, — наконец проворчал Сомс. — Но все же я хотел бы знать, почему вы отпустили ее — кем бы она ни была?

— Потому что решил, что так лучше. — Грейдон сам начал сердиться. — Говорю вам, мы столкнулись с чем-то, чего никто из нас не знает. И у нас только один шанс выбраться из этой заварухи. Если бы я задержал ее, у нас и этого шанса не было бы.

Данкре наклонился и подобрал с земли что-то блеснувшее желтым.

— Забавно, Сомс, — сказал он. — Взгляните-ка!

Он протянул сверкающий предмет. Золотой браслет. Сомс повернул его, разглядывая; сверкнули изумруды. Несомненно, он упал с руки Суарры, когда она боролась со Старретом.

— Что вам дала девушка, Грейдон, чтобы вы ее отпустили? — выплюнул Данкре. — Что она вам рассказала?

Рука Сомса потянулась к пистолету.

— Она ничего не дала мне. Я ничего не взял, — ответил Грейдон.

— Я думаю, вы проклятый лгун, — злобно сказал Данкре. — Разбудим Старрета, — он повернулся к Сомсу. — Разбудим его поскорее. Думаю, он нам кое-что расскажет, qui. Девушка, которая носит такое — и он ее отпустил! Отпустил, зная, что нам нужно, за чем мы пришли сюда! Забавно, Сомс, верно? Пошли, послушаем, что расскажет Старрет.

Грейдон смотрел, как они входят в палатку. Скоро вышел Сомс, направился к ручейку, журчавшему среди деревьев, вернулся с водой.

Что ж, пусть разбудят Старрета; пусть он им расскажет, что сможет. Сегодня ночью они его не убьют, в этом он был уверен. Они считают, что он слишком много знает. А утром...

Что их всех ждет утром?

Грейдон был уверен, что уже сейчас они пленники. Суарра совершенно определенно предупредила, чтобы они не покидали пределы лагеря. После ее исчезновения и тишины, наступившей вслед за взрывом

звуков рога, Грейдон не сомневался, что они находятся во власти какой-то силы, огромной и загадочной.

Тишина? Неожиданно ему пришло в голову, что ночь необычно тиха. Ни звука насекомых или птиц, ни шорохов, какие бывают слышны в дикой местности после заката.

Лагерь осажден тишиной!

Он пошел в сторону через algarrobas. Их было около двух десятков, этих деревьев. Они, как остров, возвышались среди поросшей травой саванны. Большие деревья, все без исключения, и растут со странной регулярностью. Как будто выросли не случайно, как будто их кто-то посадил.

Грейдон дошел до последнего дерева, положил руку ему на ствол, похожий на мириады маленьких корней, образовавших единое целое. Присмотрелся. Склон, уходивший от него вниз, был залит лунным светом; желтые цветы кустов chilka, начинавшиеся у самого ствола, слабо блестели в серебряном свете. Доносился слабый аромат quenuar. Никаких признаков жизни, никакого движения...

И все же...

Пространство, казалось, было заполнено наблюдателями. Он чувствовал на себе их взгляды. Какое-то невидимое войско окружило лагерь. Он осмотрел каждый куст и каждую тень — и ничего не увидел. Уверенность в скрытом, невидимом множестве сохранялась. По всему телу Грейдона прошла волна нервной дрожи. Кто бы они ни были, он заставит их показаться.

Он смело вышел на открытое, освещенное луной место.

Тишина мгновенно усилилась. Казалось, она напряглась, стала выше на целую октаву. Стала напряженной, ожидающей — как будто приготовилась прыгнуть на него, если он сделает еще один шаг.

Его охватил холод, он вздрогнул. Быстро вернулся в тень деревьев, постоял там; бешено билось сердце. Тишина утратила свою пронзительность, снова села на корточки — продолжала наблюдать.

Что его испугало? Что в этом напряжении тишины коснулось его ночным кошмаром? Он ощупью двинулся назад, шаг за шагом, не решаясь отвернуться от тишины. Вот и костер. Страх оставил его.

Реакцией на страх стала опрометчивая безрассудность. Он бросил полено в костер и рассмеялся, когда искры взлетели вверх, в листву. Сомс, вышедший из палатки за новой порцией воды, услышал его смех и злобно посмотрел на него.

— Смейтесь, — сказал он. — Смейтесь, пока можете. Может, по-другому будете смеяться, когда мы поднимем Старрета и он расскажет нам, что произошло.

— Ну, во всяком случае я его хорошо уложил поспать, — усмехнулся Грейдон.

— Можно уложить и получше. Не забывайте, — из палатки донесся голос Данкре, холодный и угрожающий.

Грейдон повернулся спиной к палатке, невольно наслаждаясь тишиной, от которой только что бежал. Уселся поудобнее и вскоре задремал.

Проснулся он сразу. На полпути между ним и палаткой на него летел, как сумасшедший, с ревом, Старрет.

Грейдон вскочил, но прежде чем он смог подготовиться к защите, гигант уже обрушился на него. В следующее мгновение Грейдон уже лежал, придавленный весом противника. Огромный авантюрист прижал его к земле и рвался к горлу.

— Отпустил ее! — ревел он. — Свалил меня с ног и потом отпустил ее! Вот тебе, будь ты проклят!

Грейдон пытался разорвать его хватку, освободить горло. Он задыхался; в ушах шумело, перед глазами заплясали красные пятна. Старрет душил его. Угасающим взором он увидел две темные фигуры, наклонившиеся к нему и отрывающие руки Старрета.

Пальцы разжались. Грейдон с трудом встал. В десяти шагах от него стоял Старрет. Данкре, ухватив его за ноги, вцепился, как маленький терьер. Рядом стоял Сомс, прижав к животу Старрета пистолет.

— Почему вы не дали мне его убить! — ревел Старрет. — Разве я не сказал вам, что на девчонке было столько зеленого льда, что нам хватило бы до конца жизни? И мы бы еще больше добыли. А он отпустил ее! Отпустил, этот...

И потоком полились проклятия.

— Слушайте, Старрет, — голос Сомса звучал размеренно. — Успокойтесь, или я с вами покончу. Мы, я и Данкре, не позволим, чтобы добыча ушла от нас. Мы не позволим этому лживому ублюдку провести нас, но мы не позволим и вам испортить нам игру. Мы натолкнулись на что-то очень большое. Прекрасно, мы на этом должны поживиться. Мы посидим спокойненько, а мистер Грейдон расскажет нам подробно, что произошло после того, как он уложил вас, о чем он договорился с девчонкой и все прочее. Если он не согласится на это добровольно, тогда мистеру Грейдону придется испытать кое-что, и он все-таки заговорит. Вот и все. Данк, отпустите его ноги. Старрет, если будете еще буйствовать, я вас пристрелю. Отныне я босс — я и Данк. Поняли, Старрет?

Грейдон, с прояснившейся головой, осторожно пощупал кобуру. Она была пуста. Сомс сардонически улыбнулся.

— Мы его забрали, Грейдон, — сказал он. — И у вас тоже, Старрет. Очень честно. Теперь все садитесь.

Он присел у костра, все еще держа Старрета на прицеле. Через несколько мгновений Старрет с ворчанием присоединился к нему. Рядом опустился Данкре.

— Идите сюда, Грейдон, — сказал Сомс. — Идите сюда и выкладывайте. Что вы от нас утаили? Договорились о свидании с ней, когда избавитесь от нас? Если так, где встреча? пойдем все вместе.

— Куда вы спрятали золотые копья? — проворчал Старрет. — С ними вы не могли ее отпустить.

— Заткнитесь, Старрет, — приказал Сомс. — Я веду допрос. Но — в этом что-то есть. Что, Грейдон? Она отдала вам копья и драгоценности, чтобы вы ее отпустили?

— Я уже сказал вам, — ответил Грейдон. — Я у нее ничего не просил и ничего не взял. Пьяная глупость Старрета всех нас поставила в опасное положение. Отпустить девушку — это первый необходимый шаг к нашей безопасности. Я думал, что так сделать лучше всего. И до сих пор так считаю.

— Да? — усмехнулся сухощавый уроженец Новой Англии. — Вы так считаете? Вот что, Грейдон, если бы это была индианка, я бы с вами согласился. Но не такая леди, как описал ее Старрет. Нет, сэр, это неестественно. Вы прекрасно знаете, что вам следовало задержать ее до прихода моего и Данка. И мы тогда вместе решили бы, что лучше сделать. Держать ее, пока ее люди не придут и не заплатят выкуп. Или дать ей третью степень, пока она не расскажет все о золоте и откуда она и все остальное. Вот что вам следовало сделать, Грейдон, — если бы вы не были грязной, лживой, предательской собакой.

Грейдон почувствовал, как его охватывает гнев.

— Ладно, Сомс, — сказал он. — Я вам расскажу. То, что я говорил — об освобождении ее ради нашей безопасности — правда. Но, помимо этого, я точно так же не отдал бы ребенка стае гиен, как эту девушку вам троим. Я отпустил ее ради нее самой, а не ради нас. Теперь вы довольны?

— Ага! — усмехнулся Данкре. — Понятно! Появляется незнакомка исключительной красоты и богатства. Она слишком хороша и чиста, чтобы мы могли ее созерцать. Он говорит ей об этом и просит ее бежать. «Мой герой! — говорит она. — Возьми все, что у меня есть, и отдай этим плохим людям». — «Нет, нет, — говорит он, думая все время, что если он правильно разыграет карты, то получит гораздо больше и от нас избавится, чтобы ни с кем не делиться, — нет, нет, — говорит он. — Но пока эти плохие люди остаются здесь, ты не будешь в безопасности». — «Мой герой, — говорит она, — я пойду и приведу свою семью, и она избавит нас от дурного общества. А тебя наградят, мой герой, qui!» Ага, значит, так оно и было!

Грейдон вспыхнул. Злобная пародия француза оказалась близка к правде. В конце концов непрошеное обещание Суарры спасти его можно было истолковать и так, как это сделал Данкре. Если он скажет им, что намерен разделить их судьбу и быть с ними, что бы их ни ждало, они ему не поверят.

Сомс внимательно следил за ним.

— Клянусь Богом, Данк, — сказал он, — вы угадали. Он изменился в лице. Он нас продал.

Он поднял пистолет, прицелился в Грейдона — и опустил.

— Нет, — сказал он размеренно. — Слишком большая добыча, чтобы рисковать выстрелом. Если ваша догадка верна, Данк, а я думаю, она верна, леди очень благодарна. Ладно, мы упустили ее, но у нас есть он. Как я думаю, будучи благодарной, она не захочет, чтобы его убили. Она вернется. Что ж, поторгуемся и получим, что нам нужно. Свяжите его.

Он ткнул пистолетом в сторону Грейдона. Не сопротивляясь, Грейдон позволил Старрету и Данкре связать себе руки. Они подвели его к дереву и посадили спиной к стволу. Пропустили под мышками веревку и прочно привязали ее сзади ствола. Потом связали ноги.

— Теперь, — сказал Сомс, — когда утром появится ее банда, мы им покажем вас и выясним, сколько, по их мнению, вы стоите. Торопиться не будем. Будут переговоры. Ну, а если не договоримся, — что же, Грейдон, первая пуля вам в кишки. Это даст вам возможность перед смертью посмотреть, что мы сделаем с ней.

Грейдон не ответил. Он знал, что не сможет отговорить их. Он устроился как можно удобнее и закрыл глаза. Раз или два открывал их и смотрел на своих спутников. Они сидели у костра, шептались, лица у них были напряжены, в глазах лихорадочно блестела алчность.

Через некоторое время голова Грейдона опустилась на грудь. Он уснул.

3. БЕЛАЯ ЛАМА

Грейдон проснулся на рассвете.

Ночью кто-то укрыл его одеялом, но он тем не менее замерз, и тело у него затекло. Он с болью пошевелил ногами, пытаясь разогнать застоявшуюся кровь. Услышал, как шевелятся в палатке. Интересно, кто из них подумал об одеяле и почему была проявлена такая доброта.

Старрет приподнял клапан палатки, молча прошел мимо и направился к ручью. Вернувшись, он занялся костром. Время от времени он поглядывал на пленника, очевидно, без гнева или негодования. Наконец он приблизился к палатке, прислушался и осторожно подошел к Грейдону.

— Простите, — прошептал он, — но я ничего не мог поделать с Сомсом и Данкре. С трудом удалось уговорить их дать вам одеяло. Попейте.

Он прижал фляжку к губам Грейдона. Тот сделал большой глоток; почувствовал приятное тепло.

— Шш-ш! — предупредил Старрет. — Не сердитесь. Я вчера был пьян. Я вам помогу, если... — он внезапно замолчал; опять занялся костром. Из палатки вышел Сомс.

— Я вам дам последний шанс, Грейдон, — начал он без всяких предисловий. — Расскажите нам о своем договоре с девушкой, и мы примем вас обратно, работать будем вместе и добычу разделим поровну. Я вас не виню во вчерашнем: вы поступали, как лучше для вас. Но теперь нас трое против одного, и совершенно очевидно, что одному с добычей вам не уйти. Почему бы вам не поступить разумно?

— Какой смысл начинать все заново, Сомс? — устало спросил Грейдон. — Я рассказал вам все. Если вы умны, развяжите меня, дайте мне оружие, и я буду сражаться рядом с вами, когда потребуется. А сражаться потребуется, и очень скоро.

— Да! — рявкнул уроженец Новой Англии. — Пытаетесь запугать нас, а? А маленький трюк знаете? Загоняют клин под ногти, толкают его все глубже и глубже. Все начинают говорить. А есть еще хитрая штука с костром. Ваши ноги приближают к огню, ближе, и ближе, и ближе. Да, всякий заговорит, когда его пальцы начинают хрустеть и поджариваться.

Неожиданно он наклонился и принюхался к губам Грейдона.

— Вот оно что?! — Он посмотрел на Старрета и вытащил пистолет. — Вы ему дали выпить? Поговорили с ним? А ведь ночью мы договорились, что разговаривать с ним буду только я. Ладно, вы сами этого хотели, Старрет. Данкре! Данк! Сюда, быстрее! — закричал он.

Из палатки выбежал француз.

— Свяжите его, — Сомс кивком указал на Старрета. — Еще один предатель в лагере. Дал ему выпить. Сговаривался с ним, пока мы были в палатке. Свяжите его.

— Но, Сомс, — француз колебался, — если придется сражаться, плохо, что половина беспомощна, поп. Может, Старрет ничего и не сделал...

— Если придется сражаться, двое справятся там, где трое, — ответил Сомс. — Я не выпущу добычу из рук, Данк. И не думаю, что придется сражаться. Если они придут, просто поторгуемся. Старрет тоже оказался предателем. Свяжите его, говорю вам.

— Ну, мне это не нравится... — начал Данкре; Сомс сделал нетерпеливое движение пистолетом; маленький француз вернулся в палатку, вышел оттуда с веревкой и направился к Старрету.

— Руки вверх! — приказал Сомс. Старрет поднял руки. Но при этом он схватил Данкре, поднял его, как куклу, и держал между собой и сухощавым уроженцем Новой Англии.

— Теперь стреляй, черт побери! — крикнул он и двинулся на Сомса, защищаясь извивающимся телом Данкре. Правой рукой он нащупал пояс француза, вытащил оттуда его пистолет и через плечо Данкре направил оружие на Сомса.

— Бросай оружие, янки, — победно улыбнулся Старрет. — Или стреляй, если хочешь. Но прежде, чем пристрелишь Данкре, я тебя сам пристрелю.

Наступило недолгое зловещее молчание — оно было прервано неожиданным звуком маленьких золотых рогов.

Их звуки разогнали мрак убийства, нависший над лагерем, осветили его, рассеяли, как солнце рассеивает тьму. Хватка Старрета ослабла.

Из-за деревьев в сотне ярдов от них вышла Суарра.

С головы и до стройных ног ее покрывал зеленый плащ. В волосах блестела изогнутая полоска изумрудов. Золотые браслеты, усаженные драгоценными камнями, украшали ее руки и ноги. За ней спокойно шла снежно-белая лама. На шею животного был надет широкий золотой воротник, с которого свисали многочисленные цепочки с маленькими золотыми колокольчиками. По бокам ламы висели корзины, сплетенные, казалось, из сверкающих желтых нитей.

И никакого войска вокруг нее. Она не привела с собой ни мстителей, ни палачей. Рядом с ламой шел единственный сопровождающий девушки, в просторном красно-желтом балахоне, с капюшоном, совершенно закрывавшим его лицо. Единственным его оружием был длинный зеленый посох. Этот человек был сгорблен и шел, словно приплясывая, и приволакивал ноги, он делал несколько маленьких шагов вперед, потом шаг назад, и все вместе создавало впечатление, что под балахоном не человек, а какая-то большая птица. Они подошли ближе, и Грейдон увидел, что рука, сжимающая посох, тонкая и бледная, ее цвет выдает древний-древний возраст владельца.

Испытывая ужас, Грейдон попытался освободить руки. Зачем она вернулась — да еще так? Без охраны? С одним сопровождающим, да и тот старик? И вся в золоте и драгоценностях! Ведь он предупредил ее; она должна понимать, что ей угрожает. Как будто она пришла в таком виде сознательно — чтобы раздуть алчность, которой ей больше всего следует опасаться.

— Diable! — прошептал Данкре. — Изумруды!

— Боже, что за девушка! — выдохнул Старрет, его толстые ноздри раздувались, в глазах сверкнул красный огонь.

Сомс ничего не сказал, первоначальное удивление, появившееся на его лице, сменилось недоумением и подозрительностью. Он молчал, пока девушка и ее сопровождающий не подошли совсем близко. Но сомнение в его взгляде усиливалось, он смотрел на тропу, по которой они пришли, осматривал каждое дерево, каждый куст. Ни следа движения, ни звука.

— Суарра! — в отчаянии воскликнул Грейдон. — Суарра, зачем ты вернулась?

Она подошла к нему и вытащила из-под одежды кинжал. Перере-

зала веревку, привязывавшую его к дереву. Просунула лезвие под веревку, связывавшую его ноги; освободила его. Он с трудом встал.

— Разве плохо, что я пришла? — невинно спросила она.

Прежде чем он смог ответить, выступил вперед Сомс. И Грейдон понял, что Сомс принял какое-то решение, выбрал способ действий. Он низко, неуклюже, насмешливо поклонился девушке, потом заговорил с Грейдоном.

— Прекрасно, — сказал он, — можете быть свободным, пока поступаете так, как я хочу. Девушка вернулась, и это главное. Похоже, вы ей нравитесь, Грейдон; я думаю, это поможет нам убедить ее ответить на наши вопросы. Да, сэр, и она вам нравится. Это очень полезно. Думаю, вы не захотите связанным смотреть, что можно с ней сделать, а? — насмехался он. — Но если вы хотите, чтобы все прошло мирно, вы должны сделать одну вещь. Не разговаривайте с ней, когда меня нет поблизости. Помните, я знаю аймарский не хуже вас. И хочу быть все время рядом и слушать, понятно? Вот и все.

Он повернулся к Суарре.

— Твое посещение принесло нам счастье, девушка, — заговорил он на аймарском. — И если будет по-нашему, ты у нас останешься надолго — а я думаю, все будет по-нашему, — в этой фразе звучала скрытая угроза, но девушка, по-видимому, не обратила на это внимания. — Ты нам незнакома, как и мы тебе. Мы многое можем узнать друг о друге.

— Это верно, — спокойно ответила она. — Но, кажется, твое желание узнать обо мне гораздо сильнее, чем мое — о вас. Как ты, несомненно, знаешь, один не очень приятный урок я уже получила, — и она взглянула на Старрета.

— Урок будет приятным — или неприятным, по твоему выбору, — на этот раз угроза в словах Сомса звучала открыто. Но Суарра на этот раз среагировала. В глазах ее сверкнул гнев.

— Не стоит угрожать! — предупредила она. — Я, Суарра, не привыкла к угрозам — и послушайся моего совета, держи их при себе в дальнейшем!

— Неужели? — Сомс сделал к ней шаг, лицо его стало неприятно угрюмым. Со стороны фигуры в красно-желтом послышалось сухое щелканье. Суарра вздрогнула; гнев ее исчез, она опять заговорила подружески.

— Я поторопилась, — сказала она Сомсу. — Все равно неразумно угрожать тому, чью силу ты не знаешь. Помни: обо мне ты ничего не знаешь. А я знаю все, что хочешь узнать ты. Ты хочешь знать, откуда у меня это... и это... и это... — она коснулась ленты в волосах, браслетов на руках и ногах. — Ты хочешь знать, откуда все это, есть ли там еще, и если есть, то не можешь ли ты этим завладеть. Что ж, все это ты узнаешь. Я пришла, чтобы рассказать вам все.

При этом заявлении, таком откровенном и прямом, все подозрения и сомнения вернулись к Сомсу. Снова он суженными глазами осмотрел тропу, по которой пришла Суарра.

— Сомс, — Данкре схватил его за руку, и рука, и голос его дрожали, — корзины на ламе! Это не солома, это золото, чистое золото, чистое мягкое золото, сплетенное, как солома! Diable! Сомс, с чем мы встретились!

Глаза Сомса сверкнули.

— Сходи-ка взгляни, откуда они пришли, Данк, — ответил он. — Не понимаю. Слишком уж легко получается. Возьми ружье и выгляни из-за деревьев, а я пока постараюсь понять, чего она хочет.

— Бояться нечего, — сказала девушка, как будто поняла его слова, — от меня вам не будет никакого вреда. Если вас ждет зло, вы сами его призовете — не мы. Я пришла, чтобы показать вам путь к сокровищам. Только для этого. Идемте со мной, и я приведу вас в место, где такие камни, — она коснулась изумрудов, вплетенных в волосы, — растут, как цветы в саду. Вы увидите, как живое золото стремится от... — тут она запнулась; потом продолжала, как бы повторяя заученный урок: — стремится вперед, как вода. Вы можете купаться в этом ручье, пить из него, если захотите, унести с собой, сколько сможете. Или, если вам трудно будет с ним расстаться, можете оставаться навсегда. Можете даже стать его частью. Люди из золота.

Она отвернулась от них и пошла к ламе.

Они посмотрели ей вслед и друг на друга: на лицах троих — алчность и подозрительность, на лице Грейдона — недоумение.

— Путь долог, — она повернулась к ним, положив руку на голову ламы. — Вы мои гости — в некотором смысле. Поэтому я принесла кое-что, чтобы развлечь вас перед началом пути.

Она начала распаковывать корзины. Грейдон подумал, что ее сопровождает странный слуга — если вообще он слуга. Он не подумал ей помочь. Стоял молча и неподвижно, с закрытым лицом.

Грейдон подошел, чтобы помочь девушке. Она улыбнулась ему, чуть смущенно. В ее глазах светилось дружелюбие; руки его устремились к ее рукам.

И тут же рядом оказался Сомс.

— Помните, что я вам сказал! — выпалил он.

— Помоги мне, — сказала Суарра. Грейдон снял корзину и поставил ее на землю. Девушка отстегнула застежку, откинула крышку и извлекла серебристый пакет. Развернула, встряхнула на ветру — на землю легла тонкая серебряная ткань, будто паутина, сплетенная серебряными пауками.

Затем Суарра достала из корзины четыре золотые чаши, четыре глубоких, в форме лодок, золотых блюда, два высоких кувшина, ручками которым служили извивающиеся змеи. Чешуйки змей, казалось, бы-

ли сделаны из расплавленных рубинов. Потом последовали маленькие золотые корзиночки. Девушка поставила на серебряную ткань чаши, блюда и кувшины и начала раскрывать корзиночки. В них оказались незнакомые ароматные фрукты, хлеб и странно раскрашенное печенье. Все это Суарра положила на блюда. Потом опустилась на колени, открыла крышку одного из кувшинов и налила в чаши чистое янтарное вино.

Она взглянула на них, грациозно взмахнула белой рукой.

— Садитесь. Ешьте и пейте.

Она поманила Грейдона, указала на место рядом с собой. Молча, не отрывая взглядов от сверкающих сокровищ, Старрет, Данкре и Сомс тоже присели. Сомс протянул руку, взял одну из чашек, взвесил ее, разлив вино на скатерть.

— Золото! — выдохнул он.

Старрет безумно расхохотался и поднес к губам золотую чашу с вином.

— Подождите! — Данкре схватил его за руку. — «Ешьте и пейте», так она сказала? Ешьте, пейте и веселитесь, потому что завтра вы умрете. А, не так?

Сомс вздрогнул, взгляд его опять стал подозрительным.

— Вы думаете, оно отравлено? — выпалил он.

— Может, нет, а может, да, — пожал плечами маленький француз. — Во всяком случае, я считаю, что лучше сказать: «После вас».

Девушка посмотрела на них, потом — вопросительно — на Грейдона.

— Они боятся. Думают, что это... что ты... — Грейдон запнулся.

— Что я положила в это сон... или смерть? А ты? — спросила она.

Вместо ответа Грейдон поднес к губам чашу и отпил.

— Но ведь это естественно, — она повернулась к Сомсу. — Да, естественно, что вы боитесь этого, потому что именно так вы бы поступили на моем месте. Разве не так? Но вы ошибаетесь. Еще раз говорю вам, что вам следует бояться только того, что в вас самих.

Она налила вино в свою чашу и выпила; отломила кусок хлеба от порции Старрета и съела; взяла печенье с блюда Данкре и его съела; белыми зубами прикусила один из фруктов.

— Вы удовлетворены? — спросила она. — О, будьте уверены, что если бы я пожелала вам смерти, то не в такой форме.

Несколько мгновений Сомс смотрел на нее. Потом вскочил, подошел к фигуре в капюшоне и отдернул капюшон. Открывшееся лицо было подобно старой слоновой кости. Оно все было изрезано глубокими морщинами. Лицо невероятно древнее — но глаза столь же яркие и молодые, сколь древне их окружение.

Эти глаза непроницаемо смотрели на Сомса. Тот несколько секунд глядел в лицо старика. Потом медленно опустил капюшон. Вернулся к серебряной скатерти. Грейдон заметил, что вся краска сбежала у Сомса

с лица. Он опустился на свое место, жадно отпил вина, и рука, державшая золотой кубок, дрожала.

Он пил и пил, и скоро вино разогнало испытанный им ужас. Опустел кувшин, затем другой, прежде чем Сомс неуверенно встал.

— Ты права, сестра, — полупьяно сказал он. — Всегда обращайся с нами так, и мы будем приятелями.

— Что он сказал? — спросила Суарра у Грейдона.

— Он одобряет твое... обращение, — сухо ответил Грейдон.

— Хорошо. — Суарра тоже встала. — Тогда идем.

— Идем, идем, сестра, не бойся, — улыбнулся Сомс. — Данк, оставайтесь здесь и присматривайте. Пошли, Билл, — он хлопнул Старрета по спине. — Все отлично. Идемте, Грейдон, — что было, то быльем поросло.

Старрет с трудом встал. Обнявшись с уроженцем Новой Англии, они пошли в палатку. Данкре, на которого, казалось, вино не действовало, сел на камень и начал свою вахту, держа ружье наготове.

Грейдон задержался. Сомс забыл о нем, по крайней мере на время. И Грейдон решил воспользоваться возможностью и поговорить с этой странной девушкой, чья красота и свежесть тронули его, как не трогала ни одна женщина. Он придвинулся ближе, и его поразил аромат ее волос; прикоснулся к ее плечу — его будто обожгло.

— Суарра... — начал он. Она обернулась и приложила палец к губам, заставив его замолчать.

— Не сейчас... — прошептала она. — Не сейчас... не говори, что у тебя на сердце... не сейчас... и, может, никогда. Я пообещала, что спасу тебя... если смогу. Но это обещание вызвало другое... — и она взглянула на молчаливую фигуру в капюшоне. — Поэтому не разговаривай со мной, — торопливо продолжала она, — или если должен — говори лишь об обычных вещах.

Она начала упаковывать золотые чаши и блюда. Он принялся помогать ей. С печалью он думал, что это достаточно обычно, чтобы удовлетворить ее. Она без комментариев приняла его помощь и больше на него не смотрела.

Когда последняя блестящая чаша оказалась в корзине, Грейдон пошел в палатку, чтобы собрать свои вещи и навьючить на ослика. Он услышал голоса Старрета и Сомса.

— Но она не индианка, Сомс, — говорил Старрет. — Она белее вас и меня. Кто они? А девушка — Боже!

— Узнаем, кто они, — ответил Сомс. — К дьяволу девчонку — берите ее себе, если хотите. Но я пройду через десяток адов, чтобы добраться до места, откуда она взяла образцы. Слушайте, с тем, что мы смогли бы унести на ослах и ламе, — да с этим мы весь мир купим!

— Да, если только нас не ждет ловушка, — с сомнением ответил Старрет.

— У нас на руках все карты,—действие вина кончалось.—Кто против нас? Старик и девушка. Я скажу вам, что я думаю. Не знаю, кто они или откуда, но бьюсь об заклад, их немного. Иначе мы бы уже почувствовали. Нет, они ужасно хотят, чтобы мы ушли. Хотят избавиться от нас, быстро и дешево, если возможно. Да, вот чего они хотят. Да они прекрасно понимают, что мы втроем легко с ними справимся.

— Втроем? — переспросил Старрет. — Вчетвером. Еще Грейдон.

— Грейдон не в счет — ублюдок! Думал нас продать! Ладно, когда придет время, мы посчитаемся с мистером Грейдоном. Пока что он нам полезен — из-за девчонки. Он ей нравится. Но когда придет время делить добычу — нас будет только трое. Или двое — если вы еще раз поступите так, как сегодня утром.

— Кончайте, Сомс, — проворчал Старрет. — Я вам говорил, что это все выпивка. Но я с ней покончил — как увидел все это золото. Я с вами до конца. Поступайте с Грейдоном, как хотите. Но я хочу — девушку. Хочу договориться с вами: пусть это будет моя часть добычи.

— О, дьявол! — протянул Сомс. — Билл, мы с вами знакомы много лет. Там достаточно на троих. Девушку возьмете впридачу.

Перед глазами Грейдона плясали красные пятна. Но он безоружен. Что он может сделать? Нужно каким-то образом раздобыть оружие. И опасность не близка: они ничего не станут предпринимать, пока не доберутся до сокровищ, обещанных Суаррой.

Он отошел на десяток шагов, несколько секунд подождал, потом шумно пошел к палатке. Откинул клапан и вошел.

— Не скоро же вы пришли, — рявкнул Сомс. — Разговаривали? Я ведь предупреждал!

— Ни слова! — жизнерадостно солгал Грейдон и занялся своими вещами. — Кстати, Сомс, не думаете ли, что пора прекратить этот вздор и вернуть мне оружие?

Сомс не ответил.

— Ладно, — сказал Грейдон. — Я только подумал, что в трудном положении мне бы оно пригодилось. Но если хотите, чтобы я смотрел со стороны, пока вы будете ссориться, — я не возражаю.

— Лучше бы вам возразить, — ответил Сомс. — Если дойдет до трудного положения, я не хочу рисковать получить пулю в спину. Поэтому вы не получите оружия. И если трудное положение придет — никаких неожиданностей с вашей стороны. Вы меня поняли?

Грейдон пожал плечами. Молча они закончили укладываться, свернули палатку, нагрузили осликов.

Суарра стояла рядом с ламой, ожидая. Сомс подошел к ней, вытащил из кобуры пистолет, взвесил его в руке.

— Знаешь, что это? — спросил он.

— Да, — ответила она. — Это ваше смертоносное оружие.

— Верно, — согласился Сомс. — Оно приносит смерть быстро, быстрее копий и стрел... — Он заговорил громче, чтобы его услышал и молчаливый сопровождающий. — У меня и у двух остальных есть это оружие и другое, еще более смертоносное. А у этого человека мы оружие отобрали. Твои слова могут быть чистой правдой. Надеюсь, что это так — ради тебя, и этого человека, и твоего сопровождающего. Ты меня поняла? — и он улыбнулся, как голодный волк.

— Поняла. — Глаза и лицо Суарры были спокойны. — Тебе нечего бояться нас.

— Мы и не боимся, — сказал Сомс. — А вот тебе есть чего бояться.

Еще мгновение он рассматривал ее угрожающе, затем сунул пистолет в кобуру.

— Ты пойдешь первой, — приказал он. — Твой человек за тобой. Потом он, — он указал на Грейдона, — а мы трое в тылу — и смертоносное оружие наготове.

В таком порядке они миновали гигантские algarrobas и вышли в открытую местность, удивительно напоминавшую парк.

4. БЕГЛЕЦ

Примерно час они шли по саванне, затем Суарра свернула налево, и они вошли в лес, росший у подножия большой горы. Кроны деревьев сомкнулись над ними.

Раз или два Грейдон оглянулся на шедших сзади. Темнота заставляла их все больше и больше беспокоиться. Они теперь шли ближе, оглядываясь и напряженно стараясь заметить первое же движение или признак засады. И вот, когда зеленый полумрак еще больше сгустился, Сомс приказал Грейдону присоединиться к ним. Грейдон увидел смертельную угрозу в глазах уроженца Новой Англии, понял бесполезность сопротивления и отступил. Сомс прошел вперед, пока не оказался вплотную за фигурой в капюшоне. Данкре, улыбаясь, поставил Грейдона между собой и Старретом.

— Сомс изменил свой план, — прошептал он. — Если встретим засаду, он застрелит старого дьявола — быстро. А девчонку сохранит, чтобы поторговаться с ее людьми. А вас — чтобы поторговаться с девчонкой. Как вам это нравится, а?

Грейдон не ответил. Когда француз чуть прижался к нему, Грейдон ощутил в его боковом кармане пистолет. Если начнется нападение, он сможет прыгнуть на Данкре, выхватить этот пистолет и тем самым получит возможность побороться. Он застрелит Сомса так же безжалостно, как — он знал это — Сомс застрелил бы его.

Лес становился все темнее, пока фигуры впереди не превратились в движущиеся пятна. Потом посветлело. Они шли по какому-то ущелью, нависшие стены которого теперь отступили.

Еще несколько минут — и впереди показался огромный вход, щель, стены которой уходили вверх на тысячи футов. За ней все было залито солнцем. Суарра с предупреждающим жестом остановилась на пороге этого входа, присмотрелась и знаком позвала их за собой.

Мигая, Грейдон прошел через портал. Он увидел обширную, покрытую травой равнину, усеянную большими одиночными камнями, похожими на менгиры друидов. Деревьев не было. Равнина по форме напоминала блюдо; огромный овал, такой правильный, будто его выдавил палец циклопического гончара. Прямо впереди, на расстоянии более трех миль, снова начинался лес. Он рос у подножия другой гигантской горы, поднимавшейся в высоту по крайней мере на милю. Гладкая стена образовывала арку гигантского круга, правильного, как священный конус Фудзиямы, но во много раз большего в диаметре.

Они стояли на широком выступе, шедшем вдоль всей чаши. Этот выступ находился на сто футов выше дна долины, и от нее к нему поднималась наклонная стена, как в чашке. Продолжая аналогию с блюдом, выступ образовывал окружность, похожую на край этого блюда. Грейдон решил, что если упасть с этого выступа, назад не подняться из-за нависшей вогнутой стены. Сам выступ имел примерно двенадцать футов в ширину и скорее напоминал дорогу, высеченную человеком, чем природное образование. Итак, по одну сторону чаша долины с ее странными одинокими монолитами, по другую — круглая стена, непреодолимая даже для альпинистов.

Они двинулись по выступу. Наступил полдень, и в еще одной расселине, открывшейся в стене, они торопливо перекусили. Времени на распаковку багажа не тратили. В расселине протекал небольшой ручей, они наполнили фляжки, напоили животных. На этот раз Суарра не присоединилась к ним.

Во второй половине дня они приблизились к северному краю чаши. И весь день круглая гора разворачивала свою огромную дугу. Поднялся ветер; он дул от далекого леса и сгибал вершины высокой травы внизу.

Неожиданно ветер донес до Грейдона далекие звуки — резкое шипение, похожее на шум множества змей. Девушка остановилась, обернувшись лицом в сторону звука. Он послышался снова — на этот раз громче. Лицо Суарры побледнело, но голос ее прозвучал спокойно:

— Там опасность, — сказала она. — Смертельная опасность для вас. Она может миновать — а может и нет. Пока не узнаем, чего нам ждать, вы должны спрятаться. Возьмите своих животных и стреножьте их здесь,—она указала на кустарники, росшие у скалы, которая в этом

месте оказалась расколотой, — вы четверо тоже спрячьтесь. Завяжите животным рты, чтобы они не могли производить шум.

— Вот как! — выпалил Сомс. — Это ловушка! Ладно, сестра, ты помнишь, что я тебе говорил. Мы пойдем в заросли, но — возьмем тебя с собой и не оставим тебя ни на минуту.

— Я пойду с вами, — серьезно ответила она.

Сомс посмотрел на нее и резко отвернулся.

— Данк, Старрет, — приказал он, — возьмите ослов. Грейдон, оставайтесь с ослами и следите, чтобы они не шумели. Мы рядом — с оружием. И с нами девушка — не забывайте об этом.

Снова ветер донес резкое шипение.

— Быстрее, — приказала девушка.

Когда деревья и кустарники сомкнулись вокруг них, Грейдону пришло в голову, что закутанный в плащ спутник Суарры не стал прятаться в скалах. Грейдон осторожно развел ветви и выглянул: на выступе никого не было.

Неожиданный порыв ветра наклонил деревья. Он принес с собой взрыв шипения, более близкого и резкого, и сердце Грейдона наполнилось непривычным ужасом.

Не далее полумили от них из зарослей выбежало какое-то ярко-алое существо. Оно побежало по равнине к основанию одного из монолитов. Вскарабкалось на его вершину. Тут оно остановилось, очевидно, осматривая лес, из которого вышло. У Грейдона сложилось представление об огромном насекомом, в котором нечто невероятно напоминало человека.

Алое существо спустилось с монолита и по траве побежало по направлению к ним. Из леса вылетела стая — на первый взгляд, больших охотничьих собак. Присмотревшись, Грейдон понял, что это вовсе не собаки. Они прыгали, как кенгуру, и при этом сверкали зеленым и голубым, будто были защищены кольчугами из изумрудов и сапфиров. Да и языков таких у собак не бывает. Эти животные издавали свист.

Алое существо бросилось в отчаянии направо, налево. Затем неподвижно скорчилось у основания другого монолита.

Из-за деревьев показалась новая чудовищная фигура. Как и животные, она блестела, но так, будто ее бока были покрыты полированным черным янтарем. У нее было тело гигантской ломовой лошади. Длинная змеиная шея. И у основания этой шеи боком сидел человек.

Грейдон осторожно поднял полевой бинокль и посмотрел на свору. В поле его зрения оказалось одно животное. Оно остановилось, как охотничья собака, в стойке.

Это был динозавр!

Размером с датского дога, и тем не менее ошибиться было невозможно. Грейдон видел его тупой, лопатообразной формы хвост, который вместе с мощными, похожими на столбы задними лапами образо-

вывал треножник, на котором сидело животное. Тело его держалось почти вертикально. Мускулистые короткие передние лапы прижаты к груди, готовые схватить. Лапы кончаются четырьмя длинными когтями в форме резцов, один из когтей торчит вперед, как большой палец.

А то, что показалось сапфирами и изумрудами, на самом деле оказалось чешуей. Чешуя покрывала тело динозавра, как у броненосца. От краев чешуек отражалось солнце.

Существо повернуло голову на короткой толстой шее. Казалось, оно смотрит прямо на Грейдона. Он увидел злобные красные глаза, посаженные на наклонном костистом лбу. Рыло было похоже на морду крокодила, только короче и более тупое. Челюсти усажены желтыми заостренными клыками.

Всадник подъехал ближе. Он тоже сидел верхом на динозавре. У этого динозавра чешуя была черной, хвост длиннее, змеиная шея толще, чем центральное кольцо большого питона.

Всадник — человек племени Суарры. Та же бледность кожи, похожей на слоновую кость, та же классическая правильность черт лица. Но на лице — выражение высокомерия и жестокости. На нем облегающий зеленый костюм, сидящий, как перчатка, волосы сияют золотом. Он сидел на легком седле, прикрепленном к боку шеи его верхового животного. Тяжелая узда тянулась к пасти маленькой змеиной головы динозавра.

Грейдон выронил бинокль из дрожащей руки. Что это за люди, которые приучили динозавров исполнять роли охотничьих собак и лошадей!

Он взглянул на монолит, у основания которого сидело алое существо. Но его там уже не было. Он уловил движение алого пятна в траве не более чем в тысяче футов.

Послышался свист, как от тысячи кипящих фумарол. Стая взяла след, она устремилась вперед, как зелено-синяя волна прибоя.

Алое существо выскочило из травы. Оно раскачивалось на четырех длинных ходулеобразных ногах, голова находилась на высоте в двенадцать футов. Высоко на ходулях располагалось тело, почти круглое и небольшое, как тело ребенка. По бокам две мускулистые руки, похожие на человеческие, но вдвое длиннее. Тело, руки и ноги покрыты алой шерстью. Лица, повернутого в сторону преследователей, Грейдон не видел.

Свора устремилась к существу. Оно, как молния, метнулось к краю чаши.

Грейдон слышал под собой торопливое царапанье и скрежет. На краю выступа показались серые ладони, цеплявшиеся длинными, не менее фута, пальцами за камни. Дальше виднелись длинные, покрытые алой шерстью руки.

Из-за края выглянуло лицо, серое, как и ладони. На нем два круглых немигающих золотых глаза.

Лицо человека — и в то же время нечеловеческое!

Лицо, которое не доводилось видеть никому... и все же лицо разумного существа... невероятное сходство с человеческим лежало на нем, как вуаль.

Грейдону показалось, что в воздухе мелькнул красный жезл и коснулся этого лица — красный жезл закутанного спутника Суарры. Показалось ему или нет, но пальцы разжались. Лицо исчезло.

Снизу донесся болезненный вопль и торжествующее шипение. Потом в поле зрения Грейдона опять оказался черный динозавр со своим кричащим золотоволосым всадником. За ними неслась свора. Преследуя изумрудно-сапфировую молнию, они пронеслись по равнине. И исчезли в лесу.

Суарра вышла из-за деревьев, трое авантюристов, бледные и дрожащие, — за ней. Она смотрела туда, где исчезли динозавры, лицо ее было печально, глаза полны отвращения.

— Суарра! — выдохнул Грейдон. — Суарра! Это существо... которое бежало... что это? Боже, у него человеческое лицо!

— Это не человек, — она покачала головой. — Это — ткач. Он, видимо, захотел сбежать. А может, Лантлу спровоцировал его на бегство, дал ему такую возможность. Лантлу любит охотиться с ксинли, — голос ее задрожал от ненависти, — а ткач для такой охоты подходит лучше всего!

— Ткач? Но у него человеческое лицо! — Это Сомс повторил слова Грейдона.

— Нет, — повторила она. — Это не человек. Во всяком случае не такой человек, как вы. Давным-давно его предки были такими же людьми, как вы, — это верно. Но теперь он — всего лишь ткач.

Она повернулась к Грейдону.

— Ю-атланчи своим искусством создали его и ему подобных. Помни о нем, Грейдон, когда наше путешествие подойдет к концу!

Она снова вышла на дорогу. Здесь стояла фигура в плаще, ожидая терпеливо, ни разу не пошевелившись. Девушка подозвала белую ламу и опять заняла свое место во главе каравана. Сомс коснулся плеча Грейдона, прервав тревожные мысли, которые вызвало загадочное предупреждение Суарры.

— Займите свое место, Грейдон, — прошептал он. — Мы пойдем следом. Позже я поговорю с вами. Может, вы сможете получить свое оружие — если поведете себя разумно.

— Торопитесь, — сказала Суарра, — солнце садится, и мы должны идти быстрее. До завтрашнего полудня вы увидите свой сад с драгоценностями и с живым струящимся золотом, с которым сможете делать, что захотите, — или золото будет делать с вами, что захочет.

Она с легкой насмешкой взглянула на троих. Губы Сомса напряглись.

— Двигай вперед, сестренка, — сардонически ответил он. — Все, что ты должна сделать, это показать нам. И твоя роль сыграна. А уж мы позаботимся об остальном.

Она беззаботно пожала плечами. Они снова двинулись по выступу на скале.

Равнина внизу была молчалива и пуста. Из далекого леса не доносилось ни звука. Грейдон пытался найти разумное объяснение увиденному. Ткач — так назвала Суарра алое существо. И сказала, что его предки были людьми, такими же, как они сами. Он вспомнил, как при первой встрече она говорила ему о силе этих загадочных ю-атланчи. Неужели она имела в виду, что люди так овладели тайнами эволюции, что смогли повернуть ее в обратную сторону? Смогли контролировать — деволюцию!

А почему бы и нет? На своем долгом пути от первобытного существа в мелких водах самых первых морей человек сменил мириады форм. И как бы далеко он ни продвинулся от одной формы к другой, став позвоночным, сменив холодную кровь на теплую, он все равно родственник пойманной сегодня рыбе, пернатому существу, чьими перьями украсили себя его женщины, обезьянам, которых он для забавы и изучения привел из джунглей. Даже паук, плетущий свою сеть в его саду, скорпион, убежавший из-под его ноги, — даже они его отдаленные кровные родственники.

Когда Франциск Ассизский говорил о братце мухе, братце волке и братце змее, он высказал научную истину.

У жизни на Земле общее происхождение. Разошедшиеся, сменившие, подобно Протею, множество форм, все же человек и зверь, рыба и змея, ящерица и птица, муравей, пчела и паук — все они происходят от одного-единственного комочка первичного желе, которое плавало когда-то в мелководье первобытного океана. Грегори из Эдинбурга назвал его протобионтом — первое живое вещество на планете, от которого произошли все формы жизни.

А может, все формы, которые сменил человек на своем пути вверх, таятся скрытно в нем?

Руо, великий французский ученый, взял икринки лягушки и, подвергая их различным воздействиям, получил гигантских и карликовых лягушек, лягушек с двумя головами и одним телом, с одной головой, но восемью лапами, трехголовых лягушек с лапами, многочисленными, как у многоножки. И он получил из этой икры существа, которые вообще не напоминали лягушек.

Русский Ворников и немец Шварц экспериментировали с более высокими формами жизни и произвели химер — кошмарные существа, которых вынуждены были уничтожить — и немедленно.

Если Руо и другие проделали все это — а они это проделали, Грейдон знал, — разве невозможно, чтобы еще более великие ученые не разбудили спящие в человеке жизненные формы и произвели существа, подобные этому алому? Человек-паук!

Сама природа намекает на возможность этого. Природа время от времени производит уродов — людей с отчетливыми признаками животных, внутренними и даже внешними приметами зверя, рыбы или ракообразного. Дети с жаберными щелями на горле; дети с хвостами; дети, поросшие шерстью. Зародыш человека проходит через все стадии от первобытной протоплазмы, сжав весь процесс эволюции в менее чем год.

Может, для живущих в Ю-Атланчи тигель, формирующий жизнь, не содержит никаких тайн? Они черпают в нем любые формы, какие захотят.

Ткацкий станок — мертвая машина, и пальцы человека справляются с ним неуклюже. Паук — одновременно и станок, и ремесленник, он действует увереннее и изысканнее, чем любая машина, управляемая человеком. Человек-машина вполне может соперничать с изяществом и тонкостью паутины.

Перед Грейдоном мелькнуло видение мира, полного гротескными, чудовищными существами: люди-пауки ткут огромные ткани своими иглообразными пальцами, люди-кроты прорывают для своих создателей подземные ходы, люди-амфибии работают под водой — фантасмагория человечества, еще во чреве искусно сплетенного с машинами.

Дрожа, он постарался уйти от этого кошмарного видения.

5. ТРУБЫ ЭЛЬФОВ

Солнце уже было на полпути к закату, когда они подошли к концу овальной равнины. Здесь от противоположной скалы отходил выступ, почти смыкавшийся с той стеной, по которой они двигались. Они углубились в узкий проход и в полутьме шли по ровной поверхности скалы; тропа шла вверх, хотя и не круто. Солнце скрылось за западными вершинами, и спускалась тьма, когда они вышли из прохода.

Они стояли на краю небольшого болота. Слева от них продолжалась изогнутая скала. Место скорее походило не на болото, а на равнину с избытком влаги. Она была покрыта чистым белым песком. Повсюду виднелись круглые холмы, будто сглаженные ветром. На склонах этих холмов росла редкая жесткая трава. Холмы, высотой в сто футов, располагались со странной регулярностью, как могильные насыпи на кладбище гигантов. Вся эта пустошь занимала около пяти акров. Ее окружал лес. Грейдон слышал журчание ручья.

Суарра провела их по песку, пока они не добрались до центрального холма.

— Здесь вы переночуете, — сказала она. — Вода рядом. Можете разжечь костер, спите без страха. На рассвете мы пойдем дальше.

Вместе со своим спутником в плаще она перешла на ближайший холм. Белая лама пошла за ней. Грейдон ожидал, что Сомс остановит ее, но он этого не сделал. Напротив, он сделал какой-то знак Старрету и Данкре. Грейдону показалось, что они довольны отсутствием девушки в их лагере, что они приветствовали разделявшее их расстояние.

И их обращение с ним изменилось. Они опять вели себя по-товарищески.

— Не напоите ли животных? — спросил Сомс. — А мы пока разведем костер и приготовим ужин.

Грейдон кивнул и отвел осликов к ручью. Они напились, и, ведя их назад, Грейдон посмотрел на холм, куда ушла Суарра. У его подножия стояла маленькая квадратная палатка, блестевшая, как шелковая. Рядом паслась стреноженная лама. Корзины, сплетенные из золотых стеблей, висели у нее по бокам. Ни Суарры, ни ее спутника не было видно. Вероятно, они были в палатке.

На их холме трещал костер, ужин уже был готов. Когда Грейдон подошел, Старрет ткнул пальцем в маленькую палатку.

— Достала ее из корзины, — сказал он. — Похоже на сложенный зонтик, и раскрывается так же. Кто бы мог подумать, что здесь, в дикой местности, встретится такое?

— Там в корзинах еще много такого, что нам не мешает посмотреть, — прошептал Данкре.

— Еще бы, — согласился Сомс. — Того, что мы уже видели, нам хватило бы на всю жизнь. А, Грейдон?

— Она пообещала гораздо больше, — ответил Грейдон, встревоженный этим намеком янки.

— Да, — согласился Сомс, — да, вы правы. Ну, ладно, давайте есть.

Они вчетвером сели у костра, как сидели много раз до его схватки со Старретом. И, к удивлению Грейдона, они ни словом не упомянули о трагедии на равнине, избегали упоминаний о ней, быстро сменяли тему, когда Грейдон дважды, чтобы убедиться, вспомнил о ней. Они говорили только о сокровищах и о том, что можно будет сделать с ними, когда они вернутся в свой мир. Предмет за предметом обсуждали то, что видели в корзинах Суарры; обсуждали драгоценности Суарры и их цену. Как будто нарочно старались заразить его своей алчностью.

— Дьявол! Да с одними этими изумрудами нам не о чем беспокоиться! — раз за разом повторял Старрет в разных вариантах.

Грейдон слушал с растущей тревогой. Что-то крылось за этим уклонением от разговора об алом существе и преследовавших его динозаврах, в этих постоянных упоминаниях о добыче, находящейся рядом, о том, что принесет им эта добыча.

И вдруг он понял, что они боятся, что с алчностью в них борется страх перед неизвестным. И поэтому они вдвойне опасны. Что-то скрывается в сознании этих троих, а разговоры о сокровищах — только предисловие.

Наконец Сомс взглянул на часы.

— Почти восемь, — неожиданно сказал он. — Светает в пять. Пора поговорить начистоту. Грейдон, садитесь ближе.

Они прижались друг к другу под укрытием холма. Отсюда палатка Суарры не видна, но и их не видят наблюдатели из этого шелкового павильона.

— Грейдон, — начал уроженец Новой Англии, — мы приняли кое-какие решения. Поступим иначе. Мы рады забыть прошлое. Здесь нас четверо белых против Бог его знает чего. Белые должны держаться вместе. Разве не так?

Грейдон выжидательно кивнул.

— Ну, хорошо, — сказал Сомс. — Вот какова ситуация. Не отрицаю, что виденное сегодня вызывает дрожь. У нас нет снаряжения, чтобы противостоять этой своре шипящих дьяволов. Но ведь мы можем вернуться с достаточным снаряжением. Вы поняли?

Грейдон снова кивнул, готовясь к встрече с тем, чего он ожидал.

— На этой ламе и на девушке достаточно ценностей для нас всех, — продолжал Сомс. — Тем более достаточно для снаряжения небольшой экспедиции за сокровищами. И вот что мы намерены сделать, Грейдон. Взять корзины со всем их содержимым. Снять драгоценности с девчонки. Уйти, а потом вернуться. Отберем небольшой отряд надежных парней. Мы, четверо, возьмем половину найденного, другую половину отдадим остальным. Эти шипящие дьяволы не устоят против пулемета или нескольких бомб, сброшенных с самолета. А когда дым рассеется, мы соберем добычу, вернемся и будем сидеть на самом верху. Что скажете?

Грейдон пытался выиграть время.

— А как вы возьмете вещи сейчас? — спросил он. — И если возьмете, как сможете уйти с ними?

— Легко, — Сомс придвинулся ближе. — Мы все обдумали. В палатке только девчонка и старик. Они не следят за нами, мы уверены. Ладно, если вы с нами, мы все обделаем. Данкре и Старрет займутся стариком. Никакой стрельбы. Только нож в ребра. Мы с вами занимаемся девушкой. Мы ей не повредим. Только свяжем и заткнем рот. Упакуем вещи и уйдем.

— Куда уйдем? — спросил Грейдон. Он придвинулся к Данкре, готовый выхватить его пистолет.

— Уйдем, черт побери! — сказал Сомс. — Мы со Старретом приметили вершину на западе, которую видели на пути сюда. Как только доберемся до нее, я буду знать, где мы. Идя налегке и всю ночь, к

утру мы будем уже далеко отсюда. Лес не густой, и сейчас полнолуние.

Грейдон осторожно протянул руку и коснулся кармана Данкре. Пистолет все еще там. Но прежде чем сделать отчаянную попытку, он попытается обратиться к их страху.

— Вы забыли об одном, Сомс, — сказал он. — Нас будут преследовать. Что мы сможем поделать, если по нашему следу пустят этих чудовищ? Да они нас тут же догонят. Мы не сможем уйти от них.

И тут же он понял слабость своего аргумента.

— Вовсе нет, — злобно улыбнулся Сомс. — В том-то и дело. Никто не беспокоится об этой девушке. Никто не знает, где она, и она не хочет, чтобы кто-нибудь знал об этом. Она очень старалась, чтобы ее не увидели сегодня днем. Нет, Грейдон, я думаю, она сбежала от своих, чтобы помочь вам выбраться. Снимаю шляпу перед вами — вы работаете быстро, и она у вас на крючке. Единственный, кто может поднять тревогу, это старый дьявол. Он получит нож, прежде чем поймет что-нибудь. И останется только девушка. Она будет рада показать нам путь, если мы опять заблудимся. Но, говорю вам, мы со Старретом узнали эту вершину. Мы возьмем девчонку с собой, чтобы она не позвала на помощь, а когда выберемся на знакомую дорогу, отпустим ее. Пусть идет домой. Вот и все, верно, парни?

Старрет и Данкре кивнули.

Грейдон сделал вид, что обдумывает их предложение. Он точно знал, что задумал Сомс: воспользоваться им в том хладнокровном убийстве, которое они втроем задумали, и когда они будут уверены, что оторвались от преследователей, покончить, конечно, и с ним. И Суарре они не позволят вернуться. Она будет убита — после того, как ее отдадут Старрету.

— Давайте, Грейдон, — нетерпеливо сказал Сомс. — План хорош, он сработает. Вы с нами? Если нет...

В руке его блеснул нож. Одновременно Старрет и Данкре придвинулись. Их движение дало Грейдону шанс. Он сунул руку в карман француза, вытащил пистолет и одновременно пнул Старрета в пах. Великан со стоном упал. Грейдон вскочил на ноги. Но прежде чем он сумел направить оружие на Сомса, Данкре схватил его за ноги, и он упал.

— Суарра! — падая, закричал Грейдон. Может, его крик разбудит ее, предупредит. Вторично крикнуть он не смог. Костлявые руки Сомса сжали ему горло.

Он попытался вырваться. Руки Сомса слегка подались, и Грейдон смог вдохнуть. Он мгновенно оставил руки Сомса, схватил его за угол рта и потянул изо всей силы. Сомс издал крик и выпустил горло Грейдона. Грейдон попытался встать, но рука тощего янки ухватила его.

— Ножом его, Данк! — рявкнул Сомс.

Грейдон неожиданно дернулся, уронив на себя Сомса. И вовремя: мелькнуло лезвие Данкре, лишь ненамного миновав Грейдона. Сомс сжал Грейдона ногами, стараясь придвинуть его под удар ножа француза. Грейдон впился зубами в прижимавшее его плечо. Сомс заревел от боли и гнева, забился, пытаясь вырваться. Вокруг них приплясывал Данкре, выбирая возможность для удара.

Послышался рев Старрета:

— Лама! Она убегает! Лама!

Невольно Грейдон разжал зубы. Сомс отскочил, Грейдон тоже, повернувшись плечом навстречу удару, которого ожидал от Данкре.

— Смотрите, Сомс, смотрите! — кричал маленький француз, указывая. — Она убегает! Боже! Со всем золотом! С драгоценностями!

Сияла полная луна, и в ее свете белые пески напоминали озера, среди которых возвышались холмы-острова. Белая лама, блестя золотыми корзинами, бежала по этому озеру в ста ярдах от них в сторону той щели, через которую они прошли.

— Остановите ее! — закричал Сомс, забыв обо всем остальном. — За ней, Старрет! Сюда, Данк! Я загоню ее к вам!

Они побежали по сверкающей пустоши. Лама повернула в сторону одного из холмов и поднялась на его вершину.

— Окружайте! Мы ее возьмем! — кричал Сомс. Втроем они побежали на холм, на котором спокойно стояло белое животное. С трех сторон они начали подниматься на холм.

Как только они начали подъем, в воздухе прозвучала сочная густая нота — рог эльфов, который слышал Грейдон в первый день появления Суарры. Ему ответили другие. Все на одной ноте. И вот ответный хор устремился к холму с ламой, повис над ним и опустился, как покрывало из крылатых звуков.

Грейдон видел, как Старрет пошатнулся, будто от невидимого удара, замахал руками, защищаясь от незримых нападающих. Несколько мгновений великан стоял так, яростно отбиваясь. Потом упал и покатился вниз, на песок. Звуки эльфьих труб отлетели от него и сконцентрировались на Сомсе. Тот опустился на четвереньки и упрямо полз вверх по холму. Одной рукой он защищал лицо.

От чего?

Грейдон видел лишь пустой холм, стоящую на нем в лунном свете ламу, Старрета у подножия холма и Сомса почти на его вершине. Данкре находился на противоположной стороне и не был виден.

Трубы теперь звучали громче, как во время большой охоты. То, что производило звуки, оставалось невидимым и не отбрасывало теней в лунном свете. Но Грейдон слышал шум, словно от множества крыльев.

Сомс добрался до плоской вершины холма. Лама нагнула голову,

разглядывая его. Он перебрался через край и протянул руку, чтобы схватить ее за узду, но животное отскочило на противоположный край и начало спускаться на песок.

Звуки над Сомсом не стихали. Грейдон видел, как Сомс корчится, защищает лицо, будто от ударов. Невидимые нападающие не запугали его. Он скатился с холма вслед за ламой. Старрет поднялся, раскачиваясь, как пьяный.

Звуки рогов замолкли, как свечи, задутые неожиданным порывом. Из-за холма выбежал Данкре. Втроем они постояли, споря и жестикулируя. Одежда их была изорвана; когда Сомс повернулся и свет луны упал ему на лицо, Грейдон увидел, что оно все в крови.

Лама медленно шла по песку, как будто приглашала своих преследователей. Странно, но она то виднелась отчетливо, то становилась какой-то разреженной, почти прозрачной. Когда она появлялась вновь, как будто сгущались лунные лучи, завивались, свивались, образуя форму животного. Лама расплывалась и возникала вновь, как ткань на ткацком станке, сотканная из искривленных лучей.

Рука Старрета легла на рукоять оружия. Прежде чем он смог его поднять, Сомс перехватил его руку. Он что-то сказал гневно, безапелляционно. Грейдон понял, что он говорит Старрету об опасности пистолетного выстрела, требует тишины.

Они разошлись: Старрет и Данкре слева и справа от ламы, Сомс осторожно приближался сзади, чтобы не спугнуть животное и не обратить его в бегство. Но, услышав их шаги, лама неторопливо поскакала в сторону другого холма.

На мгновение Грейдону показалось, что он видит на вершине холма фигуру в пестром одеянии с капюшоном; красный жезл поднят и указывает на ламу. Грейдон всмотрелся внимательнее и решил, что зрение подвело его: вершина холма пуста. Лама легко поднялась на нее. Как и раньше, Сомс и остальные двое окружили ее. Они стали подниматься.

И немедленно снова прозвучал рог — угрожающе. Трое заколебались, приостановились. Потом Старрет соскользнул вниз на несколько шагов, поднял пистолет и выстрелил. Белая лама упала.

— Дурак! Проклятый дурак! — застонал Грейдон.

Молчание, последовавшее за выстрелом, было нарушено бурей звуков. Эльфьи трубы обрушились на троих. Данкре закричал и побежал к лагерю, отбиваясь на ходу. На полпути он упал и лежал неподвижно. Сомс и Старрет тоже отбивались, наносили удары по воздуху, увертывались. В трубных звуках слышалась смертельная угроза.

Старрет опустился на колени, встал и пошел, пошатываясь. Снова упал недалеко от Данкре и лежал так же неподвижно. Последним упал, отбиваясь, Сомс. Теперь все трое неподвижно лежали на песке.

Грейдон сбросил оцепенение и прыгнул вперед. И тут же почувствовал прикосновение к плечу. Тело его онемело. С трудом повернул он голову. За ним стояла фигура в пестром. Красный жезл отнял у Грейдона способность двигаться, точно так же, как он парализовал человека-паука и послал его в челюсти динозавров.

Красный жезл нацелился на три тела. Немедленно, как по команде, звуки труб поднялись высоко в воздух — и стихли. На вершине холма белая лама с трудом поднялась на ноги. По ее серебряному боку пролегла алая лента — след пули Старрета. Лама, хромая, начала спускаться.

Проходя мимо Сомса, она толкнула его носом. Голова уроженца Новой Англии поднялась. Он попытался подняться и снова упал. Лама снова толкнула его носом. Сомс встал на четвереньки; не отрывая взгляда от золотых корзин, он пополз за ламой.

Белая лама продолжала медленно, напряженно идти. Подошла к Старрету и толкнула его, как Сомса. Большая голова Старрета приподнялась, он попытался встать, упал и, как Сомс, пополз за животным.

Белая лама остановилась возле Данкре. Он пошевелился и тоже двинулся на четвереньках.

И вот по залитым луной пескам к лагерю двинулась процессия. Впереди хромое животное, из его раненого бока капала кровь. Сзади ползком трое мужчин, не отрывающих глаз от золотых корзин, с раскрытыми ртами, как рыбы, выброшенные на берег.

Лама дошла до костра и пошла дальше. Ползущие продолжали движение. Фигура в пестром опустила жезл.

Ползущие немедленно остановились. Они упали неподвижно, как будто их покинула жизнь.

Странный паралич оставил Грейдона так же неожиданно, как начался: мышцы его расслабились, вернулась возможность движений. Мимо него к ламе пробежала Суарра, стала гладить животное, пыталась остановить кровь.

Грейдон склонился над тремя спутниками. Они тяжело дышали, глаза их были полузакрыты и обращены внутрь, так что виднелись только края зрачков. Одежда изорвана в клочья. На лицах, на груди, на спинах сотни маленьких ранок, сделанных будто острым шилом. Некоторые кровоточили, но на большинстве кровь уже свернулась.

Грейдон удивленно рассматривал их. Конечно, раны болезненны, но никак не могут объяснить их состояние. Трое не потеряли столько крови, чтобы потерять и сознание: не тронуты ни артерии, ни крупные вены.

Он взял ведро и принес воды из ручья. Вернувшись, он увидел, что Суарра отвела ламу к своей палатке. Он пошел туда, снял золотые корзины и осмотрел рану. Пуля попала в левый бок, но не затронула кости. Грейдон извлек пулю, промыл рану и перевязал полоской

шелка, которую дала ему девушка. Он ничего не говорил, она тоже молчала.

Он набрал в ручье еще воды и пошел в свой лагерь. Заметил, что фигура в капюшоне присоединилась к девушке. Почувствовал, проходя, на себе взгляд старика. Расстелил одеяла, втащил на них Сомса, Данкре и Старрета. Оцепенение их прошло, они как будто спокойно спали. Он смыл с их лиц и тел кровь, смазал йодом самые глубокие ранки. При этом они не шевельнулись.

Грейдон укрыл их одеялами, отошел к костру и лег на белый песок. Его охватили тяжелые предчувствия, ощущение нависшего рока. Борясь с депрессией, отнимавшей у него мужество, он услышал легкие шаги: рядом с ним присела Суарра. Он накрыл ладонью ее руку. Она коснулась его плечом, ее облачные волосы ласкали его щеку.

— Это последняя ночь, Грейдон, — с дрожью сказала она. — Последняя ночь! Поэтому я немного могу поговорить с тобой.

Он ничего не ответил, только взглянул на нее и улыбнулся. Она правильно поняла его улыбку.

— Но я говорю правду, Грейдон, — сказала она. — Я пообещала. Сказала, что спасу тебя, если смогу. Я пошла к Матери и попросила ее помочь тебе. Она смеялась — вначале. Но потом увидела, что для меня это серьезно, и стала ласковой. Наконец она пообещала мне, как женщина женщине — а Мать, несмотря ни на что, все-таки женщина, — она пообещала мне, что в том, что в ее силах, она поможет тебе, когда ты будешь стоять перед Ликом и...

— Перед Ликом, Суарра? — прервал он.

— Лик в бездне! — сказала она и вздрогнула. — Я больше ничего не могу тебе сказать. Ты... должен предстать перед ним. Ты... и остальные трое. И, о Грейдон, ты не должен позволить ему завладеть тобой... ты не должен...

Она вытащила руку из-под его ладони, сжала ее в кулак. Он привлек ее к себе. На мгновение она прижалась к его груди.

— Мать пообещала, — сказала она, — и я начала надеяться. Но она поставила условие, Грейдон: если с ее помощью ты устоишь перед Ликом, ты должен будешь немедленно уйти из Запретной земли и никому не рассказывать о ней за ее пределами. Я пообещала за тебя, Грейдон. И поэтому... — она запнулась, — поэтому это последняя ночь.

Сердце его отвергало такой исход. Но он молчал, и немного погодя она задумчиво сказала:

— Тебя любили многие девушки... или ты любил многих... в твоей земле, Грейдон?

— Ни одной, Суарра, — ответил он.

— Я верю тебе, — просто сказала она, — и ушла бы с тобой, если бы могла. Но я не могу. Мать любит меня и верит мне. И я люблю ее, очень люблю. Я не могу оставить ее даже ради...

Неожиданно она вырвала руку, сжала ее в кулак и ударила себя в грудь.

— Я устала от Ю-Атланчи! Устала от ее древней мудрости и от ее бессмертных жителей! Я хочу уйти в новый мир, где есть дети, много детей, где есть детский смех, и жизнь проходит быстро, страстно... пусть она открывает Дверь Смерти при этом! Потому что в Ю-Атланчи закрыта не только Дверь Смерти, но и Дверь Жизни. Здесь мало детей и совсем нет детского смеха.

Он поймал ее за руку и начал успокаивать.

— Суарра, — сказал он, — я иду в потемках, и твои слова не дают мне света. Расскажи мне, кто твой народ.

— Это древний народ, — ответила она. — Самый древний. Много веков назад он пришел с юга, где жил также бесчисленные века. Однажды земля покачнулась и раскололась. Наступил великий холод, опустилась тьма, начались ледяные бури. Многие умерли. Те, что выжили, уплыли на север на своих кораблях, увезя с собой остатки Змеиного народа, который научил мой народ мудрости. А Мать — последняя из Змеиного народа. Они остановились здесь. Тогда море было близко, а горы еще не родились. Эту землю населяли стада ксинли. Эти ксинли были большие, гораздо больше теперешних. Мой народ большую часть их уничтожил, а тех, что остались, приручил и вывел новые породы для своих нужд. И вот долгие века мой народ жил здесь, как когда-то жил на юге, там, где теперь над дворцами толстый лед. Потом начались землетрясения, начали расти горы. Мудрость моего народа была недостаточна, чтобы помешать горам расти, но он мог контролировать их рост вокруг своего города. Горы поднимались медленно, постоянно, целые века. И наконец окружили Ю-Атланчи стеной — стеной, которую преодолеть невозможно. Но мой народ не расстраивался; наоборот, даже обрадовался. Потому что к этому времени Властители и Мать закрыли Дверь Смерти. И моему народу стало все равно, что делается в остальном мире. Так он и жил — еще множество веков.

Она снова смолкла, размышляя. Грейдон смотрел на нее, пытаясь скрыть свое недоверие. Народ, победивший смерть! Народ, настолько древний, что его города лежат подо льдом Антарктиды! Ну, города подо льдом — это возможно. Несомненно, Южный полярный континент когда-то грелся под ласковым солнцем. Доказательство — окаменелые остатки пальм и других растений, которые могут жить только в тропическом климате. И также несомненно, что современные полюса не всегда находились на теперешнем месте. Наука не пришла к выводу, произошло ли изменение полюсов внезапно или постепенно. Но оно произошло, и не менее миллиона лет назад. И если рассказ Суарры правдив, значит происхождение человека теряется в невероятной древности.

И все же... это возможно... существует много загадок, легенд об утраченных землях и забытых цивилизациях, которые на чем-то должны основываться... земля Му, Атлантида, неведомая раса, правившая Азией из Гоби, когда там была не сухая пустыня, а зеленый рай... да, возможно. Но чтобы они победили смерть? Нет! В это он не поверит.

Он заговорил с раздражением, рожденным сомнением:

— Если твой народ так мудр, почему он не правит миром?

— А зачем ему это? — в свою очередь спросила она. — Если бы они это сделали, то превратили бы весь мир в подобие Ю-Атланчи — как наш мир сегодня повторяет древнюю Ю-Атланчи. Их теперь очень немного. Разве я не сказала, что когда закрылись Двери Смерти, одновременно закрылись и Двери Жизни? Правда, всегда находились смельчаки, рисковавшие открыть эти двери, — среди них мои отец и мать. Но их так мало, так мало! Нет, у них нет никакой причины переходить барьер. Все, что им нужно, все, чего они хотят, тут. Есть и еще одна причина. Они победили сон. Во сне они создают свой мир, и в нем они живут; если хотят, проживают жизнь за жизнью. В своих снах они создают один мир за другим — и каждый для них так же реален, как этот для тебя. И вот — проходят года, а они живут во сне. Зачем им уходить во внешний мир, если они здесь могут создавать мириады миров по своей воле?

— Суарра, — неожиданно спросил он, — а почему ты хочешь спасти меня?

— Потому что, — медленно прошептала она, — потому что ты заставляешь меня чувствовать то, что я никогда не чувствовала. Потому что ты делаешь меня счастливой — потому что делаешь меня печальной! Я хочу быть рядом с тобой. Когда ты уйдешь, мир потемнеет...

— Суарра! — воскликнул он и привлек ее к себе. Она не сопротивлялась. Губы их соединились.

— Я вернусь, — прошептал он. — Я вернусь, Суарра.

— Возвращайся! — Ее нежные руки теснее обхватили его шею. — Возвращайся ко мне, Грейдон!

Она оттолкнула его от себя, вскочила на ноги.

— Нет! Нет! Нет, Грейдон, это просто слабость! Нет, для тебя здесь смерть!

— Клянусь Богом, — ответил он, — я вернусь к тебе!

Она дрожала; наклонилась, прижалась к его губам губами, выскользнула из его рук и побежала к своей палатке. На мгновение остановилась — протянула к нему тоскующие руки; исчезла в палатке. Издалека, казалось, донесся ее голос:

— Вернись! Вернись ко мне!

6. ЛИК В БЕЗДНЕ

Белые пески пустоши потускнели в первых лучах рассвета. С вершин дул холодный ветер. Грейдон подошел к своим троим спутникам и отдернул одеяла. Дышат нормально, как будто спокойно спят, ранки затянулись. И все же они похожи на мертвых, синевато-серые, бледные, как пески, над которыми занимался рассвет. Грейдон вздрогнул, но не от холода.

Он вытащил пистолет, убедился, что тот заряжен, и сунул себе за пояс. Затем разрядил остальное оружие. Какая бы опасность их ни поджидала, он был уверен, что против нее огнестрельное оружие бессильно. А быть во власти своих спутников он больше не хотел.

Он вернулся к костру, сварил кофе, приготовил завтрак и подошел к спящим. Сомс застонал и сел. Он непонимающе посмотрел на Грейдона, потом встал. Осмотрелся. Увидел золотые корзины возле палатки Суарры. Его тусклые глаза блеснули, хитрое выражение появилось на лице.

— Идемте, Сомс, выпейте кофе, — Грейдон коснулся его руки.

Сомс с рычанием повернулся, рука его легла на рукоять пистолета. Грейдон отступил, нащупав в кармане свое оружие. Но Сомс потерял к нему интерес. Он опять смотрел на корзины, сверкающие в лучах восходящего солнца. Он толкнул ногой Старрета, и тот с ворчанием сел. Это движение разбудило Данкре.

Сомс указал на корзины и пошел к палатке, держа в руке бесполезное оружие. Старрет и Данкре — следом за ним. Грейдон тоже пошел. Кто-то коснулся его плеча. Рядом стояла Суарра.

— Пусть поступают, как хотят, Грейдон, — сказала она. — Они безвредны — сейчас. И никто не может помочь им.

Они молча смотрели, как Сомс откинул клапан палатки и вошел туда. Через мгновение он вышел, и они втроем принялись вытаскивать золотые колышки. Сомс скатал палатку вместе с колышками и сунул в одну из корзин. Потом они пошли в лагерь, Старрет и Данкре тащили корзины.

Когда они проходили мимо Грейдона, он пришел в ужас. Что-то человеческое покинуло их, его место заняло нечто нечеловеческое. Они шли не как люди, а как автоматы. Ни на него, ни на девушку не обратили внимания. Глаза у них были пустые, и смотрели они только на корзины с золотом. Дойдя до лагеря, они навьючили корзины на осликов.

— Пора идти, Грейдон, — сказала Суарра. — Властитель Глупости теряет терпение.

Он посмотрел на нее, потом рассмеялся, решив, что она шутит. Она поглядела на фигуру в пестром костюме.

— Почему ты смеешься? — спросила она. — Вон он стоит, ожидая нас, Властитель Тиддо, Властитель Глупости, единственный из властителей, не покинувший Ю-Атланчи. Мать не отпустила меня сюда без него.

Он посмотрел на нее внимательней: конечно, она смеется. Но глаза ее оставались серьезными.

— Преклоняюсь перед мудростью Матери, — мрачно сказал он. — Лучшего сопровождающего она не могла бы найти. Для всех нас.

Она вспыхнула, взяла его за руку.

— Ты сердишься, Грейдон. Почему?

Он не ответил. Она вздохнула и молча отошла.

Он подошел к троим. Они стояли у костра, молча и неподвижно. Он вздрогнул: они были так похожи на мертвых, ожидающих какого-то ужасного приказа. Ему стало их жаль.

Он налил кофе и сунул чашку в руку Сомса. То же самое сделал со Старретом и Данкре. Осторожно, неуверенно они поднесли чашки к губам, выпили горячую жидкость. Он дал им пищи, они жадно съели ее. Но при этом взгляды их не отрывались от корзин с золотом. Грейдон не мог больше этого выносить.

— Идем! — сказал он Суарре. — Ради Бога, идем!

Он дал в руки троим ружья. Они взяли их так же механически, как брали кофе и еду.

Теперь впереди пошел загадочный спутник Суарры, ослики за ним.

— Пошли, Сомс, — сказал Грейдон. — Пошли, Старрет. Пора идти, Данкре.

Послушно, не отрывая взглядов от корзин, они пошли вслед за осликами: слева тощий янки, гигант Старрет в центре, маленький француз справа. Они шли, как марионетки. Грейдон пошел за ними.

Они пересекли белые пески и двинулись по тропе, вьющейся между тесно растущими гигантскими деревьями. Примерно с час шли они по тропе. И неожиданно тропа кончилась на широкой каменной платформе. Перед ними возвышались две горы. Их вертикальные стены уходили на тысячи футов вверх. Между ними виднелась узкая щель, постепенно расширявшаяся. Платформа служила подступом к этой щели.

Тот, кого Суарра назвала Властителем Глупости, пошел по платформе, за ним Суарра. За ней трое, как манекены. Последним — Грейдон.

Путь вел вниз. Не было видно ни кустов, ни деревьев, вообще никакой растительности, разве что так можно было назвать шуршавший под ногами древний лишайник. Но этот лишайник облегчал спуск: ноги цеплялись за него. Он покрывал и стены по обе стороны. Света здесь было мало, но лишайник, похоже, улавливал его и поглощал. Было не темнее, чем в начале вечера. Ясно видны все предметы. Дорога шла вперед, не расширяясь. Не становилось ни светлее, ни темнее.

Впереди показалась скала, закрывшая проход. Дорога резко свернула, стало темнее. У Грейдона появилось беспокойное ощущение, что скалы высоко над его головой сомкнулись, что они входят в туннель. Лишайники под ногами и на стенах росли реже. Становилось все темнее.

Наконец лишайников совсем не стало. Грейдон двигался в полутьме. Он ничего не видел, кроме смутных теней тех, кто шел перед ним. Теперь он был уверен, что скалы вверху сомкнулись, погребя их. Он боролся с удушьем, которое принесла эта мысль.

И все же — и все же это была не тьма. Странно, подумал он, странно, что тут, в этом закрытом туннеле, вообще есть свет. Казалось, светится сам воздух. Слабо светились не стены, не пол, источник света находился где-то впереди. Как будто светящиеся атомы медленно вплывали откуда-то в туннель.

Постепенно этих светящихся атомов становилось все больше, в туннеле светлело.

Снова он резко повернул.

Они стояли в пещере, похожей на гигантский квадратный зал, перед большой сценой. Возможно, гладкая каменная стена в ста ярдах впереди создавала такое впечатление. Стена походила на занавес, на дюйм приподнятый над полом. Из щели выплывали светящиеся атомы, которые заполняли туннель все усиливающимся светом. Здесь они пролетали стремительно, как стая светляков, каждый с ярким фонариком.

Грейдон поискал взглядом второй выход, и в это время занавес сдвинулся. Он беззвучно скользнул в сторону примерно на ярд. Грейдон обернулся — за ним стояли трое: высокий, маленький и гигант. Стояли с пустыми, невыразительными взглядами...

Грейдону показалось, что над их головами мелькнул красный посох Властителя Глупости... но как это возможно?.. Вон ведь молчаливая фигура в пестром, с посохом в руке, далеко, у самого входа в пещеру.

Он услышал глухое проклятие Сомса, рев Старрета, высокий голос Данкре. Он резко повернулся к ним. Исчезла, полностью исчезла неестественная мертвенность, которая так удивляла его, вся неопределенность, размытость в действиях и целях. Они живы, настороженны, проворны — они снова стали собой.

— Что за дьявольское место, Грейдон? Какого дьявола мы сюда попали? — Сомс железной хваткой зажал руку Грейдона.

Ответила Суарра:

— Это сокровищница, которую я вам пообещала...

— Да? — свирепый рык заставил ее замолчать. — Я у вас спрашиваю, Грейдон! Как я сюда попал? Вы знаете, Данк? Вы, Билл?

Ему ответили их озадаченные лица. Он направил ствол ружья на Грейдона.

— Выкладывайте!

И опять спокойно ответила Суарра:

— Какая разница, если вы уже здесь, все вчетвером. Там, откуда исходит свет, вторая пещера; в ней золото течет, как вода, и драгоценные камни растут на стенах, как фрукты. И это все ваше. Идите и берите.

Сомс опустил ружье, злобно осмотрел Суарру.

— А что там еще, сестренка?

— Ничего, — ответила она. — Только большое лицо, высеченное в камне.

Прошло несколько секунд, Сомс обдумывал ее ответ.

— Только каменное лицо? — повторил он наконец. — Ну, тогда... тогда мы пойдем и посмотрим все вместе. Позови своего спутника.

— Нет, — уверенно ответила она. — Мы дальше с вами не пойдем. Вы должны идти одни. Я уже говорила вам и скажу еще раз: вам нечего бояться, кроме того, что в вас самих. Глупцы! — в неожиданном гневе она топнула по камню. — Если бы мы хотели убить вас, оставили бы на добычу ксинли. Вы забыли прошлую ночь, когда погнались за ламой? Я исполнила свое обещание. Больше не спорьте! И берегитесь — берегитесь рассердить меня!

И Грейдон увидел, как при упоминании о ламе лицо Сомса побледнело, он украдкой бросил взгляд на таких же побледневших Старрета и Данкре. Сомс немного постоял в задумчивости. Заговорил он негромко и не обращаясь к Суарре:

— Ну, ладно. Раз уж мы здесь, посмотрим, что там. Данк, берите ружье и прикройте вход, откуда мы пришли. Следите за стариком. Мы с Биллом присмотрим за девчонкой. А вы, мистер Грейдон, вы пойдете и заглянете туда и расскажете нам, что увидели. Можете взять с собой пистолет. Если мы услышим стрельбу, поймем, что там есть еще что-то, помимо золота, драгоценностей и... а, да, каменного лица. Марш, мистер Грейдон, действуйте!

Сомс подтолкнул Грейдона к сверкающему проходу, а сам и Старрет заняли позиции по обе стороны от Суарры. Грейдон заметил, что они постарались не дотрагиваться до девушки. Данкре направился к выходу из пещеры. Суарра посмотрела на Грейдона. В ее глазах была печаль, боль — и любовь.

— Помни! — сказал он. — Я вернусь!

Сомс не понял скрытого смысла его слов, уловил только то, что на поверхности.

— Если не вернетесь, — злобно усмехнулся он, — она об этом пожалеет! Говорю вам, приятель!

Грейдон не ответил. Он подошел к краю занавеса, на ходу доставая пистолет. Миновал край и оказался на свету. Перед ним открылся проход не более десяти футов в длину. Грейдон дошел до его конца и

застыл. Пистолет выпал из его онемевшей руки и со звоном упал на каменный пол.

Перед ним открылась громадная пещера, заполненная сверкающими атомами. Гигантский полый шар, разрезанный надвое, и нижняя его часть убрана. Сияние струилось от стен, но сами стены были абсолютно черными и полированными, как зеркало. Лучи рождались в бесконечной глубине за стенами и вырывались на огромной скорости — как будто в непостижимой черной глубине горит солнце.

И на этих изогнутых стенах, свисая с них, как гроздья бесценных жемчужин в очарованном винограднике рая Эль-Шираза, как цветы в саду царя джиннов, растут гирлянды драгоценных камней!

Огромные кристаллы, ограненные и необработанные, круглые и угловатые, горящие в торжествующем свете той душой огня, которая составляет главную прелесть драгоценностей. Рубины, играющие всеми оттенками красного цвета, от чистого алого, который напоминает солнечный свет, проходящий сквозь сомкнутые пальцы нежной девушки, до тусклого красного цвета разбитого сердца; сапфиры, сверкающие богатыми голубыми тонами от цвета оперения певчих птиц до голубизны темнеющих вод под пенными вершинами волн Гольфстрима; огромные изумруды, блестящие павлиньей зеленью тропических отмелей или глубоким зеленым цветом полян в джунглях; бриллианты, отражающие все цвета радуги и разбрасывающие радужные потоки лучей; большие пылающие опалы; жемчуга, горящие аметистовым сиянием; неизвестные драгоценные камни, от красоты которых замирало сердце.

Но не гроздья драгоценностей в этом полном света огромном помещении заставили Грейдона разжать руку, сжимавшую пистолет, и превратили его в статую.

Лик!

С того места, где он стоял, пролет циклопических ступеней сбегал к центру пещеры. Слева от этой лестницы — полукруглые стены, увешанные сверкающими драгоценностями. Справа — пространство. Пропасть, противоположного края которой не видно. Она уходит от основания лестницы вертикально вниз, в бездонную глубину.

Лик смотрел на него с дальней стороны пещеры. Лицо без тела, подбородок упирается в пол. Лицо колоссальное, его бледно-голубые глаза на одном уровне с Грейдоном. Оно высечено из того же черного камня, из которого состоят стены, но в нем нет ни малейшей искорки.

Лицо человека и в то же время лицо падшего ангела; лицо Люцифера; властное и величественное; безжалостное — и прекрасное. На широком лбу отпечаталась мощь — она могла бы быть богоподобной в благодеяниях, но предпочла жребий Сатаны.

Кем бы ни был безвестный скульптор, он сумел выразить древнюю, как сам человек, беспощадную жажду власти. В этом Лике стремление к власти сконцентрировалось, приобрело материальное выражение

и форму, стало физически ощутимым. Грейдон почувствовал, как в нем самом, как бы в ответ, рождается и начинает шевелиться эта жажда, стремительно растет, угрожая опрокинуть все барьеры, которые обычно стоят у нее на пути.

Что-то глубоко внутри него боролось с этим поднимающимся прибоем зла, пыталось увести его от призывающего Лика, заставить его отвести взор от бледно-голубых глаз.

Теперь он видел, что все стремительные лучи, все сверкающие атомы фокусируются на этом Лике, что на лбу его широкое золотое кольцо. И с этого кольца стекают большие золотые капли, как золотой пот. Они неторопливо ползут по щекам. Из глаз стекают другие золотые капли, подобно слезам. А из углов безжалостного рта золото вытекает, как струйки слюны. Золотой пот, золотые слезы и золотая слюна соединяются и образуют ручеек золота, который стекает с Лика на пол пещеры, течет к пропасти и свергается через ее край в глубину.

— Смотри мне в глаза! Смотри мне в глаза!

Лик как будто заговорил; его нельзя ослушаться. Грейдон повиновался. Волна зла взметнулась выше, разрывая все преграды.

Земля и обладание ею — вот что обещал ему Лик! Из этих глаз к нему устремился пылающий экстаз, кричащая торжествующая безрассудность, торжествующее чувство свободы от всех законов.

Он напрягся, чтобы не броситься вниз по ступеням, прямо к гигантской черной каменной маске, которая потела, плакала и плевалась золотом, взять то, что она предлагает, заплатить все, что она потребует взамен...

Рука у него на плече, голос рядом — голос Сомса:

— Вы дьявольски долго...

И тут же высокий истерический крик:

— Билл... Данк... быстрее сюда! Смотрите! Боже!..

Грейдона отбросили на камень, он покатился. По нему кто-то пробежал, его толкали ногами, дыхание у него перехватило. Отдуваясь, он поднялся на четвереньки, попытался встать на ноги.

Неожиданно возбужденные крики троих стихли. Ах... он знал, почему... они смотрят в глаза Лика... он обещает им то же, что обещал ему...

Грейдон сделал невероятное усилие. Он встал! Раскачиваясь, испытывая головокружение, осмотрел пещеру. Вниз по лестнице, уже на ее середине, бежали гигант Старрет, сухощавый Сомс, маленький Данкре.

Боже — нельзя их пустить! Земля, обладание ею... это принадлежит ему... Лик обещал ему первому...

Он бросился за троими...

Что-то, похожее на крыло огромной птицы, ударило его в грудь. Удар отбросил его, Грейдон опять опустился на четвереньки. Всхлипы-

вая, он встал, стоял, качаясь, потом снова двинулся по ступеням... глаза Лика... глаза... они дадут ему силу... они...

Прямо перед ним в сверкающем воздухе, между ним и Ликом, полуразвернув кольца тела, появилось призрачное существо, полуженщина-полузмея, та самая, изображение которой было на браслете Суарры, — существо, которое Суарра называла Мать-Змея.

Одновременно реальная и нереальная, висела она в воздухе. Сверкающие атомы проносились сквозь нее. Он видел ее — и по-прежнему сквозь нее ясно видел Лик. Голубые глаза по-прежнему призывали его.

Мать-Змея... которая пообещала Суарре, как женщина женщине, что поможет ему... если в нем самом будет нечто достойное помощи.

Суарра!

При этом воспоминании весь гнев, весь яд, вливавшийся в него из глаз Лика, исчез. Его место заняли стыд, раскаяние, огромная благодарность. Он бесстрашно взглянул в глаза Лика. Всего лишь бледно-голубые кристаллы. А сам Лик не что иное, как резной камень. Его чары развеяны.

Грейдон взглянул вниз по лестнице. Сомс, Старрет и Данкре были уже в самом конце ее. Они бежали — бежали прямо к Лику. В сверкающем свете они превратились в движущиеся черные картонные фигуры. Они сплющились, стали силуэтами, вырезанными из черной бумаги. Тощий силуэт, гигантский силуэт, маленький силуэт, они бежали рядом. Вот они уже у подбородка. Вот они задержались, отталкивая друг друга, пытаясь пройти первыми. И вот, в ответ на какой-то необоримый зов, они начали карабкаться по подбородку, вверх, к холодным голубым глазам, к всему, что обещали эти глаза.

Теперь они в самом фокусе сверкающих лучей, в центре потока горящих атомов. Еще мгновение они казались черными картонными силуэтами, чуть темнее черного камня.

Потом посерели, их очертания стали туманными, расплылись. Они перестали карабкаться. Задергались, извиваясь...

Исчезли!

На их месте три грязноватых облачка. Они рассеиваются.

И на их месте три большие золотые капли.

Неторопливо капли заскользили вниз по Лику. Слились. Стали одной большой каплей. Она медленно направилась к золотому ручью, слилась с ним, потекла к краю пропасти...

И в пропасть!

Высоко сверху прозвучали трубы эльфов, послышался шум невидимых крыльев. И тут в свете пещеры Грейдон увидел змеиные тела с серебряной чешуей. Крылатые. Эти существа вздымались и опускались перед Ликом на серебряных крыльях, как призрачные райские птицы.

Большие и маленькие, одни размером с большого питона, другие не больше гадюки, они извивались в сверкающем воздухе, победно

трубили, окликали друг друга голосами, подобными трубам эльфов, радостно фехтовали друг с другом мощными клювами, похожими на тонкие прямые рапиры.

Крылатые змеи, ярко раскрашенные, с клювами, подобными рапирам. Крылатые змеи, испускающие торжествующие трубные крики, в то время как золотой поток, частью которого теперь стали Сомс, Данкре, Старрет, медленно, медленно течет в пропасть.

Грейдон потрясенно опустился на ступень, до глубины души он был поражен, испытывал тяжелое болезненное ощущение. Ползком выбрался за каменный занавес, подальше от этого яркого света, подальше от глаз этого Лика, чтобы не слышать торжествующих трубных звуков крылатых змей.

Он увидел бегущую к нему Суарру.

Сознание покинуло его.

7. ОХРАНЯЕМАЯ ГРАНИЦА

Тусклая зелень лесной поляны окружала Грейдона, когда он открыл глаза. Он лежал на своем одеяле, рядом терпеливо щипал траву его ослик.

Кто-то двинулся рядом, приблизился. Индеец, но таких индейцев Грейдон никогда не видел. Тонкие правильные черты лица, кожа скорее оливковая, чем коричневая. На нем что-то вроде лат и шотландской юбочки-килта из стеганого голубого шелка. Тонкий золотой обруч на лбу, на спине длинный лук и колчан, полный стрел, в руке копье из черного металла. В другой руке обернутый в шелк пакет.

Грейдон раскрыл пакет. В нем золотой браслет Суарры с изображением Матери-Змеи и перо caraquenque, тщательно отделанное золотом.

— Где та, которая послала это? — спросил он. Индеец улыбнулся, покачал головой и приложил к губам два пальца. Грейдон понял — посыльному приказано молчать. Перо он снова завернул в шелк и положил в карман. Браслет с некоторым трудом надел на руку.

Индеец указал на небо, потом на деревья слева. Грейдон понял, что нужно идти. Он кивнул и взял повод осла.

Примерно с час они шли по лесу; насколько мог судить Грейдон, в лесу не было ни тропинки. Вышли из леса в узкую долину между двумя холмами. Холмы закрывали окружающие горы, хотя Грейдон представлял себе, где они расположены. Солнце уже склонялось на запад. К сумеркам они достигли ровной скальной площадки, в которой ручей прорезал свое русло. Индеец знаками показал, что здесь они заночуют.

Грейдон стреножил осла там, где тот мог щипать свежую траву, развел костер и начал готовить скудный ужин из своих сократившихся

припасов. Индеец исчез. Вскоре он вернулся с парой форелей. Грейдон поджарил их.

Пришла ночь и вместе с ней холод Анд. Грейдон закутался в одеяло, закрыл глаза и начал восстанавливать в памяти, насколько это возможно, все сегодняшнее путешествие; запоминал каждый ориентир, замеченный им после того, как они вышли из леса. Вскоре все сменилось фантасмагорией пещер с драгоценностями, больших каменных лиц, танцующих стариков в пестрых костюмах — потом среди этих фантомов, разгоняя их, появилась Суарра. А потом и она исчезла.

Во второй половине следующего дня, когда они миновали еще одну древесную полосу, индеец остановился на краю плато, уходившего в неведомые дали на восток и на запад. Он раздвинул кусты и показал вниз. Грейдон, взглянув туда, увидел в ста футах ниже еле заметную тропу — звериную тропу, решил он: никаких следов человека. Он посмотрел на индейца, тот кивнул и показал на ослика и на Грейдона, потом опять на тропу и на восток. Потом показал на себя и назад, туда, откуда они пришли.

— Ясно, — сказал Грейдон. — Граница Ю-Атланчи. Здесь меня депортируют.

Индеец нарушил молчание. Он не мог понять, что сказал Грейдон, но услышал знакомое слово Ю-Атланчи.

— Ю-Атланчи, — повторил он серьезно и широким жестом указал на пространство за собой. — Ю-Атланчи! Смерть! Смерть!

Он отступил в сторону и подождал, пока Грейдон и ослик пройдут мимо. Когда человек и животное спустились на тропу, индеец прощально махнул рукой. И исчез в лесу.

Грейдон прошел примерно с милю на восток, как ему и было указано. Потом спрятался в кустах и подождал около часу. Затем повернул назад, вернулся по тропе и, подгоняя перед собой ослика, начал подниматься. У него была лишь одна мысль, лишь одно желание — вернуться к Суарре. Какая бы опасность ни ждала — вернуться к ней. Он поднялся на плато и постоял, прислушиваясь. Ничего не слышно. По-прежнему подгоняя перед собой осла, он пошел вперед.

И тут же над его головой послышался трубный звук — угрожающий, гневный. И шум больших крыльев.

Инстинктивно Грейдон защитился рукой. На эту руку он надел браслет Суарры. Сверкнул на солнце пурпурный драгоценный камень. Грейдон снова услышал трубный протестующий звук. В воздухе над ним забили крылья, как будто невидимое летающее создание пыталось остановить свой полет.

Что-то нанесло боковой удар по браслету. Что-то похожее на острие рапиры коснулось шеи Грейдона у самого основания. Грейдон почувствовал, как хлынула кровь. Что-то ударило его в грудь. Он перевалился через край плато и, кувыркаясь, покатился на тропу.

Пришел он в себя у начала подъема, рядом пасся ослик. Должно быть, он долго пролежал без сознания, потому что рука и плечо затекли, а на земле вокруг засохло немало крови. На затылке у него была рана: ударился о камень при падении.

Грейдон со стоном встал. Плечо осматривать было неудобно, но насколько он мог судить, рана чистая. То, что нанесло рану, пробило мышцу, на волосок миновав артерию. Грейдон с трудом перевязал раненое место.

Что же нанесло эту рану? Он знал это. Одна из крылатых змей, которых он видел над пропастью в пещере Лика! Один из вестников, как их назвала Суарра, которые так неожиданно дали им четверым пройти в Запретную землю.

Оно собиралось его убить... хотело убить... что остановило смертельный удар... отразило его? Он пытался рассуждать логично. Боже, как болит голова!.. Что же остановило его? Конечно, браслет... блеск драгоценного камня.

Но это значит, что вестники не нападут на того, кто носит этот браслет. Это паспорт для прохода в Запретную землю. Поэтому Суарра послала ему браслет? Чтобы он мог вернуться?

Но пока это невозможно... он должен вначале залечить рану... должен найти помощь... где-нибудь... прежде чем возвращаться к Суарре...

Грейдон побрел по тропе, ведя за собой ослика. Животное терпеливо простояло всю ночь, а Грейдон метался и стонал у погасшего костра, и лихорадка медленно ползла по его телу. Ослик терпеливо шел за ним весь следующий день, а Грейдон ковылял по тропе, падал и вставал, падал и вставал, всхлипывая, жестикулируя, смеясь, проклиная — в обжигающем жаре лихорадки. Терпеливо шел ослик за индейским охотником, нашедшим Грейдона, у изголовья которого сидела в ожидании смерть; охотник, будучи не аймара, а куича, отнес Грейдона в маленькое одинокое селеньице Чупан, единственное место в этом диком краю, где за ним мог присмотреть человек его цвета кожи; и по дороге индеец лечил Грейдона собственными, нетрадиционными, но весьма эффективными лечебными средствами.

* * *

Прошло два месяца, прежде чем Грейдон, залечивший раны и вернувший силы, смог покинуть Чупан. Он не знал, насколько обязан выздоровлением старому padre и его домашним, насколько индейским лекарствам. Не знал, много ли рассказал в бреду. Но он решил, что бредил по-английски, а индеец ни слова на этом языке не понимал. Впрочем, старый padre очень обеспокоился из-за отъезда Грейдона,

долго рассуждал о демонах, их приманках и хитростях и о том, как это мудро — обходить их стороной.

Во время выздоровления у Грейдона было достаточно времени, чтобы обдумать случившееся, рационализировать его, постараться рассеять мистический туман. На самом ли деле трое его спутников превратились в золото? Есть другое объяснение — и гораздо более вероятное. Пещера с Ликом, возможно, лаборатория природы, тигель, в котором под воздействием неизвестных лучей происходит трансмутация металлов. Внутри скалы, на которой высечен Лик, находится источник лучей, превращающий другие элементы в золото. Исполнение старинной мечты или вдохновенного прозрения алхимиков древности; современная наука превращает это в реальность. Разве англичанин Резерфорд не сумел превратить один элемент в другой, удаляя один или два электрона? Разве не является конечным производным урана, этого излучающего родителя радия, — тусклый, инертный свинец?

Концентрация лучей на поверхности Лика должна быть ужасной. Под бомбардировкой сверкающих частиц энергии тела троих могли быстро дезинтегрироваться. А три золотые капли в это время вытекли из скалы за ними... трое его спутников исчезли... он увидел капли... подумал, что люди превратились в золото... иллюзия.

А Лик на самом деле не испускал золотые пот, слезы и слюну. Это действовали лучи. Гений, который высек этот Лик, так устроил, что... Ну, конечно!

Приманка Лика? Обещание власти? Простое психологическое явление — если поймешь его. Гениальный скульптор так точно и мощно выразил стремление человека к власти, что всякий, взглянувший на его скульптуру, неизбежно почувствует то же. Подсознание и сознание в равной степени откликаются на то, что изображено с такой потрясающей верностью. И сила ответа пропорциональна силе желания. Подобное призывает подобное. Сильнейший влечет более слабого. Простая психология. Опять — конечно!

Крылатые змеи-вестники? Ну, тут мы стоим на прочном научном основании. В одном из своих рассказов Амброз Бирс предвидел, что такое возможно; англичанин Г. Дж. Уэллс ту же идею рассматривает в своем «Человеке-невидимке»; Мопассан перед тем, как сойти с ума, изложил ту же мысль в той своей истории Орли. Наука считает, что невидимость возможна, и ученые по всему миру пытаются использовать ее как оружие следующей войны.

Да, невидимые вестники легко объяснимы. Нужно создать вещество, которое не поглощает и не отражает лучи света. В таком случае свет пронесется мимо, как быстрый ручей над лежащим на дне камнем. Сам камень останется невидимым. Не будет виден и предмет, над которым пролетают световые лучи. Лучи света обогнут этот предмет, и наблюдатель увидит то, что находится за предметом. А сам

предмет останется невидимым. Он не поглощает и не отражает свет, увидеть его невозможно.

Представим себе путника в пустыне. Вдруг он видит перед собой ручей и зеленые растения. Однако они не здесь. Они далеко в горах, а кажется, что находятся у основания гор. Лучи, несущие их изображение, полетели вверх, изогнулись над горами, полетели вниз и отразились в более горячем воздухе пустыни. Это мираж. Пример не вполне аналогичный, но основной принцип тот же самый.

Да, решил Грейдон, крылатых вестников не так трудно объяснить. Что до их формы — они не птицы, а крылатые змеи или крылатые ящерицы. Оперение райских птиц — единственное, что добавлено к их чешуе. Наука утверждает, что птицы — это змеи с перьями. Первая птица, археоптерикс, сохранила зубы и хвост своих предков-пресмыкающихся.

Но — эти существа понимают и исполняют приказы человека. А почему бы и нет? Собаку можно научить этому же. В этом нет ничего удивительного. Собака — умное животное. А почему бы летающим змеям не иметь столько же интеллекта, сколько у собаки? Вот и объяснение того, как крылатое невидимое существо узнало браслет Суарры.

Мать-Змея? Ну, он сначала должен увидеть наполовину женщину, наполовину змею, чтобы поверить в нее. Это пока оставим.

Объяснив, к собственному удовлетворению, все, кроме Матери-Змеи, Грейдон перестал думать об этом, и выздоровление пошло быстрее.

Выздоровев, он постарался заплатить некоторые из своих долгов. Он послал в Сьерра де Паско за деньгами и вещами. Padre получил алтарные украшения, о которых давно мечтал, а то, что Грейдон дал индейцам, заставило их благодарить своих святых покровителей или тайных богов за то, что они его нашли.

И еще ему повезло. Он потерял оружие в своих блужданиях, и его посыльные сумели найти для него в Паско лучшее, более мощное оружие.

И вот теперь, с большим количеством боеприпасов, с четырьмя пистолетами и всем необходимым оборудованием, Грейдон возвращался на тайную тропу, ведущую в Запретную землю. С ним был тот же терпеливый ослик, который уже участвовал в его приключениях.

Покинув Чупан, Грейдон все время двигался в сторону Кордильер. Последние несколько дней он не видел ни следа индейцев. Что-то заставляло его быть осторожным.

Осторожность? Он улыбнулся. Вряд ли подходящее для его путешествия слово: он сознательно приближается к району, где правят загадочные ю-атланчи. Осторожность! Грейдон рассмеялся. Да, подумал он, вероятно, входя в ад, тоже нужно соблюдать осторожность. А земля Суарры, если судить по тому, что он видел, близка к царст-

ву проклятых, если не лежит уже в его пределах. Задержавшись на этой интересной мысли, он решил еще раз вспомнить, чем располагает.

Первоклассное ружье с большим количеством патронов; четыре удобных пистолета, два в тюках, один на поясе и один в кобуре под мышкой. Хорошо — но у ю-атланчи может быть и, вероятно, есть такое оружие, по сравнению с которым его пистолеты — все равно что лук и стрелы бушмена. И какая польза от пистолетов против бронированной шкуры динозавров?

Что еще у него есть? Пурпурный блеск на запястье ответил ему — блеск драгоценностей браслета Суарры. Этот браслет стоит сотни пистолетов и ружей — если он действительно пропуск в Запретную землю.

Когда наступили сумерки четырнадцатого дня его пути, он оказался в небольшой долине между двумя близкими, заросшими редколесьем хребтами. Рядом по-дружески журчал и хихикал ручей. Грейдон разбил лагерь возле этого ручья, развьючил ослика, стреножил его и пустил пастись. Разжег костер, вскипятил чай и приготовил ужин. Осмотрел южный хребет. До сих пор ему везло, и он продвигался долинами, лишь изредка совершая некрутые подъемы. Здесь горы находились прямо на пути. Около двух тысяч футов высоты, решил он; пройти будет нетрудно. До самой вершины растут деревья, поодиночке и группами, и всегда странно аккуратно, будто посаженные человеком.

Грейдон немного полежал, думая. Правую руку он положил на одеяло. Сверкал браслет Суарры, сверкание то становилось ярче, то тускнело. Потом показалось, что оно растет, становится все больше. Грейдон уснул.

Он спал и знал, что спит. Но даже во сне видел сверкание браслета. Он видел сон — и браслет направлял этот сон. Он быстро миновал освещенную луной пустошь. Перед ним хмурился черный барьер. Барьер остался за ним и исчез. Грейдон мельком увидел огромную круглую долину, окруженную касающимися неба вершинами. Увидел озеро, жидкое серебро могучего потока, вырывающегося из скал. Заметил колоссальные каменные фигуры, купающиеся в молочном свете луны, охраняющие вход в пещеру.

Навстречу ему поднялся город: город с рубиновыми крышами, опаловыми башнями, фантастический, будто построенный джиннами из снов.

Он остановился в большом колонном зале, с высокого потолка которого падали столбы неяркого лазурного освещения. Высоко вздымались колонны, раскрываясь вверху широкими лепестками опалового, изумрудного, бирюзового цвета с проблесками золота.

Он увидел — Мать-Змею!

Она лежала, свернувшись в гнезде из подушек за самым краем алькова, высоко поднятого над проходом между колоннами. Между

нею и Грейдоном падали лазурные столбы, как занавесом, закрывая туманным свечением нишу и полускрывая, полуоткрывая ее обитательницу.

Лицо ее лишено возраста — не старое и не молодое, свободное от времени, от разъедающей кислоты лет. Она могла родиться вчера — или миллион лет назад.

Глаза ее — широко расставленные, круглые и яркие: живые драгоценности, полные пурпурными огоньками. Нос тонкий, длинный, ноздри слегка расширены. Подбородок маленький и заостренный. Рот маленький, в форме сердца; губы ярко-алые.

Вниз по узким детским плечам падают волосы, сверкающие, как серебряные нити. Над лбом волосы разделяются, образуя подобие наконечника стрелы. И лицо, как и губы, становится сердцеобразным — это сердце, основание которого представляет заостренный подбородок.

У нее маленькие, но высокие, приподнятые груди.

Лицо, шея, плечи и груди цвета жемчуга, слегка окрашенного в розовое.

Кольца начинаются сразу под острыми грудями.

Они наполовину погружены в гнездо из шелковых подушек; кольца толстые, их много; кольцо над кольцом, все покрытые блестящими сердцеобразными чешуйками; каждая чешуйка — совершенство, будто вырезана эльфским мастером-резчиком; опаловые, перламутровые.

Заостренный подбородок лежит на руках, маленьких, детских. Локти этих детских рук, с ямочками, упираются в верхнее кольцо.

На лице — одновременно женском и змеином и в то же время каким-то чудесным образом и не женском, и не змеином — рядом живут бесконечная мудрость и невероятная усталость...

Женщина-змея — воспоминания о ней или ее сестре могут быть источниками легенд о принцессе Наге, которая своей мудростью поднимала исчезнувшие города кхмеров в камбоджийских джунглях; источниками тех постоянных упоминаний о женщинах-змеях, которые есть в фольклоре всех народов.

Может, зерно истины есть даже в легенде о Лилит, первой жене Адама, которую изгнала Ева.

Такой увидел ее Грейдон — или подумал, что видит. Потому что впоследствии не раз его будет мучить вопрос, видел ли он то, что есть, или то, что заставляла его видеть она.

Он поразился красоте этого маленького сердцеобразного лица, сверкающему серебру ее волос, ее детской изысканности.

Он не обращал внимания на ее кольца, на ее — чудовищность. Она будто проникла в его сердце и затронула тайную струну, молчавшую с рождения.

И в своем сне — если это сон — он знал, что она осознает все его мысли и чувства и довольна ими. Глаза ее смягчились; она задумчиво

смотрела на него; розово-жемчужное кольцо, на котором лежала голова, вдруг поднялось над альковом на высоту двойного роста человека. Она кивнула Грейдону, подняла маленькие руки ко лбу, сложив их горсточкой; затем странным иератическим жестом протянула к нему ладони, будто что-то вылила из них.

За ней находился трон, словно высеченный из колоссального сапфира. Овальный, более десяти футов в высоту, и полый, как рака для мощей. Он стоял на закругленном конце колонны из горного хрусталя. Трон пуст, но окружен слабым сиянием. У его основания шесть меньших тронов. Один красный, будто высеченный из рубина; один черный — как из гагата; четыре оставшихся — из тусклого золота.

На красном сидел Властитель Глупости.

Алые уста Матери-Змеи раскрылись, показался тонкий заостренный алый язык. Она не заговорила, но Грейдон услышал ее мысли.

— Я поддержу этого человека. Суарра любит его. Он мне нравится. Помимо Суарры, мне никто не интересен в Ю-Атланчи. А дитя стремится к нему. Да будет так! Я устала от Лантлу и его своры. К тому же Лантлу теперь слишком близок к Тени Нимира, которую называют Темным Хозяином. И он хочет Суарру. Но не получит.

— По древнему договору, — заговорил Властитель Глупости, — по этому договору, Адана, ты не можешь использовать свою мудрость против кого-нибудь из древней расы. Твои предки дали клятву. Клятва была дана давно-давно, еще до того, как льды изгнали нас с родины. И эта клятва никогда не нарушалась. Даже ты, Адана, не можешь нарушить эту клятву.

— С-с-с-с! — гневно задрожал алый язык Матери-Змеи. — И ты это говоришь! У договора есть и другая сторона. Разве древняя раса никогда не клялась не устраивать заговоров против нас, змеиного народа? Но Лантлу и его приближенные сговорились с Тенью. Они хотят освободить Нимира от пут, давно наложенных нами на него. Освободившись, он попытается уничтожить нас... а почему бы и нет?.. и, возможно, это ему удастся! Заметь, Тиддо! Я сказала — возможно. Лантлу сговаривается с нашим врагом Нимиром; поэтому он умышляет против меня — последнего представителя змеиного народа. Древний договор нарушен. Нарушен Лантлу — не мной!

Она качнулась вперед.

— Предположим, мы покинем Ю-Атланчи. Уйдем из него, как мои предки и те властители, что были твоими предками. Оставим Ю-Атланчи разлагаться.

Властитель Глупости молчал.

— Ну, конечно, там, где остается только глупость, ты, разумеется, должен остаться, — она кивнула ему своей детской головкой. — Но что держит здесь меня? Клянусь мудростью своего народа! Мы сняли с деревьев стадо безволосых серых обезьян. Взяли их, учили, превраги-

ли в людей. И кем же они стали? Жителями снов, фантомами среди фантомов, рабами иллюзий. А остальные — низкопоклонники тьмы, любители жестокости; внешне преклоняются перед красотой, но внутренне — отвратительны. Мне тошно от них. Ю-Атланчи гниет, нет — уже прогнила. Пусть умирает!

— Но ведь есть Суарра, — негромко заметил Властитель Глупости. — И другие, еще не прогнившие. Ты и их оставишь?

Лицо женщины-змеи смягчилось.

— Да, Суарра, — прошептала она, — и... другие. Но их так мало! Клянусь моими предками, так мало!

— Если бы это было только их виной! — сказал Властитель Глупости. — Но это не так, Адана. Лучше бы мы не ограждали их защитным барьером. Лучше бы предоставили им самим выбираться из дикости, самим справляться с врагами. Для них было бы лучше, если бы мы не закрывали Двери Смерти.

— Мир! — печально ответила женщина-змея. — Это говорил мой женский язык. Есть более глубокая причина, почему мы не можем оставить их. Тень Нимира ищет тело. Что сейчас эта Тень, насколько силен Нимир, что забыл он из своих прежних умений, чему новому научился за эти века — всего этого я не знаю. Но я знаю одно: если Тень ищет тело, то чтобы освободить Нимира из камня. Мы должны готовиться к битве, старик. Если Нимир победит и освободится, нам придется уходить. И не спокойно уходить, как мы бы хотели. А со временем он распространит свое господство на весь мир, как и собирался века назад. А этого допустить нельзя!

Властитель Глупости беспокойно зашевелился на красном троне, как большая красно-желтая птица.

— Ну, что ж, — практично заметила женщина-змея, — я рада, что не могу читать будущее. Если нас ждет война, я не хотела бы быть ослабленной знанием, что проиграю. Или скучать, зная, что меня ждет победа. Если предстоит напрячь все силы, то для этого нужна неопределенность будущего.

Грейдон, несмотря на всю необычность увиденного, невольно про себя засмеялся: истинно женское замечание! Женщина-змея взглянула на него, как будто услышала. Глаза ее сверкнули почти зло.

— Что же касается того, кто ищет Суарру, — сказала она, — пусть приходит и встретится со мной. В твоих словах, Тиддо, о том, что мы сделали жизнь ю-атланчи слишком легкой, много истины. Не будем повторять этой ошибки. Когда этот человек, благодаря собственным разуму и храбрости, найдет путь ко мне и будет стоять передо мной, во плоти, как сейчас стоит мысленно, я вооружу его силой. Если он победит, наградой ему будет Суарра. А тем временем, как знак, я пошлю ему своих крылатых вестников, чтобы они узнали его — и чтобы он знал, что ему нечего опасаться их.

Храм поблек и исчез. Грейдон услышал над собой множество трубных звуков. Ему казалось, что он открывает глаза, отбрасывает одеяло, встает...

Вокруг него, блестя бледно-серебряным огнем, кружилось множество крылатых змей. Они навивали бесчисленные спирали; их были сотни, больших и маленьких, их оперение сверкало, они весело фехтовали длинными клювами, трубили рога...

И все исчезло.

* * *

На рассвете Грейдон торопливо позавтракал, поймал ослика и навьючил на него тюки. Насвистывая, пошел вверх, в гору. Подъем оказался нетрудным. Через час он уже был на вершине.

У его ног начинался спуск на пологую равнину, усеянную огромными стоячими камнями. Выше, но не далее чем в трех милях, возвышался откос огромной горы. Она образовывала колоссальный круг.

Крепостной вал Ю-Атланчи!

8. ЯЩЕРОЛЮДИ

Сомнений не было. За барьером, на который он смотрит, находится Ю-Атланчи — и Суарра! Равнина, усаженная гигантскими менгирами, та самая, по которой бежал человек-паук. Тропа, по которой Грейдон шел в день своей встречи с Ликом, должна находиться сразу под ним.

Высоко над головой он услышал мелодичный звук рога. Трижды прозвучал этот сигнал вверху, и еще три раза: от основания склона, на вершине которого он стоял, далеко на равнине и опять высоко в воздухе, на этот раз к югу.

Грейдон начал спуск.

В полдень он достиг горы. Скала базальтовая, черная, невероятно прочная. Уходит от равнины почти перпендикулярно. Подняться невозможно, по крайней мере в этом месте. В какую сторону идти? Как бы в ответ он опять услышал рог с юга.

— Пусть будет юг, — бодро сказал Грейдон и повернул на юг.

Он заметил зеленое пятно, большой участок растительности на скале, примерно в ста футах выше основания. Подойдя ближе, он заметил каменную осыпь. У основания скалы лежала груда камней, среди них и огромные. Кусты и деревца нашли тут и выше по стене место для корней.

Осматривая стену, чтобы выяснить причину осыпи, Грейдон увидел над насыпью узкую щель. Любопытство заставило его осмотреть

щель. Ослик глядел ему вслед, пока Грейдон не поднялся наполовину, потом с протестующим криком пошел за ним.

Грейдон продолжал подниматься. Вот он раздвинул последние кусты. Отсюда видно, что щель не менее четырех футов в ширину. Внутри темно. Грейдон наклонился и посветил внутрь фонариком. На полу обломки скалы, но сухо. Грейдон принялся собирать хворост.

Бросив последнюю охапку хвороста, он вошел в щель. Через сотню шагов его фонарик осветил стену. Конец щели, решил он. Но, подойдя ближе, обнаружил, что щель резко сворачивает. Слева капала вода. Капли просачивались сквозь камень, падали в небольшой естественный бассейн, оттуда вытекал тонкий ручеек. Грейдон посветил вверх. Потолка он не увидел, но неба тоже не было видно.

Ну, что ж, продолжить исследование придется утром. Грейдон завел ослика в убежище и привязал к камню. Поев, завернулся в одеяло и уснул.

Проснулся он рано: ему не терпелось узнать, куда ведет расселина. Не заботясь о завтраке, он углубился в нее. Пройдя еще около трехсот шагов дальше по ручью, он увидел, что проход опять повернул, вернувшись к первоначальному направлению. Впереди виднелся серый, бледно светящийся занавес.

Дневной свет.

Перед ним открылось горное ущелье ста футов шириной, с гладкими крутыми стенами. Оно шло точно на восток, навстречу восходящему солнцу. Иначе никак не объяснить то количество света, что проникало в узкий каньон. Пол гладкий и ровный. С одного боку ручеек. Никакой растительности, нет даже жестких, живущих на скалах лишайников.

Грейдон вернулся, напоил ослика и пустил его пастись среди кустов.

— Ешь вдоволь, Санчо Панса, — сказал он. — Бог знает, когда тебя ждет следующая еда.

Он разжег костер и тоже поел. Подождал, пока ослик не наестся, закрепил тюки и наконец с большими трудностями протолкнул животное в узкую щель. После этого ослик шел за ним, не протестуя.

Примерно с милю ущелье шло так прямо, будто было проложено по нивелиру. Затем начало поворачиваться, извиваться, расширяться и сужаться, подниматься и опускаться. На дне во все большем количестве встречались каменные глыбы. Ручей, подпитываемый водой, просачивающейся сквозь скалы, стал заметно шире. Цвет стен изменился: вместо черного стал красновато-желтым. У ручья и среди камней появилась чахлая, бледная растительность.

Грейдон заметил в правой стене круглые отверстия вверху, похожие на вход в туннели или пещеры. Они смотрели на него с красноватой стены, как огромные глаза без зрачков. С тем обостренным чув-

ством, которое появляется в дикой местности, Грейдон ощутил, что в них скрывается что-то смертельно опасное. Он осторожно посматривал на них, держа наготове ружье. В воздухе повис запах, острый, мускусный, смутно знакомый. Похоже... на что же это похоже? Похоже на запах крокодилов в каком-то стоячем гнилом пруду в джунглях.

Запах становился сильнее. Число круглых отверстий увеличилось. Ослик начал нервничать, останавливаться и принюхиваться.

Каньон еще раз резко повернул. Из-за поворота, скрывавшего дальнейший участок пути, до Грейдона донеслось отвратительное шипение и хрюканье. В то же время в нос ударил густой отвратительный запах, вызывая тошноту. Ослик застыл.

Грейдон услышал крики людей. Он прыгнул вперед, повернул за угол. Перед ним оказались три индейца, похожих на того, что вывел его за пределы Запретной земли, но в желтом, а не в синем. Их окружало несколько десятков существ, которых на первый взгляд Грейдон принял за гигантских ящериц. Но тут же понял, что они если и не люди, то человекоподобные.

Ростом чуть выше четырех футов. Кожа грязно-желтая. Они стояли на коренастых, приземистых ногах, которые заканчивались плоскими ступнями с когтями. Руки короткие и мускулистые. Ладони почти повторяли ступни, но когти на них длиннее.

У Грейдона кровь застыла при виде их морд. Никакой ошибки — это человеческие лица! Вернее, люди и ящеры, слитые воедино, неразделимо — как воедино был слит человек с пауком в том алом существе, которое Суарра назвала ткачом.

Над узкими заостренными лбами их головы покрывала алая чешуя, стоявшая дыбом, как большой петушиный гребень. Глаза красные, круглые и немигающие. Носы плоские, а под ними мощные широкие шестидюймовые пасти, вооруженные желтыми клыками, прочными и острыми, как у крокодила. Подбородков нет, ушей — только рудименты.

Но больше всего вызывало отвращение то, что вокруг поясницы была повязана полоска ткани.

Индейцы стояли спиной друг к другу, образуя треугольник, отбиваясь от людей-ящеров дубинами из какого-то блестящего металла. Они умели постоять за себя: об этом свидетельствовали с полдюжины существ с разбитыми головами. Но вот сначала один индеец, потом другой упали и были покрыты грудой отвратительных тел.

Грейдон сбросил оцепенение и крикнул оставшемуся индейцу.

Потом поднял ружье, быстро прицелился и выстрелил. Человек-ящер, в которого он стрелял, пошатнулся от удара пули и упал. В ответ послышалось громкое эхо от стен. Вся стая повернулась и уставилась на Грейдона немигающими красными глазами, открыв пасти, полные клыков.

Индеец наклонился, поднял тело одного из своих товарищей и отскочил в сторону. Теперь Грейдон не боялся его задеть. Он опустошил свое ружье. Быстро перезарядил и снова начал стрелять. Ящеролюди опомнились от оцепенения, бросились к стенам и, как настоящие ящерицы, помчались по ним вверх. Свистя и шипя, они скрывались в черных пещерах. И исчезали в темных глубинах.

Индеец стоял, держа на руках раненого товарища. На его красивом смуглом лице были удивление и страх. Грейдон повесил ружье на плечо и протянул вперед руки в универсальном мирном жесте. Индеец осторожно опустил товарища на землю и низко поклонился, прижав ладони ко лбу.

Грейдон пошел к нему. По дороге он остановился и более внимательно взглянул на существа, которых уложил своими пулями. Он заметил, что лежат только те, у кого череп был пробит разрывной пулей. Да и у них лапы спазматически дергались, будто они были еще живы. У одного из них пуля пробила сердце. Но сердце продолжало биться. Грейдон видел, как поднимается грудь этого существа. Несомненно мертвыми казались лишь те, у кого головы были разбиты дубинами.

И снова его поразила извращенная человекоподобность их облика.

Одно из существ лежало мордой вниз. Запачканная ткань соскользнула. Грейдон увидел короткий, покрытый чешуей хвост.

Индеец вновь поклонился ему и начал методично крушить дубиной головы тех, кого застрелил Грейдон.

— Чтобы они не ожили, — сказал он по-аймарски. — Это единственный способ.

Грейдон подошел ко второму индейцу. Тот лежал без сознания; он был ранен, но не смертельно, — подумал Грейдон, тщательно осмотрев его. Он достал из тюка аптечку, обработал и перевязал раны. Подняв голову, увидел, что рядом стоит первый индеец, следя за ним с благоговейным страхом.

— Если доберемся до места, где эти животные нам не помешают, я сделаю для него больше, — сказал Грейдон, тоже по-аймарски, вставая.

— Немного подальше, — ответил индеец, — и мы будем в безопасности от них, могучий властитель!

— Пошли, — ответил Грейдон по-английски, улыбаясь полученному титулу.

Он наклонился и поднял раненого за плечи. Индеец взял его за ноги. Гоня перед собой ослика, они двинулись вниз по каньону.

Входы в пещеры смотрели на них. В них ничего не двигалось, но Грейдон чувствовал на себе злобные взгляды — дьявольские взгляды людей-ящеров, прятавшихся в тьме своего логова.

9. В УБЕЖИЩЕ ХУОНА

Норы людей-ящеров попадались все реже; наконец перестали попадаться вовсе. Индейцы не обращали на них внимания, очевидно, уверенные в способности Грейдона отразить нападение.

Человек, которого они несли, застонал, открыл глаза и что-то сказал. Его товарищ кивнул и опустил его ноги на землю. Тот встал, глядя на Грейдона с тем же изумлением, что и его товарищ, а увидев браслет Матери-Змеи — с благоговейным страхом. Первый индеец быстро заговорил, слишком быстро, чтобы Грейдон мог понять. Когда он кончил, второй взял руку Грейдона, прижал сначала к своему сердцу, а потом ко лбу.

— Властитель, — сказал он, — моя жизнь принадлежит тебе.

— Куда вы идете? — спросил Грейдон.

Они с тревогой взглянули друг на друга.

— Властитель, мы идем к себе, — наконец уклончиво ответил один.

— Я так и полагал, — сказал Грейдон. — Это место — Ю-Атланчи?

Снова они колебались, прежде чем ответить.

— Мы не ходим в город, — сказал наконец первый индеец.

Грейдон призадумался над их уклончивостью, над явным нежеланием давать прямые ответы. Насколько далеко простирается их благодарность? Они не задавали ему вопросов, откуда он, зачем пришел, кто он. Но сдержанность эта объяснялась либо вежливостью, либо какой-то другой важной причиной, а не отсутствием любопытства, потому что оно было в них ясно видно. Грейдон подумал, что у других людей в Запретной земле он не встретит такой сдержанности. Ему не следует ждать — по крайней мере пока — помощи от Матери-Змеи. Он был убежден, что его видение храма — совсем не иллюзия. Доказательством служили направляющие звуки рога и то, что летающие змеи его не тронули. Но женщина-змея сказала, что он должен найти к ней дорогу своим разумом и храбростью, прежде чем она поможет ему.

Он не доберется до нее, если ринется в Ю-Атланчи ощупью, как безрассудный дурак. Но где же ему укрыться, прежде чем он разведает обстановку, составит хоть какой-нибудь план...

Приняв решение, он повернулся к раненому.

— Ты сказал, что твоя жизнь принадлежит мне.

Индеец снова взял его руку и коснулся ею сердца и лба.

— Я пойду в Ю-Атланчи, — сказал Грейдон, — но я хотел бы, чтобы первое время меня не видели. Можете ли вы отвести меня, дать убежище, чтобы никто, кроме вас, не знал обо мне, пока я не решу показаться?

— Ты смеешься над нами, могучий властитель? — спросил первый индеец. — Зачем тому, кто носит символ Матери и владеет этим, — он указал на ружье — искать убежища? Разве ты не вестник... ее? Раз-

ве ее слуги не пропустили тебя? Властитель, зачем ты смеешься над нами?

— Я не смеюсь, — ответил Грейдон и, пристально глядя на них, добавил: — Вы знаете властителя Лантлу?

Их лица застыли, в глазах появилось подозрение; он понял, что эти двое ненавидят хозяина свор динозавров. Хорошо, тогда он скажет им больше.

— Я ищу Мать, — сказал он. — Я не ее вестник, но служу ей. Между нею и мной стоит властитель Лантлу. Есть причины, почему я должен справиться с ним без ее помощи. Поэтому мне нужно время, чтобы составить план, а до того никто не должен знать обо мне.

На их лицах появились облегчение, восторг и любопытство. Они зашептались.

— Властитель, — сказал наконец первый, — поклянись Матерью, — он почтительно указал на браслет, — поднеси его к губам и поклянись ею, что сказал правду, что ты не друг, не шпион... властителя Лантлу.

Грейдон поднял браслет.

— Клянусь, — сказал он. — Пусть Мать уничтожит меня, телесно и духовно, если я сказал вам неправду.

И он поцеловал крошечную свернувшуюся фигурку.

Индейцы снова зашептались.

— Идем с нами, властитель, — сказал тот, что поклялся Грейдону в верности. — Мы отведем тебя к властителю Хуону. До того времени больше ни о чем не спрашивай. Ты ищешь убежища от властителя Лантлу. Мы отведем тебя в единственное такое убежище. Тебя примут — если разрешит властитель Хуон. Если он не разрешит, мы уйдем или умрем с тобой. Можем ли мы сделать больше?

— Клянусь Богом, — ответил Грейдон, касаясь сердца, — ни вы, ни кто другой не может сделать большего. Но не думаю, чтобы ваш властитель Хуон рассердился на вас за то, что вы привели меня.

Он снова осмотрел раненого; множество порезов и других ран, но ни артерии, ни жизненно важные органы не задеты.

— Ты потерял много крови, — сказал он индейцу. — Мы понесем тебя.

Но тот не согласился.

— Идти недалеко, — сказал он. — В клыках и когтях урдов, людей-ящеров, яд. Огненная вода, которой ты залил мои раны, выжгла большую часть яда, но не все. Я его чувствую, и мне лучше идти самому.

— Яд урдов вызывает сон, — объяснил первый индеец. — А сон кончается смертью. Огненная вода могучего властителя победила сон и заставила его проснуться. Он боится, что если его понесут, он опять уснет, потому что огненная вода перестала жечь.

Грейдон улыбнулся такому названию йода, которым он смазал раны. Однако в словах индейцев есть смысл. Если в яде людей-ящеров есть наркотический элемент, тогда в отсутствие нейтрализатора ходьба действительно помогает преодолеть его влияние. Он разбинтовал самые тяжелые раны и еще раз смазал их йодом. По тому, как напряглись мышцы индейца, он понял, что лекарство действует.

— Хорошо, — сказал индеец, — огненная вода жжет.

— Она выжигает яд, — сказал бодро Грейдон. — Если у вас есть свое средство, используйте его.

— Средство там, куда мы идем, — сказал первый индеец. — Но если бы не ты, повелитель, он бы теперь глубоко погрузился в сон урдов — а этот сон совсем не мирный. А теперь нужно идти побыстрее.

Они пошли дальше по каньону. Прошли около мили, когда неожиданно стены каньона сблизились. Их разделяла щель примерно двадцати футов шириной, как будто высеченная в скалах и черная, как беззвездная ночь.

— Подожди здесь, — сказал первый индеец и пошел к входу в щель. Он вытащил из сумки что-то похожее на шар из горного хрусталя размером в теннисный мяч; одна сторона шара была заключена в металлический конус. Индеец поднял шар над головой. Из шара полился свет. Впрочем, это был не свет, а быстро удаляющееся светящееся туманное облако. Индеец спрятал шар в сумку и поманил.

Они вошли в щель. Она больше не была черной. Ее заполнило бледное свечение, как будто облако из шара распространило светящийся туман. Они прошли около тысячи футов; индеец больше не доставал шар, но свет сохранялся.

Они остановились. Грейдон увидел, что щель кончилась. Впереди была чернота. Откуда-то снизу доносился шум текущей воды. Индеец поднял шар. Снова вырвалось светящееся облако.

У Грейдона перехватило дыхание. Светящееся облако летело над пропастью. Неожиданно в ста ярдах или больше стала видна стена скалы. Светящееся облако столкнулось с нею. И немедленно часть скалы поднялась, как огромный занавес. Из открывшегося прохода высунулся металлический язык, плоский, шириной в десять футов. Он прополз над пропастью по пути светового облака и остановился у их ног.

Индейцы ободряюще улыбались Грейдону.

— Следуй за мной, властитель, — сказал один из них. — Опасности нет.

Грейдон ступил на мост, ведя ослика. Снизу, с глубины в сотни футов, доносился рев потока.

Они дошли до конца странного моста. Пошли дальше, он между индейцами. Пройдя пятьдесят футов, Грейдон оглянулся. Вход казал-

ся большими темными воротами. Послышался негромкий шорох, и ворот не стало видно. Скальный занавес задвинулся.

Вокруг было светло, как будто рассеянный свет был принадлежностью самого воздуха. Грейдон находился в помещении, которое представляло из себя куб площадью примерно в сто квадратных метров. Стены и потолок из полированного черного камня, и в камне быстро двигались крошечные светящиеся частицы, подобные тем, что исходили от стен пещеры Лика. Они и были источником света.

Помещение было пусто; ни следа прохода, через который они вошли, ни следа выхода, не видно механизмов, управляющих входом. В стенах вообще никаких отверстий. Но Грейдон слышал как будто шум множества голосов, затем короткую фразу, которую он не разобрал.

Первый индеец отсалютовал и прошел на несколько шагов вперед. Он ответил так же быстро. Но тут Грейдон понял без труда. Индеец рассказывал о схватке с людьми-ящерами. Он кончил. Наступило короткое молчание. Затем еще один короткий приказ. Индеец поманил Грейдона.

— Властитель, покажи браслет, — сказал он.

К этому моменту Грейдон уже понял, что невидимый собеседник находится, конечно, не в помещении, а за его стеной. Голос доносится по какому-то устройству; в стенах, вероятно, есть глазки. Но он не видел следов ни того, ни другого; стены казались сплошными, гладкими, как неразбитое стекло, Грейдон поднял запястье с надетым на него браслетом. Сверкнули пурпурные глаза Матери-Змеи. Послышался взрыв возбужденных восклицаний; еще одна команда.

— Положи твое оружие, властитель, — сказал индеец, — и подойди к стене.

На этот раз Грейдон заколебался.

— Не бойся. Мы пойдем рядом...

Его прервал строгий голос невидимого говорящего. Индеец покачал головой и встал рядом с Грейдоном, его товарищ с другой стороны. Грейдон понял, что им велели держаться сзади, а ему идти одному. Он положил на пол ружье и шепотом велел индейцам исполнять приказ. Он пошел вперед, расстегнув кобуру под мышкой. И когда остановился, свет погас.

Но лишь на мгновение. Когда снова стало светло, трети стены не было. На ее месте виднелся коридор, широкий и хорошо освещенный. По обе его стороны — ряды индейцев. Еще один ряд между ним и двумя индейцами и осликом. Индейцы были вооружены копьями с наконечниками из какого-то блестящего черного металла; небольшие круглые щиты были сделаны из того же материала. Длинные черные волосы забраны узкой золотой лентой. Они были обнажены, если не считать килта из стеганого желтого шелка. Все это Грейдон увидел в одно

мгновение, прежде чем взгляд его остановился на стоявшем перед ним человеке.

Это был гигант с лицом представителя расы Суарры и Лантлу; лицо его было красиво до того, как получило страшное увечье. Он на добрых восемь дюймов возвышался над шестифутовым Грейдоном. Серебристо-белые волосы, подрезанные на уровне шеи, удерживал обруч из лакированного янтаря. От правого виска до подбородка тянулись параллельно четыре шрама. Нос разбит и расплющен. С плеч спускалась черная металлическая кольчуга, похожая на кольчуги крестоносцев. На талии кольчуга перевязана поясом. Мешковатые кольчужные брюки покрывают бедра и ноги до колен. Нижняя часть ног защищена поножами от колен до сандалий. Правая рука гиганта отрублена по локоть; к этому локтю золотыми ремнями прикреплена страшная трехфутовая металлическая палица. На поясе короткий двойной топор, точно такой, какой был символом древнего Крита.

Внушительная фигура. Но глядя в глаза этому человеку, Грейдон ощутил уверенность. Морщинки смеха в углах глаз, выражение юмора и терпимости, которые не могла стереть даже подозрительность. Несмотря на серебристые волосы, человек не стар: Грейдон решил, что ему не больше сорока.

Человек заговорил по-аймарски бурным, хриплым, порывистым басом:

— Значит, ты хочешь увидеть Хуона! Увидишь. И не думай, что мы неблагодарны; я заставил тебя ждать и отобрал оружие не поэтому. Темный коварен, и Лантлу, чтоб его сожрали его собственные ксинли, подобен Темному. Не один раз пытался он заслать к нам шпионов под маской тех, кто хочет служить нам. Меня зовут Регор, Черный Регор. Но чернота моя не та, что у Темного, хотя я тоже хитер. Но, может, ты ничего не знаешь о Темном, а, парень?

Он замолчал, проницательно глядя на Грейдона.

— Кое-что я о нем слышал, — осторожно ответил Грейдон.

— Кое-что слышал! Ну, а что же ты о нем думаешь?

— Ничего такого, — ответил Грейдон аймарской поговоркой со скрытым непристойным смыслом, — отчего бы я захотел сидеть с ним щека к щеке и разбить с ним яйца.

— Хо! Хо! — взревел гигант, в опасной близости взмахивая своей палицей. — Хорошо! Я расскажу об этом Хуону...

— Кроме того, — сказал Грейдон, — разве он не враг... ее? — И он поднял свой браслет.

Хохот Черного Регора прервался; гигант отдал приказ охране.

— Иди рядом со мной, — сказал он Грейдону. Оглянувшись, Грейдон увидел, что один из приведших его индейцев осторожно поднял ружье, и они оба пошли за ним, ведя ослика. С трудом поспевая за

Регором, Грейдон с беспокойством пытался вспомнить, поставил ли он ружье на предохранитель; решил, что поставил.

В нем возникали сомнения. Он надеялся на то, что Хуон, кем бы он ни был, является злейшим врагом Лантлу и потому примет его помощь и сам поможет ему в обмен. Поэтому он решил рассказать Хуону о своей встрече с Суаррой и обо всем, что последовало за этим. Но теперь такой план показался ему наивным. Ситуация не так проста. В конце концов, что он знает об этом народе с его зловещим искусством, с его людьми-пауками, людьми-ящерами и Бог знает еще какими чудовищами?

И что он в сущности знает об этом невероятном существе — Матери-Змее?

На мгновение Грейдон почувствовал отчаяние. Он решительно отбросил его. Придется пересмотреть план, только и всего. И для этого у него всего несколько минут. Лучше вообще ничего не планировать, пока он не встретится с Хуоном и не оценит свои шансы.

Резкий окрик оторвал его от размышлений. Коридор впереди был прегражден огромной черной металлической дверью. Ее охранял двойной ряд одетых в желтые килты воинов, первый ряд — копейщики, второй — лучники с металлическими луками. Их возглавлял плотный приземистый индеец, у которого при виде Грейдона чуть не выпал из рук двойной топор.

Регор зашептался с ним. Офицер кивнул и топнул. Створки большой двери разошлись, за ними сквозь похожий на толстую паутину занавес блеснуло янтарное солнце.

— Пойду расскажу о тебе Хуону, — прогремел Регор. — Жди терпеливо. — Он исчез за занавесом. Двери молча закрылись за ним.

Грейдон молча ждал; стража в желтых килтах молча смотрела на него; проходили долгие минуты. Прозвенел колокол; большие двери разошлись. Из-за занавеса донеслись голоса. Офицер поманил двоих индейцев. Вместе с осликом они прошли в двери. Еще долгое ожидание, затем опять колокол и открывающиеся двери. Офицер сделал знак, Грейдон прошел вперед, за занавес.

Глаза его ослепили яркие лучи, по-видимому солнца, струившиеся через янтарные стекла. Зрение прояснилось. У Грейдона было смутное впечатление стен, покрытых многоцветными шпалерами. Он мигнул и понял, что потолок из того же полированного камня, что и коридоры, но не черного, а янтарного цвета, а яркий свет на самом деле исходит от сверкающих спиралей из взвешенных в воздухе частиц.

Засмеялась женщина. Грейдон посмотрел в сторону звука — и прыгнул вперед с именем Суарры на устах. Кто-то схватил его за руку и удержал...

И тут же он понял, что смеющаяся женщина не Суарра.

Она лежала, вытянувшись на низком диване, положив голову на длинную белую руку. Лицо у нее старше, но в то же время в своей изысканности она двойник Суарры, и те же, что у Суарры, облачные полуночные волосы. Но тут сходство кончалось. Прекрасное лицо этой женщины было насмешливым и злым, в отличие от лица девушки. Совершенные губы несли в себе оттенок жестокости, что-то нечеловечески далекое в ясных темных глазах — ничего от нежности Суарры; что-то от того выражения, которое Грейдон видел на лице Лантлу, когда свора динозавров выследила алого ткача. Стройная белая нога свесилась с дивана, на пальце небрежно повисла шелковая сандалия.

— Похоже, наш неожиданный гость весьма импульсивен, Дорина, — послышался мужской голос. Фраза на аймарском. — Если это простая дань твоей красоте, я аплодирую. Но кажется мне, что есть в этом какое-то... узнавание.

Говорящий поднялся со стула в изголовье дивана. Лицо его было также поразительно прекрасно; похоже, что это общая черта наследников странной расы. Глаза темно-синие, обычно это предвещает дружелюбие, но ничего подобного в этих глазах не было. Как и у Регора, волосы на голове мужчины забраны золотым обручем. Под белым, похожим на тогу одеянием Грейдон почувствовал тело атлета.

— Ты знаешь, Хуон, я не создательница снов, — протянула женщина. — Я реалист. А где, кроме как во сне, я могла встретиться с ним? Хотя... если не во сне, то почему бы и не...

В голосе еле заметная вялость, но во взгляде, который она бросила на Грейдона, злобная насмешка. Хуон вспыхнул, глаза его стали мрачными; он произнес резкий приказ. Мгновенно грудь Грейдона сжало, как тисками, ребра его затрещали, он задыхался. Он попытался разорвать зажим, и руки его сомкнулись вокруг тонкой волокнистой руки, как будто состоявшей сплошь из кожи. Он повернул голову. В двух футах над ним виднелось получеловеческое лицо без подбородка. Длинные красные локоны падали на покатый лоб. Глаза круглые и золотые, полные меланхолии и разума.

Человек-паук!

Другая волокнистая рука, покрытая алой шерстью, схватила Грейдона за горло. Третья ухватила за ноги под коленями. Грейдон оказался в воздухе.

Он услышал протестующий крик Регора. Слепо попытался ударить в это нечеловеческое лицо, при этом обнажился пурпурный камень на браслете и сверкнул, как полоска огня. Грейдон услышал восклицание человека-паука, резкий окрик Хуона.

Он почувствовал, что падает, падает все быстрее сквозь тьму — и больше ничего не слышал.

10. ОТВЕРЖЕННЫЕ Ю-АТЛАНЧИ

Грейдон пришел в себя; над ним слышался гневный бас.

— На нем древний символ Матери. Он благополучно миновал ее стражников. Он обратил в бегство зловонных урдов, которые служат Темному, плевать на его имя! Любой из этих причин достаточно, чтобы выслушать его! Говорю тебе снова, Хуон: этого человека должно принимать вежливо; он кое-что хочет рассказать, и рассказ его касается не только тебя, но всего Товарищества. А ты, не выслушав, бросаешь его Кону! А что будет, когда об этом узнает Адана? Клянусь драгоценной чешуей ее колец, мы так жаждем ее помощи и никогда не могли пробить ее равнодушие. Этот человек мог помочь нам!

— Довольно, Регор, довольно! — голос Хуона звучал угнетенно.

— Не довольно! — бушевал гигант. — Не Темный ли подговорил тебя поступить так? Клянусь Властителем Властителей, Товарищество должно заняться тобой!

— Ты, конечно, прав, Регор. Твое право и обязанность созывать Товарищество, если ты считаешь это нужным. Мне жаль, я стыжусь своего поступка. Когда незнакомец придет в себя от обморока — я уверен, что ничего плохого с ним не случилось, — я извинюсь перед ним. И пусть Товарищество, а не я, решает, как поступить с ним.

— Все это мне вовсе не льстит, — это Дорина; вежливо, слишком вежливо. — Ты намекаешь, Регор, что я орудие Темного, потому что именно я дала импульс гневу Хуона?

— Я ни на что не намекаю... — начал гигант и был прерван Хуоном.

— Дорина, я отвечу на это. И должен тебе заметить, что это сомнение мне знакомо. Постарайся, чтобы сомнение не перешло в уверенность. Ибо тогда я убью тебя, Дорина, и ни в Ю-Атланчи, ни выше, ни ниже ее ничто не спасет тебя.

Сказано спокойно, но с холодной непреклонностью.

— Ты смеешь, Хуон...

Грейдон знал, что уши, которые считаются неслышащими, часто слышат правду. Поэтому он лежал спокойно, слушая и оценивая свое положение. Ссора между этими тремя ему не поможет. Он застонал, открыл глаза и тем самым заставил женщину замолчать. Она не сказала того, что собиралась сказать. Грейдон взглянул в лицо Хуона, в котором была только забота; посмотрел на Дорину: ее черные глаза сверкали, руки она прижала к груди, пытаясь подавить гнев.

Потом его взгляд упал на алую фигуру за Хуоном и Дориной. Это Кон, человек-паук. Грейдон забыл об опасности, рассматривая его.

Такая фигура могла родиться на полотнах Дюрера, изображающих дьявольский шабаш; она прокралась с картины в реальность, пройдя через алую ванну. Но не было в ней ничего дьявольского, ничего от

Черного Зла. Даже заметно было какое-то гротескное очарование, как будто ее создавал мастер, настолько любящий жизнь, что даже создавая чудовище, он не мог забыть об этом.

Голова человека-паука на три фута возвышалась над Грейдоном. Тело круглое, чуть больше, чем у подростка. Четыре стройные, похожие на ходули ноги; от центра тела отходят еще две конечности, они заканчиваются ладонями, на которых пальцы, тонкие, острые, как иглы, в фут длиной.

Шеи нет. Там, где голова соединяется с телом, две маленькие ручки, заканчивающиеся ладонями, как у ребенка. А над этими ручками лицо без подбородка и ушей, обрамленное спутанными красными локонами. Рот человеческий, нос — тонкий клюв. Кроме лица, ладоней и ступней, синевато-серых, все остальное тело покрыто ярко-алой шерстью.

Но глаза, огромные, без век и ресниц, блестящие золотые глаза, абсолютно человеческие по выражению, печальные, удивленные, извиняющиеся, — как будто в них отражалось теперешнее настроение Хуона. Таков Кон, верховный представитель своего племени в Ю-Атланчи, которого Грейдону предстояло так хорошо узнать.

Грейдон с трудом встал, Регор его поддержал. Грейдон взглянул на женщину.

— Я подумал... — прошептал он, — я подумал... что ты... Суарра.

Гнев оставил Дорину; на лице ее появилось выражение, похожее на страх; Регор издал резкий звук.

— Суарра, — выдохнула женщина и разжала стиснутые руки.

Если имя Суарры вызвало у женщины страх — и Грейдон мимолетно этому удивился, — то на Регора оно не произвело такого действия.

— Я тебе говорил, Хуон, что это не обычное дело, — торжествующе воскликнул он, — и вот еще одно доказательство. Мать любит Суарру, а он друг Суарры! Да, в этом есть какая-то цель, перед нами открываются возможности...

— Ты слишком торопишься, — быстро, но со сдержанным возбуждением прервал Хуон. Он обратился к Грейдону:

— Мне жаль, что так получилось. Даже если ты враг, все равно жаль. Мы никогда не относимся к незнакомцам слишком сердечно, но этого не должно было случиться. Больше мне нечего сказать.

— И не нужно, — мрачновато ответил Грейдон. — Если и не сердечный, то достаточно теплый прием. Забудем.

— Хорошо! — В глазах Хуона мелькнуло одобрение. — Кто бы ни был ты, — продолжал он, — знай, что мы — преследуемые люди. Те, кто хотел бы уничтожить нас, сильны и коварны, и нам всегда приходится опасаться их ловушек. Если ты пришел от них, сказать тебе об этом не опасно: ты и так это знаешь. Но если ты ищешь Мать-

Змею и... Суарру и встретился с нами случайно, тебе следует знать, что хоть мы и отверженные ю-атланчи, мы не враги тех двух. Докажи свою честность — и уйдешь от нас без вреда, куда захочешь; если же просишь нашей помощи, помни, что мы отверженные; мы поможем тебе, насколько это в наших силах. Но если не докажешь, умрешь, как умирали все, посланные как приманка для ловушки. И смерть твоя будет неприятной; мы не наслаждаемся страданием, но мудрость требует, чтобы другие поняли, что не следует идти за тобой.

— Справедливо, — сказал Грейдон.

— Ты не нашей расы, — продолжал Хуон. — Возможно, ты пленник, посланный, чтобы предать нас: в награду тебе обещали жизнь и свободу. Браслет, который ты носишь, мог быть дан тебе, чтобы ввести нас в заблуждение. Мы не знаем, миновал ли ты на самом деле вестников. Тебя могли провести через логова урдов и вывести туда, где ты встретился с нашими людьми. То, что ты убил нескольких урдов, ничего не доказывает. Их много, и жизни их ничего не значат для Лантлу и Темного, чьими рабами они являются. Говорю тебе все это, — добавил он извиняющимся тоном, — чтобы ты знал, какие сомнения ты должен развеять, чтобы остаться жить.

— И это справедливо, — снова сказал Грейдон. Хуон обернулся к женщине, которая напряженно смотрела на Грейдона с того момента, как он назвал Суарру.

— Ты останешься с нами и поможешь принять решение? — спросил он.

— Как будто у меня, Хуон, есть хоть малейшее стремление поступить иначе, — сказала Дорина, вытягиваясь на диване.

Хуон заговорил с человеком-пауком; красная рука вытянулась и поставила рядом с Грейдоном стул. Регор опустил свое громоздкое тело на другой; Хуон сел в свое кресло. Под взглядами этого странного квартета Грейдон начал свой рассказ.

О мире, из которого он пришел, и о своем месте в нем он сказал совсем немного; как можно короче о своем путешествии до Запретной земли вместе с тремя авантюристами; о своей встрече с Суаррой. Он увидел одобрение в глазах Регора, когда рассказывал о своей схватке со Старретом, увидел, как смягчились глаза Хуона. Он рассказал о возвращении Суарры на следующее утро. Рассказывая о Властителе Глупости, он почувствовал, что ему верят; это чувство усилилось, когда он рассказывал о Лантлу с его охотящейся сворой. Но он удивился ужасу, появившемуся на их лицах, когда он дошел до пещеры с большим каменным Ликом.

Когда он описывал выражение крайнего зла в этом лице и преображение троих людей в капли золотого пота, Дорина закрыла лицо дрожащими руками, кровь отхлынула от лица Хуона, Регор что-то пробор-

мотал; только Кон, человек-паук, стоял неподвижно, глядя на него печальными, сверкающими, золотыми глазами.

Это могло означать только одно: никто из них никогда не видел Лик; и следовательно, в Ю-Атланчи есть тайны, скрытые от ее жителей. Какое-то тайное побуждение заставило его быть осторожным. Он ничего не сказал о видении храма, просто рассказал о своем пробуждении, о появлении индейца-проводника и своем возвращении. И показал шрам от раны — наказание за эту попытку.

— Что призвало меня обратно, — сказал он, — я не могу вам сказать. По крайней мере сейчас. Я не мог ослушаться этого призыва, — и это верно, подумал он: лицо Суарры возникло в его памяти, в сердце прозвучал ее призыв. — Вот и все, что я могу сказать. И все это правда. Как дошел ко мне призыв, не имеет значения, но благодаря ему я здесь. Погодите... есть кое-что еще..

Он достал из кармана сверток с пером caraquenque, данный Суаррой, раскрыл его и показал.

— Это Суарры, — выдохнула Дорина, а Хуон кивнул.

Теперь не было сомнения в том, что они ему верили. Не мешало бы их поторопить.

— И еще одно, — медленно сказал он. — Регор говорил о какой-то цели. Об этой цели я знаю не больше вас. Но вот что случилось...

И он рассказал о звуках рога, которые провели его через равнину с монолитами, и о щели в горе. Хуон глубоко вздохнул и встал, лицо его осветилось надеждой, Регор вскочил на ноги, широким кругом размахивая своей рукой-палицей.

Хуон сжал плечо Грейдона.

— Верю! — сказал он дрожащим голосом; потом повернулся к Дорине: — А ты?

— Конечно, это правда, Хуон! — ответила она; но какая-то тайная мысль сузила ее зрачки и затуманила лицо, и Грейдону показалось, что она взглянула на него угрожающе.

— Ты наш гость, — сказал Хуон. — Утром ты встретишься с Товариществом и повторишь то, что рассказал нам. И потом решишь, просишь ли ты нашей помощи или будешь действовать в одиночку. Все наше к твоим услугам. И, Грейдон... — он помолчал и неожиданно тоскливо добавил: — Клянусь Матерью, надеюсь, ты пойдешь с нами. Регор, проследи, чтобы позаботились о животном. Возьми это, Грейдон, — он наклонился и поднял ружье. — Завтра покажешь нам, что это такое. Я отведу тебя в твое помещение. Подожди меня, Дорина.

Он взял Грейдона за руку и повел к стене, противоположной той, через которую Грейдон вошел. Хуон раздвинул занавес.

— Иди за мной.

Проходя, Грейдон оглянулся. Дорина стояла, глядя на них все с тем же задумчивым и зловещим выражением лица.

Грейдон вслед за Хуоном вышел в другой ярко сверкающий коридор с черными стенами.

11. ПЛЕМЯ БЕССМЕРТНЫХ

— Вставай, парень, мойся и завтракай. Скоро соберется Товарищество, и я отведу тебя.

Грейдон, не понимая, смотрел на разбудившего его человека. У ног кровати стоял Регор, с широкой улыбкой на лице; шрамы превратили его улыбку в благожелательную гримасу горгульи. Он сменил кольчугу на облегающую одежду, по-видимому, принятую среди мужчин Ю-Атланчи. Впрочем, он остался Черным Регором, и одежда его была черной, и плащ, свисавший с широченных плеч, тоже черный.

Грейдон осмотрелся в комнате, куда привел его Хуон, увидел толстый ковер, как будто сплетенный из серебряных нитей, стены, увешанные шпалерами со странными изображениями; у одной стены занавес отдернут и открывает альков со сверкающим бассейном. Грейдон вспомнил события вчерашнего дня.

Два молчаливых смуглых человека вчера вечером выкупали Грейдона, сделали массаж тела, снимая усталость и следы когтей Кона; тем временем с ним разговаривал Хуон. А потом посидел с Грейдоном, пока тот ел незнакомые блюда. Их принесли в хрустальной посуде две индейские девушки с широко раскрытыми от удивления глазами. Хуон налил ему вина, задавая множество вопросов о людях, живущих за пределами Запретной земли. Его мало интересовали их искусство, наука или государственное устройство, но очень — как к ним приходит смерть, как поступают со стариками, каковы брачные обычаи, много ли детей и как их воспитывают. Снова и снова возвращался он к вопросу о смерти и тех формах, которые она принимает, как будто эта тема необъяснимо привлекала его.

Наконец он замолчал, размышляя; потом, вздохнув, сказал:

— Так же было у нас в старину — и кто скажет, как лучше?

Он неожиданно встал и вышел из комнаты; свет стал тусклым, Грейдон лег на кровать и крепко уснул.

Почему Хуон так настойчиво возвращался к вопросу о смерти? Это смутно тревожило Грейдона. Вдруг он вспомнил: Суарра говорила, что ее народ закрыл Двери Смерти. Тогда он понял ее не буквально. Но может быть...

Он оторвался от своих размышлений, нетерпеливо встряхнулся, подошел к бассейну, умылся и вытерся шелковым полотенцем. Вернувшись в комнату, он обнаружил на столе фрукты, пшеничный хлеб и молоко. Он быстро оделся и сел за стол. Только тогда Регор заговорил.

— Парень, — сказал он, — я тебе говорил, что я хитер. Так вот

моя хитрость утверждает, что и ты хитер и не все рассказал нам вчера вечером. Особенно — ты ничего не сказал о приказе Матери.

— Боже! — воскликнул Грейдон. — Ничего в этом хитрого нет. Я предупредил, что не могу рассказать, как...

Он остановился, боясь оскорбить гиганта. Но Регор широко улыбнулся.

— Я не об этом. Ты старательно не упоминал награду, которую пообещала тебе Мать, если ты выполнишь ее приказ... и сумеешь добраться до нее.

Грейдон подскочил, от изумления подавившись куском хлеба.

— Хо! Хо! — заревел Регор и звучно шлепнул Грейдона по спине. — Ну разве я не хитер?

— Дорины здесь нет, — продолжал он негромко, глядя на потолок, — а Хуону я не обязан обо всем рассказывать.

Грейдон повернулся на стуле и посмотрел на Регора. Тот насмешливо глядел на него, но в глазах его было подлинное дружелюбие, и решимость Грейдона начала ослабевать. В Хуоне, впрочем, как и в Лантлу, что-то заставляло Грейдона чувствовать себя одиноким, что-то чуждое, нечеловеческое. Может, красота, превосходящая классические образцы? Он не знал. Но Регора это не касалось. Регор был как будто из другого мира. И к тому же он доказал свою доброту.

— Можешь доверять мне, парень, — ответил на его мысли Регор. — Вчера вечером ты проявил мудрость, но то, что было мудро вчера, совсем не обязательно мудро и сегодня. Вероятно, тебе поможет, если я скажу, что знаю Суарру и люблю ее, как собственную дочь.

Грейдон принял решение.

— Договоримся, Регор, — сказал он. — Вопрос за вопрос. Ответь на мой, и я отвечу на твой.

— Договорились, — проворчал Регор, — и если мы заставляем Товарищество ждать, пусть погрызут ногти.

Грейдон перешел прямо к беспокоившему его вопросу.

— Хуон задавал вчера много вопросов. И большинство из них о смерти в моей земле, ее формах, как она приходит к нам, как долго живут у нас люди. Можно подумать, что он знает только смерть от убийства. Почему Хуон так интересуется смертью?

— Потому что Хуон бессмертен, — спокойно ответил Регор.

— Бессмертен? — недоверчиво переспросил Грейдон.

— Бессмертен, — повторил Регор, — если, конечно, кто-нибудь не убьет его или он сам не предпочтет... выбор, который есть у всех нас.

— У всех вас? — снова переспросил Грейдон. — И ты, Регор, тоже?

— Даже я, — ответил гигант, вежливо поклонившись.

— Но ведь не индейцы! — воскликнул Грейдон.

— Нет, не они, — терпеливо ответил Регор.

— Значит, они умирают, — Грейдон отчаянно пытался найти хоть

какую-то брешь в этой чудовищной концепции. — Они умирают, как и мы. Почему же Хуон на их примере не узнал о смерти? Зачем спрашивать меня?

— На это есть два ответа, — с глубокомысленным видом ответил Регор. — Во-первых, ты, и, следовательно, весь твой народ, гораздо ближе к нам, чем эмеры — вы зовете их аймара. Поэтому, рассудил Хуон, он, вероятно, сможет узнать у тебя, какой была бы Дверь Смерти для нас, если бы мы решили открыть ее в Ю-Атланчи, во всей Ю-Атланчи. Кстати, это одна из причин, почему мы стали отверженными. Во-вторых, эмеры, за редчайшими исключениями, не живут долго и умирают все одинаково. Их убивают, прежде чем у них появляется возможность умереть другим путем. Это другая причина, почему мы стали отверженными.

Грейдон чувствовал себя, как в кошмаре.

Суарра тоже — бессмертная? Но, во имя Бога, сколько же ей тогда лет? Мысль эта была определенно неприятной. Это скрытое племя, они не люди, они необычны. Не может Суарра быть одним из этих — чудовищ! Он не осмелился спросить прямо, подошел со стороны.

— Дорина тоже?

— Естественно, — спокойно ответил Регор.

— Она очень похожа на Суарру. Могла бы быть ее сестрой.

— О, нет, — ответил Регор, — дай-ка сообразить. Она сестра бабушки Суарры... или ее прабабушки. Что-то в этом роде.

Грейдон подозрительно посмотрел на него. Издевается над ним Регор, что ли?

— Что-то вроде тетки, — саркастически сказал он.

— Можно и так, — согласился Регор.

— Дьявол! — воскликнул Грейдон в отчаянии и ударил кулаком по столу. Регор удивленно посмотрел на него, потом засмеялся.

— А какая разница? — спросил он. — Однодневный ребенок, если бы он мог думать, счел бы тебя такой же древностью, какой ты считаешь меня. Но он воспринял бы это как нечто естественное. Все относительно. И если тебя оскорбляет наш возраст, — вкрадчиво добавил он, — будь признателен, что Дорина сестра прапрабабушки Суарры, а не наоборот.

Грейдон рассмеялся; в здравом смысле есть нечто успокоительное. И все же, возможно, Суарре сотни лет! Не свежая, юная весна, какой он считал ее! Нет смысла плакать об этом. Либо да, либо нет. Он отодвинул в сторону всю проблему.

— Еще один вопрос, и я готов отвечать. Никто из вас вполне не поверил мне, пока я не рассказал о Лике, и мой рассказ испугал вас. Почему?

Теперь Регор выглядел обеспокоенным, лицо его потемнело, потом побледнело, ярким рубцом выделился шрам.

— И опять ты испугался, — с любопытством сказал Грейдон. — Почему?

— Я испугался Тени, — с усилием ответил Регор. — Злой Тени, которую ты вернул к жизни. Древней сказки, которая из-за тебя стала правдой. Больше не будем об этом.

Тень... женщина-змея тоже говорила о тени... связывая ее с врагом, которого они называют Темным... было и имя... Тень... кого же? А, да, он вспомнил.

— Ты говоришь загадками, — сказал он. — Как будто я ребенок. Ты боишься назвать Тень? Я не боюсь. Тень Нимира.

У Регора отвисла челюсть, потом со щелчком закрылась. Он сделал угрожающий шаг к Грейдону, лицо его отвердело, глаза стали мрачными, полными подозрения.

— Мне кажется, ты слишком много знаешь! И слишком мало боишься...

— Не будь дураком! — резко ответил Грейдон. — Если бы я знал, чего вы боитесь, разве стал бы я спрашивать? Я знаю имя — и все; еще только, что он враг Матери. Как я это узнал, расскажу позже — после того, как ты ответишь на мой вопрос. И не надо больше загадок.

Целую минуту гигант смотрел на него, потом пожал плечами и сел.

— Ты меня потряс, — уже спокойнее сказал он. — Из всего Товарищества я один, как мне кажется, знаю имя Нимира. Оно давно забыто. Властитель Зла — так его зовут все. Но перед этим у него было имя...

Он наклонился к Грейдону, положил руку на его плечо, и его жесткий рот скривился.

— Клянусь Силой, которая над всеми нами, я хочу верить тебе, парень! Не дай этой вере умереть!

Грейдон пожал его руку.

— Клянусь Силой, которая над всеми нами, ты можешь мне верить, Регор.

Регор кивнул, лицо его опять стало спокойным.

— Это древняя история, — начал он. — Давным-давно в Ю-Атланчи правили семь Властителей и Адана, Мать-Змея. Они были не похожи на других людей, эти Властители. Хозяева знаний, владельцы странных тайн, обладатели необычных сил. Они победили жизнь и смерть, сдерживая смерть и переделывая жизнь по своему желанию. Века и века назад пришли они в эту землю вместе с Матерью и ее народом. Благодаря своей мудрости они перестали быть людьми, эти Властители. Во всяком случае мы бы не сочли их людьми, хотя когда-то они были подобны нам.

И вот один из них начал тайно злоумышлять против остальных,

он хотел отобрать у них всю власть. И править в одиночку, самодержавно. И не только в Ю-Атланчи, но и по всему миру, превратив все живое в своих рабов. Чтобы самому быть на троне. Всемогущим. Земным богом. Медленно, тайно начал он вооружаться страшными знаниями, неведомыми остальным.

И когда почувствовал себя достаточно сильным, ударил. И почти выиграл. И выиграл бы, если бы не хитрость и мудрость Матери.

Этот Властитель был Нимир.

Его победили, но не смогли уничтожить. Однако благодаря своим знаниям Властители заточили его. Как говорит древняя легенда, они заточили его в скале.

А на скале высекли Лик — изображение самого Нимира. Не в насмешку... у них была определенная цель... но никто не знает, какая это цель. И они привели в действие силы, которые, пока существует Земля, будут держать Нимира взаперти. О драгоценностях, о текущем золоте легенда ничего не говорит. Сделав это, шесть Властителей и Мать Адана вернулись в Ю-Атланчи. И надолго воцарился мир. Прошло много времени. Один за другим те, чьи глаза созерцали Властителя Зла, уставали и открывали Двери Смерти. Или Двери Жизни, производя детей и затем уходя в темный вход — такова плата за детей в Ю-Атланчи! И вот наступил день, когда не осталось никого, кто знал бы всю правду, кроме горстки создателей снов, но кто же поверит создателям снов? Война, ставкой в которой был весь мир, превратилась в легенду, в притчу.

И вот не так давно, если измерять время по меркам Ю-Атланчи, возник слух, что злой Властитель возродился. Вернее, его Тень; Тьма, шепчущая Тьма; бестелесная, но ищущая тело; обещающая все на свете тем, кто повинуется ей; шепчущая, шепчущая, что она и есть Властитель Зла. И что урды, люди-ящеры, ее рабы.

Впервые услышав слух о Тени и ее шепоте, мы рассмеялись. Мы сказали: проснулся создатель снов, и кто-то ему поверил. Но число последователей Тени увеличивалось, и наш смех стал не таким громким. Быстро росли жестокость и зло, и мы поняли, что Властитель Зла или нечто другое, но какой-то яд разливается по Ю-Атланчи. Из всех Властителей остался к этому времени лишь один, и он, и Мать давно отдалились от нас. Мы попросили встречи с Матерью, она осталась равнодушна. Потом власть захватил Лантлу, и для многих из нас жизнь в древнем городе стала невыносима. Следуя за Хуоном, мы нашли убежище в этих пещерах. И все темнее становилась Тень над Ю-Атланчи. Но мы по-прежнему говорим: «Она не древний Властитель Зла». И вот пришел ты. И сказал: «Я видел тайное место! Я взглянул в глаза Лика!»

Регор встал и зашагал по комнате. На его лбу выступили капли пота.

— И теперь мы знаем, что Тень не лгала и что она и Властитель Зла — одно и то же. Он нашел способ частично освободиться и, воплотившись в тело, сумеет разорвать все путы, освободиться полностью и править здесь, а со временем по всей Земле, в чем ему помешали много веков назад.

Снова Регор начал беспокойно расхаживать и опять остановился, глядя в лицо Грейдону.

— Мы боимся, но не смерти, — сказал он, повторив слова Суарры. — Может произойти нечто бесконечно хуже смерти. Мы боимся жить — в таких формах и таким образом, как придумают Властитель Зла и Лантлу. А они придумают, будь уверен в этом.

Он закрыл лицо плащом. А когда открыл, сумел взять себя в руки.

— Ну, парень, будем храбрыми, — прогремел он. — Ни Лантлу, ни Темный Властитель еще не овладели нами. Теперь твоя очередь. Так что же пообещала тебе Мать?

И Грейдон, чувствуя тупой ужас, рассказал ему о своем видении. Регор слушал молча. Но в глазах его появилась надежда; а когда Грейдон повторил угрозу женщины-змеи в адрес Лантлу, он вскочил с радостным криком.

— Ты должен добраться до нее и доберешься! — сказал он. — Я не говорю, что это будет легко. Но есть пути, да, есть. И ты передашь Матери наше послание, что мы готовы присоединиться к ней и сражаться, как можем. И что в Ю-Атланчи больше достойного спасения, чем она считает, — добавил он с горечью. — Скажи ей, что мы все с готовностью отдадим свои жизни, чтобы помочь ей победить.

Откуда-то издалека донесся мелодичный звук колокола.

— Товарищество собралось, — сказал Регор. — Это сигнал. Не говори им ничего из того, что рассказал мне. Повтори только то, что говорил вчера вечером. Там будет Дорина. А я ничего не говорил тебе. Понял, парень?

— Понял, — ответил Грейдон.

— И если ты будешь хорошим, — сказал Регор, остановившись у дверного занавеса и ткнув своей палицей в ребра Грейдона, — если будешь очень хорошим, я скажу тебе кое-что еще.

— Что?

— Сколько на самом деле лет Суарре! — ответил Регор и вышел со смехом.

12. ТАЙНЫЙ ДРЕВНИЙ ГОРОД

Грейдон решил пересмотреть свою оценку Черного Регора. Внутренне он смеялся над хвастовством Регора о его хитрости, считая ее ясной и прозрачной, как воздух. Теперь он знал, что ошибся. Уклон-

чивое упоминание о возрасте Суарры свидетельствовало о том, как верно разгадал Регор мысли Грейдона. Но это были лишь цветочки. Гораздо существеннее, что Регор догадался о том, что Грейдон скрыл большую часть своей истории.

К тому же Регору была свойственна независимость мышления, проявлявшаяся и в словах, и в действиях. Может, он и человек Хуона, но у него есть свое мнение. Доказательство — его недоверие Дорине. И тот способ, которым он вчера вечером внушил это зловещее недоверие Хуону, тоже был достаточно тонок. К тому же у него есть чувство юмора, а Грейдон почему-то был уверен, что у Хуона его нет.

Коридор, по которому они шли, оказался коротким. Кончился он большой дверью из черного металла, охраняемой индейцами в желтых килтах.

— Помни! — предупредил Регор. Дверь скользнула в сторону, открыв паутину занавеса. Регор развел эту паутину, и Грейдон вошел следом за ним.

Он стоял на пороге огромного помещения, с высокого потолка которого лился свет, золотой и ослепительный, как солнечный. Зрение его прояснилось, и он увидел двойной полукруг сидений, высеченных будто из розового коралла. Сидения занимали около ста человек, мужчины в желтом, женщины в одежде ярких цветов; при первом же взгляде Грейдон увидел, что каждый из них обладал той же беспокоящей красотой, которая была наследственным признаком этой удивительной расы. Глядя на них, Грейдон вновь ощутил странное одиночество.

Перед полукругом находилось невысокое возвышение, на нем широкая скамья из розового коралла, покрытая подушками; перед скамьей пьедестал, похожий на трибуну оратора. На скамье сидела Дорина, рядом с ней поднимался со своего места Хуон. Он быстро спустился, вежливо приветствовал Грейдона и, взяв за руку, провел на возвышение, где его приветствовала Дорина легчайшим взмахом черных ресниц и небрежным кивком. Регор сел рядом с Дориной, а Хуон повернул Грейдона лицом к аудитории и поднял его руку с браслетом. Увидев браслет, все смолкли и в приветствии подняли руки.

— Это Товарищество, — начал Хуон, — отверженные ю-атланчи, те, кого ненавидят Лантлу и Темный Хозяин и кто ненавидит их, верные дети Матери, готовые служить ей, если она позволит. Я рассказывал им кое-что о тебе; сказал также, что мы трое тебе верим. Однако, хотя меня называют предводителем, я всего лишь один из них. Их право судить тебя. Говори — они слушают.

Грейдон подобрал слова и начал рассказ. По мере того, как он говорил, его слушали все внимательнее; он подумал, что если говорить о его судьбе, то это слушание — всего лишь формальность; еще до его прихода Хуон убедил их, что он говорит правду. С этой мыслью к

Грейдону пришла уверенность и, так как он ощущал все растущую симпатию и одобрение, легкость, речь его текла все более плавно.

И когда наконец он привел их в пещеру Лика, все сомнения кончились, слушатели застыли в напряженном внимании, бледные, с побелевшими губами, с ужасом в глазах. «Они подобны серафимам, — подумал Грейдон, — получившим неожиданное известие, что Сатана со своим войском прорвал врата неба». Но если они и испытали ужас, то не было ни следа паники, отчаяния, душевной слабости на этих прекрасных масках, которые смотрели на него так восторженно. Когда он кончил, послышался долгий вздох, и наступило молчание.

— Вы слышали, — нарушил молчание Хуон. — Теперь те, у кого есть сомнения, могут спрашивать.

Послышался шепот, слушатели обращались друг к другу, образовывались небольшие группы разговаривающих. Потом прозвучал голос:

— Хуон, мы верим. Он должен побыстрее добраться до Матери. Остается решить, как это сделать.

— Грейдон, — обратился к нему Хуон, — вчера вечером я сказал, что если мы тебе поверим, ты сможешь идти своим путем, как подскажет тебе твой разум, или можешь попросить нашей помощи, и мы поможем тебе, чем сможем. Теперь ты должен решить. Подожди, — сказал он, когда Грейдон собрался заговорить, — мы никого не обманываем щедрыми обещаниями, которые, как мы знаем, трудно исполнить. Может так получиться, что наша помощь принесет тебе больше вреда, чем пользы. Прежде чем примешь решение, взгляни на доску, на которой развертывается игра.

Он прошел по возвышению к дальнему концу комнаты. Отбросил толстый занавес, закрывавший стену. За ним оказался сверкающий черный камень. Хуон положил на него руку, и медленно появилось круглое отверстие. Сквозь него долетел порыв ароматного ветерка.

Грейдон смотрел на скрытую Ю-Атланчи.

Далеко внизу под ним блестели голубые воды длинного озера. Убежище Хуона находилось в узком конце этого озера. Золотые пляжи и цветущие луга окружали озеро. За лугами — густой лес, он уходил на мили, пока не отбрасывался, как зеленая волна, утесами, крутыми, серыми, в тысячи футов вышиной. Грейдон посмотрел на озеро, на его расширяющиеся к югу берега. Пейзаж был затянут тонкой дымкой, но вдалеке Грейдон различил какие-то вспышки, будто там рассыпали содержимое гигантской шкатулки с драгоценностями. Напротив этого места утесы начинались прямо от воды, снова сужая озеро. А в утесах ряд огромных черных овалов, как окна, открытые во тьму. За каждым овалом виднелась гигантская фигура.

Конечно! Эти рассыпанные драгоценности — тайный древний город. Овальные отверстия — пещеры, которые он мельком видел, когда был вызван женщиной-змеей; охраняющие фигуры — колоссы. А слева, там,

где к крутому утесу примыкал могучий контрфорс, прислонившись к зелено-черной стене пропасти, сверкал серебряный жезл. Водопад из его видения.

Хуон протянул ему хрустальную маску, и Грейдон поднес ее к глазам. Цветная полоска прыгнула вперед и превратилась в город со множеством башен и башенок, город, построенный джиннами из золота и серебра, крыши которого из сапфира и бирюзы, горящих рубинов и сверкающих бриллиантов. Грейдон различал летящую по ветру пену водопада. Он увидел, что среди колоссов нет двух одинаковых: некоторые в виде женщины, другие, подобно богам древнего Египта, обладали головами зверей и птиц. Их высоту он оценил в сто футов. Взгляд его задержался на нагой женской фигуре, с мощными пропорциями, но изысканной. У нее было лицо улыбающейся лягушки.

За городом длинный невысокий холм. На вершине его здание, чьи пропорции делали карликовой даже колонную необъятность древнего Карнака. Здание из белого мрамора, оно нависало над сверкающим городом, как весталка в белых одеждах. Перед зданием большие колонны, но без всяких украшений. В здании циклопическая простота и отчужденность; и однако, подобно колоссам, оно тоже, казалось, стоит на страже.

Улиц Грейдон не увидел, только аллеи с редким движением. На западе, юге, востоке его взгляд останавливали доходящие до неба горы. Запретная земля представляла собой обширную круглую чашу примерно тридцати миль в диаметре.

— Вот твоя цель, — Хуон указал на храм. — Здесь живет Мать... и Суарра.

Отверстие закрылось; Хуон опустил занавес и провел Грейдона обратно на возвышение.

— Ты видел, — сказал он. — Но ты не мог видеть препятствий на пути, который кажется таким коротким и открытым. Город хорошо охраняется, Грейдон, и вся охрана — люди Лантлу. На пути в храм тебя задержат десятки раз. Поэтому оставь надежду прокрасться к Матери тайком, без помощи. Тебя неизбежно отведут к Лантлу. И, по древнему закону, твоя жизнь обречена.

Но, возможно, если ты смело войдешь в город, предъявишь в качестве пропуска свой браслет и потребуешь свидания с Матерью, — возможно, так просто ты добьешься цели. Может быть, Лантлу, смущенный тем, что ты миновал вестников и добрался до города, не посмеет убить тебя или задержать, не дать доступа к Матери.

— Он поступит не так, — проворчал Регор, — Лантлу не дурак, он сердечно приветствует тебя, выяснит у тебя все, что сможет, а потом, под предлогом, что Мать следует подготовить, задержит, возможно, подмешает в питье сонное зелье, а пока ты спишь, посоветуется с

Темным Хозяином, что с тобой делать. Не думаю, чтобы таким путем ты добрался до Матери.

Среди Товарищества послышался одобрительный ропот, и сам Хуон кивнул в знак согласия.

— Все же он должен обдумать и эту возможность, — сказал он. — Ну, если этот план отвергнуть, возникает вопрос о нашей помощи. Откровенно говоря, Грейдон, она не может быть слишком большой. Из древней расы в живых осталось мало. Нас около двух тысяч. Тех, что здесь, чуть больше сотни. Из тех, что в городе, с нами около трехсот; они служат нам лучше, оставаясь там. Из оставшихся примерно полтысячи — создатели снов. Их ничего на земле не интересует. Остальные с Лантлу, в его забавах и делах, они все последователи Темного Хозяина.

Мы не можем открыто выяснять отношения с Лантлу. В его распоряжении ксинли: и охотничьи, и верховые; а верховые не менее опасны, чем охотничьи. Через Темного Хозяина он контролирует урдов, ящеролюдей. И против всего этого у нас только мечи, копья, луки, стрелы и боевые палицы. Когда-то мы располагали иным оружием — звуки, летящие вперед, как быстрые искры, поджигая и убивая того, на кого они падали; тени, превращавшие противника в лед; огненные фигуры, пожиравшие все живое; другие необычные способы смерти. Но, как говорится в наших легендах, после одной ожесточенной войны все это оружие было спрятано в пещере, и никто не может использовать его против других. А может, оно все уничтожено. Во всяком случае, у нас его нет.

Я говорю тебе все это, Грейдон, чтобы объяснить, почему мы просто не берем тебя за руку и не идем с тобой к храму. Если бы у нас было хоть что-нибудь из древнего оружия...

— С этим оружием мы пошли бы с тобой, — взревел Регор. — Мать знает, где оно, если оно еще существует, поэтому ты должен убедить ее дать нам его. Клянусь всеми преисподними, если Темный Хозяин действительно Властитель Зла, Адане пора подумать о собственной безопасности. Может, он тоже знает, где скрыто это оружие!

— Вот что мы можем сделать, Грейдон, — продолжал Хуон. — Можем спрятать тебя среди друзей в городе, если ты доберешься туда незамеченным. После этого подумаем, как провести тебя в храм. А если ты будешь в храме и Лантлу попробует захватить тебя, это означает открытую войну между ним и Матерью. Откровенно говоря, это нас и интересует. Опасность в том, что тебя обнаружат, прежде чем ты доберешься до нее. Но, думаю, с нашей помощью у тебя все-таки больше шансов.

— Я тоже, — ответил Грейдон. — Но так или иначе, Хуон, что-то говорит мне, что наши судьбы переплетены. Если я выиграю, для тебя

и для всех, кто хочет изменить жизнь Ю-Атланчи, есть надежда. Если вы принимаете меня, я пойду с вами.

Лицо Хуона просветлело, он схватил Грейдона за руку, Регор хлопнул его по плечу, а из рядов Товарищества донесся вздох облегчения. Неожиданно послышался сладкий голос Дорины.

— Мне кажется, вы упустили простейшее решение. Ясно, что не только Мать, но и Суарра привела Грейдона сюда. Ясно также, что Суарра интересуется им, если не сказать сильнее. А Суарра — любимица Матери. Надо тайно сообщить Суарре, что Грейдон вернулся, пусть назначит ему встречу; а на встрече она расскажет ему, как ему лучше всего добраться до Аданы.

Грейдон видел, как Регор подозрительно взглянул на Дорину, но Хуон приветствовал ее предложение, и после небольшого обсуждения Товарищество его одобрило. Было решено немедленно отправить к Суарре посланца с сообщением о приходе Грейдона; в качестве доказательства он по предложению Регора написал одну строку: «Клянусь пером caraquenque на моем сердце, это правда», и больше ничего. Также по предложению Регора местом встречи была выбрана первая пещера колоссов, близко к водопаду и почти на уровне озера.

— Никто не остановит ее и не спросит, куда она идет, — сказал Регор. — Она может сказать, что послана Матерью, по ее поручению. Никто не посмеет вмешиваться, да и зачем? Она и раньше приходила в пещеры. Встреча произойдет в сумерках, скажем, в пятом часу. Я с полудюжиной воинов буду охранять Грейдона. Я знаю путь, на котором нас не обнаружат.

Так и было решено. Подготовили послание для Суарры, и один из вестников, индеец, ушел с ним. Грейдон смутно представлял себе, как он доберется до Суарры. Как будто индеец должен пройти между своих соплеменников, о которых известно, что они поддерживают отверженных в пещерах, и оттуда к эмерам, охраняющим храм и повинующимся только Матери-Змее и Властителю Глупости. А те уже позовут Суарру.

Этот день Грейдон провел с Хуоном и Товариществом и обнаружил, что эти люди веселые, остроумные и приятные собеседники, а их женщины обладают опасным очарованием. Он пообедал с ними. Дорина была подчеркнуто внимательна к нему, но ревность Хуона утихла. Подобно Хуону, Дорина интересовалась смертью, и ту часть вечера, что она провела с Грейдоном, он нашел не слишком веселой. Наконец она долго молчала и потом сказала:

— Если Хуон победит и станет правителем Ю-Атланчи, он угрожает открыть для всех нас Двери Смерти. Почему у нас не может быть права выбора?

И не давая ему времени ответить, она прямо взглянула на Грейдона прищуренными глазами и с решимостью сказала:

— Я не собираюсь умирать! Можешь так и сказать Матери — если доберешься до нее!

Неожиданно она повернулась и ушла.

Позже, когда он уже собрался ложиться спать, пришел Регор.

— Парень, — сказал он, — у меня дурное предчувствие. Я сам собирался предложить встречу с Суаррой, но мне не нравится, что это исходит от Дорины. Поэтому Суарра встретится с нами не в пятом часу, а в третьем. И не у первой пещеры, а у пещеры с женщиной-лягушкой.

— Но послание отправлено, — возразил Грейдон. — Как Суарра узнает об изменениях?

— Об этом не беспокойся, — ответил гигант. — Я своим хитрым способом послал вместе с твоим собственное сообщение. Даже посыльный не знает о нем. Если перо caraquenque вернется, значит Суарра поняла. Если нет — придется идти к первой пещере.

Он мрачно кивнул.

— Повторяю, мне не нравится, что эта мысль исходит от Дорины. Ну, ладно...

Он пожелал спокойной ночи и вышел.

13. ПЕЩЕРА ЖЕНЩИНЫ-ЛЯГУШКИ

На утро третьего дня Грейдону сообщили, что Суарра получила его послание и назначила встречу на сегодняшний вечер. Она вернула перо птицы caraquenque, показывая, что поняла и будет в пещере женщины-лягушки.

— Даже Хуон не знает, куда мы идем, — сказал Регор. — Если бы он знал, Дорина выведала бы у него. Две ночи сна не уменьшили мое недоверие. Думаю, у нее другая цель, чем просто облегчить тебе доступ к Адане и встречу с женщиной, чьей теткой она, можно сказать, является, — добавил он с улыбкой.

Грейдон и сам много думал об этом; он пересказал Регору свою любопытную беседу с Дориной.

— Возможно, — сказал он, — она хочет предать меня Лантлу. Она считает, что если я доберусь до Матери, немедленно начнется борьба. И если Хуон выиграет в ней, он будет править и откроет Двери Смерти, а она этого ужасно боится. А если меня уберут, все пойдет как прежде, и она получит время, чтобы отговорить Хуона от его намерения. Я думаю, это подкрепляет твои подозрения.

Регор задумчиво слушал.

— Не секрет, что Дорина в этом не согласна с Хуоном. Между ними всегда шли споры. Он так же сильно хочет детей, как она — бессмертия. До твоего появления здесь он убеждал ее присоединиться к нему и открыть обе Двери. Она не соглашалась. Другие женщины

согласны. Но Хуон однолюб. Он убьет Дорину, если она предаст его, но не будет отцом ребенка другой женщины.

Он с ворчанием ходил по комнате.

— Ты дал мне о чем подумать, — он остановился. — Но есть и другая сторона, которую Дорина также не упустила. Если ты попадешь в ловушку, то Суарра тоже. Она сильно рискует, встречаясь с тобой. Достаточно, чтобы ее осудил Совет, который контролируется Лантлу. Ее могут приговорить к изгнанию. Совет вправе это сделать. Но если я знаю женщин — а Мать все-таки женщина, — она не позволит, чтобы ее любимица страдала. И вот тогда действительно начнется борьба, которая кончится уничтожением либо Лантлу, либо самой Аданы. А вот этого, если ты прав, Дорина не хочет.

— Боже, Регор! — воскликнул в ужасе Грейдон. — Почему ты не сказал мне об этом до того, как я рассказал о ее возвращении ко мне? Если эта дьявольская кошка передаст сообщение Лантлу, Суарра окажется в его власти!

— Нет, — ответил гигант. — Нет, не окажется. Видишь ли, парень, тогда с ней был Властитель Тиддо. Она повиновалась его приказам.

— Может, он и сегодня придет с ней, — с надеждой сказал Грейдон.

— Нет, — покачал головой Регор. — Это другое дело. Тогда вас было четверо. И если бы не помощь Матери, ты, наверное, тоже каплей золотого пота соскользнул бы в пропасть вместе с остальными. Тогда вмешалась Мать. Она может вмешаться снова — ради Суарры. Но не ради тебя. И ты ведь передал ее слова, что ты должен добраться к ней с помощью собственного ума и храбрости. Поэтому вряд ли стоит сегодня рассчитывать на какую-нибудь защиту, кроме наших собственных средств.

Снова он проворчал что-то нечленораздельное.

— Больше того, — он, как пальцем, ткнул в Грейдона своей палицей. — Адана женщина, и потому изменчива. Она может решить в конце концов, что для Суарры ты не так важен, ей вся эта история может надоесть, и это может произойти в самое неудобное для тебя время...

— Дьявол! — воскликнул Грейдон, вскакивая на ноги. — Ты исключительно веселый собеседник, Регор!

— Что ж, — засмеялся Регор, — вот тебе и веселая мысль. Адана, безусловно, женщина, но все же не человек. Поэтому никто из нас с уверенностью не может предсказать, как она поступит.

И он покинул Грейдона, который боролся с угнетающей уверенностью, что Регор прав.

Остаток дня Грейдон провел с Хуоном и другими членами Товарищества; как и накануне, они хотели как можно больше узнать о мире, который вырос за пределами Запретной земли. Дорина не появлялась.

Они заинтересовались его ружьем и пистолетами, скептически оценив их шансы против динозавров; как детей, их больше интересовал порох, чем пули. Ксинли, объяснили они, уязвимы только в одном месте на шее под челюстями, и ударом копья снизу вверх в это место их можно убить. В загонах содержатся две сотни охотничьих ксинли и не более двух десятков верховых. Они размножаются редко, и из-за постоянных стычек друг с другом число их медленно, но постоянно уменьшается. Большие ксинли послушны, как лошади, и на них может сесть верхом любой. Но своры состоят из прожорливых дьяволов, послушных только Лантлу. Есть амфитеатр, где регулярно устраивают гонки больших динозавров; этот же амфитеатр используется как арена для схваток охотничьих динозавров с группами человекоящеров; на них приходится постоянно совершать набеги, чтобы их численность не слишком увеличивалась. Теперь Грейдон понял, почему дикари не доживают до возраста, который дал бы возможность Хуону увидеть, какие облики принимает смерть. Когда они стареют, их скармливают сворам.

Также выяснилось, что у Лантлу страсть к охоте на людей. Нарушителей законов и его личных врагов часто — первых открыто, вторых тайно — выпускали из-за решетки и давали им возможность бежать. Именно так, узнал Грейдон, потерял руку и приобрел свои ужасные шрамы Регор. Осмелившись выступить против жестокости Лантлу, он был пойман, выпущен тайно на свободу, и за ним началась охота. Он сумел уйти от преследователей, за исключением одного рыщущего динозавтра; сражался и убил его. Страшно израненный, он благодаря своей необыкновенной выносливости добрался до убежища Хуона, здесь его вернули к жизни. Цена, которую назначил Лантлу за его поимку, была лишь немного меньше цены за Хуона.

Грейдон все лучше понимал этих людей. Жалкие остатки народа, который был когда-то наиболее развитым на Земле, народа, достигшего такого уровня цивилизации, какого потом никому не удавалось достигнуть, — это было все, что сохранилось от могущественной доисторической культуры, маленький бассейн, постепенно ставший застойным. Сверхобеспеченные, сверхзащищенные, избавленные от необходимости каких-либо усилий, эти люди сохранили красоту тела, но инициатива, стремление продвигаться вперед или хотя бы вернуть утраченные знания предков атрофировались или в лучшем случае спали. Если не считать красоты — и беспокоящей мысли об их возрасте, — они казались нормальными людьми, очаровательно вежливыми.

Очевидно, среди них произошел раскол. Хуон и его последователи оказались атавизмом, проявлением прежних качеств этого народа. Лантлу и его приверженцы продвинулись в противоположном направлении: к жестокости, к равнодушию к страданиям, к наслаждению причиняемыми страданиями; они все ниже опускались в своем зле и стали орудием Темного. Те, кого называли создателями снов, вообще отка-

зались от всего человеческого, были ко всему равнодушны и бездейственны. И Грейдон подумал, что понимает, почему Хуон хочет открыть эти загадочные Двери, которые избавят их от бессмертия, ставшего проклятием этой расы. Он надеялся, что тем самым вернет свой народ ко временам его юности, вернет хотя бы часть прежней силы.

Теперь Грейдон признавал бессмертие как реальность. Изучая Кона, он понял, что наука, которая произвела эту чудовищную помесь человека и паука, вполне способна и на меньшее чудо — бесконечное продолжение человеческой жизни. Другим доказательством служили ящеролюди. И прежде всего Адана, Мать-Змея, своей несомненной реальностью утверждала: «Если возможны такие, как я, возможно все!»

День подходил к концу, сумерки начали заполнять окруженную горами чашу Запретной земли. Незадолго до выхода Регор принес черную кольчугу, и они с Хуоном надели ее на Грейдона. Кольчуга оказалась необычно легкой и гибкой. От поножей Грейдон отказался, предпочитая им собственные крепкие ботинки. Он перепоясался и сунул за пояс пистолет и несколько дополнительных коробок с патронами. Второй пистолет он оставил в кобуре под мышкой, хотя теперь и не мог его достать — он не знал, зачем делает это, разве что с привычной кобурой чувствовал себя увереннее. Он видел, что в его оружие не верят, поэтому, чтобы удовлетворить их, позволил Регору прикрепить к своему поясу ножны с коротким мечом из черного металла и взял еще изогнутую палицу. Если произойдет схватка, сказал Регор, они будут лицом к лицу с врагом; Грейдон решил, что гигант знает, о чем говорит, и странное оружие может оказаться полезным. Но себе он сказал, что все же больше доверять будет пистолету.

Проблему представляло ружье. Возможно, Суарра посоветует, как ему добраться до Матери-Змеи, и он не сможет вернуться в убежище Хуона. Поэтому он хотел бы захватить ружье с собой. Если предстоит рукопашная, ружье не только уступит пистолету и даже палице, но и вообще станет помехой; он попросил, чтобы его нес один из сопровождающих индейцев и чтобы этот индеец держался рядом. С ним согласились. Хуон надел ему на голову металлическую шапку, изнутри обитую мягким материалом, закрывающую уши и шею.

Сделав все это, Хуон положил руки на плечи Грейдону.

— Грейдон, — сказал он, — что-то говорит мне, что твой приход нарушил равновесие в Ю-Атланчи; судьба Ю-Атланчи, надолго замершая, снова пришла в движение. Ты — тот новый вес, который приводит ее в движение, к добру или злу — кто знает? Когда снова наступит равновесие, будет ли вверху Лантлу или те, кто противостоит ему, — опять же кто знает? Но мне кажется, что старый порядок в Ю-Атланчи пришел к концу. И что мы с тобой больше никогда не встретимся... встретимся еще раз, но на мгновение... и расстанемся под алым небом... с которого спустятся тени... тени убийственные и хо-

лодные... холодные тени будут сталкиваться с огненными тенями... и потом... больше никогда не встретимся... А до той встречи... желаю тебе благополучия, Грейдон!

Он резко повернулся и вышел из комнаты.

— Странно... — пробормотал Грейдон и вздрогнул, как будто две ледяные руки легли ему на плечи туда, где только что лежали руки Хуона.

— Да, странно, — резко сказал Регор. — Но, похоже, вы все-таки встретитесь. Поэтому сегодня смерть вас не ждет.

Они прошли из комнаты в помещение охраны, где их ждал десяток вооруженных аймара в килтах. Это были крепкие люди, вооруженные палицами и копьями, за поясами у всех короткие рубящие мечи. Одному из них Регор передал ружье и объяснил, что делать. Индеец с сомнением смотрел на ружье, тогда Грейдон несколько раз щелкнул курком и показал, что пока ружье на предохранителе, курок не двинется. Индеец, успокоившись, повесил ружье на ремне через плечо и занял свое место.

Впереди шел Регор. Вначале они двигались по широкому, хорошо освещенному туннелю, от которого отходили боковые коридоры. Грейдон решил, что стены прорезаны множеством проходов и помещений, больших и малых; интересно, работа ли это природы, древних обитателей Ю-Атланчи или это сделано позже. И с какой целью? Он думал также о способности этих стен светиться, но причину понять не смог. Либо стены покрыты каким-то стекловидным веществом, обладающим радиоактивными свойствами и неизвестным современной науке, либо древние нашли возможность размещать светящиеся атомы на стыках плит. В этом свете не было тепла, и он не отбрасывал теней.

Они прошли около мили, тут туннель расширился, превратился в склеп и закончился сплошной стеной.

— Здесь, — впервые за все время заговорил Регор, — начинается опасность.

Он стоял у стены, прислушиваясь; затем снял с пояса один из конусообразных предметов. Прижал его к резному символу на стене на уровне своего плеча. Шестифутовая часть стены начала медленно подниматься, как занавес. Когда она поднялась на несколько дюймов, двое индейцев легли на живот и заглянули в отверстие. Занавес поднялся еще на фут, индейцы пролезли под него и исчезли. Регор опустил руку, и каменный занавес остановился. Прошло около пяти минут. Индейцы вернулись и кивнули гиганту. Снова он прижал к символу конический предмет. Занавес быстро поднялся, открыв широкий проход, в который, нагнувшись, устремились эмеры, а за ними Регор и Грейдон.

Несколько футов в согнутом положении, и Грейдон смог распрямиться. Он увидел обширную пещеру, наполненную красноватым све-

том, таким слабым, что он едва отличался от темноты. Обернувшись к Регору, Грейдон увидел, что тот прячет конус в поясе. В стене, через которую они прошли, не было ни следа прохода.

Индейцы бесшумно, как привидения, кольцом окружили их, и начался быстрый марш. Грейдон собрался заговорить, Регор сделал предупреждающий жест. Красноватая тьма окружила их. Они шли сквозь тусклый, странно угнетающий свет по полу, покрытому желтым песком. Он не знал, как индейцы находят дорогу, но двигались они уверенно, и их быстрый шаг ни разу не замедлился.

Неожиданно они придвинулись ближе, коснулись его, и тут же слабый свет сменился полной тьмой. Однако скорость их продвижения не уменьшилась. Послышался сдержанный возглас Регора и приказ шепотом. Индейцы остановились. Над ними поднялся облачный светящийся шар и поплыл вперед. Вокруг него распространялось слабое свечение, как будто он заряжал молекулы воздуха радиоактивностью. Свет открыл перед ними узкий, резко уходящий вниз коридор. Они прошли по нему около двух тысяч футов, и тут свет стал меркнуть.

Пять раз над ними взлетали новые шары, освещая путь в туннелях. После ухода из убежища они прошли не менее четырех миль, и быстрый шаг начал сказываться на Грейдоне. Опять свет начал гаснуть, но тут впереди открылось овальное отверстие, заполненное лунными лучами. Здесь Грейдон остановился в изумлении и благоговейном страхе.

Он находился в еще одной пещере, стен и потолка которой не видел. Вся она была заполнена серебристым свечением, похожим на свет полной луны весной. Под этим светом на низких ложах лежали тела десятков и десятков мужчин и женщин; на всех лицах печать неземной красоты Ю-Атланчи; все как будто спят. Они лежали по всей пещере, уходя далеко, насколько хватало глаз. Вначале Грейдон подумал, что они спят; потом заметил, что грудь у них не поднимается в дыхании. Он смотрел на их волосы: серебряные, золотые, черные, красновато-бронзовые, на их красные губы; они походили на прекрасно раскрашенные статуи.

Прикоснувшись к волосам, к щеке ближайшего, он понял, что это не статуи; это тела, когда-то полные жизни; неведомой наукой они превращены теперь не в камень, а в неистребимое вещество, сохраняющее и цвет, и текстуру живой плоти.

— Мертвые ю-атланчи! — сказал Регор. — Это древние, умершие до того, как закрылись Двери Смерти. И те, кто потом по доброй воле открыл эти Двери, чтобы у нас могла возникнуть новая жизнь. Мертвые!

Индейцы беспокоились, хотели идти дальше. Они быстро покинули молчаливое помещение мертвых, и даже Регор, казалось, вздохнул с облегчением, когда они оказались в очередном коридоре в скалах.

— Еще немного, парень, — пробурчал он, — и будем на месте. Это самый безопасный путь. Мы прошли по пяти большим пещерам, обиталище мертвых — шестая; минуем входы еще в три и будем возле женщины-лягушки. Клянусь всеми чешуйками Матери, я хотел бы вновь оказаться на открытом воздухе.

Вскоре они осторожно вышли из коридора, и Грейдон почувствовал на лице свежий воздух и увидел небо, на котором полумесяц вышел из-за бегущих облаков.

Они пошли по узкой тропе. Здесь индейцы перестроились, часть ушла вперед, остальные двигались сзади. Слева высоко вздымалась зеленая растительность, скрывая озеро. Посмотрев вверх и назад, Грейдон увидел колоссальную женскую фигуру из чистого белого камня с руками, поднятыми к небу, — страж пещеры, из которой они вышли. Потом растительность сзади него сомкнулась.

Идти по тропе было легко и не темно, даже когда облака закрывали луну. Все громче и громче звучал водопад. Сквозь разрывы в деревьях и кустах Грейдон видел чудовищную фигуру женщины-лягушки на страже у черного овала — входа в еще одну пещеру.

Тропа начала подниматься. Она прошла за скальным выростом и превратилась в ряд крутых ступеней. Грейдон поднялся по ним. И оказался у входа в овальное отверстие пещеры женщины-лягушки. Он смотрел на колоссальную фигуру сидящей женщины, обнаженной, вырезанной из какого-то зеленоватого камня, который блестел, как обрызганный водой, под лучами луны. Чудовищное лицо улыбалось над изысканными плечами и грудью. Рядом зиял черный вход в пещеру.

Грейдон стоял на самом краю обширной платформы из гладкого камня. Прямо против него на расстоянии в полмили находился тайный город.

Залитый лунным светом он больше чем когда-либо казался построенным джиннами. Город больше, гораздо больше, чем он думал. Его дворцы вздымают вверх свои фантастические башни и купола; веселые цвета драгоценных камней смягчились, превратившись в гобелен, который протянулся на много миль, роскошный ковер, на котором радужные рисунки окружены арабесками темной зелени, белого, черного — это растительность, деревья, цветы, окружающие каждое здание. От минаретов, башен, куполов отходят тонкие арки света, лунные лучи, протянувшиеся, как мосты. В воздухе, над зеленью и чернотой, вспыхивают и исчезают крошечные танцующие огоньки, и вспыхивают вновь; светлячки, подумал Грейдон, играющие меж деревьев. Справа на город смотрит храм, девственно белый, величественный, невозмутимый.

Где-то в нем — Суарра! Может, она не смогла прийти на встречу. Он почти надеялся на это, потому что в сердце его все еще звучало прощание Хуона, и он боялся за Суарру. И в то же время яростно

жаждал, чтобы она пришла — какие бы опасности ни поджидали.

Рядом послышался шорох. Его руки коснулась маленькая рука. Он смотрел в мягкие темные глаза, прядь облачных волос поцеловала его щеку, он пошатнулся от ее аромата.

— Суарра! — прошептал он. — Суарра!

— Грейдон! — произнес сладкий голос. — Ты вернулся ко мне, любимый!

Она обняла его, губы ее оказались рядом, и медленно, медленно губы их встретились. И на время из мира исчезли опасность и страдание, печаль и смерть.

14. ТЕНЬ МАСКИ ЯЩЕРА

Тень женщины-лягушки, резко обрисованная лунными лучами, лежала фантастическим профилем от одного края большой платформы до другого. За ними тьма пещеры, между ними и городом озеро сверкает, как обширное серебряное зеркало, без волн, без признаков жизни. Ниже, на платформе, — индейцы. Голова женщины-лягушки, казалось, склонилась, вслушиваясь в их шепот.

— Грейдон! Грейдон! — всхлипывала Суарра. — Ты не должен был возвращаться! Как плохо, что я позвала тебя!

— Ерунда! — прогремел Регор. — Вы любите друг друга! Что же ему еще оставалось делать? К тому же он приобрел сильных друзей — Хуона, Черного Регора и еще одного друга, гораздо более сильного, или, клянусь Райзом, Поедателем Молний, он не прошел бы сюда! Я говорю о самой Матери. Дитя, — сказал он лукаво, — она научила тебя, как привлечь его обратно?

— Ах, Регор, — вздохнула Суарра, — вовсе нет. От этого у меня тяжело на сердце. Получив ваше послание, я прямо сказала ей об этом и попросила ее помочь, но сказала также, что с ее помощью или без нее, я все равно пойду. Она только кивнула и ответила: «Иди, Суарра, тебе ничего не угрожает». — «Я прошу защиты для него, Мать», — сказала я, и она не ответила. И я спросила: «Мать Адана, ты не призовешь его к себе через меня, чтобы никто не смел остановить его?» — Мать покачала головой: «Если он тебя любит, найдет дорогу ко мне и сам».

— Тебя никто не видел? Никто не следил за тобой? — спросил Регор.

— Нет, — ответила Суарра, — я уверена. Мы прошли через Зал Ткачей и в тайный проход, который идет под водопадом, оттуда наружу и по скрытой тропе по берегу озера.

— Ты шла тихо? Ничего не слышала, не видела в первой пещере?

— Очень тихо. И проход идет глубоко под пещерой, так что оттуда никто не мог бы увидеть. И я ничего не слышала, ничего, кроме шума водопада.

— А где Лантлу? — Регор не был удовлетворен.

— Сегодня вечером кормят ксинли, — ответила она и вздрогнула.

— Ну, тогда мы по крайней мере знаем, где он, — с удовлетворением сказал Регор.

— Что ж, — заговорил Грейдон, — по-видимому, многое зависит от того, смогу ли я лично засвидетельствовать свое почтение Матери. Она строго приказала мне сделать это...

— Грейдон, — мягко прервала Суарра, — для нас с тобой есть еще один выход. Если хочешь, я уйду с тобой к Хуону. Я люблю Мать. Но если хочешь, я не вернусь к ней, я отправлюсь с тобой к Товариществу. Я это сделаю ради тебя, любимый. Я не хочу, чтобы ты встретил смерть в Ю-Атланчи, а мне кажется, что она поджидает тебя на пути к Адане. С Хуоном мы сможем жить и быть счастливы — по крайней мере на время.

Грейдон услышал возглас изумления — это Регор; чувствовал, что от него напряженно ждут ответа, но молчал. Он испытывал сильное искушение. В конце концов можно ведь и уйти из убежища Хуона. И когда они будут проходить барьер, возможно, Мать-Змея удержит своих крылатых вестников — ради Суарры. А если он сможет благополучно увести Суарру, какое ему дело до Ю-Атланчи и всех живущих здесь?

Но тут же появились и другие мысли. Мать помогла ему, и не один раз, а дважды. Она спасла его от Лика! И она приказала своим вестникам защищать его и провести. Она испытывала его верность и храбрость. И показала, что в какой-то степени доверяет ему.

К тому же существует — этот Темный! Тень Нимира, Властителя Зла, угрожающая Матери... Хуон и Товарищество также поверили ему... и Регор... все они надеются на его встречу с Матерью, на то, что эта встреча поможет им освободить свою землю от зла, перестать быть отверженными.

Нет, он не может бежать, даже ради Суарры!

Он сказал ей об этом. И объяснил, почему.

И почувствовал, как успокоился Регор. У Грейдона было странное ощущение, что это жутко прекрасное нечеловеческое существо по имени Адана следит за его мыслями, одобряет их, и он принял окончательное решение.

И Суарра не удивилась. Он даже подумал, что это предложение не ее изобретение.

— Ну что ж, — спокойно сказала она, — тогда нужен какой-то другой план. Я уже думала об одном. Слушай внимательно, Регор. Через шесть ночей полнолуние, и в эту ночь Лэднофакси — праздник создателей снов. Все будут в амфитеатре. В городе останется мало стражи. Отведи Грейдона назад к Хуону. Через пять ночей, считая с этой, выскользните из убежища, обойдите озеро через болота. Пусть Грейдон

будет одет, как эмер, сделайте ему черный парик. Серый цвет глаз заменить нельзя, придется рискнуть.

Ты знаешь дворец Кадока. Он тайный враг Лантлу и друг Хуона и твой — но мне не нужно говорить тебе об этом. Отведи Грейдона к нему. Кадок спрячет его до ночи Лэднофакси. Я пришлю доверенного человека. Он отведет Грейдона в храм — и Грейдон придет к Матери. И придет благодаря своему уму и храбрости. Потому что для этого требуется храбрость. И разве не его ум отверг мое первое предложение? Условия Матери будут выполнены.

— Хороший план! — прогремел Регор. — Клянусь Матерью, план такой хороший, будто она сама его составила. Да будет так! А теперь, Суарра, тебе пора уходить. Ты пробыла здесь долго — меня все больше охватывает страх, а я не привык к страху.

— Хороший план, — согласился Грейдон. — И, сердце мое, иди, делай, как велит Регор. Потому что я тоже боюсь — за тебя.

Нежные руки охватили его шею, губы прижались к его губам, он почувствовал прикосновение влажных от слез щек.

— Любимый! — прошептала она. — Любимый!

И исчезла.

— Уф! — Регор испустил вздох облегчения. — Становится светлее. Нам ничего не остается, как вернуться и ждать пятой ночи. И начать раскрашивать тебя, — он засмеялся.

— Подожди! — Грейдон вслушивался изо всех сил. — Подожди, Регор! Может быть опасность... ее могли выследить. Слушай...

Несколько минут они неподвижно ждали. Все было тихо.

— Она в безопасности, — сказал наконец Регор. — Ты ведь слышал: Мать пообещала ей. Но нам она не обещала, парень. Наш путь назад не менее опасен, чем вперед. Пошли...

Он негромко свистнул ожидавшим индейцам. Они двинулись назад по платформе. Грейдон, глубоко задумавшись, смотрел на фантастический профиль тени женщины-лягушки. Луна поднялась выше и отбросила резкую тень колоссальной головы на начало противоположной стены пещеры. Грейдон смотрел на нее, отвлекшись от своих мыслей, пораженный ее гротескностью.

И увидел, как появилась другая тень — тень головы гигантского ящера. Грейдон повернулся, чтобы посмотреть, откуда падает эта тень.

На утесе, на уровне плеча женщины-лягушки, виднелась голова человекоящера, огромная голова, вдвое больше тех, что он видел. Красные глаза смотрели на него, большие челюсти раскрылись.

— Регор! — воскликнул он и потянулся за пистолетом. — Регор! Смотри!

В ноздри ударил тошнотворный запах мускуса. Когти вцепились в ноги Грейдона, он упал. Падая, Грейдон увидел, как существо, тень

головы которого он увидел, соскользнуло со стены; у него оказалось человеческое тело. Человек в маске!

Грейдон схватился с существом, свалившим его. Он слышал крик Регора. Пальцы его соскользнули с чешуйчатой кожи. Челюсти были так близко, что он почувствовал зловонное дыхание. Борясь с тошнотой, Грейдон мимоходом удивился, почему существо не пускает в ход свои челюсти. Рука его коснулась рукояти меча на поясе. Он выхватил меч и наудачу ударил им снизу вверх. Человек-ящер закричал и оторвался от него.

Вставая, Грейдон увидел, что откатился на несколько ярдов от пещеры. На платформе вверх и вниз молотила смертоносная палица Регора, разнося толпящихся вокруг человекоящеров. Рядом с гигантом отчаянно сражались всего два индейца.

На краю платформы стоял человек в маске ящера. Вокруг, охраняя его, кольцо индейцев в зеленых килтах. Он смеялся, и звук человеческого смеха, доносящийся из челюстей ящера, производил отвратительное впечатление.

— Пойман! — крикнула маска. — Попался в ловушку, старый лис! Убивай, но тебя не убьют! Не здесь, Регор! Не здесь!

— Грейдон! — взревел Регор. — Ко мне, Грейдон!

— Иду! — закричал Грейдон и прыгнул вперед.

Вокруг него сомкнулось кольцо чешуйчатых тел. Его хватали руки с когтями. Он отчаянно пытался удержаться на ногах.

Теперь рядом с Регором только один индеец, тот самый, с ружьем. Борясь, Грейдон видел, как у этого индейца вырвали из рук копье, как он перекинул ремень ружья через голову и схватился за рукоять как за дубину. Из ствола блеснул огонь, послышался громовой раскат, потом еще и еще — эхо выстрела от стен пещеры.

Тут Грейдон упал и больше ничего не видел, погребенный под горой тел человекоящеров.

Ремни прижали его руки к бокам, стянули ноги. Его быстро унесли в темноту. Он последний раз увидел вход в пещеру. Пусто. Ни Регора, ни индейца, ни человека в маске, ни его воинов-человекоящеров — все исчезли.

Ящеролюди несли Грейдона достаточно бережно. Их было множество: он слышал, как они свистят и визжат вокруг, мускусное зловоние становилось непереносимым. Насколько он мог судить, он не был ранен. Отчасти благодаря кольчуге, но не только: лицо и руки у него не были защищены, а металлическую шапку он потерял. Он припомнил, что эти создания не пытались пустить в ход свои когти и зубы, что его повалили просто весом тел, — как будто они получили приказ захватить его, но не причинять вреда.

Приказ? Но ведь это значит, что тот, кто отдал приказ, знал, что сегодня вечером он будет в пещере женщины-лягушки! В свою очередь это значит, что они были преданы, несмотря на все предосторожности Регора.

Дорина!

Ее имя, казалось, вспыхнуло во тьме, написанное огненными буквами.

Еще одна мысль потрясла его. Если враги Хуона знали о его приходе сюда, они знали и причину прихода. Боже, неужели Суарру тоже схватили?

Несомненно, была предпринята сознательная попытка отрезать его от Регора. Вначале к нему подобрались украдкой и отбросили на край платформы. Потом на него навалились спрятанные люди-ящеры, а другой отряд окружил Регора, образовав стену между ними.

Свистящая свора несла его во тьме, а Грейдон снова и снова думал о Дорине: Дорина не хотела вместе с Хуоном открыть Двери Смерти; Дорина не хотела, чтобы он встретился с Матерью, пока не убедит Хуона держать Двери Смерти закрытыми; Дорина, которая не хотела умирать!

Далеко ли они прошли во тьме, в которой люди-ящеры двигались легко, как при дневном свете? Он не мог определить их скорости. Но ему казалось, что прошли они несколько миль. Где они? Все еще в пещере женщины-лягушки?

Тьма без всякого предупреждения кончилась, как будто его пронесли через непроницаемый барьер.

В глаза ударил красный свет, гораздо более яркий, чем тот красноватый туман, через который они с Регором осторожно шли, покинув убежище. Но в этой красноте был тот же тревожный оттенок тьмы, смешанной со ржавчиной света. Повсюду вокруг ящеролюди, их множество, сотни. Его несут восемь таких существ, высоко подняв над головами на передних лапах. При красном свете их кожа приобрела оранжевый оттенок; петушиные гребни на головах ящеров стали ядовито-пурпурными. Ящеролюди топали, пересвистываясь друг с другом, по желтому песку.

Он лежал на спине, и поворот головы принес боль. Грейдон посмотрел вверх. Он не видел потолка, ничего не видел, только тьму. Постепенно становилось светлее, но красноватый свет по-прежнему казался порождением тьмы. Неожиданно человекоящеры испустили продолжительное громкое шипение. Откуда-то спереди донесся ответный свист. Движения ящеролюдей стали быстрее.

Красный свет утратил свою туманность. Носильщики остановились и опустили Грейдона. Под ремни просунулись когти. Ремни сняли. Грейдон растер затекшие руки и ноги и осмотрелся.

В ста футах перед ним находился огромный экран из черного кам-

ня. Полукруглый по форме и загибающийся, как мелкая раковина. Основание экрана — добрая сотня футов от одного его конца до другого. Вся поверхность основания украшена странными символами и рисунками.

В центре черный трон, почему-то знакомый. Со странным покалыванием в черепе Грейдон понял, что это точная копия сапфирового трона Властителя Властителей в храме. И экран, и трон находились на помосте, поднятом на фут, к помосту вела широкая рампа. Между троном и началом рампы — огромная чаша из того же черного камня, ее основание погружено в скалу. Похоже на огромную купель для крещения, предназначенную для детей гигантов. По обе стороны от экрана стояли предметы, на расстоянии похожие на низкие каменные скамьи.

Трон пуст, помост тоже. На самом ли деле они пусты? Грейдон внимательно осмотрел их. Конечно, пусты! Но откуда же это чувство, что с каждого дюйма экрана, с каждого участка помоста на него кто-то смотрит, рассматривает его, оценивает, взвешивает. Читает его мысли с холодным злым оживлением... что-то злое... что-то невероятно злое... как сила, которая устремилась к нему... от Лика в пропасти!

Он с усилием отвернулся от помоста. И увидел толпу людей-ящеров. Их сотни, они стояли рядами, примерно на таком же расстоянии от него, как и от черного трона. Они стояли молча, смотрели на него красными глазами; стояли так близко друг к другу, что их алые гребешки образовывали, казалось, кисточки фантастического ковра. Среди них ящеры-женщины и дети. Он смотрел на эти маленькие существа, на этих детей демонов, их маленькие, острые, как игла, желтые клыки блестели в заостренных пастях, маленькие глаза горели, как фонари гоблинов.

Он посмотрел направо и налево. Видимая часть пещеры образовывала круг примерно в полмили в диаметре. На этом расстоянии яркий свет, окружавший его, сменялся красным сумраком. Справа от него до этого сумрака тянулся гладкий желтый песок.

Слева располагался сад! Сад зла!

Тут по дну пещеры сложными петлями и извивами бежал ручей. Алый, как из медлительно текущей крови. На его берегах росли красные лилии с пятнами ядовитой зелени; тускло-пурпурные орхидеи, с полосками грязно-алого цвета; растленные розы; неряшливые заросли, похожие на бамбук, с пятнами яри-медянки; искривленные деревья, с ветвей которых свисали плоды в форме сердца, цвета проказы; полоски мясистых лиственных растений, из каждого их листа, из каждого розовато-лилового центра торчали толстые желтоватые острия в форме змей, по ним медленно стекали капли какого-то ужасного нектара.

Легкий ветерок закружился вокруг. Он принес смешанные запахи этого странного сада, в них вся его сущность, вся злобность. Запахи населили воображение Грейдона богохульными картинами, посеяли в

нем злые желания. Ветерок задержался на мгновение, казалось, засмеялся и улетел обратно в сад, оставив его потрясенным.

Он боялся этого сада! Да, боялся не меньше, чем черного трона. Почему он так его боится? В нем зло, неизвестное, недремлющее зло. Живое зло. Да, да. Живое зло! Поток злой жизни протекал через каждый цветок, через каждое растение, каждое дерево... злая жизненность... она исходит от воплощения зла... но как могуче все, что питается этим злом!..

И когда эта темная мысль вползла в мозг Грейдона, что-то ответное пробудилось в нем, с холодным презрением оттолкнуло эту мысль и полностью овладело его мозгом. К нему вернулись вся его уверенность и прежняя храбрость. Он бесстрашно взглянул на черный трон.

Он чувствовал, как невидимый обитатель трона тянется к нему, ищет слабости в его обороне, отступает, удивившись, снова яростно бросается в атаку, чтобы прорвать защиту, и отступает снова. И немедленно, как по команде, ящеролюди разом ринулись на него, потащили к рампе. У ее подножия он остановился, но с полдюжины ящеролюдей сомкнулись вокруг него, подтолкнули вверх. Они толкали его к каменной скамье справа от экрана, усадили на нее. Он пытался вырваться, почувствовал, как его хватают за руки и ноги. Что-то охватило его ноги. Послышались два громких щелчка. Ящеролюди отступили от него.

Грейдон встал со скамьи и взглянул на ноги. Их охватывали металлические кольца, соединенные с цепью, которая уходила под скамью. Интересно, длинная ли цепь? Он сделал шаг, второй, третий: цепь позволила. Он наклонился и потянул цепь, пока она не напряглась. Ее длина позволяла ему дойти до черного трона. Это подтверждало его неприятное подозрение. Грейдон торопливо вернулся к каменной скамье.

Он услышал сдержанное шипение, топот множества ног. Ящеролюди уходили. Тесными рядами тек красновато-коричневый поток, увенчанный языками пламени — яркими гребнями. Никто не оглядывался на него. Они достигали окружающего мрака и исчезали в нем.

Грейдон остался один в тишине — один с садом зла и черным троном.

Медленно красное сияние, падавшее на возвышение, начало сгущаться и тускнеть, как будто сквозь него пробивался черный свет.

Плотнее всего оно сгущалось вокруг черного трона, и на этом троне начала формироваться тень. Вначале бесформенная, колеблющаяся, она медленно конденсировалась, переставала колебаться, приобретала более четкие очертания...

На троне сидела тень человека. Без лица, туманные руки сжимают ручки трона — сплетенная из черных атомов внутри сумеречной ржавчины — фигура человека!

Безлицая голова наклонилась вперед. Глаз у нее не было, но Грей-

дон чувствовал, что она смотрит на него. Губ не было, но она начала шептать.

Он услышал голос Темного! Шептала Тень Нимира, Властителя Зла!

15. «ССУДИ МНЕ ТВОЕ ТЕЛО, ГРЕЙДОН!»

Голос у Тени сладкий, мелодичный, как звук флейты в сумеречном лесу. Он убаюкивает страхи, снимает напряжение.

— Я знаю тебя, Грейдон! — шепчет голос. — Знаю, почему ты пришел в Ю-Атланчи. Знаю, насколько безнадежен твой поиск — без меня. Я приказал привести тебя сюда, не причиняя вреда. Иначе ты был бы убит в пещере. Не бойся меня! Ты ведь не боишься меня, Грейдон?

Слушая этот мелодичный шепот, Грейдон ощутил странное, но приятное спокойствие.

— Нет, — полусонно ответил он, — я не боюсь тебя, Нимир.

— Ах, — тень приподнялась над троном, успокаивающая сладость отчасти покинула шепот, ее место заняла угроза. — Значит, ты меня знаешь!

Чары, удерживавшие Грейдона, ослабли, мозг его ожил. Тень увидела это, и тут же шепот вновь стал нежным, успокаивающим, притягивающим.

— Хорошо! Очень хорошо, Грейдон! Тебе, несомненно, рассказали обо мне немало лжи. Ты видел жителей Ю-Атланчи. Вымирающий народ. Они гниют. Если бы в древние времена они последовали моим советам, они были бы великим народом — сильным, полным жизни, они правили бы миром. Но старая мудрость не исчезла. Она еще создаст новый и лучший мир.

Ты видел этих людей, Грейдон, и, думаю, оценил их. Как ты считаешь, должны они благодарить тех, кто изгнал меня и тем самым обрек их на такой конец? Я не оставил бы их, как поступили остальные Властители, отдав их шарлатану и женщине-змее, которая, не будучи человеком, не может понять человеческих потребностей. Я повел бы их вперед и вверх, к могуществу и мудрости. Я высоко возвел бы их, Грейдон, только звезды были бы выше, я бы не оставил их загнивать и разлагаться в болоте. Ты веришь мне, Грейдон?

Грейдон задумался. Думать в расслабленном, ленивом состоянии, в котором он находился, было трудно. Его к тому же охватило своеобразное опьянение. Да, да, это все правда! Все ясно и холодно логично. Он сам так же считал. Конечно, отвратительно поступать так, как эти Властители, спокойно отказаться от ответственности за свой народ. А кто такой шарлатан? А, конечно, Властитель Глупости. А Мать? Полузмея! Проклятое искусство обмана. Он совершенно согласен.

— Верно, Нимир. Ты прав, — сказал он, серьезно кивнув.

Призрачный запах сада долетел до него. Он жадно упивался им. Странно, как он мог считать его злым? Он не злой. Грейдон чувствовал себя очень хорошо, а запах еще улучшил его самочувствие. Что такое зло в конце концов? Всего лишь точка зрения. Неплохой тип — эта Тень. Логична, разумна...

— Ты силен, Грейдон, — еще слаще нашептывала Тень. — Силен! Сильнее всех в Ю-Атланчи. Силен телом и силен разумом. Ты похож на древнюю расу, которую я поднял бы до небес, если бы не предательство. Не сила победила меня, а хитрости женщины-змеи, для которой человек — ничто; помни, Грейдон, что для нее человек — ничто! И я сражался с тобой не для того, чтобы повредить тебе. Я хотел только испытать тебя. Ты достаточно силен, чтобы противиться мне. Я рад этому, Грейдон, потому что наконец нашел человека, который мне нужен!

Итак, он человек, нужный Нимиру? Что ж, он хороший человек, дьявольски хороший. Он зашел далеко без всякой помощи. Нет, минутку, кто-то ему помогал. Кто? Неважно, все равно он хорош. Но кто-то все же помог ему... кто-то...

Шепот Тени мягко впивался в его мысли.

— Ты нужен мне, Грейдон! Еще не поздно сделать этот мир таким, каким он должен быть; не поздно исправить вред, нанесенный человечеству древним предательством по отношению ко мне. Но для этого мне нужно тело, Грейдон. Сильное тело, способное удержать меня. Ссуди мне твое тело, Грейдон! Только на время. В это время ты будешь делить его со мной, видеть так, как вижу я, радоваться тому, чему радуюсь я, ты разделишь мою силу и будешь пить со мной вино моих побед. А когда я верну себе свою прежнюю силу, Грейдон, я отдам тебе твое тело в полное владение и сделаю его бессмертным; да, оно будет жить, пока светит солнце! Позволь разделить с тобой твое тело, Грейдон, сильный Грейдон!

Шепот прекратился. Крепкое вино потекло по венам Грейдона, сильный, богатый, безрассудный поток жизни. Грейдон слышал торжественные звуки труб! Он Чингиз-хан, сметающий царства метлой татарских орд; он Александр Македонский, топчущий мир; Сеннахериб, который, как кубок, держит в руке Азию! Он пил власть! Он был пьян властью!

Он пьян. Пьян? Кто смеет сказать, что он, Николас Грейдон, Владыка Мира, может быть пьян? Ну, ладно, пьян. Интересная мысль — легко стать Владыкой Мира, для этого всего лишь нужно напиться. Всякий может напиться, значит всякий может стать Владыкой Мира. Забавная мысль... логичная... надо рассказать об этом Тени...

Он обнаружил, что совершенно трезв и трясется от хохота. Тупо осмотрелся, не чувствуя больше желания смеяться. Он уже на полпути

к трону — а Тень наклоняется, наклоняется, манит его, торопит... и шепчет, шепчет...

Чары, державшие его, соблазн, притягивавший его, ведший прямо в корзину для добычи, в корзину Тени, — все это вдруг развеялось. Отвращение к туманной фигуре на троне, отвращение к самому себе, яростный гнев охватили его. Шатаясь, он вернулся к каменной скамье и упал на нее, закрыв лицо дрожащими руками.

Что спасло его? Не сознание, не то, что он называет собой. Глубоко в подсознании нечто неизменно здравое нейтрализовало ироническим юмором яд, который вливался ему в уши. И теперь Грейдон испугался! Так испугался, что заставил себя поднять голову и прямо взглянуть на Тень.

Она смотрела на него, голова без лица опиралась на туманную руку. Он чувствовал в ней некое замешательство, как и в тот, первый, раз, когда она, невидимая, попыталась проникнуть сквозь его защиту, чувствовал и адский гнев. И вдруг все это резко оборвалось, вместо этого — поток спокойствия, глубокого мира. Он пытался сопротивляться, понял, что это очередная ловушка, но не мог: поток охватил его, лаская, плеща маленькими волнами, успокаивая.

— Грейдон! — послышался шепот. — Я доволен тобой, Грейдон! Но ты напрасно отвергаешь меня. Ты сильнее, чем я думал, и поэтому я особенно доволен тобой. Тело, которое я разделю, должно быть сильным, очень сильным. Поделись со мной своим телом, Грейдон!

— Нет! Нет! Клянусь Богом, нет! — простонал Грейдон, ненавидя себя за желание устремиться навстречу этому туманному существу и слиться с ним.

— Ты ошибаешься! Я не причиню тебе вреда, Грейдон. Я не хочу, чтобы ослабло тело, которое должно стать моим домом. На что ты надеешься? На помощь Хуона? Его дни сочтены. Дорина предала его Лантлу, как отдала мне тебя. Еще до Праздника создателей снов его убежище будет захвачено, а Хуон и все остальные живьем пойдут на пищу ксинли, или их отдадут мне, или устроят на них охоту.

Шепот смолк, Тень как будто наблюдала за результатом своих слов. Если она хотела проверить, насколько сильна летаргия, овладевавшая Грейдоном, то могла быть довольна: Грейдон не шевельнулся, не изменился напряженный, неподвижный взгляд.

— Ссуди мне твое тело, Грейдон! Змея не сможет помочь тебе. Отдашь ты мне тело или нет, все равно скоро я воплощусь. Я предпочел бы твое тело более слабым — на время, Грейдон, только на время — и на короткое время. Власть, бессмертие, беспредельные знания! Все это будет твоим! Ссуди мне твое тело, Грейдон! Ты желаешь женщину? Что такое эта женщина по сравнению с теми, которыми ты сможешь обладать? Смотри, Грейдон, смотри...

Ошеломленный взгляд Грейдона следовал за указаниями туманной

руки. Он видел, как злые цветы сада кивали друг другу, как живые. Он слышал колдовскую музыку, арпеджио, которое разыгрывают лютни, звон систров — голос сада. Порыв ветра пронесся по саду и обнял Грейдона. Он вдохнул его аромат, и дикий огонь вспыхнул в его крови. Кивающие цветы исчезли, исчез кровавый поток; разъедающий свет ржаво-черных атомов стал ярким. У его ног появился журчащий, смеющийся маленький ручеек, за ним буковая и березовая роща. И из рощи устремились женщины, женщины дивной красоты, белоснежные и смуглые, полногрудые вакханки, стройные девственные дриады. Они протягивали к нему жаждущие руки, глаза их обещали неземные наслаждения. Они подошли к берегу ручейка, маня, призывая голосами, которые разжигали в его крови огонь желания.

Боже, что за женщины! Вон та, с короной из бронзовых прядей, могла бы быть верховной жрицей Танит в саду тайного храма Карфагена! А эта, с потоком золотых волос, сама Афродита! Да по сравнению с любой из них прекраснейшая гурия Магометова рая — всего лишь кухонная прислуга! Все яростнее горел огонь желания в его крови... он устремился вперед...

Стоп! Девушка, вышедшая из-за других, кто она? Полночные волосы закрывают ее лицо. Почему она плачет, когда все остальные веселятся и смеются? Он знал некогда девушку, у которой такие же волосы... кто? Неважно... кем бы она ни была, никто напоминающий ее не должен плакать! И сама она никогда не должна плакать... как же ее зовут...

Суарра!

Волна жалости охватила его, погасила огонь в крови.

— Суарра! — воскликнул он. — Суарра! Не плачь!

И с этим криком ощутил страшный шок. Волна манящих женщин исчезла. Исчезла девушка с полночными волосами. Исчезли смеющийся ручей, роща буков и берез. Перед ним раскачивался злой сад.

Он больше полпути прошел к черному трону. А с трона наклонялась Тень, далеко наклонялась, дрожала от нетерпения и шептала... шептала...

— Ссуди мне твое тело, Грейдон! Все они будут твоими, если разделишь со мной твое тело. Ссуди мне тело, Грейдон!

— Боже! — простонал Грейдон. Потом: — Нет, дьявол! Нет!

Тень встала. Порыв гнева, исходящий от нее, потряс Грейдона, будто ударом. Он покачнулся, с трудом добираясь до безопасной скамьи. Тень заговорила, из ее голоса исчезла вся сладость; шепот ее стал зловещим, целеустремленным и холодным.

— Дурак! — сказала она. — Слушай меня! Я все равно получу твое тело, Грейдон! Как бы ты ни отказывался, я его все равно получу. Усни, и я, который не спит, войду в него. Борись со сном, и когда усталость исчерпает твои силы, я войду в тебя. Временно ты будешь

жить со мной, как осужденный раб, и так страшна будет твоя пытка, что ты будешь молить меня уничтожить тебя. И так как твое тело мне нравится, я буду милостив и дам тебе такую надежду. И после того, как ты мне наскучишь, я тебя уничтожу. В последний раз спрашиваю: подчинишься ли ты мне? Ссуди мне твое тело, раздели со мной владение им, будь не рабом, а хозяином всего, что я обещал тебе.

— Нет, — твердо ответил Грейдон.

Вихрь взметнулся над черным троном. Тени не стало. Но по-прежнему сквозь свет на помосте стремились черные атомы, и хотя трон казался пустым, Грейдон знал, что это не так. Что темная сила по-прежнему здесь, она следит за ним, следит.

Ждет возможности ударить!

Грейдон сидел на скамье, неподвижный, будто высеченный из камня. Он не знал, сколько часов прошло после исчезновения шепчущей Тени. Тело его онемело, но мозг был жив и бдителен. Он вообще не ощущал своего тела. Мозг его был как неустанный часовой спящей крепости, как неугасимый свет в темном замке. Все его существо сосредоточилось в этой спокойной концентрации сознания. Он не испытывал ни голода, ни жажды. Он даже не думал. Он ждал; он полностью ушел в себя; он находился в безвременном мире.

Вначале было совсем не так. Он хотел спать и боролся со сном. Задремал и почувствовал, как Тень устремилась вперед, касаясь его, испытывая его сопротивление. Из последних сил он отогнал ее. Постарался закрыть свой мозг для всего окружающего, заменить окружающее сценами обычной жизни. Сон снова начал овладевать им. Он проснулся и обнаружил, что сполз со скамьи и ползет к трону. В панике устремился назад, бросился на скамью, ухватился за нее, как потерпевший кораблекрушение моряк за брус.

Он понял, что у Тени есть ограничения, что она не может овладеть им, если не притянет его на трон или если он сам на него не сядет. Пока он остается на скамье, он в безопасности. Поняв это, он больше не осмеливался закрыть глаза.

Может быть, сосредоточившись, он установит связь с Матерью-Змеей. Если бы он смог дотянуться до браслета на руке, сконцентрировать взгляд на пурпурном камне, это ему и удалось бы. Но рукав кольчуги слишком тесен, он не может добраться до браслета. А если она сама вызовет его, как сделала это в первый раз? Ведь тогда Тень сможет захватить неохраняемое тело. Холодный пот покрыл его лоб. Он лихорадочно старался не думать о Матери-Змее.

Он вспомнил о пистолете в кобуре под мышкой. Если бы он только смог достать его, у него появился бы шанс. Во всяком случае он смог бы помешать Тени использовать его тело. Что хорошего для Ни-

мира в теле с выплеснувшимся мозгом? Но в кольчуге нет отверстия, чтобы достать пистолет. А нельзя ли убедить людей-ящеров раздеть его? У него было бы достаточно времени, чтобы использовать пистолет, прежде чем его отберут.

Его сознание медленно удалилось в неприступную крепость. Он больше не боялся сна: сон принадлежал другому миру. Он ничего не боялся. Когда часовой — его собственное недремлющее сознание — покинет свой пост, он оставит тело мертвым. И бесполезным для Темного как жилье. Грейдон знал это и был доволен, что так будет.

Ржавый свет на троне начал густеть, как в тот раз, когда впервые появилась Тень. Бесформенное, дрожащее вначале существо обрело форму, четкие линии, сконденсировалось. Грейдон следил с отвлеченным интересом, как посторонний зритель.

Тень не обращала на него внимания, даже не поворачивала к нему безликой головы. Она сидела на троне неподвижно, как сидел и Грейдон, глядя на далекую стену мрака, в которой исчезли ящеролюди. Она подняла руку, будто призывая кого-то.

Послышался далекий топот десятков ног, слабое шипение становилось все громче. Грейдон не поворачивал головы, да и не мог бы, даже если бы захотел. Топот приблизился, смолк; стихло и шипение, вокруг навис мускусный запах.

По рампе поднялся человек в маске ящера.

Отвратительная голова лежала на широких плечах, тело мощное, грациозное, одетое в тесно облегающий зеленый костюм. В руке тяжелый плетеный хлыст. Человек не обращал внимания на Грейдона. Он подошел к черному трону и низко поклонился Тени.

— Хозяин! Приветствую тебя, Темный Хозяин! — голос, доносящийся из пасти ящера, мелодичный и слегка насмешливый, с едва скрываемым высокомерием. — Я принес тебе еще один сосуд, в который ты смог бы налить вина твоего духа!

Грейдону показалось, что тень взглянула на этого человека со злобной угрозой; но если и так, человек этого не заметил, а в ответном шепоте Тени звучала сладость:

— Благодарю тебя, Лантлу...

Лантлу! Спокойствие Грейдона было потрясено. Он постарался тут же вернуться в прежнее состояние, но Тень быстро повернула голову, как рыбак, почувствовавший, что рыба клюнула.

— Благодарю тебя, Лантлу, — повторила Тень, — но, мне кажется, я нашел совершенный сосуд. Сейчас он переделывается на гончарном круге, потому что считает себя предназначенным для другой цели.

Лантлу повернул красные глаза маски к Грейдону и подошел к нему.

— А, да, — сказал он, — воодушевленный придурок извне, который пришел освобождать Ю-Атланчи от тебя и меня, Хозяин! Который

вступил в сговор с Хуоном, этим слабаком, чтобы свергнуть нашу власть. Который прокрался ночью на встречу со своей любовью. Своей любовью! Ты, собака, как смел ты даже взглянуть на ту, на которой стоит моя печать? А Суарра — целоваться с таким, как ты! Фу! Она станет женой урда! Конечно, после того, как я возьму ее.

Это на самом деле потрясло стойкость Грейдона: он снова ощутил свое тело и напрягся, собираясь вцепиться в горло Лантлу. С почти слышным звоном открывшиеся ворота его мозга вновь захлопнулись, отчужденное сознание возобновило свое спокойное раскачивание, готовое отразить новые атаки. И опять-таки это произошло недостаточно быстро, потому что Тень успела просунуть свои щупальца в открывшиеся ворота. И, как приговор, написанный огненными буквами, он осознал, что что бы он ни услышал, что бы ни увидел, он не должен на это обращать внимание. Иначе Тень завладеет им!

Лантлу поднял свой хлыст, готовый опустить его на лицо Грейдона.

— Что? — насмехался он. — Даже это не поднимет тебя? Ну, тогда, может, это.

И он размахнулся...

— Стой! — шепот с трона был полон угрозы. Рука Лантлу дернулась и остановилась, будто ее перехватила более сильная рука, хлыст упал на камень. — Ты не коснешься этого человека! Я, Тень Нимира, говорю тебе это! — Шепот был самим ядом, сумевшим заговорить. — Это мое тело ты посмел захотеть ударить! Мое тело ты мог изуродовать! Иногда ты раздражаешь меня, Лантлу. Берегись, чтобы это не происходило слишком часто!

Лантлу наклонился и дрожащей рукой подобрал хлыст. Грейдон не мог сказать, от страха или от гнева дрожали руки Лантлу. Но когда Лантлу заговорил, в голосе его звучало прежнее высокомерие.

— У каждого свой вкус, Темный Хозяин, — смело сказал он. — И поскольку ты одобряешь это тело, я думаю, Суарру можно извинить. Но я бы не его выбрал: ведь в твоем распоряжении вся Ю-Атланчи; тут можно выбрать подходящего.

— В теле важна не только его форма, Лантлу, — сардонически прошептала Тень. — Точно так же, как в голове есть не только череп. Поэтому он победил тебя сейчас, хотя он в цепях, а ты свободен. Полагаю, ты понимаешь это.

Лантлу дрожал от гнева, рука его сжимала хлыст. Но он овладел собой.

— Что ж, — сказал он, — он увидит плоды своей глупости. Сосуд, который я принес тебе, Темный Хозяин, тот самый, что должен был укрывать избранного тобой.

Он свистнул. По рампе, придерживаемый двумя ящеролюдьми, спотыкаясь, поднимался ю-атланчи, высокий, как сам Лантлу. Вся кра-

сота его лица исчезла, стертая ужасом. С его светлых волос капал пот ужаса. Он посмотрел на туманный призрак на троне с глазами из кошмара. Пена показалась на его губах.

— Иди, Кадок, иди, — насмехался Лантлу. — Ты не ценишь оказанную тебе честь. Как же, через мгновение ты уже не будешь Кадоком. Ты станешь Темным! Это апофеоз, Кадок, единственный возможный в Ю-Атланчи апофеоз. Улыбайся, Кадок, улыбайся!

Грейдону показалось, что во время этих зловещих насмешек невидимый взгляд Тени снова угрожающе остановился на маске ящера, но, как и прежде, в голосе не звучала угроза.

— Я уверен, сосуд слишком слаб, чтобы удержать меня... — Тень наклонилась вперед, бесстрастно изучая дрожащего аристократа. — Если бы я не был в этом уверен, я не стал бы вливаться в него, потому что вот там, на скамье, тело, которое я желаю. Но я войду в него... я немного устал... он по крайней мере освежит меня...

Лантлу жестоко рассмеялся. Он сделал знак ящеролюдям. Те сорвали с Кадока одежду, оставив его совершенно нагим. Тень наклонилась, подзывая его. Лантлу быстро подтолкнул его вперед.

— Получай свою награду, Кадок!

Неожиданно лицо Кадока утратило выражение ужаса. Оно превратилось в лицо ребенка. Подобно детскому, оно скривилось, и из глаз покатились крупные слезы. Не отрывая взгляда от манящей Тени, Кадок приблизился к трону и взошел на него.

Тень охватила его!

Мгновение Грейдон видел только огненный туман, в котором извивался Кадок. Туман охватывал его все плотнее, вливался в него. Грудь ю-атланчи раздувалась, мышцы сокращались в агонии.

Все тело его будто расширилось, чтобы вместить окружающий туман. Очертания нагого тела стали нечеткими, облачными, как будто плоть и туман смешались в нечто менее материальное, чем плоть, более материальное, чем жадный пар.

Лицо Кадока, казалось, растворяется, черты лица сбегаются, оно приобретает сходство...

На напрягшемся, измученном теле Лик из бездны!

Уже не каменный!

Живой!

Бледные сверкающие глаза смотрят поверх пещеры, поверх распростертых, пресмыкающихся людей-ящеров; с сатанинским юмором взгляд упал на Лантлу, с искрой интереса — на Грейдона.

И тут то, что было раньше телом Кадока, вздрогнуло и обрушилось. Извиваясь, оно покатилось с трона на помост. И лежало, дергаясь и странно уменьшившись до половины своего прежнего размера.

На троне сидела только Тень.

Но Тень теперь стала менее разреженной, более плотной, как будто

то, что ушло из тела Кадока, оставив его таким сморщенным, было поглощено Тенью. Тень, казалось, дышала. Лицо Люцифера все еще было видно, бледные глаза все еще сверкали.

Лантлу снова рассмеялся и свистнул. Два урда на помосте вскочили, взяли дергающееся тело, унесли в сад и бросили в кровавый ручей.

Лантлу в приветствии черному трону беззаботно вскинул руку, повернулся, не взглянув на Грейдона, и пошел, размахивая своим хлыстом, гоня перед собой урдов.

— Не ты, а он дурак, Грейдон! — прошептала Тень. — Пока он служит моим целям, но когда я... лучше ссуди мне твое тело, Грейдон, чтобы я мог свершить задуманное. Я буду обращаться с тобой не как с Кадоком. Ссуди мне твое тело, Грейдон! Я не буду пытать тебя. И не уничтожу, как я грозил. Мы будем жить рядом, бок о бок. Я научу тебя. И скоро ты будешь оглядываться на того человека, каким был, и удивляться, как ты мог противиться мне. Потому что никогда ты не жил так, как будешь жить. Никто на земле не жил так, как будешь жить ты. Ссуди мне твое тело, Грейдон!

Но Грейдон молчал.

Послышался шепчущий смех Тени. Тень задрожала — и исчезла.

Грейдон ждал, как заяц, который слышит, что лиса ушла от его укрытия, но выжидает, чтобы быть уверенным. Через некоторое время он определенно знал, что Тень ушла. От нее ничего не осталось; никакая невидимая сила не подстерегала его, чтобы ударить. Он расслабился, встал на онемевших, неуверенных ногах, борясь с тошнотой и головокружением.

И тут он почувствовал прикосновение к своей ноге. Из-за края экрана протянулась длинная мускулистая рука, покрытая алой шерстью. Тонкие, как иглы, заостренные пальцы осторожно ощупали металлическое кольцо, к которому была прикована цепь, разомкнули его, и Грейдон, не веря себе, снял цепь.

Из-за экрана на него смотрело лицо без подбородка, алые локоны падали на покатые плечи, золотые глаза меланхолично взирали на него.

Лицо Кона, человека-паука!

16. ЗАЛ С РОСПИСЯМИ

Лицо Кона исказилось: в его представлении, по-видимому, это была ободряющая улыбка. Но Грейдон, измученный происшедшим, опустился на четвереньки. Кон перегнулся через край возвышения и поднял Грейдона легко, как щенка. Как ни была гротескна его фигура, Грейдону она показалась прекраснее всех тех призрачных женщин, которые чуть не заманили его в сети Тени. Он обхватил руками воло-

сатые плечи и тесно прижался к ним. Человек-паук похлопал его по спине маленькими верхними руками, издавая странные успокаивающие щелкающие звуки.

Из сада донеслось резкое жужжание, как от роя из тысяч пчел. Цветы и деревья наклонялись и извивались, как от сильного ветра. Глаза Кона с сомнением осмотрели их, затем, крепко держа Грейдона, Кон обогнул край экрана. Гудение в саду стало выше на октаву, зазвучало угрожающе — и призывно.

Когда они свернули за край, Грейдон понял, что экран не отделен от стены, как он предполагал. В сущности это был альков, высеченный в скале, нависавшей над красной пещерой, как нос корабля.

Прижавшись к основанию этой скалы, почти неразличимые в красноватом мраке благодаря цвету своей шерсти, их ждали еще два человека-паука. Когда показался Кон, они встали, и у Грейдона появилось странное чувство раздвоенности, когда они стали рассматривать его своими золотыми, полными меланхолии глазами. Как будто перед ним оказались сразу три Кона. Их длинные средние руки, или ноги, сжимали тяжелые металлические палицы, как у Регора, но с рукоятями и с острыми шипами на конце. Две таких палицы они протянули Кону. К гудению сада стало примешиваться шипение ящеролюдей, оно становилось громче: урды приближались.

Грейдон зашевелился в руках Кона, знаком попросил поставить его. Человек-паук покачал головой. Он пощелкал о чем-то с остальными, взял две палицы, опустился на свои ходулеобразные ноги и повернул от экрана. Он направился к стене из мрака, находившейся в полумиле. Его спутники двигались по бокам. Они бежали, согнувшись почти вдвое, со скоростью рысака. Когда они углубились в красноватый мрак, гудение и шипение стало почти неразличимо, проглочено тишиной.

Впереди из дымки показалась преграда — красноватая скала; ее верх не был виден. У основания лежали упавшие сверху большие камни, среди них сотни меньших, гладкие, круглые, странно правильные по форме. Люди-пауки замедлили продвижение, рассматривая поверхность скалы. Неожиданно Грейдон уловил мускусный запах и понял, что это за одинаковые камни.

— Кон! — закричал он, указывая. — Урды!

Камни зашевелились, вскочили, кинулись на них — стая человекоящеров, шипя, капая слюной с челюстей, сверкая красными глазами.

Прежде чем они смогли повернуть, стая сомкнулась вокруг них. Кон встал на три ноги-ходули, в остальных завертелись палицы. Его товарищи тоже приподнялись на задних ногах, а в каждой из четырех передних сжимали оружие. И начали молотить передние ряды своры. Люди-пауки образовали треугольник, став спинами друг к другу. В центре этого треугольника Кон с предостерегающим щелканьем по-

ставил Грейдона. Снова взметнулись палицы, раскалывая черепа урдов, неспособных прорвать этот смертоносный круг.

Люди-пауки медленно отступали вдоль стены, прорубая себе путь. Грейдон не видел самой битвы: все его внимание было занято тем, чтобы не запнуться о тела, устилавшие пол. Он услышал резкое щелканье Кона, почувствовал, как руки Кона поднимают его. И стремительная перебежка. Они прорвались сквозь волны урдов. Люди-пауки снова опустились на свои четыре ходули и понеслись, победно щелкая. Шипение урдов, топот их ног остались позади.

Скорость постепенно снизилась, теперь группа двигалась все более медленно. Кон внимательно рассматривал стену. Он остановился, поставил Грейдона и указал на скалу. Высоко над полом пещеры в красной скале виднелся овальный черный камень. Человек-паук взобрался по стене, протянул длинные руки и начал осторожно ощупывать поверхность вокруг камня. Он удовлетворенно щелкнул и, не отрывая когтей от найденного места, кивнул Грейдону. Потом прижал свою руку к стене, широко расставив пальцы. Трижды он проделал это, потом поднял Грейдона и прижал его руку, тщательно расставив и положив пальцы на то место, где находились его когти. Грейдон понял. Кон показывал ему какой-то механизм, который сам не мог привести в действие своими заостренными пальцами. Грейдон прижал пальцы и ладонь, как показывал Кон.

Камень медленно поднялся вверх, как занавес, открыв темный туннель. Кон пощелкал своим товарищам. Двое людей-пауков осторожно углубились в туннель, держа палицы наготове. Вскоре они вернулись и принялись совещаться. Человек-паук показал Грейдону на туннель и вслед за ним вошел в него. Тут он опять поискал и снова прижал руку Грейдона к стене. Каменный занавес опустился, оставив их в полной тьме.

Но темнота для людей-пауков значила, очевидно, не больше, чем для урдов. Грейдон услышал впереди движение. Его охватила паника: вдруг они не поймут, что он ничего не видит, и оставят позади. Прежде чем он смог позвать, его охватили руки Кона, подняли и понесли.

Все дальше и дальше шли они сквозь тьму. Грейдон чувствовал, что их движения поднимают тонкую, почти неосязаемую пыль, такую тонкую, что только жернова неисчислимых веков могли так измельчить ее. Он понял, что этот туннель не используется ни людьми-ящерами, ни кем-либо другим; очевидно, люди-пауки тоже поняли это, они шли уверенно и быстро.

Тьма начала сереть; теперь Грейдону стали видны стены туннеля; и вот они вышли в гигантский зал, высеченный в скале. Его тусклое освещение показалось Грейдону ярким днем после красноватого тумана пещеры Тени и полной тьмы туннеля. Свет пробивался сквозь щели в дальней стене зала. На полу лежал толстый слой неосязаемой пыли.

В центре зала находился большой овальный бассейн, в котором блестела вода, по сторонам окружавшего бассейн барьера несколько десятков фигур, похожих на серых гномов. Фигуры неподвижны. Людипауки собрались и защелкали, с очевидным замешательством осматриваясь. Грейдон подошел к бассейну и коснулся одного из серых гномов. Камень. Он внимательней всмотрелся в фигуры. Это все были изображения безволосых бесхвостых серых обезьянолюдей. Длинная верхняя губа опускается на рот, под которым — хорошо очерченный подбородок. Пальцы длинных мускулистых рук упираются в камень, на котором они сидят. Лбы, хоть и покатые, уже наполовину человеческие. В пустые глазницы вставлены камни, напоминающие дымчатые топазы. Своими топазовыми глазами они смотрят на бассейн с тем же выражением меланхолии, что и в золотых глазах Кона и его товарищей.

Идя вдоль фигур, Грейдон разглядел, что среди них есть самцы и самки, и на каждой фигуре корона. Он склонился ближе. Короны представляли собой миниатюрные скульптуры людей-змей — мужчин и женщин, их кольца оборачивались вокруг голов обезьянолюдей, как солнце-змея обвивала урей фараонов.

В неподвижный бассейн спускался пролет желтых мраморных ступеней, исчезая в его глубинах.

Удивленный Грейдон направился к щелям в стене, заметив по пути, что стены зала повреждены той же силой — землетрясением или оседанием пород, — которая проделала и эти трещины. Он выглянул. Перед ним открылась равнина монолитов за барьером. Зал находился на самом краю упирающихся в небо гор.

Солнце низко — встает? Утро? Значит, он провел в пещере Тени всю ночь. Ему казалось, что прошло гораздо больше времени. Он немного подождал: солнце садится. Его испытание продолжалось целые сутки.

Он повернулся к Кону, неожиданно ощутив, что ужасно хочет есть и пить. Под прямыми лучами света, падавшими из трещины, стали ясно видны стены зала. Глядя на них, Грейдон остановился, забыв голод и жажду.

Вся тысячефутовая стена была покрыта росписями. Росписями забытых художников, не менее красочными, чем «Страшный суд» Микеланджело, пейзажами, прекрасными, как у Эль-Греко и Давида, портретами, точными, как у Гольбейна или Сарджента, многоцветными, как у Боттичелли, фантастическими — но лишь потому, что показывали неведомый мир; их фантастика была совершенно реальна. Он подбежал ближе, чтобы осмотреть росписи.

Город с куполами из розового коралла, с улицами, обрамленными чешуйчатыми красно-зелеными деревьями, похожими на папоротники. По улицам серые обезьянолюди несут в носилках людей-змей. А вот

ночная сцена, созвездия невозмутимо смотрят на ровные поля, по которым в кольцах бледно-зеленого сияния в каком-то странном ритуале движутся змеелюди.

Что-то непривычное в этих созвездиях. Грейдон принялся рассматривать их. Конечно, очертания Ориона, Большой Медведицы не вполне такие, как сейчас. Четыре звезды ковша Большой Медведицы ближе к квадрату. А вот и Скорпион — его челюсти не дуги, а прямые линии из звезд.

Если эта картина верна, она показывает, каким небо было сотни тысяч лет назад. Сколько веков прошло, прежде чем звезды заняли свои современные орбиты? У Грейдона закружилась голова.

И что-то странное в изображении людей-змей. Им не хватало человекоподобия, такого необычного и в то же время заметного в Матери. Тела их над кольцами были явно змеиными, на них отпечаток их происхождения от пресмыкающихся. Он мог считать их реальностью: разум при соответствующих условиях может появиться у любого существа. Именно резкий переход от змеи к человеку, к женщине делал Мать такой непредставимой, нереальной.

И снова он ощутил мучительные сомнения — да такова ли она на самом деле, или своей неведомой силой воли заставляет окружающих видеть то, что ей нужно, создает иллюзию детского тела и сердцеобразного лица исключительной красоты? Он вернулся к бассейну и более тщательно осмотрел короны серых обезьянолюдей. Змеелюди точно такие же, как на настенных росписях. Он сравнил со своим браслетом. Что ж, тот, кто делал этот браслет, видел женщину-змею такой же, как и он, Грейдон.

Удивленный, он вернулся к изучению росписей. Долго смотрел на изображение обширного болота, в котором барахтались чудовищные тела; из грязи высовывались отвратительные головы, а вверху на кожистых крыльях, как у летучих мышей, парили большие летающие ящеры. Следующую роспись он рассматривал еще дольше. То же самое болото; на переднем плане группа змеелюдей. Они, свернувшись, лежат на чем-то, похожем на большой хрустальный диск. Похоже, диск быстро вращается. А по всему болоту сражаются с чудовищами крылатые огненные фигуры. У них невыносимо сияющий центр, из которого выдаются два сверкающих крыла, похожие на солнечную корону, видную во время затмений. Крылатые фигуры как будто внезапно возникают в воздухе, устремляются к чудовищам и обвивают их своими огненными крыльями.

А вот изображение другого города. Город на противоположной стороне озера — его копия, но вокруг этого, на росписи, нет гор. Грейдону пришло в голову, что это Ю-Атланчи далекого прошлого, когда змеелюди и те, кого они воспитывали, бежали от ледяного потока, ко-

торый даже их знания не смогли остановить... Он увидел флот странных кораблей; один из кораблей отбивается от нападения гигантских морских ящеров, чьи головы вздымаются высоко над мачтами.

В этой разрисованной пещере скрывается история целого утраченного мира. Здесь изображения прошлого, предшествующего истории человека.

Он заметил, что раньше росписи покрывали все четыре стены зала. На двух стенах они почти исчезли и полностью — на стене с трещинами. Только там, где проходил туннель, росписи сохранились.

Что это за зал? Почему он покинут?

Грейдон вновь ощутил жажду. Он подошел к бассейну. Услышал предупреждающее щелканье Кона. Указал на бассейн и на свое горло. Чтоб его поняли еще яснее, потер живот и изобразил жевание. Человек-паук кивнул, спустился по желтым ступеням. Опустил руку в воду, принюхался, осторожно попробовал. Одобрительно кивнул, наклонился и набрал полный рот воды. Грейдон набрал воду в пригоршню. Вода была холодная и сладкая.

Кон пощелкал товарищам. Они осматривали щели и вскоре вернулись с большими кусками коричневых грибов. Кон взял кусок, окунув в воду, откусил край и остальное протянул Грейдону. Тот с сомнением взял гриб, но обнаружил, что он поглощает воду, как губка, а по вкусу напоминает хлеб с приятным дрожжевым привкусом. Он взял еще кусок и окунул. Три ткача сидели рядом с ним. И так же торжественно окунали куски гриба в воду и ели.

Неожиданно Грейдон начал хохотать. Ни один человек не обедал, как он, — сидя на берегу загадочного пруда рядом с тремя алыми чудищами, окуная грибы в воду, а на них смотрят топазовыми глазами безволосые серые обезьянолюди, а для развлечения его окружает рисованная история утраченных эпох. Он смеялся и смеялся с растущей истеричностью.

Кон посмотрел на него, вопросительно пощелкал. Грейдон не мог остановить смеха, к тому же его начала мучить икота. Кон взял его в длинные руки и принялся укачивать, как ребенка.

Грейдон прижался к нему, истерика прошла. И унесла с собой отзвуки шепота Тени, ненавистный соблазн злого сада. Пелена зла, затянувшая его мозг, исчезла, как пена на воде от свежего ветра.

Он хочет спать, как он хочет спать! Теперь он может уснуть без страха перед Тенью. Кон не позволит, чтобы это случилось. Свет быстро тускнел... должно быть, солнце село... он поспит несколько минут...

Свернувшись на руках у человека-паука, Грейдон погрузился в глубокий сон без сновидений.

17. ВЗЯТИЕ УБЕЖИЩА ХУОНА

В щели зала с росписями пробивался рассвет. Грейдон сел и недоуменно осмотрелся. Он лежал на подстилке из мха. Один из людей-пауков сидел рядом, глядя на него печальными золотыми глазами. Других не было видно.

— Где Кон? — спросил Грейдон. Человек-паук ответил потоком быстрого щелканья.

— Кон! Эй, Кон! — позвал Грейдон.

Ткач почувствовал его беспокойство и понял его причину, он придвинулся к Грейдону, похлопал его верхними маленькими руками и успокоительно пощелкал. Грейдон понял, что ему говорят: беспокоиться не о чем. Он улыбнулся и похлопал ткача по плечу. Человек-паук казался довольным. Он ушел к трещине и вернулся с хлебным грибом. Они вместе спустились к бассейну и позавтракали; между укусами ткач ободрительно щелкал, а Грейдон общительно отвечал монологом, совершенно не связанным с его положением. Он чувствовал себя отдохнувшим, готовым к любым неожиданностям.

Что-то зашевелилось в одной из больших трещин. Показалось алое тело Кона, вслед за ним второй ткач. Втроем они обменялись пощелкиванием. Кон подождал, пока Грейдон съест последний кусок гриба, поманил его и двинулся к трещине, через которую появился. Остальные люди-пауки уже исчезли в ней. Кон последовал за ними и тоже исчез. Потом показалась его длинная красная рука. Грейдон заполз в щель и выглянул наружу. Далеко внизу находилось плато с монолитами.

Рука Кона охватила его плечи и вытащила Грейдона наружу. Голова у Грейдона закружилась: он висел над пропастью глубиной в полмили. Человек-паук держался на вертикальной стене, его тонкие пальцы цеплялись за крошечные выступы и щели, которые только они могли использовать в качестве опоры. Держа Грейдона одной рукой, он двинулся по стене пропасти. Грейдон еще раз взглянул вниз и решил, что лучше ему смотреть прямо на скалу. Таким образом они продвинулись примерно на две тысячи футов. Появилась еще одна щель. Кон втолкнул туда Грейдона и последовал за ним.

Они оказались в широком коридоре, который когда-то, должно быть, вел в пещеру с росписями. Здесь когда-то действовали те же разрушительные силы. Конец коридора был перекрыт камнепадом, а стены покрыты трещинами и дырами. Пол усеян упавшими камнями. Кон с сомнением взглянул на Грейдона и протянул руку. Грейдон яростно мотал головой: хватит носить его, как ребенка! Они пошли по коридору, но довольно медленно; вскоре Кон с утешительным щелканьем снова поднял Грейдона. Трое ткачей быстро устремились по обломкам. Грейдон смирился. В конце концов, чем человек-паук хуже вер-

блюда или слона; человеку, никогда не видевшему верблюда или слона, они покажутся не менее чудовищными, чем Кон и его спутники.

Проход потемнел, почернел и наконец свернул в пещеру, полную туманной полутьмой. Тут щелей не было. Свет тот же, что исходил от стен убежища Хуона, но тут он, казалось, умирал, старый и изношенный, как будто производившая его энергия почти истощилась. Пещера служила огромным складом. Грейдон уловил очертания загадочных механизмов из хрусталя и черного металла, среди них большие серебряные шары; один раз заметил что-то похожее на корпус корабля и один раз определенно прошел мимо диска, изображенного в сцене битвы в первобытных болотах. Они возвышались вокруг, эти смутные, завернутые в саваны загадочные формы. Люди-пауки не обращали на них внимания, быстро двигаясь вперед.

Они вошли в другой черный туннель. Прошли больше мили по нему, когда Кон предупреждающе щелкнул. Он опустил Грейдона, и они вчетвером постояли, прислушиваясь. Было слышно, как недалеко медленно и осторожно идут люди. Туманный свет неожиданно появился на стене туннеля, как будто к ней поднесли маленькое светящееся облачко. Свет исходил из поперечного туннеля всего в нескольких ярдах от них. Люди-пауки схватили свои палицы и продвинулись вперед.

Прежде чем они достигли отверстия, оттуда показалась человеческая голова с серебристо-белыми волосами над испачканной кровью повязкой, со шрамом на щеке.

— Регор! — крикнул Грейдон и пробежал мимо людей-пауков.

Гигант обнял его, удивленно и радостно выкрикивая что-то. Подошли люди-пауки, щелкая, как кастаньеты. Из поперечного туннеля появились пятеро людей Товарищества, в изорванной одежде, с мечами, палицами и маленькими щитами; на всех следы тяжелой схватки. За ними с десяток эмеров с копьями, мечами и такими же маленькими щитами, в изодранных килтах и все раненые.

Один из них улыбнулся разбитым лицом и протянул ружье.

— Как ты узнал, где меня искать? — спросил Грейдон, когда Регор наконец смог заговорить связно.

— Я вовсе не искал тебя, парень, — ответил он. — Я искал пути в храм, чтобы сказать Суарре о твоем пленении, надеясь, что она поднимет бурю, и Мать не сможет отказать ей в помощи — если ты еще жив. К тому же я надеялся на то, что Мать защитит меня и тех, кто со мной. И по зрелом размышлении я вовсе не рад, что нашел тебя. В тебе была наша единственная надежда, а теперь у меня нет предлога для обращения к Адане. — Он улыбнулся.

— Защита! — воскликнул Грейдон. — Я тебя не понимаю, Регор. Тебе нужно побыстрее добраться до убежища.

— Убежище захвачено, — сказал Регор. — Взято, прорвано. Ху-

он — пленник Лантлу. То, что осталось от Товарищества, рассеяно, скрывается в горах, как и эти, что со мной.

— Боже! — Грейдон был ошеломлен. — Что случилось?

— Это все Дорина, — сказал гигант, и окружающие с ненавистью зашумели. — Что-то говорило мне, что я должен ее убить, когда вернусь в убежище после твоего исчезновения. Но тогда я не был уверен, что она предала нас. А прошлой ночью, когда мы спали, она открыла Лантлу и его друзьям тайную дверь. Они прокрались и тихо перебили охрану у большой двери. Дорина открыла ее и впустила много других сторонников Лантлу, а также свору урдов. У нас не было времени. Многих убили прямо в постелях. После этого схватки начались по всему убежищу. Я видел, как протащили связанного Хуона. Несколько наших эмеров сумели убежать — и не знаю, сколько из Товарищества. Боюсь, очень немного. Мне повезло. Всего несколько новых шрамов добавилось к моим украшениям, — он коснулся повязки, — но они заплатили за это.

— Дорина! — прошептал Грейдон. — Дорина! Значит, Тень не лгала!

Регор вздрогнул и пристально посмотрел на него.

— Парень, ты видел Тень! Темного Хозяина!

— Еще бы, — мрачно сказал Грейдон сначала на своем языке, потом по-аймарски. — Я был у нее в гостях ночь и день. Ей нужно было мое тело.

Регор отступил на шаг, разглядывая его. Он щелкнул что-то Кону, и тот некоторое время щелкал в ответ. Когда он закончил, Регор поместил у входа в туннель, через который они пришли, индейцев-караульных, а сам сел на камень.

— А теперь расскажи мне все. И на этот раз — ничего не скрывай.

Грейдон так и поступил, начиная с первого тайного нападения людей-ящеров. Регор и пять ю-атланчи слушали молча, как зачарованные. Когда он рассказывал о судьбе Кадока, Регор застонал, лицо его побледнело, он ударил себя по груди кулаком.

— Хороший парень! — расстроенно прошептал он и некоторое время сидел молча.

— Тебе показалось, что ты видел в пещере корабль, — наконец нарушил он молчание. — Если ты прав, это действительно корабль. Один из тех, на которых наши предки прибыли в Запретную землю со змеелюдьми; его сохранили вместе со множеством других драгоценных вещей. Очень давно в эту пещеру никто не входил. Никто, кроме Матери-Змеи и Властителя Глупости, не знает пути туда. Разве еще Нимир. И если он знает, ясно, что он передал это знание Лантлу. Пещера Утраченной Мудрости! — теперь в голосе Регора звучал благоговейный страх. — Она существует! Клянусь Матерью, мы о ней забыли! Как далеки мы от древней мощи! Некогда, как утверждают легенды, Грейдон, в пещеру от озера вело широкое отверстие. Его закрыли ска-

лами, а скалы сплавили каким-то неизвестным древним орудием после окончания войны с Нимиром. И так искусно это было сделано, что теперь невозможно отличить это место от окружающего камня. Но я слышал, что туда ведет еще один проход — из храма, и время от времени по нему проходили Властители и Мать, когда им хотелось взглянуть на древние сокровища. Попав в храм, я думаю, мы сможем отыскать этот проход; а если отыщем, у меня есть способ открыть его.

Он отвел Грейдона в сторону.

— Ты решил, что я бросил тебя, парень? — хрипло прошептал он. — Нас сплошь окружили урды, хотя я сражался, как никогда раньше. Но тут, по счастливой случайности, эмер привел в действие твое шумное оружие. Урды с визгом разбежались, и даже Лантлу спрыгнул с платформы. Но тебя не было видно и слышно. Я понял, что тебя унесли. Мы с эмерами ушли, прежде чем Лантлу смог вновь собрать свою свору. Когда я добрался до убежища, мы собрали совет. Хуон предложил послать за тобой Кона. Хуон выглядел странно — как и тогда, когда прощался с тобой. Он сказал, что существует пещера, освещенная ржаво-красным светом. Кон и ткачи должны ее отыскать. И начать они должны, сказал он, с отверстия, мимо которого мы проходим, покидая убежище... мы всегда знали, что в этом месте есть опасность встретиться с урдами... но и не думали, что это путь к трону Темного. Они должны далеко пройти по этому проходу, сказал Хуон Кону. А затем... лицо его побледнело и осунулось, как когда он говорил о смертоносных тенях, прыгающих с красного неба... и он рассказал о черном экране возле сада. Там они найдут тебя.

Я открыл дверь и выпустил их. Смотрел, как они растворяются во тьме, и понял, как мудро поступил Хуон, послав именно их. Кон рассказал, что они быстро прошли далеко вглубь, не встретив урдов, пока не дошли до черной скалы. Он не знал, в какую сторону свернуть, решил пойти налево. Они пошли налево и услышали шипение множества урдов, голос человека и еще один голос, как сказал Кон, «голос без человека». Они подождали, пока уйдут урды и бестелесный голос...

И увидели тебя, вблизи экрана, рядом с садом. Странно, как мог Хуон...

Он помолчал, в замешательстве качая головой.

— Боюсь, твое вьючное животное погибло, — сказал он. — Но как раз перед нападением я захватил кое-что из твоего оружия.

Он подозвал индейца, который нес ружье. Эмер протянул Грейдону мешок. В нем оказались сотня патронов и несколько магазинов для автоматического пистолета. Грейдон осмотрел ружье, оно оказалось неповрежденным. Он зарядил его.

— Сунь руку в прорезь этой проклятой кольчуги, Регор, — сказал он. — Достань из-под мышки то, что нащупаешь.

Регор вытащил пистолет. Грейдон сунул его за пояс. Теперь он

чувствовал себя лучше: мечи и копья хороши по-своему, но каждый человек привыкает к своему оружию.

— Пошли, — сказал он.

Регор свистнул индейцам и тронул Кона. И повел весь отряд по темному туннелю, по которому пришел сюда Грейдон. Рядом с Регором шел Кон. За ним Грейдон и пятеро из Товарищества, рядом с ними два ткача, а последними — индейцы. Регору не нужно было зрение Кона для руководства. Время от времени он посылал вперед сверкающий туманный шар, дополняющий освещение стен.

Они пришли в место, названное Регором пещерой Утраченной Мудрости. Пройдя в пещеру, Регор опустился на колени и поцеловал ее пол. Ю-атланчи пошептались друг с другом, но не повторили его действий.

Они шли сквозь тусклый сумрак умирающих атомов, мимо смутных очертаний загадочных машин, мимо огромных металлических ящиков, красных и серых, — Грейдон гадал, какие удивительные тайны прошлого они содержат; мимо огромных серебряных шаров; Грейдон увидел на них загадочные символы, золотые и синие; они подошли к туманному корпусу большого корабля, и здесь Регор вновь преклонил колени. Все дальше и дальше шли они сквозь мрак мимо искусства, науки, сокровищ людей-змей и могучих предков ю-атланчи. Наконец подошли к концу и увидели обширное пустое пространство, дальнего конца которого не было видно.

— Мы должны пересечь здесь, — сказал Регор, — и придем к скале, закрывающей вход в древнее отверстие. Тот, кто рассказал мне об этом, сказал, что коридор Властителей находится слева от того места, а водопад — справа. Туннель проходит под озером и огибает амфитеатр ксинли. Тут нужно будет идти тихо: я не знаю, открываются ли в этот туннель другие коридоры. Если они есть, то, должно быть, закрыты, потому что Древние хотели навсегда закрыть вход в пещеру. Но мы не станем рисковать. А там поблизости вход в туннель, по которому Суарра прошла в зал ткачей в ту ночь, когда она встретилась с нами.

Они пошли по пустому пространству. И наконец подошли к скале, казалось, сплавленной из камней вулканическим жаром. Регор удовлетворенно хмыкнул. Они повернули направо и шли, пока не увидели вверху овальный черный камень, похожий на тот, что отыскал Кон в красной пещере.

Регор пощелкал человеку-пауку. Кон ощупал камень и покачал головой. Регор достал из-за пояса конус, которым открывал дверь убежища, и дал его Кону. Красный ткач начал методично притрагиваться им к преграде. Скала медленно открылась, как две половинки скользящей двери. Они увидели коридор, гораздо ярче освещенный и полого уходящий вниз. Вошли в него, и Кон прижал конус с внутрен-

ней стороны. Проход в скале закрылся. Как ни присматривался Грейдон, он не видел никакой щели: скала была гладкой, без углублений.

Около мили прошли они по коридору. Вначале он шел прямо, потом начал извиваться, как будто пролегал по гибкой, мягкой артерии.

— Мы прошли под озером, — прошептал Регор.

Неожиданно коридор кончился маленьким склепом. На двух его стенах были черные овалы. Регор посмотрел на них и почесал в затылке.

— Клянусь Дурданом Волосатым! — проворчал он. — Было столько поворотов, что я не знаю, в какой стороне храм.

Никто не мог помочь ему.

— Ладно, — решил он, — пойдем направо.

Кон приложил конус. Почти тут же камень ушел вверх. Они оказались в еще более ярко освещенном туннеле, который под прямым углом уходил направо и налево.

— Если я решил верно, нам нужно повернуть направо, — сказал Регор. Они осторожно углубились в туннель. И без всякого предупреждения вышли из него в комнату охраны, где было с полдесятка эмеров, но не в желтых, а зеленых килтах, и с ними офицер, аристократ, одетый в зеленый цвет сторонников Лантлу.

Как окаменевшие, все они смотрели на пришельцев. Прежде чем они смогли опомниться, Регор дал сигнал Кону. Немедленно три человека-паука схватили индейцев и задушили их. Пальцы Регора сомкнулись вокруг горла офицера. И все это так быстро, что Грейдон не успел даже пошевелиться.

Регор разжал руку и поднял палицу. Кон встал за ю-атланчи, схватив его руки.

— Значит, поворот направо был ошибкой! — проворчал Регор. — Отвечай тихо, Ранена. И коротко. Что это за место?

Ранена взглянул на тела своих воинов у ног ткачей, и маленькие капли пота выступили у него на лбу.

— Не надо со мной так обращаться, Регор, — хрипло сказал он. — Я никогда не был твоим врагом.

— Неужели? — учтиво спросил Регор. — А мне кажется, что вчера я видел тебя в убежище. Ну, наверно, я ошибся. Тем не менее — отвечай побыстрее, Ранена!

— Я охраняю вход в амфитеатр, — послышался угрюмый ответ. И как бы в подтверждение сверху послышался гром аплодисментов и приветственные крики. — Там гонки ксинли, — добавил он.

— И Лантлу, конечно, там? — спросил Регор.

Злобная тень пробежала по красивому лицу Ранены.

— И Дорина, — сказал он.

— А что они сделали с Хуоном?

— Послушай, Регор, — ясные глаза Ранены хитро блеснули. —

Если я скажу тебе, где Хуон и как добраться до него, ты пообещаешь не убивать меня? Свяжешь и заткнешь мне рот перед уходом?

— Что сделали с Хуоном? — повторил Регор.

Он щелкнул человеку-пауку. Одна из рук Кона закрыла рот Ранены, другими он начал медленно поднимать и выворачивать руки офицера. Ранена задергался, лицо его исказилось от боли. Он кивнул.

Кон отпустил его. Капли крови выступили на коже там, где ее сжимали пальцы-иглы.

— В следующем бою — он против ксинли, — простонал Ранена.

— Вот как! — спокойно сказал Регор. — Вот как! А теперь поступим так, чтобы неправильное стало правильным.

Он сделал знак Кону. Человек-паук повернул голову Ранены и сломал ему шею.

Регор посмотрел в его стекленеющие глаза и повернулся к индейцам.

— Ты, ты, — он выбрал шестерых, — оденьтесь в их одежду. Ноталу, — сказал он одному из ю-атланчи, — раздень Ранену и смени свое желтое на его зеленое. И стойте на страже. Вероятно, никто не придет, но если придет — убейте быстро, прежде чем они смогут поднять тревогу. Мы оставим вам двоих ткачей, ты знаешь, как приказывать им. Кон пойдет со мной. Но сначала нужно избавиться от этой падали.

Он щелкнул Кону. Люди-пауки подобрали тела и отнесли в коридор, который, как сказал Ранена, ведет к амфитеатру. Остывающие тела положили вдоль стен, так, чтобы их не было видно из комнаты стражи. Потом вернулись, и двое из них незаметно скрылись за скамьями.

— Теперь посмотрим, чем можно помочь Хуону, — сказал Регор.

Они прошли по коридору, мимо Ранены, глядевшего на них мертвыми глазами.

Солнечный свет ослепил Грейдона. В глазах заплясали черные пятна. Оглушил топот чудовищных ног.

Зрение прояснилось. Он стоял у выхода, перекрытого толстыми металлическими прутьями. И сквозь прутья смотрел на арену цирка.

18. БОИ ДИНОЗАВРОВ

Арена представляла собой огромный овал, пятисот футов в меньшей оси и полмили в большей, покрытый гладким желтым песком. Вокруг овала стена из полированного зеленого камня вчетверо выше человеческого роста. В ней тут и там отверстия, гораздо больше того, через которое он смотрел. За стеной ряд за рядом к краю амфитеатра поднимались каменные сиденья. В высоту амфитеатр достигал ста пя-

тидесяти футов. Там, вверху, плескались на ветру знамена. Внутри большого овала находился меньший, образованный толстой четырехфутовой стеной. Между этими двумя стенами дорожка примерно пятидесяти футов шириной.

Почти прямо напротив Грейдона секция, занятая ю-атланчи. Стройные зеленые лакированные столбы держали над ней шелковый навес. Похоже на огромный цветник, с яркими пестрыми женскими одеждами среди преобладающей зелени, по-видимому, цвета сторонников Лантлу.

Вокруг секции аристократов двойной ряд эмеров в зеленых килтах, с копьями и луками; затем широкое пространство пустых сидений; затем еще один двойной ряд солдат; и наконец тысячи индейцев в праздничных одеждах. А дальше опять пустые — ряд за рядом, доказательство того, насколько сократилось древнее население.

В чистом прозрачном воздухе расстояния сокращаются. Впереди Грейдон увидел Лантлу, окруженного группой смеющихся аристократов. А кто эта женщина рядом с ним?

Дорина!

Он услышал проклятие Регора и понял, что тот тоже увидел ее.

Но Дорина не смеялась вместе с остальными. Она сидела, сжав руки, мрачно глядя на арену, глядя прямо туда, где они скрывались, как будто видела их. Грейдон торопливо отступил.

— Твое оружие достанет ее? — лицо Регора потемнело от ненависти.

— Легко... но я лучше попробую Лантлу, — ответил Грейдон.

— Нет, ни его, ни ее, — Регор покачал головой, к нему вернулся самоконтроль. — Это не сделает нас ближе к Хуону. Но эта прогнившая дочь стервятника, что за стерва — прийти смотреть, как он будет умирать!

— Похоже, она этому не радуется, — сказал Грейдон.

Регор застонал и начал осматривать края решетки.

— Надо открыть эту решетку, — ворчал он. — Когда выпустят Хуона, заберем его сюда... где этот проклятый замок... Побежим в тунель и постараемся уйти... лучше послать за ним Кона... он его принесет... нет, Кон бежит быстрее всех нас, но не быстрее стрел... он и полпути не пробежит, его много раз прострелят... нет, придется ждать... клянусь Семью!.. а, вот он!

Послышался звук открываемых засовов. Регор попробовал открыть решетку. Она открылась. Он еще дважды открыл и закрыл замок, и чтобы убедиться, что в нужный момент не потратит лишнего времени, Грейдон пометил места давления на запоры концом патрона.

Послышался звук фанфар. Решетка под тем местом, где сидел Лантлу, открылась. Оттуда вышли шесть больших верховых ксинли. Тиранозавры, страшные ящеры, уменьшенные, как и ящеры охотничьей

своры, но не настолько. Чудовищные черные фигуры сверкали, как будто были покрыты латами; толстые хвосты, вдвое длиннее тела, заостренные на конце, поднимались вверх, непрестанно дергались. Маленькие ящеричьи головы нервно поворачивались на длинных змеиных шеях. Динозавры опираются на задние ноги, толстые и цилиндрические, как ноги слона. Маленькие передние лапы они прижимают к груди, подобно кенгуру; вообще положение кенгуру в покое точно повторяет привычки динозавров.

Там, где шея переходит в покатые плечи, сидит всадник; у каждого всадника свой цвет. Это все аристократы и, несмотря на свой рост, кажутся карликами на огромных телах своих верховых животных. Они сидят на маленьких седлах, вооруженные шпорами, держат в руках вожжи, управляя массивными удилами. Динозавры грызут эти удила, свистят и шипят, ударяя друг друга нелепо маленькими головками, как горячие скакуны на старте, торопящиеся в путь.

Еще раз прозвучали фанфары, и тут же послышался топот огромных ног. Ксинли не прыгают, они бегут, как человек, ноги их движутся вверх и вниз, как поршни. Вытянув вперед неподвижные шеи, они понеслись по овальной дорожке. Толпой миновали Грейдона на скорости поезда-экспресса. Поднятый ими ветер ураганом ворвался за решетку. Грейдон вздрогнул, представив себе, что станет с цепочкой людей, противостоящих этим снарядам из мяса и костей.

Как стремительное черное облако, они миновали секцию, где сидели аристократы. От ю-атланчи и индейцев послышалась буря выкриков. Теперь, когда они снова приближались к нему, Грейдон увидел, что наступает вторая фаза этой гонки. Теперь динозавры уже не бежали группой. Двое вырвались вперед, всадник в зеленом и всадник в красном. Красный всадник пытался прижать зеленого к внутренней стенке. Близко за ними неслись остальные четверо, и все использовали тот же прием, пытаясь прижать противников к стене. Змееподобные шеи ксинли извивались, маленькие головы ударяли по сторонам, как нападающие змеи.

Зеленый всадник неожиданно бросил свое животное на красного. Красный сделал отчаянное усилие, пытаясь поднять своего динозавра над баррикадой. Динозавр запнулся и с грохотом обрушился внутрь стены. Всадник отлетел от него, как красный мяч от теннисной ракетки, ударился о песок, несколько раз перевернулся и застыл. Зеленый всадник вырвался вперед; его преследовал всадник в пурпурном, пытаясь отгородиться от шедших сзади стеной. Взрыв аплодисментов сопровождал топот ног динозавров.

Вновь они пронеслись мимо, зеленый всадник на два корпуса перед пурпурным, три оставшихся в линию сразу за пурпурным. Они пронеслись мимо аристократов и, подняв облако пыли, остановились.

Еще более громкие аплодисменты. Динозавры затопали назад, и Грейдон увидел, как зеленому всаднику бросили сверкающий браслет.

Динозавров увели в отверстие в стене. Когда они исчезли, появились воины, подобрали неподвижное тело красного всадника и унесли его. Один из воинов взял узду динозавра, на котором ехал красный всадник и который с самого падения тупо стоял, опустив голову. Воин увел динозавра, как лошадь, в ворота. Зазвенела решетка.

Еще раз послышался громкий звук фанфар. На арене наступило молчание. Рядом с предыдущими открылись еще одни ворота...

Из них вышел Хуон.

Он был вооружен коротким мечом и копьем, на левой руке — маленький щит. Он постоял, мигая в ослепительном солнечном свете. Взгляд его остановился на Дорине. Она отшатнулась и закрыла лицо руками — потом подняла голову и вызывающе взглянула на Хуона.

Он начал поднимать копье, медленно, медленно. Что бы он ни задумал, у него не было возможности осуществить это. В ста футах от него распахнулась решетка. И на желтый песок выпрыгнул один из карликовых динозавров охотничьей своры. И пока он стоял неподвижно, оглядываясь, Грейдон узнал, как много мыслей может промелькнуть в мозгу за время, необходимое для одного вдоха. Он видел, как наклонился Лантлу, иронически приветствуя человека, преданного Дориной. Он рассмотрел боевого ксинли во всех подробностях — сверкающую сапфирно-голубую и изумрудно-зеленую чешую, которая покрывала его тело, блестя, как драгоценные камни, передние лапы, короткие и мускулистые, когти, как острые долота, торчащие в лапах, злобно молотящий хвост, челюсти с белыми клыками, пламенно-красные глаза, посаженные, как у птиц, раздельно по обе стороны головы с опущенным забралом.

Ружье Грейдон держал у плеча. Он заколебался: выстрелить в Лантлу или в динозавра? У динозавра уязвимо только одно место — маленькие красные глазки. Он прицелился в красные бусинки... нет, не стоит рисковать, слишком мала цель... снова в Лантлу... но того скрывала Дорина, он наклонился, говоря с кем-то по соседству... надо ждать, пока он не выпрямится... вот оно... дьявол, Регор открыл решетку, сбил цепь...

Все это пронеслось в мозгу Грейдона в одно мгновение. И тут динозавр набросился на Хуона. Регор тряс Грейдона за руку, указывая на нападающего динозавра, умоляя его выстрелить. Дьявол... нельзя стрелять наудачу... пуля отскочит от чешуи, как от брони... лучше выстрелить в Лантлу... но какая от этого теперь польза... лучше подождать... подождать возможности выстрелить в это чудовище...

Хуон отскочил в сторону, увернулся от динозавра. Тот развернулся и снова прыгнул, пытаясь достать когтями. Хуон упал на одно колено, выставив вперед копье, целясь в уязвимое место на шее. Копье

ударило, но недостаточно сильно. Древко сломалось у основания. Динозавр засвистел, перевернулся в прыжке и опустился на лапы чуть поодаль. Он странно человеческим жестом потрогал горло и осторожно начал кружить вокруг Хуона, напрягая мышцы, будто боксирующий с тенью. Хуон, стараясь постоянно быть к нему лицом, взял сломанное копье в левую руку со щитом, меч — в правую.

— Хуон! Я иду! Держись!

С криком Регор миновал Грейдона и выбежал на песок. Его крик разорвал молчание, которое — если не считать шипения динозавра — нависло над ареной. Последовало еще более глубокое молчание, молчание изумления. Хуон смотрел на бегущего. Динозавр повернул голову. Солнце осветило один из его красных глаз. Он выделялся на черепе, как огонек. Грейдон быстро прицелился и выстрелил.

Треск выстрела разнесся над ареной. Динозавр подпрыгнул, перевернулся и, ковыляя, побежал по песку, сжимая голову лапами. Из заполненных зрителями рядов послышался громкий вздох, как предвестник бури. Мимо Грейдона, яростно щелкая, пронесся Кон. Грейдон прицелился в Лантлу, но тот упал за стену, как будто кто-то предупредил его.

Дорина сидела неподвижно, глядя на Хуона. Она как будто ожидала своей участи.

Регор быстро бежал по арене, Кон рядом. Хуон, не оглядываясь, не отрывая взгляда от женщины, сделал шаг к стене.

Он бросил сломанное копье. Оно сверкало в полете. И этот блеск погас в груди Дорины.

Опять тишина. И тут весь амфитеатр взревел. На отверженного из убежища обрушился дождь стрел. Кон обогнал Регора, подхватил Хуона на руки и повернул назад. Грейдон опустошил свое ружье, стреляя в лучников; дождь стрел прекратился.

Резко прозвучали трубы. Через открытые решетки и прямо со стен устремились эмеры в зеленых килтах. Они бежали изо всех выходов. Кон был уже близко, Регор за ним. Грейдон, страстно жалея, что у него нет пулемета, стрелял по ближайшим нападающим. Они остановились. Обезумевший динозавр большими прыжками понесся на солдат, преследовавших Регора. Они бросились от него в стороны. Гигант захлопнул решетку и закрыл засов. Динозавр обрушился на эту решетку, рвал ее когтями, желтоватая кровь текла из пробитой пулей Грейдона головы.

— Тебя дьявольски трудно убить, — пробормотал Грейдон и поднял ружье, собираясь выстрелить во второй глаз.

— Нет! — выдохнул Регор и схватил его за руку. — Он задержит преследователей.

Хуон, которого Кон поставил на ноги, стоял неподвижно, опустив голову. Неожиданно его сотрясло рыдание.

— Все в порядке, парень, все в порядке! — подбадривал его гигант.

Мимо динозавра, сквозь решетку, пролетела стрела, едва не задев Грейдона. За ней еще одна, и еще. Грейдон слышал гневный, призывающий звук труб.

— Надо побыстрее уходить! — проворчал Регор. Обхватив рукой Хуона за плечи, он повел его в коридор. Грейдон за ним; маленькие руки Кона одобрительно похлопали его по плечу. Остальные шли сзади. Они вошли в комнату стражи. Открыли тайную дверь, через которую попали сюда, и закрыли ее, когда уже слышался шум преследования. В маленьком склепе Кон нашел возможность сдвинуть левый овальный камень.

Они закрыли за собой и этот проход. И молча пошли по коридору, ведущему в убежище храма.

19. МАТЬ-ЗМЕЯ

Они шли молча, Регор обнимал Хуона за плечи. Пятеро из Товарищества миновали ткачей, шли с обнаженными мечами за своим вождем. Индейцы следовали за Грейдоном. Оборачиваясь, он встречал их взоры, устремленные на него, как будто они считали его своим предводителем. Тот, что нес ружье, явно стал важной персоной, он шел перед своими товарищами, вслед за Грейдоном. Они подошли к концу прохода и без труда открыли дверь.

И вошли в колонный зал видения Грейдона!

Столбы тускло-лазурного света падали с парящей куполообразной крыши, как копья зари. Туманно светящиеся, они окружали просторный альков, высоко поднятый над мозаичным опаловым проходом. За их сиянием Грейдон увидел сапфировый трон и меньшие троны: золотой, красный, черный — на основании из молочного хрусталя — сиденья Семи Властителей.

У самой вершины широкой лестницы, спускавшейся от алькова, стояла девушка, ее руки прижаты к груди, красные губы удивленно раскрыты, мягкие черные глаза смотрят, не веря себе...

— Грейдон! — воскликнула она и сделала быстрый шаг навстречу.

— Суарра! — предупреждающий голос звучал шепеляво, звеняще чисто, как песня птицы. Столб мерцающего перламутра взорвался за девушкой; из-за ее плеча смотрело лицо, сердцеобразное, окруженное серебряными волосами, с пурпурными глазами...

Мать-Змея!

— Посмотрим, что за посетители пришли так бесцеремонно вслед за твоим мужчиной, — прошепелявила она, — и путем, которого, я уверена, никто в Ю-Атланчи не знает.

Она подняла маленькую руку, держа в ней систр, в котором вместо струн, как ртуть, дрожал сверкающий шар.

Регор подавил восклицание и опустился на колени, остальные торопливо последовали его примеру, за исключением людей-пауков, которые стояли и спокойно смотрели. Грейдон поколебался, потом тоже преклонил колени.

— Ага, значит, вы вспомнили о манерах! — в звенящем голосе звучала слабая насмешка. — Подойдите ближе. Клянусь моими предками, это Регор... и Хуон... и когда это ты надел зелень Лантлу, Наталу? Давно ты не преклонял передо мной колени, Регор.

— Это не моя вина, Мать! — негодующе начал Регор. — Но теперь не просто...

Звонкий смех заставил его замолчать.

— Горяч, как всегда, Регор. Ну что ж, по крайней мере теперь у тебя будет время попрактиковаться в этом забытом долге. И у тебя, Хуон, и у остальных.

Грейдон слышал, как с облегчением вздохнул гигант, увидел, как просветлело его изуродованное лицо; его рев прервал Мать-Змею:

— Преклонитесь перед Аданой! Мы теперь ее люди! — и он низко поклонился, так, что перевязанным лбом коснулся пола.

— Да, — негромко сказала Мать, — но надолго ли... этого даже я не могу сказать... — Она опустила руку, державшую дрожащий шар, еще больше перегнулась через плечо Суарры, поманила Грейдона: — Подойди ко мне. А ты закрой за собой дверь, Регор.

Грейдон пошел к алькову, поднялся по ступеням, не отрывая очарованного взгляда от вопрошающих пурпурных глаз. Когда он подошел ближе, Мать-Змея выдвинулась из-за девушки, вышла из сверкавшего столба, из которого высовывалось ее детское тело. И Грейдон почувствовал необъяснимое чувство любви к этому странному существу — как будто в его сердце скрывалась арфа, струны которой могла шевелить только она. Он снова склонился и поцеловал маленькую руку, которую она протянула ему. Он взглянул ей в лицо, оно было нежным, вся многовековая усталость исчезла, глаза смягчились, и у него не осталось даже воспоминаний о сомнениях, которые возникли в зале с росписями, так сильно было ее колдовство — если это колдовство.

— Тебя хорошо воспитали, дитя, — прошептала она. — Нет, дочь, — она шаловливо взглянула на Суарру, — не волнуйся. Он поклоняется только моим годам.

— Мать Адана... — начала с горящим лицом Суарра.

— Ну, идите поговорите, дети, — алые сердцеобразные губы улыбались. — У вас есть что сказать друг другу. Посидите на золотых тронах, если хотите. О чем ты думал тогда, мужчина Суарры? О том,

что золотой трон — символ конца твоего пути? Конечно, так. Не знаю, почему, но ты так думал. Ну что ж, садись.

Грейдон, который начал вставать, снова опустился на колени. Когда она заговорила о золотых тронах, он вспомнил строки старого негритянского спиричуэла:

«Когда я покончу с этим утомительным путешествием,
Когда я покончу, Господь,
Я буду сидеть на золотом троне...»

Мать-Змея смеялась. Она поманила Суарру. Взяла руку девушки и вложила ее в руку Грейдона. И слегка подтолкнула их.

— Регор, — позвала она, — иди ко мне. Расскажи, что случилось.

Размахивая палицей, бойко шагая, подошел Регор. Суарра провела Грейдона за занавес, скрывавший тыл алькова. Грейдон видел, как Регор поднялся по ступеням, видел, как наклонила голову, готовясь слушать, женщина-змея. Потом забыл обо всем, поглощенный Суаррой, переполненный заботой о ней и любопытством.

— Что случилось, Грейдон? — рука ее обняла его за шею. — Мы ушли быстро и уже были возле водопада. Было очень шумно, но мне показалось, что прозвучало твое оружие. Я хотела вернуться. Но других звуков не было, поэтому я пошла дальше. А Регор и остальные — где их ранили?

— Лантлу захватил убежище. Дорина предала Хуона. Лантлу взял Хуона и выставил его против одного из своих проклятых ксинли. Мы его освободили. Хуон убил Дорину, — торопливо выпалил он.

— Дорина предала его! Он убил ее! — глаза ее распахнулись.

— Она ведь была твоей теткой... или чем-то в этом роде? — спросил он.

— Кажется, так... но давным-давно... — ответила она.

И неожиданно он решил раз и навсегда решить мучившую его загадку; он узнает, кто она: одна из этих «бессмертных» или обычная девушка, какой кажется... Если она подобна остальным, ему придется смириться с фактом, что он любит девушку, которая по возрасту могла бы быть его бабушкой... если же нет, то ему нет дела до остальных загадок...

— Послушай, Суарра, — сказал он, — сколько тебе лет?

— Двадцать, — удивленно ответила она.

— Это я знаю, но что это значит: тебе на самом деле двадцать, или тебе было двадцать, одна Мать знает, сколько лет назад, когда ты закрыла эти проклятые Двери, чем бы они ни были?

— Но, любимый, — спросила Суарра, — почему это тебя так беспокоит? Я не входила в зал Дверей. Мне на самом деле двадцать лет. То есть теперь двадцать, и с каждым годом я становлюсь старше.

— Слава Богу! — горячо воскликнул Грейдон, тяжесть спала с его

души. — Ну, а теперь, после хорошей новости — плохая. Лантлу и большинство ю-атланчи именно в этот момент охотятся за нами.

— Теперь, когда Мать приняла вас, это неважно, — сказала Суарра.

Грейдон усомнился в этом, но промолчал. Он начал рассказ о своих приключениях. В середине первого предложения он услышал свистящее восклицание женщины-змеи, затем рокот Регора:

— Это правда. Его нашел там Кон.

Он взглянул на них. Глаза Матери-Змеи были устремлены на него. Она поманила его; и когда он встал рядом с ней, приподнялась, раскачиваясь, пока ее лицо не стало вровень с его лицом.

— Тень, Грейдон. Расскажи мне о ней. С того момента, как она появилась на черном троне. Нет, подожди, я буду смотреть, пока ты рассказываешь... — она положила ему на лоб руку, — теперь говори.

Он повиновался, шаг за шагом рассказывая о своем испытании. Он переживал его снова; так ярки были его картины, как будто кто-то снял происходившее и сейчас пленка снова разворачивалась перед ним. Когда он рассказывал о смерти Кадока, рука на его лбу задрожала; он рассказал о Коне, руку сняли с его лба.

— Достаточно!

Она откинулась назад, задумчиво рассматривая его; в ее взгляде было удивление — он подумал, что она похожа на математика, который среди множества хорошо изученных формул вдруг встречает совершенно незнакомое ему уравнение.

— Ты не таков, как я думала, Грейдон, — ее слова странно совпали с его мыслью. — Интересно... ты тоже происходишь от серых обезьянолюдей... но об этих людях, которые живут здесь, я знаю все... что еще вы развили, чего добились за барьером... интересно...

Она молча изучала его. Потом:

— Ты считал Тень реальной... не тенью... не нематериальным...

— Она достаточно материальна, чтобы влиться в Кадока, — прервал он. — Достаточно материальна, чтобы уничтожить его. Она наполнила Кадока, как вода наполняет кувшин. Высосала из него жизнь. И на десять сердцебиений... Мать, Тень перестала быть Тенью. Если ты прочла мои мысли, ты знаешь, чье лицо у нее было.

— Я видела, — кивнула она. — Но не могу поверить. Как я могу поверить, когда не знаю...

Она замолчала; казалось, к чему-то прислушалась. Поднялась на своих кольцах, пока ее голова не оказалась на фут выше Регора. Глаза ее стали напряженными, будто она всматривалась куда-то за стены зала. Она снова опустилась на кольца, розовый цвет ее тела стал глубже.

— Ко мне, Хуон, — позвала она. — Со всеми твоими людьми. Кон... — она прощелкала какой-то приказ и указала на противоположную сторону алькова.

Снова прислушалась.

— Суарра, — она указала на девушку, — Суарра, иди в свою комнату.

И когда Суарра уже повернулась, добавила:

— Нет, стань за мной, дочь. Если он осмелился на это, лучше оставайся рядом!

И снова женщина-змея затихла; взгляд ее стал отвлеченным. Хуон и его люди встали на ступенях, выстроились, как она велела. Суарра подошла к Грейдону.

— Она рассердилась! Она очень рассердилась! — прошептала она. И скрылась за кольцами женщины-змеи.

Грейдон услышал слабый далекий лязг; крики, звон металла о металл. Шум приближался. В дальнем конце колонного зала был вход, завешенный паутинным занавесом. Неожиданно занавес был сорван. И в проход хлынули воины-эмеры в синих килтах, они отступали под чьим-то напором.

Над ними показалась голова Лантлу и с ним больше сотни его приверженцев-аристократов.

Они пробивались в портал. Эмеры сражались отчаянно, но шаг за шагом отступали под ударами длинных копий нападавших. Никто не падал, и Грейдон понял, что нападающие сознательно воздерживаются от убийства, пытаются только прорваться.

— Остановитесь! — в крике Матери-Змеи было что-то от труб ее крылатых вестников, летающих оперенных змей. Сражающиеся остановились.

— Дара! — Офицер-эмер в голубом килте отдал ей честь. — Пропусти их! Проведи ко мне!

Охранники расступились, образовав два ряда; между ними Лантлу и его приверженцы прошли к началу лестницы. Лантлу улыбнулся, увидев Грейдона; его глаза сверкнули, когда его взгляд упал на Хуона, Регора и их маленький отряд.

— Все здесь, Бюрал! — сказал он идущему рядом аристократу с таким же прекрасным и жестоким лицом. — Я не надеялся на такую удачу!

Он иронически поклонился женщине-змее.

— Привет тебе, Мать! — в его приветствии звучало высокомерие. — Просим прощения за грубое вторжение, но твоя стража, очевидно, забыла о праве древней расы приходить к тебе. Мы знаем, что ты накажешь их за это, поэтому не причинили им вреда. И мы едва успели, Мать, спасти тебя: ты окружена опасными людьми. Отверженными, которых мы ищем. Среди них и чужеземец, чья жизнь обречена

с момента, как он вторгся в Ю-Атланчи. Злые люди, Мать! Мы избавим тебя от этой угрозы!

Он шепнул что-то Бюралу и шагнул вверх по лестнице. Шедшие за ним аристократы взметнули ко́пья, готовые ударить. Грейдон поднял ружье к плечу, палец его лег на курок. От напряжения он заговорил по-английски:

— Остановитесь! Или я прострелю ваши прогнившие сердца! Прикажи им опустить копья!

— Тишина! — Мать коснулась его руки систром; рука онемела, ружье выпало из нее.

— Он говорит, что тебе лучше оставаться на месте, Лантлу. И лучше вам всем опустить копья. Он прав, Лантлу... Я, Адана, говорю вам это! — шепелявила Мать-Змея.

Она высоко подняла систр. Лантлу смотрел на него с выражением сомнения. Он остановился, негромко заговорил с Бюралом. Копья опустились.

Женщина-Змея слегка раскачивалась взад и вперед на столбе своих колец.

— По какому праву требуешь ты этих людей, Лантлу?

— По какому праву? По какому праву? — Он смотрел на нее злобно, с притворным неверием. — Мать Адана! Ты состарилась, стала забывчива, как и твоя стража! Мы требуем их, так как они нарушили закон Ю-Атланчи, потому что они преступники, волчьи головы, они вне закона и должны быть схвачены. По праву древнего закона, в который ты, Мать, в силу договора, заключенного между твоими и моими предками, не можешь вмешиваться. И даже если ты вмешаешься, мы должны будем защитить твою честь и все равно взять их. Бюрал, если чужеземец наклонится к своему оружию, проткни его. Если один из этих преступников пошевелится, бросайте в них копья. Я ответил тебе, Мать?

— Ты их не получишь, — невозмутимо ответила женщина-змея. Но столб ее колец раскачивался по все расширяющейся спирали, шея начала изгибаться, голова продвинулась вперед, как у змеи, изготовившейся к удару.

Суарра выскользнула из-за нее, взяла Грейдона за руку. Лицо Лантлу потемнело.

— Вот как! — сказал он. — Суарра! Со своим любовником! Тебя ждут, урдская шлюха! Скоро урды тебя получат...

В глазах Грейдона вспыхнул красный свет, в ушах зашумело. Ненависть, поднимавшаяся в нем с того момента, как Лантлу насмехался над ним в пещере Тени, вырвалась наружу. Прежде чем женщина-змея смогла остановить его, он прыгнул вниз по лестнице и нанес свирепый удар кулаком прямо в усмехающееся лицо. И почувствовал, как под его ударом хрустнул нос. Лантлу пошатнулся, отступил. С ко-

шачьей гибкостью удержался на ногах и прыгнул на Грейдона, готовый схватить его.

Грейдон нырнул под его кулаком, нанес два удара снизу вверх, второй пришелся прямо по рту. И снова почувствовал хруст кости. Лантлу отлетел на руки Бюрала.

— Грейдон! Ко мне! — приказ Матери-Змеи звучал категорично, не повиноваться ему было нельзя.

Грейдон медленно поднялся по ступеням, продолжая смотреть на аристократов. Они не пытались остановить его. На полпути вверх он увидел, как Лантлу открыл глаза, вырвался из рук Бюрала и недоуменно осмотрелся. Грейдон остановился, яростное возбуждение охватило его, и снова, не отдавая себе отчета, он заговорил на родном языке:

— Я немного попортил твою красоту!

Лантлу отсутствующим взглядом посмотрел на него, рукой вытер рот, тупо посмотрел на красную жидкость.

— Он говорит, что теперь тебе трудно будет восхищать своей красотой, — прозвенела женщина-змея. — И опять он прав!

Грейдон взглянул на нее. Маленькая рука так сжимала систр, что пальцы ее побелели, красный раздвоенный язык дрожал, глаза ярко сверкали... Мать, подумал он, возможно, и сердится на него, но все же наслаждается видом разбитой физиономии Лантлу... Он видел, как женщины, окружающие ринг, с таким же выражением смотрят, как их фаворит калечит своего противника. Он встал рядом с ней, растирая разбитые пальцы.

Теперь Лантлу старался вырваться из рук державших его людей... Грейдон даже восхищался им в тот момент... У этого негодяя есть мужество...

— Лантлу! — Мать-Змея подняла голову, так что она была выше их на целый рост, глаза ее холодно блестели, лицо застыло. — Лантлу, посмотри на меня!

Она подняла систр. Шар прекратил свою ртутную дрожь, из него устремился серебряный луч, коснувшийся лба Лантлу. Тот немедленно прекратил вырываться, застыл, поднял к ней лицо. Серебряный луч коснулся лиц его последователей, они тоже застыли и замолчали.

— Лантлу! Носитель падали для Нимира! Слушай меня! Ты осквернил храм, единственный из древней расы! Насилием ты прорвался ко мне, к Адане, из Древнейшей расы, которая кормила твоих предков плодами своей мудрости. Которая превратила вас в людей. Ты насмехался надо мной! Ты осмелился поднять против меня оружие! Я объявляю древний договор между твоим и моим народами нарушенным — нарушенным тобой, Лантлу. Я, Адана, объявляю тебя преступником. И всех, кто следует за тобой. И преступники все, кто поддержит тебя. Я изгоняю тебя! Иди к своей шепчущей Тени, расскажи

ей, что случилось с тобой. Иди к своему Темному Хозяину, Лантлу, и проси его сделать тебя вновь целым, восстановить твою красоту. Он не сможет, нет, он так слаб, что даже не может подобрать себе тело. И пусть это тебя успокоит. Он не сможет даже спрятаться за твоим лицом, хотя и захочет этого. Скажи ему, что я, которая победила его некогда, я, Адана, заключившая его в камень, я не сплю, я на страже и встречусь с ним снова, когда пробьет час, — да, и снова разобью его. Я полностью уничтожу его! Иди, животное, павшее ниже урдов! Иди!

И она указала систром на изорванный занавес. И Лантлу, качая головой и, шатаясь, повторяя ее движения, скованно повернулся и вышел. За ним, качая головами, шли его приверженцы. Окруженные воинами в синих килтах, они вышли.

Тело женщины-змеи прекратило раскачиваться, столб ее колец опустился, она положила маленький заостренный подбородок на плечо Суарры. Ее пурпурные глаза, больше не холодные или сверкающие, оценивающе устремились на Грейдона.

— Как он дерется! — протянула она. — Во мне все-таки немало человеческого; как я наслаждалась этими ударами и видом лица Лантлу! Грейдон, впервые за долгие века ты разогнал мою скуку.

Она помолчала и улыбнулась ему.

— Я должна была бы убить его, — сказала она, — это избавило бы нас от многих неприятностей. И, вероятно, спасло бы много жизней. Но тогда у него не было бы возможности оплакать свою погибшую красоту, разбить свое тщеславное сердце из-за этого. Нет, я не могла отказаться от этого, даже ради множества жизней. Ах-х-х! — она зевнула. — Впервые за многие века я хочу спать.

Суарра наклонилась к стене алькова. Прозвучал золотой колокольчик. Открылась дверь, вошли красивые женщины-индианки, неся носилки с подушками. Они поставили носилки рядом с женщиной-змеей и стояли в ожидании, сложив руки на смуглой груди, наклонив головы. Она качнулась к ним, остановилась...

— Суарра, — сказала она, — проследи, чтобы Регору, Хуону и всем остальным отвели помещения, чтобы о них позаботились. Грейдон, подожди здесь.

Все поклонились ей и вслед за Суаррой вышли.

Грейдон стоял возле Матери. Она молчала, глубоко задумавшись. Наконец взглянула на него.

— Хвастливое послание отправила я Нимиру, — сказала она. — Я не так уверена в исходе, мой Грейдон, как может показаться. Ты дал мне, о чем подумать. Но... и этому ползучему злу тоже есть о чем задуматься, помимо его жестокостей... может быть.

Она молчала, пока не вернулась Суарра. Тогда она выскользнула из своего гнезда, влезла в носилки и медленно втянула туда свои кольца. Положив подбородок на руки, глядела на Суарру и Грейдона.

— Поцелуй его на ночь, дочь, — сказала она. — Он будет спать крепко и в безопасности.

Суарра прижалась к его щеке губами.

— Иди сюда, Грейдон, — рассмеялась женщина-змея, и когда он подошел, обхватила его лицо руками и тоже поцеловала.

— Какая пропасть между нами! — она покачала головой. — И он перекрыл ее тремя ударами в лицо человека, которого я ненавижу. Да, дочь, в конце концов я все же женщина!

Индианки подняли ее носилки. Суарра шла рядом. Вошли два эмера в голубых килтах, низко поклонились и пригласили Грейдона идти за собой. Мать помахала ему рукой, Суарра послала воздушный поцелуй. И они исчезли.

Грейдон пошел за индейцами. Проходя мимо красного трона, он увидел на нем фигуру — сморщенную фигуру в красно-желтой одежде.

Властитель Глупости! Но он не видел, когда вошел старик. И давно ли он здесь? Он остановился. Властитель Глупости смотрел на него мерцающими молодыми глазами. Он протянул длинную белую руку и коснулся его лба. При этом прикосновении Грейдон почувствовал, как напряжение покидает его, его место заняла беззаботная веселость, приятная уверенность, что все в этом мире идет правильно, хотя иногда так и не кажется. Он засмеялся.

— Добро пожаловать, сын, — рассмеялся Властитель Глупости.

Один из индейцев коснулся руки Грейдона. Когда тот снова взглянул на трон, там никого не было.

Он прошел за индейцами в портал. Его отвели в комнату, слабо освещенную, увешанную паутинными занавесами. В середине ее стояла кровать. Был также небольшой столик, на котором хлеб, фрукты и бледное слабое вино. Пока он ел, индейцы сняли с него кольчугу и раздели его. Принесли хрустальную ванну, вымыли его и растерли тело маслом. Потом завернули в шелковые простыни и уложили в постель.

— «Добро пожаловать, сын», — сонно пробормотал Грейдон. — Сын? Что он хотел этим сказать?

Все еще удивляясь, он крепко уснул.

20. МУДРОСТЬ МАТЕРИ-ЗМЕИ

Проснувшись, Грейдон увидел, что от двери на него смотрят Регор и Хуон. Регор по-прежнему был в черном, но Хуон сменил желтый цвет Товарищества на голубой — цвет Матери. Грейдон обнаружил у постели такой же костюм. Он надел длинную свободную рубашку, чулки и башмаки из мягкой кожи, без каблуков. Все было ему впору, и он даже подумал, не обмеряли ли его, пока он спал.

На стуле лежал также золотой браслет, но Грейдон его не взял. После недолгого колебания он сунул пистолет за широкий пояс. За-

вершил его наряд голубой шелковый плащ, закрепленный на плечах золотыми пряжками. В нем он чувствовал себя слишком скованным, как будто собирался на костюмированный бал, — ему это никогда не нравилось, но надеть больше было нечего, его собственная кольчуга исчезла, а остальная его одежда осталась в разграбленном убежище.

Они вместе позавтракали. Грейдон заметил, что Хуон плохо перенес происшедшее, лицо его осунулось, глаза были печальны. И Регор лишился большей части своей жизнерадостности, то ли из сочувствия к Хуону, то ли по какой другой причине, Грейдон не знал. Никто из них не упоминал о его стычке с Лантлу, и это вызвало его обостренное любопытство. Однажды он подвел к этому разговор; Хуон взглянул на него с раздраженным отвращением; Регор предупреждающе толкнул под столом.

Завтрак не был приятным, но по крайней мере Грейдон узнал манеры Хуона. Регор и Хуон собрались уходить, Грейдон хотел идти с ними, но Регор резко сказал, что ему лучше оставаться на месте, пока его не призовет Мать; она передала командование своими воинами ему и Хуону, и они теперь будут заняты. Через несколько мгновений Регор вернулся один.

— Ты хорошо вел себя, парень, — прогремел он, хлопая Грейдона по плечу. — Не обращай внимания на Хуона. Видишь ли, мы не деремся так, как ты. Это обычай урдов. Я говорил Хуону, что ты, вероятно, не знаешь наших обычаев, но... в общем, ему это не понравилось. К тому же он переживает из-за Товарищества и Дорины.

— Хуон может убираться к дьяволу со своими обычаями, — Грейдон был обижен и сердит. — Когда передо мной такое животное, как Лантлу, я дерусь, чем могу, и ничто меня не держит. Но я понимаю теперь, почему Лантлу победил его. Он занимался делом, а Хуон в это время, наверно, выбирал лучший способ выражения.

— Похоже, ты говоришь на своем языке, — улыбнулся Регор, — но я тебя понял. Ты прав, но Хуон есть Хуон. Не беспокойся. Он забудет об этом, когда вы встретитесь вновь.

— Мне все равно, забудет он или нет, — яростно начал Грейдон. Регор еще раз дружески хлопнул его по плечу и вышел.

Все еще негодуя, Грейдон сел и приготовился ожидать вызова. Стены комнаты от потолка до пола были затянуты занавесами. Он пошел вдоль них, щупая рукой. В одном месте занавес разошелся, и Грейдон оказался в другой комнате, залитой ярким дневным светом из окна с балконом. Он вышел на балкон. Под ним лежала Ю-Атланчи.

Храм находился высоко над городом, и местность от него опускалась полого. Склон между храмом и озером напоминал луг, без деревьев, голубой, будто заросший колокольчиками. И противоположная сторона озера была ближе, чем он думал, не далее мили.

Он видел пену водопада, разрываемую ветром. Пещеры колоссов

походили на гигантские глаза на коричневом лице обрыва. Ясно виднелась фигура женщины-лягушки, ее зеленый камень отчетливо выделялся на красном фоне скалы. Видна была и белая изящная фигура, охранявшая вход в пещеру мертвых.

Был еще один колосс, высеченный, казалось, из розового кварца, закутанный с ног до головы в саван и закрывавший лицо поднятой рукой; и циклопическая статуя серого безволосого обезьяночеловека. Эти он видел ясно, остальные фигуры сливались с окружающими скалами.

Слева луг переходил в плоскую равнину, заросшую редкими деревьями и тянувшуюся на мили до первой волны леса; на равнине виднелось множество маленьких индейских ферм. Справа древний город, больше похожий на парк.

Там, где кончался город и начинался ведущий к храму луг, на полпути к озеру находилось уникальное здание. Оно было построено в форме огромной раковины, чье основание закопано, чтобы раковина стояла вертикально. Стены здания мягко загибались, сходясь двумя широкими спускающимися арками и образуя вход. Здание фасадом было обращено к храму, и со своего места Грейдон мог рассмотреть его почти полностью.

Раковиноподобное, оно было построено из молочного камня. Кое-где мелькали более яркие участки, блестящие голубые точки, похожие на звезды. Отраженные от них лучи скрещивались в центре здания, и там образовывался туманный занавес. И, подобно раковине, стены здания были покрыты желобами. Эти желоба представляли собой ряды каменных сидений. Высотой здание достигало трехсот футов, длиной — втрое больше. «Интересно, каково его назначение», — подумал Грейдон.

Он снова посмотрел на город. Если Лантлу и готовил нападение, в городе не было ничего заметно. На широких авеню вдоль озера спокойное движение: индейцы идут по своим делам, сверкают носилки, несомые другими индейцами; на воде виден небольшой флот из ярко раскрашенных лодок, напоминающих фелуки. Ни марширующих воинов, никакого возбуждения. Шли навьюченные ламы, паслись какие-то животные меньшего размера. Цветущие деревья и кусты окружали дворцы.

Тут его вызвали к женщине-змее.

Грейдон пошел за вестником. Они остановились перед завешенным входом; индеец коснулся висевшего на стене золотого колокольчика. Занавес распахнулся.

Грейдон стоял на пороге большой комнаты, через высокие овальные окна которой струился солнечный свет. Стены покрывали ковры с вышитыми сценами из жизни змеелюдей. На низком диване, свернув свои кольца среди подушек, лежала Мать-Змея. Суарра расчесывала

ей волосы. Солнце образовывало сверкающий нимб вокруг ее серебряных волос. Рядом в своем желто-красном плаще сидел Властитель Глупости. Глаза Суарры стали ярче, когда вошел Грейдон, она нежно взглянула на него. Он поклонился Адане и Властителю в пестром.

— Ты хорошо выглядишь в моем голубом, Грейдон, — прошепелявила женщина-змея. — Естественно, у тебя нет красоты древней расы. Но Суарра на это не обращает внимания, — и она хитро взглянула на девушку.

— Я считаю его очень красивым, — бесстыдно заявила Суарра.

— Я сама нахожу его интересным, — звенела Адана. — После всех этих столетий мужчины Ю-Атланчи кажутся весьма однообразными. Садись рядом, дитя, — она указала на низкий длинный сундук рядом с диваном. — Возьми подушки и располагайся поудобнее. А теперь расскажи о твоем мире. Меня не интересуют ваши войны и ваши боги — они те же повсюду и всегда. Расскажи, как вы живете, как развлекаетесь, на что похожи ваши города, как вы передвигаетесь, чему вы научились.

Грейдон решил, что приказ довольно странный, но постарался. Он кончил почти через час, чувствуя, что получилась ужасающая смесь из небоскребов и движущихся картин, железных дорог и паровых судов, больниц, радио, электричества, самолетов, газет и телевидения, астрономии, искусства и телефонов, микробов, взрывчатки и дуговых ламп, он затронул теорию строения материи, беспомощно побарахтался в теории относительности, сглотнул и вытер повлажневший лоб. Он не нашел в аймарском множества слов и вынужден был пользоваться английскими обозначениями.

Но Адана, казалось, легко его понимала, она редко прерывала и при этом задавала только точные вопросы. Он был уверен, что Суарра давно уже потеряла нить рассказа; он был так же уверен, что Властитель Глупости легко следит за этой нитью. Женщину-змею слегка удивили самолеты и телевидение, заинтересовали небоскребы, телефоны, взрывчатка и электрическое освещение.

— Очень четкая картина, — сказала она. — И поистине удивительный прогресс для — мне кажется, ты сказал, Грейдон, — ста лет. Я думаю, вы скоро покончите со многими примитивностями, научитесь, как мы, производить свет из камня и из воздуха. Меня весьма заинтересовали ваши летающие машины, весьма. Если Нимир победит, они могут прилететь в Ю-Атланчи, и добро пожаловать! Если он не победит — придется подумать над средствами, чтобы таких посещений не было. Поистине! Мне не настолько понравилось то, что ты описал, чтобы допустить эту цивилизацию сюда. Во-первых, я считаю, что вы слишком расширяетесь вовне и слишком медленно погружаетесь в себя. Мысль, дитя мое, не менее могучее оружие, чем все тобою названные, и оно лучше управляется, так как ты создаешь его внутри себя. Похоже, вы

над этим никогда не задумывались. Когда-нибудь вы поймете, что так глубоко погрузились в свои машины, что не сможете найти выхода... или увидите, что машины повелевают вами. Но, я полагаю, вы верите, что внутри у вас есть нечто бессмертное, которое в должное время способно перейти в совершенный, иной мир?

— Многие верят в это, — ответил он. — Я — нет. Но теперь мое неверие пошатнулось. Вначале от того, что я увидел в пещере с Ликом, затем из-за сна, который мне приснился возле ручья и впоследствии оказался не сном, и наконец из-за шепчущей Тени. Если в человеке нет ничего, кроме его тела, то что же тогда это все?

— Ты считаешь, что видел мою бессмертную часть во сне? Ты на самом деле так думаешь? — она с улыбкой наклонилась вперед. — Но это слишком по-детски, Грейдон. Конечно, моя вечная сущность, если она у меня есть, не простой теневой двойник. Как интересно — быть вдвое прекрасней! И совсем другой! Я женщина, Грейдон, и хотела бы иметь несколько сменных обличий.

Только потом, уже уйдя от нее, Грейдон вспомнил, как пристально смотрела на него женщина-змея. Если она думала, что у него в мозгу есть что-то скрытое, какие-то сомнения, то была удовлетворена тем, что нашла — или не нашла. Она рассмеялась; потом стала серьезной.

— И ничто из твоего тела не устремилось навстречу моему зову. Моя мысль коснулась тебя возле ручья; моя мысль сократила пространство между нами, точно так же, как обузданная вами сила приносит вам издалека картинки. Я видела тебя, но мне захотелось, чтобы и ты видел меня. Так же было, когда я видела, как входит в храм Лантлу. Когда-то мы, Древнейшая раса, могли посылать изображения по всему миру, как вы сейчас со своими машинами. Но я так долго не использовала эту способность, так мало упражнялась, что сейчас едва ли смогу послать мысль за пределы Ю-Атланчи.

А что касается Нимира... — она помолчала. — Он владел странными знаниями. Он был первооткрыватель в некотором роде. А что такое эта Тень, я не знаю. Но не верю, чтобы это была бессмертная часть... как ты ее называл, Грейдон? Ах, да, душа... Нет, это не его душа. И все же... у всего есть начало... Может, Нимир научился делать души... кто знает? Но почему она такая слабая? По сравнению с тем, чем был Нимир во плоти, эта Тень так слаба. Нет, нет! Это какой-то продукт мысли; эманация того Нимира, что заключен за Ликом... бестелесный разум, способный манипулировать частицами, образующими тело Кадока... это я готова признать... Но бессмертная душа? Нет!

Она погрузилась в один из своих периодов молчания; стала отдаленной... потом:

— Но если я увижу, буду знать. Я покажу тебе, Грейдон, пошлю свое зрение в то место, где ты видел корабль, и твое зрение будет сопровождать его.

Она прижала ладонь к его лбу и держала так. У него появилось ощущение, что он проносится над озером и сквозь утесы, то же головокружительное чувство, когда он в своем видении стоял в храме. И вот он будто остановился у корпуса корабля в тускло освещенной пещере. Осмотрел закутанные загадочные машины. И тут же оказался в комнате Аданы.

— Ты видел! — сказала она. — Но ты ведь там не был. Твое зрение удлинилось, только и всего.

Она взяла серебряное зеркало и принялась с удовольствием разглядывать себя.

— Хорошо, дочь, — сказала она.

Она снова взглянула в зеркало и отставила его.

— Грейдон, ты вызвал у меня странные мысли. Я часто спрашивала: «Что есть я, Адана?» — и никогда не находила ответа. И никто из моих предков не мог сказать мне. И никто из древней расы. Разве не странно? Если существует другая жизнь, помимо этой, не знающая ни любви, ни печали, почему же ни разум, ни сила, ни страсть ни разу не смогли преодолеть брешь между ними? Подумай о бесчисленных миллионах, которые умерли с тех пор, как человек стал человеком, и среди них искатели далеких горизонтов, которые бросали вызов неведомым опасностям, чтобы принести домой известия с отдаленных берегов, великие путешественники и гениальные изобретатели; мудрецы, искавшие истины не эгоистично, но чтобы поделиться с другими; мужчины и женщины, которые любили так сильно, что, конечно же, их любовь была способна преодолеть любую преграду, вернуться и сказать: «Смотри, это я! Не печалься больше!» Фанатичные жрецы, огонь веры которых освещал пути для их паствы, пришли ли они, чтобы сказать: «Смотрите! Я говорил вам правду! Больше не сомневайтесь!» Сострадательные люди, облегчающие участь других, носители жалости, почему они не вернулись с криком: «Смерти нет!»? Ни от кого из них ни слова. Почему они молчат?

И все же это ничего не доказывает. Если бы доказывало, мы избавились бы от тревожащих нас мыслей. Но нет доказательств. Послушай, Грейдон, мы движемся возле своего Солнца среди армии других звезд, и у многих есть свои вращающиеся вокруг них миры. За нашей вселенной другие мириады солнц, как и наше, движутся в пространстве. Земля не может быть единственным местом во вселенной, где существует жизнь. И жизнь должна бесконечно простираться не только вперед во времени, но и назад. И вот во всей безграничности времени ни один корабль с другого мира не бросил якорь на нашем, ни одно судно не приплыло со звезд с известием, что жизнь существует повсюду.

Больше ли у нас доказательств, что жизнь существует среди этих видимых вселенных, чем в той таинственной невидимой земле, дверь

в которую — только смерть? Но твои мудрецы, которые отказывают в существовании этой земле только потому, что оттуда никто не вернулся, они ведь не отрицают жизнь на других мирах, хотя оттуда тоже никого не было. Они говорят, что не знают — но того, другого, они тоже не знают!

И все же — если существует то, что ты называешь душой, откуда она приходит, когда, как размещается в наших телах? Была ли душа у обезьян, от которых вы произошли? А ваши более далекие предки, которые на четвереньках выползли из воды, была ли она у них? Когда появилась душа? Она принадлежит только человеку? Есть ли она в женском яйце? В мужском семени? Или она и там, и там, но незавершенная? Если же нет — когда она входит в свою оболочку? в материнском чреве? Или ее призывает первый крик новорожденного? Откуда?

— Время течет, как могучая река, спокойно, неторопливо, — сказал Властитель Глупости. — В ней порог, на котором возникают пузыри. Это жизнь. Одни пузыри держатся дольше других. Одни больше, другие меньше. Пузыри поднимаются и лопаются, надуваются и лопаются. Освобождают ли они, лопаясь, свою бессмертную душу? Кто знает?

Женщина-змея снова посмотрела на себя в зеркало.

— Я, например, не знаю, — пожала она плечами. — Суарра, дитя, ты великолепно причесала меня. Хватит рассуждений. Я практична. Нас больше всего заботит, Тиддо, как помешать Нимиру и Лантлу, чтобы не лопнули пузыри, которые суть мы.

Одного я боюсь — как бы Нимир не овладел теми силами, что заключены в пещере с кораблем, как бы не нашел доступа к ним. Поэтому, Грейдон и Суарра, сегодня вечером вы отправитесь туда и принесете то, что мне нужно. С вами пойдут пятьдесят эмеров. Вы должны будете там сделать кое-что еще и быстро вернуться. Грейдон, встань с сундука.

Он послушался. Она открыла сундук и достала оттуда толстый, длиною в ярд, хрустальный брусок, очевидно, полый и наполненный пульсирующим яростным пламенем.

— Я дам тебе это, Грейдон, когда вы пойдете, — сказала она. — Неси его осторожно, потому что от этого зависят ваши жизни. После того, как эмеры возьмут груз и уйдут в коридор, ты должен будешь сделать то, что я тебе скоро покажу. Суарра, внутри корабля есть маленький ящик, я покажу тебе, где он лежит, ты должна принести его мне. И прежде чем ты поместишь брус в нужное место, возьмите себе все, что захотите, из древних сокровищ. Но не мешкайте, — она нахмурилась и взглянула на бьющееся пламя. — Мне жаль. Поистине. Но теперь настало время утраты, чтобы потом не было бы гораздо более горьких утрат. Суарра, дитя, следуй за моим взглядом.

Девушка подошла к ней и спокойно ждала. По-видимому, не впервые совершала она подобные путешествия. Женщина-змея прижала ла-

донь к ее лбу, как она это делала с Грейдоном. И держала так несколько минут. Потом отняла руку; Суарра улыбнулась ей и кивнула.

— Ты видела! Ты знаешь, что мне нужно! Ты запомнила! — это были не вопросы, а приказы.

— Видела, знаю и помню, — ответила Суарра.

— А теперь ты, Грейдон, чтобы не было ошибки и чтобы вы вдвоем действовали быстро.

Она коснулась его лба. Со скоростью мысли он вновь оказался в пещере. Один за другим становились видны предметы, которые она велела принести; он точно знал, где лежит каждый, как пройти к нему. И никогда бы не забыл. Теперь он оказался в корабле, в богато обставленной каюте, и увидел маленький ящичек, который должна взять Суарра. А вот он возле любопытного сооружения из хрусталя и серебристого металла; его корпус сделан в форме чаши с толстым дном, а по краю этой чаши шары, похожие на тот, что в систре, но в десять раз больше, и ртутная дрожь их ярче и сильнее. Внутри хрусталя, образующего корпус чаши, горит пламя, но не пульсирует, как в брусе. Глядя внимательней, он заметил, что верх чаши покрыт каким-то прозрачным материалом, чистым, как воздух, огонь заключен в этом материале. Точно в центре, погруженный в пламя, находится полый металлический цилиндр. Перед ним появилось туманное изображение бруса. Он видел, как брус вдвинулся в цилиндр. И услышал шепот женщины-змеи: «Это ты должен проделать».

И ему показалось, что даже при этом призрачном прикосновении шары задрожали, яростное пламя запульсировало. Брус исчез.

Он начал обратный полет к храму — и остановился в полете! Он ощутил ужас, которого не испытывал, даже когда был прикован у черного трона.

В глаза ему ударил красный свет, ржавые черные атомы проплыли мимо — он находился в пещере Тени, а на троне, устремив к нему лицо без черт, сидела Тень.

Страшный взгляд исследовал его. Он почувствовал, как освобождается, услышал шепчущий смех...

Он стоял в комнате Матери-Змеи, дрожа, дыша, как после многокилометрового бега. Рядом, устремив на него испуганный взор, стояла Суарра. Женщина-змея выпрямилась, впервые он увидел на ее лице изумление. Властитель Глупости тоже вскочил, подняв красный жезл.

— Боже! — всхлипнул Грейдон и схватился за Суарру, чтобы не упасть. — Тень! Она поймала меня!

Неожиданно он понял, что произошло: на краткое мгновение Тень захватила его, прочла его мозг, как открытую книгу, и теперь точно знает, на что он смотрел в пещере Утраченной Мудрости, точно знает, что нужно Матери и что еще он должен там сделать, и теперь быстро готовится нанести ей поражение. Он рассказал об этом женщине-змее.

Она слушала его со сверкающими глазами, голова ее стала плоской, как у змеи, она свистела.

— Если Нимир прочел его мозг, как он считает, то он знает, куда он пойдет сегодня вечером, — негромко сказал Властитель Глупости. — Поэтому, Адана, они должны идти сейчас же.

— Ты прав, Тиддо. Нимир не может туда войти, не в таком виде. Я не знаю, что он сделает. Но у него есть план — ты говоришь, он смеялся, Грейдон? Ну, все равно ему нужно время на подготовку. Он должен призвать на помощь других. У нас хорошая возможность опередить его. Суарра, Грейдон, выступайте немедленно. Ты с ними, Тиддо.

Властитель Глупости кивнул, глаза его сверкали.

— С удовольствием снова померяюсь силами с Нимиром, Адана, — сказал он.

— И Кон — Кон тоже должен идти с ними. Суарра, дитя, призови Регора. Пусть прихватит воинов.

И когда Суарра ушла за Регором, Мать-Змея протянула хрустальный брус Властителю Глупости.

— Нимир сильнее, чем я думала, — серьезно сказала она. — Эта шепчущая Тень оставила на тебе свой знак, Грейдон. Ты слишком чувствителен к ней, чтобы нести этот ключ. Его использует Тиддо. И достань из-под рукава мой браслет. Носи его открыто, и если почувствуешь, что Тень подбирается к тебе, быстро посмотри на пурпурный камень и думай обо мне. Дай его мне...

Она взяла у него браслет, дохнула на камень, прижала к своему лбу и вернула.

Через полчаса они вышли. Регор просился с ними, он хвастал, спорил, чуть не плакал, но женщина-змея запретила. И вот — впереди Властитель Глупости с красным жезлом и хрустальным брусом, дальше Суарра и Кон по обе стороны от Грейдона, еще дальше пятьдесят отборных эмеров из храмовой стражи — они пошли в пещеру Утраченной Мудрости.

21. ПЕЩЕРА УТРАЧЕННОЙ МУДРОСТИ

Они пошли не по тому коридору, по которому прошли в храм, более высокому и широкому. Властитель Глупости не медлил. Он шел целеустремленно, как будто на назначенное свидание. Они вошли в пещеру Утраченной Мудрости через дверь, которая открылась при прикосновении красного жезла Тиддо. Новый путь оказался значительно короче, и вот все скрытые сокровища змеелюдей и древних ю-атланчи лежали перед ними.

Ни следа Темного Хозяина или его последователей, людей и людей-ящеров. Пещера казалась нетронутой, тускло светился хрусталь,

блестели металлы, мимолетно посверкивали драгоценности, загадочные предметы, предназначенные для непредставимых целей, еле различимые в туманном свете.

Вначале они взяли два хрустальных диска. На близком расстоянии Грейдон разглядел детали, которые не видны были на картине с изображением первобытного болота. Диски стоят вертикально, достигая в высоту двадцати футов, они имеют форму линзы, в центре их толщина около ярда. Они полые. Внутри молочный, как лунный свет, диск около фута шириной. От краев этого диска отходят бесчисленные нити, каждая не толще волоса женщины-змеи и такая же серебристая. Нити пересекаются друг с другом, напоминая огромную паутину. Расположенные равномерно по краю большего диска двенадцать маленьких линз из того же лунно-туманного материала. Нити собираются в этих линзах, как миниатюрные уздечки. Диски покоятся на основаниях из серого металла, снабженных полозьями, как санки. То, что поддерживает диски в вертикальном положении, находится в основаниях.

Индейцы достали длинные ремни и под руководством Властителя Глупости привязали их к полозьям; потом по-прежнему под его наблюдением утащили диски в проход. Когда они благополучно исчезли в проходе, Властитель Глупости, как показалось Грейдону, облегченно вздохнул, пощелкал Кону, и человек-паук последовал за индейцами.

— Хочу быть уверенным, — сказал Властитель Глупости. — Это наше самое мощное оружие. Я попросил Кона, чтобы его доставили прямо к Адане. А теперь берите остальные вещи, которые ей нужны. Я посторожу.

И он скрылся в полумгле пещеры.

Они занялись делом, разделив между собой оставшихся индейцев. По большей части им нужны были ящики, некоторые такие маленькие, что их мог нести один человек, под весом других напрягались четверо. В списке женщины-змеи были семь серебряных шаров, покрытых символами. Грейдон поразился, обнаружив, что они легкие, как воздушные шарики, и катятся по полу от толчка ладони. Наконец они взяли все необходимое, нагрузили последнего индейца; оставалось только взять ящичек с корабля.

Корабль лежал на металлических спусковых салазках. С его борта свисал трап, Грейдон поднялся по нему, за ним Суарра. Грейдон подивился тому, как древние люди смогли пронести этот свой ковчег через горный барьер сюда; вспомнил рассказ Суарры, что тогда гор еще не было и что в те далекие дни океан был гораздо ближе.

И все же поместить трехсотфутовый корабль в пещеру — для этого нужны невероятно мощные механизмы. И как его сохраняли все эти века, предшествующие сооружению барьера? Корабль из твердого де-

рева, почти металлический; оснащен как шхуна; мачта толстая и невысокая, без реи. Грейдон заметил на корме серебристый блеск, разглядел там еще один диск, небесно-голубого цвета, не прозрачный, как остальные. Он подумал — не это ли двигатель корабля. Но если так, к чему мачты? Если не считать диска и невысоких мачт, палуба была пуста. Грейдон вспомнил, что на росписях в пещере были корабли с высокими мачтами, а таких он здесь не видел. Ну, может, они были на уничтоженных росписях. Грейдон осмотрел пещеру. Властитель Глупости, красно-желтое пятно, стоял возле странного приспособления, в чаше которого пылало фиолетовое пламя. Он стоял неподвижно, прислушиваясь, держа хрустальный брус над полым цилиндром.

— Грейдон! — окликнула Суарра из открытого люка. — Торопись!

Рампа с планками спускалась в темную глубину, и Суарра двигалась по ней легко и стремительно. Грейдон последовал за ней. Из конуса в ее руке вылетело светящееся облачко. Под ногами Грейдона был ковер, глубокий и пышный, как июньский луг; перед ним ряд низких овальных дверей, плотно закрытых. Суарра считала их, подошла к одной, толкнула и открыла. Мерцающий свет устремился за ними.

Они оказались в просторной каюте, увешанной шпалерами, очевидно, женской. Какая принцесса древней Ю-Атланчи, спасавшаяся бесчисленные столетия назад по вздыбленному морю от ледяного потока, прихорашивалась перед этим зеркалом? Он увидел гнездо шелковых подушек и понял. Суарра подняла маленький ящик. Грейдон увидел рядом другой и открыл его. Внутри лежала нить драгоценностей, голубых, как сапфир, неизвестные камни сверкали собственным светом. Он достал нить и прикрепил к волосам Суарры; они блестели, как плененные звезды. Там была и книга! Книга с металлическими страницами, тонкими и гибкими, как папирус, похожая на древний молитвенник, с многоцветными рисунками, на полях незнакомые символы, письмена Змеиного народа. Он сунул книгу в одежду и плотнее затянул пояс.

И тут ему в глаза бросился камень на его браслете. Он сверкал — предупреждал его. Суарра, восхищенно глядевшая на себя в зеркало, тоже увидела это.

— Быстрее! — закричала она. — На палубу, Грейдон!

Они побежали вверх по рампе. И успели увидеть, как Властитель Глупости сунул хрустальный брус в бассейн фиолетового пламени.

Из бруса вырвался столб аметистового огня, достигнув потолка пещеры. Он был круглый и гладкий, будто высеченный резцом скульптора; послышался непрерывный вздох, подобный первому дыханию урагана. Столб осветил пещеру сиянием, более ярким, чем солнечный свет; казалось, каждый предмет приблизился, нарушил пропорции, будто из-

бавившись от пространственных помех, освободившись от оков расстояния.

Властитель Глупости, стоявший далеко, вдруг оказался так близко, что до него можно было дотронуться. Шары по краям большой чаши, возле которой он стоял, начали дрожать, как на систре женщины-змеи.

Он посмотрел на Грейдона и Суарру, поднял свой жезл и указал на проход. Они не могли двинуться, не могли оторвать зачарованных взглядов от огненного столба.

Пульсация потрясла столб; кольцо фиолетового сияния пробежало по нему, как первый круг в неподвижном пруду, куда бросили камень. Кольцо прошло сквозь Властителя Глупости, закрыв его бледно-лиловым свечением. Расширилось еще на два десятка футов — и исчезло. И все, чего оно касалось, кроме фигуры в пестром, тоже исчезло. А на Властителе Глупости исчез его пестрый костюм. Старый сморщенный человек стоял совершенно нагим.

Вокруг столба в окружности двадцати футов была пустота.

Вздыхающий столб снова запульсировал. С него медленно стекло более толстое кольцо. Перед ним ковылял Властитель Глупости, грозя Грейдону и Суарре жезлом, жестикулируя, заставляя их уходить. Они прыгнули к лестнице...

Высоко над пульсирующим столбом послышалось отвратительное шипение. Из глубины пещеры повалили ящеролюди. Они изрыгались сотнями, они прыгали на сморщенную фигуру, спокойно поджидавшую их. И вот второе сверкающее фиолетовое кольцо коснулось Властителя Глупости, прошло сквозь него, как и первое, и продолжало расширяться. Оно достигло первых рядов наступающих урдов, обернулось вокруг них и растворилось. И в круге вдвое более широком ничего не стало.

В этот круг устремились новые ящеролюди, их теснили задние. Властитель Глупости отступил назад, в третье пламенеющее кольцо со столба. Оно спокойно расширилось. И, подобно предыдущим, не оставило внутри себя — ничего!

— Суарра! Спускайся по лестнице! Беги в проход! — выдохнул Грейдон. — Кольца образуются все быстрее. Они достигнут нас. Тиддо знает, что к чему. Боже, если это адское племя увидит тебя...

Он остановился, и речь, и подвижность как отрезало. Громче шипения своры, громче вздохов столба разнесся дикий крик, похожий на ржание обезумевшей лошади. Ящеролюди отступили. И сквозь их ряды, задержавшись на краю пустоты, оставленной последним кольцом, шел — Нимир!

Как ни ужасна была Тень, а еще ужаснее Тень, влившаяся в Кадока, это зрелище было еще страшнее.

Потому, что Темный Хозяин нашел себе тело! Тело ю-атланчи, несомненно, одного из врагов Лантлу, торопливо предоставленное для

нужд Темного Хозяина. Тело раздулось. Его очертания колебались, как будто Тени трудно было оставаться внутри, будто она держала оболочку плоти только силой воли. Голова склонилась вперед, и вдруг открылось лицо Властителя Зла, его бледные глаза сверкали. Сердце Грейдона билось в горле, сухом, как пыль, когда он смотрел на это раздутое туманное тело, на это лицо трупа с лицом живого зла поверх него.

Образовалось еще одно огненное кольцо. Если Властитель Глупости обладал иммунитетом от его действия, то, очевидно, только он. Потому что Нимир отступил, спотыкаясь на мертвых ногах.

Властитель Глупости указал на него своим жезлом и рассмеялся.

— Тьфу на тебя, Нимир! — насмехался он. — Встретить меня после всех этих лет в такой несоответствующей одежде! Оберни плотнее в свой плащ, Великий, или, еще лучше, иди нагим в пламя, подобно мне! Но я забыл, Владыка Мира, ты не можешь!

И Грейдону, хоть его мозг был охвачен ужасом, показалось, что Властитель Глупости сознательно выводит из себя Нимира, затягивает время для какой-то цели. Но Темный Хозяин проглотил приманку, бросился вперед — и едва увидел пламя вовремя, едва успел проковылять вне досягаемости очередного уничтожающего кольца, прежде чем оно погасло, уничтожив за собой все.

Он проковылял назад, в остановившуюся орду. Там началось движение. Грейдон, спустившись с лестницы вслед за Суаррой, видел, как расступаются ящеролюди перед расширяющимся пламенем, тащат и тащат вещи и ящики, а Тень, держась прямо в приспособленном теле, гонит их вперед.

Все громче и громче становились вздохи пламенного столба, быстрее и быстрее пульсировал он, все шире и шире разбегались кольца.

Схватив Суарру за руку, Грейдон побежал, неспособный оторвать взгляд от невероятной сцены. Кольцо охватило корабль, и он исчез. Еще одно обвило ряд ящеролюдей, нагруженных ящиками, и они исчезли! Он слышал вой Нимира...

Суарра втащила его, Властитель Глупости затолкал в проход. Дверь закрылась. Грейдон шел с ними, ничего не видя и не слыша, не в силах забыть то, что он только что видел.

Они застали Мать-Змею в комнате, настолько забитой принесенными сокровищами, что там трудно было повернуться. Она открывала ящики и просматривала их содержимое. Волосы ее были перевиты сверкающими драгоценностями, вокруг талии широкая лента жемчугов, другие ленты падали на ее маленькие груди. Она с восхищением поглядывала на себя в зеркало.

— По-своему я хороша, — беззаботно сказала она. — Мне самой кажется, что никого прекраснее нет. Суарра, дитя, я рада, что ты нашла эти украшения. Я всегда хотела подарить тебе такое. Тиддо, — она подняла руки в насмешливом удивлении, — где твоя одежда? Ходить так, и в твоем возрасте!

— Клянусь твоими предками, Адана, я совсем забыл! — Властитель Глупости торопливо схватил кусок шелка и завернулся в него.

— Дело сделано? — с лица женщины-змеи исчезло веселье, оно стало печальным.

— Сделано, Адана, — ответил Властитель Глупости. — И вовремя.

Она слушала, со светлой печалью, его рассказ о происходившем в пещере.

— Так много потеряно! — прошептала она. — Так много такого, что никогда не восстановить, никогда, пока существует мир. Мой народ, о мой народ! И корабль... Ну, ладно, — лицо ее просветлело, — лучшее мы все-таки отобрали у Нимира. Но опять скажу: он сильнее, чем я считала. Хотела бы я знать, что он сумел унести. Надеюсь, что-нибудь, что дало бы ему постоянный костюм. Интересно, в чьем теле он был? А теперь, дети, идите; нам с Тиддо предстоит работа.

И взмахом руки она отпустила их. Но когда Грейдон уходил, он видел, что лицо ее снова стало печально, а глаза наполнились слезами.

22. ПРАЗДНИК СОЗДАТЕЛЕЙ СНОВ

В следующие несколько дней Грейдон совсем не видел Мать-Змею и очень мало — Регора и Хуона. Большую часть времени он провел с Суаррой и был рад, что их оставили одних. Он бродил с нею по этому просторному зданию, видел странные и часто беспокойные картины, эксперименты змеенарода и древних ю-атланчи в преобразовании жизни, результатом чего стали ящеролюди и люди-пауки; видел гротескные и ужасающие фигуры, обоеполые чудища, чудеса скрещивания — некоторые из них поразительной красоты. В здании была большая библиотека металлических книг с рисунками; их письмена понимали теперь лишь Адана и Властитель Глупости.

Грейдон вместе с Суаррой побывал в зале ткачей и задержался здесь надолго, очарованный людьми-пауками, которые щелкали у своих огромных ткацких станков, бегали вдоль них и ткали ткани с рисунками, ставшими для них таким же инстинктом, как для паука узор паутины. Ткачей оставалось не более ста, и в огромной мастерской многие станки не работали.

Под храмом, рассказала ему Суарра, находятся другие залы и склепы, и она сама не знает, что в них. Там же и то загадочное место, двери которого — Дверь Жизни и Дверь Смерти — открываются

для тех, кто хочет иметь детей и готов заплатить за это прекращением своего бессмертия.

Ни Нимир, ни Лантлу пока не предпринимали открытых шагов. Из храма город казался спокойным и тихим. Но Регор сказал, что его шпионы докладывают о беспокойстве и тревоге: история унижения Лантлу распространилась широко. Она потрясла уверенность некоторых его последователей.

Эмиссары Регора действовали и среди индейцев; он считал, что они могут рассчитывать на половину из их числа. Грейдон спросил, сколько же это, и получил ответ, что таких воинов около четырех тысяч. Остальные, как считал Регор, в основном разбегутся по лесам и будут ждать исхода схватки; в сущности они уже разбегаются. Он считал, что вряд ли с Лантлу останется много воинов: во-первых, их удерживал с ним только страх; во-вторых, они все ненавидят людей-ящеров и воспользуются возможностью сражаться с ними. Гораздо больше, чем людей-ящеров, Грейдон опасался охотничьих свор динозавров и нападения верховых ящеров. Он думал, что четыре тысячи воинов способны лишь на слабое сопротивление такому нападению и погибнут, как стерня под огнем. Регор, казалось, об этом не думал, он намекал на другие возможности.

Были и другие новости: примерно двадцать человек из Товарищества пережили набег и еще около ста эмеров, все первоклассные воины.

Сегодня ночью Праздник создателей снов, Лэднофакси. Там будут все аристократы. Эмерам категорически запрещалось там присутствовать, даже смотреть с караульных постов за пределами раковинообразного здания, в котором, как узнал Грейдон, и происходит ежегодный праздник; у них свой лунный праздник далеко, на опушке леса. Это лучшая возможность провести выживших обитателей убежища: город будет пустынен, охрана его ослаблена. Регор и Хуон с группой воинов пойдут на встречу в определенный район на берегу озера и оттуда проведут спасшихся в храм.

Праздник создателей снов возбудил сильное любопытство Грейдона. Он страстно желал увидеть его. Всеми правдами и неправдами он решил добиться своего. Он ничего не мог сказать Суарре: боялся, что она либо запретит ему идти, либо захочет идти с ним, чего не следовало делать после угроз Лантлу и объявления Матерью войны. Он подумывал, не упросить ли Адану помочь ему незаметно пробраться туда, но тут же решил, что Адана найдет средства удержать его под замком. Властитель Глупости? Обратиться к нему? Что за нелепая мысль! Но после приключений в пещере Утраченной Мудрости Грейдон понял, что Властитель Глупости обладает способностями, которые никак не назовешь глупыми. Грейдон решил, что он ни за что не пропустит Лэднофакси.

Когда он обдумывал эту проблему, за ним послала Мать. Она была одна в комнате со шпалерами. Большие диски исчезли, так же как и большинство других предметов, которые они принесли из пещеры. Глаза ее блестели, шея изгибалась, кольца тела беспокойно шевелились.

— Ты так отличаешься от всех, кого я видела в последние века, — сказала она, — что перевел мой мозг со старых борозд, освежил его. Я знаю, каким необычным кажется тебе Ю-Атланчи, и самое странное в нем, вероятно, я. Но то, что кажется странным тебе, мне давно знакомо и привычно. А то, что для тебя — повседневность, для этих людей будет совершенно фантастичным, а может, и для меня тоже. Я хотела бы вырваться из этой замкнутости, которая одновременно является и силой, и слабостью. Я хотела бы взглянуть на мир твоими глазами, Грейдон, думать, как думаешь ты, чужеземец. Как бы ты оценил ситуацию, в которой оказался? Говори свободно, дитя, не бойся оскорбить меня.

И он заговорил свободно, как она и просила его: о загнивании древней расы, о росте жестокости и нечеловеческого равнодушия и о том, что, по его мнению, стало причиной этого; о том, каким преступлением было создавать разумные существа типа ящеролюдей, о том циничном извращении науки, которое привело к появлению людей-пауков; что хотя урдов, по-видимому, следует истребить, вина все равно не на них и даже не на Лантлу и его сторонниках, но на тех, кто с самого начала пустил в ход механизм эволюции, результатом чего они стали. Наконец, о своих опасениях перед схваткой с динозаврами, об уничтожающем ударе, который могут нанести верховые динозавры, а за ними волны клыкастых урдов.

— Ты ничего не сказал о Нимире? Почему? — спросила она, когда он кончил.

— Я ничего не сказал и о тебе, Мать, — ответил он. — Я говорил лишь о том, что знаю, а о том, какими силами и каким оружием вы обладаете, я ничего не знаю. Но думаю, что в конце концов важны только вы с Нимиром, а все остальное: урды, ксинли, Лантлу, Регор, Хуон, да и я сам — всего лишь пешки, их можно не принимать в расчет. Главное решится между вами.

— Верно, — согласилась женщина-змея. — Хотела бы я знать, что успел унести Нимир из пещеры! Там была одна вещь... я надеюсь, он ее нашел, — глаза ее зло блеснули, — и еще больше надеюсь, что он, найдя, использует ее. Она даст ему тело, которого он так жаждет, Грейдон. Но результат может ему не понравиться. Что касается остального — не очень опасайся ксинли и урдов. Мои крылатые вестники справятся с ними. Да и вы все не так уж незначительны. Я могу по крайней мере полагаться на твой быстрый глаз и крепкую руку. Но в главном ты прав. Дело решится между мной и Нимиром!

Она замолчала, рассматривая его, потом:

— А что касается остального — разве природа сама не экспериментирует постоянно с оболочками жизни? Сколько созданных ею моделей гораздо чудовищнее и циничнее, чем те, в создании которых ты обвиняешь нас! Какие формы, отвратительные, отталкивающие, ужасные, не использовала она в своей лаборатории? Почему бы нам, которые есть часть природы, не последовать ее примеру? Что до древней расы — если ты спасаешь жизнь человека, лечишь его, заботишься о нем, разве ты отвечаешь за его последующие действия? Если он убивает, пытает, разве ты убийца, ты палач? Мои предки освободили этих людей от смерти — при соблюдении некоторых необходимых условий. Если бы мы этого не сделали, то при их скорости размножения тут скоро людям встать было бы негде. Мы избавили их не только от смерти, но и от болезней. Мы дали им в руки огромные знания. Разве наша вина, что они оказались их недостойны?

— И окружили их барьером, чтобы они не смогли воспользоваться своими знаниями! — сказал Грейдон. — Люди развиваются, преодолевая препятствия, а не когда их посадят в оранжерею.

— А разве это не препятствие? — проницательно спросила Мать. — Если бы они оказались достойны, разве не преодолели бы они этот барьер?

На это у него ответа не было.

— Но один вопрос ты прояснил, — сказала она. — Если я выиграю, я уничтожу урдов. И оставлю лишь нескольких из древней расы. Эти ошибки должны быть устранены — как природа иногда устраняет свои. Болота будут расчищены...

Она взяла зеркало, пригладила волосы, отложила зеркало.

— Кризис назрел. Возможно, переломный момент наступит сегодня ночью. Несколько часов назад в городе появился Лантлу, хвастливый, странно уверенный; еще более высокомерный, чем всегда, он расхаживает с важным видом. Это бравада? Не думаю. Он знает, какую похлебку готовит Нимир. Ну, пускай! Но я хотела бы знать, что унес Нимир... я пыталась увидеть, но не смогла... Он закрывает мне видимость... Он что-то нашел... смогу ли я...

Она наклонилась вперед и положила ему на лоб ладонь. Он почувствовал слабое головокружение, его понесло через озеро. И он оказался в красной пещере Тени. Но что это? Ржавый свет стал густым, непроницаемым. Куда он ни бросит взгляд, этот свет смыкается, как железный туман. Он ничего не видит...

Он снова оказался возле Матери-Змеи. Покачал головой.

— Знаю, — сказала она. — Я послала твой взгляд со своим. Надеялась, что твоя чувствительность к Тени позволит тебе увидеть то, что не могу увидеть я. Но ты видел не больше меня. Ну, что ж, — она улыбнулась, ей так свойственна была смена настроения, — жаль,

что тебе нельзя пойти на Праздник создателей снов, дитя. Я могла бы послать туда твое зрение вместе с моим. Но это можно лишь ненадолго, так что ты немногое увидишь. Слишком большое напряжение для тебя. Немного — не повредит, но надолго — нельзя.

Вскоре она отпустила его. Он ушел от нее с угрызениями совести, но решимость его не поколебалась.

Он был в своей комнате, когда ему в голову пришла идея.

Кон!

Возможно, это решение. После драки с Лантлу человек-паук, очевидно, привязался к нему крепче. Проходя, он всегда щелкал одобрительно и похлопывал Грейдона своими маленькими руками. Уговорит ли он Кона подняться вместе с ним по стенам раковины и найти место, откуда Грейдон смог бы все увидеть? Но как уговорить Кона, если он не знает, как с ним разговаривать? Он снова и снова возвращался к этой мысли, потом рассмеялся. Что ж, возможно, и получится. Можно попытаться.

Через три часа после заката над горным барьером встала полная луна. Это означало время заката в Ю-Атланчи: из-за окружающих пиков там становилось темно, когда снаружи еще день. Праздник создателей снов начнется, когда луна осветит амфитеатр. Это Грейдон узнал у Суарры. А сейчас тьма в чаше Ю-Атланчи быстро сгущалась. Нужно действовать немедленно.

Он пообедал вместе с Суаррой и другими. Суарра сказала, что сегодня ночью Мать нуждается в ее помощи. Он решил, что Мать не хочет сама пропустить праздник и что у Суарры в связи с этим есть особые обязанности. К своему облегчению, он узнал, что сам не должен к ней идти. Он сказал, что устал, возьмет несколько рисованных книг, посмотрит их и ляжет спать. Заботливость Матери внушила ему чувство вины, но не поколебала решимости. Мимоходом он спросил, где размещается Кон. Суарра ответила, что он обычно в комнате тронов, если не сопровождает Хуона.

После ее ухода он украдкой прошел в тронный зал. Кон действительно был здесь. Из всех возможных сидений он выбрал трон Властителя Глупости. Грейдон, решив, что это хорошее предзнаменование, широко улыбнулся. Он сел рядом, извлек кусок красной краски и белый шелковистый листок. Кон заинтересованно пощелкал. Грейдон нарисовал здание с амфитеатром. Кон кивнул. Грейдон указал на вход и на себя. Кон энергично покачал головой. Грейдон изобразил обратную сторону раковины и себя, взбирающегося на нее. Кон презрительно взглянул на рисунок, отобрал у Грейдона краску и нарисовал превосходное изображение здания. Стену он показал загибающейся наружу, а не ровной, как у Грейдона, покрыл ее поверхность штрихами — очевидно, это резные украшения, — и затем с той гримасой, которая у него означала улыбку, нарисовал на стене себя с Грейдоном под рукой.

Похлопал Грейдона по спине и разразился дикими звуками, очевидно, соответствовавшими смеху.

Ясно, как словами, Кон сказал ему: «Единственный способ — позволить мне нести тебя, а этого ты не хочешь».

Не хочет? Да именно это ему и нужно!

Он одобрительно похлопал человека-паука по плечу, указал на рисунок и кивнул. Кон перестал улыбаться. Он казался удивленным, сбитым с толку. Пощелкал предупреждающе, даже гневно. Очевидно, Кон его ругательски ругает, решил Грейдон, но опять ткнул пальцем в рисунок и упрямо кивнул. Кон как будто что-то придумал: он взял краску и изобразил Лантлу. Очевидно, Лантлу, так как на рисунке кулак ударял по носу. Потом нарисовал Грейдона с ружьем, нацеленным на это лицо. Грейдон покачал головой. Человек-паук выглядел сбитым с толку.

На следующем рисунке он изобразил себя с Грейдоном на стене. Грейдона он держал за ноги, головой вниз. Грейдон кивнул. Если щелканьем можно ругаться, то Кон выругался. Снова изобразил себя на ветвях дерева с Грейдоном, которого по-прежнему держал за ноги. Грейдон хлопнул его по плечу и кивнул в знак полного согласия. Кон опять выругался, немного подумал, потом изобразил себя самого, опускающего четыре палицы на голову Лантлу. Грейдон безразлично пожал плечами. Кон испустил отчаянное щелканье и сдался.

Сделав Грейдону знак следовать за собой, он вышел из тронного зала. Провел его на балкон в конце коридора. И ушел. Грейдон выглянул наружу. Чаша Ю-Атланчи заполнилась тьмой, солнце снаружи село. Он увидел огни, похожие на цепочки светляков, пробирающиеся к зданию с амфитеатром. Кто-то коснулся его руки. Рядом стоял Кон с двумя массивными палицами. Без единого щелканья человек-паук взял его в руки, перебрался через балкон и, казалось, скатился по крутой наружной стене храма. Грейдон с удовольствием отметил, что Кон не держит его за ноги, как пригрозил.

Они стояли на краю большой лестницы, ведущей к лугу. Осторожно обошли ее и добрались до деревьев. Здесь Кон снова поднял Грейдона, но не стал карабкаться на деревья, просто держался в их тени.

Послышались голоса, они становились все громче. Светлячки превратились в светильники — бледные неподвижные огни, похожие на замороженный лунный свет. В этом свете Грейдон различил аристократов Ю-Атланчи, мужчин и женщин; через узкий вход они устремлялись в огромную раковину. Тут и там виднелись драгоценные носилки. Светильники не давали блеска и лишь подчеркивали окружающую тьму.

Кон свернул и тихо прокрался к задней стене здания. Передал палицы Грейдону, покрепче сжал его и начал подниматься, используя в

качестве лестницы те украшения, которые изобразил штрихами, но которые Грейдон во тьме не видел. И вот они наверху.

Тут оказался широкий парапет. Кон оседлал его, подсадил Грейдона и исчез. Скоро он вернулся, схватил Грейдона и скользнул вместе с ним под темный свод. Грейдон чуть не вскрикнул, когда их стремительное движение неожиданно кончилось, так что у него стукнули зубы. Вокруг слабый свет — отражение звезд от молочных стен по сторонам и над ним. Человек-паук спустился с ним по одной из борозд. Как он собирается подниматься отсюда?

Грейдон осмотрелся. Они находились в самом верхнем ряду каменных сидений. Перед ними, закрывая их, возвышался трехфутовый парапет. Внизу слышался шелест, шепот, негромкий смех.

Кон взял его за плечо, заставил спуститься с сиденья и присесть за парапетом. Сам скорчился рядом, глядя над парапетом.

На западе над горами появился слабый серебряный свет. Он становился ярче. Шепот внизу стих. Между двумя вершинами показался сверкающий серебряный шар. И превратился в ручей серебряного огня.

Мужской голос, дрожащий баритон, начал песню. Ее подхватила невидимая толпа внизу.

Все громче разносилось пение, и как бы в ответ все выше поднималась луна.

Огромная раковина начала светиться, вначале отдельными искорками, потом все усиливающимися ритмами молочного сияния — все ярче и ярче, по мере того как все выше и выше поднималась луна над горными вершинами.

Праздник создателей снов начался.

Пение кончилось. Свет восходящей луны упал в амфитеатр и на его отвесные стены. Стены засветились ярче, вся раковина превратилась в сверкающий опал. От синих точек и радужных полосок устремились лучи. Лучи встретились и пересеклись в центре амфитеатра, образовав паутину, которая протянулась от одной стены до другой. Постепенно эта паутина из лучей становилась гуще, на ее фоне стали видны головы аристократов, сидевших внизу.

Началась другая песня. На противоположной стене появилась серебристая точка, высоко и рядом с краями раковины, которые образовывали вход в здание. Точка расширилась и превратилась в маленькую луну, двойник шара, висевшего в небе. Еще три таких точки появились рядом с первой. Их лучи коснулись сияющей паутины, сплелись с нею. И паутина превратилась в подобие занавеса, прозрачного, но материального.

И неожиданно сквозь этот занавес на другой стороне раковины, в полутьме появился большой диск — там, куда еще не достигал свет

луны. В диске голова женщины. Женщина древней расы, вокруг головы ореол серебристых волос, лицо неземной красоты. Глаза закрыты, она как будто спит...

Создательница снов!

Ему показалось, что она находится в широкой нише или алькове, но стоит она или сидит, он не мог решить. Тело ее неразличимо. Диск за прекрасной головой запульсировал, раздулся, замер в неподвижности. Создательница снов, казалось, смешалась с его сиянием, стала туманной дымкой. Песня взмыла вверх кричащим хором и затихла.

Что-то полетело от диска, что-то бесформенное, воспринимаемое не зрением, а какими-то другими чувствами. Оно ударило паутину. Под ее ударом занавес задрожал. И неожиданно — не стало занавеса, не стало сплетенной из лучей паутины. Грейдон смотрел в пространство, в простор другой вселенной. Бесформенное нечто неслось по этому пространству со скоростью, в тысячи раз превышающей скорость света. Он понял, что это мысль создательницы снов. Следуя за этой мыслью, он почувствовал, как что-то холодное касается его мозга, холодное холодом космоса, в котором двигалась мысль. Дальше и дальше, в невообразимую бесконечность летела мысль.

И остановилась. Стала обширной туманностью, спиральной, как туманность Андромеды. И вот эта туманность на той же огромной скорости устремилась назад, космическое колесо из солнц, грозящее уничтожением.

Она распалась на составляющие звезды, огромные пламенные вращающиеся шары всевозможных цветов. Одно солнце приблизилось, отделилось от других, гигантский шар из раскаленного сапфира. Рядом появилась планета, достойное дитя этого светящегося гиганта. Солнце отдалилось, планета приблизилась...

Это был мир огня. Грейдон смотрел в джунгли пламени, в которых двигались гигантские пламенные фигуры, видел огненные леса, а над ними летающие существа с огненным оперением из изумрудов, рубинов и бриллиантов, видел океаны расплавленных драгоценностей, в которых плавали огненные левиафаны.

И вот пламенный мир и его солнце снова вернулись на свое место во вселенной. И в пространстве появились гиганты, богоподобные, смеющиеся. Они наклонялись и подбирали вращающиеся солнца. Швыряли их друг другу. Бросали в космос, и они летели как кометы. Сталкивали их друг с другом в каскадах звездной пыли.

Смеющиеся боги прошли, оставили сад солнц, которые они вырвали с корнем. Мгновение пространство оставалось пустым.

Затаив дыхание, Грейдон снова увидел паутинный занавес.

И это все была иллюзия? Или реальность? Он как будто видел на огромном экране двухмерное изображение. Нет, трехмерное — и такое же реальное, как все, что он видел раньше. Неужели мысль созда-

тельницы снов сотворила эту потерпевшую катастрофу вселенную? И эти играющие боги — тоже созданы ее мыслью? Или они реальны, они наткнулись на эту вселенную, беззаботно растоптали ее и устремились дальше?

Среди аристократов послышался шепот, негромкие аплодисменты. Диск за головой создательницы снов потускнел. Когда он запульсировал снова, в нем была мужская голова, тоже с закрытыми глазами.

Снова пронеслась мысль создателя снов. Занавес из лучей вздрогнул от ее удара. Грейдон увидел пустыню. Ее песок начал сверкать, шевелиться, расти. Из него возник обширный город — но никогда на Земле не было подобных городов. Огромные архитектурные сооружения, чуждые и неведомые человеку! И населенные химерами. Их чудовищность ударяла по глазам, как физическим ударом. Грейдон закрыл глаза. А когда открыл, город рушился. Вместо него возник просторный пейзаж, освещенный двумя солнцами, одно шафрановое, другое зеленое, они быстро вращались друг возле друга. Под их смешанным светом росли деревья, подобные гидрам или полипам, с мясистыми, движущимися ветвями, с которых свисали большие цветы отвратительной красоты. Цветы раскрылись, и из них выпрыгнули существа, которые принялись сражаться и совокупляться среди этой ужасной растительности, как непристойные демоны...

Грейдон, испытывая тошноту, закрыл глаза. Волна аплодисментов — он понял, что создатель снов закончил. И он почувствовал глубокую ненависть к этим людям, для которых видеть ужасы — наслаждение.

И вот последовали один создатель снов за другим, и на паутинном занавесе разворачивались видения. От некоторых Грейдон не мог оторвать взгляда, другие заставляли его прятаться в убежище рук человека-паука, потрясали до глубины души. Некоторые были удивительной красоты. Миры джиннов прямо из сказок арабских ночей. Был мир чистых красок, ненаселенный, в котором сами цвета создавали гигантские симфонии, обширные гармонические перспективы. Но такие картины вызывали слабые аплодисменты у людей, чьим пением перемежались видения. Бойня и жестокость, черная магия и колдовство, осквернение, чудовищные совокупления, шабаши — отвратительные фантазии, по сравнению с которыми Дантов Ад казался раем, — вот что задевало их.

Он услышал более громкий шепот, поверх него голос Лантлу, высокомерный, дрожащий от злорадных ожиданий.

В серебряном диске появилась женская голова. Красота ее лица казалась порочной, испорченной, как будто по ее жилам текла кровь разложения. Когда ее лицо растворилось в туманной оболочке диска, почудилось, что веки ее на мгновение раскрылись, обнаружив глубокие синие глаза — настоящие бездны зла, и эти глаза послали какой-то быстрый знак туда, где слышался хвастливый голос Лантлу;

и потом закрылись. И впервые абсолютная тишина опустилась на амфитеатр; тишина ожидания; тишина возбужденных предчувствий.

Занавес задрожал от толчка мысли женщины. Но паутина не исчезла, как раньше. Наоборот, ее покрыла какая-то пленка, движущаяся пленка радужных оттенков, как нефть, растекающаяся по поверхности чистого пруда. Пленка становилась все плотнее, движения составляющих ее оттенков быстрее.

Сквозь пленку начали просачиваться темные тени, одна за другой, соединяясь, сливаясь на краю паутины из лучей. Все быстрее плыли они, одна за другой, собирались по краям, становились все гуще — принимали форму.

Не только форму, они становились материальными.

Грейдон сжал застывшими пальцами каменную балюстраду. На паутине появилась тень человека, гиганта десяти футов ростом, сумрачного, окруженного сгущающимися тенями. Но это уже не тень. Нечто материальное...

Над краем амфитеатра сверкнул широкий и яркий красный луч. Он шел со стороны пещер. Он коснулся мрачной фигуры, растекся по ней веером, делая ее ржаво-черной.

Красный луч подпитывал фигуру, строил ее. По этому лучу устремился поток черных атомов, фигура всасывала их, благодаря им становилась все материальнее — она уже не была теневой.

Это тело без черт лица, но тело, удерживаемое в паутине силой красного луча.

Рожденная черными атомами, возникала Тень!

Она возникала не быстро. Она плыла по лучу осторожно, как будто не очень уверенно. Ползла, вытянув безликую голову, устремив невидимые глаза к цели. Прыжком преодолела последние несколько ярдов между собой и висящей формой. Там, где была эта форма, возникло облако крутящегося тумана, сквозь который проплывали алые частицы.

Что-то похожее на искру ослепительно белого сияния пролетело по кипящему туману, было проглочено им. Грейдону показалось, что искра прилетела с противоположного направления, со стороны храма.

Туман сконденсировался, исчез. Тело мгновение висело, потом, прорвав паутину, скользнуло на землю.

Но это больше не тело человека. Присевшее существо, бесформенное, раздутое.

Нечто похожее на огромную жабу... и у него на плечах...

Голова Нимира!

Грейдону показалось, что он слышит смех женщины-змеи.

Но бледно-голубые глаза Нимира горели торжеством. Лицо Люцифера осветилось триумфом. Он торжествующе крикнул, нарушив замороженную тишину, встретившую его. Он гротескно поскакал на

своих лягушечьих лапах, выкрикивая на забытом языке Властителей свое торжество и вызов.

Красный туман замерцал. С озера поднялся в небо столб алого света.

Отвратительная прыгающая фигура застыла, лицо падшего ангела повернулось к этому столбу. Взгляд ее опустился на ее тело. Грейдон, чувствуя, что от напряжения нервы его вот-вот разорвутся, видел невероятный переход к подлинно дьявольскому гневу — глаза засверкали адским пламенем, рот превратился в открытый квадрат, из которого закапала пена, лицо стало маской Горгоны.

Медленно Нимир обратил свой взгляд на ту злополучную создательницу снов, которая стала орудием его и Лантлу. Она стояла, проснувшись, в нише серебряного диска.

Чудовищные лапы Нимира распахнулись, он прыгнул к ней. Женщина закричала, покачнулась и упала из ниши. На полу амфитеатра, далеко внизу, поднялось слабое облачко пара и рассеялось.

Глаза Нимира медленно повернулись, осмотрели пустые ряды, все ближе и ближе подходя к Грейдону...

23. ЗАХВАТ СУАРРЫ

Грейдон упал за парапет, закрыл лицо руками; его охватил никогда не испытанный прежде страх; даже в красной пещере не испытывал он подобного. С замирающим сердцем он ждал приближения прыжков этих ужасных лап... движущихся к нему... чтобы взять его...

Он поднял голову и устремил взгляд на пурпурный камень браслета женщины-змеи. Блеск камня успокоил его. Отчаянно пытался он изгнать из головы все, кроме образа Матери, цеплялся за этот образ, как альпинист цепляется за какой-нибудь корень, спасший его от падения в пропасть; заполнил свой мозг ее образом; закрыл для всего остального уши, закрыл мозг.

Он не знал, долго ли лежал так. Пришел он в себя от похлопывания маленьких рук Кона. Дрожа, испытывая головокружение, он поднял голову, осмотрелся. Он был окружен полутьмой. Луна миновала зенит и заходила. Лучи ее больше не освещали внутренность раковины. Опаловый блеск стал тусклым, паутинные лучи исчезли.

Амфитеатр опустел.

Немного погодя Грейдон справился со своей слабостью, пополз вслед за человеком-пауком, укрываясь в тени, вниз по широкому проходу. Они беспрепятственно выскользнули из раковины и укрылись среди деревьев.

Он добрался до храма. Кон поднял его на тот балкон, с которого они начали спуск. Грейдон посмотрел с балкона на город.

Город сверкал огнями; он был весь в движении и шуме.

Грейдон колебался, не зная, на что решиться; в это время разделился занавес. В комнату вошел Регор во главе отряда из двадцати эмеров, вооруженных копьями и луками. Лицо Регора осунулось. Ни слова не сказав Грейдону, он разместил индейцев у входа и окон. Пощелкал Кону, и между ними минуты две-три шел оживленный разговор. Регор отдал какой-то приказ; с большей, чем обычно, меланхолией человек-паук посмотрел на Грейдона и выскользнул.

— Пошли, — Регор взял его за плечо, — Мать ждет тебя.

Холодок дурного предчувствия охватил Грейдона. Если бы его совесть была спокойна, он тут же разразился бы вопросами. А так он молча пошел за Регором. Внешний коридор был заполнен индейцами, среди них виднелись и аристократы. Некоторых он узнал — они были из Товарищества, остатки, которые спас Регор. Они приветствовали его, и ему показалось, что в их глазах жалость.

— Регор, — сказал он. — Что-то произошло. Что?

Регор нечленораздельно пробормотал что-то, покачал головой и пошел еще быстрее. Грейдон, отгоняя страх, заторопился за ним. Они шли к вершине храма, значит, не в ту комнату, где его обычно принимала Мать.

Повсюду отряды индейцев, возглавляемые аристократами. Из них некоторые в зеленых цветах Лантлу... дезертирство из рядов хозяина динозавров, должно быть, значительнее, чем считал Регор... среди них много женщин; как и мужчины, они вооружены короткими мечами, копьями и маленькими щитами. Слишком много для обороны... и все как будто прекрасно знают, что им делать... дисциплина повсюду прекрасная...

Он понял, что на самом деле ему это все равно, что он сознательно оттягивает время, отмечает детали окружающего, чтобы отогнать страшную мысль, которую не решается облечь в слова. Больше он не мог выдержать. Он должен знать.

— Регор, — спросил он, — это... Суарра?

Рука великана обняла его за плечи.

— Ее захватили! Она у Лантлу!

Грейдон застыл, кровь отхлынула у него от сердца.

— Захватили? Но она была с Матерью! Как они могли захватить ее?

— Все произошло в замешательстве, когда кончался Лэднофакси, — Регор продолжал торопить его. — Хуон и я вернулись примерно за час до этого. Приходили индейцы. У нас было много дел. Пришли и около ста человек старой расы, на которых мы не рассчитывали, они присягнули в верности Матери и по древнему закону потребовали входа. Говорят, Суарра искала тебя. Не найдя тебя, стала искать Кона. И тут она получила послание — от тебя!

Грейдон резко остановился.

— От меня! Боже — нет! — воскликнул он. — Как я мог отправить ей послание? Я был на этом проклятом празднике, заставил Кона взять меня с собой. Я вернулся только перед твоим появлением...

— Да, да, парень, — Регор беспомощно пожал своими широкими плечами. — Но сейчас уже час после полуночи. А праздник кончился за час до полуночи. А что между этими моментами?

Голова у Грейдона закружилась. Неужели он лежал два часа за парапетом? Невероятно! Но даже если так...

Он вырвал руку, ударил гиганта в грудь так, что тот пошатнулся.

— Черт тебя возьми, Регор! — воскликнул он яростно. — Ты хочешь сказать, что я имею отношение...

— Не будь дураком, парень. — Регор не обиделся. — Конечно, я знаю, что ты не отправлял послание. Но точно: будь ты здесь, Суарра не попала бы в ловушку. Похоже, те, кто завлек ее в ловушку, знали, что тебя нет. Откуда знали? Почему не пытались перехватить тебя во время возвращения? Может, Мать теперь это все знает... она вне себя от гнева... ту, кого она любила, украли у нее из-под носа...

Он остановился в круглом углублении в стене, где кончался коридор. Коснулся стены; открылась дверь, за ней круглый колодец, стены которого покрыты полированным деревом. Регор вступил в него, ведя за собой Грейдона. Когда дверь за ними закрылась, у Грейдона появилось ощущение быстрого движения вверх. Пол под ними замер. Грейдон стоял на крыше храма, под звездами; он увидел блеск колец женщины-змеи, услышал ее голос, дрожащий от тревоги и гнева.

— Иди сюда, Грейдон. Регор, принеси ему одежду одного из тех, кто ушел от Лантлу. Зеленый плащ и изумрудную повязку. Не мешкай!

— Ты не будешь строга к парню, Мать? — пробормотал Регор.

— Вздор! Вина на мне! Иди и возвращайся быстрее, — ответила она; и когда он ушел, подозвала к себе Грейдона, взяла в руки его лицо и поцеловала.

— Если бы я и собиралась бранить тебя, дитя, то, видя, что происходит в твоем сердце, не смогла бы. Вина моя! Если бы я не поддалась капризу и позволила бы Нимиру получить форму, сотканную для него из занавеса, не стала бы искажать ее, он не ударил бы через Суарру. Я хотела пошатнуть его уверенность, ослабить волю... к чему оправдываться? Женское тщеславие. Я хотела показать ему свою силу. И сама вызвала наказание, и скорое. Вина моя, и хватит об этом.

Мысль, такая ужасная, что Грейдон боялся ее сформулировать, нашла выражение.

— Мать, — сказал он, — ты знаешь, что я не послушался тебя и ускользнул на праздник. Когда внешность Нимира изменилась и злополучная создательница снов умерла, взгляд Нимира начал двигать-

ся по рядам сидений, как бы ища кого-то. Я думаю, он обнаружил меня там. Я сосредоточил свои мысли на тебе, постарался спрятаться от него в тебе. Но Регор говорит, что прошло почти два часа, которые я не заметил. За эти два часа, несмотря на то, что со мной был Кон, не мог ли Нимир украсть мои мысли, использовать мой мозг и каким-то адским искусством выманить Суарру из храма? Неделю назад, Мать, я счел бы такую мысль чистейшим безумием. Но теперь, после того, что я видел на празднике, она уже не кажется мне безумной.

— Нет, — она покачала головой, но глаза ее сузились, и она пристальнее взглянула на него, — нет, я не верю, что он знал, что ты там. Я не... но мне не пришло в голову поискать тебя...

— Он знал, что я там! — В голосе Грейдона звучало убеждение, и вместе с ним ему стала совершенно ясна ужасная мысль. — Опять он заманил меня, оставил в ловушке, как птицу на ветке, смазанной клеем, пока не дождется своей добычи. На пути назад он мне не досаждал. А это было после захвата Суарры. И вот что, я думаю, на уме у Нимира. Он обменяет Суарру на... меня. Ему нужно мое тело. У него другое — то, которое ты ему дала. И он опять хочет меня. Он знает, что сам я не дамся, даже чтобы спастись от пыток и смерти. Но чтобы спасти Суарру — он считает, что я соглашусь. Поэтому он делает меня беспомощным, захватывает Суарру и теперь предложит ее в обмен на — то, что ему от меня нужно.

— А если он сделает такое предложение, ты согласишься? — женщина-змея наклонилась вперед, пристально глядя ему в глаза.

— Да, — ответил он, и хоть покачнулся от ужаса перед Тенью, понял, что сказал правду.

— Но почему он позволил тебе вернуться? — спросила она. — Почему, если ты прав, не захватил тебя вслед за Суаррой, пока ты был в ловушке или на пути в храм?

— Легко ответить, — сухо усмехнулся Грейдон. — Он знает, что я буду сопротивляться, боится, что тело, которое ему нужно, может быть ранено, искалечено, даже уничтожено. Я слышал, как Нимир очень ясно объяснялся по этому поводу. Зачем ему рисковать? Ведь я приду к нему добровольно, в целости и сохранности.

Одна из детских рук Матери погладила его по щеке, привлекла его голову к себе на плечо.

— Далеко вы ушли, дети серых обезьян! — прошептала она. — По правде говоря, у меня нет для тебя утешения, Грейдон. Но правда и иное: Нимир еще подумает, прежде чем отказаться от тела, которое у него теперь есть. Механизм, посылающий питательный луч, уничтожен. Я послала вдоль этого луча силу, уничтожившую механизм. Больше уже Нимир не сможет так получить себе тело, хотя прежнее и может сбросить. Конечно, он может вновь стать Тенью — бестелесным разумом — и войти в тебя. В том случае, если ты позволишь ему. Но

осмелится ли он рискнуть? Не сейчас, когда я готова ударить. Если бы он был уверен, что сможет войти в тебя, тогда да. Но он не уверен. Если он задумал такой обмен, то удержит тебя возле себя, пока наш спор не окончится. И затем, если выиграет, заберет себе твое сильное, чистое тело.

— Если таков его план, то в нем есть недостаток, — мрачно сказал Грейдон. — Если он уничтожит тебя, Мать, вряд ли при этом выживет Суарра. А тогда я быстро приведу свое тело в такое состояние, что он не сможет занять его — я уже собирался так сделать.

— Но я не хочу быть уничтоженной, не хочу, чтобы это случилось с Суаррой, с тобой, дитя, — серьезно ответила Мать. — И не собираюсь допустить этого. Однако, прав ты или не прав относительно планов Нимира, все равно — ты единственный, кто может спасти Суарру — если ее можно спасти. Возможно, своим решением я играю Нимиру на руку. Впрочем, не вижу, как от этого может стать хуже. Если мой план не удастся, ты лишь на несколько часов приблизишь исход, о котором говоришь сам и которого боишься...

Она высоко поднялась на своих кольцах, вся птичья звонкость исчезла из шепелявого голоса.

— Один и как можно скорее ты пойдешь в дом Лантлу, увидишь это порождение зла и его Темного Хозяина, отберешь у них Суарру. Если потерпишь поражение, обещаю тебе: ты не станешь обиталищем для Нимира. Потому что я, Адана, сотру Ю-Атланчи вместе со всеми живыми существами с лица Земли. И, делая это, погибну тоже.

Она опустилась, ее алый язычок дрогнул:

— Ты хотел бы такого исхода, Грейдон?

— Да, Мать, — твердо ответил он, — если в этом уничтожении погибнет и Нимир.

— Не сомневайся на этот счет, — сухо сказала она.

— Тогда чем быстрее я пойду, тем лучше, — сказал он. — Боже, почему нет Регора?

— Он идет. Осмотрись, Грейдон.

Впервые за все время он посмотрел вокруг. Он находился на круглой платформе, высоко поднятой над крышей храма. Над ним звезды и на западе заходящая луна. Справа и далеко внизу город с его оживленными огнями, похожими на бегающих светляков. Доносился чуть слышный шум. За озером, — черными ртами на освещенных луной скалах, — пещеры колоссов. Слева покрытая тенью равнина.

Платформа представляла собой круг диаметром в двести футов, окруженный парапетом из какого-то янтарного металла. На краю, прямо против пещер, стоял один диск; второй смотрел на город. Металлические основания, на которых они стояли, были открыты; внутри продолговатые ящики, полные ртутного огня, как в систре Матери. Из этих ящиков выдавались хрустальные стержни, заполненные пур-

пурным пламенем, тем же, что заполняло столб в пещере Утраченной Мудрости.

Недалеко от женщины-змеи находилось сооружение, напоминавшее чашу, из которой поднимался огненный столб, но гораздо меньший и заостренный, как фонарик, который можно направить в любом направлении. Чаша тоже усажена хрустальными стержнями. Были и другие предметы, назначения которых он не мог определить; он решил, что это содержимое загадочных ящиков, которые они принесли из пещеры. На платформе тут и там были расставлены семь больших серебряных шаров.

— Адана в своем арсенале, — она впервые улыбнулась. — Если бы ты только знал, мой Грейдон, что это за оружие! Я хотела бы, чтобы в пещере все было уничтожено до прихода Нимира. Да, и особенно тот питательный луч, при помощи которого мои предки создавали для своих нужд — и для развлечения — самые странные существа, но всегда уничтожали их, когда необходимость кончалась. Да, а ведь совсем недавно я искренне хотела, чтобы Нимир отыскал его. Ну, ладно, подойди к краю и протяни руку.

Удивленный, он подошел к краю платформы, протянул руку над янтарным краем — и встретил только воздух.

— А теперь... — она наклонилась и коснулась стержня в чаше. На окружавшем платформу парапете вспыхнул свет из атомно-малых фиолетовых искр. Искры взлетели вверх, на сто и больше футов, собрались здесь в шар фиолетового огня и исчезли.

— А теперь снова протяни руку, — сказала она. Он послушался. Пальцы его коснулись поверхности. Он нажал ладонью: поверхность чуть теплая, похожая на стекло, и создает впечатление непроницаемости. Шум города стих, вокруг абсолютная тишина. Он снова нажал на препятствие, ударил по нему кулаком — он ничего не видел, но перед ним была стена. Женщина-змея снова коснулась рычага. Рука его рванулась вперед так неожиданно, что он чуть не упал.

— Даже сильнейшее ваше оружие не сможет пробить ее, Грейдон, — сказала она. — И у Нимира нет средств преодолеть ее. Если бы я смогла окружить защитой весь храм, не нужна была бы охрана. Но это не волшебство. Ваши мудрецы согласны, что то, что вы называете материей, это сила, энергия в другой форме. Они правы. Здесь энергия неожиданно образует материю — в некотором роде — и весьма прочную материю, дитя. Очень прочную... Регор, ты не торопился!

На платформе появился гигант с грудой одежды в руках.

— Нелегко найти подходящее для него, — проворчал он.

— Разденься, — кивнула Мать Грейдону, — и надень это. Нет, дитя, не стесняйся. Помни, я старая, очень старая женщина! — Глаза ее смеялись над его невольным замешательством. — А пока переодеваешься, слушай.

Он начал раздеваться.

— Вот в чем дело, — сказала она. — Я могу уничтожить город или только дворец Лантлу. Но это оружие не делает различий между врагами и друзьями. Суарра будет убита вместе с остальными. Поэтому использовать его нельзя — по крайней мере пока, — она со значением взглянула на Грейдона, — нельзя сейчас. Не можем мы и послать отряд для ее освобождения: это означало бы начало наших действий, и пока мы доберемся, ее уведут туда, где мы ее не найдем. Это дело хитрости и умения красться, дело храбрости и изобретательности — дело одного человека. Один человек может пройти незамеченным там, где отряд заметят. Этим человеком не можешь быть ты, Регор: слишком много на тебе отметин, которые не замаскировать. И не Хуон, сила которого не в хитрости и изобретательности. И никому из ю-атланчи я это дело не доверила бы. Должен идти ты, Грейдон, и идти один. К тому же они меньше всего ожидают этого — во всяком случае, я надеюсь на это. Ты возьмешь с собой свое оружие.

Грейдон, уже наполовину переодевшийся, одобрительно кивнул.

— Она в доме Лантлу. Я не знаю, там ли Нимир. Он закрывает мое зрение, как тогда, в пещере. Я не вижу, где Суарра, в каком состоянии — мне препятствует темная пелена. Да, я говорила, что Нимир хитер, хитрее, чем я считала... Но до дворца я могу послать твой взгляд, Грейдон, чтобы ты знал путь. И еще одним я могу тебе помочь, но об этом позже. Наклонись ко мне...

Она положила руку ему на лоб, как в тот раз, когда посылала его зрение в пещеру, где его заарканил Нимир. Казалось, он поплыл с крыши, быстро, как бегущий человек, удаляясь от храма, вдоль аллеи, задерживаясь время от времени, чтобы запомнить ориентиры, пока не добрался до дворца из бирюзы и опала, окруженного деревьями, с которых свисали гирлянды красных и серебристых цветов. У дворца огромные створчатые окна, закрытые решетками, углубленные в стены, освещенные, за ними видно движение множества людей. Свет и движение он скорее чувствовал, чем видел, потому что когда попробовал заглянуть внутрь, взгляд его наткнулся на тонкий темный туман, которого он не мог преодолеть.

Возвращался он тем же путем, останавливаясь возле тех же ориентиров, которые были его клубком ниток в лабиринте аллей. Он стоял, слегка покачиваясь, рядом с женщиной-змеей.

— Ты знаешь дорогу! Ты помнишь! — как и раньше, это были не вопросы, а приказы. И, как и раньше, он ответил:

— Знаю! Помню! — И понял, что каждый шаг на пути от храма к дворцу Лантлу врезан в его память, как будто он совершал его тысячи раз.

Она взяла изумрудную ленту и обвязала ему лоб; набросила ему

на плечи зеленый плащ, закрыв полой ему рот. Оттолкнула его, с сомнением осмотрела.

— Впервые, дитя, я жалею, что ты не обладаешь красотой, которая так мне надоела. Ты кажешься чем-то средним между эмером и древней расой. Клянусь моими предками, почему ты родился с серыми глазами, а не с голубыми, почему волосы у тебя не светлые? Ну, тут ничего не поделаешь! Обстоятельства тебе благоприятствуют: там много суматохи, и они не ожидают нападения, особенно от тебя и в одиночку. Ну, а если ты потерпишь поражение, я отомщу, как обещала.

Он склонился к ее руке, повернулся, готовый идти.

— Подожди! — Она приподняла тело и издала негромкий звук, похожий на трубный. И он понял, что если крылатые вестники, которых она звала, невидимы, то только для него, а не для нее. Сверху послышалось биение сильных крыльев. Воздух вокруг него задрожал от взмахов. Мать протянула руки, взяла в них что-то, прижала к себе, заглянула в глаза, которых никто не мог видеть. Начала негромко, сладко напевать. Странно было слышать, как ей отвечают из пустого воздуха такими же птичьими звуками. Она опустила руки.

Грейдон услышал шум крыльев над головой. Что-то коснулось его плеча, мягко обернулось вокруг рук, вокруг талии, что-то ласкающе прижалось к щеке. Невольно он протянул руку и схватил его. По форме змея, но прикосновение к ней не вызывает отвращения. Прохладная, но не холодная; он осторожно провел пальцами. Примерно восьми дюймов в толщину. Его поразило, что это существо так мало весит. Воздух над ним задрожал, как от крыльев огромного колибри; он понял, что крылья удерживают вес существа.

Он погладил его, как поступил бы с собакой. Кольца ускользнули. Дрожь в воздухе продолжалась. Прислушавшись, он решил, что существ два.

— Теперь иди, Грейдон, — сказала Мать. — Иди быстро. Эти двое будут сопровождать тебя. Ты не можешь говорить с ними. Укажи на того, кого хочешь убить, и они убьют. Доверяй им. Они разумны, Грейдон. Ты не можешь этого понять, но у них есть разум. Доверяй им... иди...

Она оттолкнула его от себя. Регор повернул его, довел до края крыши храма. Наклонился и поднял прочную веревку с крюком. Укрепил крюк на карнизе, сбросил веревку.

— Вот твоя дорога, парень, — хрипло сказал он. — Мать хочет, чтобы никто не видел, как ты уходишь. Вниз! И возьми это...

Он сунул за пояс Грейдону свой длинный кинжал. Повесив ружье на спину, Грейдон ухватился за веревку и перебрался через парапет. Скользнул вниз, сопровождаемый крылатыми змеями. Добрался до края рощи и остановился, думая, куда идти дальше.

Он почувствовал прикосновение одного из крылатых вестников. И внезапно мысленно увидел, как на карте, весь путь к дому Лантлу.

Грейдон побежал по тем аллеям, по которым пролетел незримо его взгляд, когда женщина-змея коснулась его лба. Над ним, не опережая и не отставая, били невидимые крылья.

24. НЕВЕСТА ЧЕЛОВЕКА-ЯЩЕРА

Ночь была ясной. Грейдон легко находил путь, как будто ноги его сами узнавали каждый поворот и изгиб. Через некоторое время он перестал бежать: во-первых, чтобы сберечь силы для предстоящего, во-вторых, чтобы не привлекать внимания тех, кто ему встретится.

Он был близко к дворцу Лантлу, когда произошла первая встреча. Она доказала ему смертоносность тех живых рапир, которых дала ему в помощь Мать. Из кустов появилась группа эмеров с копьями и факелами, в которых горели не огни, а светящиеся золотые шары. За ними четыре индейца несли носилки. В них аристократ в зеленом. Рядом с носилками еще двое воинов.

Грейдон не мог ни отступить, ни укрыться в тени. Обитатель носилок взмахнул рукой, приветствуя его. Грейдон, как можно плотнее закрывая лицо плащом, кратко ответил на приветствие и постарался пройти. Такое грубое поведение, очевидно, было необычным, потому что аристократ приподнялся, отдал резкий приказ своим людям, вышел из носилок и направился к Грейдону с обнаженным мечом.

Оставалось только одно, и Грейдон сделал это. Он показал на эмеров, а сам бросился на ю-атланчи. Увернулся от сильного удара мечом, в следующее мгновение одной рукой перехватил руку аристократа, а другой схватил его за горло. Не время для благородства. Колено ударило вверх, в пах противника. От боли аристократ разжал руки, меч выпал. Грейдон пронзил его сердце кинжалом Регора.

Он боялся использовать ружье, поэтому быстро нагнулся, поднял меч противника и повернулся лицом к эмерам.

Они тоже были мертвы.

Все восемь были насмерть пронзены острыми клювами крылатых змей, прежде чем смогли крикнуть или поднять хотя бы одно копье, убитые в то короткое время, которое потребовалось ему, чтобы справиться с одним.

Он смотрел на тела. Казалось невероятным, что восемь жизней можно уничтожить за такое короткое время. Услышал шум крыльев над головой и взглянул вверх. Над его головой, как будто очерченные нежными пальцами, виднелись в воздухе две алые линии. Они задрожали, и на Грейдона упали алые капли...

Крылатые змеи чистили свои клювы!

Он продолжал путь с безжалостным возбуждением в сердце. Чув-

ство одиночества исчезло: он чувствовал себя так, будто в его распоряжении целая армия. И смело двигался вперед. Аллея углубилась в густые заросли цветущих деревьев. Он вошел в эти заросли. Остановился в самой густой тени. В ста ярдах впереди был дворец Лантлу. Здание занимало, по оценке Грейдона, площадь более акра. Оно было восьмиугольным, довольно низким, главную его часть составляли два этажа с высокими потолками. В центре здания — купол, сверкающий сапфиром и опалом; формой он напоминает тот, что был заимствован Тамерланом-завоевателем в разграбленном Дамаске и поставлен в его любимом Самарканде. К разбухшему основанию купола поднимались гирлянды маленьких разноцветных башенок, похожих на беседки, построенные гномами для своих женщин.

Стены восьмиугольника были покрыты плитками, будто лакированными, блестящими расплавленными бледными рубинами, солнечно-желтыми топазами, водянисто-зелеными изумрудами. В стенах окна, прямоугольные и овальные, створчатые, забранные решетками, с резными украшениями из камня и металла, тонкими, словно кружева. От основания стен отходит площадка с мощеным полом, тридцати футов шириной, пол ее из белого и черного камня. По углам площадки стройные золоченые столбы поддерживают шелковые занавеси. Дверей не видно.

Грейдон прокрался на край заросли. Между ним и площадкой тянулся ровный газон, совершенно открытый; пересечь его незаметно нельзя. Грейдон не видел стражи, но из здания доносились голоса. Направо от него в ста футах деревья ближе подходили к стенам здания. Грейдон быстро пошел по краю рощи, пока не достиг зеленого выступа. Осторожно пройдя по нему, он обнаружил, что теперь от столба его отделяет не больше пятидесяти футов.

Он увидел обратную сторону дворца. На первом этаже три широких овальных окна, почти соприкасающихся друг с другом; из них исходит более яркий свет. Послышались оттуда и голоса, явно голоса аристократов, мужчин и женщин. Они долетали из ярко освещенной комнаты. Здесь, у столба, была охрана: десяток индейцев, вооруженных копьями и луками.

Не зная, на что решиться, он услышал смех и выкрики в комнате, звуки труб, исполнявших игривый мотив. Затем, покрывая голоса, смех и музыку, донесся насмешливый голос Лантлу:

— Добро пожаловать, Суарра! Приветствуем невесту! Эй, там, приведите жениха!

И снова взрыв смеха и аплодисменты.

Грейдон выпрыгнул из-за укрытия и показал на эмеров. И услышал свист рапир. На ходу снимая ружье, он побежал к дворцу. Не успел он сделать и шага, как увидел двух упавших индейцев, затем еще двух, остальные стояли, оцепенев, парализованные невидимой

смертью, ударившей рядом. Да, это фехтование побыстрее, чем всё, что он видел в салонах французских и итальянских мастеров. Он еще и половины из пятидесяти футов не пробежал, а все стражники уже лежали на краю площадки с пронзенными сердцами и разорванным горлом. Точные, безошибочные удары клювов-рапир достигли цели со скоростью пулеметной пули. Молча они ударили, и молча умерли эмеры.

Грейдон перепрыгнул через тела к занавешенному окну. Есть ли поблизости еще стража, он не знал, да и не думал об этом. Овальные окна также зарешечены. Он попробовал первое, но решетка не поддалась. Решетка второго окна беззвучно открылась. Грейдон снял ружье с предохранителя, взял его в левую руку, правой слегка раздвинул занавес и заглянул в комнату.

В первое же мгновение он увидел Суарру — и больше ничего не видел.

Она стояла на возвышении в центре большой комнаты возле украшенной цветами кровати. Одета была в зеленое платье, сквозь которое просвечивало ее белое тело. На голове венок из алых цветов. Ноги обнажены. Руки она скрестила на груди, и на запястьях блеснули золотые наручники.

Рот ее был накрашен, щеки нарумянены, и эти пятна резко выделялись на бледно-восковом лице, похожем на лицо куклы. Она и казалась восковой куклой, безжизненной, с закрытыми глазами, почти не дышащей. Грейдон увидел, как она вздрогнула, покачнулась и упала на край кровати.

— Невеста волнуется при приближении жениха, — учтиво и звучно заговорил Лантлу, как конферансье. — Правильно. Таков обычай. Ее девственность встревожена. Стыдливость охватывает ее. Но скоро, ах, скоро... Хо! Хо! Хо! — расхохотался Лантлу. Отовсюду ему ответил злорадный смех. Суарра еще ниже опустила голову.

Перед глазами Грейдона плясали красные точки. Гнев чуть не задушил его. Он взял себя в руки, зрение его прояснилось. Теперь он увидел, что возвышение окружает кольцо низких диванов, на них — десятка два ю-атланчи. Если замечать только красоту, то их можно принять за ангелов, но сквозь ангельские маски проглядывали дьяволы жестокости и похоти. В глазах, глядевших на Суарру, не было жалости.

В дальнем конце комнаты, опираясь одним коленом на диван, гладя волосы лежавшей на нем женщины, стоял Лантлу. С удовлетворением, на мгновение даже разогнавшим гнев, Грейдон отметил, что некогда совершенный нос расплющен, рот все еще разбит. Это отпечаток его кулака. Он быстро осмотрел комнату в поисках входа и охраны.

Только одна дверь занавешенная, как и окна; и никакой охраны, по крайней мере внутри комнаты. Это хорошо... Лантлу — легкая добыча... лучше всего прямо вскочить туда, пристрелить Лантлу голову, пристрелить еще нескольких, взять Суарру и бежать с ней, прежде чем остальные опомнятся от неожиданности нападения. Ему ненавистна была мысль, что этот смеющийся дьявол отделается так легко... он предпочел бы дня на два воспользоваться полностью оборудованной средневековой комнатой пыток... однако... нельзя иметь все сразу. Он действует наудачу, считая, что Темного Хозяина здесь нет. Да, это наилучший план. Дьявол! Он забыл о своих козырных картах! Вестники Матери! С ними и со своим ружьем он сможет очистить все это дьявольское гнездо! Где же они?

И как бы в ответ на свои мысли он почувствовал прикосновение холодных колец с обеих сторон; понял, что оба существа готовы ворваться в комнату вместе с ним.

Он бросил быстрый взгляд на Суарру, прежде чем напрячься для прыжка. Увидел то, что не заметил раньше: кольцо диванов разорвано, оставляя широкий проход от возвышения к двери.

И в этот момент дверной занавес распахнулся, вошли две эмерских женщины, обнаженные, неся большие корзины с цветами; идя, они доставали пригоршни цветов и разбрасывали их по полу.

Сразу за ними шли четыре эмера, вооруженные палицами.

— Внимание! — запел Лантлу. — Жених!

Через дверь проковылял ящерочеловек.

Подобно Суарре, он был в полупрозрачной зеленой одежде, сквозь которую просвечивала его чешуйчатая желтая кожа, блестящая, как будто намасленная. Глаза его злобно, с вызовом метались то вправо, то влево. Вокруг чешуйчатой головы венок из белых цветов, из которого отвратительно торчал красный гребень.

Из какого-то скрытого места снова громко зазвучала музыка. Алый взгляд человекоящера упал на фигуру девушки на кровати. Губы его раздвинулись, обнажив желтые клыки. Он прыгнул вперед.

— Боже! — простонал Грейдон, — и нажал курок.

Прыжок человекоящера был прерван как ударом молота. Он перевернулся в воздухе. Упал. Половины головы у него не было.

Грейдон спрыгнул с низкого подоконника овального окна. Он снова выстрелил — в Лантлу. Хозяин динозавров упал за диван, но Грейдон знал, что промахнулся. Ну, ничего, доберется позже. Теперь эмеры. Он поднял ружье: эмеров не было.

Крылатые змеи! Он опять забыл о них. На этот раз они не ждали его приказа. Все стражники были убиты.

— Суарра! — позвал он. — Ко мне!

Она стояла, не веря своим глазам. Сделала неуверенный шаг.

Чувствуя угрызения совести, он прострелил головы двух аристо-

кратов, которые преграждали ему доступ к Суарре. Они получили урок... но лучше больше не убивать... не направлять на них вестников, пока Суарра не в безопасности... пока они не станут вмешиваться... а потом пусть убираются в ад!

Если бы он умел разговаривать с вестниками! Он послал бы их вслед Лантлу. Но нельзя же просто сказать: «Бери его, пес!» — этим существам.

— Суарра! — снова позвал он. Она спрыгнула с возвышения, бежала к нему... надо следить за дверью... выстрелы, наверно, услышали... а открытое окно сзади?.. нельзя же одновременно смотреть в разные стороны...

Суарра рядом!

— Любимый! О любимый! — услышал он разбитый шепот, почувствовал, как ее губы прижимаются к его плечу.

— Торопись, дорогая! Все будет в порядке! — сказал он. При этом смотрел он на застывших аристократов и на дверь и держал ружье наготове.

Как же они выйдут? У него была идея — послать вестников, пусть убивают, а они пока выберутся через окно...

Слишком поздно.

В открытой двери неожиданно, как из воздуха, вырос Нимир!

Теперь слишком поздно. Нет смысла направлять крылатых вестников или пытаться бежать. Грейдон был в этом убежден. Он попал в ловушку Нимира и должен принимать условия сделки. Он опустил ружье, прижал к себе Суарру.

Его охватило сомнение. Действительно ли это ловушка Нимира? Властитель Зла сделал шаг в комнату и смотрел на него и Суарру с выражением изумления в бледных глазах. Рядом встал Лантлу, смеющийся, издевающийся, указывающий на них пальцем.

Грейдон поднял ружье, прицелился. Но прежде чем он спустил курок, одна из длинных уродливых лап Нимира схватила Лантлу и задвинула его за спину Властителя Зла. Ружье рявкнуло. Грейдону показалось, что пуля прошла сквозь грудь Нимира.

Молча, не обращая внимания на пулю, Властитель Зла переводил удивленный взгляд с Грейдона и девушки на тело урда; белые цветы венка пожелтели от крови, свадебная одежда изорвана в агонии. Глаза Нимира пробежали по усеянной цветами дорожке, по телам эмеров, по украшенной кровати и вновь остановились на Суарре.

И Грейдон увидел, как в них появилось понимание.

Приземистое жабье тело, казалось, расширилось, выпрямилось. Прекрасное лицо Люцифера на нем стало белым и жестким, как камень, бледные глаза — ледяными. Нимир повернулся, схватил Лантлу и высоко поднял его над головой, будто собираясь ударить о пол. Хозяин динозавров тщетно извивался и дергался, пытаясь освободиться.

Мгновение Властитель Зла держал его так, затем справился со своим гневом, опустил и положил к своим ногам.

— Глупец! — сказал он, и голос его был ужасен полным отсутствием выражения. — Ты противопоставил свою похоть и ненависть моей воле! Разве я не сказал, что эту девушку нужно держать в безопасности и невредимой? И разве не объяснил, почему? Как же ты посмел так поступить? Отвечай, глупец!

— Я обещал, что она станет женой урда. А я держу свои обещания. И какая разница? Чужеземец в любом случае пришел бы на твой зов. И ничего не узнал бы — пока не было бы поздно. И вообще никакого вреда я не причинил, потому что чужеземец в твоих руках. И даже быстрее, чем ты планировал, Темный Хозяин!

В голосе Лантлу не было страха, только насмешливое высокомерие. Властитель Зла не ответил, непроницаемо глядя на него сверху вниз. Упрямый парень этот Лантлу, подумал Грейдон. Порочный до мозга костей — но крепкий.

Он рассматривал чудовищное тело с лицом падшего ангела, с благородной головой, воплощением силы и красоты — и почувствовал прилив жалости к Властителю Зла! В конце концов почему не позволить ему иметь тело, соответствующее голове?.. Он не понимает, что выигрывает от того, что у Нимира тело чудовища... Нимир так долго добивался соответствующего тела... женская хитрость... это нечестный прием...

Неожиданно он понял, что Нимир смотрит на него, что он прочел его мысли.

— В конце концов мы не так уж далеки друг от друга, Грейдон, — сказал Властитель Зла, все с той же соблазнительной сладостью, с которой Грейдон уже боролся в пещере Тени.

Грейдон пришел в себя. Какое ему дело до Нимира? Он должен спасти Суарру — и себя, если сумеет!

Холодные глаза Властителя Зла поголубели, в них дружелюбие, подлинное или вымышленное.

— Я должен поговорить с тобой, Грейдон.

— Знаю, — мрачно сказал Грейдон. — Поговорим здесь, Нимир. И прямо сейчас.

Властитель Зла улыбнулся, улыбка осветила его темное властное лицо и придала ему опасную привлекательность, как и соблазнительный голос. Грейдон почувствовал это притяжение и приготовился сопротивляться.

— Встань, Лантлу. Не уходи, пока я тебя не отпущу. И проследи, чтобы нам не мешали. Предупреждаю тебя — в последний раз!

Лантлу не спеша встал, равнодушно взглянул на Грейдона и Суарру, неторопливо прошел к дивану, сел рядом с женщиной и обнял ее за шею. Хорошо проделано, неохотно признал Грейдон.

Властитель Зла направился к нему. Грейдон почувствовал, как задрожала Суарра. Когда Нимир был уже в нескольких шагах, Грейдон извлек кинжал Регора и прижал его конец к груди девушки, как раз над сердцем.

— Остановись, Нимир, — сказал он. — Так достаточно близко. И выслушай меня вначале. Я знаю, чего ты хочешь. И готов обсуждать твое желание. Если мы не договоримся и если я буду уверен, что мы не сможем уйти, я убью Суарру. Она согласна. Правда, Суарра?

— Правда, любимый, — спокойно ответила она.

— И тогда я попытаюсь справиться с тобой этим, — он коснулся ружья. — И если не смогу остановить тебя, последнюю пулю пущу себе в голову. А это, я думаю, тебе не понравится. Но я это сделаю. Не сомневайся, Нимир!

Властитель Зла снова улыбнулся.

— Я тебе верю. Ты прав, это последнее, чего бы я хотел. Но в этом не будет необходимости — если ты будешь благоразумен.

— Мозг мой широко раскрыт, — сказал Грейдон. — Но только для твоих слов. Ты меня понимаешь?

Властитель Зла поклонился и некоторое время молча смотрел на него. Чувство нереальности охватило Грейдона. Ему казалось, что он участвует в какой-то пьесе, в сновидении, в котором его не ожидает настоящий риск; он может сам выбирать текст, создавать ситуации. Он утратил ощущение суровой реальности, которое заставляло его держать напряженным каждый нерв и каждую мышцу. Странно, но это ощущение нереальности поддерживало его, наполняло беззаботностью... и ему не приходило в голову — тогда — что вызвано оно могло быть Властителем Зла.

— Ты не можешь уйти, если я не отпущу тебя, — сказал Нимир. — И не можешь повредить мне. Не могут это сделать и слуги Аданы, которых я вижу в воздухе. Это правда, Грейдон. Мое тело построено по другим законам, чем твое. Материал, да, аналогичен. Но прострели меня пулей, проколи кинжалом, этим ты мне не повредишь. Если не веришь, попробуй.

Он распахнул плащ, обнажив искаженную бочкообразную грудь, и стоял, ожидая. Грейдон поднял ружье, на мгновение решив принять вызов. Но потом опустил — зачем зря тратить патроны? Нимир сказал правду...

— Но тебя, — Властитель Зла закрыл свой массивный торс, — тебя и Суарру я могу уничтожить. И очень легко. И мы оказываемся в патовом положении, так как мне ты нужен, Грейдон, скажем так... нетронутым.

— Ты это уже очень ясно дал мне понять, — отрывисто заметил Грейдон. — Ну и что же?

— Тебя ожидал выгодный договор, если бы не этот несговорчивый

глупец, — ответил Нимир. — И не потому только, что своим поведением он дал тебе возможность сделать себя... непригодным для обитания. Нет, еще и потому, что тебя недавно посетила одна мысль обо мне и о женщине-змее. Ах, как давно никто не думал обо мне с сочувствием, — сказал Нимир и рассмеялся, — я нахожу это странно приятным.

— Что за договор? — нетерпеливо спросил Грейдон.

— Сейчас, — мягко продолжал Властитель Зла. — Я никогда не собирался делать это свое тело постоянным. Даже если бы оно не было изуродовано, все равно для меня оно... временное. Нет, Грейдон, я предпочитаю человеческую плоть и кровь; при должном обращении они весьма долговечны. И, как я уже говорил тебе, как сам ты мне напомнил, я предпочитаю твое тело. Поэтому я отправлю тебя и Суарру назад в храм... да, даже с почетной охраной... если...

— Я так и думал, что будет «если».

— Если в случае моей победы в предстоящей битве ты добровольно придешь ко мне и после того, как я отброшу это свое временное укрытие, ты позволишь мне постоянно жить в твоем теле — я имею в виду, конечно, сожительство. Короче, я возобновляю свое предложение, чтобы мы делили твое тело. Нам не будет тесно, и мы не будем надоедать друг другу, — улыбнулся Властитель Зла.

— Это справедливо, — без колебаний сказал Грейдон. — Я согласен.

— Нет, любимый, нет! — воскликнула Суарра и прижалась к нему. — Лучше смерть для нас обоих...

— Не думаю, чтобы он выиграл, дорогая, — сказал Грейдон. Беззаботность все сильнее охватывала его... обмен справедливее, чем он ожидал... спортивное предложение... вообще-то Нимир не выиграет... но даже если выиграет... он, Грейдон, силен... он сможет бороться с этим компаньоном, когда тот поселится в его мозгу... сможет контролировать его... заставит его пожалеть о договоре... и уж во всяком случае жизнь у него будет интересной, мягко говоря... дьявол, откуда у него эти мысли?.. почему он так думает?.. он слабеет... главное — спасти Суарру... он должен спасти Суарру... а это единственный способ!

— Я знаю, что выиграю, — негромко сказал Властитель Зла. — И ты это знаешь, не правда ли, Грейдон?

— Нет! — сказал Грейдон и вырвался из этого волшебного очарования, из молчаливого согласия, которое вкрадчиво охватило его. Он глубоко вздохнул, исчезли беззаботность и чувство нереальности, гнев и яростная решимость заняли их место. — Нет, я этого не знаю, Нимир! И не пробуй на мне свое колдовство — или я решу покончить дело прямо здесь и сейчас. Оставь! Я согласен! Отпусти нас!

— Хорошо! — Властитель Зла рассмеялся, и в смехе его по-прежнему звучала соблазнительная сладость, как в шепоте Тени. — Ты заставил бы меня еще больше добиваться победы, Грейдон, если бы я

не знал, что она предрешена. Есть только еще одна деталь. Я не требую, чтобы ты оставался в храме во время нашей маленькой перепалки с женщиной-змеей. Думаю, что ты и не сможешь там оставаться, — и он с удовольствием посмотрел на Грейдона. — Но теперь, когда у меня к тебе такой личный интерес, я вправе требовать, чтобы были приняты меры предосторожности... используем вежливую формулировку... чтобы моя ставка в игре оставалась в пригодном для использования состоянии! Поэтому ты будешь носить — это...

Он достал из-за пояса широкий воротник из тусклого красного металла и сделал шаг вперед, держа его в руке.

— Что это? — подозрительно спросил Грейдон.

— Это предохранит твою жизнь от моих могучих слуг, — ответил Властитель Зла, — когда тебя вытряхнут из храма. Можешь рассказать об этом Адане. Увидев его, она поймет, что я имею в виду. Вообще это дает тебе большое преимущество. Но у меня широкий взгляд, я дарю тебе это преимущество. Иди сюда, — в голосе его прозвучал категорический приказ, — это необходимо. Он не дает мне власти над тобой, если этого ты боишься. Но пока не наденешь, девушка не сможет уйти.

Грейдон склонил голову, почувствовал прикосновение скрюченных пальцев к своему горлу, услышал щелчок, с которым воротник закрылся, услышал всхлипывание Суарры.

— А теперь, — сказал Властитель Зла, — в сопровождении эскорта назад к Адане. Она так отчаянно старается увидеть, что с тобой происходит! И так сердится, что не может! Следуйте за мной.

Он заковылял к двери. Взявшись за руки, они последовали за ним, через разорванное кольцо молчащих и глядящих на них аристократов, мимо отвратительного тела человекоящера и эмеров, которых убили крылатые вестники. Проходя, Грейдон слышал взмахи крыльев этих невидимых охранников над собой. Он сдержал импульс послать их на Лантлу.

Вслед за Властителем Зла они вышли из комнаты в большой зал, заполненный солдатами-эмерами и аристократами, которые отшатывались от проходившего Нимира и молча давали им пройти, сделав безразличные лица. Но Грейдон заметил, что они украдкой поглядывали на его воротник, и лица их при этом бледнели.

Наконец они подошли к выходу из дворца. Властитель Зла подозвал офицера и отдал приказ. Принесли двойные носилки, их несли восемь сильных носильщиков в зеленых килтах. Нимир вежливо пригласил сесть в носилки.

Носильщики двинулись, отряд в двадцать индейцев во главе с другим офицером окружил их. Двери распахнулись, и они в сопровождении эскорта оказались вне дворца.

— До скорой встречи, — улыбнулся Властитель Зла.

— Чтоб ее никогда не было! — от всего сердца ответил Грейдон.

— Нас ожидает много приятных столетий совместной жизни! — сказал Властитель Зла и рассмеялся.

Все еще слыша его смех, они углубились в тень деревьев. В руках охранников сверкали фонари с чистым белым светом. Суарра обняла его за шею, прижала его голову к своей груди.

— Грейдон! Грейдон, любимый! Я боюсь! Я ужасно боюсь! Слишком дорогая цена, любимый! Лучше, гораздо лучше было мне убить себя до твоего прихода. Но я не знала... я надеялась... пока не было уже слишком поздно, пока мне не сковали руки... и тогда я уже не могла убить себя...

Он тоже боялся! Очень боялся! Но утешил ее, как мог.

Наконец они оказались в храме. Носилки остановились, офицер в сопровождении солдат с фонарями поднялся по широким ступеням. Грейдон услышал окрик, бас Регора. Вниз по каменной лестнице слетел гигант к их носилкам, поднял Суарру и Грейдона, обнял, будто они его дети, вернувшиеся из мертвых.

Охрана в зеленых килтах застыла, пока они шли к большим дверям. Грейдон услышал, как устремились вперед крылатые вестники, туда, где их ждала Мать. Обернувшись, увидел, что их эскорт возвращается назад.

Он чувствовал страшную усталость. Покачнулся, его поддержали сильные руки Регора, понесли.

Двери храма захлопнулись за ним.

25. ВОРОТНИК НИМИРА

Нежные руки Суарры ласкали его, она шептала слова жалости и любви. Он справился со слабостью и освободился из рук Регора. Огромный вестибюль был заполнен индейцами в голубом — цвет Матери; было также около двух десятков аристократов. Эти последние энергично пошли им навстречу. Обычную выдержку нарушило жадное любопытство. Но Регор знаком попросил их отойти.

— К Матери, и немедленно. Суарра, ты не ранена?

Она покачала головой, и он торопливо пошел вперед. Глаза его упали на металлический воротник на шее Грейдона, Регор остановился, глядя на него в замешательстве.

— Опознавательный знак Нимира, — невесело рассмеялся Грейдон. Гигант протянул руку, собираясь сорвать воротник.

— Нет. — Грейдон отвел его руку. — Все не так просто, Регор.

Гигант беспокойно взглянул на воротник, брови его нахмурились.

— Это дело Матери, — сказала Суарра. — Быстрее, ночь кончается.

Она взяла Грейдона за руку и торопливо повела вперед, Регор пошел следом. Они шли по широким коридорам, заполненным эмерами и небольшими группами людей древней расы, не останавливаясь, чтобы ответить на приветствия, пока не пришли к углублению в стене, в котором находился лифт, ведущий к святилищу женщины-змеи. Из лифта они вышли на крышу храма.

— Мать! — воскликнула Суарра.

Блеснул розовый перламутр, кольца Аданы развернулись ей навстречу. Тело женщины-змеи поднялось, ее детские руки охватили шею девушки, привлекли ее голову к маленьким заостренным грудям. Впервые за все время Грейдон услышал человеческое всхлипывание в голосе Аданы.

— Моя дочь! Суарра! Дочь моя!

Суарра прижалась к ней, плача, и губы Матери целовали волосы девушки.

Мать подняла голову, протянула руку Грейдону. Взгляд ее упал на воротник Властителя Зла. Она застыла, глаза ее расширились, шея наклонилась вперед, сверкнул заостренный красный язык — раз и два — как у змеи.

Она отодвинула Суарру, коснулась сердца Грейдона, его лба; взяла его лицо в руки и пристально всмотрелась в глаза. И постепенно в этих пурпурных колодцах появилась жалость — и какое-то предчувствие. Так ему во всяком случае показалось.

— Вот как! — прошептала она и опустила руки. — Вот как! Вот какой у него план!—Она углубилась в свои мысли, будто разговаривала сама с собой, не видя, не замечая их. — Но он не хочет использовать оружие... до конца. Я могу его встретить, да. Но я тоже не хочу пускать его в ход. Так же, как и он. Клянусь моими предками! Если бы рядом со мной был хоть один из моих соплеменников! Или хотя бы другие Властители, кроме Тиддо, я тогда не опасалась бы. Но... выбора нет. И если в схватке мы с Нимиром высвободим оружие, которое не сможем загнать обратно, разве уничтожение не распространится, как чума, по всему этому вращающемуся шару... не превратит Землю в пустыню... не лишит ее жизни? Тогда и Нимир не избежит уничтожения...

Ее взгляд снова упал на Грейдона.

— Ничего, дитя, — негромко сказала она, — не отчаивайся. Итак, ты пожалел Нимира? И принял его условия! А он посылал тебе в мозг свой яд искусно, так искусно! Ну что ж, так было предначертано, я думаю. Так тому и быть! Это не твоя вина. Я попалась в ловушку, не зная об этом, когда поддалась женскому тщеславию и изменила его оболочку по своему капризу во время Лэднофакси. То, что произошло, лишь следствие моего поступка. Ты ничего не мог сделать, и могло бы быть еще хуже. Пусть кости лежат, как они выпали. Не

смотри на меня так. Это не колдовство. Я прочла твои мысли, вот и все. Но я хочу послушать и твой рассказ. Суарра...

Она повернулась к девушке. Очевидно, впервые увидела зеленое свадебное платье, раскрашенные щеки и губы. И при этом зрелище весь ее гнев против Нимира, все беспокойство, долгими часами испытанное из-за Суарры, — все это достигло максимума и взорвалось. Она сорвала с девушки платье, обнажив всю ее белоснежную красоту.

— Иди вымой лицо! — зашипела гневно женщина-змея, как ханжа, поймавшая свою дочь перед зеркалом с румянами и помадой.

Девушка вскрикнула и убежала, белая тень, в полутьму за гнездом Аданы. Грейдон, несмотря на всю свою усталость и тревогу, усмехнулся; это был один из чисто человеческих всплесков, который делал это совершенно нечеловеческое существо ближе и лишал его чуждости.

Мать гневно посмотрела на него, подняла руку, будто хотела ударить, потом скользнула к Суарре. Грейдон услышал, как она негромко, почти раскаиваясь, говорит с девушкой. Потом она позвала его.

Рядом с ней загорелся пульсирующий шар. При его свете Грейдон увидел, что Суарра набросила на себя плащ и смыла с лица помаду и румяна. Она посмотрела на него и опустила голову. Женщина-змея рассмеялась и прижала друг к другу их головы, щека к щеке.

— Не смущайся, дитя, — сказала она. — Я уверена, он видел женское тело. Или увидит еще. А Регор достаточно стар, чтобы быть твоим прадедом по крайней мере. Иди сюда, Регор. А теперь расскажи нам, дочь, что случилось. На, выпей это.

Она достала из ящика маленький флакон, наполнила водой хрустальный кубок и капнула туда жидкости из флакона. Суарра отпила и протянула кубок Грейдону. Он выпил. Все его тело заполнилось звоном, усталость исчезла. Напряжение оставило его, мозг прояснился. Грейдон сел рядом с Регором, слушая Суарру.

Мало что из ее рассказа ему было неизвестно. Только как ее захватили. После того, как она ушла от Матери и смотрела на приход спасенных из убежища Хуона, к ней пришел офицер-эмер. Он сказал, что принес ей послание от Властителя Грейдона, который находится на нижней террасе храма. Властитель Грейдон обнаружил кое-что и хочет, чтобы она взглянула на это, прежде чем новость сообщат Матери. Властитель Грейдон приказал говорящему это найти ее и привести к нему.

Сама простота и смелость уловки обманули ее. Она знала, что террасы храма охраняются, и ей не пришло в голову усомниться в подлинности призыва. Она прошла на нижнюю террасу, миновав несколько постов охраны и ответив на их окрики. Как раз после того, как она миновала один из таких постов, ей на голову набросили плащ, подняли и унесли.

— Это были люди Лантлу, — сказал Регор. — Они убили наших стражников и заняли их место. Были одеты в цвета Матери. Мы нашли тела наших людей, их сбросили с террасы.

В роще ей связали руки и ноги и поместили в носилки, продолжала Суарра. И отнесли прямо во дворец Лантлу. Тут индейские женщины накрасили ее и, прежде чем она смогла что-то заподозрить, переодели в зеленое платье и сковали руки наручниками. Потом ее отвели в комнату, где ее и застал Грейдон, — чтобы узнать из насмешливых слов Лантлу, какую участь он ей приготовил.

Женщина-змея слушала, угрожающе раскачивая головой, глаза ее блестели; она не задавала вопросов, не прерывала.

— Регор, — негромко сказала она, когда Суарра кончила, — иди проверь, чтобы не осталось ни одной щели, через которую смогли бы пролезть другие крысы Нимира. Поспи, сколько сможешь: на рассвете все в храме должны быть на постах. А к следующему рассвету я или Нимир будем побеждены. Суарра, Грейдон, остаток ночи будете спать здесь, рядом со мной.

И когда Регор ушел, она взяла руку Грейдона в свои.

— Дитя, — мягко сказала она, — не бойся. Ты будешь спать крепко, без снов и страха перед Нимиром. До рассвета еще четыре часа. Я разбужу тебя, тогда и поговорим о том, что нужно сделать. Об этом, — она коснулась его воротника, — и о другом тоже. Теперь выпей это. Ты тоже, Суарра.

Она достала из сундука другой флакон, налила бесцветной жидкости в кубок. Они выпили. Суарра зевнула, опустилась на подушки, сонно улыбнулась ему, глаза ее закрылись. Грейдон почувствовал, как его охватывает приятная расслабленность, голова его упала на подушки. Он взглянул на женщину-змею. Она достала систр и высоко его подняла. Из него устремился стройный луч молочного света. Она повернула этот луч вверх и начала вычерчивать им все расширяющуюся спираль.

Она посылала сигнал. Кому? — сонно подумал он. И уснул.

* * *

Его разбудило прикосновение Матери; он смотрел в ее наклонившееся к нему лицо. Пурпурные глаза расширились, блестели, огромные на сердцеобразном лице. Он вскочил на ноги. У края платформы стоял Властитель Глупости, он смотрел в сторону озера; рядом с ним алая фигура человека-паука Кона и черная — Регора. Суарра все еще спала, лежа щекой на руке, которая высовывалась из-под шелкового покрывала.

Грейдон вздрогнул, ему вдруг стало холодно. Впервые за все то время, что он находился в Запретной земле, небо затянули тучи. Они

висели низко, не более чем в трехстах футах над храмом. И походили скорее на серо-стальной неподвижный потолок.

Над ним и вокруг него непрерывно шелестели крылья бесчисленного количества невидимых птиц. Эти невидимые крылья пульсировали ритмично...

Крылатые змеи! Вестники Матери-Змеи! Их она вызывала светом!

Она взяла его за руку, отвела к краю платформы, дала бинокль наподобие того, каким пользовались в убежище Хуона, указала на берег озера. Он посмотрел в бинокль.

Берег был усеян ящеролюдьми. Их там сотни, тысячи; ряды их медленно двигались вперед, к ним присоединялись все новые, они вброд выходили из озера. Грейдон увидел, что новые орды появляются из пещер, а все озеро испещрено плывущими людьми-ящерами. Перед теми, кто уже вышел из воды, на черных динозаврах разъезжало несколько аристократов, сторонников Лантлу. Они подгоняли своих животных большими плетеными бичами. Один из них повернулся. Грейдон уловил тусклый красный блеск у него на шее, пригляделся.

У всадника был такой же воротник, как тот, что застегнул на нем Властитель Зла.

Другие всадники тоже были в таких воротниках. Грейдон опустил бинокль, повернулся к женщине-змее. Она кивнула, отвечая на его немой вопрос.

— Да, — сказала она, — Нимир привязал тебя к себе. Часть из того, что он тебе сказал, — правда, но часть — ложь. Когда он сказал, что воротник защитит тебя, он говорил правду. Но когда говорил, что он не дает ему власти над тобой, то лгал.

Она умолкла, а он жалобно смотрел на нее.

— Поэтому ты не сможешь оставаться с нами и помогать, как я надеялась. Нимир хитер и доведен до отчаяния — надеюсь, скоро его положение станет еще отчаяннее. И, возможно, он через тебя прорвется сюда и нарушит мои планы.

— Не через меня! — простонал Грейдон. — Нет, нет!

— Мы не можем рисковать, — ответила Мать. — Я могла бы избавить тебя от этого знака, но что-то говорит мне, что не нужно этого делать. Что, поступив так, Нимир допустил ошибку. Что если бы он был мудр, он оставил бы карты лежать так, как они расположились. Он должен был думать лишь об одном, но его подвело желание получить твое тело, как меня подвело женское тщеславие. Я не знаю, что мы получим от этого преимущества, но оно есть...

— Последние урды на берегу, Адана, — прошептал Регор. — Мы должны идти.

— Иди с Регором и Хуоном, — сказала Мать. — Они найдут тебе занятие. И будь уверен: Нимир тебя не получит. Я обещала тебе это. И теперь я, Адана, подтверждаю обещание.

Неожиданно она наклонилась и поцеловала его в лоб.

— Разбуди Суарру, — сказала она, — попрощайся с ней и быстро уходи. И если мы больше не увидимся — я любила тебя, дитя.

Она снова поцеловала его и оттолкнула от себя. Он склонился над спящей девушкой. Она открыла сонные глаза, посмотрела на него, обняла за шею и прижалась губами.

— Я спала, — прошептала она полусонно. — Уже рассвет?

— Да, мое сердце, — ответил он ей. — Я должен идти с Регором и Хуоном вниз в храм...

— В храм! — Она села, сразу проснувшись. — Но я думала, ты будешь здесь. Со мной. Мать...

— Не бойся, дорогая. — Он рассмеялся, и только Адана знала, чего стоил ему этот смех. — У меня есть привычка возвращаться к тебе.

Регор коснулся его плеча. Грейдон мягко оторвал от себя руки девушки, еще раз поцеловал ее и быстро пошел между гигантом и Хуоном. Он последний раз взглянул на Суарру, когда лифт пошел вниз. Суарра прислонилась к груди женщины-змеи, в глазах ее было сомнение.

26. РАГНАРОК[1] В Ю-АТЛАНЧИ

Лишь часть из того, что происходило в последующие ужасные часы, Грейдон видел собственными глазами. Полную картину ему пришлось восстанавливать по рассказам других.

Втроем они быстро шли, задержавшись только, чтобы Грейдон захватил патроны. И пришли к входу в тронный зал. Здесь Регор остановился.

— Мы уничтожили все открывающие механизмы во всех туннелях, ведущих в храм, за одним исключением, — резко начал он. — А этот единственный вход силой взять нельзя. Это приказ Матери. Если только она чего-то не предусмотрела... а иначе нас нельзя захватить врасплох изнутри. Поэтому Нимир и Лантлу постараются выманить нас из храма туда, где у них ксинли и урды. Мы должны предотвратить это.

За прошедшую ночь мы построили крепкие баррикады на большой лестнице. Вокруг всего храма на трех террасах размещены войска. Если нападение будет сокрушительным, наши люди смогут вернуться в храм по лестницам, которые выброшены из окон, и через большие двери. У каждой двери и каждого окна стоят люди с копьями, луками и палицами. Хуон командует на баррикаде. Ты, Грейдон,

---

[1] Рагнарок — в скандинавской мифологии битва богов, последняя схватка, в которой боги своим могучим оружием уничтожают друг друга и весь мир. *(Прим. перев.)*

будешь рядом с ним. Если нападут верховые на динозаврах, стреляй из твоего оружия по всадникам. Если сможешь заставить ксинли повернуть на бегущих за ними, очень хорошо. В худшем случае ксинли без всадников принесут Лантлу мало пользы. Нужно их перебить, вот и все. Мы не знаем, что приготовил Нимир. Над всеми нами Мать. Она, вероятно, знает. И у нее есть оружие, не менее страшное, чем то, что у Властителя Зла, в этом можешь не сомневаться. Не думаю, что это прощание, парень, — голос гиганта стал хриплым, — но если прощание... — он здоровой рукой прижал к себе Грейдона, пожал руку Хуона и ушел.

— Ты и я, Грейдон. — Голос Хуона был мрачен. — Помнишь, что я сказал тебе, когда ты отправился в пещеру женщины-лягушки? Ты и я вместе — под красным небом, с которого падают ледяные тени и сражаются с огненными. Час настал, и я рад. Смотри.

Он указал на высокое окно, из которого выглядывали с десяток лучников. Сквозь окно виднелся участок неба. Облачный потолок больше не был серо-стальным. Он становился огненным, приобретал зловещий красный оттенок, который становился все ярче.

— Пошли! — сказал Хуон. Молча прошли они в большой вестибюль, из которого открывался выход из храма. Вестибюль был заполнен эмерами с луками, дубинами, мечами и копьями. Ими командовали человек двадцать из древней расы, вооруженные только мечами и палицами. Они ждали Хуона. При его приближении массивные металлические створки дверей распахнулись. Сквозь них двинулись воины, они выходили на обширную площадку, за которой начиналась лестница.

Вдоль парапетов трех террас стояли ряды воинов, как стены осажденного города. Поперек лестницы возвышалась двойная баррикада из каменных блоков. Эти две баррикады достигали высоты в шесть футов, нижняя находилась на самой нижней террасе, а вторая — в пятидесяти футах за первой. За каждой баррикадой блоки, на которых могли стоять защитники. Грейдон подумал, что это пятидесятифутовое пространство между баррикадами может стать ловушкой, и от всего сердца пожалел, что у него нет нескольких пулеметов. Их бы поместить наверху первой баррикады! Какую бойню они бы устроили!

Он сдержался: какой смысл думать в терминах современного военного дела, если противостоящие полководцы располагают оружием, о котором не подозревают ни рядовые, ни офицеры. Он прошел к первой баррикаде, снял ружье, выложил перед собой патроны и порылся в мешке с боеприпасами. Всего две сотни, с сожалением подумал он. Если тщательно целиться, это немало. Он зарядил магазин, а Хуон в это время размещал своих воинов.

Грейдон взглянул на берег озера. Видно очень плохо: краснова-

тый свет облачного покрова не позволял рассмотреть что-нибудь на таком расстоянии. Конечно, это дело Нимира. А где сам Нимир? Будет ли сражаться среди своих приверженцев или, подобно Матери-Змее, расположится в укрытии, оттуда направляя свои загадочные силы?

Нимир был уверен в победе. В чем-то он мог солгать, но в этом не лгал. Он считал, что победит. Не лучше ли перебраться через баррикаду, пойти к Властителю Зла и — сдаться ему? Пусть начнется немедленно адский эксперимент с его телом. Это заставит заключить перемирие, хотя бы временное. А после этого он смог бы бороться с Нимиром. А почему бы и нет? Стоит попытаться! Если он выиграет, спасет Суарру... и Мать... и Регора... доброго старину Регора. К чему вся эта бойня, если он может предотвратить ее?

Эти мысли, как шепот, текли в его мозг.

Шепот!

Грейдон вскрикнул и взял себя в руки. Шепот? Подобный шепоту Тени!

Женщина-Змея была права! Это Нимир — шепчет, соблазняет, искушает, лжет. Играет с ним! Слава Богу, она не позволила ему остаться с ней на крыше! Грейдон схватился за воротник, рванул его — ему показалось, он слышит хохот Властителя Зла.

Хуон схватил его за руку. Грейдон, дрожа, повернулся к нему, холодный пот выступил у него на лице.

— Хуон, — задыхаясь, сказал он, — если я побегу к врагу, если сделаю хоть что-то... не свое, бей меня по голове. Или проткни мечом, если понадобится.

— Не бойся, — серьезно ответил Хуон. — Я слежу за тобой: ты не будешь предан.

От храма донесся предупреждающий звук рогов. Далеко, на краю луга, началось движение, сверкала черная чешуя, тускло мерцала желтая кожа.

— Идут! — сказал Хуон и закричал своим людям. Его крик повторили по террасам. Зазвенели натягиваемые тетивы. Затем молчание, защитники храма смотрели на приближающегося врага.

Вначале нападающие двигались медленно. Впереди большие динозавры на расстоянии в пятьдесят футов друг от друга. Их всадники в кольчугах, лица закрыты забралами. Грейдон не пробовал раньше пробить пулей такое вооружение и не знал, можно ли его прострелить; подумал, что если и не прострелит, то удар пули все равно свалит всадника.

За динозаврами теснились орды людей-ящеров. Поистине орды: по шесть в глубину и длинной линией в тысячу футов. Если у урдов и были предводители, то они ничем не выделялись. Они шли за черными

ящерами, их красные глаза сверкали, головы они выставили вперед, когти вытянули.

В ста ярдах за урдами шли стройные ряды индейцев в зеленом, предводительствуемые аристократами.

Грейдону показалось, что он понял замысел нападения. Не тонкая стратегия, а тяжелый удар. Огромные динозавры, неуязвимые для стрел, копий и мечей, если только не очень большая удача, должны были, как таран, прорвать ряды защитников. В брешь устремятся урды, которых трудно убить, у которых отравленные когти и клыки... По расчищенному пути в храм врываются эмеры и аристократы Лантлу... Но где сам Лантлу и его охотничьи своры?

Из приближающихся рядов послышались звуки труб. Черные динозавры с громовым топотом перешли на бег. Вперед, как желтая свистящая волна прибоя, покатились ящеролюди. Они накатились на храм.

С его крыши обрушился водопад молочного света. И сразу весь воздух заполнился звуками рогов крылатых змей!

Мгновенно бег динозавров и урдов замедлился. Треть всадников полетела из седел, как будто схваченная арканами. Невидимые кольца крылатых вестников стащили их на землю.

Среди ящеролюдей началось беспорядочное движение. Они с шипением приседали, прыгали, уклонялись, ударяли острыми когтями; кое-где им удавалось поймать вестников, стащить их на землю, рвать когтями и клыками, как показывали их хаотические движения. Но и сами урды гибли сотнями, пронзенные клювами-рапирами.

Половина всадников упала со спин динозавров. Да и динозавры подверглись нападению. Грейдон видел, как они отчаянно отмахиваются передними лапами, свистят в гневе, размахивают длинными шеями.

Один из них повернулся, еще один, и еще. Они побежали назад, топча ящеролюдей. Шедшие сзади индейцы остановились, дрогнули, нарушили строй, чтобы уйти с пути динозавров. Аристократы пытались ухватить динозавров за узду, подчинить их себе. Многим это удалось, но несколько ю-атланчи были раздавлены, прежде чем сумели что-либо сделать.

С храма послышался призывный звук труб. Слева ему ответили другие трубы. По лугу скакал отряд всадников-эмеров в голубых килтах; во главе их затянутые в кольчуги аристократы в голубых плащах — цвет Матери. До сих пор они скрывались, и при виде их натиска кровь в ушах Грейдона победно зазвенела. Передняя линия защитников опустилась на колени. Дождь стрел обрушился на дрогнувшие ряды солдат Лантлу. Защитники встали, устремились вперед и, как волна, ударили по одетым в зеленое индейцам.

Теперь на лугу развертывались два сражения: крылатые змеи против ксинли и урдов и за ними смешанные линии эмеров и аристократов.

По всему храму звучали торжествующие крики.

Издали, от пещер, раздалось громкое гудение, звук поднимался высоко, переходил в вопль, раздирающий уши; потом опускался ниже уровня слуха, становился неслышимым звуком, потрясая мозг и каждый нерв чуть не до безумия. Гудение приближалось со скоростью снаряда. Оно остановилось прямо над храмом. Вверх до сводящей с ума ноты и вниз, и опять вверх и вниз...

Неожиданно все пространство между землей и небом заполнилось лучами тусклого красного света. Они казались неподвижными, застывшими, эти лучи, и бороздчатыми. Они разрывали зрение, как гудение разрывало мозг.

Но Грейдон этого тогда не знал. Он ничего не чувствовал; доводящее до безумия гудение для него было лишь жужжанием большого волчка и ничем больше; красные лучи тоже пощадили его.

Не понимая, он смотрел, как меч выпал из рук Хуона, увидел, как Хуон пошатнулся, схватился руками за глаза...

И увидел, как в этом необъяснимом, жестком свете стали видны крылатые змеи. Вестники Матери, не защищенные больше своим плащом невидимости!

Теперь они превратились в черные фигуры, захваченные лучами. Они ослепли. Дергаясь, сталкиваясь, отшатываясь друг от друга, они падали. Маленькие и большие, извиваясь, они попадали в когти урдов, ящеролюдей, на которых, как и на Грейдона, не действовали свет и звук.

В храме свет и звук вызвали приступ безумия, как будто здесь, в центре их действия, оно усиливалось. В измученном мозгу у всех было только одно стремление — вырваться наружу, бежать и бежать, подальше от гудения и жгучих лучей. Огромные двери распахнулись. Из них выбегали аристократы и эмеры, мужчины и женщины. Они выпрыгивали из окон...

Их вымело из храма, как и пообещал Властитель Зла!

Сквозь гудение донесся отвратительный шепот, адский свист. Грейдон понял, что это, еще до того, как увидел. Своры охотничьих динозавров. Изумрудные и сапфировые чешуйки блестели в алом свете, алые глаза сверкали; динозавры вырвались из укрытия в зарослях и рассыпались по лугу между храмом и городом. Перед ними ехал Лантлу, один, верхом на ксинли. С криком он поскакал к лестнице.

Грейдон сбросил с себя оцепенение, поднял ружье; с проклятием посылал он пулю за пулей в хозяина своры. Нетронутый, невредимый Лантлу приближался, за ним свора.

Из святилища женщины-змеи на крыше храма вылетел один из огромных серебряных шаров; вслед за ним остальные. Они остановились и повисли тысячефутовым кругом над равниной, потом начали пульсировать нестерпимо ярким белым сиянием; пульсируя, они расширялись, превратились в корону из маленьких сияющих солнц, которые своими белыми лучами пронзали тусклые красные лучи.

Внезапно гудение стихло. Кончилась суматоха среди крылатых змей. Они снова стали невидимыми. Кончилась пытка для глаз, ушей, мозга.

Теперь наступила очередь Грейдона испытать боль. Белое сияние жгло ему глаза, кололо иглами мозг. И в этой пытке он был вместе с урдами, ксинли и теми из старой расы, кто носил воротники Нимира. От гудения и красных лучей воротник защитил его, но не от воздействия оружия женщины-змеи. Прежде чем боль завладела им, швырнула его лицом на землю, с руками, крепко зажавшими глаза, он успел увидеть, как верховой динозавр Лантлу отступил, вырвал голову из узды, рванул грузные удила и с криком слепо понесся назад. Видел, как Лантлу вылетел из седла, с кошачьей ловкостью приземлился на ноги и пошатнулся, закрыв лицо руками. Увидел, как беспорядочно бегали во все стороны ящеролюди, падая под ударами невидимых вестников.

На ксинли и урдов набросились воины храма, они сбивали ящеролюдей своими палицами, пронзали чудовищ мечами, били в уязвимые места копьями, убивали любимую свору Лантлу.

Все внимание Хуона было занято битвой, он забыл о Грейдоне. Прыгнул к баррикаде, был уже на полпути до нее, когда повернулся и поискал взглядом Грейдона. Только мгновение он колебался между заботой о Грейдоне и своей ненавистью к Лантлу. Бросился обратно, поднял Грейдона на руки, понес в храм...

Ветер, холодный, как космическое пространство, поднялся вокруг. При его дуновении боль Грейдона прошла. Он вырвался из рук Хуона. Они стояли, глядя на светящиеся шары. Шары заметно потускнели. Вокруг них собиралась темная оболочка. Она становилась все плотнее.

Шары погасли!

Вдвоем они прыгнули к баррикаде. У основания лестницы с окровавленным мечом рядом с телом аристократа в голубом стоял Лантлу, как и Грейдон, освободившийся от пытки.

А по всему лугу эмеры, аристократы, урды сцеплялись в смертельных схватках. Из охотничьей своры не осталось ни одного. Исчез и гигант ксинли.

Грейдон поднял ружье, тщательно прицелился. Прежде чем он успел нажать курок, Хуон выбил ружье из его рук.

— Его убью я! Не ты! — воскликнул он и с мечом в руке побежал вниз по лестнице туда, где с оскаленными зубами, с обнаженным кровавым мечом его ждал хозяин динозавров.

Алое небо запульсировало — раз, два, три, будто гигантское сердце. Вниз, подобно огромным летучим мышам, упали черные тени. И все сильнее и сильнее становился холод.

Мгновение Грейдон смотрел на ужасное низвержение. Тени сгущались под пологом алого тумана. Они были бесформенными, но очень плотными, словно оторванными от плаща глубокой ночи. Они падали, вращаясь в падении. Падали, как быстрый снег с дождем. Падали по всей равнине, и на ящеролюдей, и на эмеров, и на аристократов.

Грейдон услышал звон меча о меч и увидел, как сражаются Хуон и Лантлу.

Между ним и этой парой появился клубок дерущихся урдов и индейцев. На них упала тень, охватила их, скрыла, взлетела снова. Он посмотрел на маленькую группу, которую она покрывала. Урды и эмеры больше не дрались. Они стояли неподвижно, оцепенело. Покачнулись. Упали. Он побежал по ступеням, склонился к ним. Трава почернела, как от огня. Он коснулся дравшихся. Они застыли и были холодны, как лед. Он коснулся земли. Она тоже замерзла.

Он посмотрел на Хуона. Меч Хуона опустился на правую руку Лантлу. Попал и наполовину перерубил ее. Хозяин динозавров завыл, отскочил, перехватил оружие в левую руку, прежде чем оно выпало. Не обращая внимания на рану, он бросился на Хуона.

Хуон, уклоняясь от удара, сделал шаг в сторону и, когда Лантлу повернулся к нему, пронзил его живот и быстрым движением снизу вверх распорол до груди.

Хозяин динозавров уронил меч, посмотрел на своего убийцу, схватив руками живот; сквозь его пальцы струилась кровь. Он опустился на колени. Упал вперед...

Молча опустилась тень. Охватила обоих.

Грейдон услышал страшный крик и понял, что это кричит он сам; побежал вперед.

Тень поднялась, отскочив от него при этом, взлетела в небо. Хуон стоял неподвижно, глядя на своего врага.

— Хуон! — закричал Грейдон и коснулся его плеча. Оно было ледяным.

При этом прикосновении Хуон упал на тело Лантлу.

Грейдон тупо осмотрелся.

Что это за огни? Крылатые фигуры из зеленоватого пламени с невыносимо сверкающим центром... они возникают в воздухе, пульси-

руют в нем... они схватываются с тенями... Огненные формы сражаются со смертоносными тенями... а Хуон мертвый лежит у его ног под алым небом.

Хуон предсказал это. Когда же это было? Века и века назад.

Мозг Грейдона отупел. И отчаяние, черное отчаяние, от которого останавливается сердце и перехватывает дыхание, нахлынуло на него. Откуда этот черный поток... он никогда ничего подобного не чувствовал. И ненависть... холодная ненависть, холодная и неумолимая, как эти смертоносные тени... она питается его отчаянием. За кем это он охотится... и почему? Если бы только стряхнуть это оцепенение с мозга!

Проклятые огненные фигуры! Они повсюду. И как налетают... Эмеры и урды, и отродье древней расы... Мои люди бегут, они побеждены! Мои люди... но что это значит? Какие его люди? Дьявольский свет!.. Дьявольский привет!.. А хорошая рифма! И как будто продвижение этой оцепенелости приостановилось. Надо попробовать еще. Пепел и тень лежат в пыли, справиться с тобой они не смогли. Ну... это не помогает. Но что это с его головой? Бедный Хуон... Знает ли Суарра, что я здесь... Где же Нимир... а, теперь он понял, кого так ненавидит... женщину-змею... проклятое чудовище... Да, Темный Хозяин, я иду!

Дьявол! Что его заставило это сказать? Крепись, Ник Грейдон... Ник Грейдон из Филадельфии, выпускник Гарвардской высшей геологической школы, США... крепись!.. Да, да, Темный Хозяин... я... иду!

Рука обняла его. Он отшатнулся с рычанием. Но... это Регор.

Регор! Часть смертоносной онемелости опять оставила мозг.

— Моя голова... Регор! Что-то с головой!

— Да, да, парень. Идем со мной. С Регором. К Суарре.

Суарра! Ну, конечно, он пойдет с Регором к Суарре. Но не к женщине-змее! Нет, нет! Не к ней... она вообще не человек... Нет, не к ней, Темный Хозяин...

Как он оказался в храме? Какого дьявола ему здесь нужно? Что-то потянуло его за воротник. Вытягивало его. Он не пойдет! Откуда эта немота? А, от воротника. Ему надо уходить. Но сначала он расскажет Суарре. Где же она? Нет, не к женщине-змее! Нет, Темный Хозяин, я не... как хорошо, когда руки Суарры вокруг тебя... голова на ее груди...

— Держи его крепко, Суарра, — негромко сказала Мать. — Целуй его. Разговаривай с ним. Делай что угодно... но пусть он будет занят тобой. Кон!

Из тени появился человек-паук, печально посмотрел на бормочущего Грейдона.

— Следи за ним внимательно, Регор. Кон поможет тебе удержать его. Когда его позовут с полной мощью, его силы иссякнут. Если потребуется, свяжите его. Но я бы не хотела этого... у меня есть причины. Но Нимир его не получит. А, я этого боялась! Готовься, Тиддо!

Зеленый свет, ярче дневного, заполнил Запретную землю. Смертоносные тени исчезли, алый свет в облаках погас. На лугу между храмом и озером возник столб сверкающего зеленого огня. Поднимаясь, он ревел. Пульсировал в медленном регулярном ритме. Вокруг него, над его вершиной, у его основания сверкали молнии, гремел гром, как потоки разбивающегося стекла.

Под этим ужасающим блеском сражающиеся на лугу застыли и стояли неподвижно, потом в панике бросились к укрытиям.

Отовсюду крылатые огненные фигуры понеслись к столбу, сливались с ним, питали его.

— Его последняя ставка, Тиддо, — прошептала женщина-змея. — И, может, лучшая.

Властитель Глупости кивнул и встал возле устройства с хрустальными стержнями. Завертелись два больших диска. Женщина-змея скользнула к одному, к другому, управляя рычагами в их основании. Их скорость постепенно замедлялась.

— Да помогут мне мои предки! — прошептала женщина-змея.

Еще медленнее вращались диски. И все меньше становилось огненных фигур, питавших столб. Они совсем перестали появляться.

Пульсирующая колонна задрожала, покачнулась и с громовым ревом подпрыгнула на сто футов. Она упала на амфитеатр создателей снов. С ревом подпрыгнула снова — с того места, где раньше был амфитеатр.

На этот раз она прыгнула выше. И опустилась среди деревьев города. И снова громовой удар...

Диски застыли. Столб огня устремился к храму.

— Пора! — закричала женщина-змея Властителю Глупости. Над механизмом, которым он управлял, развернулся гигантский фиолетовый веер — и понесся прямо к наступающей колонне. Встретился с ней. Смешался. Столб наклонился, изогнулся. Он пытался освободиться, как живое существо.

Послышался страшный крик, громовой удар, будто обрушилась гора.

И затем тьма и немая тишина.

— Хорошо сделано, — выдохнула Мать. — И слава предкам, что сделано!

Грейдон поднял голову с груди Суарры. Лицо его побледнело и осунулось, глаза были обращены внутрь, так что зрачков почти не было видно. Он, казалось, к чему-то прислушивается.

Женщина-змея скользнула к нему, внимательно всмотрелась. Его губы шевельнулись:

— Да, Темный Хозяин, я слышу!

— Кризис близок. Держи его, Регор. Нет, пусть его держит Кон. — Она подползла к своему сундуку, достала систр с ртутным шаром и еще один, больший и окруженный множеством бусинок из того же блестящего материала. Достала оттуда же короткую хрустальную трубку, в которой горело пурпурное пламя, как в брусе, который Властитель Глупости использовал в пещере Утраченной Мудрости. Второй систр она протянула ему.

Человек-паук поднял Грейдона на руки. Грейдон лежал неподвижно, по-прежнему прислушиваясь. Мать повернулась к нему.

— Регор, — быстро зашептала она, — оставайся рядом с Суаррой. Нет, дитя, плакать, молить бесполезно. Тебе со мной нельзя. Стой спокойно! — строго сказала она, когда девушка подняла умоляюще руки. — Я спасу твоего любимого. И прикончу Нимира. Регор, Кона я беру с собой. А теперь быстро...

Она пощелкала человеку-пауку. Неся Грейдона, тот ступил в лифт. Она тоже скользнула туда, свернулась, давая место Властителю Глупости. Лифт начал опускаться. Они вышли из него в коридор.

Тело Грейдона изогнулось дугой.

— Слышу! Иду, Темный Хозяин! — воскликнул он, вырываясь из рук Кона.

— Да, — зашипела женщина-змея. — Но ко мне, не к Нимиру. Кон, отпусти его. Пусть идет.

Грейдон, все еще глядя в себя, поворачивал голову, как собака в поисках запаха. И побежал по коридору прямо к выходу из храма.

За ним, в одной руке подняв систр, в другой держа трубку с фиолетовым огнем, устремилась женщина-змея, без всяких усилий держась с ним наравне, а за ней, столь же легко, Властитель Глупости и Кон. Они выбежали в коридор, ведущий в тронный зал. Из систра вырвался тонкий луч. Он коснулся головы Грейдона. Грейдон пошатнулся, повернул. Снова вылетел луч, на этот раз коснувшись стены над головой Грейдона. Поднялся каменный занавес, открыв проход. Снова луч коснулся Грейдона, который вбежал в проход.

— Хорошо! — выдохнула Мать.

Еще дважды луч из систра открывал проходы. Грейдон продол-

жал бежать. Он поворачивал голову, не оглядываясь, по-видимому, и не подозревал о троих, следующих за ним. Странное, должно быть, зрелище: бегущий человек, за ним, развернув в полную длину свои перламутровые кольца, скользит женщина-змея, высоко подняв изящную голову и тело, рядом алая многорукая фигура человека-паука, древнее мудрое лицо Властителя Глупости со сверкающими юными глазами.

Все вперед и вперед бежал Грейдон, как соломинка, втянутая в водоворот, как железный опилок к магниту.

— Адана, разве Нимир не узнает, что мы идем за ним? — спросил Властитель Глупости, дыхание его было спокойно.

— Нет, — так же спокойно ответила Мать. — Когда Нимир скрылся от моей мысли, он и меня при этом перестал видеть. Он видит меня не лучше, чем я его. Он влечет к себе этого человека, но не знает, как тот идет. Только — что он идет.

— Он бежит быстрее, — сказал Властитель Глупости.

— Он приближается к Нимиру, — ответила женщина-змея. — Не я веду его, Тиддо, он ведет меня. Все, что я делаю, — лишь открываю ему кратчайший путь к тому, кто его призывает. Ага, я так и думала!

Грейдон бежал прямо к стене. При прикосновении луча из систра камень поднялся, оттуда показался ржаво-красный свет.

Они пришли в логово Тени.

Все быстрее бежал Грейдон, стремительная тень в тумане. Вверх вздымался темный утес. Вдоль него побежал Грейдон. Утес кончился. Грейдон обогнул его край. Экран, возвышение, черный трон.

На полу пещеры, распростершись на животах, лежат сотни урдов, самки и дети ящеролюдей и те, кто пережил Рагнарок у храма и сумел убежать в красную пещеру. С их мускусным запахом смешивается отвратительный запах сада Тени.

И на черном троне сидит Нимир!

— Темный Хозяин, я здесь! — Голос Грейдона лишен выражения; он остановился, ожидая приказа.

Бледные глаза Нимира оторвались от созерцания пресмыкающихся орд. Его чудовищное тело раздулось, поднялось на троне, длинные бесформенные руки жадно протянулись вперед, лицо вспыхнуло торжеством.

— Иди! — прошептал он, и, как будто в его мышцы вставили пружины, Грейдон подпрыгнул к возвышению.

— Нет! — послышался резкий возглас женщины-змеи. Из систра в ее руке вылетел тонкий луч, коснулся головы Грейдона. Тот повернулся и упал, почти у ног Нимира.

Взгляд Властителя Зла упал на женщину-змею, Нимир неожиданно увидел ее, как будто распахнулся некий занавес, разделявший их. Глаза его устремились к Властителю Глупости, к человеку-пауку, и в них вспыхнул адский огонь.

Рука его метнулась к поясу, извлекла оттуда что-то похожее на застывшее зеленое пламя. Прежде чем он смог поднять этот предмет, женщина-змея направила на него трубку, которую держала в левой руке. Из нее устремился вибрирующий фиолетовый луч. Он ударил в руку Нимира и в то, что держала эта рука. Последовал звенящий взрыв, облако сверкающих пурпурных частиц завертелось вокруг Нимира, закрыв и его, и его трон.

Женщина-змея выхватила у Властителя Глупости больший систр. Из многочисленных маленьких шаров вырвалось лунное сияние, собралось в трехдюймовую сферу невероятной яркости. Сфера устремилась к сгустившемуся пурпурному туману на уровне головы Нимира — и прошла насквозь. Она ударилась о резной каменный экран и расплылась по его поверхности. От одной стороны до другой, от верха до низа экран раскололся и обрушился грудой обломков.

На его месте зиял черный туннель.

При прикосновении сферы пурпурный туман рассеялся. Низко наклонив голову, прижавшись к полу, сидел Нимир, не тронутый снарядом Матери. Прежде чем она смогла выпустить другой, Нимир схватил тело Грейдона, бросил его себе на спину, как плащ, держа через плечи руками, и прыгнул во тьму туннеля.

Женщина-змея яростно зашипела. Высоко на кольцах поднялось ее тело. Его сверкающая протяженность перетекла через край возвышения и — в туннель. За ней — Властитель Глупости и Кон.

Им не нужен был свет: для этих троих, как и для Нимира, тьма и свет были одинаково проницаемы. Неожиданно на фоне конца туннеля показалась силуэтом чудовищная фигура Нимира. Она стала смутной и исчезла...

Коридор кончился в пещере Лика. Он кончался у вершины той циклопической лестницы, которая вела к Лику. Доведенный до отчаяния, преследуемый, Нимир вернулся к своей темнице.

Здесь женщина-змея остановилась. На середине лестницы прыгал Нимир, прочно, как щит, держа живое тело. На них сквозь бурю светящихся атомов, исходящих от стен, смотрел большой Лик. Из-под кольца на его лбу капал золотой пот. Из глаз текли золотые слезы, а из опущенных уголков рта сочилась золотая слюна.

Глаза Лика, огромные, тусклые жемчужины, были безжизненны. Они сверкали, но оставались пустыми. Никакой пленник не смотрел через них. Исчезло все могущество призыва, исчезли все хитрые обещания господства. Лик смотрел равнодушно, невидящими глазами,

над головой Нимира, Нимира, который так долго, так долго жил в нем.

Из горла женщины-змеи послышался звук рога. Ему ответили снизу, оттуда, где пол пещеры уходил в немыслимую пропасть. Из пространства над пропастью появилась пара крылатых змей.

Одна из змей опустилась на плечи Властителя Зла, крыльями закрывая ему глаза. Другая обернула кольца вокруг его ног.

Властитель Зла пошатнулся, уронил Грейдона, начал бить по крыльям.

Кольца плотнее стянули его ноги. Властитель Зла упал.

Покатился по ступеням. Тело Грейдона неподвижно лежало на том месте, куда упало.

Женщина-змея щелкнула. Человек-паук устремился вниз по ступеням, подобрал Грейдона, вернулся с ним и опустил рядом с ней.

Бьющие крылья и сжимающие кольца оставили Нимира. Он встал. Запрыгал к Лику.

Достиг подбородка. Обернулся, глядя на Мать. И рядом оказались два Властителя Зла. Большое каменное лицо, безжизненное, равнодушное, — и его миниатюрная копия, живая, из переплетенных ржавых атомов.

Властитель Зла прижался к каменному подбородку, расставив руки, глядя на женщину-змею. В его глазах не было ни страха, ни просьбы о милости.

Только ненависть — и безжалостная угроза. Он не сказал ни слова, она тоже.

Властитель Зла повернулся. Как большая лягушка, запрыгал вверх по камню.

Женщина-змея подняла систр. Оттуда вылетела светящаяся сфера. За ней еще одна, и еще. Первая ударила Лик прямо в лоб, остальные две почти одновременно — в глаза и рот.

Они взорвались и разлетелись брызгами. Вырвались белые языки пламени. Лик, казалось, гримасничает, он исказился. Каменный рот изогнулся.

Вылетела четвертая сфера. Она ударила по телу карабкавшегося Властителя Зла, и эта взбирающаяся фигура, и сам Лик скрылись в языках белых молний.

Они исчезли, эти языки.

Исчез и Лик в бездне! Только гладкая поверхность черного камня.

Исчез Властитель Зла! Только груда ржавого пепла на обожженной скале. Эта груда вздрогнула. Казалось, она пытается сдвинуться выше.

В нее ударил еще один сверкающий шар. Белые языки лизнули ее...

Скала была чиста!

Все новые и новые сверкающие сферы вылетали из систра. Они ударяли в стены пещеры, и ураган светящихся атомов стихал. Драгоценные плоды и цветы на стенах потускнели и упали.

Все темнее и темнее становилось в пещере, где раньше находился Лик в бездне.

Все гуще тьма, охватывавшая ее.

Голос женщины-змеи поднялся в одном длинном, резком, призывном звуке торжества.

Она поманила человека-паука и указала на Грейдона. Повернулась спиной к черной могиле Властителя Зла. Нырнула в коридор.

За ней последовали Властитель Глупости и Кон, прижимавший к своей алой груди Грейдона, как ребенка, утешавший его неслышными словами.

27. ПРОЩАНИЕ МАТЕРИ-ЗМЕИ

Только через пять дней Грейдон пришел в себя. Все эти дни он лежал в жилище Матери-Змеи, за ним ухаживала Суарра. И Мать не снимала с него воротник Нимира.

— Я еще не уверена, — сказала она девушке и Регору, которые просили ее снять воротник, избавить Грейдона от него. — Он не повредит ему. А если появится угроза, я тут же его сниму, обещаю вам. Но это была связь, и прочная, между ним и Нимиром, и, может, она еще действует. Я все еще не уверена, что Нимир полностью поглощен той силой, что унесла его. Не знаю, чем была эта Тень. Но если что-то от Нимира сохранилось, то оно будет привлечено сюда, постарается воспользоваться Грейдоном. Тогда я увижу, какой силой это нечто обладает. Если ничто от Нимира не сохранилось, воротник не повредит. Но пока я не уверена, он его не снимет.

Это закончило спор. Первый день Грейдон был беспокоен, говорил о Темном Хозяине, прислушивался к каким-то неслышным словам, время от времени разговаривал с кем-то невидимым. Относилось ли это к какому-то неосязаемому следу Нимира или к собственному больному сознанию Грейдона, знала только Мать. К началу второй ночи его беспокойство усилилось, шептать он стал чаще. Время от времени Мать подходила, сворачивалась рядом, поднимала его веки, внимательно вглядывалась в глаза. Когда его беспокойство достигло пика, она и Регор положили Грейдона обнаженным в ее гнезде из подушек. Мать взяла малый систр и держала над его головой. Из него поли-

лось мягкое сияние. Она провела систром вдоль всего тела, с головы до ног купая его в этом сиянии. На третий день Грейдон стал гораздо спокойнее. В эту ночь Мать опять внимательно осмотрела его, кивнула, как будто удовлетворенная, и направила сильный луч систра на воротник. Грейдон слабо застонал и поднял, защищаясь, дрожащие руки.

— Держи его руки, Регор, — невыразительно сказала Мать. Из систра вылетел еще более сильный луч. Воротник Властителя Зла утратил свой тусклый блеск, стал безжизненно коричневым. Она взяла его в руки и сломала. В ее пальцах он превратился в груду пыли. Грейдон немедленно расслабился и уснул нормальным сном.

На утро пятого дня он проснулся. Рядом с ним были Суарра и Регор. Он попытался встать, но был еще очень слаб. Все силы покинули его. Разум, однако, был совершенно ясен.

— Я знаю все ваши возражения, — сказал он им, слабо улыбаясь и крепко держась за Суарру. — Не нужно. Я чувствую себя так, будто меня пропустили через десяток жерновов. Мне хуже, чем в аду. И тем не менее я не закрою глаз, пока не буду знать, что происходило в эти дни. Прежде всего — что случилось с Нимиром?

Они рассказали ему о преследованиях Властителя Зла и о его конце в пещере Лика, как им самим рассказала об этом Мать.

— А потом, — сказал Регор, — она взорвала туннель, через который прошел Нимир, закрыла его навсегда. Уничтожила трон Нимира и возвышение. Полностью уничтожила его странный сад. Растения извивались и кричали, когда их лизали языки белой молнии.

— Злой это был сад, — сказала Суарра. — Непредставимо злой, так говорила мне Мать. Только за его создание Нимир заслуживал уничтожения. Но как он его создал, с какой целью, как собирался использовать, об этом Мать ничего мне не сказала.

— Урды разбежались из красной пещеры, — продолжал рассказ Регор. — Бежали те, что уцелели, и спрятались в своих глубоких логовах. И вот трое вернулись в храм, неся тебя. На следующий день Мать осмотрела, что осталось в древней Ю-Атланчи. Из защитников храма не больше ста из древней расы. Те, что поддерживали Лантлу, — примерно восемьдесят человек, — прислали вестника к Матери, предложили мир и покорность. Мать приказала им прийти, казнила десятерых, а остальных простила. Я думаю, есть еще немало других, которые знают, что не могут ждать пощады, они скрываются в пещерах и лесах, они стали отверженными, какими были мы до твоего прихода, Грейдон. Она разбудила создателей снов, которые и не заметили битву, и привела их в тронный зал. Вернее, привела большинство, потому что нескольких велела убить на месте. Она предоставила им выбор: отказаться от снов и открыть Двери Жизни и Смерти —

или умереть. Около пятидесяти предпочли жизнь. Остальные не захотели. Им разрешили вернуться домой, погрузиться в свои любимые призрачные миры, и вскоре эти миры вместе с ними прекратили существование. Из крылатых змей, вестников Матери, выжило не больше четверти. Эмеров осталось около тысячи — мужчин, я имею в виду. В основном это те, кто не принимал участия в битве. Наши воины и воины Лантлу погибли почти поголовно. Тени Нимира и огни Матери не делали различия между друзьями и врагами. Два дня назад по приказу Аданы войско этих эмеров отправилось в пещеры на поиски и истребление оставшихся урдов. Да, и еще выжили с полдесятка охотничьих ксинли и столько же верховых. Первых мы выследили и убили, вторых сохранили.

Кажется, все. Жизнь в Ю-Атланчи мы начинаем заново с тремя сотнями людей из древней расы, из которых свыше половины женщины. Все мы поэтому волей-неволей отказались от бессмертия. Мать сама позаботилась, чтобы обе Двери широко раскрылись. Впрочем, — задумчиво добавил Регор, — свыше половины женщин лучше, чем наоборот.

Грейдон закрыл глаза; лежал, обдумывая услышанное. Начав действовать, женщина-змея действовала весьма эффективно. Безжалостно! Он представил себе создателей снов, гибнущих посреди своих миражей, таких реальных для них. Он надеялся, что та из них, которая создала удивительный мир красок, предпочла жизнь. Гудение и огни, вызывающие безумие, как Нимир их создал? Какие-то преобразования инфракрасных лучей, вероятно. Световые волны низкой частоты, переходящие на грани в звуковые колебания. Он был уверен, что в этом явлении свет и звук были тесно связаны. А маленькая солнечная корона Матери? Использование других световых лучей, уничтоживших Нимира. Но почему воротник спасал его от одного вида лучей и не спасал от другого? Вероятно, какой-то вид передатчика, настроенный на волну Нимира... ну, с этим покончено...

Он снова уснул.

Несколько дней он не видел женщину-змею. Она была в пещерах, сказала Суарра, вместе с Властителем Глупости и Коном, ее несли в носилках индианки и охраняли крылатые вестники. Силы медленно возвращались к Грейдону. Однажды его вынесли в носилках Суарры, девушка шла рядом. Некогда цветущая равнина между храмом и озером почернела и опустела, сожженная ледяными тенями и прыгающим огненным столбом. На месте амфитеатра создателей снов только неосязаемая пыль. Многие деревья вдоль луга мертвы или умирают. А там, где столб обрушился на город, круглая дыра диаметром в две тысячи футов; здесь все живое, вся растительность, все постройки превратились все в ту же неосязаемую пыль.

Он спросил Суарру, что сделали с мертвыми. Эмеры собрали их в большие груды, ответила Суарра; потом превратили в ту же пыль установкой, возведенной Матерью; Хуон лежит рядом со своими предками в пещере мертвых.

Грейдон попросил отнести его назад в храм; приходил в себя в тишине и мире тронного зала.

На следующий день вернулась Мать; в течение следующей недели Грейдон ежедневно проводил с нею многие часы; отвечал на ее бесчисленные вопросы, рассказывал подробности о жизни людей за барьером, объяснял их обычаи и стремления; на этот раз рассказывал и о войнах, и о богах, о долгой истории человечества с той поры, как двадцать пять тысяч лет назад в пещерах погасли костры кроманьонцев. Он рассказывал о расах, белой и черной, желтой и коричневой, об условиях их жизни и обычаях; рассказывал об ужасном коммунистическом эксперименте русских, о волнениях в Китае и Индии.

Потом на какое-то время она прекратила расспросы и в свою очередь рассказывала ему о забытой цивилизации, которую возглавляла ее раса, о том, как она возникла; о других утраченных цивилизациях и расах, погребенных под пылью времени; рассказывала о достижениях науки, которые превосходили современные, как геометрия Эйнштейна превосходит Эвклидову; объясняла ошеломляющие концепции материи и энергии.

— В том, что ты видел, — говорила она ему, — нет ни магии, ни колдовства. Все, что ты видел, каждое явление — это лишь сознательное использование чисто природных сил, мой Грейдон. Убивающие тени? — Некая энергия, которой Нимир управлял при помощи механических действий. Говоря понятными тебе словами, водовороты эфира, участки универсального энергетического океана, из которого исходит вся материальная энергия, вся энергия мысли. Огненные формы, которые я вызвала на помощь? Другая форма обузданной энергии, способная нейтрализовать первую. Огненный столб? Последний ход Нимира, именно его я опасалась. Создав его, он нарушил равновесие сил; он надеялся, что прежде, чем я овладею этой энергией, она сама, своим громадным количеством, овладеет мной. И он чуть не оказался прав!

Некоторое время она молчала; потом как будто пришла к решению; приподнялась.

— Иди к Суарре, дитя, — сказала она. — Развлекайтесь. Быстрее поправляйся. Два дня вы мне будете не нужны.

А когда эти два дня прошли, Регор вызвал его к Матери. Грейдон застал ее в ее жилище, в гнезде из подушек, довольно созерцающей себя в зеркале; Суарра причесывала ее. Жилище казалось странно пустым, не было знакомых предметов. Глаза Суарры туманились не-

выплаканными слезами. Тут же находился Властитель Глупости. Мать отложила зеркало, протянула Грейдону руку для поцелуя.

— Я оставляю вас, дети, — сказала она без предисловий. — Я устала. Буду спать — долго-долго. Нет, не удивляйся и не печалься. Я не собираюсь умирать. Не знаю никакого другого мира, куда можно было бы уйти. Но я не хочу стариться. — Глаза ее сверкнули в ответ на явное неконтролируемое выражение удивления Грейдона при этом замечательном заявлении: ведь ей тысячи лет. — То есть, я не хочу выглядеть старой. Поэтому я усну и обновлюсь, обновлю и свою внешность. Таков обычай моего народа.

Вот что я решила. Вас в Ю-Атланчи осталось немного, это правда. Но скоро будет больше. В этом вашей расе можно довериться, если больше не в чем. Пусть тут правите вы с Регором, Тиддо вам поможет. Нимир ушел навсегда. Тех его сторонников, что уцелели, отверженных, — уничтожьте их поскорее. Пусть не останется ничего ни от Нимира, ни от Лантлу. Если кто-то из создателей снов примется за старое — убейте. В этом большая опасность... Суарра! Перестань реветь! Ты дернула меня за волосы!

Она снова взглянула в зеркало.

— Я уже сказала, — оживленно продолжала Мать, — что не собираюсь умирать. И не хочу, чтобы мне было неудобно во сне. Я не очень высокого мнения о. людях, о которых ты мне рассказывал, Грейдон. О, не сомневаюсь, что среди них есть и достойные, подобно тебе. Но в целом они раздражают меня, мягко говоря. Не хочу, чтобы они копались вокруг, пока я сплю, взрывали землю своей взрывчаткой, строили — какое ты причудливое слово использовал? — а, да, небоскребы — надо мной. Не хочу, чтобы они в поисках сокровищ обыскивали пещеры, искали вещи, которых им лучше не знать и с которыми, найдя, они не знали бы, как поступить. Я не допущу вторжения в Запретную землю. Поэтому за последние два дня я позаботилась, чтобы этого не случилось. Я уничтожила механизмы, взятые Нимиром из пещеры Утраченной Мудрости, включая тот, который производил тени. Я уничтожила два своих диска, которые вызывали огненные формы. Вам они не понадобятся; я надеюсь, мне тоже. И, Грейдон, я послала за барьер своих крылатых вестников — против ваших летающих машин, которые преодолевают все преграды. Они будут сбивать их безжалостно. Так же безжалостно они уничтожат переживших падение людей. Никто больше не увидит Ю-Атланчи, не сможет привести сюда толпы, которые... нарушат мой сон. Я так говорю, дитя, чтобы не повредить твоим чувствам. Это решено. И решено бесповоротно. И так оно и будет, — сказала женщина-змея, и Грейдон не усомнился, что как решительно она сказала это, так же решительно и безжалостно будет выполнен ее приказ. — И если благодаря како-

му-нибудь новому изобретению они победят моих вестников, Тиддо разбудит меня. А меня, Грейдон, они не победят. Это тоже несомненно.

Она снова взглянула в зеркало...

— Суарра, очень хорошо... Ах, но как я устала! — она зевнула, из яркого сердцевидного рта вылетел заостренный язычок. — Все это очень интересно, но утомительно. И мне кажется, — она снова взглянула в зеркало, — нет, я уверена, что у меня появились морщинки. А-а-ах! Пора спать!

Глаза ее с любовью остановились на плачущей девушке, они тоже затуманились. Как ни хотелось женщине-змее уйти, Грейдон почувствовал, что на самом деле ей это не так легко, как она показывает.

— Дети, — она обвила руками шею Суарры. — Идите со мной. По пути я должна закрыть комнату, где находятся Двери Жизни и Смерти. Вы это увидите.

Она кивнула Суарре. От прикосновения девушки стена, противоположная двери, раскрылась. В отверстии показалась алая фигура Кона, за ним еще четверо людей-пауков с носилками Матери. Женщина-змея в последний раз посмотрелась в зеркало, выползла из своего гнезда среди подушек. И вот — впереди Кон, Грейдон и Регор по обе стороны носилок, Суарра с Матерью в носилках, сзади Властитель Глупости — они прошли в соседнюю пустую комнату, а из нее на широкую рампу.

Рампа опускалась все вниз и вниз, глубоко под основание храма. Наконец в стене прохода показалась ниша. Здесь Мать сделала знак носильщикам. Они остановились. Она вытянула руку с малым систром. Слабый луч коснулся стены. Открылось овальное отверстие, как будто луч расплавил камень. Мать поманила Грейдона, отодвинулась, чтобы Суарра могла видеть.

Они увидели помещение, похожее на половину гигантской жемчужины. Круглый пол достигал двадцати ярдов в диаметре. Помещение было заполнено прозрачным розовым светом, в нем находились два овальных бассейна двадцати футов в длину и десяти в ширину. Между ними кушетка из черной стекловидной массы, с углублением, похожим по очертаниям на человеческое тело, — как будто совершенное женское или мужское тело прижалось здесь, когда материал еще не застыл, и теперь, затвердев, он сохранил этот отпечаток.

В одном бассейне вода — если это вода — бледно-розовая, как вино, в ней сверкают искры более интенсивных розовых оттенков. Жидкость во втором бассейне абсолютно бесцветна, прозрачна, неподвижна — ужасна в своем спокойствии.

Но тут это спокойствие нарушилось. Что-то поднималось из глуби-

ны. Когда это что-то приблизилось к поверхности, розовая жидкость тоже заволновалась, торжествующе заплясали в ней искры.

Из каждого бассейна поднялось по пузырю; они медленно расширялись, пока не накрыли полностью бассейны от края до края.

Розовый и кристально чистый пузыри лопнули. Помещение заполнилось радужным туманом, скрывшим бассейны и кушетку. В тумане мелькали яркие искры. Они пульсировали несколько секунд. И исчезли.

Женщина-змея подняла свой систр. Луч из него она послала прямо в неподвижный бассейн. Бассейн задрожал, будто превратился в живое сердце. Его прозрачность затуманилась. Облако маленьких пузырей поднялось над ним, пытаясь уйти от луча. Они лопались со слабыми печальными вздохами. Бассейн снова застыл, но его ужасающая неподвижность больше не пугала.

Луч систра погрузился в розовый бассейн. В глубине бассейна началось быстрое движение. Снова взрыв мерцающих пузырей. И снова неподвижность — смерть.

— Дело сделано! — без выражения сказала женщина-змея. Лицо ее осунулось, губы побледнели, глаза застыли.

Она провела систром над отверстием. Как из воздуха, возникла стена. Мать сделала знак людям-паукам. Путешествие продолжалось в молчании.

Наконец они подошли к еще одной неглубокой нише. Здесь под действием систра показался в стене низкий закругленный портал. Они вошли в него. Помещение оказалось круглым, как и то, с бассейнами, но вдвое меньшим. От стен исходило слабое голубое свечение, оно сосредоточивалось на большом гнезде из подушек. Вокруг стен стояли сундуки и ящики. Помимо этого, помещение было пусто. Грейдон почувствовал странный острый и приятный аромат.

Женщина-змея вытекла из носилок, собралась в гнезде. Посмотрела на них, теперь не скрывая слез, которые катились по ее щекам. Отдала систр Властителю Глупости, прижала Суарру к груди. Поманила Грейдона и мягко соединила губы его и девушки.

Потом отодвинула их, поцеловала обоих в губы, озорно подмигнула, рассмеялась своим звонким птичьим смехом.

— Разбудите меня взглянуть на вашего первенца, — сказала Мать-Змея.

Она оттолкнула их, устроилась поудобнее среди подушек и зевнула. Глаза ее закрылись, голова раз или два качнулась. Она сонно подвинулась, занимая более удобное положение.

Но когда Грейдон повернулся, чтобы уходить, ему показалось,

что лицо ее начало меняться... неземная красота увядала... будто опускался занавес...

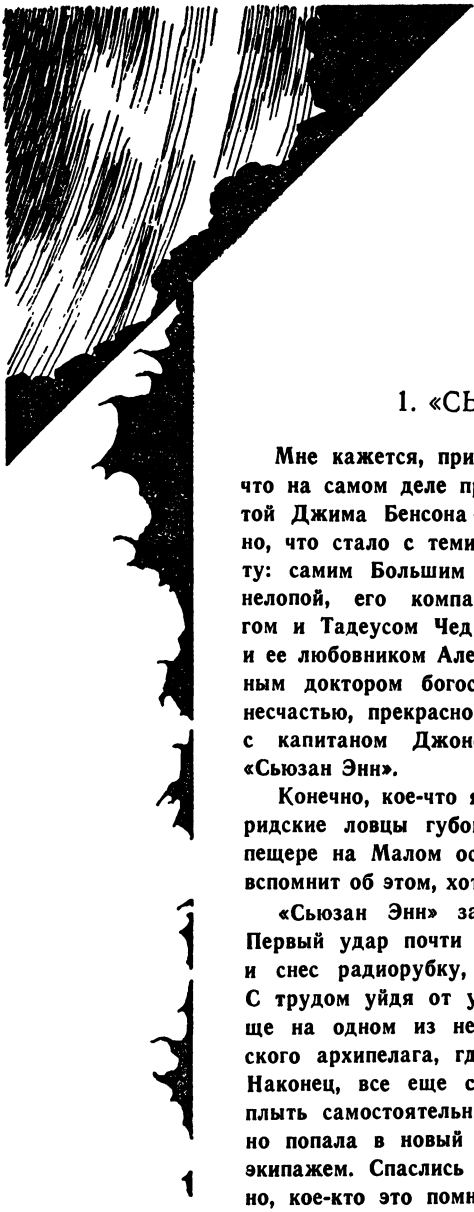
Он решительно отвернулся, запретив себе смотреть... пусть его сомнения останутся нерешенными... он будет помнить ее такой, какой она хотела остаться в памяти...

Они прошли в низкую дверь. Суарра с плачем прижималась к Грейдону. Властитель Глупости поднял систр. Вместо входа встала каменная стена.

Комната, в которой спала Мать-Змея, была запечатана.

ЧЕРНОЕ КОЛЕСО

Фантастический роман

1. «СЬЮЗАН ЭНН»

Мне кажется, пришло время поведать о том, что на самом деле произошло с прогулочной яхтой Джима Бенсона — «Сьюзан Энн». И, конечно, что стало с теми, кто находился на ее борту: самим Большим Джимом, его дочерью Пенелопой, его компаньонами — Майклом Мактигом и Тадеусом Чедвиком, с леди Фитц-Ментон и ее любовником Алексеем Буриловым, преподобным доктором богословия Сватловом и его, к несчастью, прекрасной сестрой Флорой, а также с капитаном Джонсоном и всем экипажем «Сьюзан Энн».

Конечно, кое-что я уже рассказал, когда флоридские ловцы губок нашли нас с Деборой в пещере на Малом острове Пальм. Может, кто-то вспомнит об этом, хотя прошло уже пять лет.

«Сьюзан Энн» захватил карибский ураган. Первый удар почти потопил ее, сорвал шлюпки и снес радиорубку, убив при этом радиста. С трудом уйдя от урагана, яхта нашла убежище на одном из необитаемых островов Багамского архипелага, где ее в меру сил починили. Наконец, все еще с течью и едва способная плыть самостоятельно, она двинулась к Нассау, но попала в новый ураган и затонула со всем экипажем. Спаслись только Дебора и я. Конечно, кое-кто это помнит. Впечатляющий был рассказ, убедительный, и никто не задавал вопросов.

В этой истории был только один изъян...
Все это — ложь.

Дебора — служанка леди Фитц-Ментон. Шотландка, кальвинистка и такая ярая моралистка, что, как однажды заметила ее милость, десять минут в присутствии Деборы действуют на нее как порция слабительного. Сказано это было именно в присутствии самой Деборы: один из приемов, которыми ее милость ставила служанку на место. Должен признаться, что такая вопиющая благопристойность временами раздражала даже меня.

Дебора презирает ложь, — но я убедил ее, что, расскажи она правду, в благодарность ее немедленно поместят в сумасшедший дом, безо всяких драматических эффектов и полетов в рай на ангельских крыльях.

К тому же существовала еще двойная нить ожерелья из драгоценных камней вокруг талии Деборы. Для сумасшедшего дома вещь бесполезная — там у нее их попросту отберут. Этот аргумент подействовал — шотландская скупость перевесила кальвинистскую чопорность и устранила все угрызения совести.

Потому капитан подобравшего нас корабля и услышал эту историю — что мы, мол, единственные уцелевшие с «Сьюзан Энн». Сраженные респектабельностью Деборы, ни он, ни многочисленные чиновники и репортеры в Ки Уэсте и Нью-Йорке тоже не задавали лишних вопросов.

Разве мог я тогда сказать правду? Рассказать о безымянном затонувшем корабле и черном колесе? Или об адских порождениях острова Рафферти, куда нас толкнули слуги черного колеса...

Меня это привело бы прямиком в тот же самый сумасшедший дом, которым я пугал Дебору!

Но теперь... что ж, думается мне, теперь правда никому не повредит. Я сменил имя и профессию. Думаю также, что в последнее время кругозор человечества расширился, больше внимания уделяется незримым силам. И, разумеется, наука сократила пропасть между реальным и тем, что еще недавно считалось невозможным.

В то время меня звали Росс Фенимор. Мне только что стукнуло тридцать, и я был врачом. Специальностью моей была эндокринология — наука о железах внутренней секреции. Обладая небольшим состоянием, я мог не заниматься врачебной практикой: никаких обязательств перед другими людьми у меня не было, а женой и детьми я еще не обзавелся.

Я сотрудничал с одной нью-йоркской клиникой. Это давало мне возможность вести интересовавшие меня исследования в лабораториях, куда иначе я бы не смог попасть. Я был кем-то вроде «мастера на все руки», помогая там, где возникала необходимость, — ассистировал в

операциях и тому подобное. Жил тут же, в больнице, и продолжалось это уже три года.

В тот день я ассистировал Кертсону — оперировали рак груди. Случай был очень тяжелый. Наконец Кертсон отошел от стола и снял маску и перчатки; санитары перенесли пациентку на каталку и увезли. Кертсон — прекрасный хирург; к тому же один из немногих, кто делает всю работу сам, до последнего шва. Я следил, как его сильные тонкие пальцы с артистизмом гениального скульптора порхали над мышцами и нервами, венами и артериями, быстро вырезали, перевязывали, сшивали, чистили, устраняли последние остатки злокачественной опухоли. Его руки словно бы жили своей собственной, независимой жизнью.

Я нравился Кертсону, и он мне доверял. Это следовало из того, что он приглашал меня ассистировать в самых сложных операциях. Я гордился этим доверием.

Медсестры прибирали в операционной. Я проверял инструменты, когда Кертсон с ноткой официальности в голосе довольно резко сказал:

— Когда закончите, зайдите в мой кабинет.

— Конечно, доктор Кертсон.

Я с тревогой стал припоминать все свои действия. Где я ошибся? Кертсон не похож на Костера, единственного другого хирурга такого же ранга в Нью-Йорке. Проводя сложную операцию, Костер взвинчен, как кот, завидевший соперника. На его технику это не влияет, но Боже упаси ассистента или сестру допустить хоть малейшую ошибку — Костер обрушивается на них с такой красочной бранью, что слушать его — одно удовольствие, хотя для виновных она хуже хлыста. А Кертсон как бы не замечает оплошности — конечно, если она не слишком серьезная — и отчитывает провинившегося уже потом, наедине. Но его безразличие, холодность и отчужденность при этом намного хуже высокохудожественной брани Костера. Я не начинающий ассистент и не молоденькая медсестра, чтобы бояться выговора Кертсона, но я очень дорожил его хорошим мнением обо мне, и поэтому в его кабинет вошел с тяжелым предчувствием.

Он с минуту разглядывал меня, потом спросил:

— Сколько времени вы не были в отпуске?

— Три года.

— У вас дважды дрогнула рука, когда вы накладывали зажимы. Вы колебались перед тем, как начать шить, и опоздали, подавая мне зонд.

Спорить было бессмысленно, я кивнул и извинился.

— Ничего страшного не произошло, — продолжал он. — Но могло произойти. И это может повториться в следующий раз. Между хирургом и ассистентом должна существовать полнейшая взаимосвязь. Против нас и так многое. Когда кончается ваш контракт?

Я похолодел. Неужели он собирается выгнать меня?

— Через три месяца, — ответил я.

— И что вы собираетесь делать?

— Возобновить его, если не будет возражений. Мне здесь нравится.

Он покачал головой.

— Вам пора начать работать самостоятельно, конечно, если вы вообще хотите начинать. Даже временная самостоятельная работа даст вам опыт, какого вы никогда не получите здесь. Кроме того, вы нуждаетесь в отдыхе. Джим Бенсон — вы его знаете, он мой пациент, — вместе с дочерью и друзьями вскоре отплывает на своей яхте. Пару месяцев собирается провести в Карибском море. Судовой врач в последний момент его разочаровал, и он попросил меня подыскать ему другого. Могу я рекомендовать вас? Оплата, разумеется, хорошая, и жить вы будете на правах гостя. Яхта же у него замечательная.

Я колебался: в конце концов, это означало резкую смену моего образа жизни.

Кертсон прибавил:

— Как врач, я это вам предписываю, как друг — советую. Могу предоставить вам двухмесячный отпуск. Когда вернетесь, отработаете последний месяц по контракту — возобновите его, если пожелаете. Но я надеюсь, что вы к тому времени решитесь работать самостоятельно.

Я спросил:

— Есть ли еще причины, из-за которых вы хотите, чтобы я в этом участвовал?

На этот раз заколебался он. Потом все же сказал:

— Да. Профессионально меня очень интересует Бенсон; не хочу, чтобы у него был третьесортный или даже второсортный специалист, если что-то случится. Впрочем, не думаю, чтобы что-либо случилось. Физически он абсолютно здоров. Душевно же...

Нахмурившись, он прошелся по кабинету. Повернулся ко мне.

— Бенсон самодур. Именно так он нажил свое состояние, и с тех пор, как он отошел от дел, эта особенность его характера лишь усилилась. Он, по существу, феодал, его окружают не слуги, а вассалы. Так же относится он к своим партнерам, друзьям и гостям. На его корабле есть все условия для проявления этих особенностей его характера. И есть еще кое-что, из-за чего отношения на борту «Сьюзан Энн» могут накалиться, вплоть до взрыва. И в этом случае я хотел бы, чтобы там находились вы.

Что ж, сказанное Кертсоном означало очень многое, и теперь вряд ли что-то, кроме приказа самого Кертсона, удержало бы меня от плавания на «Сьюзан Энн». Я спросил:

— Когда мне отправляться?

Он хлопнул меня по плечу.

— Молодец! Откровенно говоря, я считаю, что вам предстоит лечить самые обычные недомогания. Морскую болезнь прежде всего. Если вы понравитесь леди Фитц-Ментон, у нее, вероятно, появятся и другие симптомы. Но поскольку с нею этот жиголо Бурилов, такого, наверное, не случится.

Он рассмеялся так тепло, что я почувствовал, как его доверие согревает меня.

— Когда мне отправляться? — повторил я свой вопрос.

— Как можно быстрее. «Сьюзан Энн» сегодня утром пришла в Майами.

— Если вы договоритесь с администрацией больницы, я улечу завтрашним утренним рейсом.

— Подождите здесь, — сказал он и вышел.

Я принялся вспоминать все, что знал о Бенсоне. А знал я немного. Член советов многих корпораций, по слухам, необыкновенно богатый человек; подозревается в огромном политическом влиянии; жесткий и жестокий к своим врагам.

Мне приходилось видеть фотографии его дочери. Стройная, с широким низким лбом, решительным небольшим подбородком и глазами, слишком большими для лица в форме сердца, она напоминала мне рейнольдсовский портрет леди Гамильтон в костюме вакханки. Очень симпатичная девушка. Звали ее Пенелопа.

О «Сьюзан Энн» я знал больше. Прадед Бенсона был капитаном в сороковые годы прошлого века и владел одним из первых американских клиперов. Корабль тот тоже назывался «Сьюзан Энн». Бенсон гордился своим предком и собрал все, что мог, принадлежавшее его прадеду. Подлинную «Сьюзан Энн» заполучить не удалось — клипер давно погиб, но Бенсону повезло: отыскались чертежи и примитивное, но точное изображение корабля. Примерно пять лет назад, заработав огромное состояние и передав большую часть дел младшим компаньонам, Бенсон построил внешне точную копию оригинала, назвав его тоже «Сьюзан Энн». Внутри все было обставлено с современной роскошью, за исключением каюты капитана, в которой жил сам Бенсон, и столовой. Оба эти помещения представляли точные копии тех, что были на корабле его прадеда. На возрожденной «Сьюзан Энн» стояли дизели, но ими почти никогда не пользовались — обычно хватало парусов.

Вплоть до возвращения Кертсона я больше ничего не вспомнил.

— Все улажено, — сказал Кертсон. — Захватите с собой только медицинскую сумку. На корабле прекрасно оборудованный лазарет и есть даже лаборатория. Как у вас с одеждой?

Я ответил, что у меня есть все необходимое, а недостающее раздобуду за несколько часов.

— Ну, что ж, — сказал он, — до свидания, и удачи вам. У вас должен быть отличный отпуск.

Отличный отпуск... Я часто потом вспоминал эти слова.

Вторую половину дня я провел, бегая по магазинам и приводя в порядок свои дела. Утром в четверг Кертсон получил подтверждение от Бенсона. Меня просили прибыть прямо на борт, и я вылетел в Майами.

Первым из окружения Бенсона мне встретился Мактиг. Едва я сошел с самолета, меня окликнули по имени. Тотчас же ко мне подошел ярко-рыжий человек. Такой примечательной шевелюры мне никогда не приходилось видеть. Всклокоченные волосы, казалось, светились в огнях аэродрома. Я, как зачарованный, уставился на эти волосы, и тут их владелец рассмеялся. Я начал было смущенно извиняться, но он оборвал меня:

— Забудьте об этом. Один-ноль в вашу пользу. Если бы сейчас мой факел остался незамеченным, я бы подумал, что вы слишком вежливы или застенчивы, или недостаточно наблюдательны для хорошего врача. Большой Джим заставляет меня спать на левом борту — боится, что если я лягу на правом, проходящие суда могут ночью принять меня за сигнальный огонь!

Он снова рассмеялся и протянул руку. На мой взгляд, ему было около тридцати. Он был примерно моего роста — на два дюйма ниже шести футов, но широкие плечи и мощная грудь создавали иллюзию большего роста, чего никогда не бывает со мной при моем худощавом телосложении. Ясные серо-голубые глаза, широко расставленные, короткий задорный нос, квадратный и тоже задорный подбородок, скулы, широкие, как у славян, и смешливый рот до ушей — разумеется, не красавец: лицо скорее Гермеса, чем Аполлона, но чрезвычайно привлекательное. Первое впечатление усилилось от крепкого рукопожатия и вполне дружеской улыбки.

— Я Мактиг, — представился он. — Один из тех, кого остряки называют партнерами Бенсона. Не удивляйтесь, что я вас узнал — Бенсон запросил у доктора Кертсона ваш подробный портрет и получил его в объеме тысячи слов, включая форму ваших ушей и шрам на правом запястье. Возможно, вас поразило то, что вы удостоились тысячи слов телеграфом, полностью оплаченных заранее, — но должен сказать, что мистеру Бенсону приходится быть осторожным. Он не хочет, чтобы на борт проник какой-нибудь замаскированный злодей. А если возник вопрос, почему именно я явился встречать вас, то одна из моих обязанностей — предварительный осмотр всех незнакомцев. Если же вас удивляет, почему я так много говорю, — поясню, что я юрист и потому там, где обычный человек тратит слово, я — все десять.

Я рассмеялся; Мактиг все больше нравился мне.

— Ну, идемте, — сказал он. — По-моему, с вами все в порядке. Но наш верховный судья — Бенсон.

Он сделал знак носильщику, который подхватил оба моих саквояжа, и Мактиг проводил меня к маленькой спортивной машине. В ней уже кто-то был: стройная девушка с лицом, почти совершенно скрытым широкими полями шляпы.

— Бросай сумки на заднее сиденье, сынок, — сказал Мактиг носильщику, дал ему четверть доллара и обратился к девушке:

— Это доктор Фенимор, Пен. По-моему, он вполне кошерный [1].

Девушка сдвинула шляпу на затылок и улыбнулась. Я узнал Пенелопу Бенсон, и она оказалась гораздо красивее, чем на снимках. Глаза, слишком большие для такого лица, не имели ничего общего с теми глазами слегка навыкате, которыми восхищались живописцы прошлого и которые на деле свидетельствовали о болезни щитовидной железы. Глаза ее были цвета джерсийских фиалок, всегда меня восхищавших, но необыкновенного оттенка — ранее такие мне никогда не встречались. Очень интересно! Фигура стройная и восхитительно развитая. Я подумал, что у нее должна быть отличная реакция и умение сдерживать свои эмоции. У меня сложилось впечатление, что эта девушка способна любую хижину превратить в дворец.

Она протянула мне руку, сказав:

— Если Майк удовлетворен, то я тоже. Садитесь.

Мактиг сел за руль, и мы тронулись. Пенелопа вскользь заметила:

— Надеюсь, леди Фитц и Бурилов будут на пристани. Отец хотел подойти с приливом, а к отливу уйти, и страшно рассердится, если они опоздают.

Мактиг мрачно произнес:

— Даже если они заявятся на пристань под вечер, это будет рекорд. Куда они отправились, Пен?

— По магазинам.

— Бурилову понадобились новые костюмы?

Пен хихикнула:

— Нет. У Рандольфа появились новые купальники, прозрачные, как стекло. Леди Фитц, разумеется, заинтересовалась.

— Она что, эксгибиционистка? — проворчал Мактиг.

— Это пусть у Деборы голова болит, — сказала Пенелопа. — Мне все равно.

---

[1] По религиозным представлениям иудаизма — пригодный в пищу, приготовленный с соблюдением всех требований. В данном случае — в переносном значении: неопасный, отвечающий требованиям. *(Прим. перев.)*

— Дебора, — пояснил Мактиг, — это служанка леди Фитц-Ментон. Ее моральные установки столь же высоки, сколь низки у хозяев. Когда будете лечить Дебору от плоскостопия, изучите ее высокую мораль, доктор Фенимор, а потом напишите статью и объясните, что здесь причина, а что — следствие. Если справитесь с задачей, можете прославиться.

Пен снова засмеялась:

— Может, и леди Фитц полечить от плоскостопия, Майк? И если выбросить Бурилова, будет трио.

— Нет, Пен, — возразил Мактиг. — Я считаю, что плоскостопие Деборы в мировом масштабе гораздо весомее. Конечно, леди Фитц — сука, но все же корни ее далеки от ада. Конечно, Бурилов страдает нарциссизмом, но сам он — лишь отражение леди Фитц. Нет, я за плоскостопие. И за Дебору. После того, как послушаешь этих двоих, Дебора — как бальзам для моих бедных ушей.

— Майк, — восхитилась Пенелопа, — вы говорите все красочней и красочней!

Я удивленно слушал их. Конечно, я привык к больничной откровенности, но такой разговор был за пределами моего понимания. Пенелопа не походила на девушку, которая способна терпеть такие речи. Но казалось, что она от души забавляется.

— Вы знаете что-нибудь о леди Фитц? — спросила она, повернувшись ко мне.

Я ответил, что нет.

— Она в самом деле очень интересна. Моего отца она забавляет, и поэтому она с нами. Конечно, без Бурилова она бы не поехала. Леди Фитц — дизайнер, она обустраивает апартаменты богачам, которые не способны сделать это сами, и берет за это очень дорого. Алексей Бурилов как бы ее компаньон. Она утверждает, что у него отличное чувство цвета. Конечно, он ее любовник, и мне он не нравится. Не потому, что они любовники, нет... — продолжала болтать Пенелопа, — но когда он целует мне руку, я всегда жалею, что не надела перчатку, понимаете? Но все же он бывает забавен... иногда.

Мактиг хмыкнул. Пен продолжала:

— Да, он забавен. У него прекрасный баритон, доктор, и когда он опустошит две бутылки коньяку, то может замечательно исполнить песню пьяных из «Бориса Годунова». Беда в том, что при этом он ломает мебель, — но мне говорили, что его предшественники были еще хуже. Леди Фитц — одна из тех, кому приписывают фразу: «От мужа такая же польза, как от головной боли». Чтобы возбудить леди Фитц, нужно что-нибудь экзотическое. Предшественником Бурилова был турецкий борец... — Она помолчала. — Должно быть, это что-то на гормональном уровне, — добавила она задумчиво.

Мактиг улыбнулся.

— Ну, у дока будет достаточно времени для диагноза. Кстати, вот и «Сьюзан Энн».

Я плохо разбираюсь в кораблях, но даже опытный моряк был бы восхищен красотой «Сьюзан Энн». Когда я вспоминаю, какой великолепной она была тем вечером, когда думаю о гибели такой красоты, на сердце у меня становится тяжело.

Она медленно входила в гавань. Паруса были подняты, и все прожектора гавани были устремлены на их белизну. В пурпурном сумраке яхта плыла, едва касаясь воды. Словно прекрасный призрак прошлых дней стал материальным и плыл к нам сквозь время. Это был не просто корабль — «Сьюзан Энн» была живой. Я видел ее смелость и терпение, видел странную мудрость моря... и я понял вдруг, почему в большинстве языков мира слово «яхта» женского рода.

Те из вас, кто не любит моря, возможно, не поймут меня, но те, кто любит, поймут. И повторю, что когда я вспоминаю «Сьюзан Энн», слезы наворачиваются у меня на глаза. Потому что она видится мне не погибшим кораблем, а прекрасной и горячо любимой женщиной, оскверненной и убитой...

Не знаю, сколько времени я простоял, глядя на корабль. Наконец я осознал, что Мактиг остановил машину, и они с Пенелопой с любопытством смотрят на меня.

— Любовь с первого взгляда, — сказал ей Мактиг.

Пен серьезно ответила:

— Если он сможет выразить в словах то, что у него на лице, мой отец построит для него больницу.

— Я же говорил: с ним все в порядке.

— Да, теперь и я это вижу.

Я ничего не ответил, все еще очарованный такой красотой. Машина двинулась дальше, и мы въехали на пристань. «Сьюзан Энн» бросила якорь посреди бухты. Паруса убрали. Мактиг оставил машину ожидавшему слуге, и мы поспешили к катеру. Навстречу нам поднялись мужчина и женщина. Меня представили им: леди Фитц-Ментон и мистер Алексей Бурилов. Женщина равнодушно бросила: «Здравствуйте» высоким музыкальным голосом, мужчина был чуть более приветлив. Помимо холодного кивка, они не уделили никакого внимания Мактигу.

По пути на клипер я рассмотрел их. Леди Фитц-Ментон была женщина высокая, стройная, со своеобразной угловатостью, свойственной многим англичанкам. Волосы ее были насыщенного золотисто-каштанового цвета, короткие и вьющиеся, — я решил, что тут не обошлось без хны. Лицо маленькое и скуластое, зеленые, очень чистые и яркие глаза, прекрасный лоб, маленький нос и рот хорошей формы, хотя и тонкогубый: внешность не броская, но, несомненно, привлекательная.

Не знаю почему, но мне казалось, что Бурилов должен выглядеть

женственным. Ничего подобного. Никогда не видел такого мускулистого человека; добрых шести футов ростом, подвижный и длинноногий. Своеобразные золотисто-карие глаза с густыми ресницами, в разрезе их читалось полускрытое высокомерие. Ширина лица, разворот скул были типично славянскими. У него были полные, чувственные, подвижные губы — рот певца или актера. Я не понимал, почему Мактиг счел его склонным к нарциссизму, но решил, что он употребил это слово не в медицинском смысле. Единственной неприятной чертой его были уши, маленькие, плотно прижатые к голове и явно заостренные. Волосы — коротко остриженные, черные. На первый взгляд Бурилов был весьма симпатичен, и я удивился, почему Пен испытывает к нему физическое отвращение... и физическое ли?

Я снова повернулся к клиперу. С близкого расстояния он выглядел еще более прекрасным, чем издалека — более человечным и дружелюбным.

Едва я ступил на палубу, кто-то проревел:

— Встретили его, Майк?

В пятидесяти футах от нас на мостике стоял высокий худой человек, крепко сжимая руками штурвал. Его лысая голова блестела в свете прожекторов. Наклонившись вперед, он рассматривал нас. У него был длинный тонкий нос, широкий рот с тонкими губами и заостренный, как у Пен, подбородок, но более длинный, который никто не назвал бы изящным.

Мактиг крикнул в ответ:

— Да, сэр, — и, повернувшись ко мне, добавил: — Это Бенсон.

Но еще до слов Мактига я понял, что это и есть Бенсон. Мне пришла в голову мысль, что это мог бы быть и янки, капитан старого клипера, прадед нынешнего владельца, и что реставрация «Сьюзан Энн» — вовсе не простой каприз.

Бенсон снова взревел:

— Как он?

— Все в порядке. Хотите поговорить с ним?

— Позже.

Мактиг улыбнулся и сказал мне:

— Вам придется привыкнуть к отсутствию формальностей на этом корабле. Сейчас отнесем вещи в вашу каюту. Можете спуститься и распаковать их, а можете остаться на палубе и понаблюдать за отплытием. Бенсон еще около часа не отойдет от штурвала.

Я решил остаться на палубе. Мактиг кивнул:

— Хорошо. Тогда идемте, я познакомлю вас с остальным цирком.

Вокруг Пенелопы уже собралась небольшая группа, и Мактиг отвел меня туда. Коренастая, серьезная женщина что-то торопливо говорила леди Фитц-Ментон. Двигалась она как откормленный голубь, ли-

цо спокойное и безмятежное, как яйцо. Это явно была шотландка. Взяв свертки у Бурилова, она ушла.

— Дебора, — подтвердил Мактиг мою догадку.

Меня представили собравшимся. Круглый, розовощекий, улыбающийся маленький священник англиканской церкви оказался преподобным доктором богословия Сватловом. Рядом с ним стоял высокий, худой и очень смуглый человек, примерно ровесник Мактига, — Тадеус Чедвик, второй из младших партнеров Бенсона.

Преподобный доктор Сватлов казался типичным священником для богатых: вежливый, терпимый, из тех людей, что способны разъяснить маленькую дилемму насчет того, что легче верблюду пройти в игольное ушко, чем богатому — на небо.

Сестра его Флора оказалась красавицей, меланхоличной брюнеткой, умеющей пользоваться своими глазами, с пышными черными волосами, собранными вокруг маленькой головки, с роскошной грудью и ртом, которого явно не было среди искушений святого Антония. У нее было мягкое хрипловатое контральто, такое приятное, что не сразу поймешь, что в самих словах нет никакого смысла. У меня возникла мысль, что чересчур привлекательная внешность иллюзорна и во Флоре нет внутреннего огня, что теплота ее лишь внешняя, а за ней скрывается трезвый, расчетливый ум. Хорошо изолированный холодильник в тропическом оформлении.

Никто не обращал на меня особого внимания, все оживленно болтали друг с другом. Команда поднимала якорь, ставила паруса, и вскоре «Сьюзан Энн» развернулась в сторону открытого моря. Некоторое время я слушал и наблюдал: до сих пор мне не встречались за пределами больничной обстановки люди этого круга. Когда корабль закачался на волнах открытого моря, все разошлись. Мактиг отвел меня в мою каюту.

— Бенсон пошлет за вами, но не знаю, когда. Если он ведет клипер, часы ничего для него не значат. Обычно я переодеваюсь и сплю, пока меня не позовут.

У двери он остановился.

— Странное общество на борту, но не более странное, чем сам Большой Джим. И я такой же, как все остальные. Надеюсь, вы привыкнете.

И ушел.

Я распаковал багаж, надел пижаму и выкурил сигарету, вспоминая первые впечатления знакомства. Подумал о Чедвике: возможно, тут было какое-то соперничество из-за Пенелопы, но я чувствовал, что дело серьезнее. Мне показалось, что Флора Сватлов испытывает явный интерес к Мактигу и не очень доброжелательно настроена по отношению к Пенелопе. И что Бурилов находит Флору очень привле-

кательной, чем и вызваны холодные замечания, адресованные ему леди Фитц-Ментон.

«Странное общество», — вспомнил я слова Мактига. Но, по подсказке Кертсона, больше всего меня интересовал сам Бенсон; он стоит за штурвалом своего корабля, как некогда стоял его прадед; думает так же, как его предок. Правитель крошечного мирка на «Сьюзан Энн». Его правосудие... Подумав об этом, я понял, почему Кертсон испытывал такие предчувствия.

Но долго размышлять мне не пришлось. Корабль мягко раскачивался на волнах, и вскоре я уснул.

Проснувшись, я увидел Бенсона. Он сидел в кресле, скрестив длинные ноги, курил сигарету и разглядывал меня. Его холодно-серые глаза под густыми бровями были окружены густой сетью морщин. Такие морщины оставляют солнце и соленая вода в уголках глаз старых моряков. В глазах светился юмор, как и в разрезе тонких губ. Я сел и сказал:

— Простите, если заставил вас ждать. Я думал, вы пошлете за мной.

Он ответил:

— Я люблю наблюдать за человеком, который может оказаться для меня важным, когда он спит. Тогда человек утрачивает бдительность. Раскрывается. И я могу кое-что увидеть.

Я удивленно смотрел на него, не понимая, шутит он или нет, и следует ли рассмеяться. Он повторил:

— Да, я могу кое-что увидеть. То, что не выявить при самом напряженном перекрестном допросе. Этой хитрости я научился у своего прадеда, капитана Джеймса Бенсона. Слышали о нем?

Я ответил, что слышал, что он — знаменитый моряк и плавал на одном из лучших американских клиперов. Его корабль тоже назывался «Сьюзан Энн» и что, как я понимаю, этот корабль — точная его копия. Бенсон был явно доволен.

— Не совсем точная, — возразил он. — Но когда-нибудь будет точной. Вот эта каюта, например...

Он с явным неодобрением осмотрелся, потом добавил:

— Ну, так вот, о спящих.. старый капитан Бенсон, когда подозревал кого-то из своего экипажа, пробирался к нему ночью, когда тот спал, и сидел рядом. И узнавал, что хотел, от потерявшего бдительность разума. Однажды ему удалось так предотвратить мятеж, прежде чем тот начался. Так говорится в его личном судовом журнале...

Бенсон резко сменил тему:

— Кертсон говорил, что вам уже за тридцать, и что вы прекрасный специалист. Почему не ведете свой собственный корабль?

Я вкратце объяснил причины своего пребывания в больнице. Он кивнул.

— Но человек может слишком надолго застрять в помощниках, мистер, — пусть даже в первых помощниках. Лучше начать вести свой собственный корабль в молодости, даже с риском потопить его. Почему вы захотели плыть со мной?

Я слегка раздраженно ответил:

— Потому что Кертсон считает, что вам на борту нужен хороший врач. И потому, что считает, что мне необходим отдых.

Он рассмеялся.

— Откровенный ответ, и мне это нравится. Итак, вы пришли ради меня и ради отдыха. Ну что ж, может, получится, а может, и нет. Море — женщина, и поэтому оно непредсказуемо. На море случается такое, что немыслимо на берегу.

Много раз в течение следующих недель я вспоминал эти слова.

Бенсон снова резко сменил тему:

— Мактиг сказал мне, что вам понравилась «Сьюзан Энн».

Я постарался высказать то, что почувствовал, впервые увидев клипер. Я говорил искренне; Бенсон это понимал, но слушал без всякого выражения, внимательно глядя на меня.

— А увидев вас за рулем, — закончил я, — я подумал: старая «Сьюзан Энн» пришла из прошлого не одна... она прихватила с собой своего капитана.

— Вот, значит, что вы подумали. — Он встал со стула. — Вот как... Ну что ж, во всяком случае, вы ближе всех подошли к тому, как я вижу «Сьюзан Энн». Оказывается, я в долгу у Кертсона.

Он задумчиво потер подбородок, потом поманил меня:

— Идемте в мою каюту.

Я прошел за ним к двери. Как когда-то, капитанская каюта располагалась на корме. Бенсон придержал дверь, пропуская меня, и я почувствовал, что оказался в самом сердце старого клипера.

Каюта занимала почти всю ширину корпуса, два прямоугольных иллюминатора выходили на корму, по одному круглому — на правый и левый борта. По обе стороны от двери — окна. Стены из тика, темные и тускло блестящие, как будто отполированные временем; через потолок проходили грубо вырубленные балки. Над большим черным столом висела старая масляная лампа, отбрасывая бесформенные серые тени. Я решил, что горит китовый жир, как некогда на первой «Сьюзан Энн». А может, это та самая лампа. В нишах на стенах стояли другие лампы — меньшего размера, с сеткой от ветра. В углу — старинный столик с часами на нем. У стены — большой шкаф. Много роскошных ковров — из Китая и Индии. Но все это я заметил позже, а сейчас мое внимание привлек портрет, висевший на противоположной от входа стене.

Сперва я решил, что это портрет самого Бенсона. Но потом, подойдя ближе, понял, что это не так: картина была явно старая, а человек на ней одет в наряд, какой носили капитаны лет сто назад. Но каждая черта его лица — лысая голова, холодные серые глаза, длинный тонкий нос с широкими ноздрями, от которых глубокие морщины тянутся к углам тонкогубого рта — все в нем напоминало человека, стоявшего передо мной. Бенсон станет таким, может, лет через двадцать. И я понял, что любовь Бенсона к своему кораблю — не каприз, а нечто гораздо более глубокое. В третьем поколении хромосомы, эта микроскопическая связка молекул, в которой записана вся наследственность, повторились: они точно воспроизвели физические характеристики прадеда. Повторились ли и умственные его характеристики, нервная сеть мозга, которую одни называют личностью, а другие — душой? Вероятно. А до некоторой степени и несомненно. В какой-то мере человек, стоявший передо мной, и был старым капитаном. Мое первое впечатление оказалось верным. Новая плоть и кость, как для яхты — новые балки и корпус, но душа и личность те же. Но самый интересный вопрос — насколько те же?

Бенсон будто прочел мои мысли и заговорил, уверенный, что я знаю, кто изображен на портрете:

— Часто, стоя у руля, я чувствую его в себе... он смотрит моими глазами, слушает моими ушами, руки его в моих, словно в перчатках... да, мы с ним здесь, в этой каюте...

Он смолк, и в его бледных глазах появилось подозрительное выражение.

— Кертсон что-нибудь говорил вам об этом? — вдруг спросил он.

— Нет, — ответил я.

Но я понял, что имел в виду Кертсон, когда предупреждал, что есть особые причины, из-за которых страсть Бенсона к господству может превысить на море разумные пределы.

Бенсон некоторое время смотрел на меня, потом, словно удовлетворенный, кивнул:

— Садитесь.

Он сидел молча, глядя на меня, потом вдруг разразился монологом о своем экипаже. Насколько возможно, он подбирал его из потомков тех людей, что когда-то плавали на первой «Сьюзан Энн». Большинство из них были из Новой Англии, из штата Мэн, из Глочестера, из Бедфорда. Рыбаки, умеющие обращаться с парусом, знающие все течения и ветра ньюфаундлендского берега в любое время года. Четырнадцать человек, все опытные моряки, просоленные, продутые ветрами и продубленные морем.

Капитан Джонсон из Глочестера — прямой потомок первого помощника со старой «Сьюзан Энн». Бенсон отыскал его в Новом Брунсвике, куда тот переехал. Отличный капитан, моряк Божьей милостью!

Верен старым традициям, которые изжили эти паровые щеголи. Два помощника, крепкие парни; два квартирмейстера, тоже крепкие ребята. Бенсон платит им хорошо, чертовски хорошо, но они того заслуживают.

Главный инженер Маккензи — шотландец. Маккензи ему нравится, но черт бы побрал его дизели — им здесь не место. Он ими никогда не пользуется, кроме крайней необходимости, и старается о них забыть. Но в конце концов пришлось пойти на некоторые уступки делу — из-за него нужно быть в определенном месте в назначенное время. Когда его дочь выйдет замуж, — а он считал, что это произойдет скоро, — он намерен полностью отойти от дел. Тогда он выбросит моторы, переоборудует роскошные каюты и направит «Сьюзан Энн» на Восток, по следам старого капитана Бенсона.

Экипаж знает о его намерениях и полностью его поддерживает, даже оба кока: баск по имени Фелипе и негр из Филадельфии, помощник Фелипе, почти такой же опытный. Его зовут Слим Бэнг, и на клипере старого капитана Бенсона был кок с таким же именем. Старому капитану нравилась его стряпня, а он был в этом привередлив. Если приходилось, он мог питаться сухарями, но ему это было не по вкусу...

Тут пробили шесть склянок; Бенсон резко встал и сказал:

— Я никогда не разговаривал с Кертсоном так, как с вами. Быть может, я об этом пожалею... но сейчас мне это помогло. Спокойной ночи.

Он открыл дверь, и я направился в свою каюту.

2. ДЕБОРА ДАЕТ РАЗЪЯСНЕНИЯ

Было три часа ночи, когда я уснул, но с восходом солнца я уже был на ногах. «Сьюзан Энн» убаюкивала меня, но теперь плеск волн говорил, что я поспал достаточно. Я посмотрел в иллюминатор. По-прежнему дул попутный ветер, взбивая на гребнях волн пенные белые вымпелы. Золотые ленты водорослей прошивали голубое море. Из воды выпрыгивали летучие рыбки, вспыхивали на солнце и ныряли обратно в заполненные расплавленным сапфиром провалы меж волн. Поднялась волна, сверкнув на солнце сияющим изумрудом, прямо из центра ее барракуда смотрела вслед ушедшей от нее летучей рыбе. Волна схлынула, и барракуда исчезла. Я торопливо принял душ, оделся и вышел на палубу.

У борта стоял Мактиг. Рядом с ним — Флора Сватлов, ее легкую одежду трепал ветер, и она держалась поближе к Мактигу. Когда я подошел, оба повернулись ко мне, и в глазах Мактига появилось явное облегчение, а в глазах Флоры — раздражение. Дневной свет не уменьшил ее красоты. У нее оказалась кремово-оливковая ко-

жа, какая бывает у брюнеток; ни на коже, ни на алых губах — ни следа косметики. Она была так ослепительно прекрасна, что я подумал: может, в душе ее и правда есть огонь. Что бы она ни испытывала ко мне, как бы ни сердилась, но поздоровалась она очень вежливо.

Мактиг сказал:

— Капитан Джонсон справлялся о вас. Я провожу вас к нему. До завтрака, Флора.

Мы направились на корму.

— Разговаривали с Большим Джимом? — поинтересовался Мактиг.

— Не очень долго. По-моему, я прошел испытание.

У руля стоял коренастый моряк, рядом — капитан Джонсон, рослый и худой, как и сам Бенсон, с обветренным лицом, маленькими проницательными серыми глазами и копной волос песочного цвета. Когда Мактиг нас знакомил, он протянул мне узловатую руку.

— Надо выполнить некоторые формальности, — сказал капитан. — Сейчас спустимся ко мне в каюту и займемся этим. После завтрака вы, наверное, захотите провести обычный осмотр экипажа.

Он дал краткие указания рулевому. Спускаясь по трапу, я заметил невдалеке всплеск юбки Флоры Сватлов. Мактиг, очевидно, тоже, потому что спросил, не возражаем ли мы, если он пойдет с нами. Пока я отвечал на вопросы и подписывал бумаги, он сидел в каюте, задерживая нас под тем или иным предлогом, пока не прозвучал колокол.

— Завтрак, — объявил Мактиг. — Идемте. Хозяин любит пунктуальность.

Однако, когда мы вышли из каюты капитана, Мактиг не слишком торопился, и потому, войдя в столовую, мы уже всех застали за столом. Во главе стола сидел Бенсон, справа от него Пен и слева — леди Фитц-Ментон. Рядом с ней — Бурилов, доктор Сватлов сидел возле Пен, а дальше — Флора. Рядом с ней развалился Чедвик. Увидев нас, он вскочил и жестом пригласил Мактига занять освободившееся место. В его взгляде сквозила насмешка.

Мактиг вспыхнул и сказал:

— Сидите, Чед. Я сегодня позабочусь о докторе.

Флора бросила на него укоризненный взгляд. Я видел, как Бенсон взглянул на освободившееся место, потом на Чедвика, на Мактига, на мгновение задержался на Флоре, потом — на Пен.

Чедвик сокрушенно поник:

— О, простите. Я только подумал...

И не сказав, о чем он подумал, сел на место. Но Мактиг еще сильнее побагровел, а Бенсон снова обвел взглядом всех четверых.

На птичьем лице леди Фитц появилось восхищенное выражение. Она мечтательно сказала:

— В такое утро Бог любит свой мир. Разве вы этого не чувствуете, мистер Мактиг?

— Нет, — хмуро ответил тот.

Леди Фитц вздрогнула, потом укоризненно погрозила пальцем.

— Тогда в вас нет гармонии. Вы настроены на неверные мысли, мистер Мактиг. Вы должны повторять: «Бог любит свой мир. Бог любит все, что есть в его мире. Я часть Божьего мира. Значит, Бог меня любит». Вы должны повторять это снова и снова, пока не достигнете гармонии.

Я удивленно посмотрел на нее, — но она, очевидно, говорила искренне. Пен хихикнула и сказала:

— Начинайте, Майк. А мы все вас поддержим.

Преподобный Сватлов, казалось, слегка обиделся. В глазах Бенсона блеснули огоньки. Мактиг совсем залился краской и выразительно заявил:

— Вздор!

Пен снова хихикнула и воскликнула:

— О, Майк, как грубо!

Леди Фитц поддакнула:

— Очень грубо. Клянусь, вам сегодня очень плохо, мистер Мактиг.

И завтрак пошел как ни в чем не бывало. Тянулся он долго. Я все больше и больше удивлялся, чувствуя себя посторонним наблюдателем среди какой-то незнакомой мне фауны. Во время работы в больнице я, конечно, сталкивался с различными случаями душевных и умственных расстройств, но никогда не видел людей, которые, внешне оставаясь нормальными, проявляли бы столько странностей в речи и поведении.

Казалось, у них нет никаких сдерживающих начал. Они с абсолютной откровенностью говорили все, что придет в голову; впрочем, за исключением доктора Сватлова, да и тот все воспринимал с благожелательной терпимостью. В разговоре поднимались темы, которые обычно обсуждают только в очень интимном или научном кругу. Никто, даже Бенсон, казалось, не обращал никакого внимания на то, что чувствуют остальные. Время от времени кто-нибудь начинал сердиться, но на собеседников это никак не действовало: они продолжали оскорблять, обсуждать или анализировать друг друга, словно говорили о лабораторных кроликах. В течение последующих дней я постепенно привык к этому, но в первое утро бывали минуты, когда я чувствовал себя совершенно сбитым с толку.

Бурилов хмурился и не принимал участия в общем разговоре. Время от времени леди Фитц что-то шептала ему, но он только качал

головой и что-то бормотал. К концу завтрака она взяла его за руку, похлопала по ней, после чего на своем образцовом английском сказала:

— Алексей, скажи нам, что тебя тревожит? Твоя аура потемнела. Твои поля негармоничны. Они зловещи, Алексей. В одиночку я с ними не справлюсь. Расскажи нам, дорогой друг, что тебя беспокоит. Освободи свой мозг, раскрой его перед нами. Все сконцентрируются и заполнят его добрыми мыслями. Ну же, мой друг!

Она посмотрела на нас, разведя руки. Я оглядел остальных, ожидая увидеть удивленные или насмешливые лица, но никто не посчитал слова леди Фитц странными. Пен пропела:

— Великолепно! Конечно, мы все сконцентрируемся. Раскройте свой мозг, мистер Бурилов!

Мактиг сказал:

— Мне все равно, опустошит он свой мозг или нет. Но я не хочу ничего туда вносить.

Никто не обратил внимания на это неприятное заявление. Бурилов драматично встал.

— У меня была ужасная ночь. Я промучился до утра.

Он поднес руки к голове и развел их, закрыв глаза. Мактиг негромко захлопал в ладоши и воскликнул:

— Прекрасно, Бурилов! Второе действие «Аиды». Радамес впадает в отчаяние. Прекрасно!

Бурилов махнул рукой, словно отгоняя надоедливое насекомое, положил руки на стол и прошептал:

— Я получил предупреждение. Оно и омрачило мне душу.

Леди Фитц побледнела.

— З... змеи? — шепотом спросила она.

Бурилов медленно, торжественно кивнул:

— Змеи. Вы этого не знаете, друзья, поэтому я расскажу. Когда кому-нибудь из Буриловых угрожает опасность, — и так продолжается уже семьсот лет, — к нему во сне являются три змеи. Они сплетаются и становятся одной, и эта змея говорит... — Голос Бурилова понизился до какого-то почти сверхъестественного шипения. — Прошлой ночью они пришли ко мне...

Леди Фитц смотрела на него, как птица на змею. Флора Сватлов прошептала:

— Какой ужас!

— Вздор! — уронила Пен.

Мактиг бросил:

— Ставлю десять долларов, что знаю, что сказала вам ваша змея, Бурилов.

Бурилов сердито посмотрел на него.

— Что... вы можете сказать?

— Конечно. — Мактиг был оживлен и уверен в себе. — Принимаете пари?

Пен вмешалась:

— О да, примите, мистер Бурилов! Докажите, что он блефует. Но помните: Майк иногда может предсказывать. Второе зрение и все прочее.

Бурилов беспомощно осмотрелся, как актер, который видит, что его роль испорчена, вымученно улыбнулся и прорычал:

— Говорите.

— Ну, ладно, — сказал Мактиг. — Она сказала: «Алек, сократи порции водки с трех до одной». Спокойней! — обратился он к остальным за столом. В основе — Фрейд. Змеи — выпивка. Три змеи — три порции. Змея превращается в одну — подсознательное предупреждение сократить три порции до одной. Почему водка? Бурилов ее больше всего любит.

Он встал, театрально поклонился, подражая русскому, и сказал:

— Благодарю за внимание. Аплодисментов не надо.

Бурилов с яростью смотрел на него. Леди Фитц вспыхнула:

— Ну, скажу я вам!..

В это короткое выражение она вложила те чувства, какие испытывает королева, обнаружив в своем супе таракана. Она усадила Бурилова рядом с собой. Бенсон спокойно, словно Бурилова здесь нет, спросил:

— Зачем это вы, Майк, говорите так, что у всех волосы встают дыбом? У Бурилова есть свои недостатки, но он безобиден, и мне нравится его голос. А теперь вы сбили леди Фитц с ее мыслей. Есть ли в этом смысл?

Мактиг оживленно ответил:

— Совесть, сэр. Служба обществу. Человек, который выводит людей из себя, оказывает им большую услугу. Гораздо лучше быть бобом, прыгающим в расплавленном жиру, чем послушным куском масла, который покорно тает на сковороде.

Пен с искренним восхищением воскликнула:

— Майк, вы можете повторить это?

Мактиг повторил.

Чедвик сухо заметил:

— Такая «служба обществу» может подарить вам нож в спину.

— Уж вы-то должны это знать, Чед, — так же сухо ответил тот.

Чедвик рассмеялся, но Мактиг добился своего, ибо на этот раз покраснел все же Чедвик.

Вскоре завтрак окончился. Остальную часть утра я осматривал экипаж и приводил в порядок свой кабинет. Когда я поднялся на палубу, Бенсон был за штурвалом, рядом с ним стоял доктор Сватлов и что-то читал. Остальные находились на передней палубе — женщины

в купальниках и мужчины в шортах, все болтали и смеялись, очевидно, забыв вражду. Время от времени Бурилов начинал петь приятным баритоном.

Ленч все могли получить, где хотели. Бенсон требовал, чтобы все присутствовали только на завтраке и ужине. По приглашению капитана Джонсона я перекусил с ним и там же познакомился с инженером Маккензи, первым помощником Хендерсоном и Смитсоном — вторым помощником. Первый помощник оказался типичным рыбацким капитаном из Новой Англии, второй — приземистым и мускулистым выходцем из Новой Шотландии, с жестким лицом и холодными глазами; выглядел он так, будто кипел в котле неприятностей на всех семи морях. Он был молчалив и имел привычку смотреть в сторону, будто знал что-то особое. С первого взгляда Смитсон мне не понравился, и мне суждено было впоследствии еще больше его невзлюбить. Радиста звали Брукс, это был красивый, старательный и впечатлительный парень двадцати четырех лет. Бедняга Брукс...

Днем я встретился с Деборой. Помня советы Мактига и Пенелопы внимательней заняться ею, я уделил ей больше времени. Ее шотландское лицо с круглыми, слегка навыкате, невинными карими глазами было еще менее выразительным, чем показалось мне с первого взгляда. У нее был широкий рот со сжатыми губами, маленький круглый нос пуговкой. Выглядела она так, словно ничто на свете не может ее испугать или даже удивить, как будто она когда-то обнаружила, что на всякий вопрос есть только один ответ, и она его знает. Может, это и иллюзия, но Дебора всеми силами держалась за свою иллюзию. Наиболее примечательно было исходящее от нее ощущение абсолютной, несокрушимой благопристойности. Оно было более материально, чем ткань ее платья. Представить, что Дебора допустит какое-то моральное прегрешение, было невозможно — легче вообразить, что благовоспитанная курица высиживает крокодила. Я ощутил легкое сочувствие к леди Фитц.

Похоже, что Дебора всегда «слегка недомогала» на борту. Когда она описала симптомы, мне стало ясно, что ее привел ко мне не недуг, а любопытство. Она засыпала меня множеством вопросов, четко сформулированных, которые далеко выходили за пределы обязанностей судового врача. Среди них — и вопрос о моих «религиозных убеждениях». У нее был шотландский акцент, но проявлялся он только когда она волновалась, и я не буду обращать на него внимания, цитируя ее слова. Уходя с простыми лекарствами, которые я ей прописал, она заметила, что на борту собралось «общество безбожников» и что я хорошо сделаю, если припомню заповеди, которым обучили меня родители, добавив, что нам еще найдется о чем поговорить, потому что врач и священник во многом схожи, при всем ее уважении к священнику. Я ответил, что если она имеет в виду тайну исповеди,

то она совершенно права. Сказав, что она именно это имела в виду, Дебора наконец ушла.

В следующие четыре дня каждый час на борту «Сьюзан Энн» в точности походил на все предыдущие. Сражения за столом и перемирие на залитой солнцем палубе. Я с интересом заметил, что Флора преследует Мактига все настойчивей и коварней, либо по совету Чедвика, либо просто чтобы вывести Мактига из себя, либо по какой-то другой причине. Я был уверен, что и Пен тоже это заметила, но, как и меня, это ее только забавляло. Также ясно было, что Бурилов не отказался от ухаживания за сестрой пастора. И столь же очевидно, что Бенсон следит за этим с каким-то полуциничным интересом.

Но к жизни на борту корабля быстро привыкаешь, и вскоре я обнаружил, что уже не обращаю внимания на то, что в первое утро меня так удивило. Большую часть времени я проводил в своей крохотной лаборатории.

На пятый день у меня произошел любопытный разговор с Деборой. Она пришла ко мне в кабинет с вязанием и, безо всякого «с вашего позволения», уселась. Я лениво читал, делать мне было нечего, и потому я приветствовал ее появление.

— Ее милость, — объяснила Дебора, — отдыхает. Меня на время отпустили. Ее милость сказала, что ей будут сниться дурные сны, если я сижу рядом. Вот ее точные слова, доктор Фенимор: «Я уверена, что это будут на редкость чопорные сны. Этого я не вынесу. Уйдите от меня как можно дальше, только за борт не свалитесь. Не затем, что мне будет жаль столь респектабельную особу — просто мне будет неудобно, если вы утонете!»

Впервые я увидел нечто человеческое на лице Деборы — дрожь негодования; спицы в ее руках слегка дрожали.

— Особа! — сказала Дебора. — Респектабельная особа! И я могу отправляться за борт, если это не повредит ее милости! Каково!

Она пропустила петлю, исправила ее и сказала:

— Я решила хоть немного побыть в обществе богобоязненного человека.

Слегка ошеломленный этой незаслуженной данью моей набожности, я смог только поклониться и сказать, что рад ее видеть. В дальнейшем выяснилось, что у Деборы есть необходимость оправдаться.

— Вы, несомненно, спрашивали себя, доктор Фенимор, — сказала она, снова успокоившись, — почему это я, богобоязненная шотландка, остаюсь с такой мирской женщиной, как ее милость? Я объясню. Как кальвинистка, я верю в предначертание. Я верю, что Бог уже отделил агнцев от козлищ и что сделал он это с самого начала. И неважно, что сделают его избранные: назначение их — небеса. Неважно, добрые или злые поступки совершат те, кого он проклял: их назначение — ад. Я хорошо знаю, что я избранная. И я благонравна, поскольку хочу

такой быть. Но если бы я не была такой, это не имело бы никакого значения. Я могла бы стать, — добавила Дебора поразительное признание, — вавилонской блудницей, но мое место по-прежнему было бы на небесах. Мне тяжело это признать, но ее милость — изначально прóклята. Сколь бы распутной и злой она ни была, она не станет более прóклятой, чем уже есть. И ее распутство и злоба не могут запятнать меня. К тому же, — добавила Дебора, — она мне очень хорошо платит. Мне кажется, я полностью ответила на вопрос, который вы себе задавали.

Я подтвердил, что полностью.

— Поняв, почему я терплю ее милость, вы, несомненно, спросите, почему я терплю мистера Бурилова, учитывая отношения, которые, несомненно, их связывают.

— Я ничего подобного не спрашиваю, — ответил я, испытывая неловкость. — К тому же это не мое дело.

— Я вам отвечу, — невозмутимо продолжала Дебора, делая очередную сложную петлю в своем вязании. — Потому что он — часть ее распутного зла. Сам по себе он ничто, понимаете? И даже если бы был чем-то, он тоже изначально осужден. Поэтому мне все равно, кто делает распутное зло ее милости полным. И моей избранности это не уменьшает. Я ясно выражаюсь?

— Предельно ясно, — ответил я.

— Были и похуже мистера Бурилова, — продолжала Дебора. — Гораздо хуже, если допустимо сравнивать орудия распутного зла. Я вам расскажу, как они встретились. Ее милость была в то время в Штатах, где у нее красивый дом у моря. С мистером Буриловым она уже однажды встречалась в Париже. Он из старинного русского рода. И он беден. Но у него есть друзья, которые дали ему денег, чтобы он поехал в Штаты. Он должен был заплатить им, если его поездка окажется удачной. Он приехал и возобновил свое знакомство с ее милостью. Сначала она им не заинтересовалась, хотя он забавлял ее своим пением и выходками; но она позволила ему жить в своем доме. Особых успехов у него не было.

— Потом, — продолжала Дебора, откладывая вязание и наклоняясь ко мне, — примерно в два часа ночи в доме не было никого, кроме ее милости и меня. Послышался громкий стук в дверь, как при нападении. И мы услышали, как мистер Бурилов кричит, чтобы его впустили. Ее милость застонала и вздрогнула, и я спросила, позвонить ли в полицию. Но ее милость сказала «Нет». И тут дверь с громким треском разлетелась. Я вся похолодела, но ее милость по-прежнему не позволяла мне вызвать полицию. «Я храбрая женщина, Дебора, — сказала она, — и встречу все, что бы меня ни ожидало». Было слышно, как мистер Бурилов кричит и топает по лестнице. Он появился у входа в спальню ее милости и казался очень пьяным, но позже у меня

появились в этом сомнения. Ее милость вскрикнула и побежала, мистер Бурилов погнался за ней. Ее милость была одета только в шелковую ночную рубашку. Она пыталась укрыться в дальней комнате, но мистер Бурилов догнал ее. Ее милость стояла, дрожа, закрыв лицо руками, но она храбрая и не закричала. Тогда мистер Бурилов рассмеялся ужасным смехом, вот так: ха-ха-ха!..

Подлинно демонический смех никак не сочетался с ее безмятежным лицом. Я спросил:

— А что было потом?

— Потом мистер Бурилов протянул руку и сорвал с ее милости ночную рубашку. Она стояла, дрожа, закрыв лицо, совершенно голая. И что, вы думаете, сделал мистер Бурилов?

Я с легкой дрожью ответил:

— Вы считаете, вам следует об этом рассказывать, Дебора?

— Я скажу вам, что он сделал, — невозмутимо продолжала Дебора. — Он тоже закрыл свое лицо руками и дважды воскликнул: «Ужасно! О, как ужасно!»

— И бежал! — прошептала Дебора, торжественно кивая головой. — И бежал! — повторила она. — Только тут прорвался праведный гнев ее милости, и она велела мне вызвать полицию. Но было уже поздно. Мистер Бурилов исчез.

— Ее милость, — продолжала Дебора, — была в ярости. Она приказала отыскать мистера Бурилова. Готова была отправить его в тюрьму. Но три дня спустя ей сказали, что он болен, находится на пороге смерти и очень мучается угрызениями совести от того, что сделал. Он говорил, что когда сорвал с нее рубашку и увидел совершенство ее тела, — Дебора фыркнула, — он почувствовал, что совершает непростительное святотатство. Он плакал и просил ее прощения, чтобы умереть счастливым. Ну, ее милость была очень тронута. Она послала за мистером Буриловым и снова приняла его в своем доме... И мистер Бурилов подозрительно быстро поправился, — резко сказала Дебора, — ее милость купила ему новый гардероб, и скоростной катер, и собаку, и с тех пор они в очень-очень дружеских отношениях.

Дебора смотрела на меня своими невинными безмятежными глазами, лицо ее ничего не выражало.

— Мне кажется, вам не следовало мне об этом рассказывать, Дебора, — неловко сказал я.

— Ну, — сказала Дебора, переходя на свой шотландский акцент, — священнику и врачу можно говорить то, чего не скажешь никому другому. И я много еще что могу рассказать. Например, как леди Брустер-Филлон украла молодого мистера Макдональда у ее милости и два дня и две ночи продержала его без сна, заставляя расчесывать свои волосы. Да, а ведь ее милость поклялась матери молодого мисте-

ра Макдональда сохранить его невинность любой ценой. Хотите послушать?

— Нет, — торопливо сказал я. — Нет, нет, Дебора. Мне нужно еще поработать.

— Ну, что ж, как-нибудь в другой раз, — сказала Дебора, вставая и собирая свое вязание. — Крайне интересный эпизод из жизни ее милости и крайне поучительный.

Она повернулась к двери.

— Вы мне нравитесь. И мне нравится рыжий мистер Мактиг. Он умеет предсказывать будущее, и у него есть второе зрение. Но я бы не стала верить, если он заглянет слишком далеко. О, нет! Мисс Пенелопа — она хорошая девочка, но ее ждет горе. Но особенно не стала бы я доверять этому парню Чедвику. На нем следы дьявольской сажи. Да, дьявольская сажа глубоко въелась в него! И в девчонку Сватлов тоже. Пустой сосуд, который готов заполнить дьявол. «Сьюзан Энн» — прекрасное поле, которое готов засеять дьявол, и мне кажется, что мы с вами увидим жатву. Подумайте об этом, доктор Фенимор. У меня тоже есть второе зрение.

И она направилась к двери. Я слегка развеселился, но в глубине души почувствовал легкое беспокойство; однако, из-за чего — понятия не имел.

На следующий день Бенсон получил радиограмму, что нужно подписать важные документы, отправленные в Сантъяго. Перемена курса ничего не значила для Большого Джима, пока он мог держать в руках рулевое колесо, поэтому мы свернули к Кубе. На девятый день после выхода из Майами мы причалили в Сантъяго, покончили со всеми делами и снова двинулись на юг, к Ямайке.

Два дня спустя передали первое штормовое предупреждение. Мы шли при легком попутном ветре и при нынешней скорости должны были через тридцать шесть часов добраться до Кингстона — ближайшего порта, куда мы собирались зайти. Во время обеда Брукс принес это штормовое предупреждение. Сообщалось, что центр урагана движется прямо на нас и что ураган необычайно сильный. Капитан Джонсон предложил убрать паруса, запустить дизели и двигаться к безопасной, закрытой гавани Порт-Антонио, которая гораздо ближе Кингстона. Бенсон после долгих споров неохотно согласился.

Сообщение Брукса неожиданно прервало разговор, который я не скоро позабуду. Кто-то, кажется, Чедвик, спросил, сколько минут в день средний человек, считающий себя живым, на самом деле живет — живет сознательной жизнью, а не просто привычками и инстинктами. Бенсон сказал, что, по его подсчетам, час в сутки — довольно завышенная оценка. Сватлов заметил, что в человеке есть и высшая материя, которая всегда жива, спит ли он или бодрствует. Мактиг спросил, уж не душа ли это, и пастор ответил — да.

Леди Фитц сказала:

— Но, как известно, мистер Мактиг не верит в существование души.

Я никогда не встречал человека, который, подобно леди Фитц, мог совершенно невинные слова при помощи интонации, ударения и пауз сделать столь ядовитыми. У нее явно был дар — впрочем, конечно, не небесный. В этих нескольких словах она умудрилась не только обвинить Мактига в отсутствии разума, но и намекнуть, что он жалкое, низменное существо, допущенное в человеческое общество по недосмотру, и что она умывает руки. Мактиг все понял, и, очевидно, это на него подействовало.

Он откинулся, сощурив глаза, и спросил:

— Душа! Из чего она сделана? Их заново штампуют для каждого новорожденного? Или берут старые, чистят, латают и снова пускают в дело? Кто за ними присматривает, кто вставляет их в их смертные футляры? Когда мы их получаем? В момент зачатия? Если это так, то это непростительное вторжение в личную жизнь. Или их помещают после того, как зародыш достигает определенной стадии развития? Вы вот, леди Фитц, получили свою душу после того, как утратили жабры или расстались с обезьяньей шерстью? А может, родовые муки — просто следствие беспокойства небесного жильца, который мучается, как женщина, надевающая тесные туфли?

— Очень грубо, Майк, — прошептала Пен.

Леди Фитц, побелев от гнева, сказала:

— Отвратительно!

Мактиг улыбнулся.

— Вовсе нет. Я только задаю вопросы, которые приходят в голову всякому разумному человеку. И жду разъяснений от тех, кто в этом специалист.

Преподобный Сватлов сказал:

— Я вам отвечу. Бог создает душу. Это часть его бессмертной сущности. Он дарует ее нам из своей святой сокровищницы. Душа входит в нас с первым вздохом и уходит с последним.

Мактиг сказал:

— Знаете, пастор, это для меня ново. Это что-то вроде пылесоса. Душа выдувается из небесной детской (вы ее называете сокровищницей). Конечно, это объясняет существование близнецов, тройни, четверни. Они запутались в хранилище и ко времени первого вдоха не успели распутаться. Поэтому появляются все вместе.

— Ну, мистер Мактиг, если вы предпочитаете абсурд...

— Абсурд? — переспросил Мактиг. — Но где здесь абсурд? Это самое разумное объяснение, какое мне приходилось слышать. Оно объясняет существование зла на Земле: убийств, насилий, жестокости, бедности, болезней и всего прочего. Бог слишком занят, подбирая ду-

ши для новых жителей Земли, и у него просто не хватает времени для всего остального. Решение тут простое: объявить мораторий на рождение, скажем, лет на десять, и Бог получит возможность...

Бенсон раздраженно взревел:

— Майк, прекратите! Вы раздражаете леди Фитц. — Он посмотрел на леди Фитц, которая сидела, заткнув уши, закрыв глаза, и бормотала молитвы или формулы, которые считала молитвами. — Ну, вы своего добились, так что заткнитесь, — мрачно добавил он.

— Я только хотел выяснить...

Бенсон сказал:

— Я поставлю перед вами настоящую задачу. Если мы живем разумной жизнью только один час из двадцати четырех, кто же правит нами в остальные двадцать три? И не говорите мне, будто в это время мы просто механизм из мышц, крови, нервов и костей, который действует совершенно инстинктивно. Я в это не верю. Природа не терпит пустоты, а наши тела — весьма удобное жилище... — Он взглянул на доктора Сватлова. — Ваше преподобие, разве ваш Господь не говорил, что в доме его отца много комнат? Что ж, в этом доме, — он постучал себя по лысой голове, — действительно много комнат. Кто же в них? Некоторые двери закрыты. Другие распахнуты — и иногда из них выглядывают обитатели, и даже чужаки туда могут забрести, когда мы спим. Кто же они? Может, наши предки, изгнанные из своих домов смертью? Почему бы им не поискать убежища в плоти от своей плоти и в кости от своей кости? Разве у них нет права там поселиться? Почему бы им не взять в руки колесо, когда я сплю?

Он помолчал, словно ожидая ответа, но никто не заговорил; за столом воцарилась странная тишина. Бенсон продолжал:

— То, что мертвые могут снова ожить, не более странно, чем то, что живые должны умереть. Забыл, кто это написал, но это истинная правда. Неужели то в человеке, что сражается, любит и ненавидит, надеется и отчаивается, мечтает и творит, может быть задуто, как свеча, дуновением смерти? Как будто этого никогда не было? Я в это не верю. Лишение тела — да, но уничтожение — нет. Я считаю: возможность для мертвых существовать менее странна, чем необходимость для живых умереть!

Он ударил кулаком по столу и взглянул на Мактига. Я услышал, как леди Фитц быстро прошептала: «Бог есть любовь. И я часть Господа. Ничто не может повредить мне. Я часть Господа, и я есть я».

Бенсон сказал, на этот раз спокойнее и как будто про себя, а не обращаясь к нам:

— Что же эти бестелесные? Наше пламя жизни манит их. Они вьются вокруг нас, как чайки вокруг маяка. И не только сознания наших предков... другие сознания стремятся к пламени, и не знаю,

что их привлекает... они ищут вход, ищут всегда, и когда мы теряем бдительность, находят его... прячутся... и ждут, ждут...

Леди Фитц вскочила быстрее спящей кошки, которой наступили на хвост. Лицо ее было белее мела.

— Алексей! Алексей, немедленно выведи меня на палубу!

Бурилов вскочил, обнял ее и повел к трапу. Вне всякого сомнения, леди Фитц решила, что с нее хватит. Бенсон молча смотрел им вслед. Доктор Сватлов откашлялся, будто собираясь заговорить.

Бенсон проворчал:

— Дьявольщина! Я вовсе не хотел пугать ее! Но все же я говорил серьезно...

И тут появился Брукс с сообщением об урагане.

Да, в последующие дни я не раз вспоминал этот разговор, как предсказание... как будто в нем содержалось какое-то объяснение, намек... способный объяснить необъяснимое... а может, эта истина слишком трудна для понимания.

3. УРАГАН

В середине следующего дня я стоял у левого борта. Метеосводки о продвижении урагана становились все тревожнее, и наши дизели работали на полную мощность. Все паруса на «Сьюзан Энн» были убраны, иллюминаторы проверены и задраены. В воздухе зависла странная дымка, как будто солнце светило из-за светло-желтого стекла. Подошел Хендерсон и остановился рядом. Я спросил:

— Далеко ли до Порт-Антонио, Хендерсон?

— Примерно семьдесят пять миль. Через несколько часов должны увидеть сушу.

Я указал на юг и спросил:

— А это что?

На горизонте из моря поднималось нечто вроде огромной непрозрачной зеленовато-черной волны. Она стремительно превращалась в гору, и гора все с той же скоростью разрасталась, пока не заняла десятую часть горизонта. И понеслась вперед, наклоняясь на ходу; края ее стали четче, и я ясно, словно с борта самолета, увидел тростниковые хижины и пальмы на ее склонах. По одну сторону горы шел тропический ливень, там сверкали молнии; по другую сторону ярко сияло солнце.

Хендерсон прошептал:

— Мираж. Это Ямайка — Голубая гора.

Он смотрел напряженно, пригнувшись, руки его, сжимавшие ограждение борта, побелели.

Так же неожиданно, как и появилась, гора исчезла. Желтая пелена пропала, и воздух стал хрустально ясным. И тут повсюду в небе

и на море зависли мириады радуг, больших и маленьких, а в глубине моря появились полоски семицветного сияния, словно бы там затонули другие радуги.

Снова свет пожелтел. Потемнело. Я услышал шум с востока и увидел там нечто вроде огромного грязно-желтого занавеса, летящего к нам; пространство, в котором мы плыли, неожиданно сжалось, и горизонт, казалось, надвинулся на нас.

Хендерсон подтолкнул меня к передней надстройке, а сам бросился на корму, где, пригнувшись, как боксер, стоял за рулем Бенсон. Я распахнул дверь, и она с грохотом захлопнулась за мной. Послышался невероятный грохот, словно клипер влетел в пасть ревущего великана. Рев становился все выше, пока не превратился в гудение на пределе слышимости.

«Сьюзан Энн» взмыла вверх, вначале медленно, словно в гигантском лифте, потом все быстрее, и зависла. С ощущением тошноты я ухватился за край койки.

В борт клипера ударило — могучий удар, точно нанесенный кулаком архангела глубин. Клипер наклонился, так что палуба стала левым бортом, а левый борт — потолком.

Корабль выпрямился медленно, но с каждым мгновением двигаясь все быстрее. Пол залила бурлящая вода, снаружи слышалось высокое гудение, словно работала гигантская динамо-машина. Воздух так сгустился, что я с трудом мог дышать. Чьи-то невидимые гигантские руки стискивали грудь, сжимали горло. Неожиданно давление ослабло; корабль затрясся под непрерывными ударами волн, подобных молоту в руке урагана. Между ударами яхта дрожала в такт гудению, которое стало еще выше и продолжалось непрерывно.

Раскрылась дверь камбуза, и оттуда выполз Слим Бэнг. Он что-то крикнул, но я не разобрал слова. Он поманил, и я пополз к нему. И с трудом расслышал: «Хуан... я его нашел в камбузе... Он сильно ранен...» Забравшись вслед за ним на камбуз, я увидел, что он более чем прав. У баска была сломана шея. Первый удар урагана, видимо, ударил его о плиту. Я уже ничем не мог помочь, и попытался пробраться в свою маленькую лабораторию. Там все было разбито и размыто. Я ощупью попытался найти медикаменты.

Показался Мактиг, голый по пояс, лицо и грудь залиты кровью из пореза над левым глазом. Он сказал:

— Быстрее обработайте рану, я должен вернуться к рулю.

Я сделал ему перевязку, как мог. Конечно, следовало бы зашить рану, но об этом не могло быть и речи.

— Каковы наши шансы, Мактиг? Только не подслащивать пилюлю.

— Невелики. Брукс мертв — фок-мачта сломалась и упала на радиорубку. Почти ничего не осталось ни от рации, ни от Брукса. Пи-

терс, второй помощник, и Даффи, тот парень из Нью-Бедфорда, смыты за борт.

— Хуан мертв, — сказал я.

Он скривился, когда я смазал рану йодом.

— Это был хороший кок. Но, похоже, скоро он снова будет для нас готовить.

Когда я закончил перевязку, Мактиг сказал:

— Соберите всех в столовой и задержите там. Дайте Бурилову успокоительное, у него истерика. За ним присмотрит Коллинз, стюард. И Пен. Сами будьте в передней надстройке, если вас не позовет Пен. Туда и пойдут члены экипажа, если понадобится ваша помощь.

Ураган трепал нас тридцать восемь часов. Иногда наступали краткие периоды затишья, которые были еще хуже грохота бури: это был покой смерти. Но потом ветры снова обрушивались на эти кусочки тишины, и они исчезали. На краткие мгновения море разглаживалось, как будто тут ступала нога архангела глубин, чей кулак ударил нас... а после оттуда начинали бить гейзеры пенной воды, и их немедленно захлестывали волны.

И все время этот сводящий с ума гул, вой ветра и свистящие удары волн.

Тридцать восемь часов — и ураган кончился так же внезапно, как и начался. Но перед этим нанес нам последний, самый тяжелый удар.

Большинство из нас отупело и впало в летаргию от непрерывного гула, яростного движения и ожидания смерти, но Бенсон ни на мгновение не переставал бороться за жизнь корабля, как, должно быть, много раз делал его предок старый капитан Бенсон.

Я слышал крики с кормы. «Сьюзан Энн» развернулась и качалась в седловине меж волнами.

Неожиданно мне пришло в голову, что ураган мог послужить катализатором, которого опасался Кертсон, и что Бенсон слишком долго носил умственную маску. Испытанное им напряжение могло окончательно высвободить ту личность, которой он так старательно подражал и которая помогала ему убегать от реальности. Он мог утратить контроль и исчезнуть навсегда. Что, если ураган изменил его? С беспокойством я подумал о такой возможности. И мои опасения лишь усилились от слов Мактига.

Было утро второго дня урагана. Мактиг добрался до передней надстройки, измученный и промокший.

— Я думаю, Джим нас вытащит, — сказал он. — И гадаю — может, для него лучше будет не делать этого.

— Странные вещи вы говорите, Майк.

— Не прикидывайтесь глупцом. Вы не хуже меня понимаете, о чем я говорю. У руля слишком мало Большого Джима и слишком много старого капитана.

Я сказал с уверенностью, которой не испытывал:

— Ерунда. Опасность минует, и Большой Джим снова станет Большим Джимом.

Он покачал головой.

— Может быть... а может, и нет. Пен тоже обеспокоена.

Я сказал:

— Тоже — ерунда. На ней сказывается напряжение. Оно на всех нас сказывается. Как ведет себя Чедвик? Я его не видел.

Мактиг улыбнулся.

— Слишком хорошо. Я его ненавижу, но вынужден признать, что в нем есть кое-что.

И с этими словами он вышел.

Если Пен и беспокоилась за отца, мне она этого не говорила. Она помогала мне — море больше никого не отняло у нас, но почти у всех были ушибы и небольшие раны. Пен была рядом, спокойная, ясноглазая, сочувствующая и бесстрастная. Сватловы, оба, чуть не умерли от страха и были совершенно бесполезны; Бурилов — тоже: он напился до беспамятства, поглощая коньяк бутылками.

Больше всего меня удивило, как реагировала на опасность леди Фитц-Ментон. Она цеплялась за надежду с чувством, которое я могу определить только как страстное самообладание. Временами отступая в убежище своей веры, она вновь появлялась оттуда, как жрица, с формулами молитв и бесконечной верой в божественное вмешательство, которое обязательно спасет ее.

— Буря не может повредить мне, море не может повредить мне, я часть Господа, и ничто не может причинить мне вред, я часть Господа, и поэтому не могу погибнуть.

Снова и снова повторяла она эту и другие фразы, абсолютно убежденно, сжав руки, закрыв глаза. Это было чрезвычайно интересно: любопытный психологический феномен, за которым я внимательно наблюдал, чтобы сделать подробный отчет для Кертсона, если нам удастся спастись. Это походило на формулу покойного доктора Кюза: «С каждым днем я становлюсь все лучше и лучше». Во всяком случае, эта процедура оказалась отличным средством против страха.

А Дебора оставалась невозмутимой: надежная, как скала, перефразируя ее собственное выражение. Спокойная, безмятежная, она заботилась о леди Фитц и Флоре Сватлов. Разумеется, огня в печи не было, так что готовить пищу было невозможно. Но Слим и Дебора умудрились из консервов соорудить нечто съедобное. Во время одного из самых сильных ударов шторма я сказал ей:

— Вы как будто не боитесь утонуть, Дебора. Почему? Или вам помогает ваше второе зрение?

— Знаете, доктор Фенимор, — она перешла на свой шотландский диалект, искоса глядя на меня, — возможно, в этом что-то есть. Есть

вещи похуже, чем утонуть в открытом море; но я не думаю, что для корабля это лучше. Утонем ли мы или нет, все это предопределено изначально, и мы не можем изменить предначертанного.

— В таком случае, — несколько раздраженно заметил я, — если мы не можем ничего сделать, не лучше ли просто лечь: пусть корабль сам тонет или выплывает?

— Но ведь это тоже предначертано, — оживленно ответила она и пояснила: — Если предначертано, чтобы вы легли и сложили руки, вы ляжете и сложите их. Если предначертано, чтобы вы их использовали, вы не сможете их опустить. Вы ничего не можете сделать, что не было бы предначертано. Ничего.

— У меня больше нет вопросов, — сказал я, рассмеявшись.

— Но я еще кое-что скажу, — произнесла Дебора, когда я собирался выйти. — Скажу вам истинную правду. Это подсказало мне второе зрение. Корабль переживет бурю. Он не потонет, пока...

— Пока что? — подтолкнул я, видя, что она колеблется.

— Пока дьявол не дождется своего дня, — мрачно сказала Дебора. — Пока не дождется своей победы. Помните об этом, доктор Фенимор, и пусть это вас утешает.

Она мрачно, так же как и говорила, выпрямилась и вышла своей нелепой походкой. Весьма комичная фигура, но почему-то мне уже не хотелось над ней смеяться.

Вскоре после этого ураган нанес нам последний и самый тяжелый удар. Именно он открыл дверь для того зла, что обрушилось на нас.

На пороге каюты появился мокрый Мактиг.

— Бенсон ранен! — закричал он. — Мы отнесли его в его каюту. Идемте быстрее!

Пока мы пробирались по коридору, он объяснял:

— Нас развернуло волнами. Брус сорвался, протаранил рулевое колесо и ударил Бенсона. Не знаю, насколько серьезно он ранен, но сейчас он без сознания. К счастью, как раз закончили сооружать штормовой якорь. Но если он не удержит — Боже, помоги нам!..

Бенсон лежал на койке, над ним склонилась Пен, у ног его стоял Чедвик. Я невольно бросил взгляд на портрет старого капитана. Лицо человека на постели постарело. Черта за чертой оно стало лицом с портрета. Все мелкие различия исчезли. Тот же тонкогубый неулыбчивый рот, те же глубокие складки от раздувающихся ноздрей к углам рта, те же запавшие глаза, окруженные паутиной крошечных морщин.

Я осмотрел Бенсона. На затылке вздулась большая шишка, но не было никаких следов пролома. Единственная открытая рана — трехдюймовый порез над правой лодыжкой. Сердце бьется ровно, дыхание ровное, глубокое и правильное. Я решил, что в его состоянии больше всего виновато нервное истощение, и удар по голове лишь приблизил обморок, который все равно случился бы. Конечно, было легкое со-

трясение, и он некоторое время будет хромать, но ему повезло, и чем дольше он проспит, тем лучше. Я поделился с Пен этим мнением. Она встала и вышла — наверное, в одиночестве поплакать от облегчения. Я ввел Бенсону успокоительное, перевязал рану и сел рядом.

Два часа спустя мы вышли из урагана так же внезапно, как и оказались в нем. Море продолжало штормить, но было уже относительно спокойно, и едва стих высокий гул ветра, словно густое масло разлилось по нашим нервам. Большой парусиновый мешок — плавучий якорь — держал нас, направляя нос корабля против ветра и волн.

Бенсон продолжал спать. Даже в глубоком сне его лицо не смягчалось, оставаясь жестким, напряженным и старым. Очень старым. Лицо с портрета.

4. ГАВАНЬ БЕНСОНА

Семьдесят часов спустя мы увидели остров; вначале как черточку на краю моря, как полоску слабого свечения на фоне голубого неба у самого горизонта. Когда мы приблизились, мираж приподнял остров, показались белые утесы, песчаные пляжи и гигантские заросли; еще ближе — и остров превратился в голубую полосу в двадцати милях от нас.

Часов двадцать Бенсон крепко проспал. Характерно, что, проснувшись, он прежде всего послал за капитаном Джонсоном и расспросил его о состоянии «Сьюзан Энн». Только после этого послал за мной и стал расспрашивать о своем собственном состоянии. Лицо его приобрело прежнее свое выражение. Большинство признаков возраста исчезло, морщины стали не столь глубоки, глаза меньше западали. И голос стал прежним, звучным, ничего общего со скрипучим, слегка завывающим голосом старого капитана; и из речи исчезли старинные обороты.

Но, осматривая его, я все чаще думал, что с ним произошла какая-то эмоциональная перемена, некое умственное напряжение отражалось на мышечных реакциях. Как будто вся его воля сосредоточилась на том, чтобы оставаться... самим собой. Как уставший пловец, который стремится держать голову над водой, борется с погружением, пытается преодолеть то, что тянет его вниз.

Опухоль на голове заметно спала, но когда я коснулся ее, он сморщился. Бенсон настоял на том, чтобы снять повязку с его ноги, и сам осмотрел рану, а осмотрев, не стал спрашивать, скоро ли она заживет. Опустил ноги на пол, проковылял к шкафу, где держал свою одежду, попросил прислать Мактига и отослал меня.

С тех пор он все время проводил на палубе и в своей каюте. Меня встревожило то, что он явно избегал Пен. Он был с нею мягок, добр, но держался от нее как можно дальше — вернее, не подпускал

ее к себе. Мне казалось, что он ее чуть ли не боится. Если экипаж и заметил это, то приписал беспокойству Бенсона за состояние корабля. Собравшиеся в столовой требовали объяснений по поводу поведения Бенсона и его пустующего места, и Пен старательно пыталась все уладить.

Ураган нанес такой ущерб «Сьюзан Энн», который опечалил бы сердце любого, а уж тем более — Бенсона. Вся ее красота была разбита, она превратилась в потрепанную морскую развалину. Мы выбрались из урагана с обрубком фок-мачты; бизань-мачту так расшатало, что она не выдержала бы и одного паруса, даже если бы сохранился такелаж. Руль был цел, но совершенно бесполезен, поскольку штурвал сломался. Приходилось надеяться лишь на плавучий якорь, чтобы удерживаться против ветра и волн.

Клипер дал сильную течь, и команда постоянно работала у помп. Все шлюпки смыло, кроме капитанской гички и двух небольших лодок, которые каким-то чудом уцелели. Машинное отделение затопило, дизели вышли из строя, и один из них — непоправимо.

Ночью мы попали в течение и двигались со скоростью примерно три узла в час. Ветер стих, море успокоилось. Наблюдения показали, что мы находимся где-то на юго-востоке Багамского архипелага, примерно в ста пятидесяти милях к востоку от островов группы Кокос и к северу от Гаити. На карте поблизости был обозначен небольшой остров с пометкой «сомнительно». Других кораблей мы не встретили, но что рано или поздно нас подберут — казалось несомненным.

Но Бенсон не хотел быть подобранным. Маккензи со своим помощником Барнсом умудрились как-то залатать один из дизелей, хотя работал он очень ненадежно.

Установили самодельное рулевое устройство, на месте фок-мачты поставили временную мачту. И вот с такой оснасткой Бенсон поклялся, что приведет «Сьюзан Энн» в любой порт. И не желал слушать возражения.

Но при первом же взгляде на остров свирепое упрямство, мрачность и неразговорчивость покинули его. Я находился поблизости и слышал, как Бенсон зовет капитана Джонсона. По трапу с грохотом сбежал Мактиг, широко улыбаясь. Я остановил его.

— Что случилось, Майк?

— Большой Джим пришел в себя, — ответил он. — И клянусь адом, как счастлива от этого Пен! А все этот остров. Он оказался гораздо лучшим врачом, чем вы.

— О чем вы, Майк?

— Остров, мой милый, остров! Старый добрый доктор Остров, который вернул Большому Джиму себя. Мы направляемся туда и посмотрим, что он из себя представляет. И если там есть гавань, мы превратим ее в косметический кабинет.

— Но, Майк, как мы туда доберемся?

— При помощи полуразбитого дизеля, дубовых весел и могучих плеч, парень. Толкать и тянуть. Боже, вы только послушайте, как кричит Большой Джим! Я никогда не думал, что способен так радоваться его голосу. Не задерживайте меня, я лечу к Пен передать, что папочка наконец-то хочет ее видеть.

Мы все ближе и ближе подходили к острову, пока не оказались всего в полумиле. И тут течение повернуло и понесло нас вдоль берега. Никакого следа бухты или места, где можно бросить якорь. От узкого белого пляжа поднимались почти отвесные высокие песчаные дюны, отмель тянулась очень далеко. На вершинах дюн со странной упорядоченностью росли кусты и одинокие пальмы. Они больше всего походили на пучки серо-зеленых волос на лбу гиганта, лицо которого скрывалось под водой. Ни одной дюны без кустов и хотя бы единственной пальмы с перистыми листьями над стройным узловатым стволом.

Я снова услышал крик Бенсона. Он куда-то показывал и размахивал биноклем, в который изучал берег. У руля столпилось много народу: леди Фитц с Буриловым, Сватловы, а также Пен. Я присоединился к ним, и Бенсон, к моему удивлению, чрезмерно бурно встретил меня, протянул бинокль и проревел:

— Глядите, костоправ! Гавань Бенсона! Нет, Счастье Бенсона, клянусь Господом! Смотрите — вон туда!

Я поднял бинокль и увидел проход в дюнах, узкий пролив, за которым виднелось большое водное пространство — лагуна. Но сможем ли мы туда попасть? Сверхъестественно, как и раньше, Бенсон прочел мою мысль:

— Конечно, доберемся! Счастье Бенсона, говорю вам!

С левого борта спустили лодку на шесть весел, куда сели самые крепкие моряки; гичка находилась слева, но на долю лодки выпадала самая трудная работа. Ей предстояло удерживать корабль против течения. Тросы натянулись. Дизель протестующе закашлял, но под присмотром Маккензи не заглох. Клипер развернули поперек течения. Мы были у входа в пролив. Фут за футом «Сьюзан Энн» начала вползать в него.

Пролив оказался глубоким, но узким, острые клыки рифов в нескольких футах над поверхностью угрожали с обеих сторон. Природа расположила их с такой же странной регулярностью, как и растительность на дюнах, так что они напоминали широко расставленные зубы, и клипер двигался словно в пасти какого-то спящего морского чудовища, которое может в любой момент проснуться и раздавить его.

Пляж вдоль моря напоминал рукоять серпа. Изгибающийся берег пролива справа от нас служил обратной стороной лезвия. Между нами и ним теснились коралловые клыки. Левый берег тоже изгибался, но

не так грациозно, как правый. Он был пологий, заросший, и маленькие мангровые рощицы приближались к нам, будто грозили остановить наше продвижение.

Солнце уже коснулось горизонта, окунуло расплавленные лучи красного золота в море, как гигантская круглая плавильня, которую неожиданно раскрыли. Когда мы достигли конца пролива, солнце скрылось за горизонтом. Справа по борту находился заросший высокой травой берег, он резко заворачивал внутрь, образуя мыс, за которым ничего нельзя было разглядеть.

Мы вошли в лагуну. Она оказалась широкой, глубокой и хрустально-чистой — жидкий изумруд в тускнеющем свете. На дне виднелись кораллы, морские веера и анемоны, подобные пульсирующим живым аметистам, к кораллам жались медузы с волнистыми краями, похожие на фантастические цветы, а среди водорослей мелькали яркие тропические рыбки. Отмели у берега были усыпаны множеством серебристых раковин, чистый песок пляжей казался бледно-розовым в сумерках.

С востока лагуну защищал подъем острова. Гавань была великолепная. Мы проплыли несколько сот футов. Заскрипели лебедки, загремели якорные цепи, и мы остановились, оказавшись у длинной отмели. Ее выгнутый конец уходил почти к самому берегу. Вероятно, дальше еще была вода — может быть, вторая лагуна, а может, только небольшой залив. Но, что бы там ни было, его закрывали высокие дюны.

Обедали молча. Впервые после урагана Бенсон сидел с нами. Но говорил он преимущественно с капитаном Джонсоном и только о клипере. Бурилов впал в меланхолию, и все остальные, казалось, тоже решили побыть наедине со своими мыслями. Всех как будто охватила легкая депрессия, и даже я оказался задетым ею. Дело в том, объяснял я себе, что наступила реакция после напряжения последних нескольких дней.

Я пошел к себе, но заснуть не сумел и спустя некоторое время вновь поднялся на палубу. Стояла темная ночь — луна еще не взошла, и звезды светили тускло. Я стоял, глядя на отмель с ее концом-петлей, когда сзади ко мне подошел Мактиг. Он неподвижно постоял несколько минут, как и я, глядя на конец отмели, затем спросил:

— Нравится, Росс?

— Нет. — Меня самого удивила определенность и резкость моего ответа.

— Почему? Это прекрасное место — и счастье Бенсона, знаете ли.

— Не знаю, почему. А вам нравится, Майк?

Прежде чем он успел ответить, приглушенный колокол на «Сьюзан Энн» пробил шесть быстрых ударов — одиннадцать часов.

— Почему вам не нравится?..

— Слушайте!

Из тьмы за отмелью донеслись удары корабельного колокола. Они одновременно шли из-за отмели и из бесконечности. Один удар, два, три — и еще три, повторяя корабельный колокол клипера. Послышался высокий резкий свист — похоже на свист кроншнепа высоко в воздухе... или на призрак боцманской дудки.

Я почувствовал странный холодок на затылке. Мактиг далеко перегнулся через поручень, прислушиваясь. Больше ничего не было слышно. Он распрямился.

— Может, поэтому нам здесь и не нравится.

— Там, наверное, корабль, — неуверенно сказал я.

— Несомненно. Но что за корабль? И кто там боцманом?

Он вздрогнул, повел широкими плечами.

— Ну, что ж, завтра узнаем. Спокойной ночи. — И ушел.

Мне почему-то не хотелось оставаться одному на палубе, и я вернулся в свою каюту.

5. БЕЗЫМЯННЫЙ КОРАБЛЬ

Спал я плохо. Ночью проснулся, выскользнул на палубу и снова стал смотреть в сторону отмели. Луна в последней четверти висела низко и была красная. В ее свете неподвижная поверхность лагуны казалась подернутой тонкой пленкой крови. Плеснулась рыба, и по воде начали вяло расходиться круги — словно камень бросили в море крови. Берег казался сплошной черной стеной, увенчанной фантастическими бастионами из пальмовых листьев и древесных ветвей.

Сразу после рассвета я оделся и вышел на палубу. Там был Мактиг. Я сказал:

— Здравствуйте, Майк. Как спали?

— Ужасно. Вы тоже не выглядите, как росистая маргаритка. В чем дело?

— Слишком много колоколов-привидений. Слишком много призрачных боцманских дудок.

Он рассмеялся.

— Те же симптомы. Та же причина. Воображение, скорее всего. Лагуна великолепна, но, может, не так безопасна, как выглядит. Взгляните на берег.

Но я вначале посмотрел на петлю отмели. Она была из белого песка, и нигде не было ни следа растительности. За ней возвышался огромный песчаный утес. Прикинув с палубы примерное расстояние до него, я определил, что высота его не менее семидесяти пяти футов над уровнем воды. Поверхность его казалась только что сформировавшейся, будто ее недавно срезали гигантской лопатой. От нее я перевел взгляд на лагуну. Она была поистине прекрасна, вода ее блистала,

как шелк, — сапфир, павлинья синева, зелень, ясный и в то же время туманный цвет изумрудов, молочный нефрит. Но утреннее солнце обнажило то, что скрывало вечернее. Мощь урагана тяжело прошлась по острову. За изгибами пляжей видны были клубы вырванных пальм, сосен, лиан, в зарослях образовались широкие просеки.

Мактиг сказал:

— Это не просто ветер. Должно быть, большие волны перекатились через дюны и прорвались в лагуну. Наверное, они и срезали высокую дюну вон там. Если это так, вряд ли мы найдем большую воду за петлей... — Он помолчал. — Во всяком случае, не для большого корабля.

За завтраком место Пен пустовало. Бенсон сказал, что у нее болит голова. Все были возбуждены, опасности и лишения урагана теперь превратились лишь в необыкновенное приключение. Кто-то спросил Бенсона, долгой ли будет наша стоянка на острове. Тот коротко ответил: столько, сколько потребуется для починки корабля. Потом, словно решив, что сделал какой-то неверный шаг, украдкой оглянулся и добавил почти извиняющимся тоном, что ремонт займет всего несколько дней и никто не испытает особенных неудобств из-за такого отлучения от мира.

Мне это показалось очень странным, и по выражению лица Мактига я понял, что он тоже что-то почувствовал. Я подумал, что Большому Джиму никогда и в голову не пришло бы извиняться за то, что он собирается делать; и я был полностью уверен, что старый капитан первой «Сьюзан Энн» был так же деспотичен. Не слишком ли оптимистичен был Мактиг, заявив, что Большой Джим пришел в себя?

И тут я вдруг вспомнил известный клинический случай, когда вторичная личность, обретя господство, первое время чувствовала себя неуверенно и маскировалась под первую личность. Не будучи знакома с привычками и образом жизни того, кто создал или воссоздал ее, новая личность может решить, что первоначальный высокомерный ответ мог не соответствовать характеру. Именно из-за подобных ошибок вторичная личность в том случае, о котором я вспомнил, и была распознана.

Или две личности слились в одну, новую, которая теперь и не Большой Джим, и не старый капитан? Состоящая, разумеется, из особенностей их обоих, но в сущности — новая, третья личность, чьи реакции совершенно непредсказуемы на основании знания о первых двух.

Чужак.

Мысли эти молнией пронеслись у меня в голове. Я решил, что это объясняет также, почему Бенсон избегает Пен: страх, который им владел, это страх, что Пен раскроет маскарад. Кто может сделать это быстрее, чем собственная дочь Бенсона? Я также вспомнил, что почувствовал какую-то фальшь в поведении Бенсона, когда он впервые

увидел остров. Его радость казалась неискренней. Не совсем, но все же он несколько переигрывал.

Но и первая гипотеза тоже все объясняет: старый капитан снова владеет своим кораблем, в нем он уверен, но совсем не так уверен в том, как будет его новый корабль из плоти отвечать на умственные ветры и приливы...

Я отбросил эти мысли: только будущее способно было решить загадку. Послышался возглас Флоры. Она говорила, что все замечательно, — как будто нас выбросили на остров со всеми современными удобствами. Преподобный доктор Сватлов с насмешливой елейностью заметил, что тут, вероятно, есть язычники, и если он сможет их обратить, то благодаря этому станет епископом. Бурилов решил, что тут недурная рыбалка, а может, и охота, принял позу и запел русскую охотничью песню. Но леди Фитц сидела молча, поглощенная своими мыслями, и никак не реагировала. Неожиданно она нарушила свое молчание:

— Знаете, я слышала странные звуки прошлой ночью. Я уже лежала, собираясь уснуть. У нас пробили шесть склянок, а спустя несколько секунд я услышала снова шесть ударов. Звук как будто шел оттуда... — она указала на крюк отмели, — и на меня он произвел необыкновенное впечатление. Потом послышался свист, какой-то загробный, абсолютно сверхъестественный. Абсолютно. И тут Алексей сказал мне...

Леди Фитц внезапно умолкла. Очевидно, ей в голову пришла та же мысль, что и мне: как Алексей Бурилов мог оказаться с ней рядом, если она собиралась спать. Но потом она безмятежно продолжила:

— Во всяком случае, я испытала самое неописуемое ощущение. Совершенно! А кто-нибудь еще это слышал?

Я уже собирался заговорить, когда уловил взгляд Мактига. Тот покачал головой.

— Я тоже был в каюте и испытывал странное беспокойство, — Бурилов поторопился исправить промах леди Фитц. — Я слышал. А утром мы с леди Фитц-Ментон сравнили свои наблюдения. Я думал о старой Руси, и на сердце у меня была печаль. И тут послышались удары колокола, они отозвались в моем сердце, как голоса покойных возлюбленных... — Он драматично закрыл глаза, голос его задрожал. — Они заставили меня чувствовать... но я знаю, как это сказать по-русски... а по-английски... какое же это слово? — Он воздел руки в картинном жесте отчаяния.

— Вшиво! — сказал Мактиг. — Или лучше — педикулезно.

Бурилов вспыхнул и сердито поглядел на Мактига. Леди Фитц сказала:

— Ну, что за грубости!

— Что ж, леди Фитц, пусть тогда скажет по-русски, — заметил Мактиг. — Я только попытался помочь.

Леди Фитц подняла свои тщательно подведенные брови, посмотрела сквозь лорнет на Мактига, словно на какое-то необычное животное, и удивленно повторила:

— Ну, что за грубости!

Бурилов ледяным тоном сказал:

— Я имел в виду впечатления от звуков в высших сферах — поэтической сфере священных воспоминаний, мистер Мактиг. Поэтому я не могу использовать такие слова. — Он пожал плечами, выражая свое презрение.

— Не понимаю, почему, — невинно сказал Мактиг. — Прекрасные слова. И вы должны бы знать обо вшах, Бурилов. Вы не могли переправиться через русскую границу, не подружившись с ними. А вы, леди Фитц, конечно, знаете жизнь, и вы должны знать о том, что вши существуют. Да что бы мы делали в своих лисьих норах без них? — с энтузиазмом продолжал Мактиг. — Без этого развлечения мы бы умерли со скуки. Мы расстилали наши рубашки на полу и держали пари, чья вошь первой доползет до цели. Вы ведь любите лошадей, Бурилов. Клянусь, состязания вшей вам бы больше понравились. Ну, раз уж педикулез вам не по вкусу, как насчет платяной вши?

Бурилов что-то презрительно сказал по-русски. Мактиг вежливо выслушал и кивнул:

— Совершенно верно! Совершенно с вами согласен. Изучение вшей — увлекательное занятие. Это целый мир. Есть растительные вши и рыбные вши. И у слонов, и у китов есть свои разновидности. Даже у вшей есть свои вши, как писал Поуп о мухах. Я имею в виду не Папу Римского, Бурилов, а Поупа, английского поэта, но этого вы не знаете. Я перефразирую Поупа: у больших вшей есть свои маленькие вши, которые кусают им спину, а у этих маленьких вшей есть еще меньшие, и так до бесконечности. Есть и люди-вши, этакие паразиты...

— Майк, хватит, — послышался от двери голос Пен.

Мактиг послушно сказал:

— Хорошо. Я только старался побольше рассказать.

Лицо Бурилова исказила ярость, губы его побелели, он стал похож на большого кота, изготовившегося к прыжку. Леди Фитц коснулась его руки и что-то прошептала по-русски. Он расслабился, лениво улыбнулся Мактигу и промурлыкал:

— Очень поучительно. Я многое узнал. И не забуду.

Мактиг зевнул.

— Как только начнете забывать, сообщите мне.

Пен медленно подошла к столу и села. Чедвик спросил:

— Как голова, Пен?

— Гораздо лучше. Спасибо, Чед.

Леди Фитц сказала:

— Дорогая, я так рада. Вы не возражаете, если мы с Алексеем поднимемся на палубу? Мне нужен чистый воздух нашего небесного отца.

И она взглянула на Мактига. Пен с отсутствующим видом ответила:

— Конечно, леди Фитц.

Бенсон поднял голову, встряхнулся, словно после сна, и я понял, что он не обращал ни малейшего внимания на Мактига и всех остальных, наверное, даже не слышал их.

— Леди Фитц, Джонсон собирается взять гичку и поискать на берегу место для высадки, — сказал он. — Может, вы с Буриловым хотите присоединиться к нему? Преподобный, как насчет вас и Флоры? Пен поедет...

— Пен не поедет, — заявила Пенелопа, отхлебывая кофе и опустив глаза. — Она не хочет.

— А вы сами, мистер Бенсон? — спросила леди Фитц.

Я был слегка удивлен, когда Бенсон ответил, что у него дела с Чедвиком и Мактигом. В таком случае, сказала леди Фитц, прерывая его, она будет рада поехать; доктор Сватлов, кажется, тоже. Флоре, похоже, это понравилось меньше. Бенсон встал и сказал, что проследит за их благополучным отплытием. Пен ждала, пока они все не отошли, потом посмотрела на Мактига.

— Майк, что это вы так набросились на Бурилова?

— Набросился на Бурилова? Вовсе нет, я всего лишь говорил о вшах. Если он принял это на свой счет, не моя в том вина.

— Бросьте, Майк. Зачем вы это сделали?

— Ну, что ж, — сказал Мактиг, — назовем это экспериментом.

— С какой целью? — неумолимо продолжала Пен.

— Испытание колючек, — рассмеялся Чедвик. — Прекрасная работа, Майк. Но у вас теперь еще один враг.

— Еще? — протянул Мактиг. Смуглая кожа Чедвика медленно покраснела. Я ощутил неожиданное напряжение. Нарушила его Пен. Она с грохотом бросила чашку и блюдце на пол. Вскочила на ноги. Вся голубизна ее глаз исчезла, зрачки расширились.

— Черт бы побрал это место и этот корабль! Я их ненавижу! И скоро буду ненавидеть всех, как вы ненавидите друг друга. Это относится и к вам, Майк!

Она повернулась и вышла. Мактиг без всякого выражения посмотрел ей вслед. Потом, не обращая внимания на Чедвика, сказал мне:

— Идемте наверх, Росс.

Мы поднялись на палубу. Я спросил:

— Что с вами, Майк? Без всякого повода вы так настроили про-

тив себя Бурилова, что он готов натереть зубы ядом и укусить вас. Вы взъерошили перья леди Фитц и на дюйм всадили иголку в Чедвика. Зачем?

К моему удивлению, он ответил:

— Меня не интересовали Бурилов и леди Фитц. Мне все равно, что будет с ними! Я целился в Большого Джима. Пен поняла это и потому вела себя так агрессивно.

— Мне кажется, он не слышал ни слова...

— Вот это-то меня и беспокоит, — сказал Мактиг. Он взглянул на петлю отмели. — Хотелось бы мне поглядеть, что там. Не желаете взять лодку и взглянуть?

— Я с вами, — услышал я голос Пен. Она незаметно подошла к нам, и я увидел, что она овладела собой. Она улыбнулась Мактигу и протянула руку. — Простите, Майк. Я была немного расстроена. Прошлой ночью почти не спала.

— Не нужно извиняться, — ответил Мактиг. При этих его словах к нам подошел Большой Джим. — Это я виноват. — Потом, увидев Бенсона: — Мои сигнальные провода сегодня, по-видимому, перепутались, сэр. Разрешите взять шлюпку. Небольшое физическое усилие поможет их распутать. Мы с доком хотим взглянуть, что находится за крюком.

Бенсон прорычал:

— Хорошая мысль. Я и сам хотел бы взглянуть, что там. Пойдем все. Может, это излечит мигрень у Пен.

Мактиг спросил:

— А остальные не подумают, что мы отправили их с корабля, чтобы провести собственную экскурсию?

— К дьяволу их! — взревел Большой Джим. — На своем корабле я делаю, что хочу. Идемте, Чед.

Тот ответил:

— Я предпочел бы идти один. Во всяком случае, без Пен.

Мактиг, нахмурившись, смотрел на них.

У берега было совсем мелко. Шлюпка скребнула по дну. Футах в десяти от берега мы с Мактигом спрыгнули в воду и протащили шлюпку еще на несколько футов. Я с интересом отметил, что Чедвик не сделал ничего, чтобы помочь нам. Мактиг вытянул руки, поднял Пен, как ребенка, и перенес на берег. Вернулся и склонился у лодки, подставляя широкие плечи Бенсону. Тот со смехом взгромоздился, и Мактиг пронес его двести двадцать фунтов, словно их было только двадцать.

Бенсон слез с Мактига. Избавившись от груза, шлюпка поднялась на воде и начала отплывать. Чедвик закричал:

— Эй, Майк! Вытащите меня!

Мактиг приставил палец к носу и ответил:

— Идите вброд, неженка.

Большой Джим проревел:

— Вброд, черт возьми! И прихватите с собой шлюпку на берег.

Мактиг, обняв Пен за талию, начал восхождение на крутой берег. Я шел следом. Бенсон без труда поднимался за мной. Добравшись до середины, я оглянулся. Чедвик брел к берегу, вода была ему по щиколотку, шлюпку он тащил за собой. Слышна была его брань. Бенсон тоже слышал это, и его большое тело сотрясал смех, так что ему трудно было подниматься по неустойчивой дюне.

Повернувшись, я увидел, что Мактиг и Пен добрались до верха. Он стоял неподвижно, глядя на что-то, чего я еще не мог видеть. Была в его позе какая-то странная оцепенелость, настороженность, как у пса, увидевшего птицу. Пен была так же неподвижна. Я поднялся к ним и посмотрел в ту сторону.

За дюной открывался бассейн округлой формы, около двухсот футов в диаметре. Был он мелкий, всего в несколько футов, и я подумал, что раньше тут могло быть гораздо глубже, но волны, перехлестывая через дюны, засыпали бассейн песком. Из дюны торчало что-то темное... корма корабля... черная... разбитый руль касался края бассейна.

Корабль стоял ровно, был чисто отмыт песком и виден вплоть до обрубка кормовой мачты. Он выделялся на фоне песка, как силуэт на белой бумаге. Если не считать расколотого руля, он казался невредимым. Я видел нактоуз компаса и черное рулевое колесо, которое, казалось, вобрало в себя всю черноту палубы... и стояло обособленно, величественно.

Нос корабля был погружен в дюну и погребен под тоннами песка.

Было что-то зловещее в этой черной палубе, торчащей из дюны. Что-то отчаянное в том, как цеплялась дюна за корабль... как будто мешала выйти наружу тому, что не должно выходить... как будто хотела вернуть то, что обнажилось.

А кормовая палуба, казалось, отчаянно пытается вытянуть застрявшую часть. Я хочу сказать, что корма не просто торчала из песка. В ней не было ничего статичного. Дюна и корабль как бы двигались: дюна держала, корма старалась вырваться и освободить весь корабль. Неожиданно мне показалось, что колесо повернулось, словно бы тронутое невидимыми руками. Мне пришло в голову, что центр борьбы корабля с песком — в черном колесе... На мгновение я почувствовал уверенность в этом, точное знание... и тут предчувствие, иллюзия исчезли. Из песка торчала только корма погребенного корабля, и больше ничего.

Но видели ли Мактиг и Пен то же, что и я? Никто из них не шевельнулся, не заговорил, все были поглощены открывшимся зрелищем.

Тяжело дыша, к нам поднялся Бенсон, за ним Чедвик. Бенсон взглянул и сказал, словно не веря своим глазам:

— Корабль! Старый корабль! Клянусь Богом, вы только взгляните... Он словно вчера плавал! А что в нем?

Он скользнул по песку к узкому пляжу и побежал к остову. Мактиг неожиданно ожил, соскочил с дюны и устремился за ним. Когда он догнал Бенсона, я видел, как Большой Джим поднял руку, останавливая его, но Мактиг отвел его руку и обогнал. Чедвик помог Пен встать. Она взглянула на меня, и я увидел в ее глазах неясный страх. Она сказала: «Идемте», — и мы втроем пошли за Мактигом и Бенсоном, и вскоре догнали последнего. Он тяжело отдувался и был сердит.

— Черт бы побрал этого выскочку! — выдохнул он. — Обогнал меня. Мое право — первым взойти на борт! Быстрее!

Но когда мы добрались до остова, Мактиг ждал нас; он не делал попыток подняться на борт. С удивленным выражением он рассматривал корму.

— Никакого названия, — сказал он. — Странно. Корабль старый... но брусья совсем целые... вполне выдержат новое плаванье... если корабль сможет освободиться, — со странным выражением добавил он.

Я вздрогнул: Мактиг вторил моим фантастическим мыслям.

— Освободиться! — фыркнул Бенсон. — Я его откопаю! Дьявол, Майк, корабль не тронут. Я узна́ю, что внутри.

Чедвик сказал:

— Мне он не кажется нетронутым. У корабля большой опыт. Видите закрытые порты? Готов биться об заклад, за ними ржавеют пушки. А посмотрите туда, где песок держит корабль. Если это не проделано двадцатифунтовым ядром, я готов один грести на обратном пути!

Мы взглянули, куда он показывал. Поручень был разбит, и в корпусе зияла круглая дыра трех футов в поперечнике.

Пен, тяжело дыша, сказала:

— Пираты ведь часто плавали на кораблях без названий. Я, кажется, где-то читала об этом. Может быть, это пиратский корабль. Может, поэтому я чувствую... — Она помолчала. — Это злой корабль, — сказала она наконец. — Мне он не нравится.

— Пират! — взревел Большой Джим и сделал неуклюжее танцевальное па. — И, может, на нем все еще пиратская добыча! А мы здесь болтаем! Я поднимусь. Как же подняться? — Он прошел вдоль корпуса, потом вернулся и зашел с правого борта.

Мактиг сказал:

— Песок поднимается уступами почти до палубы, там, где корабль засыпан. Подняться там трудно, но можно.

Он взглянул на крутую стену песка у левого борта, покачал го-

ловой, сказал: «Минутку» — и ушел за корму. Бенсон направился за ним.

— Эй, обезьяна, без шуток! Я первым поднимусь на борт. Ясно?..

В глазах Бенсона горело коварство, и я подумал, что вся его алчность проснулась при словах Пен о пиратах. Мактиг пожал широкими плечами:

— Ну, что ж, поднимем флаг Бенсона над неоткрытой палубой...

Бенсон прорычал:

— Корабль мой! Что бы там ни было, вы получите только то, что я сам отдам!

Они скрылись за бортом, голоса их стихли, но тон Бенсона был такой свирепый, какого я раньше никогда не слышал. Когда они вернулись, лицо Бенсона было мрачным и настороженным, челюсти сжаты, глаза пылали. Мактиг равнодушно сказал:

— Если и есть шанс подняться сбоку, то именно сейчас. Я имею в виду, что дюна непрочная и в любой момент может обрушиться. Вот вам штормовое предупреждение, — и действуйте, как хотите.

Бенсон сердито взглянул на него и начал карабкаться. Но не сделал он и двух шагов, как песок заскользил у него под ногами. Вниз с шорохом устремилась волна песка и погребла его. Мы с трудом откопали Большого Джима, почти задохнувшегося. А Мактиг негромко сказал:

— В шлюпке есть веревочная лестница.

Бенсон злобно взвизгнул:

— Так тащите ее! Чего же вы ждете? Бережете для себя?

Лицо Мактига потемнело, глаза стали мрачными.

— Я не мог знать, что корабль здесь... — начал он, но Большой Джим оборвал его. Раздражение и досада из-за собственного корабля, нетерпение, злость из-за неудачной попытки подняться на борт найденного совсем вывели его из себя.

— К дьяволу ваши объяснения! — взревел он. — Тащите лестницу!

Ни слова не сказав, Мактиг направился к шлюпке. Пока он отсутствовал, Бенсон бранился и кричал, а я ждал в неловком молчании. Большие глаза Пен были полны слез, но Чедвик наблюдал с тенью циничной улыбки на лице, как будто наслаждался буйством шефа. Вернулся Мактиг с лестницей, швырнул ее под ноги Бенсону и отошел. Лицо его не смягчилось, на Пен он не смотрел.

Бенсон прикрикнул:

— Закрепите ее! Ведь вы ее для этого принесли?

Мактиг поднял лестницу и стал раз за разом забрасывать ее на борт. Крючья на ней были небольшие и не зацеплялись. Попробовал забросить Чедвик, потом я, но безуспешно. Наконец Бенсон сам схватил ее, но лестница все равно не держалась.

Мактиг выругался, взял лестницу из рук Бенсона, повернулся к нам троим и холодно сказал:

— Я поднимусь и закреплю лестницу. Вы поняли меня, Чедвик? И вы, доктор Фенимор? Я поднимусь на борт исключительно как представитель мистера Бенсона... какие бы претензии ни возникли в связи с моим подъемом, я от них отказываюсь. Корабль и все в нем находящееся принадлежит мистеру Бенсону... или он принадлежит кораблю, — все так же странно закончил он.

Не добавив ни слова, он перебросил лестницу через плечо, подошел к корме и начал подниматься, используя в качестве опор выступы и разбитый рулевой брус.

У борта он задержался, очевидно, осматривая палубу. На мгновение его шевелюра вспыхнула, будто какой-то яркий луч упал на нее и тут же исчез. Это зрелище почему-то меня очень встревожило.

Прошла минута, еще несколько, но Мактиг не возвращался. Бенсон нервничал, его раздражение росло.

— Мактиг! — вскричал он. — Что вы там делаете? Спускайте же лестницу!

Показалась голова Мактига. Лицо его было бледным, глаза остекленели, как у человека, только что проснувшегося и еще не пришедшего в себя. Он смотрел на нас, словно слышал, но не видел нас. Потом отвел взгляд и посмотрел на берег.

Бенсон снова с яростью закричал:

— Лестницу, черт возьми! Лестницу!

Мактиг заметно вздрогнул, внезапно вдруг увидев нас. Развернул веревку, закрепил крючья и сбросил лестницу. Она повисла в футе от песка. Бенсон подскочил к ней. Мактиг держал сверху, Чедвик — снизу, и Бенсон поднялся с поразительным проворством. За ним вскарабкалась Пен. Следом — Чедвик, потом я; подниматься было трудно — никто уже не держал лестницу внизу. Мактиг протянул руку и втащил меня на палубу. Он снова казался нормальным, глаза его утратили странное рассеянное выражение, хотя в них по-прежнему блестела настороженность.

— Взгляните на это, — сказал он и прошел к обломку мачты. К нему был прикован корабельный колокол. Годы покрыли металл зеленоватой патиной, но в остальном он не пострадал. Я почувствовал странное облегчение, словно какая-то ноша, о которой я и не подозревал, свалилась с моих плеч. Я воскликнул:

— Вот этот колокол мы и слышали, Майк! Должно быть, его раскачал ветер.

Мактиг сухо ответил:

— Ученый ветер, должно быть! Точно отсчитал удары. Но взгляните внимательней.

Я посмотрел. Языка у колокола не было. Болты, которыми он

крепился, были на месте, но сам язык — нет. Я постучал по краю. Мне ответил гневный звон.

Мактиг схватил меня за руку и резко сказал:

— Не делайте этого!

Ладонь его была холодной, влажной от пота.

И вдруг я понял, что Мактиг боится и изо всех сил старается скрыть это.

Бенсон взревел:

— Эй, Майк, идите сюда!

Он стоял у черного рулевого колеса. Очевидно, его дурное настроение развеялось, он смеялся вместе с Чедвиком и жестикулировал. Но Пен не смеялась. Она отодвинулась от колеса и стояла у подножья короткого трапа, ведущего с кормовой на главную палубу. Мне показалось, что она напряженно и очень уж внимательно смотрит на подходящего Мактига.

Я заметил, что палуба под ее ногами была на пять-шесть футов выше той, на которой были мы с Мактигом, и что рядом находится дверь, очевидно, ведущая в проход или каюту под кормовой палубой. В порог и косяки двери были вбиты десять тяжелых металлических гвоздей на расстоянии в полфута друг от друга. Они торчали наружу наподобие cheveaux de frise [1]. Шипы торчали и поперек двери с разных сторон. Ясно, что дверь открывалась наружу, как и должно быть на корабле; причины этого поймет всякий моряк. Тот, кто забил шипы, намерен был прочно запечатать эту дверь.

Запереть то, что было внутри.

Я собирался заговорить об этом с Мактигом и не смог. Он с тем же странным вниманием смотрел на Пен и шел медленно и неохотно, словно против воли.

Когда я начал подниматься по трапу, мне пришло в голову, что палуба поразительно чиста. Доски как будто только что промыты и надраены. У закрытой двери виднелись небольшие кучки песка, но и все.

Остальные толпились у рулевого колеса, и я слышал, как Бенсон возбужденно говорил:

— Оно прекрасно, Майк! В отличном состоянии! Его легко перенести и укрепить на «Сьюзан Энн». Клянусь Богом, я вырвал бы даже старый руль, если бы он не был разбит!

Я подошел к колесу и взглянул на него. Прекрасная вещь, из какой-то твердой, гладкой древесины поразительно черного цвета. Как будто вырезано из полированного гагата, а не из дерева. И со-

---

[1] Доска или бочка, покрытые острыми металлическими шипами, торчащими в разные стороны. В средние века использовались в качестве защиты от нападения кавалерии. *(Прим. перев.)*

стояние прекрасное, ни царапинки, ни вмятины. Но самое удивительное — окружность рулевого колеса. Шести дюймов шириной, этот деревянный обод полого изгибался, в него были вделаны спицы. А по кругу в ряд вырезаны изображения рук, тыльные стороны ладоней, пальцы согнуты, будто сжимают что-то. Я пересчитал их — восемнадцать. Вглядевшись внимательнее, я понял, что их — девять пар и что ни одна из них не похожа на другую. Ясно также, что выполнил эту работу замечательный художник и работал он с живой натуры — в каждой паре рук была отчетливая индивидуальность. Каждая пара сцеплялась у запястья, под и над ней проходили другие руки, так что все восемнадцать рук сливались в единый неразделимый узор. Одна пара была женская, пальцы длинные и тонкие, концы их заостренные, но сильные и со странным впечатлением жестокости. Еще одна пара, нарушая общий рисунок, располагалась под другим углом... и хватка этих кистей была сильнее, крепче... Форма и симметрия этих рук говорили о воспитании... руки патриция...

Эти подробности громоздились друг на друга, только что незаметные, а в следующий момент — абсолютно ясные, как будто колесо само открывало их... и тут мне показалось, что полоска, на которой вырезаны руки, становится прозрачной, и что руки не вырезаны, а находятся в ней... и что каждая из них держит спицу черного колеса... и что руки эти живы...

6. ЧЕРНОЕ КОЛЕСО ПОВОРАЧИВАЕТСЯ

С неожиданным отвращением я отвел взгляд, охваченный тревогой. Бенсон опустился перед колесом на колени, осматривая его крепления и что-то бормоча. Чедвик глядел на него с циничной радостью. А Пен смотрела на руки, восхищенно, как смотрел и я, и в ее голубых глазах усиливалось выражение ужаса. Мактиг, стоя рядом, внимательно наблюдал за ней, серьезно, мрачно и напряженно, как будто ждал сигнала, чтобы прыгнуть и оттолкнуть ее в сторону.

Неожиданно черное колесо шевельнулось. Оно повернулось, и спицы его нацелились на Мактига. Это было целенаправленное, сознательное движение, колесо словно повернули невидимые руки. Я услышал крик Пен...

И увидел, что против Мактига застыли те спицы, которые сжимают руки патриция, господствующие над остальными. Они как будто предлагали себя Мактигу.

Бенсон поднял голову, свирепо сказал:

— Кто повернул колесо? Почему ты закричала, Пен?

Пен не ответила. Руки ее были прижаты к груди; глаза, потемневшие от страха, смотрели на Мактига.

Бенсон встал. Схватил колесо за рукояти и, напрягая силы, попы-

тался повернуть. Колесо не шевельнулось. Он отпустил рукояти и сделал угрожающий шаг в сторону Мактига. Зубы его были оскалены, тяжелые веки полуприкрыли налившиеся кровью глаза.

— Какого дьявола вы сделали с колесом? — рявкнул он. Потом посмотрел на Пен: — Ты побледнела. Что он тебе сделал?

Пен подошла к нему, положила свои маленькие руки ему на плечи и сказала дрожащим голосом:

— Отец, здесь что-то... очень плохое. Я чувствую это! Ты сам не свой с тех пор, как увидел корабль! Оставь его, пусть песок снова его засыплет...

Он оттолкнул ее, повернулся к Мактигу, лицо его налилось кровью.

— Вот оно что! Действуете через мою дочь, Мактиг? Что за игру вы ведете? — Он сделал шаг, сжав кулаки. — Вначале приходите с кислой миной и предупреждаете, что нужно поскорее уходить. Потом пытаетесь украдкой проникнуть сюда вместе с Фенимором... и с веревочной лестницей в шлюпке. Что вы еще прихватили с собой, Мактиг? И вы умудрились подняться сюда первым. Что вы замышляете?

Ярость его росла, он снова схватился за колесо, попытался повернуть и снова не смог. И крикнул Мактигу:

— Вы его повернули, а я не могу! А теперь вы действуете через Пен, чтобы убрать меня! Чего вы хотите, Мактиг? И что вы делали прошлой ночью? Давайте говорите, вы, подлый...

Пен отчаянно крикнула:

— О, папа, нет! Майк, он не хотел этого сказать!

Мактиг, не обращая на нее внимания, презрительно бросил Бенсону:

— Вы спятили.

Бенсон задрожал, лицо его почернело:

— Я спятил? Таков ваш ответ? Хорошо, держите колесо! Если сможете, поверните его, и я вам поверю.

Мактиг поднял руки, словно собираясь взяться за ручки; взгляд его опустился на сплетенные кисти, и в глазах появилось странное, неуверенное выражение. Он отступил на шаг и мрачно сказал:

— Нет!

— Я прижал его! — Бенсон торжествующе взглянул на Чедвика и рассмеялся. — Прижал! Он блефовал!

Чедвик наслаждался этой сценой. В этом не было сомнения. Он не ответил Бенсону, но продолжал смотреть на них обоих с легкой насмешкой в черных глазах. Мактиг сильно побледнел, и хотя говорил спокойно, видно было, что это дается ему с трудом:

— Послушайте, сэр. Я никогда не слыхал и понятия не имел об этом месте до вчерашнего дня. И о корабле я ничего не знал. Что касается прошлой ночи, то даю вам слово чести, сэр, я не покидал

клипер. Еще не видя корабля, я лишь сказал вам, что остров мне не нравится. С тех пор мое отвращение к нему усилилось, и... для этого появились основания. Но у меня по-прежнему нет доказательств... таких, которые удовлетворили бы вас. Так что запишите их на счет моего суеверия. Я не обсуждал с Пен эти свои... суеверия, даже не упоминал о них. Это и есть объяснение, которое я намерен дать. А если вам оно не нравится, — с неожиданной холодной яростью добавил он, — можете отправляться в ад и остаться там!

Чедвик спокойно вмешался:

— Есть и другое объяснение, сэр. Дебора уверена, что Майк иногда обладает способностями предсказателя, что у него дар видеть то, чего не видят другие. Второе зрение, так сказать. Возможно, именно оно здесь действует.

Бенсон недоверчиво взглянул на него. Чедвик с тем же выражением затаенной злобы продолжал:

— Вы сами не раз доверяли интуиции Майка, когда у него, как и сейчас, не было никаких доказательств. Можно сказать, что винить вам следует только себя.

И он бросил на Мактига насмешливый взгляд. Мактиг слушал с равнодушным видом, но губы его были плотно сжаты. Бенсон выругался. Чедвик продолжал:

— Но если и это объяснение вас не удовлетворяет, возможно, есть и другое. Майк всегда говорит правду — какой она ему видится, разумеется. Вы знаете, как он чувствителен к обстановке. Допустим, вчера вечером он лег спать, встревоженный своими мыслями. Допустим, во сне он отплыл на остров, — не знаю, правда, как он бы смог незаметно взять шлюпку, если только... но нет, это немыслимо. Майк этого не сделает. (Я имею в виду, что он мог подкупить вахтенного.) Нет, он во сне вплавь добрался до корабля и научился управлять колесом...

Левая рука Мактига метнулась вперед и ухватилась за черный штурвал. Лицо его посуровело, и вдруг он произнес со странным акцентом и какой-то смертельной холодностью:

— Довольно, Педро! Мое терпение лопнуло! Придержи свой змеиный язык и свои грязные мысли!

Левой рукой сжимая колесо, он коротко ударил Чедвика в лицо. Удар был так силен, что Чедвика отбросило, как куклу. Ударившись о фальшборт, тот с трудом приподнялся и ошеломленно уставился на Мактига.

На палубе воцарилась тишина, и я почувствовал, как натягиваются невидимые нити, словно паутина после столкновения с большой мухой. Казалось, множество невидимых глаз смотрят на Мактига, толкают его, заставляют что-то делать, но что — я никак не мог понять.

Странная сцена длилась лишь мгновение, затем Мактиг отпустил колесо.

Он стоял, изумленно глядя на Чедвика, как будто не узнавая его, и вдруг, осознав, *что* натворил, жалобно взглянул на Пен, подскочил к Чедвику, все еще стоявшему на коленях, и помог ему подняться.

В следующий миг рядом с ними оказались Бенсон, Пен и я. Чедвик вырвался, сделал шаг назад. Лицо его исказила ярость. Бенсон встал между ними, как будто этот стремительный удар вернул его к норме.

Он покачал массивной седой головой, как бы избавляясь от умственной паутины, и сказал:

— Зря вы так, Майк!

Мактиг медленно, с явным замешательством и отчаянием в голосе ответил:

— Я знаю, сэр. Но не знаю, что на меня нашло. Не отойдете ли, сэр? — Бенсон послушался, и Мактиг направился к Чедвику. — Чед, простите. Вы рассердили меня своими словами... но это не причина, чтобы бить вас, тем более без всякого предупреждения. Вот... — он склонил рыжую голову, — ударьте меня в ответ. Как хотите сильно.

Чедвик поднес ладонь к покрасневшей щеке и медленно ответил:

— Нет. Я не отдаю долги таким манером.

— Ну, послушайте, — вмешался Бенсон, обращаясь к Чедвику, — Майк извинился. Черт возьми, мне кажется, я сам слишком прижал его, и если он сорвался, винить нужно меня. Дьявол! Я бы не стал его винить, если бы он вместо вас ударил меня! Пожмите руки друг другу, и забудем об этом.

Пен сказала: «Чед, пожалуйста!» — и протянула к нему руки.

Чедвик некоторое время задумчиво смотрел на Бенсона, отвернулся, а когда снова повернулся к нам, гневное и мстительное выражение исчезло с его лица, уступив место знакомой полунасмешливой улыбке. Он протянул Мактигу руку.

— Ну, ладно, Майк. Босс признает, что был неправ, так что давайте извинимся друг перед другом и забудем об этом.

Бенсон обрадованно кивнул.

— Отлично! — Он усмехнулся. — И черт меня побери, если я не поверил слову Майка.

Пен ахнула:

— Значит, ты не возьмешь колесо?

Бенсон рассмеялся.

— Ну, дочка, так далеко я не зайду. Но оставить просто так эту закрытую каюту...

Он не закончил, но я знал, что Бенсон вернется. И если он рассчитывал, что Пен обрадуется нашему возвращению на «Сьюзан Энн», то просчитался: она даже не улыбнулась.

7. РАЗГОВОР В КАЮТЕ

Обед прошел в странной атмосфере иллюзорности. Меня раздражало ощущение, что безымянная черная посудина более реальна, нежели «Сьюзан Энн»; она — материя, а наш корабль — тень. Ни одно ощущение, даже самое иррациональное, не возникает беспричинно. В конце концов я приписал его суеверным предсказаниям Мактига, а также неприятному чувству, испытанному у черного колеса. Все это, несомненно, было усилено напряжением последних дней и ночей. Однако, хоть я теперь и объяснил его происхождение, кошмарное ощущение продолжало давить на меня.

Из нас пятерых, побывавших на борту корабля, только Пен и Чедвик как будто остались прежними. Но мне казалось, что Пен лишь делает вид; может быть, и Чедвик тоже. Бенсон был мрачен и погружен в свои мысли, время от времени его холодный взгляд задумчиво останавливался на Мактиге. Веселый щебет леди Фитц не волновал его совершенно.

Леди Фитц и Бурилов были возбуждены своей экскурсией; Бурилов говорил много и театрально, и будь Мактиг в обычном своем состоянии, он наверняка бы вышел из себя; но теперь он ел с отсутствующим видом и отвечал, только когда обращались непосредственно к нему. А часто не отвечал вообще. Флора Сватлов тоже была возбуждена. Они запланировали исследовательскую экспедицию на завтра.

— На острове отличная охота, — вставил Бурилов. — Пен, Чедвик и Мактиг тоже пойдут, конечно.

Но оживление Флоры испарилось, когда Бенсон резко прервал ее, сказав, что Пен может поступать, как хочет, но Мактиг и Чедвик ему нужны. Капитан Джонсон может выделить им двух матросов для физической работы и на случай неожиданностей. Джонсон быстро взглянул на него, потом кивнул. Флора надулась и сказала, что в таком случае лучше вообще отложить выезд. Бурилов тоже надулся и заявил, что он все равно пойдет, даже если придется идти одному. Преподобный Сватлов смотрел на Бенсона, ожидая указаний. Бенсон же властно сказал, что все будет идти, как запланировано: пока идет починка клипера, гостям лучше не находиться на нем. И лучше будет, если Пен отправится со всеми. В заключение Бенсон сказал:

— Предлагаю вам отплыть сразу после завтрака, как можно скорее. Капитан Джонсон, будьте добры сделать все необходимые приготовления.

Он резко встал, взглянул на Мактига.

— Мактиг, после обеда зайдите ко мне в каюту.

И вышел. Пен, сердитая и недоумевающая, встала, собираясь идти за ним, но уловила взгляд Мактига и снова села.

Вскоре обед кончился, чему я был очень рад и вместе с остальными поднялся на палубу. Ночь была безлунная, звезды почти скрыли тонкие облака. К моему удивлению, неожиданно ярко вспыхнули все палубные огни. Широкий круг света упал на лагуну. Казалось, «Сьюзан Энн» плывет в центре гигантского шара бледного изумруда. За его пределами ничего не было видно, кроме туманных черных стен, сомкнувшихся вокруг. Мактиг и Пен прошли к каюте Бенсона, остальные столпились у планширa, глядя на рыб, которые, привлеченные светом, плавали, как в огромном аквариуме.

Прошло с четверть часа, но Пен не появлялась. Я подумал, не пошла ли она вместе с Мактигом к отцу. Немного погодя Сватловы, леди Фитц и Бурилов разошлись по своим каютам, сославшись на сонливость. Чедвик задержался рядом со мной, у борта. Казалось, он беспокоился. Я подумал, что он хочет что-то мне сказать, потом понял, что все его внимание сосредоточено на каюте Бенсона, и он тоже считает, что Пен там. Он ждал ее. Я сказал, что собираюсь в лабораторию, и спросил, не хочет ли он пойти со мной. Он не ответил. Сомневаюсь, что он меня слышал. Когда я уходил, он стоял на прежнем месте, глядя в сторону каюты Бенсона.

Перед тем, как идти в лабораторию, я заглянул к себе в каюту. Пен была там.

— Я думала, вы никогда не придете, — еле слышно сказала она. — Закройте дверь и говорите шепотом.

— Где Чед? — спросила она, когда я выполнил ее просьбу. Я рассказал, где оставил его, добавив, что он, похоже, ждет ее. Она выслушала сказанное с легкой злорадной улыбкой.

Я ждал. Разумеется, она спряталась здесь не ради того, чтобы узнать, где находится Чедвик. Что же ей нужно? Но вопрос, который она задала, я меньше всего ожидал услышать:

— Мой отец — безумен?

Я смотрел на нее, не зная, что сказать.

— Будьте откровенны и резки, сколь сочтете нужным, но только говорите правду. Я не изнеженный цветок.

— Вы знаете своего отца гораздо лучше меня, мисс Бенсон... — беспомощно начал я, но она гневно прервала:

— Пожалуйста, ответьте: считаете ли вы моего отца безумным?

И так как я по-прежнему колебался, она серьезно сказала:

— Кертсон должен был рассказать вам об отце. И он должен доверять вам, иначе не послал бы сюда. Отец тоже кое-что говорил вам, я знаю. Я знаю о его одержимости этим проклятым предком.

Я много раз видела, как он становится марионеткой, и капитан Джонсон тоже это видел. Я хочу знать, не слишком ли часто это происходит.

Вот здравый смысл и острая наблюдательность, не стесненная никакими суевериями! Я решил (хоть это и непрофессионально) рассказать ей о своих гипотезах, возникших после разговора с ее отцом, которые последующие происшествия только подкрепили.

— Почему вы этого боитесь? — спросил я.

— Из-за его поведения на старом корабле, конечно, — ответила она.

Я сказал:

— Нет, я не думаю, что ваш отец безнадежно безумен. Даже если воображение заведет его дальше, чем сегодня днем, все равно это не сумасшествие. Вы спросили, каков мой диагноз. Ну, что ж, извольте...

Я пересказал ей слова Кертсона, передал вкратце суть своего разговора с ее отцом в ту ночь, когда появился на борту, и наконец сообщил свою версию происшедшего. Она слушала, не прерывая, потом долго сидела в задумчивости.

— Знаете, — сказала она наконец, — это все произошло отчасти из-за того, что Большой Джим так и не вырос... как Питер Пэн. Мальчишки хотят быть индейскими вождями, изобретателями, пиратами, пожарными и еще кем угодно. Мальчишки считают себя индейскими вождями или ковбоями, и говорят и поступают соответственно. Но годы спустя они об этом забывают.

Отец много работал, у него никогда не было возможности поиграть. Потом что-то повлекло его к старому капитану. Для него это было нечто вроде игры, отдыха, бегства от действительности. Он мог вообразить, как поступил бы в том или ином случае старый капитан, представить себя не в своем офисе, а за штурвалом старой «Сьюзан Энн» и, может быть, не Большим Джимом Бенсоном — на самом деле ведь он никакой не большой, — а старым капитаном. И это чувство росло, ширилось, оно стало для него как выпивка, как наркотик. Ему требовалась все бóльшая доза, и он принимал его... Да, теперь я понимаю.

Я с неподдельным восхищением смотрел на Пен, ибо она очень четко и здраво описала этот клинический случай.

— «Сьюзан Энн» распахнула настежь эту дверь в детство... как будто мальчишка, мечтавший стать индейским вождем, заполучил вдруг индейскую одежду, и коня, и лук со стрелами, и вигвам... и племя впридачу. Да, я понимаю... но все же это была игра... и отец знал, что это игра. И тут случился ураган, и этот старый корабль, и это... это колесо... — Она вздрогнула. — Что-то неладное на этом корабле, доктор Фенимор. Во всяком случае, неладное для отца.

Дело не в сокровище, которое может там находиться. Денег у него достаточно, еще больше ему просто не нужно. Это не алчность. Но разве находка такого корабля с его возможными сокровищами не разожгла бы алчность старого капитана, не заставила бы его сделать все, чтобы получить их? Не разбудила бы в нем жестокость? А он был жесток... И теперь это не мой отец, а скорее — старый капитан. Вернее, часть его мозга, в которой жив старый капитан, так окрепла, что подчинила себе все остальное. Стерла личность Джима Бенсона. По крайней мере на время... Но что за это время может натворить фантом, который поселился в моем отце?..

Я смотрел на нее, все больше восхищаясь. Конечно, профессионал-психиатр так бы не рассказал, но ситуацию она описала необычайно метко, прояснив для меня то, что сам я осознавал лишь смутно. Именно этого опасался Кертсон: некий катализатор, что сплавит воедино Бенсона и эту вторую личность, которая станет необыкновенно сильной и, может, вовсе вытеснит своего создателя.

Она смотрела на меня, ее голубые глаза потемнели от страха, который она так хорошо скрывала.

Я сказал:

— Вы прекрасно все обобщили, мисс Бенсон. Опасность, которой вы опасаетесь, реальна. Но не думаю, чтобы этот период был настолько длительным, чтобы нанести большой вред. Собственная личность вашего отца очень яркая, его воспоминания отпечатались очень глубоко, а собственная воля слишком сильна, чтобы сдаться надолго, а тем более — навсегда.

Но сам я вовсе не был в этом уверен, и она это почувствовала.

— Такие случаи происходили, доктор Фенимор, и с людьми покрепче моего отца. К тому же, эта новая, созданная им личность — не чужак, она часть его самого! А чтобы сломать жизнь, хватит нескольких минут.

Она сжала руки, и я видел, как побелели ее пальцы. Как бы про себя она сказала:

— Если бы я только могла быть уверена в Майке! Но колесо! О, это проклятое колесо!..

Я нарочно резко сказал:

— Вздор! Вы сейчас говорите, как истеричная девчонка!

Она ответила:

— Неужели? Тогда объясните, что с ним? Почему он ударил Чеда? Почему говорил такие странные вещи? Почему он повернул колесо, а все остальные не смогли?

Я еще грубее ответил:

— Теперь вы несете уже совершенную чушь. Вы перенервничали, так же, как Майк и все остальные.

— Хотела бы я вам верить. — Она покачала головой и встала. — Пожалуйста, приоткройте дверь и посмотрите, нет ли кого в коридоре.

Там никого не было. Она задержалась на пороге, протянула руку.

— Вы единственный, кому можно доверять. И я тоже слышала этот колокол и дудку.

И выскользнула. Я, встревоженный, вернулся в свою каюту, ругая себя. У меня небогатое воображение, к тому же я не подозрителен, но складывалось впечатление, что меня опутывает паутина суеверий. Мне это определенно не нравилось. Я отправился в лабораторию и постарался выбросить это все из головы, хотя бы на время, и заняться практической работой.

Работая, я не обращал внимания на время, и удивился, услышав два удара корабельного колокола. Никогда не мог я привыкнуть к морскому счету. Переведя его на обычный, я определил, что уже час ночи. Выглянув в иллюминатор, я увидел, что корабль по-прежнему ярко освещен, и задался вопросом, почему. Вероятно, это как-то было связано с завтрашними делами, — подумал я и вернулся к своим пробиркам.

Я услышал, как тихо открывается дверь, и увидел Мактига. Он так же тихо притворил дверь. На нем был просторный белый свитер.

— Большой Джим возвращается на остров... идемте.

Я оделся и тихо направился вслед за Мактигом на шлюпочную палубу, где ждали Большой Джим и Чедвик. Мы сели в шлюпку, и Мактиг начал неслышно грести.

Большой Джим прямиком направился к колесу, словно подталкиваемый невидимыми руками, посмотрел на него, коснулся. Повернулся к нам и резко спросил:

— О чем вы думаете?

Чедвик ответил:

— Во-первых, я думаю, что экипаж состоит из прожженных парней. Если мы приведем с собой кого-нибудь за колесом, он сделает те же выводы, что и мы. И захочет тщательно обыскать корабль, унеся с собой все, что сможет. И не думаю, чтобы мы могли их остановить. Итак...

— Итак? — переспросил Бенсон, и я заметил, что глаза его снова налились кровью и в них появилось выражение хитрости и коварства.

— Итак, — продолжал Чедвик, — я думаю, нам нужно посмотреть первыми, не пуская экипаж в трюм, взять все ценное, и лишь в последний момент, когда «Сьюзан Энн» будет готова к отплытию, забрать колесо... если вы по-прежнему этого хотите... Майк может сделать это сам. Тогда сможете как угодно объяснять, где вы нашли эту штуку.

8. ЗА ЗАПЕЧАТАННОЙ ДВЕРЬЮ

— Значит, вы так считаете? — спросил Бенсон, елейно улыбаясь. Улыбка буквально растекалась по его лицу, как тяжелое масло растекается по поверхности чистой воды, утишая волны. Лицо Бенсона потемнело и сгладилось. Очевидно было, что он согласен с Чедвиком, но трудно было понять, смеется ли он потому, что согласен... или смеется над ним.

— А вы, Майк? Каково ваше мнение?

Мактиг с горечью ответил:

— Благодарю за доверие, сэр, вы очень добры, но раз уж вы подставили подбородок, то, думаю, стерпите удар. Я скажу: созовите парней с «Сьюзан Энн». Пусть смотрят все, что хотят, пускай унесут хоть весь корпус на щепки, на спички. И очень неплохо было бы потом эти спички сжечь.

— Но... колесо?

— Ах, колесо, — небрежно заметил Мактиг, как будто забыл о нем. — Пусть дивятся на него, пусть сделают из него хоть карусель, — челюсть его выпятилась, голос стал тверже, — но только пусть не берут его на «Сьюзан Энн»!

Зубы Бенсона по-прежнему были оскалены, но углы рта опустились так, что лицо превратилось в свирепую гримасу. Он словно беззвучно рычал. Должно быть, он знал, что ответит Мактиг, но рыжий все же разочаровал его.

Мактиг добавил:

— Капитан, не смотрите на меня так, словно я дал пинка вашей собаке. Вы ведь знали, что я чувствую. И вам нужен был честный ответ.

Он перевел взгляд на Чедвика.

— Отныне не планируйте заранее мои действия. Колесо, может быть, и попадет на «Сьюзан Энн», но ставьте что угодно — я его туда не понесу. И своего благословения на перенос не дам.

Теперь он обращался к обоим:

— Я сразу сказал, что этот остров мне не нравится, не нравится и этот корабль, и до сих пор я не передумал. Я здесь, да, но не по своей воле. По приказу.

Он повысил голос, как будто дальнейшие его слова предназначались не только нам, но и разбитому кораблю:

— Что касается меня, то я не хочу иметь ничего общего ни с этим островом, ни с тем, что в нем скрыто.

В голосе Бенсона звучали негодование и насмешка, хоть он и пытался подавить их:

— Майк, вы прекрасно знаете, что нам нужен штурвал. Может, если приглядитесь внимательней, то увидите...

Мактиг холодно прервал его:

— Послушайте, сэр, я уже говорил, что у меня нет никаких доказательств, подкрепляющих мою неприязнь к острову и колесу. Что ж, это не совсем так. Доказательства у меня есть. Это их воздействие на нас! Мы с вами вместе долгое время, и прошли через многое. Но все, что было раньше, кажется продолжительным беззаботным отпуском. Теперь, когда мы наткнулись на этот остров, отпуск кончился, и я увидел вас с такой стороны, которая никогда не проявлялась во время отпуска. Но дело не только в том, что я обнаруживаю скрытые до сей поры стороны вашего характера. То же самое относится и ко мне. И мне это не нравится.

Он умоляюще протянул руку:

— Капитан, надо уносить ноги из этой дьявольской дыры, прежде чем мы сами станем дьяволами! Забудьте об этом корабле!

Бенсон задумчиво и внимательно слушал его. Мне показалось, что на лице его видна жалость. Он вздохнул.

— Прошлое есть прошлое, парень, — грубовато сказал он. — Мы не можем вернуться к нему.

Мактиг беспомощно отвернулся, губы его подергивались. Мы были слишком далеко от лагуны, чтобы слышать звуки по воде. Ветра не было, а если бы и был, на дюне не росло ни кустов, ни деревьев, которые могли бы шелестеть.

До этого момента я не ощущал напряженности тишины. Люди обычно сравнивают городской шум с деревенской тишиной. Но и это только относительная тишина, заполненная вздохами ветра, гудением насекомых, лаем собак и криками ночных птиц. Здесь же царила тишина глухого подвала, тишина самой смерти!

Я видел, как черные глаза Чедвика дернулись в сторону, словно он заметил какое-то движение меж кораблями. Большой Джим склонил голову, прислушиваясь. Все мы слушали тишину.

Песчаная глыба сорвалась с вершины дюны и зашуршала по склону к корпусу корабля. Напряженность нашего слуха усилила звучание, которое стало похоже на слабый свист стеклянной лавины. Большой Джим вскочил, указывая туда. Чедвик медленно выругался. Я мгновенно похолодел, словно в каждой моей поре образовались ледяные кристаллы.

— Боже! — произнес Большой Джим, опуская свой фонарик.

Чары тишины распались. Но Чедвик, стремясь использовать их в своих целях, позаботился, чтобы совсем они не исчезли. Я начал восхищаться этим человеком: он был прирожденный, хотя и необученный, психолог. Я не представлял себе тогда, зачем ему нужно было разжигать вражду Бенсона к Мактигу; мне казалось, что это просто упражнения музыканта, пробующего неподатливый инструмент.

— Хорошо проделано, Майк! И почти сработало! — сказал он.

Мактиг о чем-то думал, и ему пришлось прервать это занятие. Он помолчал, казалось, мысленно оценивая укол Чедвика, потом резко спросил:

— Проделано? Что проделано? Я не отрицаю своих способностей, но будь я проклят, если понимаю, как я мог сбить гору песка в сорока ярдах от себя, не шевельнув пальцем. Вы что, считаете меня волшебником, способным к телекинезу?

— Я имел в виду не песок, — сказал Чедвик. И спросил, внешне вполне невинно, но явно имея в виду утренние подозрения Бенсона: — Чем вы подействовали на Пен? Пережиток юридических хитростей? Так запугать присяжных, что, стоит бросить им хлопушку, и они решат, что это бомба! Здорово проделано, Майк!

Черные глаза устремились к Бенсону, проверяя, как подействовал намек. Мактиг задрожал, удерживаясь, я это видел, от грубости. Губы Большого Джима напряглись, лоб наморщился, но, что бы он ни испытал, он этого не выразил.

Он разорвал напряжение между Мактигом и Чедвиком, резко повернувшись ко мне. И спросил:

— А вы, Фенимор? Что, по-вашему, нам сделать с колесом?

Я ответил:

— Не спрашивайте меня, сэр. У меня вообще нет мнения. Вы глава экспедиции. Как вы скажете, так и будет.

Он усмехнулся, потом снова посерьезнел:

— Забудьте, что я босс. Мне нужен откровенный ответ.

— Тем не менее, — ответил я, — мне нечего сказать. Я всего лишь зритель.

Он снова усмехнулся:

— Свидетель, да? Ну, что ж, и это подойдет.

И добавил, обращаясь ко всем нам:

— Вы свое мнение высказали, теперь я скажу свое. Я хочу это колесо, хочу все, что может предложить это черное дитя моря. И я предвижу беспокойство среди экипажа «Сьюзан Энн». Если мы сделаем еще несколько ездок сюда, они придут разнюхивать, несмотря на все наши предосторожности. Поэтому мы лишим эту крошку девственности сегодня ночью. Пен спит, — он взглянул на Мактига, — и ничего не узнает, пока все не будет кончено. И если вы так боитесь колеса, Мактиг, можете вовсе не притрагиваться к нему. Я сам с этим справлюсь. А для начала — давайте заглянем в каюту. Я думаю, американская гордость Ирландии, вы не против того, чтобы извлечь эти гвозди из двери?

Ни слова не говоря, Мактиг направился назад. Бенсон рявкнул:

— Куда это вы?

Мактиг остановился.

— Вы ведь не думаете, что я буду дергать гвозди зубами? Я иду за инструментами.

Он прошел по палубе к груде инструментов, которые мы прихватили с собой. И вернулся странно усталой походкой — может, лучше назвать это печальной покорностью, потому что, конечно, груз из лома, лопаты, клещей и молотка не мог так его утомить. Подойдя, он напряженно застыл рядом с Бенсоном, ожидая приказаний. Луч фонарика Большого Джима, устремившийся к двери каюты, послужил указательным пальцем.

Мактиг пошел к двери, но остановился перед грудой песка у входа в нее. Она была округлой и походила на могилу. Чедвик лениво побрел вслед за Мактигом, за ним я. Бенсон, как и Мактиг, остановился возле груды песка.

Оба смотрели на песок — с дурными предчувствиями, как показалось мне. Плотно слежавшиеся песчинки серебристо сверкали. Отражение, которое они отбрасывали на лицо Бенсона, было зловещим. Бенсон сразу словно бы похудел, резко выступили скулы, углубились морщины.

Я узнал это лицо: такое выражение было у него во время урагана, когда я ухаживал за ним, лицо с портрета над койкой. Лицо старого капитана.

На верхушке груды лежала боцманская дудка, как будто кто-то осторожно положил ее туда, и никакие песчинки на ней не свидетельствовали, что ее откопал ветер. Действительно, словно кто-то осторожно, аккуратно — и недавно — положил ее сюда. Специально, чтобы мы ее обнаружили.

Чедвик наклонился, поднял ее. Бенсон внимательно следил за ним, Мактиг слегка отодвинулся. Чедвик не стал дуть в дудку, но сжал ее пальцами, охватив кольцом — сигнал «все наверх». Потом протянул ее Бенсону, который не шевельнулся. Чедвик некоторое время смотрел на дудку, словно ему самому она не нравилась, потом неохотно сунул в карман. Взгляд, брошенный им на Мактига, явно утверждал, что именно тот положил дудку на песок.

Мактиг произнес:

— Тут должно быть что-нибудь еще. Но что? Может быть, кости человека, забивавшего шипы?

Прекрасная возможность для Чедвика сделать еще одно пренебрежительное замечание насчет суеверий Мактига или того, как тот готовит сценические эффекты. Но помешал Бенсон. Он прошептал, словно описывая, что привиделось ему во сне:

— Кости Слима Бэнга!

Это замечание не поразило Мактига, как меня или Чедвика: он принял его как должное. Я почувствовал на себе взгляд Чедвика. Слова Бенсона были бессмысленны: в данный момент Слим Бэнг, це-

лый и невредимый, спит на борту «Сьюзан Энн». Но даже если это и не так, вряд ли с того времени, когда мы в последний раз его видели, он мог бы превратиться в кости.

Чедвик многозначительно покачал головой. Мактиг спокойно сказал:

— Кости Слима Бэнга? Не знаю. Может, тут вообще нет костей, их смыло...

Инструменты ударились о доски палубы: побуждаемый каким-то внутренним чутьем, Мактиг бросил их, одновременно отпрыгнув назад. В тот же момент Бенсон выкрикнул что-то нечленораздельное, фонарик выпал у него из руки. Мгновенное замешательство, и я отскочил, уворачиваясь от падающих инструментов.

Лом ударился о палубу со звуком, похожим на глубокий колокольный звон. Этот звон и вывел всех из оцепенения. При свете упавшего фонарика я увидел, что Бенсон застыл в удивлении, рот его широко раскрыт, одна рука поднята в отчаянном жесте. Я видел, как он обменялся взглядом с ирландцем, но значения этого взгляда не смог понять.

Затем Бенсон и Чедвик одновременно наклонились, чтобы поднять фонарик, а мы с Мактигом потянулись к упавшим инструментам.

Бенсон удивленно, как ученик учителя, спросил у Мактига:

— Что случилось, Майк?

Мактиг распрямился, держа инструменты в руках.

— Не знаю, сэр. Мне показалось, что я... что-то вспомнил.

— Что? — быстро спросил Бенсон, но Мактиг уже повернулся ко мне.

— Док, вы должны знать, о чем я говорю. Такое ощущение, словно должно случиться что-то, случившееся уже давно.

Но прежде чем я смог объяснить феномен двойной памяти, он сказал, ни к кому не обращаясь:

— Это все проклятый корабль! Послушайтесь моего совета, оставьте его гнить...

Чедвик вкрадчиво вмешался:

— Еще одно прекрасное представление, Майк?

Рука Мактига, сжимавшая лом, побелела. Он вызывающе посмотрел на Чедвика, гневно перешагнул через груду песка и подошел к заколоченной двери. Потрогал один из больших гвоздей, повернул его.

— Свободно, — сказал он, опуская инструменты. Он выдернул гвоздь. — Как будто его много лет дергали рукой. — Потом, как бы успокаивая себя: — Их забили, когда шхуна была на плаву, а дерево влажное. В песке дерево высохло и ослабило зажим.

Чедвик с вызывающим выражением стал помогать ему. Большой Джим немного поколебался, потом принялся за работу над противоположным косяком. Я был доволен, что втроем они заняли все место

у двери. Я не суеверен, но по своей воле не стал бы вытягивать эти большие гвозди. Впрочем, так и не знаю, почему.

Один за другим гвозди поддавались с удивительной легкостью.

— Как будто они сами хотят выйти, — заметил Большой Джим; и в голосе его впервые звучало удивление и беспокойство.

Чедвик и тут не мог удержаться от насмешки:

— Наверное, тот, кто заключен в каюте, помогает им. Что скажешь, Майк?

Мактиг ничего не ответил, даже не взглянул, но молчание его было красноречиво.

Извлекли последний гвоздь. Мактиг откашлялся.

— Я чувствую себя так, словно сейчас либо конец мира, либо его начало; войти туда — все равно, что ступить в западню. Но если вы этого хотите, капитан...

Бенсон молчал, глаза его сверкали.

— Что ж, — вздохнул Мактиг, — тогда пошли.

Он потянул дверь, и она открылась. Чедвик направил внутрь свет своего фонарика. Два фонаря осветили засыпанный песком трап, потом дверь у его подножья и еще две двери рядом с первой. Я почувствовал слабый неопределенный запах и увидел какую-то дымку. Лучи фонариков зеленовато отражались в ней, слегка рассеиваясь. Как будто проход был освещен умирающим сиянием.

Бенсон переступил через комингс, но не стал спускаться. Он по очереди оглядел нас. Потом, коротко рассмеявшись, вошел. Следом за ним шел Чедвик, дальше я. Последним медленно зашел Мактиг. Я взглянул на него. Он смотрел в сторону дальней двери и подозрительно принюхивался, как собака, учуявшая опасный запах, слишком слабый для человеческого восприятия.

Я понял, что только гордость заставляет его идти; если бы здесь не было Чедвика, он отступил бы. И как хорошо было бы, если бы он тогда отступил!

Чедвик остановился у правой двери. Бенсон сказал:

— Дайте лопату, Майк. — Потом: — Где вы? Идите сюда, вас никто не укусит.

Он держал оба фонарика, пока Чедвик лопатой отбрасывал песок от двери. Песка было не очень много, но корка его оказалась твердой, почти как бетон. Однако, когда ее пробили, песчинки внутри рассыпались, как пыль.

Чедвик отступил от двери. Бенсон взялся за ручку, потянул — и оторвал ее. Чедвик отложил лопату и помог, вдвоем они открыли дверь. Мы увидели первую ступеньку лестницы, соединяющей палубы; все остальное было покрыто песком.

— Дьявольщина! — Бенсон в бессилии плюнул. — Трюм забит песком! Нам понадобится экскаватор, чтобы откопать его.

Он с гневом захлопнул дверь. Чедвик расчистил противоположную. За нею оказалось нечто вроде кладовой. Из песка Чедвик извлек ветхие ткани, деревянные сундуки, которые рассыпались при прикосновении к ним лопаты. В них оказались хрупкие, пепельного цвета остатки того, что некогда могло быть сушеным мясом.

Чедвик расчистил подход к средней двери, той, на которую первыми упали лучи фонарей. Несомненно, это был вход в каюту. Бенсон протянул к ней руку...

Послышался резкий, как выстрел, звук: это треснула под ногой доска. В ответ снаружи раздались другие трески — такие звуки производит оседающее здание. Пальцы Бенсона едва успели прикоснуться к кольцу на двери, как та медленно, как-то зловеще открылась внутрь, словно, как и предполагал Чедвик, обитатель каюты стремился помочь нам, стремился освободиться.

Мы смотрели внутрь каюты, закрытой уже Бог знает сколько времени.

Фонарики нам не понадобились. Мне вначале показалось, что свет льется из иллюминаторов, и я посмотрел на них: они были так малы, что едва ли пропустили бы кулак.

Нет, это была фосфоресценция, как от гниющего дерева, блеск разложения, но такой необычной силы, что становился феноменальным. Яркость — как у стрелок моих часов.

Мы увидели стены из тика, растрескавшиеся и покрытые пятнами плесени. Остатки занавесей, изгрызенные временем, разобрать их рисунок невозможно. Темная картина в поблекшей раме, где обвисший холст превратился в бессмысленный мрак. Несколько морских сундуков, с белым песком на крышках; в углу нагромождены гнутые стулья.

Песок на полу лежал ровным слоем примерно в фут глубиной, под иллюминаторами его было чуть больше. Должно быть, просочился, пока корабль был засыпан. В центре каюты большой черный стол. Увидев склонившуюся над ним фигуру, я услышал захлебнувшийся, похожий на рыдание возглас Мактига. Лицо его стало белым, как песок, измученным, словно он не спал с самого рождения. Я видел, как он храбро вел себя во время урагана, и удивился, что сейчас храбрость ему изменила.

Фигура за столом стояла, опираясь о его край. Колени слегка согнуты, руки лежат на столе, голова повернута в сторону от нас.

Это был мужчина. На нем еще висели обрывки одежды, но они так поблекли, что невозможно было распознать стиль или эпоху. Обнаженная плоть высохла — перед нами стояла мумия. Часть яркого зеленого свечения исходила от нее, образуя бледный нимб. С головы падали спутанные пряди рыжих волос.

В руках мертвец сжимал большую круглую чашу, золотую, с двумя ручками. Около нее были разбросаны золото и драгоценности, свер-

кавшие, как сузившиеся кошачьи зрачки. Как будто пролилось содержавшееся в чаше богатство.

Бенсон отчасти забыл свои страхи, Чедвик забыл совсем, если только они у него были. Оба двинулись к столу. Бенсон отставал на шаг.

Мактиг закрыл глаза. Зеленоватый свет делал его смертельно бледным. Он задрожал, я успокаивающе положил руку ему на плечо. Он раздраженно отбросил ее.

— Все в порядке. — Голос прежний, но лицо — нет. Осторожно, словно опасаясь попасть в западню, он двинулся в каюту, но не к столу, куда устремились Большой Джим и Чедвик.

Чедвик не отрывал взгляда от чаши, но Бенсон смотрел и по сторонам. По какой-то причине он внимательно наблюдал за всеми нами. Из алчности? Или из-за чего-то еще?

Мактиг неохотно, но в то же время целенаправленно, как обреченный приближается к палачу, двинулся к темному пятну на песке. Остановился, глядя на него.

Большой Джим позвал:

— Эй, Майк... и вы, костоправ!

Мы повернулись; я видел, как Мактиг кивнул, словно найдя подтверждение чему-то: так кивает старая дева, заметив грешок какого-нибудь шалопая. Мы подошли к столу. Бенсон указывал на чашу, не касаясь ее.

— Смотрите! — сказал он. — Должно быть, все-таки пираты. — И потом: — Что вас грызет, Майк? Пиратский корабль с сокровищами, а вы не радуетесь, вы холодны, словно сардина!

Мактиг мог ответить, что и сам Бенсон не очень-то торжествует, но он просто указал на пятно:

— Спросите... у них!

— У кого спросить? — Бенсон посмотрел в том направлении, увидел пятно. Подошел к нему, присел, рассматривая: у него было выражение человека, который, начитавшись волшебных сказок, увидел ведьму, летящую на метле.

Мактиг сказал:

— Это еще один повод не доверять находке. Они лежали тут, ожидая. Именно они подучили ветер ударить в колокол и дуть в дудку. Они знали, что мы придем в ответ на это. И вот мы уже здесь. И если бы Бог дал нам разум, мы бросили бы все и ушли.

И сухо добавил:

— Но думаю, что даже если бы мы сейчас бежали сломя голову, уже слишком поздно, чтобы освободиться. Мы открыли ящик Пандоры. И как Пандора не могла загнать назад его содержимое, так же не сможем и мы.

А потом Чедвику:

— Попробуйте объяснить, как я все это разыграл.

Чедвик подошел к Большому Джиму и склонился, глядя через его плечо.

— Спокойней, Майк. Вы словно считаете, что у меня за пазухой заточенный топор.

— Нет, почему же, — дружелюбно подбодрил его Мактиг. — Мне интересно. Как же я все это подстроил?

— Ну, хорошо. Когда вы вчера ночью приплыли сюда — я по-прежнему предполагаю, что вы не подкупили вахтенного, чтобы получить лодку, — вы заглянули в эту каюту. Поэтому гвозди и выдернулись так легко — они уже были вынуты и просто вставлены на место. Песок жесткий, и потому ваши следы не видны. И если это не объяснение вашего знания, значит, ваше второе зрение переусердствовало. Но я юрист. И никогда не слышал, чтобы второе зрение принимали за доказательство в зале суда. Во всяком случае, со времени судов над ведьмами.

Бенсон, по-прежнему глядя на пятно, в то же время внимательно слушал.

— А мотив?

— Неужели я настолько туп? Капитан часто прежде менял свои решения под влиянием ваших намеков. Вам не мешает усилить свою репутацию непогрешимого. В будущем вам это пригодилось бы, если бы вы захотели уговорить капитана Бенсона внести крупный вклад в какое-нибудь ваше предприятие.

Мактиг повернулся. Я сказал:

— Для врача, Майк, теория Чедвика более убедительна, чем второе зрение. Но я не могу согласиться с его оценкой вашего характера. Я назвал бы ваше очевидное предвидение совпадением.

Чедвик промурлыкал:

— Если это второе зрение, Майк, давайте проверим его. Что еще там под песком, помимо владельца этих черных рук?

Я снова почувствовал льдинки во всех порах тела.

— Рук?!

Я склонился рядом с Бенсоном. Пятно оказалось парой высохших черных рук, скрещенных у запястий и выступающих из песка. Они показались мне удивительно знакомыми...

Мактиг прояснил мои мысли:

— Они на колесе! А там, под песком — один из натурщиков!

9. В КАЮТЕ

Чедвик пропел:

— Отлично! А что еще?

Несмотря на свою бледность, Мактиг вспотел.

— Зрение приходит, когда захочет. Я не могу заставить его работать, — он развел руки в раздраженном жесте, задев при этом плечо мумии.

С целой серией негромких хлопающих звуков она наклонилась; мне показалось, что она совсем упадет. Но тут ее колено резко треснуло, и мумия согнулась в направлении толчка, упала набок, и костистые руки обхватили лодыжки Мактига, как будто мертвец о чем-то молил.

Мне приходилось несколько раз видеть такие случаи мнимого оживления в прозекторских медицинских колледжей, абсолютно объяснимые и в то же время абсолютно жуткие. Тем не менее неожиданность случившегося застигла меня врасплох. Но что испытал Мактиг! Он выпучил глаза, и живая плоть его щек приобрела мертвенно-бледный цвет; мне показалось, что он близок к истерике.

Он осторожно переступил через кольцо, образованное мертвыми руками. Упав, тело перестало излучать зеленоватый свет. Оно потемнело, как темнеет кусок гнилушки, когда его берут в руки.

— Пойдемте наружу, Майк, — успокаивал я. — Немного свежего воздуха...

Он отстранился.

— Не трогайте меня, я в этом не нуждаюсь. — И как-то непонятно добавил: — Если вам нужен воздух...

Подошел неуверенно к иллюминатору и ударил по нему кулаком, потом к другому, и тоже разбил.

— Перекрестная вентиляция, — сказал он с мрачной улыбкой и направился к Бенсону и Чедвику.

Чедвик ударом лопаты разбил песчаную корку, потом наклонился и руками разбросал мелкий песок. Высохшие руки были скрещены на груди, черной, как стол, как колесо. Показалось лицо с запавшими щеками, пустыми глазницами, толстые губы приоткрыты, обнажая в оскале крупные желтые зубы. Курчавые волосы, прижатые к макушке. Высохшая голова негра.

Чедвик смел последние песчинки и вздрогнул, найдя что-то еще. Из песка торчал словно черный угол кожаного саквояжа — плечо второго погребенного.

— Их шестеро, — сказал Мактиг. Бенсон пристально наблюдал за ним. — Вы найдете здесь шестерых.

Чедвик промурлыкал:

— На колесе девять пар рук, а не полдюжины.

Мактиг сонно вздохнул.

— Одного бросили за борт, иначе было бы семь. — Он взглянул на мумию с рыжими волосами. — Он восьмой. А девятый... девятый...— Он странно взглянул на Большого Джима, потом повернулся и стал наблюдать за Чедвиком.

Бенсон сказал:

— «В янтаре погребены, все пираты лежат...» Не помню, откуда цитата, но вполне подходит. — Потом осторожно добавил: — Мумии! Но почему они закрыты здесь, словно свирепые звери? Какой вред может мумия причинить живым? — И снова пристально взглянул на Мактига.

Ирландец на мгновение сжал кулаки. Сказал:

— Этот наш приятель, Рыжий, не был мумией, когда его заколотили.

Чедвик, расчищая песок со второго тела, заметил:

— Это просто выстрел наудачу, но если здесь действительно есть еще тела...

— Как это? — рявкнул Бенсон, резко повернув голову к Чедвику.

— Возможно, этот корабль перевозил рабов, — объяснил Чедвик. — По его форме я сказал бы, что он построен во времена расцвета работорговли. Мы знаем, что работорговцы не очень заботились о своем товаре. Их интересовала прибыль, но не санитарные нормы. Многие рабы умирали просто потому, что задыхались в слишком тесных трюмах. Другие оттого, что цепи натирали им тело до костей, когда лежали на голых досках. Если один заболевал заразной болезнью, ею обычно заболевали и все остальные, и тогда незараженный экипаж вынужден был закрывать люки трюмов, топить или поджигать корабль; сами они уплывали на шлюпках. Вероятно, по этому кораблю стреляли. — На это Бенсон улыбнулся. — Мы видели дыры от ядер. Такие снаряды с изобретением паровых двигателей вышли из моды. Значит, кораблю не менее ста лет, и это тоже подкрепляет мою теорию о работорговле.

Ну, ладно. Когда корабль затонул, заключенные негры и рыжий утонули вместе с ним. Они не могли выйти, но и рыбы не смогли проникнуть к ним и очистить их до костей. Соленая вода сохранила тела. Позже какой-то особенно сильный шторм или подводные течения выбросили остов корабля на берег и занесли песком. Вода вытекла, и просоленные тела мумифицировались.

Бенсон недоверчиво поинтересовался:

— И все сложили руки на груди?

Он показал на вторую фигуру, полуоткопанную Чедвиком. Подобно первой, это тоже был негр, и руки его были скрещены на груди.

Чедвик продолжал откапывать третьего, сказав в ответ:

— Ну что ж, они превратились в мумии до того, как корабль затонул, и оставались в такой позе, в какой их уложили.

Бенсон недоверчиво покачал головой.

— Странно, — заметил он, — что рыжий облокотился о стол. И если они засохли до затопления, — вернулся он к прежней мысли, — почему их тут закрыли?

— Сдается мне, морковная макушка был жив. Рыжие всегда причиняют неприятности. Может, экипаж оказался суеверным, и ему не понравились рыжий и его мумии.

Бенсон неожиданно распрямился.

— Оставьте, Чед! — И раздраженно: — Оставьте тела в покое!

Чедвик продолжал копать, объясняя:

— Трудно отказаться от привычек законника. Я хочу найти полные доказательства существования у Майка второго зрения.

— Оставьте их! — повторил Бенсон, подходя к столу.

— Почему? — спросил Чедвик. — Они уже давно мертвы, а если и были больны, то микроорганизмы тоже погибли. И подумайте, как выгодно, если будет доказано существование второго зрения.

— Ну, как хотите, — сдался Большой Джим.

Я предупредил:

— Если тела были заражены, Чед, лучше их не трогать. Микробы — живучие существа, и не они одни ответственны за болезни. А пыль — идеальное средство для распространения инфекции.

Чедвик поднял голову.

— А, вы имеете в виду проклятие Тутанхамона?

Большой Джим стоял у стола, рассматривая чашу и драгоценности, но не трогал их. Глаза его все время устремлялись к телу рыжеволосого. Потом он посмотрел на рыжую голову Мактига.

Он сказал извиняющимся тоном:

— Чаша и эти побрякушки теперь ему не нужны, их можно взять.

Мактиг подошел к столу, сгреб драгоценности в груду и со звоном бросил их в чашу. Тут были золотая цепь, ожерелье, изогнутый браслет, кольца и большие камни без оправы.

— Вот! — отрывисто сказал он. — Берите! — Он как будто отдавал что-то свое. Бенсон обхватил пальцами чашу, снова посмотрел на рыжие волосы мумии, потом на Мактига.

Потряс чашей, ее содержимое загремело. Звуки прогнали тишину, как камлание шамана должно прогнать болезнь.

Он поставил чашу на стол, но подальше от мумии. Подошел к вороху стульев, посветил на них, оценивая резьбу, поднял один и бросил.

— Прогнили насквозь, — сказал он. — Жаль. Прекрасная работа. — Подтолкнул обломки к остальным. — Не стоит внимания. — Но все равно отобрал несколько резных обломков и сложил на столе рядом с чашей.

Осмотрел замки одного из сундуков. Они насквозь проржавели и рассыпались при прикосновении. Украшения резной крышки были забиты песком. Бенсон протянул руку и потянул, и крышка отделилась от петель. Шелк, такой яркий, что можно было подумать, будто он

из золота; его обрывки сверкнули в свете фонарика, как крылышки желтых бабочек. Я хотел взять образцы для более тщательного изучения, но они при прикосновении превращались в пыль.

Под ними лежала ржавая английская абордажная сабля. Бенсон так обрадовался, словно она находилась в отличном состоянии, и оживленно выслушивал наши замечания.

Мактиг нашел два старинных пистолета в неплохом состоянии.

— Больше в сундуке ничего нет, — уверенно, как таможенник, заявил он и перешел к следующему.

Запоры этого держались прочно, несмотря на ржавчину. Мактиг просунул пальцы под крышку и потянул. Дерево негромко треснуло и раскололось. Мактиг отбросил обломки и принялся обыскивать сундук. Бенсон помогал ему, держа фонарик и направляя его луч.

Зеленое свечение в каюте ослабло, сгустилась тьма, наступала ночь. Я сверился со своими часами — они были ясно видны, фосфоресценция больше не затмевала их. Возможно, свежий воздух, попавший через разбитые иллюминаторы, уменьшил ее. Было четверть первого.

Чедвик воткнул свой фонарик в груду песка: он откопал еще две черные мумии, лежавшие друг на друге лицом вниз.

— Пока четыре. Должно быть, в этом втором зрении что-то есть. Или...

Он не стал развивать свою мысль, но переместил фонарик и принялся раскапывать новый участок песка.

Из второго сундука Мактиг извлек статуэтку слоновой кости примерно десяти дюймов высотой. Восклицания его и Бенсона заставили нас с Чедвиком подойти. Статуэтка слегка растрескалась и пожелтела почти до цвета янтаря эпохи Мин, но в остальном сохранилась превосходно.

— Африканская, — объявил Бенсон, насторожившись в ожидании наших замечаний.

— Похоже, рабовладельческую теорию не подмочить, — сказал Чедвик.

Уродливая маленькая фигурка, одновременно стройная и коренастая, пулеобразная голова и раскосые глаза напоминали статуи с острова Пасхи. С анатомической точки зрения были сильно подчеркнуты женские особенности.

— Вот и все, — с сожалением сказал Мактиг, вставая. — Остальное — просто обрывки.

В третьем сундуке оказался мусор, как в старом птичьем гнезде.

Чедвик возобновил свои раскопки. Большой Джим отошел к засыпанной песком койке у дальней переборки. Как изорванное знамя, со столбов безжизненно свисали обрывки полога. Бенсон хлопнул по

столбам и разочарованно сказал, что неплохо бы было их прихватить и заказать копии, но, похоже, они не выдержат перевозки.

— Вот и все, — с сожалением повторил он, как ребенок, развернувший последний рождественский подарок, но не нашедший ожидаемого.

— Есть и пятый! — объявил Чедвик. — Могут быть еще. Доказательство неопровержимое. Ваше второе зрение вам пригодилось, Майк, вы сумели произвести на меня впечатление.

— Благодарю за комплимент, — раздраженно ответил Мактиг. — Только помните, что и недостатки у него тоже есть. — Понять его ответ можно было по-разному.

Бенсону он сказал:

— Уже поздно, сэр. Если мы вскоре не вернемся на «Сьюзан Энн», Пен не найдет нас и, вероятно, организует поиски.

Джим не очень охотно согласился.

— Мне нужно колесо, — сказал он, — а к тому времени, как мы его отвинтим, рассветет. Что ж, совершим еще одну вылазку и попробуем раскопать песок. Я надеюсь пробраться на засыпанный нос.

Они с Чедвиком собрали находки. Кивком головы Бенсон предложил всем выходить.

Мактиг заколебался:

— Погодите!

Он подошел к рыжеволосой мумии, легко поднял, отнес к койке и положил набок. Сказал серьезно:

— Бедный старина Рыжий! От него немного осталось!

Он порылся на груди у мумии, потом украдкой взглянул на нас. Я понял: он проверяет, заметили ли мы медальон, выпавший из обрывков одежды. Он неуверенно подошел к нам.

— Он так долго простоял за столом, — смущенно объяснил Мактиг, — что мне захотелось наконец уложить его.

Чедвик повернулся и двинулся к трапу. Бенсон улыбнулся. Если бы руки его не были заняты добычей, он бы наверняка потрепал Мактига по плечу. Он заторопился за Чедвиком, по пути крикнув, чтобы тот шел медленнее.

Я похлопал Майка по плечу вместо Бенсона. Он мне очень нравился.

Мы вышли в ночь в сопровождении нескольких светящихся клочьев тумана. Остановились, глубоко дыша: свежий воздух подействовал, как холодная ванна. Я почувствовал, что стал чище. Большой Джим передал мне саблю, пистолет и обломки дерева; чашу и статуэтку он доверил Чедвику.

Нам потребовалось гораздо меньше времени, чем он думал, чтобы освободить штурвал от креплений; Чедвик даже сказал, что колесо

словно бы само хотело вырваться. Когда Бенсон рассматривал проржавевшие крепления, корабль снова заскрипел — резким, дрожащим хрустом, похожим на далекий хриплый хохот.

Мактиг не стал смотреть. Прежде всего он подошел к двери и закрыл ее: оттуда дул сильный сквозняк, словно освобожденная каюта облегченно дышала. Потом подошел к гакаборту и посмотрел на песчаную дюну, скрывавшую от нас огни «Сьюзан Энн».

С каждым скрежетом инструментов Большого Джима, с каждым треском корабля Мактиг вздрагивал и морщился. Пальцы его сжимали разбитый поручень.

— Готово! — возбужденно воскликнул Бенсон. — Можете расслабиться, Майк. Добрая Пятница [1] кончилась.

Колесо оказалось не очень тяжелым. Бенсон поднял его и понес к лестнице. Над ним, холодная и чистая, как нота хрустального гонга, горела утренняя звезда.

— Спускайтесь, Майк! — приказал Бенсон. — Потом вы, доктор. Чед передаст вам добычу.

Ирландец повернулся, в последний раз осматривая палубу, криво улыбнулся при виде колокола. Потом глубоко вздохнул, развернул лестницу, спустился и стал светить мне вверх. Спустился и я. Чедвик остановился на полпути, передавая находки от Бенсона мне. Последним, держа колесо, спускался Бенсон.

Мы взглянули на корабль: как черная грозовая туча, он закрывал звезды, по-прежнему слегка потрескивая.

Чедвик сказал:

— Пока песок полностью закрывал его и давление было равномерным, все было в порядке. Но сейчас он, кажется, не выдерживает.

Звуки напоминали скрежет арктических льдов. Большой Джим тревожно сказал:

— Похоже, мы вовремя унесли ноги.

Он подхватил колесо и заторопился по песку. В ста ярдах от остова мы остановились и обернулись.

Из разбитых иллюминаторов каюты блеснули последние остатки свечения, как потоки мошкары, устремляющиеся к огню. Дюна осела и с ревом обрушилась на корабль, тяжелая и неумолимая, как молот Тора.

Треск усилился, слился в тысячекратно усиленный звук раздавленного спичечного коробка. Свечение погасло. Облака пыли устремились к нам, как призрачная приливная волна. Мы задыхались, начали кашлять.

---

[1] Добрая Пятница — пятница накануне Пасхи, годовщина распятия Христа. *(Прим. перев.)*

Некоторое время мы стояли молча, глядя на место, где только что был корабль. Каждый был погружен в свои мысли. Потом Бенсон сказал:

— Кажется, это все.

Мактиг пробормотал:

— Ящик Пандоры, разбитый сбежавшими из него. Они назад не вернутся.

Бенсон наклонился и взвалил колесо на спину. С трудом он взошел на вершину дюны, словно колесо приобрело дополнительный вес. С каждым шагом он немного съезжал вниз по песку.

На вершине он облегченно остановился. Восточный край неба быстро светлел, приобретая сиреневый оттенок, предвещающий рассвет. Болезненной желтизной горели огни «Сьюзан Энн». Через двадцать минут со всей внезапностью тропиков наступит день.

Мактиг спросил, продолжая сравнивать все с ящиком Пандоры:

— Мудрый джинн разбил бутылку, в которую был заточен. В последний раз, сэр: вы намерены отнести это на корабль?

Бенсон резко ответил:

— Это ведь уже решено. И давно.

Мактиг пожал плечами.

— Хорошо, капитан. Вы сделали выбор, и я вам повинуюсь.

Бенсон посмотрел на опавшую дюну, теперь ничем не примечательную, голубовато-сизую на рассвете. Повернулся к нам.

— Теперь я вам скажу... Вы правильно чувствовали, Майк. В этом колесе есть что-то сверхъестественное. Я знаю это по свидетельствам, о которых сейчас предпочитаю не говорить. Поэтому я принял некоторые меры предосторожности, чтобы оно не действовало на вас. Поэтому, Майк, я так рассердился, когда мне показалось, что вы хотите переманить на свою сторону Пен.

Я позволил вам самим осматривать колесо, самим разгадывать его загадки. Подбадривал вас, чтобы вы смелее высказывали свое мнение. Вы для меня не помощники, а свидетели. И каждый из вас знает, или узнает со временем, почему избраны именно вы.

Я мог привести с собой больше людей, а не только вас троих, но я опасался смятения, неизбежного при большом скоплении народа. Мы лишь мешали бы друг другу. И мне не нужны слухи при вынесении окончательного вердикта по этому делу.

Мактиг удивился, хотя и кивнул, соглашаясь. Чедвик удивился меньше, но был смущен. Большой Джим, должно быть, намекал на что-то, мне не известное.

— В данный момент, — закончил Большой Джим, — я не собираюсь говорить, что́ для меня это колесо. То, что я сейчас скажу, будет звучать странно, но, уверяю вас, это верно, как само Евангелие, и вы, Майк и Чед, провели со мной достаточно времени, чтобы ценить слово

Бенсона. Возможно, моя семья пользуется репутацией семьи практичной, но это почетная репутация. Вот что я вам скажу: из-за этого колеса ни один из вас не пострадает; только если вы сами сознательно не будете противостоять его действию. Бояться его нечего. Страх, — он сказал это печально, будто руководствовался собственным большим опытом, — всегда предвещает поражение.

Помолчав, он коротко закончил:

— Теперь всё. Мы возвращаемся на «Сьюзан Энн». Конечно, если у вас больше нет вопросов.

Чедвик медленно, тщательно подбирая слова, произнес:

— Возможно, вам кажется, что вы нам многое сказали, капитан. Но этого недостаточно.

— Я сказал, — ответил Бенсон, — что вы должны мне верить. Я только хочу, чтоб вы запомнили мои слова. Позже вы поймете их значение.

Чедвик поклонился. Мне тогда не пришло в голову, что, возможно, Бенсон проводит на нас психологический эксперимент: размышляя о колесе в сочетании с его предостережениями, мы придем к неким нужным ему заключениям.

Я отнес его выступление туда же, что и суеверные страхи и чувства Мактига — заторможенная, замкнутая личность проявляет себя через романтические стремления, через надежду на приключения.

Бенсон взглядом попросил моего ответа.

Я сказал:

— Как карликовое дерево, рисунок Бердсли или поэма Бодлера, это колесо прекрасно — сознательно искаженной и неестественной красотой. Поэтому оно мне не нравится. Я определенно не боюсь его. Вы с Майком обмануты различными совпадениями и считаете, что колесо может как-то воздействовать на вашу жизнь. Поступая так, вы наделяете его личностью. Это типично для психологии примитивного типа и является основой всех религий — вряд ли этого можно ожидать от взрослых людей вашего воспитания и образа жизни.

Бенсон смотрел на меня так же, как он смотрит на леди Фитц: я забавлял его.

Мактиг осторожно возразил:

— Многие неодушевленные предметы воздействуют на нашу жизнь. Золото само по себе не может вызывать войны, но обладание им способно воздвигнуть или разрушить империю. Что такое флаг? Кусок цветной ткани. Но люди сражались и умирали, чтобы отомстить за оскорбление флага.

— Тем не менее, — ответил я слегка обиженно, — я должен предостеречь вас от приписывания колесу свойств живого существа. — Я не стал добавлять, что такая зыбкая опора на ложные ценности

лежит в основе всех психических отклонений. Большой Джим очень чувствителен по поводу его одержимости старым капитаном.

Возможно, он понял мои опасения и решил помешать мне высказать их. Он безапелляционно сказал:

— Мы уже достаточно времени потратили на этот вздор. Пошли.

И снова взвалил колесо на спину.

Мы спустились по склону к шлюпке. Бенсон зевнул:

— Боже, как я устал!

Когда мы садились в шлюпку, над водой показалось солнце. Когда Мактиг начал грести к «Сьюзан Энн», желтый свет солнца превратил песок в серу, а лагуну — в медь. Сам корабль казался вырезанным из топаза и янтаря на фоне переливчато-голубой эмали неба.

Блеск воды ослепил меня. Я отвернулся и был ослеплен другим блеском, исходившим от драгоценностей в руках Чедвика.

Бенсон сидел, положив колесо на колени. Его благородной формы пальцы машинально поглаживали колесо, словно живое и любимое существо.

На «Сьюзан Энн» сверкнул белый сполох — словно жемчуг в золоте. Пен стояла у поручня в развевающемся белом пеньюаре. Она не помахала нам; опираясь на сложенные руки, лишь серьезно смотрела на шлюпку. Я подумал о юной святой, опирающейся на золотую ограду неба.

Чедвик полой одежды прикрыл чашу.

— Нам не нужна реклама, — сказал он. — Вдруг на борту есть и другие ранние пташки.

И как раз в этот момент рядом с ней показался Смитсон. Пен беспокойно оглянулась на него и отодвинулась. И тут увидела колесо. Глаза ее широко раскрылись, губы сжались, она стукнула по поручню маленьким кулачком. Небесный налет исчез из ее красоты: теперь она трепетала, как белое пламя ярости.

Смитсон подозвал вахтенного, велел ему спуститься и удерживать нашу шлюпку, которая коснулась корпуса «Сьюзан Энн». Большой Джим передал вахтенному колесо. Тот чуть его не выронил — вероятно, его поразили вырезанные на нем руки, и вел он себя так, словно дерево жгло его. Но он тут же пришел в себя и передал колесо Смитсону.

Пен бросилась к Смитсону, который наклонился, принимая колесо.

— Отец, ты не должен был приносить это на борт!

— Тише, девочка, — мягко, но решительно ответил Бенсон. — Я знаю, что делаю.

Она крикнула нам:

— Майк! Доктор Фенимор! Чед! Я навсегда вас возненавижу, если вы позволите ему!..

Бенсон сделал короткий жест Смитсону, тот подхватил девушку под локти и отставил в сторону. Мактиг кашлянул, я покраснел. Пен стояла, прижав ладони ко рту, и недоверчиво смотрела на Смитсона. Он перестал ее замечать и принял колесо. Девушка топнула ногой, но прежде, чем она смогла выразить свое негодование, Бенсон ласково сказал:

— Ну, девочка, не нужно мятежей. Иначе... — он усмехнулся, — я закую тебя в цепи.

Она упрямо выпрямилась. Он продолжал ластиться:

— Я принес тебе кое-что. Тебе понравится...

Я видел, как Смитсон бросил вопросительный взгляд на Чедвика, отходя от борта с колесом. И мне не понравилось подмигивание, которым ответил Чедвик. Нужно это запомнить.

Бенсон неторопливо поднялся по трапу. Мактиг взбежал за ним. Я следом. За мной поднялся Чедвик. Вахтенный занялся шлюпкой.

Пен прижалась к Мактигу, спрятала у него на груди лицо. Она больше не удерживала слезы; он робко гладил ее волосы. Чедвик остановился возле них; Мактиг отдернул руку и застыл. Наступила неловкая пауза.

Пен отступила от Мактига, отвернулась, вытирая слезы. Она снова повернулась к нам, холодно разглядывая Чедвика; на Мактига она смотрела с сомнением, на меня — как смотрит ребенок на обманувшего его взрослого. Я покраснел от стыда, будто на самом деле предал ее.

Она отчаянно выпалила:

— О, это бесполезно, вы все вместе, все заодно!

И, резко повернувшись, побежала к своей каюте.

Смитсон осторожно трогал колесо пальцем, как будто ощущал нечто незнакомое. Бенсон ревниво оттолкнул его. Поднял колесо, но не очень ловко — он устал. Пошел к своей каюте, подозвав нас повелительным кивком головы.

Смитсону же резко сказал:

— Ни слова об этом, понятно?

Тот небрежно кивнул. Пройдя несколько шагов, я обернулся. Смитсон выпрямлялся, словно нагибался за чем-то упавшим.

Майк отошел, чтобы убрать инструменты. Я положил свою ношу на стол Бенсона. Он хрипло сказал:

— А теперь лучше отправляйтесь на койку.

— В таком случае спокойной ночи, сэр. — Он кивнул. Я закрыл дверь, оставив его наедине с Чедвиком. Последним взглядом увидел Бенсона, склонившегося к колесу, как скупой склоняется к своим сокровищам.

Глаза старого капитана на портрете, казалось, тоже не отрывались от колеса.

10. ОБЛАКА

Коллинз разбудил меня очень рано, придя убирать мою каюту. Он небрежно извинился и ушел, но я не смог снова уснуть, оделся и пошел на завтрак.

Очевидно, Чедвик спал не больше меня, а может, и совсем не спал. Он в одиночестве сидел в столовой с чашкой кофе и сигаретой. Когда я подошел, он равнодушно взглянул на меня.

Вежливость требовала, чтобы я сел рядом, но мне не хотелось этого. Как всякая встреча с Мактигом увеличивала мою привязанность к нему, так и всякий контакт с Чедвиком усиливал некое интуитивное недоверие.

Он выпустил струю голубого дыма и вежливо улыбнулся, когда я поздоровался и сел. Чедвик не оглядывался на дверь, но явно знал, что мы с ним одни. Наклонился ко мне, очевидно, собираясь сказать что-то очень конфиденциальное. Но прежде чем он произнес хоть слово, появилась леди Фитц без обычно сопровождавшего ее Бурилова. Чедвик отодвинулся от меня, словно мы с ним планировали убийство.

— Доброе утро, доброе утро! — пропела леди Фитц, глядя на нас; тем не менее, место она выбрала довольно удаленное. На ней было что-то очень спортивное и светло-голубое, хорошо сочетающееся с ее рыжеватыми волосами. И одежда, и прическа были в легком беспорядке, но — тщательно продуманном. Я представил себе, как она добавляет эти последние штрихи к работе Деборы, не только чтобы выглядеть легкой и цветущей, но и чтобы сказать последнее слово в споре с шотландкой.

Она защебетала:

— О, какое удивительное сегодня солнце! Как пламенная желтая птица. Парит над миром, как пришелец Извне!

Если бы тут присутствовал Мактиг, он бы обязательно ехидно заметил, что надеется — оно не поведет себя, как всякая птица, ибо, применительно к солнцу, это вызвало бы катастрофические последствия.

Англичанка посмотрела в пространство, словно проглотила что-то неприятное.

— Я вам скажу! Поэма! Какое счастье — так начинать новый день! — И с сомнением поглядев на нас, бесстрашно продолжала: — Я проснулась с сердцем, полным песен, но вряд ли смогу выразить это.

И прежде чем мы смогли спросить, как она намеревалась их выразить, ее манеры изменились, она стала деловой и холодно практичной.

— Прошлой ночью я слышала странный треск, а утром заметила, что дюна за нами обвалилась. Загадочно, не правда ли? Можно за-

подозрить, что остров населен духами. Надо бы пойти туда и посмотреть, что случилось.

Чедвик вежливо ответил:

— Во время бури дюна пропиталась водой, леди Фитц-Ментон, и ее частично размыло. Оставшееся не смогло удержаться и, высохнув, обвалилось. Вот и все.

Она недовольно спросила: «Неужели?» — и следующие несколько минут диктовала заказ стюарду; при этом она так долго описывала, как и что именно нужно ей приготовить, что проще было бы ей самой отправиться на камбуз и заняться этим.

Чедвик допил кофе, погасил сигарету и встал. С особенно яркой улыбкой извинился — я бы назвал его улыбку очаровательной, не будь она такой фальшивой, — и на мгновение задержался у двери, глядя на меня.

Леди Фитц, убедившись, что он вышел, удивила меня замечанием:

— Лицемер! Ничтожество! Так не похож на вас, мой добрый доктор!

Должно быть, взаимоотношения с русским и его предшественниками обострили ее проницательность. Теперь она получила возможность неофициально посоветоваться со мной по различным медицинским проблемам. Как только позволили приличия, я извинился и поднялся на палубу.

Пен стояла у поручня, мрачно глядя на капитана Джонсона и Маккензи, гичка которых продолжала вчерашние исследования, отыскивая подходящую бухту, где можно поставить «Сьюзан Энн» на ремонт.

Я сказал:

— Мисс Бенсон, я не забыл ваш взгляд сегодня утром и ваши слова. Надеюсь, они были вызваны досадой и не отражают вашего истинного отношения ко мне.

— Вы имеете в виду мои слова о том, что вы заодно с остальными? — Она повернулась. — Я беспокоилась. Не спала. Сердилась. И, боюсь, была немного расстроена. Доктор, вы знаете, я верю вам. — Взгляд ее добавил, что если бы она мне не доверяла, то не пришла бы в мою каюту вчера вечером. И, без всякого сомнения, это был самый прекрасный взгляд, какой я только надеялся увидеть.

Я серьезно ответил:

— Я не хочу вмешиваться в ваши дела. Но что-то вас тревожит, что-то большее, нежели страх перед черным колесом. И я вовсе не из любопытства хочу, чтобы вы мне доверились.

Она задумчиво кивнула:

— Вероятно, я так выгляжу. Я не люблю распространяться о своих чувствах, хотя среди других это не очень заметно. — Потом, подняв

голову и улыбнувшись, сказала: — Я думала об отце и этом проклятом колесе. Он совсем не спал. Сидит в каюте, гладит колесо и что-то говорит ему, словно вновь обретенному старому другу. Сейчас он, наверное, изучил его во всех подробностях, но это ему не мешает.

И в отчаянии:

— Я бы все отдала, только бы это путешествие не начиналось! Но теперь, оглядываясь назад, я вижу: все это было предопределено.

— Каким образом?

Но она не ответила.

— И это еще не все, — торопливо продолжала она. — Сказав, что отец общается с колесом, как с вновь обретенным другом, я говорила серьезно. Нет, — поправилась она, — в этом нет сомнения: колесо обладает личностью! Либо оно само живое, либо в нем обитает что-то живое. Я уверена в этом!

И добавила, невесело рассмеявшись:

— Бред сумасшедшего, верно? Тем не менее, я в это верю. Так должно быть!

Она замолчала, словно и так уже сказала слишком много. Мы посмотрели на остров. По нему скользила тень. Ее отбрасывало одно из небольших облаков, что неторопливо проползали под солнцем, как участницы конкурса красоты перед жюри.

Молчание Пен действовало угнетающе. Я упрямо сказал:

— Прекрасно!

Она проследила за направлением моего взгляда.

— Да, чертовски прекрасно. Но тигры и питоны тоже прекрасны. Прекрасны и опасны. Мне кажется, что этот остров опаснее их. Больше того. Я думаю, что вы разделяете мои чувства.

— В таком случае, вы не сказали мне всего, мисс Бенсон.

— Вы так считаете?

— Да. Насколько я вас знаю, вы слишком уравновешенны, чтобы верить в то, что вы называете «бредом сумасшедшего», без основательной причины. И хоть вы умело скрываете свои чувства, ваш приход ко мне прошлым вечером свидетельствует, что вы глубоко встревожены. И не хотите показывать это. Но, мисс Бенсон, я хочу помочь вам.

— Вы правы. Но больше я ничего не скажу. Я должна сама решить свои проблемы, если хочу быть сильной. И я это сделаю, хотя бы ради отца!

Она посмотрела мне за спину, прошептала:

— Идет Чед, не могу его видеть!

И торопливо ушла.

Итак, я прав. Возможность безумия отца тревожит ее давно. Интересно, какая тут связь с ее утверждением, что колесо — живое?

Чедвик подошел, облокотился о поручень, глядя вслед торопливо ушедшей Пен.

— Когда мы поженимся, — протянул он, — мне будет забавно наблюдать за бедными глупцами, влюбленными в нее. Ведь я знаю, что ничто на свете не отберет ее у меня.

Простое признание в любви — одно дело; но скрытое предупреждение — совсем другое.

— Вы обручены?

Он выглядел вежливо раздраженным.

— Вы не знали? Конечно!

Я подумал, что вряд ли это удачная помолвка, если они о ней не упоминают. Мне всегда казалось, что Пен расположена к Мактигу, как и он к ней. Чед мог разделять это мнение, поэтому и использовал каждую возможность, чтобы унизить Мактига.

Психологическая аксиома: человек ревнует только тех, кто не принадлежит ему. Я вспомнил, как бросилась Пен к Мактигу, когда колесо впервые подняли на борт. Сделано это было бессознательно, но ясно показывало ее привязанность. Но почему, если Пен любит Мактига, она не разрывает помолвку с Чедвиком? Что ее удерживает?

Я выстрелил наудачу:

— Вы как будто хотели мне что-то сказать недавно. Что-то важное. Но вам помешала леди Фитц.

Кто-то, должно быть, говорил Чедвику о гипнотическом воздействии его глаз, и он об этом никогда не забывал. Я поежился под его понимающим взглядом.

— Я просто хотел спросить, не заболела ли Пен. Я видел, как она вчера вечером выходила из вашей каюты. Как ее будущий муж, я должен быть в курсе всего, что беспокоит ее.

Я не знал, к чему он ведет, но не хотел ему помогать, поэтому сказал:

— Успокойтесь, ничего серьезного.

Взгляд его вцепился в меня, как кот, готовый вырвать правду:

— Если вы думаете то же, что и я, вероятно, вы правы.

Это можно было понимать как угодно. И хотя, по моим сведениям, Чедвик никогда не носил имя Педро, я согласен с Мактигом: язык у него змеиный.

Он передвинулся так, чтобы хорошо видеть остров. Но сомневаюсь, чтобы он его видел. Затем сказал:

— У вас завидное положение здесь. Вы подобны Богу. Вам, как врачу, говорят то, что никогда не сказали бы другому. Вы точно знаете, что происходит вокруг вас, тогда как другие могут только строить догадки. Возможно, вас заставляет молчать клятва Гиппократа, а может, просто здравый смысл. В любом случае мне это нравит-

ся. И вы мне нравитесь. Вы хороший друг, а я всегда полезен своим друзьям — в финансовом отношении. Подумайте об этом.

Я уловил общий смысл его предложения, хотя всех подробностей знать не мог. И не ответил резко просто потому, что не хотел заставить его принять оборонительную позу. Прежде всего я хотел помочь Пен, а по намекам Чедвика было ясно, что она более связана со всем этим делом, чем говорит.

Я сказал:

— Подумать никогда не помешает.

Он коротко рассмеялся и отошел.

И вдруг я почему-то обрадовался, что не ответил резко и не вызвал его вражду. Меня осенило — Чедвик предложил мне отравленную приманку, но сам проглотил ее: пытаясь понять, насколько я знаком с делами Пен, он выдал информацию, что существует нечто, что я могу узнать. Но что это такое?

То, чем он удерживает Пен. То, что приковывает ее к нему, несмотря на ее любовь к Мактигу!

Но он ищет моей помощи, значит, положение его не очень надежно. Но... как это все связано с верой Пен в жизнь колеса и с ее опасениями за душевное здоровье отца?

Допустим, Чедвик заявил Пен, что у него есть доказательства безумия Бенсона; она любит своего отца и выйдет за Чедвика замуж, чтобы защитить его. Хотя Бурилов — также искатель счастья, его методы не столь презренны, как методы Чедвика. Русский мне скорее нравился, но я понимал в свете своих рассуждений, почему Пен его не любила: он был той же породы, что и Чедвик.

Возникает вопрос: если у Чедвика есть доказательство — а оно должно быть убедительным, чтобы подействовать на такую девушку, как Пен, — каково оно и как он его заполучил?

Его вечное пренебрежительное отношение к Мактигу — не только следствие ревности. Он старается отдалить его от Бенсонов. Возможно, чувствует, что рыжеволосый ирландец — серьезный противник; а может, потому, что Мактиг может предоставить противоположную по смыслу информацию.

Обычно я предпочитаю не вмешиваться в чужую жизнь, но этот случай — исключение. Пен стала мне очень дорога, хотя у меня нет никакой надежды на более близкие отношения с ней. Очевидно, я должен поделиться своими догадками с Мактигом, но таким образом, чтобы он не набросился сразу на Чедвика.

Я не мог решить, как это сделать, но думал, что найду способ.

Имеются некоторые важные обстоятельства. Во-первых, на каком основании Пен считает, что это путешествие обречено? Во-вторых, ее уверенность, что колесо живое. В-третьих, удивительно сходное впе-

чатление, произведенное на самых разных людей на «Сьюзан Энн» колоколом, дудкой и колесом.

Тень от одного из бегущих облаков упала на «Сьюзан Энн» и тут же прошла мимо.

Хотел бы я, чтобы так же быстро ушла тень с моего сердца.

11. РЫЖИЙ

Днем, бесцельно слоняясь по своему кабинету, я слышал, как Бенсон гневно зовет капитана Джонсона. Меня поразил не тон его голоса, а странные интонации. Голос звучал визгливо, раздраженно, словно у Бенсона был приступ астмы. Я подошел к двери и выглянул.

Бенсон воинственно шагал в сторону каюты Джонсона, за ним бежал Мактиг и что-то ему говорил. Бенсон кулаком ударил по двери каюты и, не дождавшись ответа, ворвался внутрь. Через мгновение он снова появился.

— Джонсон! Джонсон! Где он спрятался?

Он затопал по коридору. Мактиг пожал плечами и отстал.

Я окликнул ирландца. Тот повернулся, увидел меня и подошел. Я прошептал:

— Что с ним?

Мактиг мимо меня прошел в кабинет и устало опустился на стул. Порылся в кармане в поисках трубки. Лицо у него осунулось.

Он сказал, бросая спичку в пепельницу:

— Я люблю старого ублюдка, но временами мне хочется украсить его зад отпечатком своей подошвы.

Он рассмеялся коротким, резким смехом, похожим на хруст черствого хлеба.

— Эти вечные колебания добьют меня. Мы добрались до острова, и я был счастлив, думая, что этот глупец избавится от хватки старого капитана, — счастлив, как мальчишка, когда сгорела школа, где он учился. Но тут мы находим эту лохань и проклятое черное колесо! И вот — полюбуйтесь: он снова здесь, этот старый капитан, и на этот раз со всеми украшениями!

— Но что...

— Смитсон вместе с несколькими матросами высадился на берег, чтобы нарубить деревьев для кнехтов и брусьев, и решил, пока его люди работают топорами и пилами, побродить с лопатой. Опавшая дюна показалась ему подходящим местом, и он начал там копать — и вот как раз в этот момент Большой Джим отрывается от своего любимого колеса и решает посмотреть, как идут дела на берегу и на борту. И тут же видит Смитсона на дюне. Как смеет этот ублюдок охотиться за сокровищами, когда капитан торопится отремонтировать

«Сьюзан Энн»? Я ничего не мог сделать. Пришлось везти старика туда.

Мактиг помолчал, затягиваясь.

— И все время он изрыгал такие ругательства и непристойности, которых я, известный ценитель, никогда не встречал ни в употреблении, ни в изъятых книгах. Должен сказать, мы быстро добрались до дюны: подобный заряд брани действует лучше ракетного двигателя.

Он опять затянулся.

— Капитан направился к Смитсону и разразился новой красочной тирадой. Смитсон воспринял это, как град по жестяной крыше: просто стоял с застывшим лицом и слушал. Когда капитан вынужден был остановиться, чтобы перевести дыхание, Смитсон заметил, что люди его работают и потому нет смысла браниться, да к тому же он подчиняется капитану Джонсону, а не владельцу «Сьюзан Энн».

Мне наплевать на Смитсона, но он прав. Такие обстоятельства случаются сплошь и рядом, и умный капитан или владелец их не замечает. К тому же, черт побери, Смитсон видел, как мы утром вернулись с грудой добычи. Почему бы ему самому не откопать парочку сувениров? Почему все всегда должно доставаться богачам?

— Да, но что дальше?

— Ну, Большой Джим в роли старого капитана превосходно исполнил роль сорвавшегося с привязи. Он захотел схватить лопату и закопать Смитсона в песок по горло. Но Смитсон схватил лопату первым и не хотел уступать. Капитан вспыхнул, как окаменевшая рекламная фуксия с неоновыми листьями. Но и это не испугало Смитсона, тот по-прежнему выглядел весьма угрожающе с лопатой в руках. Поэтому, чтобы не пачкать руки о такую мразь, — мне кажется, что капитан искренне так подумал, — он повернулся и направился назад к лодке. И не считал при этом, что сдержанность — лучшая часть мужества. Вовсе нет!

Пока я греб назад, он многократно заявлял о своем намерении заковать Смитсона, расстрелять весь экипаж, причем выдал новый залп непристойностей. К тому времени, как мы добрались сюда, он должен был бы успокоиться, но он еще более раскалился, и я серьезно начинал подумывать, не стукнуть ли его по голове веслом или попросить вас сделать ему укол успокаивающего. Вот и все. Более чем достаточно.

Я сказал:

— Это всего лишь приступ гнева. Пройдет. Не стоит беспокоиться.

— Вы так думаете? Приятель, вы не знаете экипаж. Это все потомки первоначального экипажа «Сьюзан Энн». Их предки сражались с малайскими пиратами, как мы играем в регби, просто для удоволь-

ствия. Питерс, которого смыло в ураган, рассказывал мне кое-что о том экипаже. Они однажды захватили две джонки с пиратами и пустили их в плавание в таком разделанном виде, что судьба погибших солдат Кастера [1] кажется детской игрой.

Когда дело доходит до зла, эти парни должны превосходить своих предков. Еще два-три таких гневных приступа, и они решат, что капитан спятил. И это он будет в кандалах или расстрелян, а не экипаж. Не они.

Я не мог поверить в это. И возразил:

— Но он же сам их выбирал. Они преданы ему...

Майк выколотил трубку о блюдце с кристаллом, который я выращивал. И сказал:

— Прошло сто лет с тех пор, как распался первый экипаж «Сьюзан Энн». Они утратили связь друг с другом. Большинство из них никогда не слыхали о старом капитане и так бы и не узнали, если бы Бенсон не раскопал их имена в старом корабельном журнале. Они тут из-за денег и считают, что очень нужны, раз уж миллионер потрудился их отыскать и подкупить, чтобы они отказались от прежней привычной работы. Знаете, сколько платит им Бенсон?

Я понятия не имел. Он мне сказал, и я был поражен.

— Одна лишь непомерная плата уже должна была сделать их подозрительными. Нас ждут неприятности. Питерс об этом знал, но не посвятил меня. Ему как раз Большой Джим нравился. Я надеялся понять, что происходит: поведение Смитсона свидетельствует, что нарыв вот-вот прорвется. И то, что старый капитан сейчас делает, вовсе не улучшит положения.

Мы прислушались: ясно доносился резкий голос Бенсона.

Я рассмеялся при мысли о мятеже.

— Мактиг, вы так хотите спать, что вам наяву снятся кошмары. Отправляйтесь к себе и ложитесь в постель.

— Спать! — усмехнулся он, вставая. Потянулся и зевнул. — Я не склонен к извращениям, док, но позвольте вам сказать, что я жду-не дождусь объятий Морфея. Однако, сейчас мой долг — удержать капитана от того, чтобы вызвать вражду Джонсона.

Он направился к двери и остановился. Печально взглянул на меня.

— Я чувствую себя, как сырая кожа на непрочной раме. Рама вот-вот лопнет. У вас есть что-нибудь алкогольное от этого?

— Если хотите успокоительное...

— Успокоительное не поможет. Мне понадобится пьяная удаль, если капитан настигнет Джонсона. Прольется кровь, и я не шучу.

Я дал ему порцию пшеничной водки. Он улыбнулся.

---

[1] В 1867 году кавалерийский отряд под командованием Кастера был уничтожен индейцами племени сиу. *(Прим. перев.)*

— Надеюсь, вы не хранили в ней образцы?

Проглотил водку, отдал мне стакан и вышел.

Я вернулся к своей работе. Оставался примерно час до обеда, когда ко мне ворвался без стука один из моряков — Перри.

— Хватайте свои инструменты, сэр, и идемте быстрее!

Я схватил медицинскую сумку. Мрачные предсказания Мактига я приписал его взвинченным нервам, но эта внезапная тревога придала им характер реальности. Прежде чем Перри что-то объяснил, я услышал, как кто-то поет, вернее, ревет довольно приятным баритоном.

— Это Мактиг, — сказал Перри. — Его слышно по всему кораблю. — Он заторопился по коридору, и мне пришлось его догонять. — Он пьян, — сказал Перри, — вернее, он произнес нечто соответствующее этому литературному выражению. Мне послышалась нотка зависти в его голосе. — Капитан Джонсон хочет, чтобы вы его заперли, пока не услышал мистер Бенсон.

Если бы мы шли не так стремительно, я спросил бы, почему мистер Бенсон не должен его слышать. Но мне не хватило дыхания. Обрывки песен становились все громче: мы приближались, но не к каюте Мактига, а к каюте Хендерсона; неожиданно пение прервалось.

Мы вошли в каюту Хендерсона. Мактиг лежал на койке первого помощника, Хендерсон прижимал его к ней, руками зажимая рот Мактигу. В воздухе резко пахло виски.

Перри незаметно удалился. Хендерсон посмотрел на меня.

— У вас есть средство, чтобы он сразу отключился и замолчал? Чем быстрее, тем лучше.

И злобно добавил:

— Мне безразлично, если он проваляется до середины следующей недели! — Он успел отдернуть руку, прежде чем Мактиг укусил ее. Мактиг снова разразился песней и попытался сесть. Эту песню я раньше не слышал. Кажется, она была на гэльском языке. Хендерсон снова опрокинул его на койку и зажал рот подушкой. — Кусай это, черт тебя побери!

Набирая раствор в шприц, я спросил:

— Что случилось?

— Многое. Я бы вам не сказал, но вы сами узнаете рано или поздно. Но только помалкивайте, пока не пойдут слухи. У нас и так достаточно неприятностей.

Мактиг бился. Я пытался схватить его за руку.

Хендерсон неохотно убрал подушку. Даже хватая ртом воздух, Мактиг попытался что-то пропеть. Хендерсон стоял с подушкой наготове.

— Мистер Бенсон и капитан Джонсон разошлись во мнениях относительно поведения отдельных членов экипажа. По моему мнению,

мистер Бенсон не прав. Мактиг попытался примирить их и ничего не добился. Тогда он отыскал стюарда, выпросил у него бутылку спиртного и напился. Но это еще не все...

Взвинченное состояние Мактига сделало его легкой добычей спиртного; я ему дал порцию, и тем самым еще больше пробудил жажду. Я испытывал чувство вины.

Хендерсон продолжал, перекрывая вопли Мактига:

— Мимо проходили Смитсон и остальные, и Мактиг, должно быть, решил уговорить их сдерживаться. Он пригласил их выпить. Я услышал шум, пошел взглянуть: все они напились выше Гималаев. Если бы Бенсон это увидел, тут бы черт знает что началось. Остальные вели себя не так буйно, как Мактиг, поэтому я велел всем им дать кофе, а Мактига привел сюда, чтобы он не шумел... Бог знает, на что он еще способен! Если только Бенсон что-то услышит, особенно после стычки с Джонсоном... что ж, тот, кто говорит, что адской ярости не бывает, просто не имеет достаточного опыта.

Я закатал рукав Мактига, протер руку спиртом и сделал ему укол. Мактиг, казалось, ничего не почувствовал.

— Пройдет какое-то время, — предупредил я, — прежде чем укол подействует.

— Вы справитесь с ним? Мне нужно посмотреть, как там остальные, — сказал Хендерсон. Я кивнул. Он бросил подушку и вышел.

Мактиг умудрился поднять руку и помахать.

— Увы! Умереть... или остаться?

Потом:

— О мое сердце и душа, разве не день рождения я праздную? Я вновь возродился из огней чистилища после двухсот лет. — Его глаза увлажнились. — Я весь полон печали! Что за печальный день рождения...

Он заплакал: не от жалости к себе, а как бесконечно усталый человек, перешедший все границы выносливости.

— Но я должен петь, а не плакать, как женщина. Петь, потому что я вернулся в мир, я снова получил жизнь, отнятую у меня...

Потом трезво сказал:

— Но зачем мне петь, если эта возвращенная мне жизнь — и не жизнь совсем? Я спрашиваю вас, где теперь моя любимая Бриджит? Что могу я сделать для тех, кто давно мертв?

Он снова попытался приподняться, приблизил свое лицо к моему, прошептал — я с трудом разбирал слова:

— Может, они придут на борт за мной, все шестеро?

Потом он захрапел.

Вернулся Хендерсон. Я оставил Мактига под его присмотром, посоветовав перенести его в его собственную каюту, чтобы он не причинял Хендерсону неудобств.

Тот ответил, что предпочитает держать Мактига на виду. Он попросил меня заглянуть к Моргану, стюарду — тот не очень хорошо переносит похмелье. Я так и сделал. После этого вернулся в свой кабинет, убрал сумку, умылся и пошел в столовую на обед.

Пен не было, и я с беспокойством подумал, почему. Не было и Бенсона, что, впрочем, объяснимо: он, вероятно, оставался в своей каюте, испытывая неловкость из-за приступа гнева, свидетелями которого были многие. А может, опять любовался черным колесом. В любом случае такое поведение вряд ли нормально. Я решил заглянуть к нему позже под каким-нибудь предлогом.

Нас обслуживал Коллинз, так как участие в попойке Мактига сделало второго стюарда, Моргана, неспособным к работе.

Сватловы, леди Фитц и Бурилов вернулись из разведывательной поездки, весьма неудовлетворительной, как заметила леди Фитц. Она надеялась найти на этом острове что-нибудь, кроме песка и растительности. Леди Фитц не стала объяснять, что именно она рассчитывала найти, но бросила на Бурилова сердитый взгляд, как будто он был в этом виноват.

Бурилов решил, что должен вернуть ее расположение, и завел старорусский охотничий рассказ, где сам исполнял главную роль. Впрочем, если судить по рассказу, в то время он должен был быть еще ребенком. Чедвик слушал с явным интересом, но рот его презрительно кривился.

Преподобный Сватлов заметил, что рассказ прекрасный, и жаль, что его не слышит капитан Бенсон. Он спросил меня, не болен ли капитан.

Леди Фитц заявила, что лично ее радует отсутствие Бенсона. Она всегда считала его своим лучшим другом, особенно после того, как приводила в порядок его резиденцию в Филадельфии, но своими разговорами о призраках и одержимостью духами после урагана он произвел на нее дурное впечатление. Это испортило их отношения, и теперь она была бы рада вернуться в Майами.

Я подумал: насколько негодование леди Фитц вызвано ее сегодняшним разочарованием? Я был уверен, что если бы Бенсону потребовалось переоборудовать свою нью-йоркскую резиденцию, леди Фитц с удовольствием снова включила бы его в число ближайших друзей — за щедрую плату, разумеется.

— Теперь я смотрю на капитана Бенсона, — продолжала она, — как на одержимого дьяволом. Но почему дьявол выбрал именно его?

Очевидно, она до сих пор не слышала об одержимости Бенсона старым капитаном.

— Вы подтвердите истинность моих слов, доктор Сватлов: призраки — это души тех, кто не может вознестись в Царство Небесное, потому что не завершили свои дела на земле. Но что может завершить

дух, поселившийся в капитане, если не что-то злое? И чей это дух? Почему он умер до того, как завершилось его злое дело?

Я решил расспросить Мактига, что ему известно о судьбе первой «Сьюзан Энн» и старого капитана. Если не ответит, спросить Пен. И хотя я тогда этого не знал, я попал в самую точку: и то, почему Пен назвала это путешествие обреченным, и власть над ней Чедвика, и трагедия, связанная с черным колесом — все было в этом.

После обеда я постучал в дверь каюты Бенсона. Тонким сварливым голосом он спросил, кто пришел. Я назвался. Он ответил, что он в полном порядке и врач ему не нужен, и что он может сам о себе позаботиться, а я могу идти и сделать кое-что анатомически невозможное.

Тогда я пошел искать Мактига. Хендерсон убедился, что Мактиг теперь не опасен, и переместил его в его собственную каюту. Мактиг спал так крепко и спокойно, что я тоже почувствовал, как я устал.

Я пошел к себе и лег спать.

12. СЕМЕНА ДЛЯ САДОВ СНОВИДЕНИЙ

Когда на следующий день Мактиг проснулся, он выглядел смущенным — вероятно, из-за тех неудобств, которые причинил.

— Не переживайте из-за вчерашнего, Майк, — сказал я. — Рано или поздно это должно было случиться. Вы испытали слишком большое напряжение, и пружина лопнула.

Он мрачно ответил:

— Я расстроен не из-за того, что напился. Наоборот, этому я рад. Теперь я себя чувствую, как только что отчеканенный миллион. — Тем не менее он пошатнулся и с трудом сглотнул. Затем спросил: — Вы честный человек, доктор. Что я такого наболтал спьяну?

— Много ерунды.

— Нет, скажите дословно, что это было. — Я рассказал ему. — И что вы об этом думаете?

— То, что сказал: ерунда. Все шлаки в вашем внутреннем механизме расчистились — психические лекарства, если хотите.

Он мрачно задумался.

— Да, но вряд ли на одном корабле возможны два случая одержимости старым капитаном.

Я рассмеялся.

— Кем бы вы себя ни вообразили, Майк, это был не старый капитан.

Он нетерпеливо шевельнулся, будто хотел что-то добавить; потом передумал и отвернулся. Я спросил, о чем он умалчивает; он пожал плечами, вздохнул и ответил неопределенно: «Может быть». Больше я ничего не смог от него добиться.

Он спросил, видел ли я Бенсона. Я не видел. Мы пошли на палубу. Под руководством Хендерсона и Смитсона матросы забивали в песок кнехты вдоль берега бухточки, выбранной Джонсоном для стоянки. Другие пилили в лесистой части острова деревья и тащили сюда бревна.

Леди Фитц с вялым удовольствием заядлого зеваки выглядывала среди них самых сильных мужчин. Бурилов, ерзавший рядом с ней, время от времени бросал оценивающие взгляды на Флору, которая в купальнике разместилась в таком месте, где не только ей было все видно, но и ее тоже. Она с живостью подвинулась к Мактигу, и тот торопливо ретировался. Я заметил Сватлова в кресле с книгой в руках, но он не читал. Время от времени он возмущенно поглядывал на свою сестру.

Пен пришла на обед и довольно раздраженно сообщила, что Бенсон не придет. Нас обслуживал не Коллинз, а Слим Бэнг; обходя вокруг стола, он плакал. Я не хочу сказать, что он открыто рыдал, но из его глаз постоянно катились слезы. Время от времени он выходил, чтобы утереть глаза.

Я знал, что он чрезвычайно предан Пен и капитану, — может быть, именно поэтому Чедвик его и ненавидел. Чедвик выдавал обычную долю неприятностей. Когда Слим Бэнг поставил перед ним кофе, он сказал:

— Что могло случиться с нашей прислугой? За несколько дней сменилось трое стюардов! Я слышал, что наш обычный стюард вчера заболел, — его тон и взгляд в сторону Мактига свидетельствовали, что он знает природу этой болезни, — и его заменил Коллинз. Но почему сегодня на месте Коллинза вы, Слим?

Негр споткнулся. Пен торопливо сказала:

— Вряд ли это так важно, Чед.

Чедвик так же быстро и гладко ответил:

— Но необходимо знать. Взгляните на бедную леди Фитц. Присутствие плачущего слуги испортило ей обед.

Леди Фитц к этому времени довольно бодро расправилась со всем, что было перед ней, и допивала кофе, но при словах Чедвика отодвинула от себя чашку и постаралась выглядеть опечаленной. Бурилов немедленно состроил сострадательную мину, не переставая при этом украдкой поглядывать на Флору.

Пен сжала губы, уже собираясь ответить Чедвику, но Слим Бэнг сказал:

— Морган все еще болен, сэр. А с Коллинзом мы не срабатываемся. Он не любит бывать на камбузе. Он говорит, что делает вполне достаточно, убирая в ваших каютах.

— Ну, ну, — сказал Чедвик и прищелкнул языком. — Какая от-

вратительная дикция. Но смысл ясен. А капитан Джонсон, или еще лучше — капитан Бенсон в курсе этого отвратительного положения?

— Вы с вашей отличной дикцией, Чед, уже заметили, что Слим использует многосложные слова. И когда захотите придраться к нему, вспомните, что я тоже участник карнавала, — сказал Мактиг.

Леди Фитц с легким отвращением произнесла:

— Слим Бэнг — это имя из комикса. Не выношу такой фальши.

Чедвик посмотрел на Мактига круглыми глазами.

— Я просто забочусь о самом Слиме! Ужасно, что теперь, когда не стало Фелипе, он должен один работать на камбузе, и как будто этого мало — еще и прислуживать нам за обедом. Это несправедливо! Может, поэтому он и плачет. Неужели вы будете стоять неподвижно, когда ближнему плохо?

— Смотря кому. К тому же я не стою, а сижу.

Вмешалась леди Фитц:

— Помогать людям нужно, но бывают минуты, когда отрекаешься от всего, забываешь о всех проблемах, отдыхаешь и спокойно размышляешь, набираясь сил для новых схваток. Однако слуге так же неприлично проявлять свои чувства в присутствии хозяев, как и им — в его присутствии. Слим Бэнг, — про себя она наверняка повторила, что это ужасное имя, — немедленно прекратите плакать, пока мы сидим за столом! Или я попрошу заменить вас моей горничной! — В ее тоне чувствовалось, что такая участь хуже смерти.

Слим Бэнг сказал:

— С моими глазами все в порядке.

— Но почему вы плачете? — с искренним интересом спросила Флора.

— Не из-за обеда, мисс. Меня заговорили.

— Да ну?! — с отвращением воскликнула леди Фитц.

Преподобный Сватлов спросил:

— И когда произошло это феноменальное событие?

— Я подавал завтрак капитану Бенсону в его каюту, сэр. — Слим Бэнг вздрогнул, и я подумал, рискнет ли он заговорить о колесе. — И я увидел даппи [1]. Черное, как уголь.

Значит, он тоже считает колесо живым.

— Это был кто-то знакомый? — спросил Мактиг.

Негр покачал головой:

— Не знаю точно, мистер Мактиг. Даппи можно узнать, даже если никогда его не видал. А я узнал его. Никакого зла я не почувствовал, но начал плакать, и вот — не могу остановиться. Плохо плакать безо всякой причины. Но не могу. — Он снова вытер глаза.

Духи — это конек леди Фитц, и она сразу сказала:

---

[1] Даппи — дух, привидение у негров Вест-Индии. *(Прим. перев.)*

— Значит, вы видели привидение.

Слим Бэнг серьезно кивнул, и от этого движения новая капля скатилась по его щеке.

Леди Фитц величественно заявила:

— Мой добрый друг, нет никаких причин для печали. Хотя вы увидели духа, несомненно, случайно, посвященные видят их довольно часто. Они действительно существуют и оказывают тонкое воздействие на равновесие нервной системы. Но это всегда души горячо любимых людей, они не могут причинить и никогда не причиняют вреда.

Конечно, это отличалось от того, что она говорила накануне, но никто не обратил внимания на это несоответствие. Но если леди Фитц действительно верила в то, что говорила, то, похоже, она проявляла признаки шизофрении.

Мактиг язвительно заметил:

— Зачем же душам возвращаться? Ведь нас уверяли, что они на небесах. Они что, посещают трущобы и раздают милостыню?

Леди Фитц фыркнула:

— Они возвращаются, чтобы утешить нас доброй вестью. А также, чтобы исправить зло, которое совершили, будучи во плоти, или чтобы помочь своим любимым сделать это.

А Слиму Бэнгу она сказала:

— Если вы их боитесь, то можете очень просто их прогнать. Нужно только произнести: «Я часть Господа. Зло не может коснуться Господа. Значит, зло не может коснуться меня».

Слим Бэнг ответил:

— Простая молитва этого не прогонит, мэм. Я их множество прочел. — Вспомнив о своих обязанностях, он отошел от Чедвика, чтобы подать чашку Флоре.

Мактиг попытался сменить тему.

— Ваша метафизика приводит меня в смятение, леди Фитц. Почему же мы часть Господа?

Она ответила тем воркующим елейным тоном, каким говорят на божественные темы или подзывают домашних животных:

— Потому что Его мысль сотворила нас. Поэтому во всех нас есть Его часть.

Мактиг согласно склонил голову.

— Но разве Господь не создал всего?

Она заколебалась, чувствуя, что он подстроил ей какую-то ловушку, но наконец сказала:

— Если бы что-то существовало помимо Него, Он не был бы всемогущ. Да, Он создал все.

— Прекрасно. — Мактиг облизал губы. — Если Он сотворил все, то создал не только добро, но и зло. И поскольку мы — часть Его, мы

с такой же вероятностью можем привлечь к себе как добро, так и зло.

Леди Фитц смотрела на него, как загипнотизированная. Потом сказала решительно:

— Вчера вечером я говорила, что чувствую присутствие среди нас злого духа. Я ошибалась, мистер Мактиг — таких злых существ два. И вы — одно из них.

Она взглянула на Пен, как обычно в поисках поддержки, но Пен, возмущенная нападками на Слима Бэнга, избегала взгляда леди Фитц. Леди повезло, что Пен не догадывалась, кто был вторым злым духом.

Мактиг, вероятно, высказал бы логичную мысль: поскольку он создан злым духом, но по-прежнему является частью Господа, как и леди Фитц, то и она с ним заодно, — но леди Фитц опередила его. Она резко встала и похлопала Бурилова по плечу. Тот мигом вскочил. Она презрительно бросила:

— Мистер Мактиг, мне жаль вас! И Бог не сотворял вас, у вас нет души! — И поскольку она утверждала, что Бог сотворил все, она тем самым просто заявила, что Мактига не существует.

После этого она объявила:

— Я иду наверх, чтобы приобщиться к чистой, неосквернённой природе. Я раскрою свою душу, чтобы принять Его бесконечную щедрость, и, быть может, — она ядовито взглянула на Мактига, — я помолюсь за вас.

Он ответил:

— Вы очень добры. Может, это пойдет мне на пользу. Только будьте осторожны в одном, леди Фитц.

Бурилов предложил ей руку, но она задержалась, невольно заинтересовавшись:

— В чем именно, мистер Мактиг?

— Когда раскроете врата своей души, убедитесь, что впустили только добрую часть Господа!

По ее лицу видно было, что стрела попала в цель. Пен шевельнулась и сказала:

— Молчите, Майк! Вы и так уже перешли все границы.

Леди Фитц ледяным голосом заметила:

— Вы вовремя вмешались, мисс Бенсон. Надеюсь, ваш отец не позволил бы оскорблять меня. Если бы я хоть в малейшей степени предвидела обращение, которому я здесь подвергаюсь, это безжалостное преследование, эти бесконечные насмешки над самыми сокровенными чувствами, будьте уверены, я бы отклонила его приглашение.

Мактиг не преминул заметить:

— Слово «сокровенный», леди Фитц, означает «известный только

мне одному». И если я затронул ваши чувства, то только общеизвестные.

— Майк! — гневно одернула его Пен. Потом добавила мягко: — Леди Фитц, вы прекрасно знаете, что мой отец пригласил вас с самыми добрыми намерениями. Если вы думаете по-другому, пожалуйста, зайдите к нему. Если и это вас не убедит, капитан Джонсон быстро доставит вас на острова Кокос. Оттуда вы сможете добраться до Порт-о-Пренса или Сантъяго, и потом — домой. Без всяких расходов с вашей стороны, — добавила она.

Леди Фитц разрывалась между торжеством и отчаянием. Она проигрывала битву, и сомневаюсь, чтобы она ожидала удара с этой стороны. Мактиг сказал:

— Да, путешествие ничего не стоило ни вам, ни вашему жиголо. И стоит ли ждать совершенства от того, что достается даром? — Он на что-то намекал, но я пока не понял, на что.

Пен вскочила. Чедвик с иронической усмешкой, соблюдая требования этикета, тоже встал.

— Майк, это уже слишком! Извинитесь, и не только перед леди Фитц, но и перед Большим Джимом и мной!

Бурилов рассердился всерьез и сильно побледнел. Но излишняя театральность уничтожила всякие симпатии, какие я мог к нему испытывать.

— Я, Бурилов, жиголо?! — Он прижал руки к сердцу, словно не давая ему выскочить. Леди Фитц была спокойна тем смертоносным спокойствием, что предшествует землетрясению.

— Мистер Мактиг, вы с первого взгляда мне не понравились. Вы напоминаете мне моего первого мужа. Он тоже был злым духом.

Голос ее дрогнул.

— Вы ничего не знаете о духовном родстве, но со своим грубым невежеством пытаетесь бросить тень на мои отношения с мистером Буриловым...

Мактиг покраснел так же сильно, как побледнел Бурилов. Он отодвинул стул и очень медленно поднялся, как поднимается дым в безветреный день.

— Провинциальный злой дух, леди Фитц? Мне это нравится. В этом есть что-то брейгелевское...

Я откашлялся, надеясь отвлечь внимание и прекратить эту сцену. Будь я женщиной, я постарался бы симулировать обморок — это помогло бы. Пен открыла рот, собираясь что-то сказать, но леди Фитц властным жестом остановила ее.

Еще более дрожащим голосом леди Фитц воскликнула:

— Как всегда, вы пытаетесь уйти от ответственности, переводя разговор на другую тему! На этот раз я не потерплю увертоk. Мы должны прояснить...

Голос ее сорвался на визг. При следующих ее словах мы с Пен в ужасе переглянулись, а Слим Бэнг неуклюже попятился к двери. Чедвик, поколебавшись, сел. На лице преподобного Сватлова отразилось неодобрение. Сестра его, казалось, не слушала — не из-за порядочного воспитания, а от полнейшего равнодушия к происходящему; она как будто спала.

Леди Фитц разразилась такими грязными ругательствами, что даже самая наглая торговка рыбой покраснела бы, услышав их. А закончила она самым страшным, по ее представлениям, оскорблением: «А еще я слыхала о неграх с ирландскими фамилиями».

В ответ послышался двойной грохот: Бэнг выронил поднос, а Мактиг, вскочив, опрокинул стул.

Очень осторожно, словно боясь задеть карточный домик, Мактиг обошел стол и подошел к леди Фитц. Она тяжело дышала и улыбалась с какой-то злобной радостью. Пальцы ее так крепко сжали руку Бурилова, что тот сморщился и попытался вырваться, не сводя, однако, глаз с Мактига.

Эмоции, доведенные до предела, могут перейти в свою противоположность. Леди Фитц ненавидела Мактига и потому ждала его со звериным восторгом.

По-прежнему улыбаясь, она прошептала:

— Ну... ударьте меня! Вы... осмельтесь коснуться меня, осквернить меня... — и с дрожью устремилась к нему. Бурилов потянул ее назад.

Мы с Пен застыли, парализованные отвращением. Чедвик с холодной усмешкой разглядывал свою чашку, на лице Сватлова было прежнее выражение легкого неодобрения, Флора по-прежнему не обращала ни на что внимания.

Мактиг замер.

— Нет, леди Фитц, я не окажу вам чести, коснувшись вас. И хоть я не виновен в тех извращениях, которые вы только что так красочно описали, признаюсь, что я не ангел. Но Слима Бэнга не трогайте! Если бы вы не обошлись с ним так грубо и пренебрежительно, я бы вообще не заговорил с вами.

Она дрожала, на губах ее запенилась слюна. Мактиг продолжал:

— У нас в Штатах есть поговорка, которая вам идеально подходит. Но она вульгарна, а так как свою норму вульгарности я уже перекрыл, я ее перефразирую. Вы — человек, такой же, как все мы, понятно? Включая Слима. И в жару вы не больше остальных пахнете шанелью номер пять. Понятно?

Бурилов издал низкое звериное рычание. Мактиг не обратил на него внимания.

— К вашему сведению, леди Фитц, негр — вовсе не глупый суеверный персонаж из пошлой комедии, как думаете вы, с вашими огра-

ниченными сословными взглядами. Археологи нашли следы негритянской цивилизации, на многие тысячелетия предшествующей рождению Христа. Эта цивилизация такая древняя, что история в ней переплетена с мифами, особенно после того, как завоеватели уничтожили все записи.

Эта цивилизация могла поспорить с достижениями египтян или ацтеков еще до того, как англы появились в Британии. В сущности, египетская культура считается производной от негритянской. И еще в пятнадцатом веке в черной Либерии были университеты, в которых европейцы почитали за честь учиться.

Пен обошла вокруг стола и властно положила руку на плечо Мактига. Он сбросил ее.

— В Египте негры встречались среди фараонов, в Индии — были черные раджи. В католических святцах есть цветные святые. Любимый поэт Гарун-аль-Рашида и друг Мухаммеда Биллали были неграми. Возможно, вы также знаете эти имена: Туссен-Лувертюр[1] с Гаити; Бриджуотер, наперсник Бетховена; Дорант, первопроходец юго-западных территорий Штатов; Александр Дюма и Пушкин тоже родом из негров. Благодаря храбрости черных солдат Конгресс в 1787 году принял закон, запрещающий ввоз рабов. И рабы не были блохастыми дикарями, как считают невежды. Среди них было множество известных ученых. Нет необходимости упоминать великих цветных артистов, художников и других деятелей искусства наших дней.

— Майк, — взмолилась Пен, но не так настойчиво, как раньше; очевидно, она считала его слова справедливыми. Она удивленно взглянула на леди Фитц, которая ловила каждое слово рыжего ирландца, как жаждущий ловит капли воды. Возможно, это была одна из тех экзотических ситуаций, которыми так наслаждалась англичанка.

Слим Бэнг наклонился, подбирая обломки посуды; он слушал, одобрительно кивая. Мактиг добрался до финиша:

— И в заключение, леди Фитц, если вы извинитесь перед Слимом, я извинюсь перед вами. Больше того, я на самом деле буду считать себя виноватым.

Новый рык Бурилова вывел леди Фитц из транса. Она могла бы сесть, не обращая внимания на Мактига, и тем самым эффектно поставить его на место. Или уйти. Но она не сделала ни того, ни другого. Очевидно, она жаждала все новых острых ощущений, для чего обратилась к Бурилову:

— Алексей, будьте мужчиной! Избавьте меня от этого! Я сойду с ума!

---

[1] Гаитянский полководец и государственный деятель; сын африканского негра, раба. В конце восемнадцатого века возглавил восстание на Гаити против французов и стал президентом Гаити. *(Прим. перев.)*

Мактиг отступил.

— Не стоит взывать о помощи, леди Фитц. Я сказал все. Ничто не мешает вам уйти.

Бурилов усадил леди Фитц и, шагнув к Мактигу, слегка коснулся пальцами его щеки. Ирландец напрягся, готовый ответить, и отнюдь не легким прикосновением, но заметил, что Бурилов в результате удара упадет на леди Фитц или на Флору, и только поэтому не ударил.

Леди Фитц спрятала лицо в ладонях. Чедвик встал, обнял ее за плечи и повел к двери. Интересно, что до этого момента он не вмешивался, и я решил, что он делал это сознательно. Слим Бэнг торопливо ушел со своим подносом.

— Ха! — хрипло сказал Бурилов. — Вызываю вас на дуэль, во имя чести леди! И немедленно!

Пен потянула Мактига за руку, но он снова высвободился и оживленно парировал:

— Отлично! На кулаках!

Бурилов кичливо раздулся.

— Вы думаете, я мужик и буду драться на кулаках? — И облегченно добавил: — Я забираю свой вызов. Вы его недостойны!

И тут Мактиг ударил его, сильно и расчетливо, так что Бурилов отлетел к столу. Леди Фитц закричала, вырвалась из рук Чедвика и убежала. Пен вскрикнула и слепо бросилась ко мне. Бурилов полежал, потом приподнялся на локте и потрогал свою челюсть.

Мактиг ледяным тоном произнес:

— Я могу столь же ясно выразить и остальные свои чувства.

Пен подбежала, чтобы помочь русскому встать. Мактиг небрежно облокотился о стол; тем не менее, он дрожал. Бурилов встал, понял, что больше ему ничто не угрожает, и величественно вышел.

Пен негромко сказала:

— Ну, Майк, надеюсь, вы удовлетворены.

— Да, и нисколько не сожалею. Она напрашивалась, он тоже, — ответил он.

Сватлов пробормотал:

— Понять — значит простить!

Мактиг взорвался:

— О, дьявольщина! Мы все понимаем преступников, давайте же простим их, очистим тюрьмы и усовершенствуем общество!

Сватлов огорченно посмотрел на него. Я сказал:

— Но, Майк, оскорбляя леди Фитц, вы делаете только хуже. Очевидно, у нее параноидальные тенденции, иначе она не отождествляла бы себя с Богом. Если вы от нее не отвяжетесь, у нее возникнет мания преследования.

Он не успел ответить. Флора сонно сказала:

— Африка! Африка спит...

— Какое отношение имеет Африка... — начал Мактиг, поворачиваясь к ней. Она напряженно смотрела вперед, видя, очевидно, что-то внутри себя. Невозмутимо она продолжала:

— Построивший башню до звезд должен освежить свои силы во сне. И поэтому Африка спит. Народы других континентов ограбили и продолжают грабить эту башню, разбирают ее на камни, чтобы построить собственные дворцы. Они смеют насмехаться над Спящим, который лежит у подножья башни; они издеваются над ним, забыв, что их сооружения возведены из краденых камней.

Они не знают силы этих похищенных обломков; собирая их, они видели лишь их внешнюю сторону. И искусство Африки символично, в нем заключены священные неразгаданные тайны. Новые дворцы планируются не так, как прежние, но так будет не всегда...

Мы слушали, как зачарованные.

— Знать историю — это понять, что Время подобно колесу. Знак на ободе, прошедший мимо, вернется. Прошедший час снова пробьет, Африка проснется, чтобы вознестись над народами-грабителями, и сделает это благодаря украденным символам. Никто не подозревает, какая сила в них заключена. И тогда наступит Время Освобождения, Черный Час Африки!

Голос ее понизился до шепота.

— Колесо времени Африки, черное колесо черного человека, шлифует лицо черного континента, его спицы — секунды боли, крови и жертв. И многие руки ведут это колесо, не только мои! Руки... на черном колесе...

Неожиданно она прервала эту тираду, и взгляд ее потерял сосредоточенность. Она подняла руки и посмотрела на свои тонкие пальцы. Мы приблизились к ней.

— Но это невозможно, — вполне естественным тоном сказала она. — Мои руки не лежат на колесе, они здесь, передо мной. И мне все равно, что с Африкой!

Она вскочила, будто только что увидела нас.

— Простите... кажется, я мечтала вслух.

Мы все еще находились под впечатлением ее слов, иначе заверили бы ее, что она нам нисколько не помешала. Она неуверенно сказала:

— Я не обращала особого внимания на свои слова. Просто что-то пришло мне в голову, и я сказала... словно что-то процитировала.

Она быстро повернулась к брату. Он успокоил ее:

— Было очень интересно, моя дорогая.

Пен сказала:

— Вы, должно быть, заходили в каюту Большого Джима.

Взгляд Флоры затвердел:

— Что вы имеете в виду?

Мактиг вмешался:

— Вы упомянули черное колесо.

— Вы хотите сказать, что оно действительно существует? В каюте капитана Бенсона? Как удивительно!

Она задумалась.

— Интересно, кто написал то, что я цитировала. — Она апатично пожала плечами. — Не могу вспомнить.

Наступило молчание. Пен, Мактиг и Чедвик переглядывались. Сватлов заметил: «Интересное совпадение» — и перешел к другой теме.

В двери показался Хендерсон, сделал знак Мактигу.

— Капитан Бенсон ждет вас, — сказал он и исчез.

Мактиг заметил:

— Леди Фитц, очевидно, выпросила lettre de cachet [1]. Пора идти под топор.

Он извинился и вышел.

Флору встревожили задумчивые взгляды Пен и Чедвика, хотя те и делали вид, что крайне заинтересованы рассуждениями Сватлова. Она прервала лекцию брата, заявив, что у нее болит голова, и спросила, не будем ли мы возражать, если она удалится. Пен сказала, что, может, нам всем уйти и дать возможность Слиму Бэнгу прибраться. Сватлов проводил Флору до ее каюты, потом мы немного поболтали на палубе, пока я не решил, что негр закончил приборку, и ушел. Я хотел осмотреть его глаза.

Негр держался отчужденно и мрачно. Защита Мактига скорее произвела на него угнетающее впечатление, возможно, только растравила раны, которые затронула. Не время было расспрашивать о даппи, и я воздержался. Поскольку негры в целом невосприимчивы к заразным формам глазных болезней, я решил, что ничего серьезного нет, и просто промыл его глаза. Но я подумал, что пока лучше его изолировать, и сказал, что попрошу капитана Джонсона заменить его.

— Капитану это не понравится, доктор Фенимор, — печально ответил он. — И некому заменить меня.

Но я настаивал. Было уже поздно, все разошлись. Проходя мимо каюты леди Фитц, я услышал негромкое томное пение Бурилова. Очевидно, таким образом он восстанавливал свою самоуверенность.

Так закончился еще один день на борту «Сьюзан Энн».

13. ЧЕРНАЯ ЖРИЦА

К утреннему приливу Джонсон вместе с лотовым расположился на носу «Сьюзан Энн». По его командам под удары колокола под

---

[1] Во Франции так назывался указ о заключении в тюрьму, в который можно было вписать любое имя. *(Прим. перев.)*

контролем людей на шлюпке запустили исправленный дизель яхты, и «Сьюзан Энн» медленно вошла в бухточку, выбранную для стоянки и ремонта. Это был узкий, но глубокий разлом в коралловых скалах, идеальный природный док.

Бенсон вышел поглядеть на эти маневры, и, словно старый капитан окончательно взял верх, неодобрительно комментировал все команды Джонсона. Джонсон соглашался с ним, и реплики Бенсона становились все увереннее. Когда появились леди Фитц и остальные, Бенсон дрогнул, утратил свой пыл, сообщил, запинаясь, что Джонсон ввел «Сьюзан Энн» в бухточку, «как палец в перчатку», и сбежал.

В отлив люди Джонсона перебросили тросы на кнехты вдоль берега, пока другие под командой Смитсона возводили подмостки. С началом прилива матросы в беседках и на шлюпках принялись чистить и конопатить борта, заменяя отдельные доски.

Леди Фитц и Бурилов весь день провели в каюте, избегая встреч с Мактигом. Это его забавляло, и он при встрече разыгрывал напускную злость. Леди Фитц пожаловалась Бенсону, и тот слегка пригрозил Мактигу, предложив извиниться за оплошность — впрочем, он назвал это не так. Я узнал об этом, когда рыжий остановился рядом со мной покурить и поболтать.

— Ее милость зачерствела хуже сухаря, — с улыбкой сказал он. — Она пила чай в своей каюте, и, когда я появился там, чтобы помириться, запустила в меня чашкой. Пришлось поспешно отступить, так что я не извинился. Она хочет, чтобы за ней поухаживали. Можете поставить старинные папины часы на то, что я этим займусь.

Я сказал:

— Майк, я не шутил, когда просил вас оставить ее в покое. Есть реальная опасность, что вы пробудите у нее манию преследования. Я уже вижу признаки этого.

Голубизна исчезла из его глаз, они стали холодными, как лед. Он едко заметил:

— Баловать больного — значит мешать ему выздороветь. И всякий, кто задевает моих друзей, напрашивается на неприятности.

Он был в дурном настроении, и я решил воздержаться от расспросов насчет Пен и Чедвика. Мы еще немного поговорили о разных пустяках, и он ушел.

За столом прислуживал вернувшийся к своим обязанностям Морган. Преподобный Сватлов объявил: поскольку ураган помешал совершить воскресное богослужение, он отслужит его завтра, посреди пальмовой рощи вполне библейского вида. Можно подумать, добродушно добавил он, что Господь вырастил ее специально для этой цели. Он пригласил нас всех. Либо мирские амбиции перевесили его набожность, либо он решил войти в наше презренное общество по какой-то другой причине.

Увидев, как он посматривает на сестру, я понял, по какой.

Я не был настолько лицемерен, чтобы ухватиться за это предложение; а леди Фитц им воспользовалась. Но, очевидно, ей этого показалось недостаточно, потому что Дебора, заглянув ко мне в кабинет для очередной «исповеди», сказала, что ее милость решила совершить в укромном месте на острове собственное богослужение.

Она принесла с собой вязание, но скоро отложила его, потому что грохот молотков рабочих сбивал ее с ритма. Она уселась поудобнее на стуле, который был явно мал для нее, и объявила:

— Ее милость весьма не одобряет физический труд в такой день, и потому удалилась на остров для конфиденциальной беседы с Богом. К тому же, она хочет поделиться с Господом своим любопытством насчет осыпавшейся дюны. Это ее так взволновало!

Я решил предупредить дальнейшие намеки и сменить тему.

— Я удивлен, что вы вяжете в воскресенье, Дебора, — сказал я.

Она приподняла незаконченный джемпер-кардиган [1], заметила узел ниже края и начала распускать вязку.

— Я думаю, доктор Фенимор, что дьявол находит занятие для праздных рук. А Всемогущего меньше оскорбляет честная работа, чем грешные мысли незанятого мозга.

И снова целеустремленно вернулась к прежней теме:

— Негоже искать совета с Господом по поводу деяний дьявола. И нехорошо поверять душу Всемогущему, одновременно заигрывая с князем тьмы.

— Мне кажется, что это обычная практика, — возразил я.

— Вы шутите, доктор Фенимор, проявляя неуважение к силам добра и зла. Но я вас не виню, ибо вы — во всех отношениях богобоязненный джентльмен, и предначертано, чтобы вы увидели свои ошибки и исправили их. Тем не менее, доктор Фенимор, лучше бы вам поскорее повернуть на путь истинный. Не хотите ли вы заглянуть в будущее?

— Очень, но у меня нет вашего дара, Дебора.

— Я вам помогу, — довольно ответила она и встала со стула. — Вам нужно только встать передо мной, открыть разум и поставить вашу левую ногу на мою правую, и вы разделите со мной знания о том, что нам предстоит вскоре, во имя нашего Господа, аминь.

Когда я послушался, она протянула правую руку и положила мне на макушку. Ее маленькие яркие глазки впились в мои.

— Вы добровольно отдаете все между моей рукой и ногой?

Я согласился, еле сдерживая улыбку.

— Тогда закройте глаза и говорите, что видите.

Я не ожидал увидеть ничего, кроме этих маленьких сверкающих

[1] Джемпер с застежкой, без воротника. *(Прим. перев.)*

глаз. Но дальше произошло то, что в кинематографе называют «долли-шу» — кадр, снятый в движении. Я быстро двинулся в направлении этих глаз, и вскоре увидел Дебору. Она, сильно похудевшая, сидела в сугробе, посреди снежной бури. И плакала.

Видение померкло. Я ждал, но больше ничего не увидел. Дебора убрала руку.

— Вы видели, — торжествующе сказала она. — Вы можете.

— Дебора, — простонал я, — вы меня за это возненавидите, но я видел только вас на груде снега, и вы плакали.

— Да, это прошлое, и это было. Это связано с моей службой у ее милости. Нужно попробовать еще.

Но когда она снова подняла руку, грохот прекратился, сменившись гулом голосов. Среди них был и голос Бурилова. Он звал меня по имени. Я бросился к двери.

Бурилов шел по коридору с мрачным величием шекспировского трагика. На его руках возлежала леди Фитц. Сзади шли Сватловы; преподобный был напыщен и благочестив, Флора же больше восхищалась силой русского, чем тревожилась за леди Фитц. Я указал на кушетку, выпроводил Сватловых и закрыл за ними дверь.

Положив леди Фитц, Бурилов утратил свою драматическую величавость и отступил, в смятении пытаясь рассказать, что произошло.

— Мы стояли на песке. Она погрузилась в Молчание, и я отошел от нее. И вдруг она задрожала! Вскрикнула! И упала в обморок! Я подумал — может, она шутит со своим возлюбленным Алексеем. Приподнял ее, чтобы поцеловать. Она не смотрела на меня. Я очень вспыльчив... я ударил ее, вы понимаете... — быстро добавил он, — игриво ударил. Она по-прежнему не смотрела на меня! Я испугался, что она умрет, оставив меня в одиночестве, но нет, сердце ее билось... но так...

Он картинно взмахнул рукой, опечаленный тем, что я больше внимания уделяю состоянию леди Фитц, чем его словам. Очевидно, у нее был легкий солнечный удар. Пульс насыщенный, но медленный, цвет лица слегка бледный, кожа теплая и сухая.

— Удар для пожилой женщины, — начал было Бурилов, но, торопливо взглянув на леди Фитц, поправился: — для женщины в полном расцвете — серьезное дело, верно? — Было очевидно, что его больше всего волнуют финансовые последствия этого события.

И тут поведение его изменилось. Не знаю, проявил ли он артистическое притворство или предельную искренность. Опустился на колени, прижал расслабленные руки леди Фитц к губам:

— Говори с Алексеем! — Дебора смотрела на него, не веря своим глазам, будто он делал что-то волшебное. — Даже если ты сердита, говори, птичка...

Послышался стук; я кивнул Деборе, и она открыла дверь. Загля-

нула Пен. Я объяснил ей, что случилось, и она ушла. Выпроводить Бурилова оказалось гораздо труднее.

— Я выйду, — сказал он наконец, — но я буду ждать у дверей, как верный пес.

Дебора, закрыв за ним дверь, вздохнула.

— Удивительны дела Господни! Кто бы мог подумать, что он проявит такую любовь? Ему бы радоваться, что она ничего не видит.

И в ответ на мой вопросительный взгляд добавила:

— Да, она в обмороке, посмотрите — у нее видны колени. Довольно узловатые. Ее милость никому не позволяет взглянуть на них, — презрительно добавила она, прикрывая краем юбки колени англичанки.

— Немного перегрелась на солнце. Случалось это раньше, Дебора?

— Вопрос один, доктор Фенимор, но требует двух ответов. Много раз она падала без чувств, но всегда картинно и в присутствии мужчин.

Я подложил под голову леди Фитц подушку и попросил Дебору смачивать ей лоб и руки ледяной водой. Дверь открылась. Бурилов спросил:

— Она жива?

Я закрыл дверь на ключ.

Леди Фитц ответила на заботу Деборы тем, что резко оттолкнула ее и простонала:

— Слепая чернота. Мои глаза! Где мои глаза?

Потом, словно сознательно отвергая всякую логику построения своей речи:

— Где он, который послал за мной?

И снова жалобно:

— Слепа — и черна!..

Голова ее качнулась. Она взяла меня за руку и с криком снова потеряла сознание.

После второго приступа она пришла в себя со слезами:

— Я черная, черная, как грех! Не прикасайтесь ко мне!

Не знаю, кто из нас — я или Дебора — был больше удивлен. Контакт леди Фитц с ее Создателем был, должно быть, апокалипсическим, мягко выражаясь.

Она оттолкнула мою руку.

— Спокойнее, леди Фитц-Ментон, с вами все в порядке.

— Нет, не в порядке. Я черна! О Господи! Черна!

— Взгляните на свою руку, она белая. Послушайте, посмотрите на нее.

— Как я могу посмотреть? Я слепа!

Я перевернул ее на спину, несмотря на ее сопротивление. Она

сдалась и лежала пассивно, глядя сквозь меня. Я взял со стола небольшой фонарик и посветил ей в глаза. Зрачки сокращались.

— Вы воспринимаете свет.

Дебора оказалась практичней. Она сказала:

— Колени, ваша милость. Они на виду.

Леди Фитц мгновенно села, выпрямилась и поправила юбку. Удивленно охнула. Вытянула руку, глядя на нее.

— Я не черная! Не слепая!

Я подозрительно спросил, вспомнив ее аппетит:

— Что вы ели за ленчем?

Дебора тут же начала перечислять меню, но ее остановил картинный жест леди Фитц. Она величественно сказала:

— Оставьте нас, женщина.

Дебора посмотрела на нее недоверчиво, на меня укоризненно. Пожала плечами, вперевалку подошла к столу, взяла вязание и вышла. Я слышал, как в коридоре ее начал расспрашивать Бурилов.

Леди Фитц холодно сказала:

— Будьте добры, сигарету. — Я дал ей сигарету, помог прикурить и пододвинул пепельницу. — Похоже, я вела себя не самым лучшим образом. Что касается нас с вами, меня это не беспокоит, доктор Фенимор. Я знаю, что у меня самые чистые намерения и мотивы, как бы их ни истолковывали. И все же я хотела бы знать ваше профессиональное мнение и сопоставить взгляды материалиста со своими.

— Все, чем могу быть полезен, леди Фитц-Ментон.

Кончик тлеющей сигареты чрезвычайно занимал ее. Она сказала:

— Я видела поразительный сон. Не могу объявить его откровением, потому что физически я не слепа и не черна. Но слова нашего Божественного Отца часто метафоричны, и возможно, что в переносном смысле, — это она произнесла с сомнением, — я слепа и черна. Во всяком случае, я уверена, что получила удивительное послание...

Она негодующе взглянула на потолок, потом — обиженно — на пол.

— Не могу точно определить, от кого именно. Но если вы знакомы с психоанализом, может, вы сумеете назвать моего собеседника. Я могу продолжать?

Я кивнул. Она удобней устроилась на кушетке, не забыв о коленях. Пепельницу она водрузила на своей пышной груди.

— Вы, вероятно, помните, доктор Фенимор, что утром после нашего прибытия сюда я упоминала, что слышала ночью. Это были удары колокола и свист, очень беспокойные звуки, совсем не похожие на обычный шум лагуны. Я исключительно чувствительна. Эти звуки... чрезвычайно подействовали мне на нервы... как крик погибших душ. Конечно, — решительно добавила она, — если бы наш Небесный Отец мог позволить душе погибнуть; в своем бесконечном милосердии Он этого не допускает.

Звуки доносились со стороны дюны, которая на следующую ночь обвалилась. Как будто некая незримая сила пыталась привлечь наше внимание к этой дюне. Меня беспокоило это совпадение. Мне необходимо было пойти туда. Я решила, что моя неослабная вера в Божественную Защиту поможет мне. Что ж, я была наказана за свое любопытство, доктор Фенимор. Насколько ужасно наказана, вы узнаете позже.

Она мигнула: должно быть, слишком долго смотрела на потолок и утомила глаза.

— Дорогой Алексей оставался поблизости, пока я беседовала с Создателем. Алексей может быть очень внимательным. Я раскрыла всю свою душу перед Всевышним. Сомневаюсь, чтобы вы когда-нибудь это делали, поэтому объясню процедуру. Нужно закрыть глаза, — она их закрыла, — отсечь внешнее зрение. Заглушить все звуки. Вообще нужно отрешиться от всех чувств, потому что грубое физическое восприятие мешает бесконечно более тонкому восприятию души. Господа можно увидеть только внутренним зрением. Поэтому вы, интересующийся материальным миром, его никогда не видели...

Я подумал: кто мог научить леди Фитц этому болезненному извращению воображения? Большинство умственных блоков, религиозных маний, оснований для доброй трети всех преступных мотивов легко создать, но чрезвычайно трудно преодолеть.

— Когда удается закрыть все восприятие окружающего, доктор Фенимор, начинают действовать хрупкие чувства души. Начинаешь воспринимать невыразимое сияние, которое есть не только свет, но и музыка, мощная и сложная, какую могут издавать миллионы хрустальных колоколов, разных по размеру, от микроскопических до таких, в которые бьют солнца.

Если бы я был в соответствующем настроении, я бы, конечно, спросил, почему у души всего пять чувств. Будучи сущностью гораздо более высокого порядка, чем тело, она должна быть более чувствительной. К тому же странно, что, будучи нематериальной, она вообще обладает чувствами.

— И ты купаешься в великолепии, — продолжала леди Фитц, — свободная от мирских грехов, как в том блаженном состоянии, в каком пребывала до рождения. И набираешься сил для материальной жизни, к которой, увы, приходится возвращаться.

Глаза ее оставались закрыты. Она сонно продолжала:

— И вот в таком состоянии блаженства я совершила грех любопытства. Я не удовлетворилась Его безграничной щедростью и захотела узнать, что призвало меня к дюне. Я получила ответ — и была наказана этим ответом. Мы можем исполнить любое свое желание, доктор, если у нас достаточно силы воли. Но за все, и доброе, и злое, приходится платить. Поэтому нужно быть осторожным.

Мой экстаз развеялся. Я пришла в себя — но не в своем теле. Я была пленницей в темной клетке. И как пленник знает название заведения, в котором он содержится, так и я знала название той темницы, в которой была заключена. И как пленник чувствует бурю, сотрясающую его темницу, но не может ей противиться, так и я ощущала свое новое жилище. И как пленник беспомощен, когда дверь клетки закрыта, так же была беспомощна и я. Так я чувствовала себя, доктор Фенимор, в теле Ирсули. Ирсули, — повторила она, — слепой и черной!

Я помнила все, что испытала Ирсули в жизни, но не могла оказать ни малейшего воздействия на ее мысли и деяния. Воля моя сдалась, став пассивной и покорной. Как будто я на самом деле — Ирсули...

Голос ее стал глубже, богаче.

— И кто же была я, Ирсули? — спросила она и сама же ответила: — Я была мамбалоа, жрица Кумби-Кумби из Ганы — некогда величайшей африканской империи. Более чем жрица! Боги говорили моими устами, осуществляя свою волю. Я принесла в жертву свои глаза, чтобы душа моя не видела никого, кроме них. И я видела их, да, видела...

Голос ее снова стал обычным.

— Доктор, Ирсули знала свет, который одновременно звук и запах, вкус и обоняние — очень похоже на Божественное Присутствие, которое я описала. Так похоже, что мне легко было перейти от своих чувств к ее. Но свет этот был — черным светом. Как пурпурное сияние, которое вызывается фосфоресценцией. Музыка была свирепым ревом дикарских барабанов, в которые лихорадочно били существа меньше букашек и больше великанов из детских сказок. Запах был запахом непроходимых джунглей, какие, должно быть, росли во времена динозавров. Вкус был ядовито-резкий, но необыкновенно желанный, как сонный наркотик из змеиного яда, — к нему стремишься и одновременно испытываешь отвращение...

Помедлив, она продолжала спокойнее:

— Я говорила о душе, обладающей чувствами, но только фигурально. Описывая неизвестное ощущение, приходится пользоваться доступными терминами. Быть с Богом — значит знать все о прошлом, настоящем и будущем, причем все одновременно. Похоже на Хаос, но в то же время — нет. Тот, кто пребывал с Богом, может описать это не больше, чем бабочка — свое превращение из гусеницы.

Снова голос ее стал глубже.

— Поскольку я, Ирсули, рассталась с физическими чувствами, чтобы служить богам, кто-то должен был служить моим зрением на земле. Моя задача сложна — я должна соблюдать гармонию, а без

зрения я не могу этого делать. И долг того, кто служил мне глазами — сообщать во всех подробностях, что окружает меня.

Верность этого человека должна быть нерушимой. Поэтому я привязала его к себе не только уважением к своему дару, но и любовью к своему телу. Я была черна и слепа — но я была прекрасна. Красота — вестник богов. Она пленяет чувства благоговением и удивлением, увеличивая мудрость сердца.

По современным стандартам я была ведьмой. То есть я владела способностями, которые вы называете сверхъестественными. Мы, африканцы, близки к земле и чувствительны к ее настрою, мы часть ее, и потому среди нас есть такие, кто может этот настрой менять.

Природа тоже слепа и действует инстинктивно, часто ошибаясь. И разве не справедливо, что мы, сотворенные из пыли и воды, огня и воздуха, можем воздействовать на то, частью чего являемся?..

Она нетерпеливо сказала:

— Ах, да, конечно, вы возразите, что одна клетка тела не может приказывать другим.

Я вздрогнул: именно это я и подумал.

— Но вы забываете о клетках мозга, — продолжала она, — и об импульсах, которые, исходя от них, побуждают все другие клетки к определенным действиям. Да, в ограниченных пределах мне была дана власть над землей и ее силами. Я была хозяйкой ветра и дождя. Племена Ганы жили в основном сельским хозяйством. Мы, мамбалоа, в течение столетий заботились об урожаях, охраняли посадки, каждая управляла природой в своем округе, как вождь правит людьми своего племени.

Она помолчала.

— Возможно, будет яснее, если я приведу пример. Скажите, вы когда-нибудь ощущали присутствие чего-то, что нельзя увидеть?

Я ответил:

— Ребенком — да. Я боялся темноты. Я никогда не встречал домового или гоблинов из сказок, но я знал, — до самой последней чешуйки и волоска, — каковы они.

— Нет, я имею в виду не это. Зрение не имело ничего общего с Кумби-Кумби. Моя слепота была тьмой, неподвижной, как черное стекло. Город был вибрацией в этой черноте, вибрацией, более чем просто ощутимой. Как звуковые волны, она воздействовала мне на нервы множеством способов. Она была также вкусом и запахом — острым запахом камня, когда булыжники ударяют друг о друга, высекая искры.

Длинные стены и огромные утесы тянутся от земли до неба, как столбы невидимой вибрации, различные по толщине и составу. Они подобны струнам, которые трогают невидимые пальцы. Я слышала их — сдержанный ритм стен, произвольные аккорды зданий, мелодии дви-

жущихся людей. Но как древесные стволы сливаются в лес, закрывая то, что за ними, так и эти вибрации огромных невидимых струн на расстоянии смыкались. И о вибрациях, что за ними, я ничего не знаю. С каждым моим шагом восприятие менялось — как будто новая позиция открывала новые бреши.

Небо было спокойной чернотой, но по нему плыли облака, я чувствовала и слышала их, касалась, знала их вкус. И чем же, спросите вы, был тот спокойный фон, в котором существовали вибрации города и людей? Это было спокойствие богов, покой самой Земли! Распределяя эти вибрации, направляя их, я могла снять напряжение, сделать их гармоничными. Таков был мой долг мамбалоа. Но необходим был посредник — тот, кто уточняет природу каждой вибрации, показывает возможность ее перемещения. Без такого посредника я беспомощна.

Теперь я должна отвлечься и рассказать о своем народе, ибо обычаи его важны для моего рассказа.

Мои соплеменники были так близки к земле, что больше напоминали не одушевленные существа, а плодородную черную почву, ждущую возделывания. Они не знали зла, как дети не знают добра и зла, пока их не научат, и не было среди них ни ревности, ни алчности, потому что чего желать, когда всего в изобилии? Не было войн — ибо без зависти нет и ненависти.

Мои соплеменники были детьми в раю для детей. И в этом и была причина их падения.

Далеко на севере, в холодных просторах, жили отвратительные белые люди, которые, не владея тайнами Земли, считали себя хозяевами даже далеких звезд. Но нельзя подняться по лестнице, не пройдя последовательно все ее ступени. Если бы они познали земную мудрость, может, перед ними открылась бы и мудрость звезд.

В этом источник их зла, ибо браться за то, к чему не готов, значит вызвать катастрофу. Они презрели землю, и земля в свою очередь презрела их. Земли их истощились, и они, не зная, как возродить их, стали искать свежие пастбища. Кочевники, они познали голод, а голод вызывает алчность. А от алчности — каждый порок порождает другие — возникли зависть, ненависть и война. И когда эти белые кочевники осели и начали строить, то не потому, что нашли новые пастбища, а чтобы защитить одно племя от другого.

И их знания были обширны и злы. И на таком шатком основании они воздвигли то, что назвали цивилизацией — не удивительно, что время от времени их цивилизации обращаются в пыль!

Выжившие после таких катастроф отступали перед теми, кто процветал. И находили убежище в Гане. Но они были горды и мстительны.

Как счастливые дети, с радостью делящиеся игрушками, — пока

взрослые не научат их эгоизму, — мои соплеменники дали чужакам пищу и научили простым промыслам и ремеслам. В своей наивности мы считали их искренними.

Белые чужаки приняли дар, а после, окрепнув, вернулись отомстить своим недругам. Они остались, победив, и развили полученные знания в чуждую нам сторону. То, что мы создали для радости и наслаждения, они применили для наведения страха и победы над соперниками.

И вот, когда чужаков с севера снова изгнали к нам, они принесли с собой то, что вышло из нашего мастерства. Мы, жители Ганы, радовались этим новшествам, которых не понимали, не видели, что они — искажение наших собственных знаний. Мы возжелали их, а что такое желание? Голод. А с голодом приходят алчность и зависть, ненависть и война.

Так начался наш упадок. Тот, кто дружит с шакалами, скоро научится лаять. Мы по-прежнему оставались детьми, но — испорченными. Чтобы овладеть красивым пустяком, что манил нас, мы отдавали очень много, и нужда поселилась в наших землях. И когда нечего больше было менять, мы обратились друг против друга. Брат продавал брата в рабство; и были забыты боги земли, и они отвернулись от нас. Пустыня наступила на Гану, как будто гнев богов смел всю жизнь, чтобы подготовить землю заново для тех, кто больше заслуживает жить на ней.

Потом пришел другой бич — фанатики-мусульмане! Они жили мечом и поклонялись мечу, лишь лживыми, пустыми словами поминая того, кого звали пророком. Они считали, что те, кто не поклоняется их богам, должны быть истреблены.

Они убивали наших жрецов, грабили храмы, разрушали памятники нашей древней счастливой истории. Людей они продавали в рабство или обращали в свою веру, чтобы война шла непрерывно, пока весь мир не будет принадлежать им. Не знаю, что они собирались с ним делать, да и сами они, я думаю, этого не знали.

В такое время родилась я, Ирсули. Мало смеха слышала я, но много видела слез. И зелени видела достаточно, чтобы понять опасность надвигающейся пустыни. И так как я была настойчива в своих расспросах, те из моих соплеменников, кто еще помнил легенды старой Ганы, отвели меня к нашим тайным святыням.

И там я впервые узрела богов. Там меня обучили тайной науке. И когда боги предстали передо мной, я решила никогда больше не терять их из виду. Собственными руками, — она содрогнулась, — я вырвала свои глаза и возложила их на алтарь!

Я узнала много, но это было ничтожно по сравнению с забытым. Я могла приказывать природе, но только до определенного предела, иначе я бы сбросила ненавистное ярмо мусульман. Это было не жела-

ние богов, а мое собственное исступленное стремление. В этом был и мой грех. Боги дают власть, чтобы использовать ее только по их желанию. А я использовала ее в своих собственных целях. Кощунственная самонадеянность! Каждое действие можно судить по его последствиям, и все, что выпало потом на мою долю, доказывает, что я была неправа. — Сигарета горела в опасной близости к ее пальцам. Я наклонился и взял ее у нее из руки. Она, не замечая этого, продолжала: — В Гане были и другие жрецы, служившие вместе со мной, и они разделяли мое отношение к завоевателям. Сами по себе они были недостаточно сильны, чтобы прогнать завоевателей. Но если бы мы объединились, мы смогли бы причинить значительный ущерб мусульманам. Нас было семеро, не считая того, кто был моими глазами. И мы победили бы и изгнали мусульман, но нас предали...

Предал один из тех, кого мы хотели освободить. Ибо всегда те, кого любишь, предают своих хозяев ради временной выгоды.

Мусульмане напали на нас в нашем тайном храме. Мы спаслись, но одного из нас — Куэлу — схватили. Это был тяжелый удар, потому что тайные силы всегда легче было вызывать с помощью Куэлы — дух его был примитивней, чем у нас.

Оставшись вшестером, мы ударили по мусульманам. Но гибель, насланная на них, обрушилась и на наших соплеменников, и мы не получили никакого преимущества.

Мы предложили выкупить Куэлу, отдав сокровища нашего тайного храма. Но они почуяли опасность, отправили Куэлу на запад в рабство и начали охотиться за нами.

Мы решили последовать за Куэлой и вырвать его из рук тех, кто его купил. Под покровом ночи и бури мы собрались в пустыне, взяли с собой сокровища, которые могли унести, и направились на запад. Без помощи Куэлы я не могла подчинить бурю, и хотя она стерла наши следы и помогла нам скрыться, мы тяжело за это заплатили. Песок бил нас колючими хлыстами. Так началось наше наказание за грехи.

Мы пришли в густые джунгли запада и поняли, что мы на верном пути: вдоль тропы лежали кости рабов, погибших в дороге. Буря измучила нас, но и защитила. И мы наконец пришли к невиданному — к морю.

Здесь мы были в безопасности, потому что сюда мусульмане приходили только как торговцы, со своим человеческим товаром. Король Манти принял нас как гостей, опасаясь нашего могущества и радуясь дарам. Благодаря ему мы узнали о судьбе Куэлы.

Куэлу отправили за море на остров Испаньолу[1], которым владели алчные испанцы, враги мусульман. Мы собрались на этот ост-

[1] Прежнее название острова Гаити. *(Прим. перев.)*

ров, хотя раньше никогда не видели ни моря, ни кораблей. Испанцы не знали, зачем нам Куэла, а с ним мы были бы неуязвимы. И даже если бы после испанцы узнали об этом и поверили, они не могли бы повредить нам.

К нашему хозяину, королю, пришел белый торговец. Мой спутник видел его и сказал, что волосы у него, как яркое пламя. Его звали... звали Раф... Рафферти. Он испытал много страданий во время войны и не занимался работорговлей. Он торговал за золото, слоновую кость и шелка с народом... ашанти.

Мы пришли к нему и рассказали о своем положении. Отчасти его тронуло наше горе, отчасти — соблазнили драгоценности. Всего лишь небольшая часть наших сокровищ, но для него — огромная ценность. И хотя он торопился домой, к своей возлюбленной, он согласился отвезти нас на Испаньолу.

И мы отплыли. Мы никогда не бывали в море, были беспомощны и страдали, и я не видела своих богов: этому мешала болезнь. Путь был долог, а припасов мало. Рафферти... да, я уверена, что так его звали... забываешь, пребывая среди богов... Рафферти все больше тосковал по своей возлюбленной. И пил слишком много вина, чтобы развеять свое горе.

В экипаже его корабля были разные люди, но в основном пираты. Они удивлялись нашему присутствию, и один из них, выдававший себя за друга Рафферти, любопытствовал больше других. И вот он, когда Рафферти был пьян, выведал у него о драгоценностях, которые тот от нас получил, и что он с ними собирается делать.

Друг, который вовсе не был другом, рассказал об этом остальным. Последовала короткая схватка, пьяный Рафферти и мы, беспомощные, были схвачены и заперты. И так велики были наши сокровища, что злодеи, схватив нас, насмешливо швырнули обратно то, что мы дали Рафферти.

Потом самый злобный из них, его имени я не знаю, вспомнил о песчаном острове недалеко от Испаньолы, затерянном среди множества других, где прятали свою добычу пираты. Там они собирались спрятать сокровища, а потом на Испаньоле продать нас в рабство. А мы по-прежнему были слишком слабы, чтобы помешать им.

Мы приплыли к этому острову, и наши сокровища были спрятаны в пещере. Но мы снова оказались на суше; мы ели зелень, и силы наши вернулись. Один из нас, Чукур, из земли создал слепящую пыль, а другой покрыл ею сокровища, так что никто, кроме нас, не мог их видеть, не потеряв зрения. Злодеи ослепли и искали нас со своими шпагами и дымящимися палками... пистолетами.

Рафферти крикнул, что нельзя отдавать им корабль, иначе они уплывут, а мы умрем на этом необитаемом острове. Мы взяли корабль и плыли среди множества песчаных островков, пока снова не оказа-

лись в море. Рафферти надеялся добраться до обитаемых земель и с тем немногим, что у нас осталось, получить помощь и вернуть остальные сокровища: без них Куэла будет навсегда потерян, наши страдания пропадут всуе, а наше намерение освободить Гану никогда не осуществится.

Но с корабельной пищей к нам вернулась болезнь. Мы хотели вернуться и выгнать злодеев колдовством из пещеры. Но ветер, который я вызвала, не слушался меня, и нас пронесло мимо цели. Припасы кончились. Смерть скользила по водам и смеялась над нами. Никаких других кораблей мы не встречали: мы плыли в пиратском районе, куда не заходят честные корабли.

Море держало нас, как смола — насекомое. Мы нуждались в пище, а еще больше — в воде. Когда я вызвала дождь, нас отнесло еще дальше в пустынные воды. И тогда мы дали клятву на крови, что если кто-нибудь из нас погибнет, остальные продолжат наше дело до конца, и Куэла узнает, что мы не отказались от него. В знак нашей клятвы Бамир вырезал наши руки на рулевом колесе корабля.

М'Комба высох и умер, но мы не отдали его тело морю. Нет, Чукур своим искусством задержал душу М'Комбы в теле, чтобы он и после смерти служил нам. Рафферти испугался, но из-за клятвы, которую дал вместе с нами, должен был терпеть. Он обезумел. Команды, которые он отдавал, стали бессмысленны.

Мы быстро... умерли. Я тоже. И все же я не была мертва.

Пальцы ее дрогнули.

— Да, я не была мертва. Я снова была с богами. В экстазе... но когда я вспоминала боль, бывали мгновения, когда я спускалась с высот вневременного царства черного ликования... на палубу корабля. И бродила среди остальных... и мне казалось, что я их... знаю. И мы приветствовали бы друг друга, но горла у нас... они стали такими сухими...

Леди Фитц беспокойно зашевелилась; я протянул руку, опасаясь, что она упадет. Дурной сон и рассказ о нем — тяжелая задача. Она успокоилась. Вздохнула.

— Я не могу ясно вспомнить. Вода... смочить иссохшую плоть... Я призывала ветры и дождь. Потом, не знаю через какое время, я услышала голоса... язык, на котором говорили соплеменники Рафферти. Меня коснулась рука. Я услышала крик, попыталась заговорить... но мое горло...

Потом я услышала другой голос Он говорил на языке племени короля Манти, назвал меня злым духом и просил уйти. А я не могла ответить, защититься.

Я пыталась сопротивляться, но мышцы мои застыли, одеревенели. Меня понесли, бросили. Послышался стук молотка. Дверь не открыва-

лась. Мы толкали ее, все толкали, но мы были слишком слабы. Мы были как соломинки, прижатые к стене.

Мы послали проклятие тому, кто забивал дверь, и стук прекратился. Мы слышали, как упал молоток, и знали, что убили его... но нам это уже не помогло.

Потом был гром, сотрясение, словно Шанто-Молотобоец ударил нас с облаков. Медленное ползучее движение. Потом вода... вода!

Она облизала губы.

— Соленая вода, которая уничтожает чары земли. Кристаллы соли, рвущие слабые токи земли. Мы больше не могли двигаться. Лежали неподвижно. Но клятва удерживала души в застывших телах. Потом — пробоина, и вода ушла. Но мы по-прежнему не могли двигаться.

Я услышала далекий голос. Но я могла говорить только силой ветра. Голос приближался, становился все яснее — голос освобождения. Скоро я вернусь к пульсирующим теням, к черному великолепию богов. Клятва будет выполнена, если...

Голос ее охрип:

— ...если...

Неожиданно она откашлялась и самым обычным голосом продолжала:

— Голос свободы — это был ваш голос, доктор, и к нему примешивался голос Деборы. Я обнаружила себя — здесь. Все это — только видение. Но истинное ли? Зачем дюна звала меня к себе? Чтобы открыть свое сокровище?

Она повернула голову, взглянула мне в глаза. Видимо, то, что она в них увидела, ей не понравилось, и она снова отвернулась. Протянула ухоженную руку ладонью кверху:

— Еще сигарету.

Лежала и курила.

— Доктор, если это сон, вы сможете объяснить его. Иначе я расскажу все капитану Бенсону, и мы будем разыскивать спрятанное золото. Но... я не хочу вторично выглядеть идиоткой.

Я сказал:

— Основой для вашего сна послужила ссора с Мактигом накануне вечером. Он умеет воздействовать на слушателей; впрочем, для его профессии это вполне естественно. Его слова задели вас за живое и вызвали внутренний конфликт, как и у мисс Сватлов. Вы, вероятно, слышали, что после вашего с мистером Буриловым ухода она прочла нам в несколько рассеянном состоянии свою интерпретацию его лекции. И в том и в другом случае причина была одна.

— Да, я об этом слышала, — задумчиво сказала она. — Но мистер Мактиг ничего не говорил о Гане... или о черной жрице...

Что ж, за время рассказа я проанализировал ее сон, и теперь, пункт за пунктом, изложил свои рассуждения.

— Когда вы пожаловались капитану Бенсону на поведение мистера Мактига, вы входили в его каюту?

— Я предпочла бы не делать этого, но я входила.

— И что вы там увидели?

— О, много такого, чего не видела раньше. Например, портрет старого капитана, на которого он так похож. И колесо... черное колесо! — Она вздрогнула.

— Совершенно верно, леди Фитц-Ментон. Вы увидели там черное колесо. Оно особенно подействовало на вас. Возможно, вас поразила резьба на нем.

Она согласилась. Я сказал:

— Три дня назад вы назвали капитана Бенсона одержимым злым духом, потому что он испугал вас, — она протестующе пожала плечами. — Скажем, он растревожил вас своей речью об одержимости духами. Сны, сколь бы бессмысленными они нам ни казались, являются подсознательным отражением наших страхов и желаний. Хорошо. Вы были встревожены мыслями о вторжении духов, и в вашем сне вы обладали властью над ними. Это лучше, чем быть одержимой. Так вы оказались в теле Ирсули.

Мактиг обвинил вас в социальной слепоте. Ваше подсознание сохранило это, изобразив вас слепой. Чтобы компенсировать эту слепоту, вы попытались противопоставить ей различные способности. Вначале вы напомнили себе, — тут мне пришлось быть особенно деликатным, — что вы особо благословлены Всемогущим. И если вы слепы, взамен вы служите Верховному Существу. К тому же у вас был возлюбленный, который мог видеть за вас.

Я снова ступил на опасную почву.

— Это воспоминание о мистере Бурилове. Я полагаю, вы сомневаетесь в искренности его чувств. Во сне вы удерживали его и своей любовью, и духовной силой — если перевести это в термины реальности, то получится ваше физическое очарование плюс социальное и финансовое положение. Могу по крайней мере на этот счет рассеять ваши сомнения: пока вы были без сознания, мистер Бурилов так тревожился, что чуть не плакал.

Это ей понравилось, хотя она постаралась скрыть свое удовольствие.

Я продолжал:

— Стычка с Мактигом по поводу вашего отношения к негру, Слиму Бэнгу, очень расстроила вас. Вы надеялись утешить Бэнга духовным советом, и вот в вашем сне это желание усилилось: вы стали жрицей его народа.

Вы хотели принести Слиму Бэнгу пользу своим советом, но он

ему не последовал, и потому в вашем сне племя, которое его олицетворяет, отвергло своих богов и продолжало это делать, несмотря на ваши усилия. Поэтому оно было завоевано недругами — попало под власть Мактига и капитана Бенсона, которым вы не доверяете.

А рыжеволосый ирландец, что во сне обещал вам помочь, — это ваша реакция на критику Мактига, стремление сотрудничать с ним, а не спорить. То, что вы дали ему имя Рафферти, показывает, что вы хотели бы заменить его другим человеком или чтобы он сам изменился.

Ирландец в вашем сне напился и предал вас; мне кажется, вы часто считали поведение мистера Мактига таким неприличным, что могли его объяснить только пьянством. — Я не стал уточнять, что предательство Мактига заключалось в том, что он назвал Бурилова «жиголо». — Таким образом вы оказались в руках своих преследователей, — это означает, что Мактиг поставил вас в неудобное положение перед вашими друзьями, а вы не хотите, чтобы они стали вашими недругами.

В вашем сне эти люди действительно стали вашими врагами, они обобрали вас, но вы сохранили свою колдовскую силу. Другими словами, вы опасались, что Мактиг настроит их против вас, что приведет к утрате социального положения; но если это случится, вы найдете утешение в Господе.

Они пытались бросить вас, но и вы отплатили им той же монетой, захватив корабль. Вместо того, чтобы враждовать с пассажирами «Сьюзан Энн», вы предпочли победить их. Так работник предпочитает занять более высокое положение, чем быть уволенным. Но вы думали о том, что произойдет в случае поражения, и отсюда мрачные сцены голода и смерти. Это означает, что социальное положение Бенсона для вас очень важно — это пища и сама жизнь, потому что он помогает находить полезные контакты в вашей работе.

Теперь о помощи в возвращении утраченного сокровища: если вы порвете с Бенсоном, что-то другое, не менее значительное, должно заменить его. В таком случае вы вернете свое сокровище—то есть ваше нынешнее положение. Тот факт, что всякий, кто коснется ваших сокровищ, ослепнет, означает, что вы отвергаете всякое соперничество.

По мере того, как все члены вашей группы умирали — а все они — не что иное, как разные проявления вашей собственной личности, леди Фитц-Ментон, — они появлялись в качестве символов на колесе. Колесо, которое вы увидели в каюте капитана Бенсона, символизирует его самого. Как руль, направляющий корабль, составляет важнейшую его часть, так и капитан Бенсон является лидером на борту «Сьюзан Энн».

То, что капитан Бенсон представлен колесом — это сложный символ. Возможно, взгляды капитана Бенсона на вас... гм, несколько эро-

тичные... стесняют вас. Руки на колесе означают различные ваши стремления, которые вы вынуждены сдерживать. Вы хотели бы, чтобы он разделил с вами ваши желания или отказался от вас совсем, тем самым освободив вас. Во сне это проявилось в том, что на колесе появляются эти руки. Но ваше беспокойство сделало их руками мертвых.

Она промурлыкала:

— Но почему я была ограничена в своих силах? Почему мне понадобился Куэла для контроля над ними?

— Вы сомневаетесь в своих силах. Куэла помогает преодолеть это.

Она отбросила свои рыжие локоны:

— Мне не нужен духовный помощник!

— Тогда почему вас так встревожил разговор об одержимости духами?

Она мрачно загасила сигарету. Я не преминул отметить симптоматичность этого действия: будь у сигареты имя, она звалась бы доктор Фенимор.

Я сказал:

— Вы чувствуете, что вам чего-то не хватает, леди Фитц-Ментон, но во сне вся ваша сила не могла вас спасти. Наоборот, она все дальше и дальше уводила вас от вашего сокровища. В этом месте сна вы поняли, что совершили грех, выступив против своих богов — наяву это означает, что вы отяготили свою совесть, нарушив правила хорошего воспитания и отругав Мактига и Слима Бэнга.

Она беспокойно заерзала и быстро раздавила сигарету. Затем задумчиво сказала:

— Многое из сказанного вами имеет отношение к моей жизни. Однако...

Я оживленно сказал:

— Я провел только краткий анализ. Подробное толкование даже несравненно более простых снов занимает целые тома. Можно, например, взять имена в вашем сне и проследить их до первоисточников...

Она торопливо прервала:

— Нет, кажется, с меня хватит, благодарю вас!

Очевидно, она предпочитала, чтобы некоторые эпизоды ее прошлого оставались тайной. Она встала:

— Спасибо, доктор, большое спасибо! И хорошо, что вы прояснили отношение ко мне мистера Бурилова.

— Не за что, — ответил я. — Я бы посоветовал вам немного полежать и не выходить на солнце. Не болит ли у вас голова? Рекомендую холодный компресс.

Перед самым уходом она торжествующе сказала:

— Но вы так и не объяснили свист, колокол и обвал дюны... Это-то мне не приснилось.

Это подчеркивало ее параноидальную настроенность. Ей легче поверить в божественное откровение во сне, чем посмотреть в лицо некоторым неприятным сведениям о себе самой.

Я сказал:

— Мистер Чедвик объяснил, почему обрушилась дюна. Удары колокола — просто отражение звуков нашего колокола от дюны. А свист, несомненно, крик какой-то ночной птицы.

— Ага, — сказала она. Это могло означать все, что угодно. Я удовлетворительно растолковал ее сон и не дал ей времени задуматься.

Но сам я, вспоминая его, задумывался.

14. РАССКАЗ РАФФЕРТИ

В тот же день ко мне пришел Мактиг. Он выглядел утомленным и похудевшим. Я спросил:

— Вы извинились перед леди Фитц?

Он выразил жестом недоумение:

— Вы решите, что я сошел с ума. Может, я неверно понял старуху, и она в самом деле поверила в свою нелепую религию... А может, решила поддать жару моей клубничной голове. У нас теперь век чудес! Я недавно встретился с ней в коридоре, и она... извинилась передо мной!

Он мрачно добавил:

— Впрочем, если вы скажете, что я спятил, будете недалеки от истины.

— Что это значит, Майк?

— Это значит, — угрюмо ответил он, — что пока вы возитесь со своими бутылочками и срезами, кажетесь себе таким важным, я принес вам новости. В вашей программе появился новый номер. Произошел еще один случай оживления старого капитана.

Он постучал себя по груди:

— Я!

Я рассмеялся. Он проворчал:

— Вы думаете, это смешно? Подождите, пока не услышите всех подробностей. Потом можете хохотать, пока не лопнете. И тогда у вас появится еще более славная работенка — штопать собственные бока. Без наркоза.

Я спросил:

— Что произошло? Еще один дурной сон? — Я думал о леди Фитц, а не о его пьяной болтовне три дня назад.

— Дурной сон! Не нужно так говорить, док. — Он обиделся. — У меня они один за другим, целый парад. Неважно, сплю я или бодрствую — они приходят, как убийцы — посмотреть на место преступления. Каждый в отдельности не несет особого смысла. Но если собрать

их все... — Он бессильно развел руками. — Но не думайте, что я слабак. Я три дня и три ночи держал их при себе. Пора о них рассказать и решить, сны это, — закончил он, — или воспоминания?

Я сел:

— Начинайте.

— Если бы они так точно не продолжали друг друга, я назвал бы их снами. Но это — воспоминания. И в то же время — как я могу помнить то, чего со мной не случалось? Большого Джима я могу понять — он проделал большую работу, прежде чем стал старым капитаном. А я как будто обрел вторую личность за одну ночь. Нет, — поправился он, — не за одну ночь, а за несколько дней. С тех пор, как услышал колокол и дудку. Может, даже немного раньше.

— Я не могу высказать свое мнение, не услышав подробностей, Майк.

— Подробности? Вы их получите.

Он достал кисет и трубку.

— У меня было предчувствие. Я понял, что с этим местом неладно, в тот день, когда мы услышали колокол и боцманский свисток. Увидев старый корабль и черное колесо, я тут же понял, что здесь найдется и кое-что похуже. Руки на колесе напомнили мне узор чешуек на спине гадюки. Мне показалось, что колесо гораздо опаснее змеи. Положив руки на колесо, я вдруг увидел вместо Чеда кого-то другого. И этот другой причинил мне такое большое зло, что я ударил его.

Он набил трубку табаком.

— При виде шипов в дверях каюты у меня по спине поползли мурашки. Шипы походили на огамические руны — старинное кельтское письмо, и так и кричали об опасности. Не знаю почему, да и как я мог знать, если сам не принимал участия в этом убийстве? Ведь там была просто груда песка.

— В форме могилы, — вмешался я, — и тут все дело в ассоциациях. Вы сказали, что в песке кости Слима Бэнга.

— Это сказал Бенсон, а не я. Я же сказал, что здесь просто кости. Поэтому я так и разволновался. Какое отношение имеет старый капитан к тому, что я якобы вспоминаю? Большой Джим был старым капитаном, когда сказал это, вы знаете. И он имел в виду не нынешнего Слима Бэнга, а того, кто служил на прежней «Сьюзан Энн».

Я вспомнил и удивился — скорее не словам Мактига, а тому, почему он так говорит.

Он продолжал:

— Все время, пока мы вскрывали эту заколоченную каюту, у меня возникали вспышки — предчувствие того, что нам предстояло увидеть. Но намеки — одно дело, а подробные воспоминания — совсем другое. Если только вы верите в переселение душ. Я не верю.

Он поднес горящую спичку к трубке и затянулся.

— И с тех пор эти воспоминания все время возвращаются. Они мне всю плешь проели. Бурная сцена между Большим Джимом и Смитсоном послужила рвотным перышком. Мне казалось, я свихнусь, если не выйду из этой ситуации. Поэтому я и напился.

И сразу отдельные фрагменты сложились в единое целое. Я больше не был Мактигом и не находился на борту «Сьюзан Энн». Я был Фелин-Оуэном Рафферти, нашим Рыжим, короче говоря. Что это вы подпрыгнули?

— Я подпрыгнул?

— Мне показалось, да.

— Майк, откуда вы выкопали это имя — Рафферти?

— Как это откуда? Оно пришло со всем остальным. А насчет копания вы попали в точку! Потому что Рыжий Рафферти — это не кто иной, как наш рыжеволосый друг со старой развалины, тот самый, что погребен теперь в дюне с медальоном на груди. Знаете, что в этом медальоне? Портрет Бриджит.

Но не будем забегать вперед. Мы, Мактиги, приехали в Америку из Западного Коннахта всего четыре поколения назад, и в этом случае теория капитана о наследственной памяти не срабатывает. Мне известно, что у Рафферти не было потомков, а если бы и были, то никто из них не мог быть свидетелем случившегося. Понимаете? Я никогда не был в Ирландии и, если не считать нескольких фильмов, понятия не имею, как она выглядит. Вернее, не имел, — поправился он. — Но после знакомства с Рыжим я очень хорошо знаю свою старую родину — такой, какой она была... примерно двести лет назад.

И воспоминания мои не очень приятны. Да, есть и неплохие. Например, когда я иду по грязной дороге, обняв Бриджит, а вокруг каменные старые стены и кусты фуксий. Я украдкой целую ее, и ей это нравится. Я спятил, док, но я влюблен в девушку, уже два столетия как мертвую!

И, ремонтируя ее дом, док, я овладел новой профессией. Я могу починить, док, кровлю дома. Мне всегда казалось, что солому укладывают как множество снопов. Ничего подобного! Сначала кровлю покрывают глиной, а потом вдавливают солому в глину ивовыми прутьями, на манер ворот в крокете.

Но я отвлекся. Все началось, когда я вспомнил, как брат Бриджит, Натан, был убит в церкви во время мессы отрядом англичан. Англичане изгоняли нас из наших земель и охотились за нами. Мы с Бриджит ушли на корабле из Донегола в Нормандию. Я все это помню, — сказал он, — но какое все это имеет отношение к Майку Мактигу?

Он закрыл глаза, может, чтобы получше видеть то, что называл воспоминаниями.

— В те дни африканская торговля переживала бум. Одно плавание могло сделать человека богатым. Тирконнел О'Нил одолжил мне корабль. Через три рейса у меня уже было собственное судно, то самое, что сейчас под дюной. Его название было «Бриджит»...

В первом же плавании на собственном шлюпе Рафферти встретил Ирсули при дворе Манти, короля Берега Зубов — это прежнее название Берега Рабов. С этого момента рассказ Мактига совпадал с рассказом леди Фитц, различалась только точка зрения рассказчика, а также окончание — Рафферти был зрячим и видел все то, о чем жрица только догадывалась.

Я ошеломленно слушал это. Я верил, что леди Фитц пересказала содержание сна — необыкновенно яркого, конечно, и свой анализ я делал искренне. Но вряд ли Мактиг мог увидеть сон, совпадающий с другим в мельчайших подробностях, даже если оба сна возникли под влиянием одних и тех же впечатлений. Два сознания никогда не действуют совершенно одинаково: их действие основано на сложном переплетении случайных обстоятельств. Можно сказать, что если два человека с рождения до смерти будут жить вместе, полностью делить опыт друг друга, все равно они не будут мыслить одинаково.

Таким образом, и леди Фитц, и Мактиг могли увидеть сон об Ирсули, но не одновременно же! Либо Мактиг узнал о ее сне и пародирует его, чтобы разыграть меня, либо она узнала о его сне. Либо — вторжение духов, о чем рассуждал Бенсон. Что касается меня, то переселением душ незачем заниматься. Наследственной памятью тоже. Разве что у леди Фитц были чернокожие предки. Если это так, то характерных черт этой расы она явно не унаследовала.

Что-то очень бесчестное стоит за одной или обеими историями. Я прервал Мактига, который как раз рассказывал о Черном Педро, своем первом помощнике. Тот стер имя Бриджит, когда мятежники захватили корабль.

— Мактиг!

Он так погрузился в свою вторую призрачную личность, что забыл свое имя. Это само по себе было подозрительно.

— Рафферти! — окликнул я.

Он вздрогнул, мигнул.

— Да?

— Когда леди Фитц извинилась перед вами, что она сказала?

— Леди... леди Фитц? — Он немного подумал. — О, ничего особенного. Сказала, что сожалеет о той ссоре прошлой ночью и просит простить ее. Потом покраснела, отвернулась и ушла. А что?

— А вы что ей сказали?

— Ни слова. У меня просто не было возможности.

Я спросил, уверен ли он. Он был уверен.

Я махнул рукой, и он продолжил свой рассказ. Он на время

спятил от шока, увидев, как мертвый М'Комба поднимается и ходит по палубе; с этого момента его рассказ стал бессвязным. Придя в себя, он обнаружил, что все черные умерли и так же, как М'Комба, загадочно, святотатственно ожили. Все они двигались деревянно-безжизненно, как заведенные.

Сам он тоже чувствовал стесненность в движениях и не мог сфокусировать взгляд. Только когда Ирсули вызвала дождь, мышцы его расслабились и зрение улучшилось.

Больше он не боялся М'Комбы. Наоборот, чувствовал родство с ним — может, потому, что двигались оба одинаково неуклюже — такое ощущают два незнакомых пациента, ждущие в приемной и обнаруживающие, что у них одна и та же болезнь.

Он сказал, что ему трудно было думать. Он понимал, что дни сменяются ночами, но не воспринимал их как промежутки времени. Просто они давали возможность попеременно руководствоваться солнцем и звездами для определения направления. Паруса были сорваны, ветер сломал мачты, но он продолжал сжимать руль и вести корабль.

Потом он увидел «Сьюзан Энн». Был один из периодов засухи, и он мог только слегка приподнять руку, чтобы привлечь внимание. Голосовые связки у него пересохли. От «Сьюзан Энн» отошла шлюпка. Он сбросил веревку, но когда в шлюпке подобрали ее, она порвалась.

При помощи кошек моряки поднялись на брошенный корабль. Он увидел человека в иноземной одежде — капитана Бенсона. Капитан расспрашивал его, но он не мог отвечать из-за пересохшего горла. Капитан отдал приказ, и часть моряков отплыла на «Сьюзан Энн». Они вернулись с негром, его звали Слим Бэнг, но это был не Слим Бэнг с нынешней «Сьюзан Энн».

Ирсули и остальные страшно напугали негра. Он сбежал бы на «Сьюзан Энн», если бы не строгий приказ капитана. Негр обратился к Ирсули на ее языке и заявил, что она и все остальные — мертвецы. Капитан рассмеялся и коснулся Ирсули. Слим Бэнг запричитал, что если ее разрезать, кровь не пойдет.

Один из моряков полоснул Колубо ножом. Крови не было. Моряки были ошеломлены. С бранью и проклятиями они столпились вокруг Колубо, сначала царапали его, потом рубили. Никто не мог бы выжить после того, что они с ним сделали, но то, что от него осталось, продолжало извиваться на палубе и пыталось встать. Прошло некоторое время, прежде чем Рафферти сообразил, что должен вмешаться — думать стало так трудно! Он неуклюже направился к Колубо. Слишком неуклюже. Моряки с отвращением побросали дергающиеся останки в море.

Один из них вспомнил, что и при проказе из ран не идет кровь. Все пришли в ужас и решили затопить корабль. Капитан приказал

закрыть негров и рыжего в каюте. Рафферти, слабо сопротивлявшегося, оттащили внутрь. Он вспомнил о чаше и драгоценностях и потащился к ним, чтобы предложить их капитану.

Он услышал грохот. Дверь заколачивали. Он и шестеро черных напрасно пытались выбраться. Ирсули подняла руку. Послышался крик, и стук прекратился.

Рафферти с трудом добрался до иллюминатора, который смотрел в сторону «Сьюзан Энн». К тому времени шлюпка уже вернулась на борт. Ударила пушка, и «Бриджит» начала тонуть.

Она уже почти совсем ушла под воду, когда первые ручейки пробились внутрь. Вода заполнила каюту, иллюминаторы потемнели, и за ними проплывали необыкновенные голубые звезды. Иногда они останавливались, заглядывая внутрь. Рафферти всплыл. В каюте не было воздуха, но Рафферти, вися под потолком, не тонул и не захлебывался, смутно удивляясь этому.

Через некоторое время вода пропитала тело. Его охватил ужасный холод, словно кости стали ледяными. Он пытался молиться. Остальные опускались. Он сложил им руки на груди, как ему казалось пристойным. Потом направился к столу, чтобы в последний раз взглянуть на драгоценности, на эту горсть камешков, которая привела его к такому концу. И отойти он уже не смог.

Тьма. Тьма и холод. Он существовал, но не знал, кто он, где и почему тут находится. Только руки его сохранили чувствительность, остального тела он не ощущал. Временами ему казалось, что он сжимает чьи-то запястья. А потом ничего уже не имело значения, кроме тьмы и холода.

Внизу началась странная дрожь. Он почувствовал, что поднимается. Вода устремилась мимо рук, словно кто-то умывал их. На них обрушилась огромная тяжесть. Песок.

Тьма сохранилась, но холода не стало. Потом давление ослабло, и руки его согрелись. На них упал солнечный свет. Он был так счастлив. Прикосновение солнца как свобода, как освобождение!

Он услышал голоса. Услышал... собственный голос, голос Майка Мактига! И снова голос капитана. И понял, что все получится, если он сможет вернуться, войти в Мактига и объяснить ему. Что объяснить? Ничего... все... просто объяснить...

Мактиг встряхнулся:

— Вот и все. Он приходит и уходит. Я путаюсь, у меня смешиваются его мысли и мои собственные. Я тоскую по Бриджит, которая уже давно мертва, и вижу электричество и нашу одежду словно впервые. Они пугают Рафферти, и он... он уходит. Но, привыкнув к новому, он может остаться... навсегда. — Трубка его погасла, и Майк стал снова разжигать ее. — Говорю вам, док, это еще один синдром старого капитана. Но какое отношение капитан имеет к Рафферти? Если все

это — правда, то это очень важно, и он предпочитает об этом умалчивать. Хотя это может объяснить его поведение на старом корабле.

Я коротко ответил:

— Для розыгрыша вы зашли слишком далеко, Майк. Но я все же надеюсь, что это розыгрыш, хоть и неудачный.

— Розыгрыш! — Он смотрел на меня сквозь пламя спички. — Вы считаете, я все это придумал, чтобы позабавить вас? — Он погасил спичку и покрутил ее в пальцах. — Мрачная шутка, не правда ли? А ведь шутки должны быть веселыми!

Я не хотел обидеть его своим обвинением. Он всегда мне нравился, и у меня не было причин сомневаться в нем, что бы ни говорил Бенсон о его влиянии на Пен, а Чедвик — о его шутках. С другой стороны, я не питал особых чувств к леди Фитц — теперь, думая об этом, я решил, что ее солнечный удар был подозрительно легким. И если она солгала мне, это объясняло также внезапную преувеличенную заботливость Бурилова. Но зачем она мне все это рассказала?

Мактиг печально сказал:

— Я знаю: мой рассказ кажется совершенно невероятным, но я говорю серьезно.

Я спросил:

— Кому еще вы об этом рассказывали?

Он усмехнулся:

— Мактиг может быть неуравновешен, но он не дурак, док. Вряд ли я стану рассказывать об этом Большому Джиму, пока сам не узнаю, что это такое. Он ухватился бы за эту мысль — истинна она или нет — как стриптизерка хватается за норковую накидку. Это новая пища для его одержимости старым капитаном, и если он этого не знает сам, лучше не давать ему новых подробностей. С ним и так трудно. У меня есть своя гордость, поэтому я не стал бы рассказывать Пен, она сочла бы меня выдумщиком. И я не хочу пугать ее — а она бы испугалась. Вряд ли я могу довериться и Флоре: не успел бы я закончить первую фразу, как она бы решила, что очаровала меня. Не могу рассказать и дорогому преподобному: он примет это за религиозное послание или знамение. Вы знаете о моих чувствах к ее величеству, к волжскому разбойнику и Чеду. А с Деборой я не разговаривал со времени урагана. Кто же остается, кроме вас?

— Джонсон, Слим Бэнг и все остальные...

— Нет, док, вы единственный, кому можно рассказать такое. Дьявол, почему вы думаете, что я сломался и пришел к вам?

— Сам удивляюсь.

Он удивленно и отчасти негодующе посмотрел на меня.

— Вы думаете, я на самом деле хочу оставаться Рыжим Рафферти? Разве вы не понимаете, что это означает? Я могу оказаться

во власти такого ужаса, что смерть покажется более предпочтительной.

Помолчав, он выпалил:

— Я пришел к вам, потому что не хочу, чтобы это оказалось правдой! Я хочу, чтобы вы разбили это своим холодным и бесстрастным анализом!

— А сами вы не можете этого сделать?

Отвращение в его взгляде усилилось.

— Док, вы уже должны меня знать. У меня чертовски богатое воображение — иначе я не стал бы юристом. И мое второе зрение — подлинный дар Божий, — вернее, было им до сих пор. Я легче могу доказать, что я Рафферти, чем противоположное. И я готов спорить на что угодно, что если на берегу мы смогли бы порыться в архивах и в библиотеках, история Рафферти оказалась бы правдой. Тогда бы я знал, что к чему. Но пока это невозможно.

— Проверка ничего нам не даст, — ответил я. — Подсознание действует как превосходная липучка, удерживая намеки, которые сознание как бы не заметило. Ваш рассказ можно проверить, да. Но просто потому, что ваше подсознание сохранило некогда прочитанные страницы, а сознание об этом не позаботилось.

— Ну что ж, тогда попробуйте объяснить.

— Почему, — спросил я, — среди множества людей на «Сьюзан Энн» Рафферти ухватился именно за вас? Почему не за Бурилова, например, или кого-то из экипажа?

Он возразил:

— Скажите, док, если бы вы перевоплотились, стали бы вы мужчиной или женщиной?

— Естественно, мужчиной.

— А почему?

— Вероятно, потому, что предпочитаю быть мужчиной, а не женщиной.

Он кивнул, довольный:

— Вы возродились бы как белый или негр?

Я понял, к чему он ведет.

— Конечно, белым, — и осторожно добавил: — поскольку у белого больше преимуществ.

— Понимаете? Вы возродились бы как можно ближе к тому, какой вы сейчас.

— Наверно. Я предпочел бы возродиться мужчиной и белым, но на этом сходство с моим нынешним воплощением кончается. Предпочел бы быть не врачом, а кем-нибудь иным.

— Допустим, вы оставили незавершенной сложную операцию и возвращаетесь, чтобы закончить ее. Вам нужны были бы умелые руки. Вы бы тогда стали врачом? — Я пожал плечами и кивнул. —

Остальное очевидно. Рафферти выбрал меня, потому что я больше всех окружающих похож на него. Он может... лучше управлять мной.

Я сказал:

— Если это так, то как же Ирсули и ее друзья? Почему они тоже не возвращаются?

— Может, еще возвратятся, — мрачно ответил Мактиг. — Ирсули должна будет выбрать самую красивую женщину... Боже! — Глаза его широко раскрылись. — Пен!..

Я изобразил негромкий смешок.

— Спокойней, Майк. Вы видели сон, а не воспоминание.

И как с видением леди Фитц, я принялся за работу с его сном. И хотя мои усилия его успокоили, на меня они оказали противоположное действие. Я начинал понимать всю гибкость психоаналитического подхода. Он позволял дать столько же объяснений, сколько предлогов способна найти женщина, чтобы вывести из своего круга соперницу. Но вряд ли кому приходилось разъяснять такой случай, как мне, — идентичный сон, который видели одновременно двое.

Передо мной лежал выбор: розыгрыш, либо невероятное совпадение, либо ужасающий сверхъестественный феномен.

Мне пришло в голову решение.

— Мактиг, — спросил я, — то, что вы болтали в пьяном бреду, имеет отношение к вашему рассказу? Чедвик навещал вас, когда вы были?..

— Пьян? — подсказал он. — Не помню. А почему вас это интересует?

Я сказал, что боюсь, как бы это не дошло до Бенсона. Он удовлетворился этим и вышел, насвистывая веселенький мотив. Но он забыл то, о чем не забыл я: Бенсон упоминал кости Слима Бэнга, которые лежат под песком. И непонятные слезы негра, вызванные видом черного колеса.

Где-то был ответ на все это, но я чувствовал, что он еще далек. И надеялся, что окажусь способен найти его. Иначе...

Я предпочел не раздумывать над альтернативой: она уничтожит и мой мир, и меня самого.

Я немедленно отправился на поиски Слима Бэнга.

15. ЭЗУЛИ И РОЗАЛИ

Я не офтальмолог, но знаю, что из всех рас негры наименее других подвержены трахоме. Существует прямая связь между глазами и носоглоткой через слезный проток, из-за чего слизистая оболочка глаза часто подвергается ревматическим и воспалительным повреждениям.

Возможно, болезнь Слима Бэнга является осложнением после трахомы или экземы. Если это какая-то аллергия, нужно выяснить ее ис-

точник. Во всяком случае, нужно, чтобы он рассказал мне все о своих прошлых болезнях.

Я говорил ему это, когда он поднял руку, прерывая меня.

— Если это аллергия, доктор Фенимор, вы ничего не сможете сделать: ведь здесь распоряжается капитан Бен.

— Ах, да, — сердито сказал я, — у вас аллергия на черные колеса, верно?

Его печальное лицо посветлело. Он подумал, сплетая пальцы.

— Доктор Фенимор, вы ученый человек. Значат ли что-нибудь имена?

Я не знал, что ответить, и негр продолжал:

— Дело в том, что меня зовут не Слим Бэнг. Мое имя — Авраам Линкольн Вашингтон, а Слимом Бэнгом меня прозвали из-за первого кока старого капитана. И вот я подумал, не вернуться ли мне к моему настоящему имени. Может, тогда колдовство спадет?

— А в чем еще вам не везет, кроме болезни глаз?

— Коллинз, стюард, сэр, я всегда с ним не ладил. Ему не нравится, что я рассыпаю табак. А я его сыплю вокруг себя на заходе. А тут еще даппи в черном колесе. Они до меня доберутся, если я не буду осторожен.

Даппи может считать только до девяти, сэр. Если посыпать табаком, он сбивается со счета — и так и не добирается до конца. У меня табачного семени нет, поэтому я пользуюсь нарезанными сигарами. Но, кажется, это не действует, — добавил он мрачно.

Я спросил:

— А что такое даппи?

— Когда я еще пешком под стол ходил, мама рассказывала мне о палочках даппи. У моего дяди Боза была такая. Когда кто-то умирает, его могут заколдовать, и он превратится в даппи. Его можно удержать в могиле, прибив гвоздями, к тому же нужно посыпать солью и удерживающим порошком. Потому что когда даппи покидает свое тело, у него нет сердца и нет ума, чтобы знать, как вести себя. Если он дыхнет на вас, вы заболеете, а если дотронется, вас будут преследовать несчастья.

Тот, кто хочет завладеть даппи, должен получить его сердце и мозг. Так сделал мой дядя Боз. Он взял ветку гвоздичного дерева и держал над огнем, пока не слезла кора. Потом положил ее в могилу, и даппи перешел в нее. Тогда он ее выкопал и обмотал проволокой, чтобы даппи не смог выбраться. И он дал палочке имя, и после этого все его боялись, потому что он мог натравить даппи на кого угодно.

Мой мысленный комментарий к этому нелепому суеверию был прост: эффективность палочки связана не с заключенной в ней душой даппи, а с верой, что душу можно заключить в палочку.

Слим Бэнг продолжал:

— В этом черном колесе живут даппи, доктор Фенимор. Я почувствовал при виде его то же, что и при виде палочки дяди Боза.

— Вы трогали его?

Его глаза расширились.

— Нет, сэр. Но все равно, это из-за него меня преследуют несчастья. Мама мне говорила еще кое-что. О н е й.

Он с усилием сглотнул и с несчастным видом посмотрел на меня.

— О... н е й!

— О самой маме?

— Не о маме. О н е й. Нельзя называть ее имени, иначе она придет на зов, — предупредил он. — Я говорю о н е й... о богине, сэр. Богине любви моего племени.

Я рассмеялся:

— Что же вы боитесь призвать? Любовь?

— Не смейтесь, доктор Фенимор. Вы не знаете, над чем смеетесь. Это высокая желтая девушка, и у ее тела больше изгибов, чем у извилистой реки. У нее золотое кольцо и золотая цепь на шее, и она приходит по четвергам и субботам в поисках мужчин. Больше всего ей нравится запутывать любовные планы молодых девушек. Она отвлекает их парней, насылает на них сны о золоте, и они идут к ней, пока не увидят, кто их зовет. Но они должны идти к ней. Если не пойдешь, всю жизнь будешь болеть и тебя будут преследовать неудачи. И она так ревнива, что лучше оставить свою девушку и идти к ней, а то и девушке будет плохо.

У меня была причина не смеяться над этой галиматьей. Я спросил:

— И с тех пор, как вы увидели колесо, вы видите во сне... ее? Но из-за прихода богини не стоит плакать. Или вас дома ждет девушка и вы боитесь, что придется расстаться с ней... из-за богини?

— У меня нет девушки, доктор Фенимор. Не поэтому она зовет меня. Я в своих снах плохо обращался с Эзули...

Он остановился, ахнул и прикрыл рот рукой.

— Я назвал ее по имени!

Я тоже ахнул: если учесть его акцент, это было точно такое же имя, что и у черной жрицы из сна леди Фитц.

— Слим Бэнг, рассказывали вы кому-нибудь о своих снах? И произносили... ее... имя?

Он с достоинством выпрямился.

— У меня и без этого хватает неприятностей. И я не хочу, чтобы все смеялись над суеверным негром. Они ведь не знают, что рассказывала мне мама.

Я знаком попросил его продолжать.

— Я видел ее так же ясно, как вижу вас. Я не хотел ее любви и

велел ей уйти. Я закрыл ее, сэр, в темном шкафу и забил дверь гвоздями.

Я вздрогнул и попросил его повторить. Он повторил. Я спросил:

— А капитан Бенсон был в вашем сне?

Он посмотрел на меня так, будто я тоже даппи и читаю его мысли.

— Да, сэр. Это он велел мне прогнать ее и забить дверь. Это очень плохо, сэр! Если бы она пришла, когда я не сплю, у меня хватило бы здравого смысла, сэр. Я не стал бы сердить ее. Но во сне я ничего не мог сделать и прогнал ее, словно это был не я, а кто-то другой.

Если только он не шутит, получается, что на корабле теперь четыре случая одержимости старым капитаном. Рука случайности должна быть гораздо более гибкой, чем обычно считается, чтобы обеспечить такое совпадение.

Я спросил:

— И что было потом?

— Потом мне приснилось, что я умер, доктор Фенимор. Мне снилось, что я заколотил дверь за ней и упал замертво. Вот и все. Но это предостережение, сэр. Она предупредила меня, что я умру.

Я расспросил его о подробностях, но хоть он и пересказал свой сон несколько раз, больше я ничего не узнал. Информация была очень туманной даже для чернокожего, который считает ее дурным предзнаменованием. Он утверждал, что плачет именно поэтому, но я его все равно тщательно осмотрел. Если не считать легкого раздражения, ничего необычного я не обнаружил. Я промыл ему глаза и отпустил.

После этого я задумался. Рассказы леди Фитц, Мактига и Слима Бэнга слишком хорошо совпадали, чтобы счесть это игрой случая. Пен тоже считала колесо живым; может, она по каким-то причинам умолчала о чем-нибудь. Может, ей тоже что-то... приснилось?

Может, Бенсон обладает какими-то сведениями о старом капитане, которые предпочитает никому не сообщать? Знает ли об этом Пен? Что, если влияние на нее Чедвика основано как раз на этом?

У меня не было права вмешиваться в дела Бенсона, но и у него нет права устраивать такой грандиозный розыгрыш. Ни у кого нет. Но если это действительно розыгрыш, тогда у меня есть право врача. Возможно, какое-то зловещее и ненормальное воздействие оказывается на пассажиров и членов экипажа «Сьюзан Энн». И последствия этого могут быть столь же серьезны, сколь и непредсказуемы.

Я решил навестить Бенсона и выведать у него все, касающееся старого капитана — в любом случае тяжелая задача, и безнадежная, если он поймет, какова моя истинная цель. У меня созрела одна идея, но какую форму она примет, я не знал. Все равно что следить за

облачком, которое возникает на горизонте в форме цветка, а в зените превращается в огромную химеру или танцора с длинным шарфом.

Бенсон был совершенно спокоен, слегка угнетен, но это, несомненно, был Большой Джим. Он сидел неподалеку от портрета своего прадеда, и на меня словно бы смотрели два одинаковых человека.

Я сказал:

— Врачебный отчет, сэр. Леди Фитц сегодня весь день недомогает.

Он спокойно ответил:

— Она всегда больна, когда ей нужно отвечать за свои поступки. Что на этот раз?

— Легкий солнечный удар. Ничего страшного. — Он кивнул, тем самым как бы закрывая тему. Я торопливо сказал: — Значит, она — ипохондрик?

— Не в такой степени, как Бурилов. Она, очевидно, научилась этому у него. Вы знаете, она привела его с собой, чтобы он подлечился.

Я не знал этого. Бенсон объяснил:

— Да, когда бедный непризнанный гений Алексей чувствует, что к нему относятся без должного уважения, ему снится, что с ним вот-вот случится что-то ужасное, и мы должны быть добры с ним, ибо дни его сочтены. Или же он напивается и громит квартиру, — предпочтительно чужую. Мы должны считаться с его чувствительным темпераментом, иначе он становится очаровательно болен, и тогда мы сочувствуем его болезни. Он мог бы прожить за счет своей внешности и голоса; жаль, что он не поет, например, на концертах. Но нет, он не рожден для работы. Гораздо проще добывать все с минимальными усилиями.

Я сказал:

— Меня удивляет, что́ вы в них нашли: в Бурилове и леди Фитц, в Сватлове и его сестре.

Я стрелял наудачу, но попал в цель. Он сложил руки на груди, морщины около его рта углубились. Резко сказал:

— Они меня забавляют! — Потом спокойнее: — Я ведь могу позволить себе возить с собой собственный цирк? А вы можете?

Что-то было недосказано, но вот что именно? Что-то я упустил. И по-прежнему ничего не узнал, кроме того, что гости приглашены по какой-то причине, о которой он умалчивает.

Я сказал:

— Вы пропустили сегодня небольшое представление в своем цирке, сэр. Очнувшись после солнечного удара, леди Фитц исполнила прекрасный номер умственной гимнастики.

Он попался на мой крючок, зацепился, но затем засомневался и сорвался:

— Мне кажется, это вопрос врачебной этики.

— Ну, что ж, — сказал я с намеренной резкостью, — я не утаиваю от вас ничего. На борту все для вас, как открытая книга.

Лесть была слишком расплывчатой, и он выглядел одновременно довольным и недовольным. Но на этот раз клюнул:

— Что же это было?

Я не напомнил имен Ирсули и Рафферти, потому что, во-первых, капитан их не знал, во-вторых, их обладатели — если история подлинная — были тогда не в состоянии говорить. Поэтому я приписал слова Мактига леди Фитц и повторил ту часть ее рассказа, где люди капитана изрубили Колубо своими ножами. Он слушал внимательно, ноздри его раздувались, глаза потемнели. На него, как прозрачная вуаль, вдруг легли лишние двадцать лет.

— Очень садистская картина! — закончил я.

Голос его был теперь дрожащим фальцетом, как три дня тому назад в споре с Джонсоном.

— Значит... так она сказала, да?

Я понял, что снова попал в цель.

— Она описала это так, словно сама была свидетельницей, — добавил я, пристально глядя на него.

Морщины вокруг его проницательных глаз углубились, хотя он не улыбался. Я знал, что он смеется про себя — и торжествующе смеется. Стало быть, я не сказал ему ничего неожиданного — старый капитан действительно связан с разбитым островом. Но как?

Была опасность перестараться и сказать ему больше, чем он сообщит мне в ответ. Но теперь по крайней мере он заинтересовался. Я вернулся к своему удачному выстрелу.

— Капитан, и леди Фитц, и Бурилов проявляют признаки невроза, и я обеспокоен. Не думаю, чтобы атмосфера была для них... благоприятна. Бурилов — ипохондрик, леди Фитц — тоже, к тому же у нее мания преследования, и она ищет убежища в религии. Они нуждаются в лечении, а в таких условиях это невозможно. Но развитие болезни можно приостановить, — я наклонился к нему, чтобы наблюдать за его реакцией, — я порекомендовал бы как можно скорее отослать леди Фитц и Бурилова на катере. Это предупредит обострение.

Конечно, частица правды в моих словах была, но я сильно преувеличивал. Что касается меня, то если бы леди Фитц и ее любовника смыло за борт, я бы вряд ли по ним скучал. Так можно скучать по зубной боли!

Но я опять попал в невидимую цель. Бенсон насторожился. Странно, как вдруг изменился его голос:

— Вы зря меня запугиваете. Пройдет немного времени, и «Сьюзан Энн» сможет выйти в море. А до того времени все вы, здоровые и больные, сможете прожить на ней.

Рыбка попала на крючок, и я поспешил подсечь, подчеркнув, что необходимо поторопиться. Он рявкнул:

— Подождите команды! Я сказал, что все будут ждать. Пусть ждут!

Я спросил:

— Неужели вас не тревожит угроза безумия людям, за которых вы несете ответственность?

— Ничего им не грозит, — возразил он. — И попридержите свой язык, по крайней мере из вежливости. Вы, возможно, прочли гору книг, но всего вы не знаете. Есть и другие соображения.

— Они должны быть очень весомыми, — заметил я, — вы ведь рискуете...

— Они важнее самой жизни! — сказал он и повернулся к колесу. Его вид, казалось, подбодрил капитана, и он задумчиво улыбнулся, облизывая губы. Я тоже взглянул на колесо и снова испытал отвращение, почти панику, как и в первый раз, когда его увидел.

Вероятно, мое лицо выдало меня. Я думал: где здесь руки Ирсули, где Рафферти — а где Чукура, Колубо, М'Комбы? Полная бессмысленность этих рассуждений нарушила колдовские чары колеса. Я увидел, что Бенсон по-прежнему улыбается, но смотрит не на колесо. На меня.

Глаза его блестели, словно солнце пробивалось сквозь серый туман. Я вспомнил его похвальбу, что он, подобно своему предку, может узнавать мысли людей, глядя им в глаза. Я решил заставить его отвести взгляд и не смог, зато сам отвел взгляд.

Голос его зашелестел, как серебристый шелк:

— Вы что-то увидели в колесе? Скажите, — убеждающе продолжал он, — что вы увидели?

Не мог же я признаться, что чуть не увидел картины, описанные леди Фитц и другими!

— Ничего, кроме самого колеса.

— Вы могли увидеть, какое оно удивительное!

Звучало двусмысленно. Я осторожно сказал:

— Работа исключительная, если вы это имеете в виду.

Он нетерпеливо поежился. Каким-то образом я разочаровал его. Я спросил:

— Капитан Бенсон, что же для вас важнее вашей собственной жизни и благополучия всех остальных?

Он искоса взглянул на меня, потом сухо усмехнулся.

— Да, вы удивлены. Вы думали, что если Кертсон не сказал мне правды, почему послал вас сюда, то вы обманете меня своей болтовней о любви к кораблю и морю. Вы пришли следить за мной, как и все остальные. Что ж, теперь вы знаете правду. Можете шпионить сколько угодно. Но никто из вас не уйдет отсюда — пока!

Теперь на меня смотрели два старых капитана: один из рамы, другой — тот, что только что был Большим Джимом.

— Я не шпион Кертсона, сэр.

— Укоротите свой язык, щенок, если не хотите, чтобы его поцеловала кошка! Я говорю, что вы шпион, и все остальные тоже. И пока я не закончу всего, что задумал, можете успокаивать подозрения остальных.

Он словно пожалел, что сказал слишком много; поднял руку и указал:

— Вот дверь. И побыстрее! — И так как я колебался, он топнул, словно хотел испугать щенка. — Вон!

Он не шутил, и я ушел. Ну, хоть что-то я узнал, если он, конечно, не играет со мной. Он был так же искренен, как и остальные, но кто-то из них лгал.

Теперь следовало расспросить Пен. Если я поведу разговор достаточно искусно, она может добавить несколько бусинок к тому ожерелью фактов, что я собираю. И хотя было уже поздно, я направился в ее каюту.

Если только кто-нибудь из тех, кто видел сны об Ирсули, не делает из меня дурака, на корабле четыре случая шизоидных галлюцинаций. Ни на мгновение я не мог поверить в нелепую теорию одержимости духами.

Допустим, одержимость Бенсона старым капитаном послужила трамплином для остальных, кто одержим Ирсули. Один невротик может воздействовать на других, восприимчивых к этому. Я часто видел подобное в больнице. То, что у леди Фитц нервное расстройство, совершенно очевидно. Слима Бэнга я изучил недостаточно, чтобы точно классифицировать его случай. Мактиг же всегда казался мне человеком, прекрасно приспосабливающимся к окружению.

Но для простоты я предположил, что все они — неврастеники и все находятся под влиянием Бенсона. Такое подражание могло в конце концов принять специфичную для каждого форму. Как я уже говорил, невозможно, чтобы мышление двух человек оказалось совершенно одинаковым. Но эти трое представляют сходящиеся линии, и сейчас они почти идентичны.

Но предположив, что мыслительные процессы Мактига, леди Фитц и Слима Бэнга развиваются параллельно, следовало также предположить, что они подвергаются одинаковому воздействию в одинаковых условиях. Единственным сильным стрессом, который они испытали все вместе, был ураган.

Да, должно быть, они раньше слышали имена, на которых основаны их рассказы, и невольно узнали о том давнем плавании из Ганы

в Новый Свет. Но даже и в этом случае не может быть, чтобы они думали одинаково.

Дойдя до поворота, я услышал голос Чедвика и задержался, чтобы не встретиться с ним. Он напевал популярную песенку, немного устаревшую, правда. Должно быть, он ее любил, потому что я раньше часто слышал ее от него, но не обращал внимания.

Но теперь мне казались странными все совпадения, связанные с похожими снами. Я вспомнил название песенки — «Розали». При нечетком произношении легко изменить на «Ирсули» и «Эзули».

Я подождал, пока не услышал звук закрывавшейся двери, потом двинулся дальше — к каюте Пен. Подняв руку, чтобы постучать, я услышал голоса — Пен и Чедвика.

— Вы могли хотя бы постучаться! Я еще не принадлежу вам, Чед. — Он что-то ответил. — Разве вам не достаточно денег отца? Неужели нужно еще и ко мне приставать? Мне не нравятся ваши ухаживания, Чед!

Мне не следовало слушать, но я остался и слушал с возмущением — надеялся, что Пен позовет на помощь, и я смогу ворваться, освободить ее и поступить с Чедвиком, как он того заслуживает.

Он гневно произнес:

— Ну, если захотите, я вам понравлюсь, Пен!

Ее смех, как хлыст, ударил даже меня:

— Вы думаете... что можете... разбудить меня?

— Если, конечно, этого уже не сделал Мактиг! — насмешливо ответил он.

Она с ледяным спокойствием заявила:

— Очень грубо. Он этого не делал и никогда не сделает. Я не люблю его. Да, я часто о нем думаю, потому что он так не похож на вас. Но договор есть договор, и он остается в силе. Если вы не получите меня, никто не получит. Помните — я недосягаема.

И резко:

— Нет, Чед! Уходите!

Еще резче:

— Чед! Я сказала: уходите!

Он что-то произнес, было слышно, что он направился к двери. Я торопливо отошел, размышляя, что же это могло быть такое, за что Пен готова отдать не только себя и все деньги Бенсона, но и всякую надежду на будущее счастье.

Немного погодя я вернулся. Она плакала. Я постоял, потом пошел к себе. И если сны об Ирсули беспокоили других, мне они казались приятным сновидением по сравнению с рыданиями, которые преследовали меня во сне.

16. ИРСУЛИ И УРСУЛА

Весь следующий день Пен сторонилась меня; я чувствовал свою вину, но надеялся, что она не догадается. За завтраком и ленчем я пытался вовлечь ее в разговор, но она упорно не обращала на меня внимания.

Во второй половине дня Флора Сватлов пришла ко мне и попросила несколько таблеток снотворного — она плохо спит из-за кошмаров. В них она не она, а... — я уже догадался, — черная жрица Кумби-Кумби из Ганы. Ее рассказ полностью совпадал с рассказом леди Фитц, но в нем были некоторые дополнительные подробности относительно туземного напитка сангари или кровной клятвы, которую дали призраки на колесе. Каждый из давших клятву отведал крови остальных.

Она рассказала, каким образом на колесе оказались вырезаны руки старого капитана — невероятное происшествие!

— Я никогда не могла забыть ощущения этих рук, их прикосновения ко мне; они потопили наш корабль, они обрекли меня на бесконечное ожидание! Когда тела стали нам бесполезны из-за соленой воды, мы переселились в колесо, на котором в знак нашей клятвы были вырезаны наши руки. Оно не могло сгнить, потому что наши бессмертные души давали ему жизнь. Пока жили мы, жило и колесо. И так как я помнила руки капитана, их очертания тоже появились на колесе.

Но, будучи слепой, она не больше леди Фитц могла знать, кому принадлежат эти руки.

Она сказала:

— Иногда я слышу голос, это мой собственный голос, голос Ирсули, и он произносит такие слова: «Им нужно заплатить за то, что они отдали нам свои тела. Даже если их ждет смерть, пока они служат нам, они вознесутся к черному блаженству».

— Да, да, — устало согласился я, довольный уже тем, что Флора считает свое видение сном, а не посланием с неба или воспоминанием призрачного гостя. — Вы рассказывали кому-нибудь о своих кошмарах, кроме меня?

Она вяло изогнулась, и я подумал, что сейчас последует какое-то признание.

— После моего нелепого выступления за обедом три дня назад я не считала это разумным, но Чед проявил такую заботливость, что я немного рассказала ему. И я видела колесо, — добавила она. — Я вошла в каюту капитана Бенсона — в своем красном платье, — торжественно закончила она, и я понял, что в красном она неотразима.

— Ваши кошмары начались до того, как вы увидели колесо, или после этого?

— Одни до, другие после. Но я не так глупа, как все думают. — Она надула губы, и ее нижняя губа превратилась в искушающий маленький плод. — Я все обдумала. Меня обидели, и при этом упоминалось черное колесо, поэтому оно мне и приснилось.

Это что-то новое — слушать, как мне объясняют сон: мне уже наскучило повторяться.

— Руки на колесе появились во сне после того, как я их увидела, так что и это объяснимо.

— А как же имена? Ирсули и Рафферти?

— Брат подшучивал надо мной, что мы тут застряли навсегда. Он надеялся, что наш корабль не будет похож на лодку святой Урсулы.

— А кто это?

— Она была девственницей и вместе с десятью тысячами других девственниц бежала, чтобы избежать притязаний языческого принца. Она три года провела в море.

— А Рафферти?

Она задумалась, одобрительно поглядывая на изгиб своего бедра.

— Не могу вспомнить. Но ведь это был только сон. Совершенно неважно. — И сразу проницательно: — Или все-таки важно?

Я торопливо заверил ее, что, конечно, нет.

— А ваш брат видел колесо?

— Конечно! Он тоже был в каюте капитана Бенсона, когда я пришла туда. Капитан пригласил его, потому что мой брат знает все о таких вещах.

— Преподобный — антиквар?

— Боже, конечно, нет! Это область леди Фитц. Капитана Бенсона интересовала резьба на колесе. Мой брат в своих теологических исследованиях многое узнал о символических украшениях, вот и все.

Я сказал нарочито игриво:

— Надеюсь, у него от колеса не начались кошмары?

Она хитро улыбнулась.

— Гарольду всегда снятся кошмары; без них он чувствует себя несчастным. О, я знаю, у него репутация светского человека, но есть в нем что-то от святого Антония, знаете, того самого, что отправился в пустыню, где его преследовали искушения. Гарольд всегда совершенствуется после хорошего ночного кошмара: он сокращает количество сигарет и целую неделю не дотрагивается до выпивки. Он обычно рассказывал мне свои сны, но они так нелепы, особенно когда он пытается объяснить, что хотел этим сказать Господь, что я не могла удержаться от смеха. С тех пор он держит их при себе. Бедный Гарольд, — с сочувствующей улыбкой добавила она, — он сам не знает, черный он или белый.

И продолжала в припадке откровенности:

— Вы не только врач, но и психолог. Вы, вероятно, уже догадались, зачем Гарольд взял меня сюда. Бедный путаник не доверяет Господу, считает, что Бог не сможет меня удержать. И мне кажется, — задумчиво добавила она, — он делает ту же ошибку, что и я в своем сне — ставит себя выше Господа.

Она вздрогнула.

— Надеюсь, он не заплатит за это, как я в своем сне!

И продолжала:

— Он упросил Бенсона взять меня, чтобы я вращалась в высшем обществе и нашла себе подходящую пару. Такое отношение не назовешь религиозным, а Гарольд религиозен — ну, иногда. А мне это не нравится, — откровенно сказала она. — То, что он раболепствует перед Бенсоном. Я не такая, как считает Гарольд. Я равнодушна к деньгам...

Почти не слушая ее, я размышлял. Преподобный Гарольд может разделять всеобщее «заражение» личностью Ирсули, а может и нет. Придется это выяснить.

Вполне возможно, что рисунок на колесе оказывает гипнотическое воздействие и может, как приборы в клиниках Бернхейма и Шарко, вызывать состояние умственного подчинения, сна воли. Под гипнозом человек может видеть себя переживающим самые невероятные события, но все это диктуется ему гипнотизером.

Но у колеса нет мозга, нет губ, которые могли бы внушить нужные мысли плененному сознанию. Кто же мог воспользоваться этим положением? Кто иной, кроме хранителя колеса, который всегда ревниво находится рядом с ним?

Бенсон!

Туманная мысль, которая давно формировалась у меня в сознании, вдруг приобрела резкость, она теперь напоминала не клочья тумана, а четкие очертания грозовой тучи.

Я вспомнил, как при первом же прикосновении к колесу почувствовал тревогу. Мне уже тогда следовало понять, какое воздействие оно оказывает на сознание. Я вспомнил также тот момент, когда вчера Бенсон спросил меня, что́ я вижу в колесе, и его разочарование, когда я ответил, что ничего, кроме прекрасной резьбы. Я вспомнил его обвинения, что я, как и остальные на судне, шпион.

Я пытался припомнить всё, о чем мы с Бенсоном говорили.

Вспомнил я и то, что у него существует какой-то план, для него очень важный, и чтобы осуществить его, он готов задержать здесь нас всех.

Я не хотел соглашаться с этим подозрением. Зачем Бенсону внушать историю Ирсули леди Фитц и остальным? То, что он может гипнотически воздействовать, вполне вероятно, иначе он никогда бы не приобрел своей репутации в юридических кругах. Успех в суде зависит

во многом от того, насколько адвокат сумеет повлиять психологически на жюри, загипнотизировать присяжных, чтобы они встали на его точку зрения.

Возможно, леди Фитц не так далека от истины, когда заявляет, что Бенсон одержим злым духом. Теперь я понял, почему Кертсон так хотел, чтобы я принял участие в этом плавании. Сам он не мог плыть, и я стал его заместителем. И Бенсон был прав, назвав меня шпионом. Но почему Бенсон так же назвал и всех остальных? Чьи интересы они представляют?

Я невольно застонал. Флора тут же рассмеялась, напомнив о себе.

— Я знала, что вы консервативны, доктор. Это удивительно, учитывая ваше медицинское образование. Но я не думала, что шокирую вас.

И сказала, что, недооценив меня, опять повела себя глупо. При этом она хлопала ресницами.

Я успокаивающе ответил, что мысли мои ушли в сторону, потом понял, что такое признание в ее обществе неразумно, и попытался загладить ошибку, восхищаясь ее красотой. Она ушла в хорошем настроении; у меня же оно было плохим.

Теперь еще важнее стало поговорить с Пен.

17. ЕЩЕ РАЗ О ДУХАХ

Но Пен так же отчаянно старалась держаться подальше от меня, как я хотел с ней встретиться. Я не мог представить, почему она меня избегает. Она не из тех, кто реагирует на воображаемое оскорбление. Более того, она сказала, что доверяет мне. Может, она каким-то образом узнала, что я подслушал ее разговор с Чедвиком?

Правда, я виделся с ней за столом, но там же присутствовал и Бенсон, а я не хотел, чтобы он заподозрил, что я хочу что-то выведать у его дочери. Он был удивительно жизнерадостен. В нем преобладало влияние старого капитана, и он относился ко всем покровительственно — хозяин, снисходящий до своих подчиненных. Не знаю, что больше раздражало Пен: он или мои настойчивые попытки. Во всяком случае, стоило мне оказаться на расстоянии вытянутой руки от нее, как она грациозно исчезала. Я постучал в ее дверь, но не получил ответа.

На следующий день я выследил ее. Остальные организовали экспедицию для дальнейшего исследования острова. Когда я узнал, что Пен будет среди них, я тоже решил участвовать, в надежде выкроить несколько мгновений наедине с ней. Но когда шлюпка направилась к берегу, Пен на ней не было. Мне сказали, что, к сожалению, она изменила свое намерение. Я тут же вспомнил, что меня в лаборатории ждет важный эксперимент, и пошел назад.

Палуба кишела рабочими и была завалена инструментами и материалами. Бенсон бродил, следя за ходом работ и поправляя работников; он все время переходил от грубовато-добродушной сердечности Большого Джима к придирчивости старого капитана — переходил легко, как кузнечик перепрыгивает со стебля на стебель.

Рабочие встречали его слова скрытыми насмешками и раздражением, которое не предвещало добра. Я подумал, что если Бенсон и дальше будет вести себя, как старый капитан, нас ждут неприятности. Небольшая порция придирчивости забавляет моряков, пока не начинает причинять им неудобства. Немного больше — и они начнут возмущаться, озлобленность будет возрастать, и в конце концов все выльется на козла отпущения, на того, кого обвинят во всех грехах и неудачах. Именно так рождались самые кровавые революции.

Пен уединилась в кресле на передней палубе и, подперев рукой подбородок, напряженно смотрела на узкий пролив. Я подошел незаметно, отрезав ей все пути к отступлению.

Она не взглянула на меня. Без всякого выражения сказала:

— Уходите, Росс. Оставьте меня одну.

Меня подбодрило то, что она назвала меня по имени, а не просто «доктор», поэтому я не послушался.

— Мисс Бенсон, мне очень важно поговорить с вами.

Она беспокойно шевельнулась.

— Для меня так же важно, чтобы этого не было. Пожалуйста, уходите. — И так как я не двинулся с места, добавила: — Если не уйдете вы, уйду я.

Я быстро сказал:

— Нет, подождите, пожалуйста! — И еще быстрее, так как она начала вставать: — Не знаю, что вас рассердило, но что бы это ни было — простите.

Беспомощно подняв руку, она села. Уголок ее рта дернулся, точно она хотела улыбнуться, но подавила улыбку:

— Вы ничего не сделали.

— Ну, значит, что-то должен был сделать. Не похоже это на вас — обижаться без причины.

Она откинулась и равнодушно посмотрела на меня:

— А откуда вы знаете, на кого я похожа?

Откуда я знаю! Я не мог сформулировать ответ в нескольких словах.

Она сама ответила на свой вопрос:

— Вы не знаете. Никто не знает.

И неожиданно гневно:

— О, ради Бога, уходите и дайте мне несколько минут покоя!

Я сказал:

— Если бы речь шла обо мне, поверьте, я бы ушел. Но есть

нечто, что я должен узнать ради безопасности остальных. И мне нужна ваша помощь.

Она смотрела на танец отблесков на воде, переплетение синестальных нитей в гигантском ткацком станке. Потом с надеждой сказала:

— Вы ведь меня не знаете, и я вас не знаю.

И казалось, она этому рада.

Потом она осмотрела меня с ног до головы, сузив глаза, как покупатель, оценивающий качество товара. Приняла решение и неожиданно встала.

— Лучше побыстрее покончить с этим, — как бы про себя сказала она. И мне: — Пойдемте туда, где нам не помешают. Но не в мою каюту.

Я предложил свою лабораторию. По пути она держалась чуть поодаль, стараясь не прикасаться ко мне, и я чувствовал себя нечистым.

Как кошка осматривает незнакомое место, так и она осмотрелась, прежде чем сесть на стул. Она подозревала, что кто-то может нас подслушать, и это предположение мне не понравилось — и не только потому, что свидетельствовало об утрате доверия ко мне.

Она печально сказала:

— Если бы у меня был здравый смысл, я бы ушла отсюда до того, как станет слишком поздно.

И посмотрела на меня, словно я могу прочесть ее мысли и ответить. Я сказал:

— Мисс Бенсон, есть нечто такое, чего я не знаю, но должен знать. А именно: что стало с первой «Сьюзан Энн» и ее владельцем?

Она казалась одновременно заинтересованной и озадаченной.

— И из-за этого вы хотели меня видеть? — Она хрипло рассмеялась. — Доктор, вы и правда меня не знаете. А по тем мыслям, что вы вызвали во мне, я, пожалуй, и сама себя не знаю.

Я хотел заговорить, но она подняла руку:

— Нет, Росс, дайте мне закончить. Я... я ведь нравлюсь вам, не так ли?

Голос ее звучал задумчиво и печально.

Не следовало говорить, как она мне нравится. Я кивнул, не доверяя словам, иначе они могли бы выдать глубину моего отношения к ней. Если бы только она не была так богата...

— Тогда вы не хотите, чтобы мне было больно. А мне будет очень больно, если я не изложу свою позицию вполне ясно.

Она стала еще более печальной.

— Росс, вы что-то сделали со мной. О, не намеренно, но все равно сделали. Поэтому я вас и избегала. — И гневно, заметив, что я не понял: — И поэтому продолжаю избегать вас.

Я верю вам, Боже, да! Но не поэтому собираюсь кое-что вам

рассказать. Нет, недавно ночью произошло нечто ужасное... что-то такое, что открыло мне...

На мгновение меня охватил ужас — неужели Бенсон и ее заразил этой Ирсули? Но потом я кое-что вспомнил.

— Если вы имеете в виду то, что произошло между вами и Чедом... — Глаза ее широко раскрылись. — Я стоял за вашей дверью.

— Да? — Это прозвучало гневно, но она тут же успокоилась. — Но зачем, Росс, почему?

— Я хотел поговорить с вами о старом капитане.

Она сжала кулаки.

— Доктор, — сердито сказала она, — иногда мне кажется, что, несмотря на все прочитанные вами книги, вы ужасно глупы!

Я беспомощно ждал. Она постепенно успокаивалась, вздохнула.

— Ну, ладно... Росс, я хочу вам сказать кое-что, чего не знает даже Кертсон. Даже сам отец этого не знает. Я никому об этом не говорила, потому что боялась. Но случившееся той ночью послужило последней соломинкой. Я по-прежнему боюсь, и у меня для этого теперь больше оснований. Настолько боюсь, что рада возможности поделиться этим с вами.

Итак, вас интересует, что стало с первой «Сьюзан Энн»... и как встретил свой конец мой прапрадед! Я слышала, что старый капитан умер от сердечного приступа у себя дома, потом его торговая фирма была распущена, «Сьюзан Энн» продали, и семья переехала в Филадельфию. Но это вымысел, придуманный, чтобы прикрыть пятно на семейной репутации. Если то, что мы с Чедом обнаружили, правда. И, очевидно, это правда. А если это так...

Глаза ее, устремленные на меня, были нежны, как лепестки, чей цвет они хранили.

— Вы должны это узнать — и потом оставить меня одну!

Она гневно воскликнула:

— О, я ненавижу Чеда, никого никогда так не ненавидела! Если бы не он, все было бы по-другому! И я не влюблена в Майка, как он считает. Нет, Майк для меня как брат — если бы у меня был брат. Отец всегда полагался на Майка, словно это его сын. Но отец на это смотрит по-другому. Даже будь Майк на самом деле его сыном, он не считал бы его родным.

— Мактиг любит вас, — ревниво сказал я.

Она пожала плечами.

— Ну, ему не следует этого делать. Не очень это... правильно. Я слишком хорошо его знаю, чтобы любить. Мы не росли вместе, но у меня такое ощущение, словно росли. Он... не затрагивает меня. Чед меня любит, насколько вообще он способен любить... Он любит главным образом то, что я представляю — то есть деньги отца и его влияние, и что я могу для него сделать. Но я не могу любить их обоих:

Мактига и Чеда. Они так отличаются от того, что мне нужно. Они настолько... самостоятельны! Они такие... взрослые. Я слишком долго заботилась об отце, вот что нехорошо. Человек, которого я полюблю, должен быть похож на моего отца — такой же честный, упрямый и... всегда в глубине души — мальчишка.

Если Майк влюблен в меня, он никогда мне об этом не говорил. Если бы и сказал, я быстро привела бы его в чувство. С Чедом я пыталась обойтись помягче. Я была добра с ним, — Росс, никогда не совершайте этой ошибки! Это не доброта — поступать с кем-нибудь вопреки себе, обманывать его...

— Я это поняла, — продолжала она. — Если кто-то вас любит, а вы к нему равнодушны, он это как-нибудь переживет. Оттягивание разрыва, попытка уберечь от боли означает проявление какого-то чувства с вашей стороны, и со временем это приведет к худшему. Во всяком случае, это удерживает человека от увлечения кем-то другим. Росс, — сказала она, — если с вами когда-нибудь это случится, не совершайте подобной ошибки!

Я была добра к Чеду. Думала, что если он заинтересуется кем-то помимо меня, он меня забудет. Поэтому я позволила ему участвовать в любимом занятии отца — поиске потомков первого экипажа «Сьюзан Энн». Он надеялся собрать их и отправиться в плавание, которое во всем будет похоже на прежние дни. Это и есть наше плавание, — добавила она.

— Вы понимаете, Росс? Маленький мальчик хочет настоящий меч вместо деревянного. У отца достаточно денег, чтобы купить настоящий меч, — и теперь он может порезаться, если не будет осторожен.

В большинстве семей, которые мы отыскали, и не слыхали о Бенсоне — забыли. Но одна старуха спросила, не говорим ли мы о сумасшедшем капитане Бенсоне. Я подумала, что речь идет о каких-либо эксцентричных поступках, и спросила в присутствии Чеда о подробностях. Какая я была дура!

Женщина повторила то, что слышала от деда, отец которого был членом экипажа. На обратном пути от Америки «Сьюзан Энн» встретила попавший в беду корабль в районе коралловых островов Флориды. На нем двигались какие-то фигуры, но мачты были сломаны, а такелаж сорван.

Капитан подплыл в шлюпке и обнаружил на корабле несколько больных негров, вероятно, беглых рабов. Он послал за своим цветным коком — первым Слимом Бэнгом, — который знал африканские диалекты. Но болезнь так ослабила негров, что они не могли говорить.

Вот она, пятая версия истории Ирсули, возможно, первоисточник всех остальных!

— Капитан решил, что милосердно будет прекратить их страдания. Он потопил их вместе с зараженным кораблем. И почти тут же

пожалел об этом. «Сьюзан Энн» поплыла дальше, но капитан всю ночь расхаживал по палубе. А утром приказал повернуть назад, туда, где затонул корабль.

Конечно, от него не осталось и следа, но капитан приказал кружить на месте и ждать. Он сказал, что корабль появится, но тот не появился. Вероятно, капитан надеялся, что на деле не стал убийцей. Ведь то, что он сделал, он сделал по доброте. Он был религиозен и, вероятно, понял, что святотатственно возлагать на себя прерогативы Господа; посылая смерть, он посягнул на божественную власть и согрешил.

Плавание было долгим. Экипажу хотелось побыстрее домой. Кончались пища и вода. И хоть моряки восхищались своим капитаном, они не понимали, чем вызвана эта задержка. Он упрямо противился всем их разумным доводам, заявив, что они не уйдут отсюда, пока корабль не покажется на поверхности, потому что, сказал он им, часть его самого утонула вместе с тем кораблем. Он, конечно, имел в виду свою совесть. Но он сказал им слишком много или слишком мало. Они не поняли.

Нельзя их винить в том, что они взяли дело в свои руки. Капитана они заперли в его каюте. Он пришел в ярость, когда они повернули домой, угрожая им, нападал, когда к нему заходили. Несмотря на всю свою грубость, он был очень чувствителен, и, вероятно, то, что все обратились против него, страшно его расстроило. К тому времени, когда они достигли порта, он потерял рассудок. Часами сидел неподвижно, сложив руки, и бормотал что-то нечленораздельное.

Таким он был долгие годы. Бенсоны держали его взаперти, но иногда в его состоянии наступали улучшения. Тогда он прокрадывался в порт, обходил корабли один за другим, просил взять его на борт, предлагал большие деньги, чтобы его отвезли в район коралловых островов. Он стал посмешищем всего города, а вместе с ним вся его гордая семья. Поэтому они продали фирму и «Сьюзан Энн» и переехали, и больше о старом капитане ничего не известно.

Конечно, я посмеялась над этой историей. Чед тоже. Старуха рассердилась, что мы усомнились в правдивости ее деда, и выгнала нас. Но мы с Чедом осторожно и постепенно стали проверять истории всех семейств, которые десятилетиями не слышали друг о друге. Не во всех помнили спятившего капитана. Но кое-где нам рассказали то же самое.

Я тогда испугалась. Если это безумие, то оно может передаваться по наследству. И тогда игра моего отца — вовсе не игра, а первый признак душевной болезни. Множество мелочей, которые я считала просто идиосинкразией, теперь становились показателями растущего психического расстройства.

Я пришла в ужас — и не только из-за отца, а и из-за себя самой,

так как я находилась в его тени. Я не могла надеяться на любовь, на брак — на детей! Но он не должен узнать! Если он узнает то, что узнала я, шок может ускорить развитие болезни. Я пыталась отговорить его от поиска потомков первоначального экипажа. Не зная причины, он, естественно, отказался. Он слишком глубоко погрузился в привычки старого капитана, чтобы отказаться от них. Мечта стала его жизнью, и если бы я отняла ее у него, я стала бы убийцей.

Я возразил:

— Большинство форм психических отклонений не передаются по наследству.

Она мрачно ответила:

— В нашем случае могут и передаваться. Все наше имущество вложено в инвестиции. Удивительные инвестиции, иногда они кажутся безумными, но на самом деле они сделаны очень проницательно. И можете быть уверены, что отец их делал в роли старого капитана. Ему нравится быть хозяином, сознавать, что одно движение его пальца способно создать состояние, что от него может зависеть даже жизнь других людей. Он играл не только своей жизнью, но и жизнью тех, с кем вступал в контакт. Ну, а власть — это обязанность, а не игрушка. Мы, Бенсоны, кажется, никогда этого не понимали.

Она торопливо добавила:

— Поймите, ничего бесчестного в деяниях моего отца не было. Но некоторые его поступки были... странными.

Есть много недовольных, которые с радостью встретили бы сообщение о том, что мой отец безумен. Они подхватили бы этот слух, укрепили его, смогли бы порвать контракты с моим отцом и его агентами, к вящей своей выгоде. Поодиночке они беспомощны — вместе они непобедимы. А что касается меня, то я была бы уничтожена. Вы знаете, что могут сделать слухи. Никто не стал бы разговаривать со мной, даже если я предъявила бы миллион справок о своем здоровье.

Чед выказал свою подлинную сущность. Он поклялся, что любит меня настолько, что готов смириться с этим пятном. Он обещал никому об этом не говорить, не только посторонним, но и самому Большому Джиму — если я выйду за него замуж.

Если я откажу — что ж, он молод и честолюбив, и жизнь без моей любви мало что значит для него. Так он сказал. Но не настолько мало, чтобы он упустил такую блестящую возможность из-за каких-то угрызений совести. Что же мне оставалось, кроме как согласиться выйти за него замуж — и как можно дольше оттягивать брак, надеясь на чудо!

Я горячо воскликнул:

— Вы могли бы повидаться с Кертсоном!

— Я боялась, что если Кертсон попытается определить психическое состояние моего отца, тот заподозрит причину. И если он безу-

мен, все может сорваться безвозвратно. А если нет — что ж, мы ведь не знаем, насколько близка его одержимость старым капитаном к безумию. Старый капитан стал слишком важной его частью, чтобы он легко от него отказался. Отказ от части самого себя, даже если бы он сумел это сделать, сделал бы его старым, разбитым и опустошенным, у него не оставалось бы цели, для чего жить. Я люблю своего отца, Росс! Я не могла рисковать этим!

А в таком состоянии, как сейчас, он благополучно может дожить до старости. Неужели нужно этим рисковать? Так что я не стала встречаться с Кертсоном.

Майк не знает, что́ я узнала. Не знают леди Фитц и русский. И Сватловы. Кое-кто из экипажа слышал семейные рассказы, да и Чед с этими людьми подружился. Он утверждает, что это для того, чтобы держать их под контролем. Но я сомневаюсь! Чед своего не упустит. Я узнала, что он занимал деньги и вкладывал в фирмы, которые рады были бы свалить Бенсона. В любом случае Чед остается в выигрыше. А то, что я откладываю дату бракосочетания, испытывает его терпение. Так не может продолжаться вечно.

Если я откажусь от своего обещания выйти за него замуж, он может объявить, что Большой Джим безумен, приведет свидетельства этого. Он может получить их у экипажа, особенно если подтолкнет Большого Джима к каким-то неосторожным — предпочтительно преступным — действиям. А вы ведь знаете характер отца! Поэтому я должна поддерживать у Чеда уверенность, что выполню свое обещание. А теперь добавилось еще кое-что...

Она укоризненно взглянула на меня, отвернулась.

— Теперь мне будет гораздо труднее. Да и раньше было нелегко. Поэтому мне хочется поверить в теорию отца, что духи могут вселяться в нас и нас использовать... Она бы все решила.

И серьезно:

— И еще одна трудность. Чтобы поверить в нормальность отца и собственную, я должна поверить в самое невероятное. О, Росс, я почти схожу с ума!

Поэтому я и пришла к вам в тот вечер, когда отец принес колесо со старого корабля. Я хотела кое-что выяснить у вас. Вы подбодрили меня, сказав, что его поведение не обязательно вызвано безумием. Но вы меня и обеспокоили, потому что отбросили всякое упоминание о колоколе и дудке и о странном поведении Майка. Вы намекнули, что я уравновешена и практична. Я не больше вас хочу верить в духов — а только это ведь все объяснило бы. Но разве есть у меня доказательства существования духов? Разве я встречалась хоть с одним из них?

Она помолчала. Потом как будто чему-то удивилась, что-то поняла.

— Вероятно, я всю жизнь прожила слишком близко к реке, чтобы

увидеть воду! Возможно, я жила... с призраком! Может быть, тот, кого я считала отцом, — это маска, а под ней старый капитан!

Я резко прервал ее:

— Мисс Бенсон! Пожалуйста!

— А что такое, в сущности, призраки? — вызывающе спросила она. — Леди Фитц упоминала, что это души мертвых, вернувшиеся, чтобы завершить недоконченную работу. Но ведь вы не верите в души? Хотя всех нас с самого детства учат в них верить. Вместо того, чтобы запугивать бедных малышей, почему бы религии и науке не пойти вместе?

Я сказал:

— Я не верю в призраков в том смысле, что они представляют личности, тела которых погибли. Но я верю в силу ассоциаций, которые иначе называются воспоминаниями.

— Но вы ведь никогда не видели мысль. Распилите человеку череп, и я гарантирую, что вы не найдете там ни одной мысли. И душу не найдете. Но в одно вы верите, а в другое нет. Почему?

— Потому что я видел мысли: тело проявляет их в действиях.

Она продолжала:

— Вы не знаете мои мысли, кроме того, что открывают мои слова и действия. Если я неподвижно лежу, но мозг мой напряженно работает, вы не можете понять это. Конечно, если только вы не способны к телепатии.

— Вы знаете о мыслях не больше, чем об электричестве, — ответил я. — И то, и другое — нематериальные силы, но они тем не менее подчиняются физическим законам. Даже сегодня никто точно не может сказать, что́ такое электричество — но мы умеем создавать его и использовать.

В науке, известной как психиатрия, — продолжал я, — вы можете переоформить свои мысли в соответствии с вашими желаниями — чисто физически, через произносимые слова. Эти слова, которые из колебаний воздуха снова преобразуются в мысли, воздействуют на мой мозг. Очевидно, что духовное — психическое, умственное, называйте как угодно — должно быть выражено в материальном мире материальными средствами.

— Если исчезает тело, почему не может остаться душа? — возразила Пен. — Можете вы доказать, что она тоже исчезает? Но если она продолжает жить, у нее нет физических средств, чтобы заявить о своем существовании, и потому в материальном плане она остается незамеченной. Только особо чувствительные воспринимают ее эманации. Я имею в виду спиритов, медиумов и им подобных.

Я ядовито возразил:

— Мне кажется странным, что только сверхчувствительные и истерические личности, вроде леди Фитц, могут видеть фантомов и об-

щаться с ними. Получается, что умершие показываются только невротикам и психопатам. Все это свидетельствует против загробной жизни, а не за нее.

Она спросила:

— Значит, призраки леди Фитц — всего лишь галлюцинации? Несуществующие выдумки, о которых сообщают расшатанные чувства?

Я кивнул, соглашаясь.

— Но, Росс, разве не верно то, что когда какое-то чувство поражено болезнью, обостряются все остальные? Я не очень сведуща в медицине, но слышала о слепых, слух которых феноменально обострялся после потери зрения. Настолько, что они воспринимали колебания сверхзвукового диапазона, которые нормальный слух не воспринимает. Вы знаете, это доказано приборами, которые такие колебания регистрируют.

Известно и то, что слепые воспринимают световые импульсы, недоступные зрению. Я имею в виду инфракрасные колебания, которые мы с вами можем воспринять только при помощи специальных приборов.

Я согласился:

— Да, несколько таких случаев описано. Но вспомните о миллионах искалеченных, чей порог восприятия так и не превысил обычного.

— Да, — ответила она, — но, может, они все же способны видеть, слышать, чувствовать нечто, нам недоступное. Только доказать это невозможно... Вы не верите, но я хочу верить. Вернемся к старому капитану и его жизни после смерти.

У него не было тела, чтобы как-то показать, что он жив. Я готова признать, что призрак не может управлять материальными телами, иначе старый капитан взял бы карандаш и написал письмо.

Поэтому призракам необходим посредник, медиум, чтобы выйти в реальный мир. Или нужно чье-то тело, способное совершать физические действия — как старому капитану потребовался Большой Джим. А он с удовольствием предоставил свое тело.

Я предупредил:

— Осторожнее, мисс Бенсон. Ваши аргументы должны доказывать нормальность вашего отца, а не наоборот. А если духи овладевают теми, у кого расстроены чувства, тогда ваш отец все равно нездоров, физически или духовно.

Она спросила:

— Безумна ли леди Фитц, если у нее такие странные верования? Или Дебора, потому что изредка заглядывает в будущее? Или Майк, который временами видит то, чего не видит больше никто? А позднее оказывается, что он прав! Доктор, вы сами признали, что некоторые люди ставят науку в тупик.

И она торжествующе заключила:

— Поэтому Большой Джим не обязательно безумен. Он всего лишь одержим!

— Но почему старый капитан довольствуется его телом? — спросил я. — Почему не поселился... например, в вашем?

Она улыбнулась.

— Во-первых, Росс, я девственница. Вы знаете верования насчет девственниц. Ничто извне не может повредить им или овладеть ими, как бы ни старалось. Страдают те, кто рядом с ними. В легендарные времена, когда нужно было победить дракона или приручить единорога, всегда это делали девственница или девственник: непорочная дева или безупречный Галахад. В этом смысл истории девы и чудовища. Да вы ведь и сами девственник, — безжалостно добавила она.

Это была правда, и тем не менее я покраснел. Мои родители были пуритански строги. Я до конца юношеских лет не испытал любви. В медицинском колледже я предпочитал постигать науки, необходимые для будущей профессии, чем участвовать с другими студентами в ночных поисках чувственных удовольствий. Физически и умственно я вырос, но что касается любви — остался подростком. И был очень чувствителен к этому.

— Во-вторых, — продолжала Пен, — капитан любил соответствие во всем. Он был мужчиной, и ему трудно было бы стать женщиной. Определенные физические... различия мешали бы ему и отнимали время. Я уверена, что призрак выбирает тело, как можно более близкое к своему прежнему. Возможно, это еще одна причина, почему люди не замечают, что рядом живут духи. Призраки вселяются только в тех, кем могут управлять, в людей, похожих на них самих. И одержимые верят, что это их собственные мысли.

Если вы изучаете жизнь, то обязательно заметите, что подобное с подобным взаимно притягиваются. Это нелегко заметить, я согласна, но если вы добры, в конечном счете ваша доброта вернется к вам. Но если это справедливо физически, то справедливо и духовно. Неверен закон, который не является всеобщим.

Вернемся к капитану. Он не мог ощущать мир после утраты своего тела. Физическое сходство моего отца с ним помогло, а желание отца во всем подражать капитану сделало его идеальным медиумом, который не только широко открыл ворота для духа, но буквально притягивал его. Я говорила вам, что это плавание роковое, а теперь, после этого разговора, понимаю, почему.

Если старый капитан живет в мозгу моего отца, — а он там, — он мог принести с собой не только сведения из прошлого, но и знания о загробной жизни. Люди считали его безумным, и он может захотеть доказать, что это не так. Реабилитировать свое имя, да, но также имя моего отца и мое.

На корабле, который потопил старый капитан, было еще что-то,

кроме больных негров, я в этом уверена! Думаю, — она поколебалась, потом решительно сказала: — Я думаю, там было черное колесо! Тот остов в дюне и есть тот самый корабль!

Она наклонилась вперед; более прекрасной я ее не видел с момента отплытия из Майами. Как солнце, прорвавшееся сквозь облако, бросает золото на воды, так и надежда, пробившись сквозь уныние, сделала ее сверкающей. Она схватила меня за руки.

— О, Росс, я так рада, так рада, что вы заставили меня сюда прийти, хоть я этого не хотела! В разговоре с вами я сама все поняла яснее. Теперь я вижу всю картину! Почему отец был так резок с Майком на старом корабле, почему говорил о влиянии на меня? Он боялся, что если мы что-то узнаем, то разрушим планы старого капитана! Да ведь он, должно быть, знал все с самого начала. И ничего не надо было обещать Чеду! Все изменилось, — ее глаза смягчились, и соответственно смягчилось мое сердце, — и теперь — о, как я рада, что мы поговорили!

Я тоже должен был бы радоваться, но не радовался. Теперь я знал, почему Бенсон гипнотизировал леди Фитц, Мактига и остальных, не исключая и Пен. Из всех обманщиков в мире самые опасные — безумцы, потому что нормальный ум не в силах распутать планы искаженного сознания. А я больше не сомневался, что Бенсон безумен и потенциально опасен. Одержимость духами, разумеется, исключалась.

Для него роль капитана вначале была средством убежать от действительности; он играл ее так хорошо, что полностью сжился с нею. Находка старого корабля и колеса дала ему возможность навязать другим те же галлюцинации, что преследуют его. И теперь те, остальные, уже не могут подвергать его критике.

Я сказал:

— Разве не кажется вам странным совпадение, что ураган забросил нас именно на этот остров со старым кораблем? Я могу понять естественные причины, по которым выбросило на берег тот корабль, но никак не могу поверить, что Большой Джим в облике старого капитана случайно нашел его. Вероятность этого бесконечно мала.

Она ответила:

— А я могу. Если призраки существуют, почему бы им не управлять другими силами? Разве не возникали на сеансах холодные ветры, огоньки и звуки? Электрические возмущения? Мы с вами физические существа и можем управлять физическими объектами. Почему же ими не могут управлять другие силы? Именно призрак капитана породил ураган. Он рассчитал все так, чтобы корабль отнесло к острову. Он сознательно разбил штурвал «Сьюзан Энн», освободив место для черного колеса. Очевидно, он не был уверен в своей власти над Большим Джимом и не хотел рисковать. А может, отец не поверил ему и потребовал доказательств.

Я снова подумал об «образованных ветрах» Мактига, о его утверждении, поддержанном леди Фитц и Флорой, что и буря, и призыв были делом Рафферти и Ирсули. Предположения Пен слишком хорошо со всем этим совпадают. Либо, как я уже предполагал раньше, это был какой-то грандиозный розыгрыш, либо Бенсон загипнотизировал свою дочь, как и всех остальных.

Пен сказала:

— Я знала, что с колоколом и пересвистом что-то неладно, я чувствовала что-то странное в колесе! Я уверена, что вы тоже это чувствовали. Старый капитан когда-то тоже испытал то же самое, испугался и поэтому потопил корабль. Он был храбрый человек, Росс, и то, что испугало его, должно было быть... ужасным!

Росс, руки старого капитана тоже вырезаны на колесе! Они так похожи на руки отца, что я их сразу узнала. Как будто это... тени рук моего отца. Теперь я понимаю, почему я боялась колеса. Но тогда я не могла сказать об этом ни вам, ни кому другому. Вы все посчитали бы это простым совпадением.

Капитан потопил корабль, но не уничтожил колесо, которое так испугало его. Помните, он сказал, что часть его утонула вместе с кораблем, та часть, что называется совестью и которую вы определяете как психологическую эманацию души. Если бы корабль всплыл, капитан мог бы вернуть себе утерянное.

Тело капитана умерло, но его душа... или сознание... переходит на следующую ступень духовной эволюции. Его удерживает колесо: он должен исправить свою ошибку, но для этого ему требуется тело. Он использовал моего отца и заполучил черное колесо!

Я сказал:

— Прекрасно. Теперь он отправится на отдых, завершив свое дело, и Большой Джим снова станет самим собой.

Ее губы гневно скривились.

— Не так-то все просто! Колесо — это только начало. Он должен доказать, что он — не сумасшедший. С теми людьми, которые объявили его безумным, он этого сделать не может, зато может с их потомками: а это почти то же самое. И кто знает, кто смотрит глазами этих потомков?

Теперь вы понимаете, почему это плавание было роковым! Отец пригласил ее милость, Бурилова и Сватловых с определенной целью: ему казалось, что они его забавляют; но и за этим стоит капитан! Он увидел в леди Фитц и остальных нечто, что он мог бы использовать, чего нет в среднем человеке — в членах экипажа.

Утрата колеса означала для капитана невыполненный долг. Но и для владельцев колеса она означала то же самое! Капитан должен был заплатить за свой грех. Но возврат колеса — это не полная расплата.

Он должен также найти для тех негров новые тела, чтобы они могли завершить свое дело!

Я покачал головой, удивляясь, как здравомыслящая и красивая девушка может всерьез говорить о таких фантазиях, и сказал:

— Допустим, ваше предположение истинно и оккультные законы, на которых оно основывается, тоже. Разве капитан не помогает одним за счет других? Он отнимает у леди Фитц и остальных их место в жизни и отдает их тела в распоряжение призраков. Подобное притягивается подобным, и если леди Фитц и другие захвачены призраками, то лишь потому, что сами этого захотели — сознательно или бессознательно. Они приняли то, что ожидало их: они поддались влиянию, которое в той или иной форме было на них оказано. Капитан только организовал эту встречу. Он не более ответственен за результаты, чем агент, познакомивший покупателя и продавца. Решение принимают они сами, а ему хватит и комиссионных.

— А я уверена, — возразила Пен, — что леди Фитц не станет вести дел с духами без гарантий с их стороны. Она весьма расчетлива, и не могу себе представить, чтобы она сделала что-то, не заключив надежный контракт.

Я вспомнил утверждение Флоры — в роли Ирсули, — что те, кто отдаются, получают награду.

Теория Пен, несомненно, решала все загадки, но моя — тоже, и моя к тому же основана на практике.

Я спросил:

— И кому, кроме меня, вы поведали свои догадки?

Она рассмеялась:

— Забавный вопрос, Росс. К чему мне о них рассказывать?

— Но если ваша догадка верна, что же тогда помешало отцу довериться вам с самого начала?

— Ему неизвестно, что я знаю о предполагаемом безумии старого капитана. Он, вероятно, подумал, что рассказ испугает меня — все это так фантастично, так близко к сумасшествию! Возможно, он считает, что сначала должен получить доказательства. Потом расскажет.

Я чувствовал, что все это слишком изобретательно, чтобы быть ее собственными мыслями.

— Скажите, когда ваш отец увидел, что вы боитесь колеса, не спрашивал ли он вас, что вы в нем видите?

— Да, спрашивал. Но тогда я была слишком взволнована, чтобы отвечать. А теперь могу.

Неожиданно она покраснела.

— Еще один странный вопрос, Росс. Почему вы решили, что отец должен спрашивать, что мне не нравится в колесе? И почему вас так интересует, не рассказывала ли я кому-нибудь о своих теориях?

— Вряд ли это разумные теории, — сказал я. — Могут подумать

о... — я со значением помолчал. И вместо того, чтобы ослабить ее сомнения, усилил их.

— Странные вопросы и странные ответы, — проговорила она. — Вы не верите в призраков, поэтому за вашими вопросами должно скрываться что-то другое. Что, Росс?

Я не решился ей ответить, что Бенсон пытается доказать свою нормальность, сводя с ума других.

Она спросила:

— Почему вас заинтересовало, как умер старый капитан? Почему вы спросили меня, а не самого Большого Джима? Что он сделал такое, что вас заинтересовало?

Я начал говорить, но она взмахом руки заставила меня замолчать, сжала руку в кулак, оперлась на нее подбородком, размышляя.

— Я пытаюсь рассуждать, как вы, Росс. По-научному. — Она распрямилась. — Мне кажется, что я понимаю ваши заключения. Либо отец сделал что-то... нерациональное... в вашем присутствии, либо вы об этом услышали и хотите проверить. Вероятно, он сделал это, будучи старым капитаном, и это связано с колесом. Вы спросили, рассказывала ли я кому-нибудь о своих мыслях, — значит, они вам знакомы. Но кто, кроме меня, мог об этом догадаться? Только тот, кто установил контакт... я поняла! Флора! Мы все заметили, что ее рассуждение об Африке немного странное. Но вы не верите в призраков, следовательно, вы подумали...

Она побледнела.

— О Боже! Вы решили, что отец все-таки сошел с ума, он порабощен собственными галлюцинациями и теперь взялся за меня! И за Флору тоже! А может, и за остальных! Безумие любит общество, верно? Так вы подумали? Отвечайте!

Я удрученно ответил:

— Я не знахарь, я не умею лечить заклинаниями. Прежде, чем действовать, я должен понять мотивы. И я должен строить свои заключения на фактах, а не на суевериях.

Теперь уже она вспыхнула от гнева.

— Вы знаете, что у человека одна голова, и если бы встретили двухголового пациента, то, скорее всего, предпочли бы, чтобы он умер, чем признали свою неправоту. Ну так вот: я верю в то, что рассказала вам, и случай с Флорой это доказывает! И вы ничего не предпримете против моего отца и старого капитана, слышите?

Она вскочила и быстро пошла к двери; я заторопился вслед за ней. Она не должна сообщать о моих намерениях Бенсону. Один Бог знает, как он расправится со мной, если подумает, что я могу помешать его безумным замыслам!

— Мисс Бенсон, пожалуйста, дайте мне время...

Она остановилась.

— Время? Вам оно не понадобится! — Она рассмеялась, но смех ее был похож на рыдание. — Я боялась идти сюда. Боялась, что не сдержу обещания, данного Чеду. Доктор, вас это может удивить или позабавить — но я сообразила, что влюблена в вас!

Я был ошеломлен, почувствовал одновременно и радость, и досаду. Должен признаться, я с самой первой встречи... полюбил ее.

— Мисс Бенсон... Пен...

— Я предпочитаю первое... — сказала она, всхлипывая. Я попытался привлечь ее к себе, не веря, что чувства ее изменились за такое короткое время, и решил, что поцелуй ослабит ее сопротивление... но она презрительно отвела мои руки:

— До свиданья, доктор.

И ушла.

18. ЛЕГЕНДЫ О КОЛЕСЕ

Не знаю, сказала ли Пен отцу о моих подозрениях, но в следующие несколько дней он отказывался принять меня, соблюдая только правила вежливости. Пен не только холодно избегала говорить со мной, но и жестоко издевалась, проявляя повышенное внимание к Чедвику. Впрочем, Чедвик был не настолько наивен, чтобы выдать свое удивление или проявить радость.

Мактиг, пришедший ко мне, подскочил от звука, которого я не слышал.

Значит, правда, что для контакта с духом Ирсули нужно ослабить одни и усилить другие чувства?

Вторжение личности Рафферти по-прежнему беспокоило Мактига. Теперь, вопреки моим уговорам, которыми я пытался ослабить гипнотическое внушение Бенсона, Мактиг верил, что Рафферти — действительно дух, лишенный тела.

— Я так устал от его постоянных появлений и исчезновений, что готов ему временно доверить руль. Хоть немного отдохну. Если он примет. Но теперь я понимаю, что как бы я ни поддавался, полного контроля он никогда не получает.

Он постучал себя по груди:

— Это мое тело, и в нем развилась моя личность. Рыжий может использовать и тело и личность, но только если они частично совпадают с тем, что принадлежало ему. «Одного поля ягоды», понимаете? Только Рыжий и я не очень-то похожи, и совпадений слишком мало. Я не могу угадать, когда ему придет в голову нанести визит, захватить контроль и превратить меня в послушное орудие. Я принялся рассказывать преподобному анекдот, а закончил рассказом о кораблекрушении, в котором принимал активное участие — да еще и во времена Георга Первого! К счастью, тот решил, что я его разыгрываю.

— Если это вас беспокоит, почему бы вам не избавиться от Рафферти?

Мактиг отвел взгляд.

— Не могу, — наконец неохотно признался он. — Я знаю, вы подумаете, что я спятил, но... помните, я вам рассказывал, что увлекся Бриджит? Она все время ждала Рыжего, и я обещал ради нее помочь ему вырваться.

— Помочь вырваться? Но как? Куда?

— Разве вы не помните, что он застрял на этом свете, пока не коснется сокровищ?

— А, да, сокровища, затерянные на далеком острове, совсем как в «Морских бродягах». Вероятно, Рыжий отведет вас к ним?

— Я знаю, как туда попасть, — упрямо ответил он.

— Вам кажется, что вы знаете, но вы ничего не можете доказать, разве что сами проверите. А как вы собираетесь уговорить капитана Бенсона сделать крюк, чтобы попасть на остров Рыжего?

Он вспыхнул.

— Это все время меня гложет. Я не смею рассказать капитану о Рыжем. Он решит, что я либо спятил, либо разыгрываю его, используя его собственную одержимость.

Забавно, если учесть, что именно Бенсон запихнул личность Рафферти в голову Мактига! И как хитроумно поступил Бенсон, внушив Мактигу этот страх! Теперь вся ответственность за призрака лежит исключительно на Мактиге...

Ирландец тем временем продолжал:

— Я думаю, что, если удастся, сумею уплыть на катере, как непослушный мальчишка. А оказавшись вне поля зрения, найду время поиграть в пиратов и повернуть катер к острову Рыжего...

Я сказал:

— Не выйдет, Майк. Впервые разгадав игру капитана, я попытался уговорить его отправить леди Фитц и Бурилова на острова Кокос. Капитан отказался. Сказал, что не пойдет на это ни при каких обстоятельствах. — И прежде, чем Мактиг смог сделать какие-то выводы из этого утверждения, я атаковал: — Скажите, как умер старый капитан?

Он удивился, но ответил:

— От сердечного приступа. После того, как его фирма и корабль были проданы и семья уехала из старого дома, он утратил интерес к жизни. Это его и убило.

— Вы считаете, что это был тот же человек, который потопил колесо и Рафферти?

— Конечно.

— Бенсон уже бывал в этих водах?

— Да, недавно. А что?

Я подумал, не спрятал ли Бенсон в тот раз здесь золото и драгоценности, чтобы потом открыть их. У него достаточно денег, чтобы удовлетворить такой каприз. Вероятно, первоначально им руководило стремление к драматичности. А возможность найти спрятанные сокровища позволяла добиться исключительного театрального эффекта.

Я спросил:

— Вы были с ним, когда он здесь плавал?

— Нет. Я был дома, вел его дела. А в чем дело?

— Майк, анализируя ваш сон о Рафферти, я считал, что стою на верном пути. Теперь у меня другие соображения, но я бы не хотел излагать их вам. Это имеет отношение к капитану и это... не очень приятно. Но для меня имеет смысл.

Он долго смотрел на меня, наконец сказал:

— Вы знаете, я преклоняюсь перед старым стервятником. Но можете быть уверены: как бы плохо это ни прозвучало, я с вами не подерусь. И буду держать рот на замке. Вы желаете ему добра, хотя, возможно, немного заблуждаетесь.

Я рассказал ему обе версии — Пен и мою, опустив лишь договор Пен с Чедвиком; я считал, что это вызовет открытое столкновение. Потребуют объяснений, а это приведет как раз к тому, чего я хотел избежать — к сомнениям насчет рассудка Бенсона. Я любил Пен и стремился защитить прежде всего ее, когда защищал ее отца. Следовало любой ценой поддерживать его репутацию, пока мы не вернемся в порт и не отделаемся от Чедвика и всех остальных.

Версию Пен Мактиг выслушал с удивлением, но сопровождал одобрительными кивками. Слушая мою, ерзал и хмурился.

— Боже, — сказал он, когда я закончил, — либо капитана серьезно недооценивают, либо он хуже Калигулы и Ивана Грозного вместе взятых! Но я его знаю, доктор: возможно, он ужасный хвастун, но не маньяк-самоубийца. Поэтому я скорее на стороне Пен. И чем больше думаю, тем больше склоняюсь на ее сторону.

— Лиззи Борден[1] считалась образцовой девушкой, пока не прикончила пару больных стариков, — предупредил я. — Вас ослепляет ваша привязанность к Большому Джиму. К тому же, вам нравится Рафферти, поэтому вы говорите о нем сентиментально-романтически. Мы верим только в то, во что хотим верить.

Он улыбнулся:

— Этот маленький афоризм — обоюдоострое оружие, док. Не смотрите на меня так: может быть, вы и сами порезались. А что касается привязанности, мешающей мне трезво взглянуть на Большого

[1] В 1892 году в городе Фолл-Ривер ее обвинили в убийстве отца и матери, но оправдали по суду. Тем не менее в Америке она стала символом убийства и героиней ряда литературных и музыкальных произведений. *(Прим. перев.)*

Джима, — вы знаете, я вас считаю одним из нас. Так что вы почти равны с капитаном. Вернее, — он запнулся, — были почти равны.

Я успокаивающе сказал:

— Я не виню Большого Джима за деяния старого капитана. Он мне всегда нравился, но — как Большой Джим.

— Не отступайте, док, или понравитесь мне еще меньше. Ведите свою линию: по-своему вы правы. Но и капитан тоже — по-своему. Но кто на самом деле прав: вы или он? Все в мире считают, что именно они правы. И именно это причина войн, но не мира.

— Я основываюсь на общепринятых фактах, — с достоинством сказал я. — А теория Пен — всего лишь безосновательное предположение.

— Не горячитесь, док. Факты? Да, кое-что вы знаете. Но не все. А как, не зная всех фактов, получить верный ответ? Наука убеждается ежедневно, что возможно такое, что еще полвека назад считалось нелепостью. И не признает ли она спустя полвека то, что отвергается сегодня? Вот идеальная возможность проверить ваши факты. Если Пен права и капитан заклят колесом, мы найдем сокровища. Если нет, я сниму перед вами шляпу. Но, док, если вы окажетесь неправы, хватит ли у вас мужества признаться в этом?

Я ответил:

— Если я прав, никакого сокровища нет. Капитан хочет доказать, что он нормален, за ваш счет, и ему нужно подчинить вас полностью. Поверьте в сокровище, и вы будете выполнять его приказы. Возможно, они не приведут вас к смерти, но заставят вести себя очень ненормально.

Он беспокойно заерзал.

— Оглядываясь назад, я думаю, что поведение Большого Джима на старом корабле доказывает: в тот момент он был старым капитаном, — признал он.

— Оглядываясь назад, — ехидно повторил я, — я думаю, что Большим Джимом руководила алчность и желание развлечься. Но потом он увидел колесо, осознал его потенциальные возможности и разработал свой безумный план.

Мактиг спросил:

— И что вы собираетесь делать? О, я буду молчать. Но ни в чем, что может причинить ущерб капитану, помогать не буду. Идея с гипнозом ваша, вы ею и занимайтесь.

— Нужно как можно скорее увезти Бенсона домой. Там мы очень тихо и незаметно переместим его в такое место, где за ним можно будет наблюдать. А пока я должен удерживать всех жертв подальше от него, пока он не вовлек их в действия, опасные для них самих. Я намерен противопоставить его внушению собственное. Я скажу леди

Фитц, Бурилову, Сватловым и Слиму Бэнгу, что капитан болен заразной, но не очень опасной болезнью.

— Ну, что ж, это ваша идея, — повторил Мактиг.

Вскоре он ушел, а ко мне заявилась леди Фитц.

Она пожаловалась, что сны об Ирсули повторяются.

— Мне кажется иногда, что жрица действительно дух и хочет полностью овладеть моим телом.

Я подумал, что́ может сделать с ее милостью возможность обладания сокровищем.

Леди Фитц сказала:

— В такие моменты бывает, что моя личность полностью исчезает и через мои глаза смотрит Она. Это ужасное чувство! Но сила молитвы, мой добрый доктор, изгоняет ее. Я напоминаю себе, что Бог создал мое тело, что я — часть Господа и потому это тело принадлежит Богу. Но если она и дух, доктор, то мне кажется, не злой. Может, я поступаю неправильно, когда противлюсь ей. В конце концов, — набожно добавила она, — мы все должны нести свой крест.

Очевидно, плащ жертвы имеет свои привлекательные стороны. Особенно если он вышит драгоценностями. Я посоветовал ей держаться подальше от каюты Бенсона и направился к Флоре. Когда я спросил, возвращались ли к ней сны об Ирсули, она вздрогнула, покраснела, и ответила отрицательно.

От нее я пошел к Джонсону и осведомился, когда мы сможем покинуть остров. Я сообщил, что тщательно осмотрел Бенсона и нашел, что сердце у него ослаблено.

Джонсон ответил коротко:

— Сможем выйти в море через несколько дней. Все перерабатывают, и положение может стать угрожающим. Вмешательство капитана Бенсона в ход работ действует на нервы не только мне, но и моим людям. И хотя я не одобряю ни его поведения, ни поведения моих людей, мой долг на корабле — сохранить мир. А долг для меня значит очень многое. Уверяю вас, я не меньше вашего хочу как можно быстрее убраться отсюда.

Он был прав: вмешательство Бенсона во все дела могло привести к серьезным неприятностям. Вскоре на носовой палубе произошло несколько драк: Перри сцепился с Коллинзом (стюардом в каютах), затем Коллинз — со Слимом Бэнгом.

К несчастью, вторую драку застал Бенсон. Он устроил суд, где Коллинз вызывающе заявил: обе драки произошли из-за его утверждения, что Бенсон спятил.

— Точно как ваш прадед, — мстительно добавил он, бросив красноречивый взгляд на Бенсона.

В лучших старинных традициях Бенсон приказал выпороть Коллинза. Джонсон возразил, сказал, что это незаконно. Бенсон послал все

законы в ад и сам набросился на Коллинза. Хендерсон и Маккензи удержали его, на несколько минут он действительно обезумел — и это при множестве свидетелей!

Если бы у Коллинза была возможность сбежать с корабля, он бы ею воспользовался. Джонсон отругал его и отстранил от всех обязанностей, которые могли столкнуть его с Бенсоном или его гостями.

Бенсону следовало бы уединиться, пока инцидент не будет забыт, но он, напротив, еще больше стал вмешиваться в работу, всюду выискивал недостатки, все сильнее ухудшал ситуацию. Лишь когда его люди ясно намекнули, что считают его выходки сумасшедшими, он заперся в своей каюте. Мактиг навестил его, и эти двое стали неразлучны. Пен тоже сторонилась всех. Я просовывал ей под дверь умоляющие записки, но не получал никакого ответа.

К ужасу рабочих, леди Фитц много пила и, будучи одержима Ирсули, вслепую бродила по палубе. Теперь, несмотря на все мои утверждения, она была уверена, что Ирсули — не сон. Она оскорбленно уединилась, заявив, что больна, попыталась включить в свой карантин Бурилова, но тот вскоре напился и переломал всю мебель в ее каюте, после чего был отправлен в свою.

Нарушения порядка привели к тому, что Джонсону пришлось поручить своим людям дополнительные обязанности. Это усилило недовольство. Однажды на нижней палубе я стал случайным свидетелем импровизированного обсуждения невыносимой развращенности богатых бездельников.

Нас ждали неприятности.

Я заманил Сватлова к себе в кабинет и попросил объяснить значение черного колеса в религиозных символах и украшениях. Я надеялся, что при этом раскроется, одержим ли он также снами об Ирсули или нет. В ответ преподобный разразился длиннейшей лекцией.

— Вера в круговое движение, — начал он, — в магию круговых символов восходит к говорившим на санскрите ариям незапамятного прошлого. От их племени происходят все современные индоевропейские народы. Они расселились от своей прародины в северных Гималаях, унеся с собой язык, обычаи и верования, которые отчасти дожили до наших дней. Поскольку они заселили весь земной шар, сейчас нет ни одной религии, где не присутствовал бы символ колеса.

Возможно, наиболее известное религиозное использование колеса мы встречаем в Тибете. Здесь молитвенное колесо называется «маничор-кхол» — «драгоценное молитвенное колесо». У индусов аналогично — дхарма-чарки, а у сиамцев — тамма чак. Это не «Колесо прошений», как обычно считают, а «Колесо восхвалений». Оно полое, и на нем написано: «Ом мани падме хум», что означает «Хвала Будде, драгоценности лотоса».

Тибетцы используют колесо в религиозных целях повсеместно: они делают надписи на своих водяных колесах, подвешивают вращающиеся от тепла колеса к своим печам, помещают колеса на улицах, где их касаются прохожие, заставляя вертеться. Вращение всегда по часовой стрелке, с востока на запад — по движению солнца. От их веры, что вращение колес вызывает вращение мира на своей оси, возможно, происходит наше выражение, что от лести кружится голова.

Есть также японское римбо, или «Колесо закона», и вайра, или «Колесо молнии» — у Вишну в Индии. Поклонение древнеегипетскому солнечному диску было введено в этой стране дравидским правителем Аменхотепом IV, чья мать была индийской принцессой.

Чакра-вайра Вишну-Спасителя представляла собой тонкий обруч с острыми, как бритва, краями; по приказу Вишну он прыгал ему в руки и потом летел, сея разрушения. Иногда это колесо изображается в виде свастики и называется «Крест джайна» или герметический крест. Иногда его изображают в виде колеса с двенадцатью спицами, которые символизируют знаки зодиака и свидетельствуют о его солнечном происхождении. Интересно отметить, что древние шотландцы сражались метательными камнями, те были круглые и на них были вырезаны двенадцать лучей.

Кодекс брахманов требовал, чтобы его последователи поворачивались всегда через правое плечо. Когда это последовательно проделывалось три раза, то становилось благословением и называлось «Дакшина». Индусы, даже готовя пищу, мешают ее всегда по часовой стрелке. Они по-прежнему совершают «прадакшина» вокруг дерева тулси, чьи темно-синие цветы посвящены Вишну. А некоторые брахманы верят, что если вращаться горизонтально на колесе, установленном на вершине столба, можно временно подняться на брихаспати, или высочайшее небо.

Старинное ирландское «dessel», шотландское «deas soil», древнеримское «dextratio» — все это благословение, совершаемое путем тройного обхода вслед за солнцем вокруг того, что нужно благословить. Такие обходы совершались вокруг церквей при бракосочетаниях, крещении и погребении. В Ирландии существует поверье, что упавший должен вскочить и трижды повернуться по часовой стрелке, произнося: «Deas soil», чтобы отвратить несчастье...

Я подумал: если бы это услышал Мактиг, он мог бы сказать, что дизели «Сьюзан Энн», по созвучию с «deas soil», должны были принести удачу.

Сватлов продолжал:

— В городах Шотландии есть обычай: жители трижды обходят свои дома с зажженными свечами в конце года, отгоняя злые силы. Тот же обычай, в несколько видоизмененной форме — носят бочонок с горящей смолой на носилках, — был распространен повсеместно на

Британских островах и назывался «сожжение Клеви». Это было средство против колдовства.

Кстати, этот обычай не только связан с аналогичной процедурой накануне дня святого Иоанна в Англии, Франции, Пруссии и России, но даже упоминается в «Электре» Еврипида. Во всех случаях тележное колесо обвязывают соломой, поджигают и скатывают с холма — это заклинание против злых сил.

От гэльского «tuath», или «налево и к северу» мы унаследовали «cartua-sul», или «tuathail» — так называется тройной оборот налево, против движения солнца. Повсеместно считается, что это дурная примета. Предположительно это проклятие. Человек, подвергнутый процедуре tuath, теряет разум, а в гэльском языке слова «правильный» и «неправильный» звучали как «dessel» и «tuathail» соответственно.

У многих европейских народов есть поверье, что феи передвигаются в колесах. И в зависимости от направления движения колеса эти феи добрые или злые. А американские индейцы считают, что великий Маниту передвигается во вращающемся торнадо.

В Древнем Египте поклонение солнечному диску началось при восемнадцатой династии. Солнце было провозглашено всеобщим божеством, благословляющим все создания. Хнум, бог с головой барана, который вылепил человека на гончарном круге, изображался в лотосе. Во всех древних цивилизациях: Вавилоне, Финикии, Карфагене, Риме и Греции — преступников приковывали к мельничным колесам. Они не только долгие годы вынуждены были ходить по часовой стрелке, но и приносили при этом практическую пользу — мололи зерно для своих надзирателей.

В греческих религиозных мистериях существует орфическое колесо реинкарнации. Есть миф о царе лапифов Иксионе, который домогался любви богини Геры и хвастал после своими достижениями, за что и был прикован к черному колесу в Тартаре. Гомер рассказывает в «Илиаде», что после смерти Патрокла Гектор приказал трижды обвести колесницу вокруг тела, прежде чем его сжечь. Когда был убит сам Гектор, Ахилл протащил его тело за колесницей вокруг стен Трои. В одной из пифийских од Пиндар рассказывает о жрице, превращавшейся в птицу, способную поворачивать кругом голову на плечах.

И сегодня в католической церкви можно отметить круговое движение колеса, когда священник поднимает потир на восток, юг, запад и север, символизируя тем самым, что весь мир принадлежит Господу. Круговое движение совершают церковные процессии в праздниках тела Христова, вознесения Господня, Святого четверга, Святой субботы и Доброй пятницы.

В соборах есть круглые окна — «розы», это по существу колеса. В Амьенском соборе на таком окне изображены человеческие фигуры: молодые, когда начинается подъем, и старые, когда идет спуск. Это

самое настоящее колесо жизни. В церквях Британии к потолочным балкам подвешивали колеса, увешанные колокольчиками и покрытые надписями; если потянуть за веревку, колеса поворачивались и предсказывали будущее.

В Библии Иегова передвигается в сопровождении огненных кругов — херувимов. Илия возносится на небо в огненной колеснице — mercabah древних иудеев, в сопровождении огненных ангелов в форме колес, символизирующих небесные светила. Падение Иерихона связано с круговым маршем Иисуса Навина вокруг его стен.

Эфиопские жрецы обходят вокруг алтаря, имитируя танец царя Давида перед Иеговой. В Эфиопии существует поверье, что если человек одержим дьяволами и все другие средства не помогли, его нужно в день святого Иоанна отвести на перекресток. Там вокруг него нужно трижды провести овцу, а потом принести ее в жертву во имя святой Троицы, кровью овцы нанести на кожу больного знак креста, тем самым излечив его.

Танец царя Давида, прыжки жрецов Ваала и танцы амазонок в греческих мистериях — все это одно и то же. Кружащиеся дервиши совершают свой оборот справа налево, чтобы достичь состояния экстаза, как и брахманы на своем колесе.

Существует легенда о Байт-аль-Маамуре — это четыре яшмовых столба, поддерживающих рубиновый купол. Он был создан Аллахом в раю. Вокруг него кружились в своих сверкающих одеждах ангелы, и это так понравилось создателю, что он велел устроить на Земле нечто похожее. Это Кааба, священный черный камень в Мекке, вокруг которого мусульмане совершают ритуальное обхождение. Но этот ритуал совершается слева направо, и полагается сделать не три обхода, а семь; и при каждом обходе притрагиваться к камню, как тибетцы касаются своих колес.

Древние галлы носили амулеты в виде колес; некоторые из них найдены в остатках домов озерных жителей Швейцарии. Они поклонялись бородатому богу по имени Сетар или Ситиврат. От него происходит наше слово суббота [1]. Изображения этого бога, найденные в основном на территории Франции, показывают его стоящим на большой рыбе, в правой руке он держит цветы, а в левой, высоко поднятой — колесо. Это отождествляет его с индийским Сатьявратой, которого Вишну в облике рыбы спас от наводнения, а Вишну обычно изображается с цветами на шее и с чакрой в своей четвертой руке.

Сетар был богом грома. На одном из изображений он окружен большим колесом, на спицах которого висят меньшие колеса, напоминающие перекатывающиеся по небу колеса грома у японцев.

Лю Шин, китайский бог грома — получеловек, полуорел. У него

[1] По-английски суббота — Saturday.

птичий клюв, когти на ногах, и кроме рук — еще крылья. В когтях он несет колесо грома, ударяя по нему своим скипетром.

Тор, бог грома скандинавов, также своим молотом идентифицирован с колесом. Его молот Мьолльнир изображается также в виде свастики.

Антропологи проследили верования ирландских друидов до их первоисточника — древнеегипетского культа Озириса, культа мертвых. В старинном ирландском сказании герой его Кухулин, предводимый огненным колесом, попадает к женщине-воительнице Скатах. А колесо это ему дает призрак Нуады Финнфала, бога солнца и света.

Что же касается ирландской легенды о Рот Рамах, или Гребном Колесе, то это вариант очень древней легенды о Рот Фэйл — Колесе Падения. Рот Фэйл — это колесо света того самого бога Нуады Финнфала. И связано с кораблем душ культа Озириса.

Солнце, восходя, приносит свет и новую жизнь миру. Нисходя на западе во тьму и смерть, оно перевозит умерших в загробный мир. Менгиры Стоунхенджа по форме напоминают колесо; алтари древних ирландцев представляли собой груды камней в форме корабля. Доисторические изображения в Ирландии показывают корабли, над которыми висит солнечный диск, напоминающий ладью Озириса. Загадочные упоминания уэльских друидов о стеклянном корабле Мерлина и хрустальной лодке короля Артура есть лишь пересказ легенды об Озирисе, и таковы же корабль смерти бретонцев, немецкий корабль про́клятых и призрачная колесница шведов.

Я спросил:

— А что это за легенда о Рот Рамах?

Сватлов ответил:

— Ирландский друид Мог Руит, узнав на родине все, что можно, отправился на учение к Симону Волхву, самаритянину, знаменитому колдуну и известному врагу апостолов.

Симон поклялся разоблачить чудеса Петра и Павла. С помощью Мога Руита он построил колесо Рот Рамах. Оно могло летать, как колесница Илии. Но в полете произошла катастрофа, и летающее колесо разбилось. Дочь Мога Руита вернулась в Ирландию с двумя обломками этого колеса, которые были установлены на вершинах каменных столбов. Рассказывали, что они ослепляли тех, кто на них смотрел, и убивали дотронувшихся. Передавая эту легенду, средневековые монахи перевели имя Мог Руит на латинский как «Раб Колеса».

Позднейшие версии исказили эту легенду. В легенде о святой Колумбии, например, Рот Рамах не колесо, а корабль. Подобно саням Тора, он движется и по воде, и по суше. Он не погиб, но из-за того, что им завладели злые люди, он должен двигаться вечно. В тот день, когда он остановится, свернет паруса и его злой экипаж спустится на землю, наступит конец света.

Я подумал: не отсюда ли заимствовал Бенсон все сведения об Ирсули?

Сватлов продолжал:

— Есть также легенда о колесе Будды. Когда он родился, в нем узнали всезнающего по изображению колес с тысячами лучей у него на ступнях.

Он вложил свои законы добродетельной жизни в колесо. Его спицы — это правила поведения; одинаковая их длина — символ справедливости; в ободе заключена мудрость, а в ступице — задумчивость и скромность. Сама же ступица насажена на вечную ось истины.

Когда Будда умер и должен был быть сожжен, его ученик Маха Кассапа и пятьсот братий трижды обошли вокруг погребального костра, кланяясь изображению колес на ступнях своего покойного учителя, и после этого костер вспыхнул сам по себе. И до сих пор в Индии принято трижды обходить вокруг погребального костра, и лишь потом зажигать его.

Но есть и еще одна версия смерти Будды, связанная с черным колесом.

Будда был рожден человеком, как вы и я. Он был богатым принцем. Но так велика была его жалость к несчастным, что когда они взывали к нему, он раздавал им все свое земное имущество.

И по мере того, как он отказывался от земных богатств, возрастало его духовное богатство. Он становился все легче и легче, так что в конце концов ступни его еле касались земли: мало что в этом мире удерживало его, но многое возвышенное тянуло вверх. Он был так чист и свободен, что легкий ветерок мог поднять его и унести, как паутинку.

Достигнув такого эфирного состояния, он понял, что его тянет вниз только сердце, отягощенное бедами собратьев. Понял он также, что, раздав свое земное добро, лишь усугубил участь людей, вместо того чтобы облегчить ее.

И поэтому он взял свое золотое сердце и вложил его в золотое колесо, воплотив в нем свой закон самоотречения. И пустил это колесо катиться по миру. И ничто не могло остановить его, пока оно не прокатилось по каждому дюйму земной поверхности, так что все люди могли его увидеть и постичь тропу к Истине.

И тогда, совсем утратив земную тяжесть, Будда вознесся на небо. Поднимаясь вверх в потоке света, он довольно улыбался: он видел, как, уменьшаясь с расстоянием, катится на восток его золотое колесо, разгоняя перед собой черные тени зла. И подумал, что отныне все будет хорошо в мире, который он покидает; что все души живущих соединятся с ним в раю.

И, думая так, ушел из земных пределов.

Удивительное золотое колесо докатилось до моря, погрузилось в

океанские глубины, пересекло океан по дну, распугивая рыб, и выкатилось с противоположной стороны. Оно покорило восток, повернуло на юг и одержало победу там; потом двинулось на запад и на север. И мир был обогащен мудростью Будды. Это был век добродетели, утраченный Золотой Век.

Но, увы! Без черного не может быть белого, без зла нет добра, без греха нет добродетели. Ничто не существует без своей противоположности.

Очень долго темные тучи зла отступали перед золотым колесом; но когда золотое колесо, казалось, завоевало весь мир, зло сжалось в плотную массу упругой тьмы, и у него больше не оставалось убежища.

Если бы золотое колесо столкнуло эту тьму с земли, зло ушло бы из жизни, но с ним ушло бы и добро, потому что одно не существует без другого. И человечество, лишившись того и другого, стало бы бессмертным.

Но упрямое зло нашло убежище в тени золотого колеса.

И вот, когда золотое колесо Будды покатилось в святилище, созданное для него последователями Великого, за ним катилось черное колесо и уничтожало все добро, сотворенное золотым! А когда золотое колесо остановилось, черное продолжало катиться по миру...

Вы слышали легенду о дочерях царя зимы, которые сидят на небе и ткут на вертящемся колесе зори и северные сияния? Подобно этому колесу, черное порождало повсюду отвратительные иллюзии и греховные сны. И вот, как и во времена до Будды, мир погрузился в грех...

Я спросил:

— Значит, вы считаете, что колесо капитана Бенсона — это отображение все того же символического колеса?

— Я заключаю, что это колесо судьбы, аналогичное колесам в бретонских церквях. Но, как я вам показал, все изображения колеса сводятся к одному и тому же — чередованию черного и белого, жизни и смерти, добра и зла. А это — как будто африканский вариант того же цикла. И в любом случае оно интересно как произведение искусства, каково бы ни было его символическое значение.

— А что символизируют эти руки?

Преподобный ответил:

— Их девять пар. Не стану углубляться в символику магических чисел — каждая цифра связана с мифом. Упомяну только девять служанок уэльской богини Керидвен, которые своим дыханием поддерживают огонь под ее котлом, а этот котел не что иное, как еще один символ солнца, связанный с культом Озириса. А что касается самих рук, то как глаз означает духовное начало, руки представляют собой средство, с помощью которого духовное овладевает материальным.

Левая рука — это наша судьба, правая — наша свободная воля. Вы заметили, что в нашем черном колесе во всех случаях левая рука держит запястье правой, а не наоборот?

Этого я не заметил. Он сказал:

— Возможно, каждая пара рук представляет того, кто умер, держа колесо, как делаются зарубки на прикладах ружей или рукоятях сабель.

— От ваших колес на колесах, доктор Сватлов, у меня голова закружилась.

— Но я лишь коснулся самой верхушки! — неодобрительно заметил он.

— Похоже, что ночью мне приснятся все эти колеса. А вам они не снились?

Но он не вступил на развернутый мной красный ковер. По-птичьи склонив голову, как курица прислушивается к незнакомому звуку, посмотрел на часы и вскочил.

— Я и забыл уже, который час. Мне нужно идти. Так приятно было... — Он выскочил, не договорив, и его торопливость подсказала, что тема снов для него запретна. Возможно, он опасался, что я посмеюсь над ними.

Вечером я стоял на палубе, глядя на матросов, работавших при свете подвесных ламп. Меня удивила Дебора.

— Я вас искала, доктор Фенимор. Ее милость сейчас расплачивается за свое распутство. В нее вселился дьявол, дьявол из колеса, о котором она так много говорит! Я видела его в ее рыжих волосах. Рыжий — цвет дьявола. Доктор, а может, этот парень Мактиг тоже красит волосы хной? Ее милость сама пригласила дьявола, скрыв подлинный цвет своих волос. И я чувствую, как дьявол грызет и мою душу. Но я не поддамся! Я не из числа про́клятых, он может грызть сколько угодно, но ничего не добьется. Мне не предначертано поддаться его злобе!..

Я отвел ее в тень, где нас никто не мог увидеть, и сказал:

— Мисс Бенсон считает, что колесо не действует на нее, потому что она девственница. Вероятно, вы опровергнете это, Дебора?

Она уселась на груде бревен.

— Ну, что ж, я благочестива, хотя, конечно, не девственница. Вы помните, как увидели меня в сугробе? Тогда приступ у ее милости не дал мне договорить. Сейчас я объясню.

В Глазго я вышла замуж за своего Алека. Он был беден, но оказался для меня хорошим мужем, только не хватало ему религиозности. Мы прожили пять лет и были очень счастливы. И до сих пор, наверное, были бы вместе, если бы не первый, кто вошел на Новый год.

— Первый, кто вошел? — переспросил я.

— Это не христианский обычай. На Новый год, как говорит старая вера, первым вошедшим в дом должен быть мужчина — с темными волосами и не с пустыми руками. А то, что он приносит, отвращает несчастья и предсказывает, каким будет грядущий год. И очень плохо, если первой войдет женщина или мужчина с пустыми руками, да еще светловолосый. Если так случится, можете быть уверены: Новый год не принесет вам добра. Разное бывает. Помню, как Джейн Коэн, старая дева, у которой не было знакомых мужчин, позвала своего пса Джока, сунула ему в пасть ведро с подарками и накануне Нового года выпустила за дверь. А потом он вошел и был первым, кто к ней зашел: самец, и не с пустыми руками.

Прошло четыре года. У нас заболел старый Доминик, и я присматривала за ним. Незадолго до Нового года я пошла домой, но снег шел такой густой, что не видно было даже окон соседних домов. Было предначертано, чтобы я заблудилась и не нашла вовремя дороги домой, так я позже и сказала моему Алеку. Дорогу замело, и вот когда я подошла к дому, колокол уже пробил двенадцать. И Алек не впустил меня.

Я напрасно звала его, говорила, что в такую ночь нам не дождаться первого входящего. Но Алек не впускал меня: ведь я была женщина, да еще с пустыми руками. И мне было очень холодно. Я сидела на снегу и чуть не замерзла. Там вы меня и видели своим вторым зрением, доктор Фенимор.

Я спросил:

— А почему Алек не мог выйти и тут же вернуться? Он сам стал бы первым вошедшим.

— Да, я ему это говорила, — ответила она. — Но он не обратил внимания. Он боялся простудиться, заболеть, и никто бы не выполнил его работу. Скуповат он был, мой Алек.

А холод становился все сильнее, — вздохнула она. — Сначала у меня онемели пальцы, потом ноги и нос. И я замерзла бы. А мертвая жена — большее несчастье для Алека, чем болезнь. Но Бог определил мне не такую смерть! Я снова позвала Алека, но он не слушал. Тогда я обошла дом и залезла через окно. Алек забыл его запереть.

Я вошла с пустыми руками, и, конечно, Новый год не принес нам добра. Алек простудился и слег, все наши сбережения ушли на докторов. И как же он обвинял меня! И тогда я дала клятву, что уйду и не вернусь, пока не заработаю столько денег, сколько мы потеряли.

И я стала служить ее милости. И предначертано, чтобы я не возвращалась к моему Алеку, пока не заработаю достаточно денег. Я докажу ему, что этот языческий обычай злой, принесу ему то, что даст

мне Господь, но не ее милость, — добавила она. — Мне платят меньше, чем я заслуживаю. А на корабле властвует дьявол, и вы сами скоро это увидите.

19. СТАТУЭТКА ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ

Джонсон закончил ремонт наружных повреждений «Сьюзан Энн» на день раньше им самим намеченного срока. Вряд ли его можно было обвинить в торопливости. Неприязнь между экипажем и Бенсоном грозила перерасти в открытую войну, и Джонсон решил, что работу внутри, под палубами, можно будет провести в море.

В самую последнюю минуту, то ли из прихоти, то ли ради драматического эффекта, Бенсон и Мактиг вынесли черное колесо и установили его на место. Потом Бенсон созвал экипаж и приказал всем пройти мимо колеса.

Воздействие колеса на тех, кто его раньше не видел, представляло большой клинический интерес. Я пожалел, что не могу разорваться, чтобы пронаблюдать все индивидуальные реакции на это зрелище. Я шел вместе с матросами, чтобы лучше видеть их лица.

«Дьявольская штука», — говорили они, и именно так оно и выглядело — очевидно, к этому времени все о нем уже слышали и гадали, почему Бенсон так тщательно его охраняет.

Насколько я знал Бенсона, он по-прежнему будет охранять колесо, чтобы никто не догадался о его гипнотическом воздействии и не попытался бы его использовать.

Матросы вполголоса обсуждали, из какого дерева оно вырезано и почему Бенсон тронулся из-за него. Короче говоря, безумное колесо для безумного капитана.

Как и в предыдущих случаях, колесо вызвало у меня шок. При виде его хотелось отшатнуться. Динамизм его очертаний бил по сознанию чуть ли не физически.

Я назвал его безупречным с точки зрения мастерства, но было в нем нечто большее. Работа была такой совершенной, что колесо казалось самородным. Нельзя было поверить, что его создали человеческие руки.

Нетрудно было вообразить, что в нем кто-то живет — Раб Колеса, и нужны самые поверхностные знания о гипнозе, чтобы этим воспользоваться.

Теперь я понимал, какое сильное воздействие может оказать на умы простых людей хорошо сработанный страшный идол. Задача высокого искусства — вызвать отклик в душе зрителя, а колесо это — высокое искусство. То, что его воздействие опасно, само по себе было плохо, но эта невероятная красота делала его совершенно невыносимым.

Лучше всего было его уничтожить, — и если старый капитан действительно когда-то его потопил, то лишь потому, что чувствовал то же самое, что и я сейчас. Но если бы передо мной встала задача лично уничтожить этот шедевр, я бы постарался избежать этого. Мне было бы легче голыми руками загасить костер, чем повредить черному колесу. Оно было как Медуза Горгона, взгляд на которую превращал смотрящего в камень. И мои впечатления, хотя и в более грубой форме, разделяло большинство людей на корабле.

Бенсон хотел, чтобы каждый коснулся колеса. Он провозгласил:

— Я объявляю соревнование, громилы! Тот, кто первым установит, из какого дерева сделано колесо, получит сто долларов.

Выглядел он сейчас старше, чем обычно. Что касается Мактига, то одежда на нем просто висела: в последнее время он ужасно похудел. Кожа стала сухой и желтоватой, и я не мог не вспоминать с ужасом о мумии в запечатанной каюте. Было ли это сходство случайным или намеренным? Добился он этого сам или то была заслуга Бенсона с его искусными внушениями?

Самозаточение благоприятно отразилось лишь на леди Фитц. Она казалась менее угловатой, но не потому, что поправилась, просто у нее изменилась осанка. Она больше не выглядела самодовольно-величественной, в ее скользящей походке появилось что-то привлекательное, впечатление чего-то легкого, воздушного.

Флора, и до того прекрасная, стала просто ослепительной, и многие о чем-то переговаривались, глядя на нее. Красота ее не была такой спокойной и классической, как у Пен; ее тело походило на сосуд из прозрачного хрусталя, в котором кипели силы циклона и вулкана. Она была как взрыв алого пламени в густых, насыщенных запахами джунглях, где пляшут черные, коричневые и пурпурные тени, где шепчется листва и танцуют под удары барабанов из змеиных шкур.

Глядя на Пен, я думал о Снегурочке: так хрупка и холодна, словно действительно была вырезана из тонко раскрашенного льда. Как будто я вижу только отдаленное воспоминание о ней.

Она бросила на меня холодный, вызывающий взгляд и, повинуясь воле Бенсона, подошла и притронулась к колесу, хотя пальцы у нее дрожали. Они дрогнули, когда она ласково коснулась черных рук, так напоминающих руки Бенсона, потом — двойников рук Мактига.

И, как будто она погладила руки их самих, эти двое одобрительно кивнули. Изменением внешности Мактига дело не ограничилось — в обычном состоянии он бы прежде всего постарался уберечь Пен от колеса.

Хладнокровие покинуло его, когда к черному штурвалу подошел Чедвик, но Бенсон сжал его руку и удержал. Чедвик на мгновение остановился, глаза его, черные, как само колесо, и такие же тревожные, вызывающе взглянули на ирландца. Он коснулся не рук, а спиц,

отдернул руку и сжал ее в кулак. И, сардонически подмигнув, отступил.

Преподобному Сватлову очень не хотелось подчиняться, но после умоляющего взгляда на Бенсона и красноречивого — на Флору, он неохотно последовал примеру Чедвика. Когда он отходил, уступая место другим, его круглое розовое лицо напоминало лицо ребенка, готового заплакать.

Бурилов галантно предложил руку леди Фитц и подвел ее к колесу. Я услышал удивленные возгласы англичанки — она была сама благопристойность. Она нагнулась и коснулась женских рук на колесе, взглянула на Бенсона с непостижимой улыбкой, как у знаменитой Джоконды. Если Бенсона и Мактига подчинили себе личности старого капитана и Рафферти, то леди Фитц попала под власть Ирсули.

Бурилов был нечеловечески точен в своих движениях и галантен, как византийский принц. Неужели, подумал я, он действует, как тот человек, которого называли глазами жрицы?

Флора оставалась прежней. Она потрогала резьбу на колесе неохотно, словно ребенок, чтобы угодить товарищу, гладит его ручную крысу. Посмотрела в поисках поддержки на Мактига и явно поразилась его худобе. При виде его мрачного равнодушия поджала губы. Один из стоявших со мной рядом прошептал, что она, должно быть, влюбилась в ирландца. Чедвик ободряюще улыбнулся ей из толпы. Потом она снова взглянула на Мактига, сузив глаза. Она размышляла, планировала... что?

Джонсон и Хендерсон небрежно осмотрели колесо, обменялись несколькими короткими замечаниями и подозвали Маккензи. Дебора оттолкнула их и спокойно взялась за колесо, уверенная, что судьба ее предначертана. Сто долларов! Больше двадцати фунтов!

Я удивился, увидев, что следующим к колесу направился Слим Бэнг. Мне казалось, что он слишком боится даппи, чтобы добровольно дотронуться до колеса. Его напряженное лицо застыло, превратившись в маску, когда он склонился к черному кругу. И только когда он отошел, торжествующе улыбаясь, я заметил, что палуба под колесом усеяна крошками табака, и понял, что он успел проделать свои ритуалы.

Я подошел к колесу. Бенсон провел по губам кончиком языка и придвинулся ближе. Пен улыбнулась — сладко, но холодно. Чедвик понимающе ухмылялся, словно разыгрывалась какая-то сценка, а я — объект насмешек. Он несколько раз взглянул на матросов, будто они тоже участвовали в розыгрыше.

Никаких волокон древесины в колесе я не увидел, оно словно было выточено из куска полированного угля. Холодное, как сухой лед, оно леденило мышцы и нервы. Руки у меня онемели, как обморожен-

ные. Появилось ощущение, знакомое интравертам, когда те чувствуют, если на них смотрят со злобой.

Никаких сомнений: колесо обладало гипнотическим воздействием. Неожиданная прохлада его поверхности привлекала внимание — первая ступень любого месмерического сеанса.

Кто-то из экипажа занял мое место. Я отошел к Джонсону. Маккензи говорил ему, что, должно быть, древесина колеса накапливает статическое электричество, подобно диэлектрику. Он считал, что этим же можно объяснить удивительную сохранность колеса, если оно действительно так старо, как считает капитан Бенсон.

Джонсону рассказали, что Бенсон нашел колесо торчащим из песка рухнувшей дюны; никаких упоминаний об остове корабля не было.

Наступил прилив. Тросы сняли с кнехтов, Бенсон встал за штурвал, и «Сьюзан Энн» вывели из маленькой бухточки, где производился ремонт. Один из ее дизелей вышел из строя окончательно, но второй Маккензи удалось восстановить.

Бенсон очень торопился покинуть остров, и мы не стали задерживаться в лагуне. «Сьюзан Энн» благополучно миновала пролив, искусно избежав угрозы коралловых клыков.

Глядя на уменьшающийся остров, я чувствовал, как слабеет напряжение, сменяясь ожиданием: такое чувство испытывает осужденный, идя из своей камеры на эшафот. На фоне голубой отмели остров казался серо-зеленым и лимонно-желтым. Особенно я обрадовался, когда опавшая дюна слилась с другими и ее заслонила от взгляда растительность.

Солнце плыло янтарным шаром по западному краю желтого, как вино, моря.

Другие, очевидно, испытывали те же чувства, что и я. Не я один следил за исчезающим островом. Все остальные тоже стояли на корме и у борта: преподобный доктор Сватлов, леди Фитц и Бурилов обсуждали что-то незначительное; Флора стояла невдалеке от них с Чедвиком и время от времени завистливо поглядывала на Пен, что находилась рядом с Мактигом и отцом. Чедвик что-то шептал, почти касаясь губами лица Флоры. Она негромко, но очень отчетливо рассмеялась и поглядела украдкой, заметил ли это Мактиг. Он не заметил, и она прошептала что-то Чедвику в ответ.

Ветра не было; паруса были свернуты, но я видел на мачтах нескольких человек, смотревших в сторону острова; матросы, которые находились на палубе, все время отрывались от работы и поглядывали туда же. Смитсон отдавал команды, но тоже был явно заинтересован.

Я видел, как вяжет Дебора, не глядя на вязку; и ее глаза были прикованы к исчезающему острову. Она вздрогнула, как будто мой взгляд был осязаем, мрачно покачала головой и пошла вниз.

Оранжевая полоса, отделявшая пурпурное море от темнеющего неба, стала яркого малахитово-зеленого цвета, исказив естественную окраску наших лиц и сделав их мертвенно-бледными. Загорелись бледно-желтые огни «Сьюзан Энн» — не ярче блеска вечерней звезды.

Бенсон оставался у руля с Мактигом, его сменял Джонсон. Они так разделили свои вахты, что мы не видели Бенсона за завтраком, а Мактига за обедом, но оба приходили на ленч. Хотя в этом случае Бенсон немного запаздывал.

Казалось, он, ирландец и леди Фитц похоронили на острове свои разногласия, и теперь все снова собирались в столовой. Я все еще не привык к подчеркнутому равнодушию Пен, но так как я страдал и когда видел ее, и когда не видел, то предпочитал быть поближе. Так у меня, в моем жалком положении, появлялась хоть какая-то конкретная цель.

Флора сидела рядом с Мактигом, и люди, которыми они были одержимы, и их нормальные личности постоянно вступали в конфликт. Как Рафферти, Мактиг не замечал появившейся у Флоры привычки, позаимствованной ею у Ирсули: ощупывать предметы пальцами и обнюхивать их, чтобы потом узнавать по запаху.

И еще она постоянно прикасалась пальцами к своим губам и щекам, словно массируя их или с помощью осязания убеждаясь, что у нее нормальная внешность.

Я не раз видел, как такую же процедуру проделывала и леди Фитц, но та не была после такой удовлетворенной, как Флора. Если согласиться с доводами Пен о потусторонних гостях, Ирсули еще не выбрала себе постоянного местопребывания.

Обеденные манеры Рафферти оказались очень грубыми. Он орудовал ножом, игнорируя все прочие столовые приборы, и то и дело утирал рот рукавом. И Сватлов, и Бурилов с отвращением поглядывали на Мактига. Женщины молча удивлялись. Чедвика, казалось, все это забавляло.

Флора в своем нормальном состоянии пыталась банально флиртовать с Мактигом, а он — тоже будучи в нормальном облике — относился к этому с раздражением. Она так стремилась завладеть его вниманием, что говорила все, что придет в голову, и даже я устал от ее болтовни.

Мактигу это надоело, и он решил избавиться от нее с помощью бестактности. Обращаясь ко всем нам, он сказал, подражая леди Фитц голосом и лексиконом:

— Вчера вечером Флора постояла со мной у руля, и у нее было необыкновенное ощущение. Расскажите всем, дорогая Флора.

Она покраснела и застыла. Мактиг продолжал:

— Не стыдитесь, дорогая Флора. У нас нет враждебных чувств, которые могли бы вас расстроить.

Леди Фитц с сомнением посмотрела на него, словно почувствовала насмешку; но, с другой стороны, он мог подражать ей, чтобы улучшить свою дикцию, и она промолчала.

Флора с легкой досадой ответила:

— Ну, хорошо, я вам расскажу. Наверное, как всегда, я слишком много болтаю, но... помните старую волшебную сказку? В ней алчный король заставляет крестьянскую девушку ткать из соломы золото. Я вспомнила о ней, когда Майк стоял у руля. Только вместо золота он ткал... тени.

Конечно, все это из-за тусклого освещения. Глаза у меня устали, нервы напряглись, и потому я видела то, чего на самом деле нет. Но мне показалось, что колесо... ткало тени. Большие рваные тени, которые расходились от колеса, шли прочь, спотыкаясь, как слепой пьяница, нащупывающий дорогу к винной лавке. И бродили по палубе, словно искали что-то потерянное.

Они колыхались, словно ветер трепал клочья их одежды, но никакого ветра не было. Некоторые из них не находили то, что искали, и возвращались к колесу, как пьяницы в бар за новой порцией выпивки.

Мактиг безжалостно заметил:

— Вы забыли сказать, как вы при этом испугались и в поисках защиты вцепились в меня.

На лице ее выразилось возмущение его предательством:

— На моем месте всякий поступил бы так же.

— Да, — согласился Мактиг. — Особенно Чед, он так любит обнимать меня. Правда, Чед?

В этот момент вошел Бенсон. В руках у него была статуэтка слоновой кости со старого корабля, и он поставил ее перед собой, как будто ей тут самое место. Он дружелюбно поздоровался со всеми — такое доброжелательство демонстрирует разоряющийся бизнесмен по отношению к богатеющим конкурентам. Леди Фитц отложила вилку и изящно прижала платочек к носу, вероятно, опасаясь болезни, о которой я сообщил.

Бенсон объявил, что мы направляемся в Ки Уэст, наш курс пройдет по краю Багамской отмели, но по пути мы заглянем на еще один небольшой остров, чуть в стороне от нашего курса. Там всех нас ожидает замечательный сюрприз.

Говоря это, он поглаживал статуэтку.

Казалось, все ожидали этого заявления; единственный помимо меня, кого обеспокоила задержка, был Чедвик. Он взглянул сначала на Бенсона, потом на Сватловых и на леди Фитц.

Бенсон заметил это, но прежде чем он успел открыть рот, чтобы упрекнуть Чедвика, Флора сказала:

— Какая оригинальная статуэтка! Можно взглянуть?

Бенсон, прежде чем передать ей статуэтку, высоко поднял ее,

чтобы все могли увидеть. У Сватлова, вероятно, была причина быть шокированным ее подчеркнутой женственностью, но зная о широком и разнообразном опыте леди Фитц, я не мог понять ее ужаса.

— Мой добрый капитан, неужели вы считаете приличным показывать такой непристойный предмет в смешанном обществе? — воскликнула она.

Бурилов, который разглядывал статуэтку с восторгом повесы, скорчил неодобрительную гримасу.

Пен небрежно заметила:

— Полно, леди Фитц, она слишком нелепа, чтобы быть непристойной.

— Не вижу ничего смешного в сознательном искажении божественного образа, — не очень уверенно ответила леди Фитц и принялась смотреть на кончик своего носа, а Флора взяла статуэтку и стала рассматривать ее.

— Странно, — сказала она.

— Что — странно? — спросила Пен. Как и Бенсон и Мактиг, она теперь пристально смотрела на Флору; они напоминали троих психиатров, наблюдающих за пациентом, выполняющим какой-то тест. Чедвик более интересовался ими, чем Флорой — наблюдатель за наблюдателями.

— Все-таки я слишком много говорю, — сказала Флора. — Но я никогда не видела эту статуэтку. Она не кажется мне знакомой. Однако, держа ее в руках, я уверена, что... ощущала это... раньше.

Сватлов нервно откашлялся.

Флора со стуком поставила статуэтку на стол и быстро встала.

— Снова приступ мигрени, — сказала она, покраснев. — Прошу прощения. Вероятно, вы проводите меня к моей каюте, Майк? — Было что-то угрожающее в ее осанке, когда она ждала ответа. Мактиг не торопился отвечать, и Флора отвернулась от него. — Тогда, может быть, вы, Чед?

Она вышла, держа его под руку. Пен, ее отец и Мактиг обменялись характерными понимающими взглядами. Потом Бенсон протянул статуэтку леди Фитц, которая поднесла платок к носу.

Статуэтку принял Бурилов, а леди Фитц отшатнулась от нее. Бурилов сказал:

— Мне она тоже кажется знакомой. — И быстро добавил, обращаясь к леди Фитц: — Она принадлежала Колубо.

— Прошу прощения, — быстро вмешался Мактиг. — Что вы сказали?

— Да ничего... русское слово, — солгал Бурилов, и поняли это не только я, но и Бенсон и Мактиг. Сватлов со стуком уронил свой стакан и неловко попытался вытереть разлившуюся жидкость, но никто не обратил на это внимания. Круглое лицо Сватлова стало изжел-

та-бледным, как тусклая луна, и я подумал, что он тоже знаком с Ирсули, но впервые обнаружил, что не он один.

Тем временем леди Фитц уронила свой платок, выхватила статуэтку у Бурилова и сжала ее, словно она была мягкой. Глаза ее были плотно закрыты. Она кивнула Бурилову, словно отвечая на какой-то вопрос.

Она поставила статуэтку на стол, подтолкнула ее, и та закачалась в гротескном танце. Леди Фитц резко сказала:

— Вы говорили, что нашли черное колесо в песке, капитан Бенсон. Не пытайтесь меня убедить, что этот фетиш сторожил его. Слишком большое было бы совпадение.

Она продолжала:

— Я видела беспокойные сны об этом колесе, и наш добрый доктор заверил меня, что они исходят от моего подсознания. Но во сне я видела и эту статуэтку, хотя до этого момента я вовсе не знала о ней. Мне кажется это... очень странным. Можно сказать — заранее подготовленным.

Пен попыталась ее успокоить:

— Может, вы просто перенервничали.

— Может быть, — согласилась леди Фитц, не глядя на нее. — Мой добрый доктор, я прекрасно знаю, что мигрень не заразна. Тем не менее я тоже испытываю приступ мигрени. Я думаю, капитан Бенсон, вы понимаете, на что я намекаю. Прошу простить меня. Алексей!

Бурилов помог ей встать. Не успела она выйти, как из-за стола выскочил Сватлов, схватил статуэтку и швырнул ее на пол. Она раскололась на кусочки. Ни слова не говоря, Сватлов вышел.

Пен подошла к обломкам и начала собирать их. Мактиг присоединился было к ней, но Бенсон равнодушно сказал:

— Оставьте эти куски. Коллинз... или Перри выметет их и выбросит.

Он холодным, расчетливым взглядом посмотрел на меня.

— Больше они не нужны, — сказал он.

В его голосе звучал вызов. Пен за его спиной лихорадочно махала руками, чтобы привлечь мое внимание; она выразительно поднесла палец к губам, потом указала на дверь.

— Мне, пожалуй, следует заглянуть к Флоре, и особенно — к леди Фитц, — сказал я, вставая. — Мигрень может побудить ее принять слишком большую дозу успокоительного.

Но я не зашел к ним. Вместо этого я отправился к себе в кабинет и задумался.

Для практикующих гипнотизеров обычное дело, когда пациенты по окончании сеанса выполняют какие-то приказы, данные во время его. Если Бенсон гипнотизер, каковым я его считаю, он принес статуэтку как тайный сигнал для своих жертв. То, что они считали эту

статуэтку чем-то для себя новым, означало только, что он им это внушил.

С другой стороны, будь он действительно призрачным старым капитаном, никому из одержимых Ирсули не требовалось видеть статуэтку, и показал он ее просто чтобы проследить за их реакцией, проверяя воздействие колеса. Это устраивало его больше, чем прямые расспросы или опора на слова Пен и Мактига.

В любом случае он сильно встревожил Сватловых, леди Фитц и Бурилова. Они, несомненно, явятся ко мне за объяснениями, и я должен придумать что-нибудь достаточно правдоподобное и сходное с первым моим анализом, если хочу поддержать его. И я подумал, долго ли мне удастся удерживать их в нынешнем состоянии.

20. СТРАННОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛЕДИ ФИТЦ

Она ничего не сказала, просто протянула ко мне руки, и это было гораздо лучше любых слов. Я обнял ее, и завершилось это весьма безумным — с обеих сторон — поцелуем. Мы оба были удивлены, когда поцелуй кончился, и только продолжали сжимать друг друга в объятиях.

— Пен! — прошептал я и повторил: — Пен!

Она вздохнула. Потом отодвинулась от меня и прозаично сказала:

— Я боюсь того, что приближается, Росс. Мне это не нравится. Посмотри, что случилось со старым капитаном! Я хочу быть сильной, и в любви к тебе моя сила. А отец знает всё, так что насчет Чеда нам можно не волноваться. Но...

Она беспомощно развела руками.

— Я чувствую себя... как Джульетта. Так, словно люблю того, кого не должна любить. Ты враг моего отца, Росс, и, следовательно, мой враг. Я люблю его, но тебя я тоже люблю. Ты знаешь старое высказывание: «Дом разделенный...»

Ее руки скользнули мне на плечи, и мы снова слились в поцелуе — несомненно, более совершенном по сравнению с первым, если совершенство можно еще совершенствовать.

— Я полна цитат, — тихо сказала она. — «О, сладкая загадка жизни», например. Странно, как эти глупые любовные песни неожиданно становятся правдивыми, когда влюбляешься. Или просто мы тоже становимся такими же глупыми, как они?

Есть еще одна цитата о любви к врагам, которой я следую буквально!

Она высвободилась.

— Довольно, — решила она, поджав губы, что вовсе не делало их более привлекательными. — Я пришла не для того, чтобы подкупить тебя и заставить признать то, во что ты не веришь. Пришла из чи-

стого эгоизма — побыть с тобой хоть минуту. Когда ваш спор с Джимом — отцом — будет решен, у вас обоих достаточно мужества, чтобы проигравший пожал руку победителю. И тогда я не буду чувствовать, что разрываюсь между вами. «Когда любовь и долг...» Нет, эту цитату не буду заканчивать.

И она опустила ресницы, но вовсе не стыдливо.

— Но к тому времени ты можешь не захотеть меня.

— Не захотеть тебя?

Она оттолкнула меня.

— Нет, Росс, не сейчас. Когда будет доказано, что ты прав... или он. Я веду себя как ребенок. Нет, ты должен верить в то, во что веришь относительно отца, пока сам не убедишься, что ошибаешься. Я не хотела бы, чтобы ты мне лгал, делал бы вид, что веришь мне, не веря на деле. Если солжешь в одном, солжешь и в другом, а ложь убивает любовь, которая основана на правде и доверии. О, я люблю тебя и верю тебе, но все равно боюсь...

Каким бы глубоким ни было мое чувство к ней, она недооценила мое стремление к истине. И я бы сказал ей об этом, если бы нам не помешал Слим Бэнг, явившийся для ежедневного осмотра глаз.

Я шепотом попросил ее остаться, но она прощально улыбнулась — совершенно обычная улыбка, насколько мог видеть негр, но для меня она была как алмаз среди горного хрусталя для ювелира. Пен ушла.

Глаза Слима Бэнга почти излечились. Он приписывал это тому, что с помощью табака изгнал-таки даппи из черного колеса. Он не знал, что Бенсон вскоре обнаружил табак и приказал его вымести. Я промыл ему глаза и отпустил его, а потом поднялся на палубу, надеясь снова встретиться с Пен или по крайней мере порадовать себя этой надеждой.

У руля стоял Мактиг, его оранжевые волосы спадали на лицо — пожелтевшую маску Рафферти. Он с отсутствующим видом кивнул мне. Я помахал рукой, но не подошел к нему. У меня было слишком радужное настроение, чтобы сталкиваться с реальностью — с его внешностью, не говоря уже о разговорах.

Я чуть не наткнулся на Джонсона и Хендерсона. Они меня не видели, когда вышли из капитанской рубки и направились на фордек; при этом они подталкивали друг друга и жестикулировали, обходясь без слов. У них был вид заговорщиков...

И тут я увидел тех, за кем они шпионили, и застыл.

Флора Сватлов стояла у левого борта, а леди Фитц с Буриловым — у правого. Между ними возвышалась капитанская рубка, и видеть друг друга они не могли. В сущности они вообще ничего не видели и не ощущали присутствия других людей. Смотрели они на корму, в сторону Джонсона, Хендерсона и меня. Возможно, что они нас заметили, но никак этого не показывали.

Красота Флоры стала еще более буйной, чем я мог себе представить, пышной и какой-то цыганской. В леди Фитц тоже было что-то от этой броскости, какой-то трудноуловимой, воздействующей не только на зрение. Вероятно, это интуиция: знаешь — это красиво, но не понимаешь, как пришел к такому выводу.

Они походили на отражения в двух кривых зеркалах — отражения одной женщины, которая не была ни той, ни другой. Но не их внешность поразила Джонсона, его первого помощника и меня.

Поразило их поведение.

Руки леди Фитц были высоко подняты и дергались, как лапы раненого паука, их движения повторялись. Казалось, она передает жестами послание солнцу.

Вот она опустила руки и тоже застыла неподвижно, как Бурилов. И тут же подняла руки Флора, и жесты ее были точно такими же, как у англичанки. Поскольку леди Фитц она видеть не могла, все выглядело так, словно они заранее отрепетировали все движения.

Леди Фитц наклонилась и кончиками пальцев очертила на палубе круг, затем выпрямилась. Флора проделала то же самое. Леди Фитц подняла руки и начала медленно извиваться — так извивается змея, сбрасывая шкуру, но змея замерзшая и вялая. Вскоре она остановилась и провела рукой по глазам, словно не уверенная в своей хореографии.

И как только она остановилась, Флора подхватила этот медленный ритм и продолжила танец; потом тоже замерла, словно в неуверенности. И леди Фитц с легкой радостной улыбкой подхватила ее движение.

Так эти экзотические конвульсии и переходили от одной женщины к другой — своеобразный танец, похожий на ритуальные танцы Востока, где двигается только верхняя часть тела и руки, но никогда не участвуют ноги. Как будто некий кукловод дергает за ниточки своих марионеток, по очереди испытывая их перед представлением.

Координация движений была безупречна. Даже самые опытные танцоры, действуя в паре, должны внимательно вслушиваться в музыку. Но тут не было никакой музыки, женщины даже не видели друг друга. Они танцевали словно под неслышную музыку.

Теперь обе двигались синхронно. Я не думаю, что Флора — учитывая ее характер — изучала что-нибудь, кроме бальных танцев. Леди Фитц, возможно, интересовалась ритуальными танцами — хотя бы из простого любопытства. Но достичь такого совершенства, которому позавидовали бы любые профессиональные исполнители, — это, пользуясь выражением самой леди Фитц, «совершенная нелепость».

Теперь за ними собралось уже с полдюжины моряков, которые до того занимались своими обязанностями. Я осторожно потянул Хендерсона за рукав. Он вздрогнул и повернулся.

— Давно это происходит? — прошептал я.

— Начали минут десять назад, — так же тихо ответил он, увидел вновь пришедших и понизил голос до шепота: — Может, наглотались наркотиков? Это не алкоголь: слишком уверенные движения. Более уверенные, чем у самых трезвых.

Он жестом велел своим людям вернуться на места. Кто-то отошел, но большинство остались. Я не стал объяснять Хендерсону, что под гипнозом движения человека могут достигать удивительной согласованности и координации. И единственная понятная мне причина той театральной виртуозности, которую мы наблюдаем, — постгипнотическое внушение.

Вот с какой целью принес Бенсон давешнюю статуэтку!

Я прошептал:

— Вероятно, готовят какое-то представление. Где-то им нужно было порепетировать. Они слишком поглощены, чтобы заметить нас.

Хендерсон пожал плечами, но не возразил.

Бурилов приподнялся. Произнес что-то непонятное, быть может, по-русски. И словно не только леди Фитц, но и Флора услышала его. Обе — Флора направо, леди Фитц налево — указали на море.

Пальцы их трепетали, как крошечные волны, непрерывно поднимаясь, как вершины волн. И в то же время они словно бы ткали какую-то невидимую ткань. И все это делалось так искусно, что я невольно поглядел за борт, на волны, чтобы убедиться в сходстве.

Ветра по-прежнему не было, и кильватерная струя «Сьюзан Энн» была словно продолжением женских пальцев. Далеко, насколько я мог видеть, тянулась она за кораблем, сверкая отблесками солнца.

Две таких сверкающих линии шли от бортов корабля, как кружева с ткацкого станка, как золотые рельсы.

Солнечные лучи, отразившись от воды, освещали полупрозрачную дымку, подобную вуали на лбу средневековых мадонн.

«Сьюзан Энн» двигалась вперед, и поэтому создавалось впечатление, что дымка улетает назад, к горизонту, — письмо, написанное золотыми чернилами, уносимое невидимыми руками сильфид — куда?

Кукольника, дергающего ниточки марионеток, видимо, разочаровала Флора; время от времени он еще дергал ее, словно недовольный исполнением. Я хочу сказать, что ее плавный танец начал прерываться судорожными рывками.

Затем кукольник словно забыл о ней, отбросив, как бесполезную игрушку. Флора упала без чувств. Хендерсон подбежал и подхватил ее. Джонсон за ним. Остальные вдруг вспомнили о своих делах и разошлись.

Но леди Фитц продолжала танцевать, еще искуснее, чем раньше. Как будто кукловод, сделав выбор, теперь только на ней совершенст-

вовал свое искусство. Губы ее искривила торжествующая улыбка, словно она знала о соревновании и поняла, что победила.

И это торжество было единственным человеческим чувством, оставшимся у нее. На этот краткий миг она перестала быть женщиной. И она не танцевала. Она достигла такой высоты, на которой неподвижность была идентична движению. Я видел трепет опьяненной солнцем бабочки, величавое раскачивание высокого бамбука, прихотливые переливы ручья.

Не леди Фитц, и даже не часть ее личности была передо мной — сам ветер, когда он колышет траву!

Хендерсон отнес Флору в ее каюту. Прежде чем пойти следом, я бросил последний взгляд на палубу. Леди Фитц и русский исчезли, словно унесенные порывом ветра. От кильватерной струи за кормой больше не поднималась дымка. Последние ее остатки таяли далеко на горизонте.

Придя в себя, Флора ничего не помнила. Она сказала, что гуляла по палубе, глубоко задумавшись, и, должно быть, перегрелась на солнце и потеряла сознание. Я подтвердил, что так и было. То, что я видел, было, конечно, замечательно, но вполне объяснимо — постгипнотическое внушение. Но говорить ей об этом не следовало.

Я сказал:

— Вы, конечно, думали о той статуэтке слоновой кости, которая заставила вас убежать с ленча.

Прическа у нее слегка растрепалась, и неожиданно она принялась приводить ее в порядок. Я заметил, что она оценивающе смотрит на меня. Мне полагалось бы сменить тему, но я педантично ждал.

Наконец она вздохнула и сдалась.

— Все, что я делаю на этой проклятой лохани, выставляет меня дурочкой. Но если я дура, то весь мир населен дураками, и никто не замечает отличий! А если нет — значит, все на корабле сошли с ума. Но это невероятно!

Она схватила меня за руку.

— Доктор... нет, Росс! Вы знаете, как выглядят признаки безумия! Есть они у меня? — Она требовала лжи, требовала не как пациент у врача, а как женщина у мужчины. Запинаясь, она продолжала: — У меня... были... галлюцинации. А если это не галлюцинации... тогда что-то очень страшное бродит по кораблю!

Я промолчал. Она продолжала:

— Вы спрашивали несколько дней тому назад, вижу ли я по-прежнему сны... об Ирсули. Я ответила — нет. Я солгала! Я пыталась думать о них только как о снах. Каждый нормальный человек поступил бы так. Но у меня есть... доказательства... что это — нечто другое, более серьезное.

Первое доказательство — мои слова об Африке в ту пятницу, когда

Майк и ее милость поспорили. Я ничего не знаю об Африке, кроме того, что она полна грязи, свирепых дикарей и мух це-це, и что там добывают алмазы. Но Гарольд сказал, что я чуть-чуть не загубила его воскресную службу, начала стонать и издавать звуки, похожие на заклинание дьявола. И у меня был провал в памяти. Я была в обществе Чеда. После он описал все Гарольду, а тот рассказал мне. Мы с Чедом стояли на палубе, смотрели на пальмы на острове, и он что-то сказал насчет ветра. Я с отсутствующим выражением ответила, что знаю о ветрах все, поскольку ветер — это моя душа. Такое высказывание скорее пристало леди Фитц! Я сказала, что могу продемонстрировать, и показала на пальмы. И они закачались, словно их коснулся порыв ветра. Чед был поражен совпадением. Но он не стал об этом говорить. Он не стал подрывать мою, и так гибнущую, репутацию такими рассказами.

— Если это действительно произошло, — со злостью сказал я. Многое, чем занимается Чедвик, вероятно, не стоит разглашать.

— Вы хотите сказать, что он воспользовался моей задумчивостью и выдумал что-то такое, чего не было? Лишь бы упрекнуть меня? Может быть. Он вообще чудак. Но, с другой стороны, он понимал, что Гарольд все расскажет мне, и предупредил его, чтобы я больше не делала таких ошибок, особенно в присутствии, допустим, Пенелопы. Чед всегда очень хорошо ко мне относился. Иногда мне кажется...

Она не закончила.

— Статуэтка слоновой кости — последнее доказательство, — продолжала она, помолчав. — Увидев ее, я утратила контроль над собой. Если Ирсули не сон, то, Боже милостивый, что же это тогда? Галлюцинация, безумие — все, что угодно! Я поняла, что допустила ошибку, сказав, что узнала ее. А если остальные догадались? Я никому не могу доверять!

И я понял, что в глубине души она считает себя слабее остальных.

Она снова заговорила:

— И тогда я подумала о третьей возможности: это не сон и не безумие. Но это совершенно дикая мысль!

Как Ирсули, я слышала голос человека, который потопил корабль Рафферти. Голос звучал в точности как — иногда — голос капитана Бенсона. Почему он так привязан к колесу? Когда мы с Гарольдом пришли к нему в каюту и впервые увидели колесо, поведение капитана было очень эксцентричным. И в тот день, когда мы отплывали, что-то с ним было неладное, когда он так драматично выставил колесо.

Она вздрогнула.

— Со всеми нами неладно, — добавила она. И продолжала:

— Как Ирсули, я отдала эту статуэтку Рафферти, как часть нашей платы за его помощь. Вначале, когда за столом я ее увидела, она для меня ничего не значила. Но когда я ее коснулась... я ее узнала. Ирсули была слепа. Она знала статуэтку не по виду, а на ощупь. И я подумала: откуда капитан взял это? И почему он так любит колесо? Разве только... он тоже знает об Ирсули. Это все объясняет!

Она покраснела и отвела взгляд, в то же время вытянув свои прекрасные ноги и предоставив мне возможность восхищаться ими.

— Но, вероятно, это слишком глупо — считать, что призрак Ирсули одолевает нас обоих?..

Я ничего не ответил, и она продолжала:

— Глупо или нет — я надеялась получить какую-нибудь информацию от Майка, но так, чтобы он этого не понял: бывают ли у капитана такие провалы, как и у меня. Но, как вы заметили, Майк меня избегает. И тогда я спросила у Чеда. Я покажу этому чванливому рыжему, что кое-кто здесь меня ценит!

Она проверила, восхищаюсь ли я ее ногами.

Я заметил:

— Ваш брат вышел вслед за вами. Вы говорили с ним? Он разбил статуэтку.

— Неужели? Боже! — ахнула она. — Нас с ним сбросят в море! Зачем он это сделал?

— Может, решил, что она слишком непристойна. Или, — очень осторожно добавил я, — ему тоже могли сниться сны, в которых она фигурирует.

Она распрямилась, губы ее округлились.

— Вы хотите сказать... Но это невозможно!

Поскольку Сватлов рано или поздно все равно признается ей, я пустил в ход пригодное для обоих объяснение, не связанное с Бенсоном:

— Ваш сон отталкивается от колеса, одного-двух случайных упоминаний об Африке и святой Урсуле — это всё вы обсуждали с братом. Если они попали в сон одного из вас, то могли попасть и в сон другого. А что касается остального — ваш брат честолюбиво привел вас в круг людей, социальный статус которых выше, чем у тех, с кем вы обычно общаетесь. Вы безжалостно подгоняли себя, чтобы сравняться с ними, и ваше новое мироощущение вступило в умственный и физический конфликт со старым. Слишком много противоречивых мыслей и тревог вторглось в ваше сознание, отрицая друг друга, в результате чего возникли провалы.

В такие моменты верх берет подсознание, которое обычно контролирует непроизвольные действия. Оно упрямо пытается выразить ваши врожденные желания. Вы связываете эти провалы со снами об Африке в попытках объяснить их. Но объяснение вас не удовлетворяет,

и поэтому вы пытаетесь подкрепить его, хватаясь за все, связанное с Африкой. Например, эта статуэтка африканского происхождения привлекла вас, и вы убедили себя, что узнаете ее.

Вероятно, вы были слишком смущены, чтобы прийти ко мне, попросить объяснений и получить простой ответ. Ваше состояние подтолкнуло вас к вере в одержимость. Вы ставите телегу перед лошадью, считая, что провалы вызваны вашими снами. Подумайте, постарайтесь вспомнить. Вы увидите, что разговоры об Африке предшествовали снам. Ведь так?

Лицо ее прояснилось:

— Вы правы...

— Поскольку для вас Ирсули стала символом подавления личности, вероятно, она будет вам сниться, пока вы находитесь среди людей, которые вас подавляют. Прошу вас, не забивайте себе голову беспочвенными догадками. А если еще раз усомнитесь в собственном здравом смысле, сразу приходите ко мне. И вы, и, — добавил я небрежно, — ваш брат.

Она прикрыла ноги, словно ее успокоили мои взгляды на них и она решила приберечь их на будущее.

— Что ж, вы сняли тяжесть с моих плеч. Спасибо, доктор.

Я ненавидел себя за то, что пришлось ей солгать, даже ради ее собственного блага, но был уверен, что ослабил власть Бенсона над ней, при этом сохранив его репутацию. Оставив ее в приятном обществе зеркала, я отправился в каюту ее милости. Если даже леди Фитц не помнила о своем танце, то скоро узнает о нем от свидетелей. Поговорив с ней сейчас, можно развеять сомнения, которые неизбежно охватят ее.

Дебора впустила меня и удалилась после небрежного жеста леди Фитц. Англичанка и ее кавалер пили чай с таким видом, словно это отрава: леди Фитц из чашки, Бурилов — из высокого стакана, который он обернул носовым платком. Чай его, судя по бутылке, был приправлен коньяком.

— Ах, доктор, я вас ждала, — сказала леди Фитц и пояснила: — Вы всегда так внимательны!

Я поклонился и осведомился о ее мигрени.

— Послушайте, вы не столь наивны. Я боюсь капитана Бенсона с того момента, как поняла, что он — орудие злого духа. Возможно, сны об Ирсули, как вы объяснили, вызваны тем, что в его каюте я видела черное колесо. Но мне снилась и статуэтка слоновой кости, которую наяву я никогда не видела! И мне кажется очень странным, что она тоже оказалась у него.

Я взглянул на Бурилова. Он знал, о чем она говорит, и добавил:

— Да. Мне тоже снились сны о жрице.

Я заранее подготовил объяснение, почему этим двоим могли сниться одинаковые сны.

И еще добавил:

— Вы оба занимаетесь дизайном помещений, это связано с африканской скульптурой, а через это — и со снами об Африке. Несомненно, такие же статуэтки, как у Бенсона, хранятся во многих музеях, вы и мистер Бурилов их видели, и воспоминание об этом вошло в ваш сон.

Леди Фитц сказала:

— Да, но я узнала статуэтку не по внешнему виду, а прикоснувшись к ней! — И возмущенно: — А я не из тех дебилов, кто при посещении музеев трогает статуи.

— Но у вас чуткий взгляд художника, — возразил я. — Он ощущает линию и текстуру не хуже осязания.

Она была польщена и поэтому согласилась. Я поспешил развить успех:

— Следовательно, статуэтка капитана возбудила в вас сенсорную память о других африканских статуях, и эти воспоминания вошли в сон об Ирсули.

Она положила в мою чашку пять кусочков сахара.

— Но если это так, почему эта девчонка, Флора, вела себя так странно и убежала? Можно подумать, что она тоже видела сны об Ирсули! Именно это вызвало у меня дурные предчувствия.

Я ответил:

— Мы все знаем, что колесо африканское. И его воздействие могло вызвать у многих сны о Черном континенте. Возможно, и другие на корабле видели сны, аналогичные вашим, леди Фитц. Но я бы не советовал вам расспрашивать. У вас тогда может сложиться убеждение, что Ирсули существует реально, а вы — в когтях злого духа. А для этого вы слишком умны.

Она постаралась выглядеть умной и поблагодарила меня.

21. КОРАБЛЬ ДУШ

Меня заинтриговало следующее совпадение: туманная дымка возникала только во время танца женщин. Конечно, нелепо думать, что человек может управлять природными стихиями, но я был встревожен. Весь день я то и дело выходил и смотрел на воду, близкую и далекую; сам того не желая, гадал, не связан ли этот туман с исчезнувшим островом, на котором мы нашли колесо.

На закате Мактиг застал меня за этим занятием. Растущее сходство с мумией свидетельствовало о разладе в его умственном состоянии, и я поругал его за то, что он не следит за собой — и телесно, и духовно.

Он пожал плечами.

— Вините Рыжего, а не меня! Бедняга так давно лишился своего тела, что не обращает внимания на мое — торопится, пытается наверстать упущенное. Особенно потому, что это все-таки не его тело и он не знает, как с ним обращаться. Как шофер, привыкший к «форду-Т» и неожиданно пересаживающийся на «мерседес».

— Перестаньте, Майк!

— Вы и сами это знаете, — сказал он как будто с жалостью.

Джонсон рассказал ему о танце леди Фитц. Я описал свой разговор с нею и Флорой.

— Жаль, что вы верите словам капитана, а не мне. Но, пожалуйста, ради Джима, удерживайте его от таких трюков, как этот со статуэткой! Иначе Флора и леди Фитц поймут, что он с ними делает, и возмутятся. Я делаю все, что в моих силах, чтобы положение оставалось нормальным, пока мы не вернемся в порт и наши пути не разойдутся.

— Конечно, и скрепляете свою работу портландским цементом. Успех предприятия капитана зависит от того, насколько леди Фитц и остальные отождествят себя с Ирсули. Ваше вмешательство заставляет их считать это вздором. Если бы я по опыту не знал, что одними разговорами духов не прогонишь, я бы на вас рассердился.

— Майк, если бы я считал, что розыгрыш Бенсона подошел к концу, я бы отступил. Но, по моему мнению, он только начался. То, что он до сих пор делал со всеми вами, было всего лишь игрой, он просто пробовал свои силы. Но теперь он знает, что его возможности почти безграничны. Я не питаю к нему ненависти, нет, просто считаю его безответственным и стараюсь защитить его так же, как вас всех.

Он с отвращением покачал головой:

— Когда капитан через Большого Джима организовал это небольшое плавание, он ошибся в своих расчетах, и в результате может пострадать сам. В его время врачи были скорее фельдшерами. Они перевязывали физические раны, но ничего не знали о душевных. Когда капитан пригласил вас, он считал, что вы — просто медбрат для оказания первой помощи, как было раньше. Он не рассчитывал получить психоаналитика.

Если бы вы были простым врачом, Фитц и остальные сразу бы поняли, что Ирсули существует. Они бы выдали все о ней, не успев занять оборонительную позицию. А теперь из-за вашего проклятого вмешательства все это скрывают.

Капитан должен был показать им статуэтку! Он должен был застать их врасплох, чтобы те открыли, что знают об Ирсули. И если бы они так поступили, он мог бы действовать дальше. А так они придут к вашему же выводу — гипноз. Позже они могут пожалеть об

этом, но до этого помешают мне и Большому Джиму найти сокровище.

Я сказал:

— Сомневаюсь, что оно существует. А если и есть, скорее всего сам Бенсон заранее его там спрятал, чтобы потом «найти» в нашем присутствии. В противном случае мы охотимся за химерой, тратим зря время, и может произойти что-нибудь непоправимое. А если леди Фитц и другие поймут, что я лгал, чтобы защитить капитана Бенсона, я навсегда получу репутацию некомпетентного специалиста или даже его сообщника.

— Если бы Иисус сотворил перед вами чудо, вы бы и в нем усомнились! Росс, ради Бога, всего несколько дней — и мы найдем остров Рафферти!

На горизонте я что-то увидел. Словно стеклянный корабль короля Артура, корабль мертвецов из культа Озириса, солнечная ладья, корабль душ.

И тут же понял, что это рваный клок освещенного солнцем тумана.

Руки Мактига опустились.

— На мгновение мне показалось, доктор... да вы испуганы! — Он дружески потрепал меня по руке. — Простите, если я вас испугал. Но мне показалось...

Ему не нужно было объяснять мне, что ему показалось. На мгновение меня посетила та же мысль: старый корабль Рафферти вырвался из дюны. Мактиг разочарованно сказал:

— Черт, всего лишь игра света на воде. — Он вздохнул. — Дымка, туман при хорошей погоде. Берег Рыжего — это лабиринт рифов. Если нас застигнет там буря, у нас не будет ни одного шанса.

Это снова вернуло его к Рафферти и Бриджит, и он закончил:

— Когда Рыжий покинул эту обитель горести, я утратил контакт с любимой девушкой. Интересно, воссоединюсь ли я с нею потом, когда Харон перевезет меня через Стикс?

Он пожал широкими плечами, невесело усмехнулся и ушел. Туман подполз ближе, хотя ветра по-прежнему не было. Он приближался осторожно, крался за «Сьюзан Энн», как кошка, огромная, холодная серая кошка. Ужасный сфинкс с загадкой наготове.

И как бы в ответ, появился другой туман — у меня в голове. Мысли мои смешались. Меня охватила апатия. Я был слишком вял, чтобы правильно оценить это состояние. Несколько раз я пытался это сделать, но возвращался к начальному пункту. Возможно, этот умственный барьер возник из-за перенапряжения — как уход от усталости и раздражений. Все вдруг стало нереальным, но не тревожным. Скорее даже приятным, успокаивающим. И, возможно, породило иллюзию, которую мне вскоре предстояло увидеть.

По совету Мактига я под предлогом болезни избегал Бенсона.

Приближалась ночь, но я не мог уснуть. Апатия сама по себе была призрачным отдыхом. Я смотрел на крадущийся туман, теперь совсем близкий от нас, и чувствовал себя, как маленькая птица, завороженная василиском: она видит, как сжимаются кольца, но ее это почему-то не пугает.

Как иногда это бывает с туманом, он отступал при звуках корабельного колокола, сопровождавшихся эхом. Словно звуками колокола засыпанного корабля.

Луны не было, но туман светился, как будто каждая его молекула излучала пламя. Он расстилался над нами, как большая сеть, словно какой-то гигант хотел поймать бабочку. Потом опускался, как холодная и влажная простыня на плывущий в море матрац.

Я был беспомощен, как куколка в коконе. Просто смотрел на прозрачную серость, и с меня этого было достаточно.

На корме темными пятнами сгущался ясный ночной воздух, как тень, как щели в серой стене. Постепенно их глубина и высота увеличивались, как будто они стремились к «Сьюзан Энн», становясь все заметнее. Эти тени были не просто воздухом, они казались материальными, словно туман превращался в них. Какие-то фигуры рассекали его, и он делал их видимыми.

Что-то похожее на корабль...

Остов с острова!

Сердце мое сильно забилось, но я тут же успокоился. Тот корабль погребен под тоннами песка. Даже если он не раздавлен, на острове нет никого, кто мог бы его откопать, спустить на воду и плыть на нем. Мой усталый мозг меня обманывает, только и всего. Подсознание заставляет меня видеть сны наяву.

Я услышал крик Мактига, звонкий радостный возглас, словно горн, возвещающий начало охоты. Черный призрак приблизился, и теперь его сходство с кораблем меня забавляло. Какое извращенное совпадение!

Нос призрачного корабля безо всякого толчка коснулся кормы «Сьюзан Энн», но корабль продолжал наплывать — действительно призрачный, он проходил сквозь «Сьюзан Энн».

Проходил сквозь?

Или — сливался с нею?

Призрачный нос приближался ко мне, раздвигая туман. Я чувствовал странное, но не тревожащее возбуждение, словно сейчас неожиданно исполнится мое сокровенное желание.

И в то же время мне стало грустно, как будто наползающая тень — это серп Ангела Смерти.

Корабль коснулся меня волшебной палочкой и прошел сквозь меня. Внутри призрака воздух оказался сухим и теплым, щекочущим, как электричество. У меня закололо кожу. В ушах зашумело, словно загудело множество пчел.

Пространство чистого воздуха слилось с «Сьюзан Энн». Движение призрака замедлилось, он уравнял скорость и плыл теперь вместе с нашим кораблем.

Я, затаив дыхание, ждал.

Снизу донесся резкий крик.

Как ножом, разрезал он пелену тумана. Ему ответили другие крики, более высокие, они кололи меня, побуждали к действиям. Первый голос я не узнал, но высокие крики могла издавать только леди Фитц.

Я побежал к трапу и услышал, как Мактиг на полуюте приказывает вахтенному принять штурвал. Вахтенный резко ответил, что не прикоснется к этому дьявольскому колесу. Когда я приблизился к каюте леди Фитц, в коридоре появилась Дебора.

— С ее милостью все в порядке, — сказала она. — Она услышала крик, и мистер Бурилов перепугал ее до полусмерти, сказав, что началась революция.

Я побежал дальше, обгоняя взволнованных людей, в том числе Пен. Бенсона мы застали в помещении экипажа. Только что проснувшиеся мрачные люди прижали его к переборке. Одни были в пижамах и белье, другие совсем голые, только в носках.

Бенсон побледнел от сознания вины, но старался скрыть свое смятение. По угрожающему поведению матросов, их комментариям и угрозам я увидел, что назревает первоклассная драка.

Очевидно, Бенсон, по обычаю старого капитана, решил навестить спящих членов экипажа, чтобы проникнуть в их мысли. Не знаю, пытался ли он отыскать среди них свиту Ирсули или стремился разгадать причину их враждебности. Но если старый капитан таким подглядыванием когда-то предотвратил мятеж, нынешний мог вызвать его.

Ни я, ни Пен не обратили внимания на одежду матросов. Пен подтолкнула меня к моряку по имени Даррел. Кричал он. Он сидел на койке, бледный, и все время повторял, что Бенсон пытался задушить его во сне. Он всех настраивал против Бенсона. Я отругал его как следует, чтобы привести в себя.

Пен пробилась сквозь группу, окружившую Бенсона, и, услышав женский голос, моряки вспомнили о скромности. Раздетые спрятались за спинами остальных.

В кубрик вбежал Джонсон, следом появилась Дебора. Пока Джонсон распекал своих людей, Дебора вторила ему резкой шотландской бранью, крича, что они испугали ее милость.

Даррел погрузился в мрачное молчание. Пен и Хендерсон отвели Бенсона в его каюту. Я пошел к Мактигу рассказать о причине шума, пока он не бросил штурвал и не оставил «Сьюзан Энн» блуждать вслепую.

Я проходил мимо каюты Флоры. Дверь была приоткрыта, и оттуда показалась голова. Я подумал, что девушка начнет расспрашивать меня о причине шума, и приготовился успокоить ее, — но голова принадлежала Чедвику. Он мгновенно спрятался, как черепаха в панцирь. Дверь негромко защелкнулась.

Пройдя мимо, я подумал — что мог бы делать Чедвик в каюте Флоры в такой час, — и пошел к Мактигу. Рулевое колесо так четко виднелось на фоне тумана, что сам ирландец казался бледным и нематериальным. Запавшие глаза, ввалившиеся щеки, напряженный взгляд, которым он меня встретил, не смягчили первого впечатления.

Я сказал ему, что одному из матросов приснился кошмар, и с облегчением направился к себе в каюту. Чары тумана развеялись, и я понял, что страшно устал.

К утру туман исчез, и призрачный корабль превратился в сон.

22. РАФФЕРТИ ВСТАЕТ ЗА РУЛЬ

«Сьюзан Энн» огибала мель.

С правого борта при взгляде на бледное небо казалось, что мы плывем в тигле с жидким сапфиром. Вода с левого борта была мутной, словно разведенной молоком, — это виднелся песок всего в нескольких метрах под нами.

Воздух был так прозрачен, что от яркой небесной лазури резало глаза. За рулем был Мактиг, он выполнял и свои обязанности, и обязанности капитана. Глаза его сузились до щелочек, и теперь он выглядел еще меньше похожим на себя, но в свете солнца не казался призраком.

Ко мне подошел Джонсон.

— Сегодня ко мне обратился Морган с жалобой, если можно так сказать. Заявил, что экипаж требует, чтобы мы ограничили свободу передвижения Бенсона и его гостей. На корабле все боятся удара исподтишка. Я разговаривал с каждым, но все отрицают какую-либо связь с Морганом.

Он отказался от предложенного стула и сигареты.

— Не знаю, кто все это начал, но со слов Моргана и некоторых других я кое-что понял. Похоже, за всем этим стоит один человек. Люди клянутся, что не обсуждали это с Морганом, но... я знаю своих людей. Кто-то их настраивает. Много бы я дал, — сурово добавил он, — чтобы узнать, кто это. Однако еще один скандал, вроде сегодняшнего, — и лишь Бог знает, чем это кончится.

Его рассказ подтвердил мое собственное предположение о Бенсоне-гипнотизере, но с добавлением, что он заставляет леди Фитц, Мактига, Бурилова и Сватловых совершать для него убийства. Им якобы овладела безумная мысль отомстить потомкам тех, кто плохо

обошелся с его прадедом. Поэтому жертвы его обмана потенциально так же опасны, как и он сам, и экипаж хочет, чтобы их всех посадили под замок, мягко выражаясь.

— Главный их аргумент — то, что Бенсон пошел на такие затраты, чтобы собрать их вместе, — сказал Джонсон. — Неблагодарные псы! Сейчас за три месяца они получают больше, чем за год на торговом судне! Ну, доктор, что вы скажете?

На какое-то время я пришел в замешательство. Мне нельзя было соглашаться с гипотезой о гипнозе, но я не мог объяснить происходящее и предположением Пен, что группа призраков посмертно выполняет свою задачу.

Я применил тот же способ, с помощью которого развеял подозрения Флоры и леди Фитц. Изобрел множество специальных терминов, которые не имели смысла ни для Джонсона, ни для меня самого.

Он нетерпеливо спросил, могу ли я это изложить в обычных словах, — но я ответил, что медицина сейчас далеко ушла от начального курса английского языка. Я бойко вывалил все психологические и психоаналитические термины, какие мог вспомнить. Наконец, уловив если не смысл, то общий настрой, Джонсон согласился, что лучше подождать.

Я пообедал с экипажем, что, право, меньше компрометировало меня, чем общество капитана. Моряки были достаточно разговорчивы, но по их косым взглядам я понял, что мое присутствие удерживает их от более личных замечаний. Ни слова не было сказано о поведении Бенсона прошлой ночью. Я был бы спокойнее, если бы они обсуждали этот случай: пока не выскажутся, вряд ли забудут о нем.

После заката мы встали на якорь между двумя отмелями, и «Сьюзан Энн» оказалась в узком проливе. Наутро этот пролив привел нас в лабиринт песчаных отмелей. Разумеется, это Бенсон был виноват в том, что мы попали в эту ловушку, хотя действовал он не сам, а через рулевого — Мактига. Джонсон нервно расхаживал по палубе, словно гигантская оса, слишком встревоженный, чтобы хоть минуту постоять спокойно. Мактиг хриплым голосом Рафферти клялся, что корабль сам прошел через лабиринт, а не он его провел, — и глянул в мою сторону — не расскажу ли я, что́ мы видели на закате.

Я подумал, что если с «Сьюзан Энн» что-нибудь случится, истинным виновником ее гибели будет Бенсон, а не Мактиг. Поскольку последний никогда не был в этих водах и, вероятно, вел корабль под гипнозом.

Настроение Джонсона сказывалось на экипаже. Работавшие на палубе матросы часто останавливались, глядели по сторонам и обменивались замечаниями, которые сводились к презрительным репликам в адрес Джонсона и Мактига. Смитсон поругивал матросов, но довольно равнодушно.

Рядом появился Хендерсон. Он рявкнул:

— Это вам не детский сад, парни! Хватит трепаться! Принимайтесь за работу!

Смитсон распрямился и крикнул в ответ:

— Кто на вахте, я или ты, Хендерсон? У каждого из нас свое время отдавать приказы, — так что проваливай!

Хендерсон поежился под взглядами моряков.

— Ну, клянусь Господом, — сказал он, — в свою вахту я научу вас работать! — И ушел, а его имя прибавилось к черному списку экипажа. Скоро и нам предстояло с ним познакомиться.

Пен в качестве посредника Бенсона то и дело заходила к Мактигу осведомиться о нашем продвижении. На мгновение она задержалась возле меня, прошептала, что скоро все будет в порядке, и потрепала меня по руке.

Ветра по-прежнему не было, солнце ослепительно сияло с безоблачного неба. По обе стороны корабля, словно льды в Арктике, лежали рифы. Ярко окрашенные, как распущенный павлиний хвост. В более глубоких местах белизна песка сменялась различными оттенками синевы: от небесной лазури до кобальтовой сини и перламутра. В местах скоплений кораллов вода переливалась оттенками темно-бордового и красного, светло-коричневого и янтарного, цвета бронзы и топаза.

Мелкие воды — морская пустыня! Яркие подводные пятна тянулись бесконечно. Повсюду виднелись крошечные островки; одни — одинокие, серебристые, другие — серые кораллы, побелевшие от пластов гуано и напоминавшие миниатюрные горные пики с белоснежными вершинами. Кое-где виднелась зелень, росли пальмы.

Леди Фитц, Флора и Чедвик расположились на передней палубе. Бурилов их фотографировал, а Флора старалась как можно больше обнажить стройные ноги, к вящему раздражению ее милости. Когда я поднялся к ним, они мгновенно умолкли, как будто я прервал исключительно личный разговор, и я пошел на корму к Мактигу, который казался радушнее.

— Пираты обнаружили остров Рыжего случайно, когда королевские суда загнали их в эти воды. Их корабль был небольшой, и они могли пройти через проливы, закрытые для их преследователей.

Посмеиваясь, он описал остров Рафферти, закончив так:

— Скоро сможете сравнить мое описание с оригиналом. Тогда узнаете, кто прав: капитан или вы.

Я ответил:

— Я рад, что стоит хорошая погода. Надеюсь, мы отсюда быстро уйдем. Даже легкий ветерок может бросить нас на эти рифы.

Он пообещал:

— Мы здесь долго не задержимся. Захватим сокровище и поплывем домой. И все будут довольны.

Если что-то и могло убедить меня в истинности версии со старым капитаном, то это безграничная удача, сопровождавшая Мактига в навигации. То, как ему удалось провести корабль через множество коралловых ножей, граничило с чудом.

На закате мы снова стали на якорь, но Джонсон не удовлетворился этим и заставил своих людей установить кнехты на ближайшем коралловом рифе.

Вечером со мной поговорила Пен. Она рассказала, что леди Фитц и Сватлов стали меньше времени отводить своей трапезе — что, учитывая их аппетит, поразительно, — и больше следить за каждым движением Бенсона.

— Как два ребенка, наблюдающие за третьим, недавно поселившимся в их квартале, — сказала она. — Что-то близится, Росс, я чувствую это. Слава Богу, Майк говорит, что скоро мы достигнем острова.

Когда на следующее утро я встретился с леди Фитц, она холодно попросила меня посторониться и дать ей пройти. Я подошел к Сватлову, надеясь поболтать с ним, но тот вскочил с кресла, торопливо извинился и сказал, что ему нужно вниз. Тогда я выследил Флору. Она сперва не решалась ответить, когда я спросил ее об остальных, потом сказала, что просто у всех не очень хорошее настроение. В плавании бывает так, что не хочется видеть даже ближайших друзей.

Она посмотрела на меня, как бы раздумывая, стоит ли говорить еще, и решила, что не стоит. Мы немного поболтали о пустяках, после чего она с достоинством удалилась. Я видел, как она несколько раз с беспокойством касалась своих глаз и волос — словно сомневаясь, не изменились ли те за ночь.

На следующий день сразу после полудня мы увидели остров Рафферти. Мактиг показал мне его — неприглядную голую скалу на горизонте, окруженную мелкими островками, которые казались менее грозными из-за покрывающей их зелени.

Рядом была Пен, и именно она обратила мое внимание на остальных, бывших на палубе: Бурилов что-то говорил леди Фитц, разглядывая остров, как старого знакомого. Чуть поодаль Сватлов прилип к поручню, словно притянутый магнитом. Флора прогуливалась по палубе под руку с Чедвиком, украдкой поглядывая, не проявит ли Мактиг признаков ревности. Сомневаюсь, что он вообще видел ее.

Пен сказала:

— Они узнали остров, Росс. Ирсули — не сон.

Я не стал спорить. К закату мы более-менее приблизились к скале. Бенсон застал нас вдвоем и вежливо кивнул мне. Теперь, когда его цель была близка, он мог меня терпеть.

Подошел Мактиг.

— Ну, что ж, капитан, вот она, моя гавань. Корабль Рыжего вхо-

дил вон через тот пролив, но «Сьюзан Энн» не сможет. Остаток пути придется проделать в шлюпке.

— Немедленно, — оживленно кивнул Бенсон.

— Нет, только не это, — возразил Мактиг. — Через несколько минут стемнеет. И что-то подсказывает мне, что нужно ждать утра. — И он принюхался, будто ощутил в воздухе опасность.

Пен подхватила:

— Да, отец, подожди. Не делай ничего, что могло бы усилить недовольство. Мы слишком близки к финишу, чтобы позволить себе ошибиться.

Бенсон задрожал, словно сдерживая приступ гнева, но овладел собой. Обнял Пен. Она еле заметно отстранилась.

— Хорошо, — сказал он, но прозвучало это довольно мрачно.

В сумерках на остров вышли поглядеть не только те, кому снились сны об Ирсули, но и большинство членов экипажа. Рука Пен крепче сжала мою.

— Они знают, — прошептала она, — или просто заметили, как смотрят другие, и им стало любопытно.

Остров находился в миле от нас. Он возвышался над соседними островками, словно король в окружении вассалов. Сумерки и расстояние окутали его синевой и бросили тень на другие рифы. Как будто самодержавный аметист восседал на троне среди гиацинтов, яшмы, розового кварца и рубинов.

Ночь укрыла остров тьмой, и густеющая тень упала на нас, словно отброшенная огромными крыльями.

23. ФЛОРА

В полночь мы собрались в столовой по приглашению Бенсона — чтобы отметить, как он сказал, наше прибытие. Бенсон пребывал в исключительно хорошем настроении. Впервые я видел лицо старого капитана таким торжественным. Если бы не визгливый голос и архаичные выражения, я бы подумал, что передо мной Большой Джим собственной персоной.

Мактиг радостно улыбался ему, но Пен выглядела встревоженной. Возможно, опасалась, что это отразится на его самочувствии, изменит его, и он перейдет от хорошего настроения к приступу ярости.

Я тоже беспокоился. Лицемерие стало второй натурой для Флоры, Бурилова и Чедвика. У леди Фитц и преподобного оно было выражено гораздо слабее. Несмотря на внешнюю веселость, им было не по себе, и я чувствовал, чего опасается Пен: назревает какой-то заговор, в воздухе сгущалось напряжение, готовое вот-вот прорваться.

Для Бурилова веселье, неважно — искреннее или напускное, означало только одно — выпивку. Под ее влиянием он начинал болтать и

петь. Леди Фитц попыталась сдержать его воодушевление сердитыми взглядами и резкими замечаниями, но тот не обращал на нее внимания. Он вошел в раж, но как раз когда буйство готово было перейти границы — он собрался сплясать на столе трепака, — с ним произошла перемена, и он, как сгоревшая ракета, ушел во тьму глубочайшего отчаяния.

Он прижал ладони к вискам и начал раскачиваться взад и вперед.

— Я помню! Какой я дурак! — воскликнул он по-русски. — Но я помню!

И посмотрел на нас округлившимися глазами.

— Мой сон перед бурей, да! Змеи, предрекающие смерть в моей семье. Это так ужасно, что мозг отказывается помнить. Но теперь я вспомнил: коньяк вправил мне мозги!

Леди Фитц спросила:

— О чем ты, Алексей? Расскажи мне!

Он повернулся к Бенсону и заговорил монотонным речитативом:

— Змеи. Три змеи в воде. Плывут! Сплетаются. Змея хватает себя за хвост — катится ко мне, как обруч, и гудит, как туча пчел! «Алеша, сыночек, — говорит она, — смотри на меня! Я прихожу предвестником беды. Теперь ты знаешь». А на спине змеи рисунок чешуи — кресты, сплетенные друг с другом. По всему телу. Словно... — Глаза его выпучились, он сморщился, будто с трудом глотая что-то. — Словно...

Он упал на колени, сплел пальцы рук, прижал их к груди, откинул голову назад, закрыв глаза.

— Словно черное колесо! — пропел он прекрасным баритоном, достойным сцены «Метрополитен-оперы».

И упал без чувств.

Леди Фитц закричала и бросилась к нему. Мактиг смотрел с восхищением. Голос его, однако, дрожал:

— Старина Алексей остался на посту до последнего. Док, если вы поможете мне снять ее приставучесть с Алексея, мы сможем перенести его на койку.

Леди Фитц позволила мне оттащить ее, но потом вновь отчаянно рванулась к бесчувственному Бурилову, словно мы разлучали их навсегда. Сватловы и Чедвик успокаивали ее. Бурилов весь пылал, пульс его участился; я предположил, что у него лихорадка, а конкретный диагноз — случай острого алкоголизма.

Мы с Мактигом с трудом подняли его — исхудавший, Бурилов тем не менее весил больше двухсот фунтов. Мактиг заметил:

— Я всегда находил, что Алексей слегка полноват. И теперь, как его носильщик, могу это подтвердить. Продолжайте веселиться! — обратился он к остальным, когда мы направились к двери. — Да здравствует веселье!

Мы спустились по лестнице. Мактиг спросил, отдуваясь:

— И каков же ваш вердикт, доктор? Наш дорогой малыш Алексей, этот слоненок, видел сон еще до урагана, задолго до находки черного колеса.

— До сих пор Бурилов не вспоминал этот сон, — возразил я, тоже отдуваясь. — Странно, но обычно предостережения не замалчивают до того, как можно проверить их справедливость.

— А как может быть иначе? Предсказания записывались тогда, когда были сделаны, и только впоследствии обнаруживалось, что они справедливы, — настаивал Мактиг, пока мы укладывали русского в постель.

— В таком случае они крайне неопределенные, — возразил я. — Готов биться об заклад, что в них никогда точно не указывается время, место и имена людей.

Мы вернулись к столу, где все оставались на местах — как будто никто даже не вздохнул за время нашего отсутствия. Бенсон небрежно осведомился насчет Бурилова.

— Лежит смирно, — ответил Мактиг.

Леди Фитц удержалась от комментариев по поводу состояния здоровья своего любовника, но неожиданно доверительным тоном сообщила:

— Мне нужно кое в чем признаться, капитан Бенсон. Отчасти это касается сна Алексея. Удивительное совпадение!

Чедвик заметно насторожился, как собака, заслышавшая шорох.

Леди Фитц начала было воркующим голосом:

— Да, я тоже видела сон. Мне снилось... — и дразняще смолкла.

Чедвик ухмылялся. Сватлов придерживал одну руку другой. Флора беспокойно ерзала.

Пен почуяла опасность раньше меня или Мактига. Бенсон ожидающе склонился к англичанке. Флора о чем-то заговорила, чтобы сдержать грозящее откровение. Но леди Фитц безжалостно продолжила:

— Мне тоже снилось черное колесо! — И ласково добавила: — Рассказать, что я видела? — произнесла так, словно паук, приглашающий муху в паутину.

Флора застыла в крайне неудобной позе. Сватлов кашлянул, словно хотел отвлечь внимание леди Фитц.

Один Чедвик спокойно сказал:

— Мы все очень заинтересовались, я уверен.

Леди Фитц улыбнулась ему.

— Мне снилось, капитан Бенсон, что меня зовут Ирсули. Я дала клятву на черном колесе. А колесо было на корабле, который потопили люди с другого корабля. Одним из них — во сне — был ваш прадед. Но, может быть, вы об этом сне знаете?

Она ждала. Глаза Бенсона сверкнули, но он смолчал. Леди Фитц сказала:

— Вам мог рассказать об этом наш добрый доктор.

Пен поспешила вмешаться и затараторила без пауз и интонаций:

— Отец уже поздно и ты так устал и тебе пора ложиться ты слишком утомляешь себя оставаясь так поздно на ногах и...

Флора зло перебила ее:

— Не забывайте об этикете, Пенелопа! Невежливо прерывать.

Выглядела она при этом такой довольной, словно пронзила сердце Пен кинжалом.

Бенсон понял намек.

— Подожди-ка! — резко сказал он и поднял руку, заставляя Пен замолчать.

Леди Фитц больше не ворковала, когда сказала холодно и деловито:

— Я уже рассказала вам о своем сне, капитан Бенсон. То же самое снилось и мистеру Бурилову. Мы с ним, должно быть, очень похожи, если нам снились одинаковые сны, не так ли? Но, как выяснилось вскоре, на борту, кроме Алексея, нашлись и другие родственные души. О Боже, да! Один из них — преподобный Сватлов. Он тоже знает об Ирсули! Верно? — спросила она, глядя ему в глаза.

Флора горячо воскликнула:

— Гарольд, говори! Скажи ему! — но Сватлов смог только глотнуть и бросить умоляющий взгляд на Бенсона.

Флора не выдержала, вскочила на ноги:

— И я видела то же самое! И Чед тоже! Доктор Фенимор успокаивал нас своими пространными объяснениями, чтобы сбить с толку! Леди Фитц-Ментон и Чед говорят, что он делал это сознательно, чтобы помочь вам, капитан. Может быть, да... а может, и нет.

Она неуверенно взглянула на меня. И добавила:

— Но вам не помогло то, что он удержал нас от рассказов друг другу. Мы давно уже поняли, *что* вы пытаетесь сделать с нами.

Челюсть Бенсона отвисла. Он попытался встать, но Пен положила руку ему на плечо и удержала.

Леди Фитц смотрела мимо нас — в дверях появился Бурилов, выжидательно улыбаясь, словно в ожидании аплодисментов. Мактиг больно стиснул мне руку.

Флора сказала:

— Может, вы лучше доктора сможете объяснить наши сны, капитан Бенсон?

Но Бенсон молчал. Он взглянул на Пен, потом на Мактига, на меня. Глаза его сузились, губы дрогнули.

Чедвик встал. Тем временем Бурилов уже вошел и встал за стулом леди Фитц. Она вцепилась в его руку. Бурилов заметил, что

Мактиг смотрит на него, и насмешливо поклонился. Ирландец сильнее сжал мою руку.

Чедвик заговорил:

— Ваши объяснения излишни, капитан. Мои друзья их уже знают. И мы знаем, зачем вам это понадобилось. Вы хотите за наш счет доказать, что ваш рассудок в норме.

Флора подтверждающе кивнула:

— Вы осмелились использовать меня!

Бенсон по-прежнему ничего не отвечал, но в глубине его горла зародилось рычание. Пен сняла руку с его плеча и бросилась между ним и Чедвиком.

— Ради Бога, Чед! Следите за своими словами! — крикнула она.

— Уж я-то слежу! — вызывающе ответил он. — Я выбираю слова с величайшей осмотрительностью. Можете быть уверены!

Она прикусила губу. Мускулистая рука Бенсона отодвинула Пен в сторону. Он смотрел на Чедвика, как смотрят на скорпиона, прежде чем растоптать того. Медленно, словно рот его расплывался, на лице появилась злобная гримаса.

Чедвик улыбался, но все же осторожно попятился. Он сказал:

— Да, капитан, вы меня ненавидите! Вы думаете о змее, пригретой на груди. Теперь вам остается кое-что сделать. Что-то непоправимое. Тем самым вы докажете мою точку зрения. До сих пор вам удавалось обращаться с нами по-своему, но этому пришел конец. Отныне...

Пен снова схватила отца за плечи, рычание того стало громче.

— Отец, нет! Не позволяй ему тебя спровоцировать! Разве ты не понимаешь?..

Мое запястье онемело от хватки Мактига. Он выпустил его и двинулся к Чедвику, который шагнул в сторону, напрягаясь в ожидании предстоящей стычки. Но Флора бросилась между ними.

— Не трогайте Чеда! Он прав, и не смейте останавливать его! И никого из нас! Никто нас не остановит! — кричала она.

Лицо Мактига, приблизившееся к ней, пылало гневом. Но оно зажгло ответное пламя. Прекрасная и сверкающая, Флора схватила Мактига за руки. Я понял, что́ чувствует хлопушка, когда подожжен ее фитиль. Инстинктивно я приблизился к Пен и Бенсону.

— Будь вы добрее ко мне, — кричала тем временем Флора, — если бы хоть раз, когда я просила, вы проводили меня до каюты, я поверила бы каждому вашему слову! Я не поделилась бы с Чедом своими подозрениями! Но нет, вы не снизойдете до меня, низкорожденного существа. Но я человек, и докажу вам...

Ее длинные алые ногти метнулись к лицу Мактига. Тот перехватил ее руку. Сватлов попытался ее успокоить и встал, беспомощно разводя руками. Флора не сопротивлялась. Она расслабилась, опустив

голову на широкое плечо Мактига, как промокательная бумага, впитывая его близость.

Две струйки крови проступили на щеке Мактига, слились и потекли вниз. Мактиг строго сказал Чедвику:

— Держитесь от меня подальше, приятель, пока можете!

Я стоял так близко к Пен, что она протянула руку и смогла коснуться меня дрожащими пальцами.

Чедвик спросил Бенсона:

— Мне стоять в стороне, как советует Майк? Или мы сразу перейдем к делу?

Сватлов, вяло помахивая руками, проскулил: «Нет, нет!» А Бурилов величественно повернулся и смерил его презрительным взглядом. Морщины на лбу Бенсона и складки в уголках рта углубились. Он знаком велел Чедвику продолжать.

Чедвик сказал:

— Как уже заметила Флора... я тоже видел сны об Ирсули. «Это сны... или воспоминания?» — спросил себя я.

Признаю, что вначале я оказался в затруднении. Но когда переговорил с друзьями, истина открылась мне. Вы всегда пользовались одной процедурой, и в этом ваша ошибка. Все мы видели колесо в вашей каюте. Каждого вы просили дотронуться до него и спрашивали, видим ли мы что-нибудь. Вы очень искусно подсказывали, что́ мы должны увидеть, и нам казалось, что мы действительно что-то видим и что это якобы воздействие колеса и воспоминаний. И все это навеяно историей о встрече вашего прадеда с черной жрицей.

Потом нам начинали сниться сны — вызванные искусственно. Доктор своими объяснениями успокоил наши страхи; но тут мы начали замечать, что совершаем поступки, которые в здравом уме никто из нас не совершил бы! Среди экипажа начались разговоры, что мы слегка... тронулись.

Это походило на розыгрыш, когда говоришь по очереди двоим, что его напарник спятил и его нужно успокаивать. А потом наблюдаешь за ними и смеешься. Но что касается Сватловых, леди Фитц и Бурилова, то это совсем не шутка. И для меня тоже. Я давно заподозрил вас, мой дорогой капитан. С меня хватит. Я занимаю ваше место, и отныне вы все делаете только с моего дозволения!

Леди Фитц вскочила, готовая бежать от разъяренного Бенсона. Бурилов почему-то спрятался за нее, а не наоборот. Чуть поодаль неподвижно застыл Сватлов. Флора вздохнула и неохотно отпустила Мактига.

Но Бенсон спокойно сказал:

— Видите, что вы наделали, Фенимор, со своей вечной медициной? — И Чедвику: — Ничего нового вы мне не сообщили, парень. Я тоже давно вас раскусил. И вот что я скажу. Мы немедленно вы-

садимся на остров и найдем там сокровище. Это покажет, кто из нас прав.

Чедвик разочарованно заметил:

— Это только докажет, что вы подложили его заранее.

Леди Фитц с отвращением оттолкнула руку Бурилова и холодно сказала Бенсону:

— Я и подумать не могу, чтобы уйти с корабля с вами! Особенно сейчас, когда стемнело.

Вмешался Бурилов:

— Может, вы забыли о человеке, которого хотели задушить? Мы — нет!

Но и это никак не подействовало на Бенсона. Чедвик выразительно посмотрел на Флору: она приблизилась к Бенсону, словно ожидая, что он ее ударит. Мактиг издал сдавленный звук, но остался неподвижен.

Флора сказала:

— О да, мы покинем этот корабль, но без вас! Вы дадите нам катер, и Чед отвезет нас в ближайший порт.

Пен рассмеялась ледяным смехом.

— Вы никогда не доберетесь до порта на катере. Вы в милях и милях от...

Флора так же холодно прервала ее.

— Мы согласны рискнуть, — сказала она. — Это менее опасно, чем оставаться здесь. — Она задрала нос и скользнула к своему брату.

— Бог до сих пор хранил нас, — вмешалась леди Фитц. — Не оставит и теперь.

И тут Бенсон взорвался.

— Нет, черт побери! — вскричал он, сжав кулаки. — Вы не покинете корабль!

Этого они и ждали. Чедвик напряженно спросил:

— Почему?

Бенсон начал вставать. Пен коснулась его и быстро произнесла:

— Потому что это нечестно! Вы обвиняете моего отца, но не даете ему возможности доказать, что вы не правы. — Бенсон в ярости повернулся к ней, но она торопливо продолжала: — Если вы сейчас отплывете одни и затеряетесь в море, вы сделаете все, чтобы нанести ущерб репутации моего отца!

Мактиг рявкнул:

— Только скажите слово против него на берегу, и все миллионы Бенсона до последнего цента обрушатся на вас!

Сватлов скорчился за своей человеческой баррикадой.

— Тише! — крикнул Бенсон, затем добавил: — Говорите, я вас слушаю.

— У нас... есть другая... причина... для отплытия, — заговорил

Сватлов. — Этот корабль... отремонтирован... наскоро... он не пригоден для плавания. Слабый ветерок здесь может бросить его на рифы! Так сказал Джонсон...

Бенсон прикрикнул:

— Забудьте этот вздор! Если вы уплывете сейчас, вы опорочите мое имя и разорите меня; я потеряю корабль, а Джонсон — работу. Сейчас у меня есть шанс оправдаться. Прошу вас только еще об одном дне...

— Разве удерживать нас здесь против воли — не насилие? — спросила леди Фитц у Чедвика.

— Я здесь капитан, вы, крашеная Иезавель![1] — рявкнул Бенсон. — Я здесь закон! Вы будете слушаться, или я посажу вас под замок! Ясно?

Чедвик рассмеялся:

— Ничего не выйдет... капитан. — Звание он произнес будто крайнее оскорбление.

— Конечно, — тут же поддержала его леди Фитц. — К чему сейчас ваши планы, когда мы знаем, что Ирсули — всего лишь выдумка?

Мактиг усмехнулся.

— Ирсули — выдумка! — сказал он. — Да, вы впустили ее в себя. Но избавиться от нее, леди Фитц, гораздо труднее. Она действовала через вас раньше, будет действовать и потом, вопреки всему! Включая молитвы.

— Майк! — сказал я, но он уже повернулся к Бенсону:

— Отпустите их, капитан. Пройдет пара дней, и Ирсули пригонит их назад!

Взгляд Чедвика заметался, словно в поисках лазейки.

— На острове не может быть никакого сокровища, — сказал он. — Если только вы его заранее не подложили. Но если оно тут и было, за двести лет его давно уже отыскали. Вас опередили, капитан!

— Если бы радио работало, — ехидно возразил Мактиг, — могло бы быть по-вашему. Вы передали бы сообщение и опередили нас. Но нет, все в порядке.

Флора выпалила:

— Я все равно не останусь, даже если вы приставите ко мне охранника, капитан!

Бенсон и Мактиг сжали кулаки и переглянулись. Флора жеманно улыбнулась и направилась к двери.

— Я заручилась поддержкой нескольких моих друзей среди вашего экипажа. Они мне больше подходят. Прикажите им не помогать нам,

---

[1] В Библии — жена царя Ахава, покровительница «пророков Ваалловых», преследовавшая пророка Илию. Пользовалась румянами и гримом. В переносном смысле — бесстыжая, падшая женщина. *(Прим. перев.)*

и увидите, кому они подчинятся! Гарольд, ты идешь? Леди Фитц-Ментон? Алексей? Чед?

Я слышал, как Бенсон скрипнул зубами. Он сказал:

— Если цените свободу, вы не выйдете через эту дверь, глупая девчонка!

— Нет? Только потому, что вы — капитан? — Она рассмеялась. — Придурок! Псих!

И беззаботно переступила через порог. Бенсон взвыл и кинулся за ней. Пен, Мактиг и я вцепились в него, но он вырвался, порвав пиджак. Флора закричала и побежала.

Мы гнались за Бенсоном, окликая его по имени. Чедвик бежал следом, торжествующе смеясь. Я слышал стоны Сватлова. Флора скрылась в кают-компании и захлопнула дверь. Когда мы подбежали, Бенсон пытался выбить ее. Он начал отбиваться от нас. Удар по лицу швырнул меня на Пен. Мактиг один не мог с ним совладать. Бенсон уперся плечом, нажал и распахнул дверь. Я услышал крик Флоры.

С разных сторон послышались ответные крики. Леди Фитц звала Бурилова, лицо ее светилось радостью. Бенсон схватил Флору, та вырвалась, порвав при этом и платье, и тонкое белье под ним и оставшись обнаженной по пояс.

Словно ниоткуда возник вдруг весь экипаж. Чедвик тут же картинно поспешил присоединиться к нам в попытке удержать капитана, и Мактиг набросился на него. Остальные попытались увернуться, и несколько секунд на палубе царил хаос.

Флора кричала:

— Он спятил, он хотел меня убить! — В этот момент скорее именно она здесь выглядела безумной.

И тут вдруг все кончилось. Чедвик и Мактиг разошлись, свирепо глядя друг на друга. Мы с Хендерсоном держали Бенсона. Пен гладила его по щеке и что-то жалобно шептала. Флора продолжала вопить. Я отпустил руку Бенсона и направился к ней, чтобы успокоить. Пен крикнула:

— Все это подстроено, капитан Джонсон!

Флора закричала еще громче и бросилась прочь от меня, натыкаясь на моряков. Те с веселым интересом разглядывали ее обнаженную грудь и бурно приветствовали ее приближение. Они окружили ее. Один из них оттолкнул меня.

Чедвик кричал:

— Капитан Джонсон, Бенсон пытался убить девушку! Его нужно изолировать!

Я едва расслышал протестующий возглас Пен — его заглушили крики моряков, поддержавших Чедвика. Флора всхлипывала: это не было слышно за общим гулом, но было видно. К ней пробирался ее

брат, поднимая руки, словно старая дева. Хендерсон повысил голос, приказывая всем замолчать. Джонсон беспокойно поглядывал по сторонам.

Леди Фитц отчетливо произнесла:

— Или вы закуете его в цепи, или дадите нам катер! Здесь мы в опасности. Я требую этого, капитан Джонсон!

— Ее тоже заковать! — крикнул кто-то. — Она тоже спятила!

Слезы Флоры производили сильное действие на окруживших ее мужчин. Я услышал щелчок ножа. Блеснуло лезвие. Коллинз проталкивался сквозь толпу к Бенсону. Я предупреждающе крикнул и метнулся к нему. Стоявшие рядом решили, что я нападаю, и схватили меня. Мы упали и покатились по палубе.

Хендерсон бил ногами моих противников, время от времени попадая по мне. Я пытался крикнуть: «Коллинз! Нож!», но потерял дар речи. Должно быть, во всеобщей сумятице Коллинз добрался-таки до Бенсона, потому что неожиданно послышались крики мужчин и женщин.

Мы продолжали драться, и меня придавило тяжестью людей. Я не мог высвободить руки, удивился, увидев рядом лицо Хендерсона: его тоже втянули в схватку. Потом краем глаза заметил дерущихся Перри и Коллинза и стоящего на бухте троса Чедвика, убравшегося подальше от опасности. Голова моя ударилась о палубу, и сквозь яркие белые вспышки я увидел у поручня леди Фитц; закрыв рукой глаза, она раскачивалась и громко звала Алексея.

Словно снаряд ударил меня в челюсть, и я замер, ошеломленный и оглушенный. Клубок сцепившихся тел оставил меня и покатился дальше.

Первое, что я увидел, придя в себя, была Дебора. Свесив ноги, она сидела на крыше капитанской каюты и с мрачным удовлетворением смотрела вниз. Не знаю, как она туда попала; позже она сказала, что просто запрыгнула, но это немыслимо. Чтобы завершить картину, не хватало только вязанья.

Я сел, собираясь с силами, чтобы вернуться в бурю, захватившую всех, кроме Чедвика, леди Фитц и Сватловых. Я тупо смотрел, как отбивается Бенсон. Дерущиеся наносили удары без разбора, драка превратилась во всеобщую свалку.

Бенсон целеустремленно пробивался к Флоре. Думаю, тогда он пришел в такую ярость, что мог бы ее убить. Слим Бэнг вырвался из толпы дерущихся, по-кошачьи метнулся к Бенсону. Вероятно, хотел удержать его.

Флора мгновенно преобразилась. Как испаряется капля воды, упавшая на раскаленное железо, так испарился ее ужас. Она снова — в последний раз — стала той удивительной красавицей, которая танцевала на палубе.

Она вырвалась из рук Сватлова и словно засверкала. Стала огнем, а не женщиной, каждая клетка тела которой отбрасывала зеленые отблески.

— Ты не коснешься меня больше! — глубоким голосом воскликнула она. — Ты... ты уже держал меня! Некогда ты поставил свою волю выше моей... и пострадал из-за этого! Хочешь повторить ошибку?

Она скользнула к нему.

— Я, Ирсули, больше не нуждаюсь в тебе! Рафферти сделает то, что должен сделать!

Она вскинула руки быстрым, плавным жестом священника. Слим Бэнг встал перед Бенсоном, заслонив его своим черным телом, и прохрипел:

— Нет, Эзули! Он мой капитан, не делай этого!

Но руки Флоры уже рухнули вниз, словно она швырнула что-то очень тяжелое, но невидимое. Слим Бэнг закрыл лицо руками.

Одновременно леди Фитц крикнула: «Стой!» — и еще резче: «Я говорю, стой!». Слим Бэнг судорожно вздрогнул и отскочил назад, а леди Фитц испустила крик без слов, но такой резкий, что у меня зазвенело в ушах.

С долгим дрожащим вздохом — словно гигантские когти безжалостно вырвали его дыхание — Слим Бэнг повалился навзничь и застыл. Ужасный лик — совсем не похожий на лицо Флоры — посмотрел на него сверху вниз, потом — на Бенсона. Флора снова подняла руки...

Возможно, это был обман зрения, но мне показалось, что в этот момент зеленое свечение переметнулось на леди Фитц.

— Самозванка! — вскричала она. — Ты пользуешься моими знаниями для своих целей? Я Ирсули, а не ты!

Это не был ее голос — казалось, само пламя обрело дар речи. В эту секунду все дерущиеся и кричащие люди казались нереальными.

— Ты убила невинного человека, заставив меня нарушить клятву!

Пен прижалась к Бенсону, и оба замерли, глядя на Флору и леди Фитц. Руки англичанки взлетели, сплелись быстрее, чем у Флоры, так быстро, что слились в своем движении. И швырнули невидимый груз.

Снова блеск, снова движение глаз. Я увидел лицо леди Фитц, и оно не светилось, нет. На нем отразился невыразимый ужас, когда Флора медленно, сонно опустилась на палубу и грациозно легла — прекрасная в своем смертельном сне. Леди Фитц метнулась к Сватлову, тот завопил и попятился прочь от нее, потом упал на колени рядом с сестрой.

Он тряс ее; я услышал грохот выстрелов. Кто-то палил в воздух. Увидел, как схватили Бенсона и Пен. Попытался прийти им на помощь. Бенсон не сопротивлялся. Глаза его не отрывались от тела Слима Бэнга. Я оказался на краю полукруга. Драка кончилась. Бенсона, Пен,

Мактига, Хендерсона, Джонсона, Маккензи и нескольких их сторонников держали, завернув им руки за спины. Чедвик с пистолетом в руке спрыгнул с бухты и встал рядом со Смитсоном, раздувшимся от важности. У всех в этой группе были пистолеты. Смитсон и его люди оценивающе поглядывали на плененных.

Перри лежал неподвижно, кровь ритмично била из перерезанного горла. Рядом с ним лежал еще один человек, а под ним — Коллинз. Он дергался и стонал.

Вспыхнули палубные огни. Я беспрепятственно подошел к Перри, но спасать его было уже поздно. Когда я склонился над ним, он конвульсивно изогнулся, из горла показались кровавые пузыри и вытекла последняя струйка крови. Мгновением позже он был уже мертв.

Я занялся человеком, лежавшим поверх Коллинза. Коллинз цеплялся за меня и стонал, и я отодвинул его. Второй раненый получил ножом в легкое, у него было сильное внутреннее кровотечение.

Я настоятельно потянул за брюки стоявшего рядом. Это был один из группы Смитсона.

— Быстрее! Помогите мне отнести его в лазарет! Нужна операция!

Тот отбросил мою руку.

— Он шпион Бенсона!

— Но он же умрет без немедленной помощи! — крикнул я Чедвику и Смитсону, но те сделали вид, что не слышат. Хоть мне и не хотелось рисковать, нужно было оперировать немедленно — лицо раненого уже посинело, он захлебывался собственной кровью.

Я вскочил и побежал в свой кабинет, лишь подсознательно отметив, что Чедвик и его сторонники учинили Бенсону и его людям самосуд. У лестницы я столкнулся с новыми людьми из экипажа; почти все несли оружие. Один бросил свою ношу и схватил меня.

— Ранен человек! — крикнул я, вырываясь. — Нужно быстро его оперировать! — Он отпустил меня, но когда я вернулся с медицинской сумкой, раненый уже умер.

Я направился к Слиму Бэнгу, решив пока обождать с Коллинзом — у того была всего лишь царапина, к тому же он был больше других виновен в нынешней ситуации.

Должно быть, у Слима Бэнга было слабое сердце. Страх перед Флорой в образе мстительной Эзули убил его. Но что убило Флору, я в данный момент сказать не мог. Возможно, вскрытие покажет.

Мне стало жаль маленького Сватлова. Он был рядом, пока я осматривал Флору, и, как многие другие в подобной ситуации, не мог поверить, что его любимая сестра мертва. Сидел, гладил ее по голове, словно она всего лишь уснула и Бог не допустит ее смерти, а если допустит, тогда никакого Бога нет.

К нам подошли люди Смитсона, оторвали Сватлова от сестры и

занялись леди Фитц. Та свернулась в позе зародыша и не сопротивлялась, когда Сватлов ударил ее пуховым кулачком:

— Убийца! Дьяволица!

Матросы, бранясь, связали ему руки, но от этого истерия его только усилилась. Я хотел успокоить его, но на меня прикрикнули, что помогут ему лучше лекарств, и сделали это при помощи нескольких ударов. Он обвис на руках, и его швырнули к ногам Бенсона.

Дебору сняли с крыши рубки и присоединили к остальным пленным. Казалось, она была довольна, словно наслаждалась справедливыми муками своего врага.

Джонсон кричал, чтобы его отпустили, отдавал приказы. Его люди отвечали смехом или шутовски передразнивали его.

Леди Фитц пришла в ярость, когда ее присоединили к остальным пленным. Она вскричала:

— Но я ведь с вами, Чедвик! Я вам помогла!

Чедвик издевательски рассмеялся. Смитсон приказал мне:

— Займитесь Коллинзом! Мейсон, Барнс, приглядите за ним! — И когда они подбежали, сказал: — Подождите!

Схватил меня и впился взглядом. Дыхание его было зловонным.

— Вы нам нужны, но не пытайтесь мешать нам! За вами будут следить! При первом же подозрительном шаге — с вами покончено! Ясно?

Я ничего не ответил. Глаза его сузились.

— Отвечайте, черт возьми! И называйте меня «сэр»! Я здесь капитан, не забудьте!

Я вырвался и пошел к Коллинзу. Барнс и Мейсон держались рядом. Коллинз, не вынеся вида собственной крови, потерял сознание.

— Бурилов! — услышал я крик Чедвика. — Где русский?

Леди Фитц тотчас же прекратила свои негодующие крики. Вероятно, вообразила, что ее любовник сейчас в одиночку готов освободить ее, и теперь пыталась выиграть время, разразившись непристойной бранью, но добилась лишь того, что Чедвик ударил ее по губам.

Бурилов прятался на носовой палубе, под катером. Когда же его нашли и притащили, она стала взывать к нему, но он смотрел туда, где лежала Флора.

Джонсон, перекрывая брань Бенсона, кричал:

— Вам не уйти с этим! Когда мы придем в порт...

Один из громил Смитсона ответил:

— Вы и ваши проклятые приятели никогда не вернетесь ни в какой порт.

— Верно! — Чедвик произнес это громко, чтобы слышали все. — Либо вы, либо мы. Если вы окажетесь на берегу, у нас не будет ни одного шанса. С поддержкой Бенсона вы добьетесь нужного приговора любого суда. Поэтому мы не можем доводить дело до суда. Жаль,

но с вами произойдет... — он неопределенно махнул рукой, — еще одна необъяснимая морская трагедия. Вы просто... исчезнете.

Я услышал смех Мактига и рассердился на него из-за этой нелепой реакции.

— Сбросить их в океан! — выкрикнул кто-то.

Смитсон несколькими ударами заставил Бенсона замолчать. Я знал, как отнесется к этому Пен, и поэтому бросил Коллинза и свой нейтралитет, который, сохрани я его, дал бы мне возможность помочь пленным.

Пен крикнула Смитсону:

— Ты жалкий трус!

Смитсон взмахнул кулаком, собираясь ударить ее. Барнс толчком поставил меня на колени и ткнул в спину пистолетом. Чедвик сам перехватил руку Смитсона.

— Потише! — рявкнул он. — Никто ее не тронет, ясно?

Смитсон с бранью вырвался. Издевательский смешок Мактига заставил его повернуться.

— Вы чертовски правы! — сказал Мактиг. — И если у вас есть здравый смысл, держите руки подальше от нас!

— Что? — Лицо Смитсона было мрачно.

Мактиг улыбнулся, словно комическая маска.

— Вы кое о чем забыли, и вы, и чернобородый Чедвик. Кто провел вас сквозь эту головоломку, сквозь этот частокол рифов? Я! А кто вас выведет? Никто не знает прохода, кроме меня.

— Думаю, мы справимся, — ответил Чедвик. Но я видел, как он беспокойно взглянул на Смитсона.

— Как же! Вы только и сумеете, что посадить корабль на риф, и потопите его вместе с собой.

Мактиг усмехнулся, когда Чедвик оглядел корабль.

— Шлюпки? Да они и половины вас не вместят. Кому-то придется тонуть, и вот когда вы будете решать, кому именно, начнется ад. Никому не понравится, если его бросят.

Подобно Чедвику, он говорил громко:

— Если вы решите уходить на шлюпках, вам придется резать друг другу глотки. Вполне в вашем стиле, Чед.

Смитсон плюнул, схватил Мактига за ухо и резко крутанул.

— Больно, — спокойно заметил тот.

— А теперь? — подчеркнуто зло спросил Смитсон и повернул еще сильнее. — У меня есть способы заставить тебя слушаться, рыжий!

Мактиг скривился, не переставая улыбаться:

— Вы думаете? Но знаете, когда мне больно, я утрачиваю память.

Смитсон раскрыл рот и выпустил его ухо.

— Да, — еще мягче продолжал Мактиг, — боль творит со мной странные вещи.

Чедвик похлопал Смитсона по плечу и занял его место.

— Сильная боль, — усмехнулся он, — может подействовать и по-другому.

— Нет, — ответил Мактиг, наклоняясь, чтобы потереть покрасневшее ухо о плечо одного из караульных. — Сильная боль принесет непоправимый вред. А сможет ли такой рулевой вести корабль? К тому же даже с превосходным здоровьем я не захотел бы жить, если не нравлюсь сам себе. Поэтому я совершу самоубийство. Может, прямо за рулем.

Чедвик задумчиво повернулся к Пен. Ее белое лицо светилось, как цветок в тростнике. Она отшатнулась от него. Леди Фитц запищала и обвисла, но обморок вывернул ей руки, и она немедленно пришла в себя. Мактиг предупреждающе толкнул меня ногой и сказал, обращаясь к Чедвику:

— Если думаете о непрямых методах воздействия, не старайтесь. Вы знаете, какой я мягкосердечный. Меня печалит, когда моим друзьям больно. Как я могу заниматься своим делом, если я опечален? Так что обращайтесь со всеми нами как можно лучше, и, может быть, тогда я выведу вас отсюда.

— Это ты сейчас так говоришь! — сказал один из людей Смитсона.

Мактиг рявкнул:

— Только троньте кого-нибудь, и увидите, что получится!

— Заткните ему пасть! — крикнул кто-то еще.

Но Чедвик и Смитсон беспокойно переглянулись и отошли на несколько шагов. Смитсон подозвал своих приближенных. Они недолго шепотом посовещались, затем Чедвик вернулся к Мактигу и иронически поклонился.

— Один — ноль в вашу пользу. Вы в безопасности.

— Пока, — сухо согласился Мактиг.

Чедвик пожал плечами и менее вежливо спросил:

— А чего вы ожидали? Вы ничего не выиграли, только немного времени. Затянули агонию, — добавил он, улыбаясь Пен.

Она взглянула на меня. Мактиг — тоже.

— За это время многое может случиться, Чед, — сказал он.

Я понял его. Пройдя рифы и выйдя в открытое море, мы больше ничем не сможем обеспечить свою безопасность. Но хоть меня и стерегли, я как врач имел уникальную возможность вырвать успех у мятежников.

Чедвик фыркнул:

— А, понятно! Вы на самом деле верите в этот вздор насчет Ирсули! Вас спасет африканский фетиш! Сон!

Он скользнул к Бенсону, который теперь молчал, но смотрел по-прежнему вызывающе:

— Или вы загипнотизируете всех, одного за другим? Нет, дорогой капитан, вы никого не увидите, сидя под замком!

Он снова зашептался со Смитсоном. Я закончил перевязывать Коллинза и встал. Барнс тут же прижал ствол оружия к моей спине и предупредил:

— Я слежу за каждым взмахом твоих ресниц, приятель!

— Что ж, ваше дело, — дружелюбно ответил я, зная, что сторож помешать мне не сможет. Если, конечно, ничего не смыслит в медицине. Даже самый правильный рецепт, если неправильно его применить, может оказаться смертельным.

Смитсон занялся устройством пленных, а я добродушно и заботливо смазывал ушибы и порезы, добиваясь большей свободы передвижения, которая мне потом понадобится.

Но, работая, я все время вспоминал Борджиа. Никогда они не были так внимательны к своим жертвам, как когда собирались их отравить.

24. БЕЛОЕ ПЛЕМЯ

Некий мудрец заметил, что человек не устает на самом деле, если рассматривать сон как совершенно новое состояние. По этим стандартам я измерял свою усталость в ту ночь. Хотя пленников и увели, но произошли новые вспышки насилия, и у меня хватало дела.

Кое-кто возражал против стремительного возвышения Смитсона, результатом чего явились новые стычки и ранения, и ко мне пришли за помощью. Предложение Чедвика о выборах старших офицеров спровоцировало политическую кампанию, и наиболее вероятные кандидаты яростно принялись добывать голоса, в результате — новые раненые и пополнение в лазарете.

Кое-кто переменил свое мнение в пользу Бенсона. Прежде чем их выступление было подавлено, погибли еще двое, и их, вместе с телами Слима Бэнга, Перри и того, что умер от раны в легких, бросили за борт. Перед тем, как выбросить за борт тело Флоры, с ним обошлись так отвратительно, что я чуть не утратил самообладания. Меня удерживала только мысль о Пен.

Каюту Бенсона разграбили, портрет старого капитана вырвали из рамы и издевательски прибили на рее вниз головой. Чедвик и Смитсон предъявили всем чашу и драгоценности Рафферти, предотвращая дезертирство: они хотели, чтобы моряки по-прежнему относились к Бенсону враждебно.

Все толпились у поручней, глядя на остров Рафферти и требуя немедленно отправиться туда за сокровищем Бенсона. Чедвик через Смитсона пообещал, что экспедиция выступит на рассвете. Но если они не хотят перерывать весь остров, лучше подождать, пока Чедвик

узнает, где запрятано сокровище. И чем быстрее мы покинем эти воды, тем лучше.

— Бенсон не скажет, — сказал Чедвик Смитсону. — Мактиг его поддерживает и потому тоже не сдастся. Но есть и другие, кому известно место, и их можно убедить.

— Но ведь он и над вами поработал, — сказал Смитсон.

— Да, у меня тоже были сны, но не такие яркие, как у остальных. Я слишком быстро в них разобрался. — Тут он заметил меня. — Какого дьявола вы тут делаете?

— Я закончил с вашими людьми. Можно ли осмотреть Бенсона и Мактига?

Смитсон был практичен и не хотел возиться с обреченными — все равно что кормить приговоренного перед казнью. Уже наступил рассвет, когда я смог навестить леди Фитц, Дебору и Бурилова. Их поместили в крошечной каютке, раньше принадлежавшей кому-то из экипажа. Предварительно ее очистили от всего, что могло бы послужить оружием.

Мейсон стоял у двери, Барнс — рядом со мной, пока я обрабатывал ушибы Бурилова. От йода русский застонал. Барнс презрительно усмехнулся. Леди Фитц смотрела на караульных с тем интересом, с каким посетитель трущоб взирает на нищих.

Она щебетала, обращаясь ко мне, но украдкой поглядывая на Бурилова:

— Когда Флора... умерла, я на мгновение подумала, что совершила ужасную ошибку, дорогой доктор. Я решила, что ее убило волшебство Ирсули! Но я молилась, и мне открылась истина. Кок умер, ибо суеверно думал, что Флора может убить его духовной силой. Гипноз капитана Бенсона заставил меня отомстить за кока в облике Ирсули. Флора верила, что ее волшебство способно убивать. И потому решила, что и мое волшебство такое же сильное, и умерла от страха. Ведь вы тоже так считаете? — Но глаза ее были устремлены на русского. Я припомнил его интерес к Флоре и подумал, что он считает леди Фитц убийцей. Она хотела, чтобы я оправдал ее в его глазах. — Доктор, — просила она, — скажите мне!

Но я чувствовал, что своими объяснениями и так уже вызвал немало горя, и продолжал молча заниматься русским.

Она презрительно сказала:

— Я так и думала. Вы на самом деле орудие этого злого духа — Бенсона. — Она негодующе пожала плечами и заметила задумчивый взгляд Мейсона.

— Что станет с нами, беспомощными женщинами, в руках этих животных? — воскликнула она. — Они... хотят нас! И они такие сильные звери, что они... возьмут нас! — По-видимому, эта перспектива не

привела ее в состояние уныния, и она добавила: — Против нашей воли!

Я вспомнил насмешливое предположение Пен о том, что глубочайшие эмоции у леди Фитц вызывает стресс, и подумал, не рассматривает ли она то, что иногда считают хуже смерти, просто возможностью спасти себе жизнь — пусть сомнительной ценой чести.

Она сжала руки и посмотрела вверх. Ни одна жертва на арене не смогла бы проделать это лучше.

— Я убью себя, прежде чем сдамся! Но это значило бы отречься от своего долга... Я принесу себя на жертвенный алтарь, я пойду к этому ужасному Смитсону! Он пощадит жизнь моих друзей в обмен на мое тело!

Барнс разинул рот. Он был больше удивлен, чем испуган. А Бурилов прекратил свои стоны.

Леди Фитц проявила необычайную энергию.

— Дебора! — воскликнула она, хлопая в ладоши. — Займитесь моей прической! О, я несчастная, мое платье изорвано! И запачкано! Если бы только здесь было зеркало...

Дебора спокойно исполняла приказания. Леди Фитц презрительно заметила:

— Если бы вы были настолько же женщиной, насколько я, Дебора Макрэ, вы повторили бы мое самопожертвование! Но, конечно, человек-зверь никогда не прельстится низкой женщиной вашего типа и класса.

Дебора молча продолжала выполнять свои обязанности, словно отвечая, что ее добродетели сами по себе являются наградой. Неудивительно, что эти двое были вместе, несмотря ни на что — они взаимно дополняли друг друга. Служа леди Фитц козлом отпущения, Дебора в своих глазах постоянно повышала собственное моральное совершенство.

Мейсон усмехнулся:

— Только подумать! Старая карга считает, что Смитсон пощадит ее только потому, что...

Леди Фитц покраснела и перешла на другой тон.

— Алексей, ты слышал это? О, презренный! — Небо почему-то не рухнуло на Мейсона, и леди Фитц удивилась, почему. — Алексей, если бы ты был мужчиной, а не трусом, ты отомстил бы за оскорбление!

Бурилов отозвался на очередную порцию йода не менее крепкими словами.

— Ты называешь меня трусом...

Он вырвал руку, которую я перевязывал, и ударил себя в грудь.

— Посмотри на себя, ты, ведьма! Прихорашиваешься для этого зверя! Ты, мешок костей! Ты отвратительна! Ужасна!

Тут они вспомнили «ночное происшествие», о котором мне рас-

сказывала Дебора, и за отсутствием другого оружия принялись швырять друг в друга обвинения. Мейсон и Барнс покачали головами при виде такого бешенства и отвели меня к Сватлову, Джонсону и Маккензи, которых содержали вместе.

Когда я вправлял вывихнутое плечо Маккензи, Джонсон негодующе фыркнул и указал на листок бумаги.

— К нам прислали Роббинса с этим листком. Говорят, что если мы подпишем заявление о сумасшествии Бенсона, останемся в живых.

Маккензи рассмеялся:

— Такой сертификат им бы весьма пригодился, но нам он ничего не даст. К дьяволу их! К вам это тоже относится, Барнс и Мейсон!

Я осмотрел Мактига и туго перетянул повязкой его сломанные ребра. То немногое, что он сказал, потом повторила Пен, когда Чедвик привел ее ко мне в кабинет. Она беспокоилась об отце, который — Чедвик сообщил мне это с улыбкой — отказывался подпускать меня к себе.

Пен сказала:

— Он сердит на тебя, Росс, потому что главным образом ты виноват в срыве его планов. Он считает, что ты заодно с Чедом.

Чедвику это не понравилось. Пен продолжала:

— Но когда мы выберемся из этих неприятностей, он изменит свое отношение. А мы выберемся, — оптимистически повторила она, на что Чедвик опять улыбнулся. — Поиск, который шел двести лет, слишком далеко зашел, чтобы его могли оставить перед самым завершением.

Эта вера подбодрила ее, но меня опечалила, а Чедвика просто позабавила. Она закончила:

— Отец... папа... он больше не старый капитан! Он снова Джим. Должно быть, шок от происшествия вернул его к реальности. Я вам благодарна за это, Чед. — Снова его улыбка исчезла. — И отныне он всегда будет Большим Джимом. Я знаю это! Он сам мне сказал, он усвоил урок. Достаточно быть самим собой и не брать на себя ответственность за других. Он больше не маленький мальчик, играющий в индейцев, — печально сказала она. — Он... вырос.

Пен снова попросила Чедвика освободить отца, но тот отказался, и она ушла к себе. Уже наступило утро, море и небо были так чисты, что мы плыли словно в сапфировом пузыре, где солнце и его неподвижное отражение — только блики.

Где-нибудь в этих широтах кто-то, несомненно, приветствовал это море и это небо. И я мрачно подумал: будет ли Судный День таким же спокойным и ярким?

К этому времени руки у меня дрожали от напряжения и усталости, и я принял дозу кофеина. Мои конвоиры не сразу позволили мне взять его с полки, вначале расспросили, что это и для чего используется. Как у стимулятора, у него скорее психологический, чем физио-

логический эффект. Я привык к нему в студенческие годы, когда нужно было не спать перед экзаменами.

— Боже, да он наркоман! — прошептал Мейсон Барнсу и сунул склянку себе в карман.

Как бегун обретает второе дыхание, так и я снова обрел бодрость. Закончил работу с ранеными и был отведен к Смитсону для доклада. Он в этот момент был занят, и я остался незамеченным.

Роббинс привел Сватлова. Маленький пастор шел спотыкаясь, выражение лица у него было отчужденное, словно он считал себя единственной реальностью в мире призраков. С собой он нес бумагу и карандаш.

Смитсон, должно быть, решил, что это заявление Джонсона и Маккензи. Он выхватил бумагу, осмотрел, шевеля губами, и вернул:

— Что это такое?

— Моя проповедь, — сонно ответил Сватлов. — Впервые в жизни я буду говорить правду. Не буду повторять, чему меня учили. Скажу то, что сам был удостоен понять.

Чедвик взял у него бумагу.

— Ну-ка, посмотрим! — Вероятно, он решил, что это история мятежа.

Пока он бегло просматривал рукопись, Сватлов мирно продолжал:

— Я не готов был учить других. Поэтому меня постигла неудача. Я думал, что Бога нет, но теперь я узрел Его. Я был слеп и черен от греха...

Именно это уже однажды утверждала леди Фитц.

— Есть только один путь в жизни — познать себя, ибо только так можно познать Бога в себе. Я не знал себя, я был слишком нетерпелив. Мой долг по отношению к сестре был духовным, но я, не зная ни себя, ни ее, считал его физическим. Чтобы доставить удовольствие ее телу, я привез ее сюда — на смерть. Я преклонялся не перед Богом, а пред маммоной.

Голос его дрогнул. Он отвернулся, мигая. Смитсон смотрел на него, как эскимос на веер.

Чедвик отбросил бумаги.

— Галиматья! — отрывисто сказал он.

Сватлов медленно и тщательно собрал их.

— Я не виню ни леди Фитц-Ментон, ни капитана Бенсона... в смерти моей сестры. Не они убили ее. Я убил. Но если бы этого не случилось... я до сих пор проповедовал бы ложь и обрекал своих слушателей на гибель.

Теперь и Смитсон, и Чедвик смотрели на него, словно на пришельца из космоса.

— Я грешил ради сестры. Теперь ради нее, ради ее имени я про-

веду остаток жизни, предупреждая других об ошибках. Возможно, это поможет другим слепым...

Барнс выразительно покрутил пальцем у виска. Смитсон нетерпеливо сказал:

— Чед говорил мне, что вы знаете, где сокровище. — Сватлов кротко взглянул на него. — Вы знаете! Сокровище — золото, драгоценности!

Сватлов скорбно покачал головой:

— Ах, мой друг, опасайтесь богатства! Прочтите, что я написал: подлинные желания рождаются из внутренней сущности. И исполнение желания гибельно, если желание не рождено внутренней сущностью.

Он торопливо продолжал:

— Вы не знаете ни себя, ни Бога. Откуда вам знать, чего хочет ваша душа? Сокровища Ирсули, попомните мои слова, вас никогда не удовлетворят, лишь погубят! Они помешают вам достичь знания, ослепят вас!

Чедвик рявкнул:

— Нам не нужны ваши проповеди! Мы хотим...

Но они вынуждены были слушать, и Сватлов знал это. Знаком он велел Чедвику замолчать.

— Вы хотите золота, потому что видели, как другим приносит счастье материальное богатство. Их счастье происходит не от самопознания, не от духовной пищи! Вы не понимаете. Вы считаете, что достаточно просто владеть. Разве за деньги можно купить самопознание? Что хорошего даст вам золото Ирсули, вам, безответственным детям?

Смитсон встряхнул маленького пастора так, что выскочила его искусственная челюсть. Сватлов языком возвратил ее на место. Смитсон взревел:

— Заткнись! Покажи нам путь к сокровищам!

— Ради вашего спасения — нет!

Чедвик сказал:

— Посмотрим!

Он ударил Сватлова по лицу. Маленький человек пошатнулся и буквально подставил вторую щеку. Я двинулся вперед. Барнс оттащил меня. Смитсон схватил Сватлова за руку и начал выворачивать ее.

Сватлов сдержал стон:

— Поверьте мне... я отказываюсь... ради вашего... блага. — Он задрожал, колени его подогнулись.

Смитсон отпустил его руку. На ней виднелась кровь. Чедвик сказал с отвращением:

— Отпустите его. Возьмемся за леди Фитц. Она-то заговорит.

Роббинс увел Сватлова и вскоре вернулся с англичанкой.

Дебора придала леди Фитц весьма представительный вид. Леди Фитц высвободилась и разместилась перед Смитсоном с основательностью двадцатитонного сейфа.

— Имейте в виду: я вас ненавижу, но подчиняюсь судьбе. Ужасный человек, я ваша.

Смитсон отступил так торопливо, что опрокинул стул. Чедвик, улыбаясь, сказал:

— Вас никто не тронет, леди Фитц. Мы хотим только знать, где искать сокровища.

Она выпалила:

— Дурак! Вы знаете, что Ирсули — выдумка капитана! — И снова Смитсону, который поднял стул и огорошенно сел на него. — Рано или поздно это должно было случиться. Не будем оттягивать неизбежное. Пусть я... страдаю... пока еще во мне есть силы.

Смитсон подавился, покраснел и наконец в самых вульгарных выражениях объявил, что его совсем не интересует ее милость, что она то да се, да еще кое-что. Либо она даст то, что им нужно — а им совсем не нужна ее изношенная и непривлекательная плоть, — либо будет страдать, но совсем не так, как она полагает.

Именно последнее заявление привело ее в ярость. Она отступила, задыхаясь, как и Смитсон.

— Вы отвергаете — меня? Самую благородную кровь Англии? Да вы...

Даже Смитсон был ошеломлен этим взрывом. Чедвик прервал ее:

— Не преувеличивайте своего значения! Если мы не получим информацию от вас, есть драгоценный Бурилов. Уведите ее... Подумайте, — добавил он, помолчав. — Минуту назад вы назвали Ирсули капитанской выдумкой. Решайте, леди Фитц-Ментон!

Она опустила глаза. Потом мрачно сказала:

— Не помню...

Чедвик сделал знак Роббинсу увести ее.

— Но я... буду помнить! — свирепо сказала она. — Я вам покажу! Когда я подниму ветер, вы на коленях приползете молить, чтобы я остановила его!

Должно быть, она думала о Бурилове и его отчуждении после смерти Флоры. Когда она выходила, я слышал ее слова: «Я удерживала его не только своей красотой, но и влиянием. И удержу на этот раз — он увидит!»

Смитсон спросил Чедвика:

— Остается русский?

Чедвик мрачно кивнул:

— Он не любит боль. Скажет.

Тут он заметил меня и мою сумку. Когда явился Бурилов, Чедвик разложил хирургические щипцы и скальпели и любовно поигрывал

ими. Бурилов сразу сломался. Он не только сказал, где находятся сокровища, но и согласился сам провести туда.

Чедвик улыбнулся, бросил инструменты в сумку, взял Бурилова под руку и вышел, кивком головы позвав за собой Смитсона.

Выходя, Смитсон сказал:

— Заприте доктора, ребята, и присматривайте за ним — так, на всякий случай.

Поэтому я не видел, как первая шлюпка отправилась на берег. Уснуть я не мог, лишь сидел и обдумывал планы, в том числе и преступные, которые не стану здесь излагать. Осуществить их мне так и не пришлось. Шло время. Наконец вбежал, задыхаясь, один из моих стражников.

— Быстрее... Даррел умирает! — Мы побежали по коридору. Отдуваясь, человек добавил: — Он стоял на карауле у каюты английской ведьмы!

Но Даррел не умирал.

Он умер. Я не успел даже расспросить о причине его смерти — это не обязательно было волшебство леди Фитц, — потому что послышались крики: «Все наверх!»

И еще: «Доктор! Приведите доктора!»

На палубе стоял Морган, его поддерживали матросы.

— Хватайте пистолеты! — кричал он. — Тащите паклю, концы и масло: мы должны их выкурить!

Он был очень бледен, глаза выпучены.

— Выкурить? — переспросил кто-то. — Кого? Смитсона, Шварца, Чеда?

— Русского и Кембла? — спросил еще кто-то. — Ты что, спятил?

Морган сделал слабое движение. Если бы его не поддержали, он упал бы. Он один приплыл в шлюпке с острова.

— Не спрашивайте — действуйте! Пистолеты, паклю, масло! Их там сотни... белых... как призраки! Они схватили всех, кроме меня! Быстрее! Нужно вернуться!

Он увидел меня.

— Его тоже с нами! Понадобится! Берите все фонари: там темно! И побыстрее, ради Христа, быстрее!

На секунду все ошеломленно застыли. Потом забегали: страх Моргана оказался заразителен. Я осмотрел его ушибы и порезы. Казалось, его одежду рвали когти, широко расставленные, словно медвежьи.

Ожидая возвращения остальных, я посмотрел за борт, думая увидеть тела Слима и Флоры.

Но увидел только большого черного спрута, который лежал на дне, широко разбросав щупальца.

Сверху он был похож на гигантское черное колесо.

25. НА ОСТРОВЕ РАФФЕРТИ

Только когда две набитые людьми лодки направились к острову, мы узнали подробности. Остальные матросы готовили к спуску катер, чтобы двинуться за нами.

Теперь остров казался не огромным аметистом, а большим куполом — каменный лоб, за которым рождаются древние каменные мысли. Я не видел никакого берега, только крутые серые скалы выветренного коралла торчали из воды. Отражение в стеклянной воде делало остров шарообразным, мрачным и безжизненным миром, висящим в бесконечной смешанной лазури моря и неба.

Казалось, мы приближаемся к другой планете.

Но тут ветерок коснулся поверхности воды, и нижнее полушарие этой планеты разбилось. Крошечные облака на юге превратились в облачные горы. С черными серединами, с серебряными краями, они надвигались на нас, как строй мечников. Над ними на запад ползли перьевые полоски, словно дымы. Это означало ветер. Мы должны были расстаться с островом как можно быстрее.

Снова я проклял самоубийственную глупость Бенсона, приведшего нас в эти воды.

Мы приблизились к острову. Я увидел, что он расколот словно ударом громового молота Тора. Маленький корабль, такой, каким некогда был старый остов, мог пройти в эту щель, но для «Сьюзан Энн» она была слишком узка.

Мы вошли в миниатюрный фиорд. Его неровные, почти бесцветные стены, казалось, были сложены из войлока, сплетены из серых, лишенных листьев ветвей, связанных непреодолимой силой, как тот непроходимый барьер из колючих растений, что сторожит спящую красавицу.

Мы вошли в пролив, словно чуждые мысли в каменный мозг. Как дыхание жизни в только что сотворенного из глины Адама. Ни звука, кроме плеска весел наших лодок.

Остров как будто ждал нас, затаив дыхание.

Какая-то сила, более мощная, чем наши гребки, увлекала нас вперед. Я подумал о магнитной горе Шехеразады, которая притягивала корабли и бросала их на крутые стены. Фиорд изогнулся. Мы оглянулись. Теперь моря не было видно, мы находились на пороге иного мира.

Один матрос поднял весла.

— Нас несет течением. Можно не грести, — сказал он.

Остальные тоже подняли весла. Нас несло течением по извилистому проливу. В конце его замаячил вход в центральную лагуну — полоска песчаного берега и высокие коралловые стены, усеянные широ-

кими черными отверстиями, подобными запавшим черным глазам без зрачков. Эти глаза, не мигая, смотрели на нас.

Остров оказался атоллом, высоко поднятым над водой, словно море не приняло его и отвергло. Круглый колодец, середина которого скрыта от внешнего мира. Идеальное пиратское убежище, вдвойне защищенное мелями снаружи и этими высокими стенами, закрывающими лагуну от ветра.

Я рассматривал черные отверстия в пористой стене. Морган сказал, что Бурилов повел искателей сокровищ в одно из них. Скала была полой, море пробило в ней многочисленные извилистые туннели, как ходы термитов в дереве.

Вначале остров показался необитаемым. Но лишь потому, что его жители хотели остаться невидимыми. Выстрелы накануне, должно быть, предупредили их, что предстоит вторжение, и они убрали с песка все свои следы. Лишь когда кладоискатели углубились в пещеры, обитатели их напали из засады.

«Призрачно белые и неземные», сказал Морган. Он один сумел вырваться наружу.

Люди — на отдаленном одиноком острове? Допустим, история Ирсули истинна; все равно Черный Педро и его товарищи не могли прожить здесь два столетия, даже если бы обладали столь огромной продолжительностью жизни. Ни Мактиг, ни остальные не упоминали о женщинах, оставшихся на острове, когда Рафферти увел корабль.

Может, другие нашли сюда дорогу, как пираты — случайно? Может, рыбаки, моряки с затонувшего корабля или отчаявшиеся беглые рабы с Гаити? Неужели белое племя — потомки Педро?

Никто этого не узнает, ибо никто из них не дожил до наших дней.

Но что могло их удержать на острове, если они хотели его покинуть? Они могли соорудить плоты, подавать сигналы.

Мы прошли ворота, словно пушинки, несомые течением к центру лагуны. Здесь было так глубоко, что вода казалась черной, а рыбы далеко внизу — призрачными метеорами. Я видел в глубокой черноте слабые пурпурные отблески, словно затонувшие вечерние облака. Сначала они меня удивляли, но потом я сообразил, что это пробивается свет сквозь многочисленные щели в основании острова.

Остров покоился на очень хрупком фундаменте.

Вдоль берега футов на двадцать тянулась отмель, которая вскоре сменялась чернотой. Редкая растительность жалась к коралловым утесам. Единственным признаком человека были следы, ведущие к одному из отверстий. Никаких звуков, кроме нашего дыхания.

Морган указал на вход в пещеру:

— Они там!

Эхо призрачно покатилось от стен: «Там... там... там...».

Морган сложил ладони рупором и принялся окликать ушедших

по именам. Эхо отвечало раскатами грома. Морган опустил руки. Вздрогнул.

— Наверное, все мертвы, — сказал он.

«Мертвы...» — согласились стены, и лодки, покачиваясь на волне, закивали: «Мертвы...»

— Мы должны идти за ними.

Стены звали: «Идти... идти...».

Мы вытащили лодки на берег и выбрались на песок. Одни из нас направились внутрь, другие остались ждать у лодок. Я оказался среди последних. Мы подтащили паклю, концы и канистры с маслом ко входу и стали ждать.

Остальные осторожно углубились в проход. Мы слышали их голоса: они говорили о каком-то запахе. Голоса становились слабее, казались странно искаженными, разорванными.

Тень накрыла остров, словно крышка котел — тучи закрыли солнце.

Я гадал, где может быть сокровище. Если остров населен страшными существами, которых описал Морган, как Бенсон мог спрятать сокровища?

Но он это сделал. Иначе как он мог внушить Бурилову и остальным знания об острове? Если он здесь не бывал, то не мог бы описать Мактигу проходы через мели.

Возможно, белые существа иногда покидают остров в поисках пищи на меньших островах, где есть зелень. И Бенсон наткнулся на это место как раз в такое время.

Да, в конце концов, существует-таки один шанс из тысячи, что Бенсон запрятал здесь сокровище. Либо это, либо — Ирсули.

Все связанное с феноменом Ирсули я мог объяснить материалистически. Ничто не оправдывало веру Пен в призраков. Загипнотизированные, специально подобранные из-за своей восприимчивости люди верят, поскольку им внушено, что гипноз — на самом деле их подлинные воспоминания.

Мактиг сказал, что Бенсон бывал раньше в этих водах. Экипаж, набранный для этого плавания, был новым. Зачем? Только для того, чтобы скрыть от жертв, что Бенсон уже побывал здесь.

Весь план был дьявольски точен и хитроумен. Единственный аргумент против — слишком большой промежуток времени между началом и завершением. Но безумцы типа Бенсона очень терпеливы.

Но хоть я и был уверен в безумии Бенсона, доказательства были настолько двусмысленны, что мне никогда не поколебать уверенности Пен. Если нам каким-то чудом удастся спастись, мне придется делать вид, что она оказалась права. Иначе я ее потеряю.

Мысли мои вернулись к ушедшим в пещеру. Почему они молчат? Давно ли они ушли? И тут из пещеры, приглушенные расстоянием и стенами, донеслись крики и выстрелы.

Оставшиеся кинулись внутрь. Какое-то безумное мгновение я боролся с желанием завалить вход паклей и ветошью, поджечь и запечатать всех внутри. Потом с тоской посмотрел на ждущие шлюпки и последовал за остальными.

Коридор поднимался и извивался, в нем было темно. Тошнотворно пахло гнилой рыбой. Я чувствовал себя как микроб в артерии, полной черной крови.

Сильный сквозняк рвал волосы, от него звенело в ушах. Пол был гладкий, словно отполированный множеством ног. Там, где руки для устойчивости касались стен, последние были стершимися, в остальных местах — грубыми и неровными.

Коридор раздвоился, ветер дул из одного разветвления, я углубился в другое. Вонь стала такой сильной, что я закашлялся. Сзади послышался какой-то хриплый звук, возможно, эхо моего кашля, — но я повернулся; фонарик выпал у меня из рук и разбился.

Пираты обычно убивали тех, кто закапывал их сокровища. Не потому, что мертвые не могут разгласить тайну, но затем, чтобы души убитых охраняли сокровища, отпугивая чужаков.

Я увидел — одну из этих душ!

Белую — не розовато-белую, как альбинос, а эмалево-белую, как слепой тритон. Белыми были даже глаза с остекленевшим пустым взглядом!

Это был самец, обнаженный, но лишь отдаленно напоминающий человека. Отсутствие солнечного света в этой отвратительной дыре, ужасная диета, плюс поколения кровосмешения — все это породило... чудовище! Больше костей, чем плоти, кроме раздутого, обвисшего живота. Изуродованные, словно искалеченные при рождении черты.

Шеи не было, с подбородка свисала на грудь кожистая бородка, как у петуха. Лицо походило на рыбью морду, от него несло невыносимым зловонием. С расслабленных белых губ капала слюна.

Я услышал собственный сдавленный крик и слепо бросился в коридор, налетая на стены там, где он поворачивал. Услышал впереди крики, но ничто не могло мне подсказать направление. Всюду была тьма. Затаив дыхание, я прислушался, и мне показалось, что я слышу мягкий топот босых ног. Я снова побежал, еще раз ударился о стену и увидел впереди слабые огоньки. Я нашел своих спутников.

Я рассказал им, что видел. Они направили огни в том направлении. Я снова увидел... существо... но теперь оно было не одно! Рядом с ним были еще два, и они приближались.

Прежде чем кто-нибудь успел выстрелить, шедшие последними подняли тревогу. Мы столпились, перегородив проход. Впереди показались огни. Нас отыскала группа Моргана. Белые существа исчезли.

Держась поближе друг к другу, наш объединенный отряд снова двинулся вперед. Мы звали людей из группы Бурилова, но наши крики

отдавались таким громким эхом, что мы перестали кричать: все равно ответа не услышишь. Коридор многократно разветвлялся. Мы выбрали наугад одно ответвление. Шедшие в тылу опасливо светили назад.

Я утратил всякое чувство направления. Мы поднимались, опускались, поворачивали направо и налево, и вдруг без всякого предупреждения очутились в пещере, полной белых существ. Они стояли рядами — по десять-двенадцать человек.

Мужчин среди них было мало — если только можно было так назвать этих известково-белых существ, — в основном женщины, согбенные, изуродованные, с висящими высохшими грудями и спутанными бесцветными космами на головах. А отвратительные маленькие существа, похожие на обезьянок, — дети. И все молочно-белые, сморщенные, с острыми лицами... и несло от них — отвратительно!

Они все скулили, как скулит дворняжка у дверей мясника. Одно из маленьких существ заверещало и устремилось вперед, его пальцы напоминали вытянутые когти кошки.

— Боже! — ахнул кто-то. — Да тут все кишит ими!

— Надо их уложить! — крикнул другой, но Морган ударил по его пистолету.

— Нет! Подождите! — Он выступил вперед.

— Эй вы, там! Слушайте... мы друзья! Понятно?

Он протянул к ним руку, но их пустые взгляды не отразили ничего.

— Мы не причиним вам вреда! Нам только нужны люди, которые вошли перед нами. Мы друзья!

Одно из согбенных существ раздвинуло распухшие губы.

— Дьюзя... — повторило оно, качая косматой головой. — Дьюзя...

Остальные подхватили. Звуки напоминали скорее шум воды на камнях, чем человеческие голоса. — Дьюзя! — Они подталкивали друг друга и хихикали. — Дьюзя!

И вдруг они набросились на нас, словно вырвавшаяся на свободу река. Мы отступали, теснясь, наши пистолеты грохотали, пули с визгом отлетали от стен и не всегда попадали туда, куда мы целились. Я сразу оглох от грома и криков; вонь так усилилась, что почти не ощущалась; огни фонариков метались, как в пьяном бреду.

Я перестал подчиняться разуму, инстинкт действовал независимо от моих движений и решений. Когда прошли мгновения безумия, я уже бежал вместе с остальными, толкая в спину бежавших передо мной, а бежавшие следом пытались отшвырнуть меня в сторону и обогнать. Я споткнулся об упавшего, сам упал, и на меня навалились другие тела. Дыхание перехватило. Я боролся, вырывался, пинал, кусал, бил в маленькие горячие лица — должно быть, детенышей.

Как рыба проходит сквозь воду, так я прошел сквозь клубок тел и вскочил на ноги. Меня хватали, дергали за одежду. Будь мы го-

лыми, обитатели пещер нас поймали бы наверняка, но разрывавшаяся одежда приводила их в недоумение.

Не знаю, долго ли мы бежали, потеряв друг друга, сталкиваясь, отбиваясь, пока наши крики не подсказали, что перед нами.

Должно быть, мы вернулись в тот коридор, где началась схватка, потому что столкнулись с изуродованным существом, лежавшим на полу; оно тут же вцепилось в нас. Человека в нем выдавали только голова и одна рука. Оно пронзительно пищало, щелкая зубами, и мы без всякого сожаления прикончили его и в ужасе побежали дальше.

Пробравшись через расщелину в большое округлое помещение, мы замерли, пораженные странным сверканием. Словно огни сотни ракет одновременно отразились в призматических зеркалах.

Это было сокровище Бенсона!

Оно призывно сверкало в свете наших огней, как плененная радуга, отчаянно вырывающаяся из цепей, как звуки горнов наступающих армий, перекованные в пламя!

Здесь были золотые монеты и слитки, словно осколки солнца, золотые цепи, подобные застывшим желтым молниям. Слоновая кость, необработанная и резная, осколки дневного ясного неба — сапфиры, гагат, подобный мрачной полуночи, большие рубины ярче угольев, как раскаленные яйца, из которых вылупятся солнечные пожары. Хризопразы и изумруды, зеленые, как сверкающая весна, аметисты, чистые и ясные, как глаза Пенелопы, горсти необработанных алмазов, посылающие многоцветные гелиографические шифры, опалы, тлеющие, как заключенные в них зори.

Вместе с ними лежали раковины, обломки ржавого железа и костей. Обитатели пещер поклонялись сверкающим грудам, как крысы или сороки, и приносили сюда все, что им нравилось. Они явно боготворили их: помещение напоминало храм, а сокровища громоздились на грубом круглом камне — алтаре.

Золото и драгоценности некогда хранились в сундуке, и немаленьком. От него остались только металлические уголки и петли. Остальное исчезло. Я восхитился бесконечным стремлением Бенсона к правдоподобию. Если бы я не знал, как он хитер, то решил бы, что сокровище действительно древнее.

Но если он пошел на такие расходы, чтобы собрать все это, почему бы не добавить дополнительные подробности, вроде сгнившего сундука? Древний сундук раздобыть нетрудно.

Наше ошеломленное молчание было нарушено, когда люди поняли, что́ нашли. Некоторые бросились вперед, чтобы порыться в сверкающей груде. Но остальные держались позади, охраняя расщелину.

Тот, кто первым подошел к сокровищу, неожиданно вскрикнул, отскочил и налетел на других. Он молча шевелил губами, показывая

вперед. Послышались крики. Святотатственные проклятия звучали как молитвы, — возможно, так оно и было.

Сокровище... смотрело на нас!

Смотрело... человеческими глазами!

Как охотники прячутся в джунглях, прикрываясь листвой и ветвями, так на мгновение показалось, что множество людей скорчились под грудой, глядя на нас сквозь монеты.

Мы подошли ближе. Некоторые сняли куртки и завязали рукава, сделав импровизированные мешки. Они осторожно протянули руки к глазам, подняли их. Один глаз упал, как плохо окрашенное пасхальное яйцо или мячик для гольфа, испачканный ржавчиной. Слегка подскочил и откатился, продолжая смотреть.

Человеческий глаз!

Черный зрачок и радужная оболочка остекленели, словно черная дыра, просверленная в белом. По этому предельному контрасту я узнал его.

Это был глаз Чедвика!

Окружающие ругались, я вместе с ними. Один сказал:

— Бесполезно искать их. Это крысы! Грязные, вонючие белые крысы! Вот что они с ними сделали!

— Заберем золото! Заберем поскорее и уйдем!

Половина матросов обезумела от вида богатства, другие протрезвели от ужаса. Некоторые загребали сокровища в свои импровизированные мешки, другие продолжали смотреть на расщелину.

— Это их храм, а мы совершаем святотатство. Почему они на нас не нападают? Ждут в засаде?

— Может, им важнее что-то другое? Более земное?

— Быстрее! Нужно убираться отсюда!

Они сумели унести меньше трети груды. Прижимая добычу к себе, возвращались назад, чтобы прихватить еще горсть. Мы вышли из помещения, держась поближе друг к другу. Проходили мимо входов в темные коридоры, светили в каждый из них.

Из одного отверстия донеслись писк и рычание. Кто-то направил туда луч фонарика, осветив множество белых существ, которые жались друг к другу, как змеи в гнезде в поисках тепла. Лица их были испачканы алым, они пищали и ухали, жадно рвали что-то красное, мокрое, но еще узнаваемое. Глядя с отвращением, не веря своим глазам, ошеломленные, мы услышали хруст костей и чмоканье.

И поняли, что́ для белых существ было важнее их сокровищ...

На нас они не обратили внимания. Пища для них была важнее опасности! Они не замечали наших огней, и по их реакции на звук я понял, что они слепы, как все подземные существа. Вот что приковывало их к острову!

Я подумал: давно ли они живут на острове, в глубине скал, без света, и как это объясняет их слепоту? Они боятся горячего солнца, оно обжигает их чувствительную кожу, и потому они выходят только ночью и добывают минимум, необходимый для жизни. От культуры своих предков они снова погрузились в звериное варварство!

И я подумал: не слепота ли побудила их вырвать глаза пришельцев и спрятать их среди сокровищ?

Смитсон, Чедвик, Бурилов и их спутники больше не нуждались в нашей помощи! И хоть я ненавидел Чедвика и презирал Смитсона, такой судьбы я им не желал!

Не стоит рассказывать, что мы сделали потом. Белое племя понесло гораздо большие потери, чем мы. Даже я схватился за пистолет. Потом мы отыскали дуновение чистого воздуха, ароматного, словно благовонное пламя. Мы дышали полной грудью и шли, пока не вышли на дневной свет, но не там, где вошли, а футов на двадцать выше.

Свет после пещер слепил глаза. Слышались какие-то странные тягучие звуки. Мы упали на песок и лежали без сил. Я был весь пропитан усталостью; но слишком силен был ужас перед белыми существами, оставшимися позади, и потому мы не стали задерживаться.

Не все из нашего отряда вернулись, но мы не собирались искать оставшихся. И не стали поджигать паклю и концы на берегу. Единственным нашим желанием было как можно быстрее покинуть это место. Гул над головами продолжался.

Мы набились в гичку, оставив шлюпку для тех, кто может еще выйти из пещер.

26. ГИБЕЛЬ «СЬЮЗАН ЭНН»

Я понял, что предвещал этот устойчивый гул. Остров представлял собой гигантское слуховое устройство, его изогнутые стены улавливали и усиливали отдаленные звуки, недоступные человеческому слуху. Органное гудение означало приближение сильного ветра!

Глаза мои постепенно привыкли к свету, он был совсем не так ярок, как показалось мне вначале. Небо затянули тучи, и посреди однообразной серости быстро клубились более темные массы, как наступающие мрачные всадники.

Вода в фиорде беспокойно поднималась и опускалась, словно дышала. Из-за поворота выкатывались волны. Неестественно теплый ветер обнимал нас горячими руками. Теперь мы могли видеть «Сьюзан Энн». Там поднимали на борт катер. Что-то помешало остальным последовать за нами на остров, и, глядя на южную часть неба, я понял, что. Грандиозная туча прижалась к горизонту, словно готовясь

прыгнуть на нас. Она была зловещей, цвета поблекшей черной ткани.

Мы вышли из фиорда, и гудение осталось позади. Некоторые смачивали голову и лицо. Один из моряков бросил весло и принялся тереть глаза. Я подумал с беспокойством, что слепота белого племени может оказаться заразительной: разумеется, в грязи их пещер было немало инфекций.

Я вспомнил утверждение Флоры и леди Фитц, что сокровища покрыты ослепляющим порошком, но отбросил его. Если сокровища и ослепляют, то только в переносном смысле.

Тень на юге приблизилась и разлилась по грязной бумаге неба, как чернила. Ветер стал прохладнее, он озорно шевелил волосы и шумел в ушах. Рябь на воде сливалась в сплошные гряды, подхватывала нас и подбрасывала.

Некоторые гребцы трясли головами, словно вода попала им в уши. Один перегнулся через борт, набрал пригоршню воды и плеснул в лицо. Другой потерял весло и не мог найти его, пока оно не ударило его в грудь.

Порыв холодного ветра подхватил нас. Он был уже не озорным, а враждебным, и нас несло к коралловому рифу, под которым разбивался в полосы кружев прибой.

Мы развернули лодку и изо всех сил начали грести прочь от рифа. Ветер сносил нас назад, волны накатывались сплошными фалангами, потрясая пенными плюмажами. Чернота закрыла половину неба.

Теперь я отчетливо слышал гул, который раньше уловил и усилил остров, — звук, который слышишь в раковине. «Сьюзан Энн» развернуло по ветру. Стоявшие на палубе что-то кричали нам, но слова относило ветром. Мы спешили на шхуну, как крестьяне бегут к замку своего феодала, когда вторгается неприятель, и спотыкались о волны, как бегун спотыкается о камни и корни деревьев.

Из тьмы, как из открытых ворот черного дворца, вырвались ряды белопенных коней в бесконечном кавалерийском натиске. Они били в борта, ржали стеклянными голосами, разбиваясь о рифы, окатывали нас своей соленой кровью. Ветер звучал все громче, это был уже не шум раковины, а вой, словно завывала сама темнота.

Мы оказались за кормой «Сьюзан Энн», всего в двадцати ярдах от нее. Ветер снова развернул шхуну, и она двинулась на нас, угрожая прижать к рифу и раздавить. Тросы удерживали ее на месте, и гичка металась в узком пространстве свободной воды. На палубе продолжали кричать, но голоса срывались с губ и уносились прочь. Нам сбросили шторм-трап, и мы, поймав его, подтянули гичку к борту корабля.

Потом, по двое и по трое, мы поднялись по лестнице, взлетая вверх, когда волна подбрасывала гичку. У одного из моряков развяза-

лась куртка, в которой он нес сокровища, и в воду хлынул радужный поток драгоценностей! Белые руки пены жадно подхватили их; моряк беззвучно закричал, глядя вниз, но не прекратил подъема.

Человек, поднимавшийся за мной, оступился, схватился за воздух и упал в гичку, повалив остальных. Волна, поднявшая лодку, окатила меня до пояса, и я едва успел вскарабкаться, чтобы не оказаться между лодкой и кораблем.

Вскоре мы были уже на палубе. Моряки тянули тросы, пытаясь закрепить гичку на шлюпбалках, остальные столпились вокруг. Ветер бил в лицо, прижимая нас к переборкам.

От неба осталась только серебристая полоска на севере. Стало темнее, чем в сумерки.

В этот момент все забыли, кто есть кто, все, кроме меня. Сжимая пистолет, я пробирался сквозь кольцо людей и остановился у борта, чтобы подобрать еще один пистолет. Потом по наклонной палубе двинулся к носовой надстройке. Ванты гудели, как струны гигантской арфы: ветер играл на них похоронные марши. Я беспрепятственно прошел в кают-компанию, перевел дыхание и прежде всего побежал к Мактигу, а от него — к Бенсону и Пен.

Мактиг схватил протянутый мной пистолет и выбежал на палубу. За ним Бенсон. Пен хотела обнять меня, но я опасался заразы белого племени и оттолкнул ее. Пока я освобождал Джонсона, Маккензи и Сватлова, Пен открыла каюту Деборы и леди Фитц.

С каким-то кашляющим звуком нос «Сьюзан Энн» задел за коралловый риф, шхуна вздрогнула, будто действительно в приступе кашля. Меня подбросило, как при землетрясении. Джонсон и Маккензи выбежали, лишь только я открыл дверь, но Сватлов лихорадочно продолжал что-то записывать и даже не поднял головы. Вокруг него повсюду лежали исписанные листы.

По пути на палубу я встретил Дебору. «Сьюзан Энн», как огромный орган, вся гудела аккордами натянутых вант. К этому добавлялся воющий ветер, барабанные удары волн и протестующий скрип мачт. Поэтому я не расслышал ни слова из того, что она мне кричала.

Дальше мы пошли вместе. Ветер подхватил чайку и прижал ее к переборке, словно распял, и ее янтарный глаз, полуприкрытый веком, смотрел на меня, когда мы пробирались по палубе к ослепшим людям.

Я сделал знак Деборе, похлопал ослепшего по плечу и указал на носовую надстройку. Дебора кивнула и, как овчарка колли, погнала ослепших туда.

Небо стало совершенно черным, волны сверкали, разлетаясь беловатой светящейся пеной. Ветер бил, как кнут из ледяной воды.

Поднимаясь по трапу на верхнюю палубу, я увидел леди Фитц.

Зеленое платье развевалось вокруг нее нимбом, светящимся, как волны. Она выпрямилась на палубе, словно никакого ветра не было. Это была не та женщина, что бормотала показные молитвы, бранила Мактига и гневалась на Бурилова. Это была женщина, танцевавшая на палубе — прежняя игрушка Бенсона! Она сделала повелительный жест волнам, словно своим друзьям, как Тарпея [1] сабинянам. Неужели она воображает, что вызвала этот ветер? Думает, что может управлять им?

Я оцепенел от холода и усталости и вначале даже не почувствовал, как меня схватил Мактиг. В тот момент я не очень успешно вел еще двоих ослепших к носовой надстройке. Мактиг прижался губами к моему уху, но я его едва слышал:

— Куда... вы... идете? Джим... у руля. Нам нужны... эти люди. У нас... пистолеты... они нам не опасны...

Прежде чем я смог объяснить, что мои спутники беспомощны, нас оторвало друг от друга. В кабинете я прокричал инструкции прямо в уши Деборе. Когда мы открывали дверцы шкафов, на нас обрушивались потоки бутылочек и сосудов, они разбивались совершенно беззвучно в реве урагана. Пришлось рыться в осколках, чтобы отыскать нужное.

Я держался за переборку, смешивая антисептический раствор для глаз, большая часть жидкости лилась мне на руки. Все ослепшие, кроме одного, апатично сидели на койке, раскачиваясь в такт кораблю, словно дикари под бой барабанов. Один из них развязал свою куртку и запустил пальцы в драгоценности. У него был вид готового расплакаться ребенка. Он ощупывал вещи, определяя их размер и возможную ценность. Самой крупной оказалась раковина. Дебора таращила на него глаза. Я оставил ее заботиться об ослепших, а сам пошел за остальными.

Один из них лежал на палубе, ветер рвал его одежду, словно хотел перевернуть. Над ним с улыбкой Немезиды склонилась леди Фитц. Ветер катил драгоценные камни и жемчуг, как мраморные шарики, ожерелья и золотые цепочки извивались, как змеи.

Снова выйдя наружу, я увидел за штурвалом Бенсона, рядом с ним стояла Пен, цепляясь за отца, чтобы ее не оторвало ветром. «Сьюзан Энн» вздрагивала под ударами волн, и я видел теперь, что волны вооружились для нападения. Они вырывали деревья с островов, хватали коралловые булыжники и швыряли в нас. Я посмотрел на рифы. Их не было. Виднелась только сплошная белая стена, обрушивающаяся на нас, как грозная Ниагара!

---

[1] Персонаж римской мифологии. Во время войны Рима с сабинянами открыла перед врагом ворота Капитолия. *(Прим. перев.)*

С гулом огромного барабана лопнул причальный трос, потом еще один и еще. Я скорее прочел по губам Бенсона, чем услышал:

— Если только удержу... навстречу волне...

Он собирался на гребне волны перемахнуть через риф, тогда мы оказались бы на открытой воде, смогли бы направиться за остров Рафферти и хоть немного укрыться от ветра. Мы не видели самого острова, погрузившегося во тьму, только светилась пена, спадавшая с каменных стен.

Белый поток обрушился вниз, подкатился под «Сьюзан Энн» и, разорвав последний удерживающий трос, легко поднял корабль и понес на риф. От удара обрушилась одна из временных мачт, и сквозь клочья пены я увидел, как она падает в путанице снастей, словно гигантский гарпун.

Она вонзилась в риф и продержалась ровно столько, чтобы отклонить «Сьюзан Энн». Корабль ударился бортом, палубу залило водой. Бенсон, по колено в воде, неподвижно застыл у руля. Пен отбросило ко мне. Вода устремилась за борт, прихватив с собой нескольких человек и оставив груды сломанных веток и листвы. В палубу вонзился большой обломок коралла.

Но на главной палубе, невредимая, стояла леди Фитц, словно прибитая к доскам. С ее рук свисали розовые, лазурные, зеленые, белые и золотые цепи — драгоценности Ирсули! Они словно бы сияли собственным светом, казалось, заряжались от ее иллюзорного нимба!

Мне пришло в голову старинное изречение: «Бог заботится о детях и слабоумных». Не говоря уже о пьяницах, сомнамбулах и жертвах гипнотического обмана — дополнил я от себя.

Я видел, как барахтается в пене Джонсон, словно Посейдон в жемчуге. Он смахивал воду с глаз и, жестикулируя, указывал на катер, который уже спустили на воду и держали на тросе. В нем сидели люди и махали нам. Я увидел на трапе Маккензи. Здоровой рукой он обнимал за плечи Сватлова, который прижимал к груди ворох листков. У пастора было лицо невинного ребенка.

И тут волна швырнула нас на риф. Коралловые рога проткнули борт «Сьюзан Энн», и я ощутил такой толчок, словно сам был пронзен насквозь.

Море отступило, собираясь с силами. «Сьюзан Энн» зависла, накренившись, наполовину высунувшись из воды. Катер выбросило на риф. Мактиг замер, на лице его застыло выражение невероятного удивления.

Колесо раскололось! Часть обода и спицы под руками Бенсона разлетелись в пыль! Исчезла часть рукояток!

Мактиг что-то крикнул насчет шлюпок и, шатаясь, двинулся к нам. Бенсон ошеломленно смотрел на разбившееся колесо. По трапу поднимались леди Фитц и Сватлов. Далеко позади я видел, как Мак-

кензи и Дебора ведут ослепших к борту, подавая знаки сидящим в катере.

И тут сквозь безумный рев бури послышался треск дерева! «Сьюзан Энн» раскололась надвое и повисла на рифе. Главная палуба вздыбилась, переломилась! Сватлова, Мактига, Пен и меня бросило к борту, но леди Фитц продолжала стоять неподвижно, и по-прежнему с ее рук свисали драгоценные цепи.

Бенсон увидел их, мигнул и выпустил колесо.

Леди Фитц легко ударила его цепями, потом скользнула по наклонной палубе к Мактигу, ударила и его и отступила.

На нас обрушился новый поток, высоко поднял «Сьюзан Энн» и вогнал в нее острие рифа. Мы покатились к колесу — но его не было! Только быстро растворяющиеся обломки, словно кристаллы черного льда, которые унесла вода.

Я схватил Пен и побрел к трапу, ожидая, что остальные последуют за мной. Она споткнулась, я поддержал ее и понес по изломанной палубе. Катер прилип к борту «Сьюзан Энн», Маккензи сталкивал в него ослепших, Дебора сопротивлялась Хендерсону, который хотел и ее сбросить — я думаю, не из страха, а из-за того, что ей не понравились его слишком фамильярные прикосновения. Добродетельна до конца!

Ветер ударил меня об обломок мачты. Я оглянулся. Остальные не последовали за мной! Леди Фитц, во власти чар Бенсона, все еще воображала себя духом бури, смотрела на север, высоко подняв руки — призывая. Мактиг, тоже игрушка Бенсона, стоял рядом с ней, восторженный и ожидающий. Он видел драгоценности! Проклятие снято! Рафферти свободен и возвращается к Бриджит... но и Мактиг уходил с ним!

Я подумал, что Бенсон пойдет за нами, но женщина схватила его за руку. Он заколебался, потом остался на месте. Может, чувствовал ответственность за леди Фитц и Мактига? Или в этот момент верил в историю, им самим сфабрикованную?

Лицо его — лицо Большого Джима. Капитан покинул его — капитан, единственный смысл его жизни. Возможно, как Мактиг последует за Рафферти, так и Джим уйдет за капитаном...

Я застонал. Только Сватлов бежал к нам по залитой водой палубе. Я передал Пен Джонсону и побежал назад по наклонным скользким доскам. Но Сватлов не принял моей протянутой руки и не прыгнул через пролом. Он сунул мне свои бумаги, что-то крикнул, кивнул, улыбнулся — и повернул назад!

Один за другим листки вырывались из рук, как ноты из горла певца, и улетали на север, подобно большим бабочкам.

Пен стояла рядом со мной, лихорадочно тормошила меня, показывала на отца. Любовь и верность заставляли ее пытаться спасти

его. Она перепрыгнула через расширяющуюся щель. Я последовал бы за ней — не из желания покончить с собой, а чтобы вернуть ее назад, к безопасности. Пригнулся, собираясь прыгнуть, и — не смог!

Я ударился о ветер, как о стеклянную стену, и был отброшен назад. Пен умоляюще протянула ко мне руки. Я видел, как леди Фитц холодно улыбнулась и покачала головой. Ее длинные белые пальцы погрозили мне — это были заостренные женские пальцы с исчезнувшего колеса!

И сквозь треск раскалывающихся балок ветер донес слова леди Фитц:

— Ты не веришь! Ты не можешь пройти! Экстаз не для тебя!

И к Пен:

— Иди к своему возлюбленному, дитя, иди, пока это еще возможно!

Пен закричала:

— Отец! Отец!

Но тут «Сьюзан Энн» в последний раз поднялась, тут же обе половины ее разошлись и грот-мачта обрушилась. И не осталось ничего, кроме холодной воды в глазах и во рту и яростных рывков. Море трепало меня, как терьер крысу.

Я ухватился за поручень. Кормовая часть «Сьюзан Энн» отошла на несколько ярдов и была далека, как звезды. На ней я видел трех мужчин и двух женщин; они стояли неподвижно, как изваяния. Они были нереальны, словно статуэтки, вырезанные из дерева. Мне показалось, что, несмотря на расстояние, я слышу голос Пен: «Росс... любимый! Однажды... ты узнаешь... и найдешь меня...»

Хендерсон тащил меня к ожидавшему катеру. Я сопротивлялся, и он ударил меня. Удара я не почувствовал, но колени мои подогнулись. Носовая часть «Сьюзан Энн» медленно погружалась. Корма легко, как мыльный пузырь, уплывала на волнах., Я видел ее в темноте благодаря зеленому свечению платья леди Фитц.

Потом мы оказались на катере. Нос «Сьюзан Энн» приподнялся, словно приветствуя нас, и скрылся под водой. Нас потянуло вниз, но тут обрушилась еще одна большая волна и заполнила воронку. Потом потащила нас к куполу острова Рафферти.

Путь нам преградил коралловый уступ, плоский, как вершина большого айсберга. Но он обрушился прежде, чем мы ударились о него. Рифы ломались, огромные куски падали на скалы, высекая искры, разлетаясь на обломки. Я вспомнил про слабое основание острова.

Остров покачнулся и осел, как заходящее солнце, навсегда уходя под поверхность моря. Он раскололся там, где его разрезал фиорд, половинки распались, как разрезанный арбуз, и волна от этого погружения отбросила нас назад.

От острова Рафферти и его белого племени — то ли потомков Педро, то ли слабоумных детей выживших жертв кораблекрушения — не осталось и следа! Остров прекратил свое существование!

Немыслимо было, чтобы гичка удержалась на плаву, но мне показалось, что я вижу ее, вижу пронзившие ее копья пальмовых стволов.

Крошечная каюта катера была залита водой, Дебора и слепые отчаянно барахтались в ней, махали руками, словно взбивая какой-то дьявольский коктейль. Меня отбросило к борту.

С севера шла еще одна гигантская волна, как бы приветствуя волны с юга. На ней виднелись белые звезды — листки, которые дал мне Сватлов. Волна обрушилась на нас, прижала, стремясь раздавить скорлупу, защищавшую хрупкие человеческие существа. На мгновение я почти потерял сознание, ощутил холодную хватку моря, его неумолимые пальцы сжимали глину плоти, как будто хотели вылепить нас заново...

Я оказался один в углублении между волнами, вцепившись во что-то вроде водорослей или щупалец и забился в панике, но тут же понял, что это снасти с обломком бруса. Ни катера, ни тех, кто в нем находился, я не видел.

Но я видел, как волны с севера и юга столкнулись, взметнувшись призрачным гейзером, видел, как они обнимают друг друга в лихорадочном колоссальном объятии. Мне показалось, что я вижу корму «Сьюзан Энн» и на гребне этого объятия зеленый отблеск.

И тут полоса черного облака устремилась вниз, словно гигантская черная рука опустилась на волны, подбирая что-то, схватила и прижала к своей груди. Облако и вода коснулись друг друга, слились. Море не отдавало свою добычу. Туча и вода тянули в разные стороны, кружились, вращались... водяной смерч!

Меньшие волны замерли, затем, словно вняв призыву, устремились к столбу смерча, влились в него, поднимаясь все выше и выше по дрожащей водяной колонне, вращались, как в карусели. Все больше воды втягивалось в это вращение.

Рядом со мной из воды вынырнула голова, руки отчаянно цеплялись за пустоту. Вторая волна бросила брус и меня вместе с ним к этим рукам. Я поймал их в кипящей пене и удержал. Это была Дебора; волосы облепили ее лицо, в глазах застыл ужас — впервые в жизни она не выглядела спокойной.

Волна поднимала нас все выше и выше, словно по хрустальным склонам синевато-серого Эвереста. Рева я не слышал — уже давно оглох, но чувствовал его всем телом, точно лист на ветру. Вода несла нас все выше по столбу, словно поднимала жрецов в носилках на ступени вавилонского зиккурата. Я посмотрел вниз: море было далеко

под нами. И от одного края горизонта до другого не видно было ничего, кроме пены.

Что мне говорил Сватлов о вращении? О следовании за ходом солнца, об индусах, которые на своих вращающихся колесах поднимаются к верхнему небу? Столб, на котором мы поднимались, всегда оставался справа от меня... Мы движемся в круге deas soil... Deas soil!

Столб задрожал и изогнулся, как труба из расплавленного стекла. Я мог заглянуть в его мутную пустую середину. По ней, вращаясь, поднималось все выше и выше зеленое пятно.

И тут облако получило то, что искало. «Рука» поднялась вверх, разорвав связь между морем и небом. Колонна воды обрушилась вниз, как белое тело убитого гиганта, как башни Стеклянного Города, как рухнувшее жидкое небо!

Но прежде чем она ударила нас, маленькая волна протянула мне, чтобы я мог прочесть...

Листок из проповеди Сватлова!

Потом... пустота... безвоздушная и лишенная света, и никаких ощущений, кроме отчаянной бесконечности.

27. ЧЕРНЫЙ РАЙ

Во тьме мелькнул отблеск, но это была не звезда. Он отбрасывал слабое отражение, как будто зеркало из гагата, плыл ко мне. Клок слабо светящегося тумана — туманный корабль. Облачный нос без всякого толчка прошел сквозь меня.

Чередой проходили смутные лица. Лица, которые я знал и любил, лица, которые я почти узнавал, лица незнакомцев. На всех застыло одно и то же выражение, будто рука художника, вылепившего их, вернулась к ним спустя много лет, обновила и отпечатала имя мастера.

Экстаз — в картинах, к которым я слеп, в песнях, недоступных слуху смертного, в нежном тепле, которое, однако, испепелило бы, если бы я обладал телом; в запахе и вкусе, для восприятия которых у меня не было чувств.

Я не мог позвать их — да и услышали бы они меня? Что я для этих существ, чьи нервы настроены в унисон со сверхъестественной гармонией? Пустяк, отвратительное ничтожество — в лучшем случае слабая тень бесполезной памяти!

Но в глазах, которые я любил больше всего, слезы, хотя губы, которые я любил, улыбаются. И я услышал вздох:

— Однажды ты узнаешь... ты найдешь меня, дорогой!

Шепчущее эхо всех поющих звезд!

Я пришел в себя. Буря утихла. Сквозь разрывы в тучах светило

солнце. Вода и воздух были теплые, но после сна неприятные, как выдохшееся пиво. Мы с Деборой плыли на брусе, и мне было все равно. Я закрыл глаза, чтобы снова увидеть тьму и исчезнувшее лицо, услышать песнь, но не смог найти их. Всего лишь сон.

Течение прибило нас к группе маленьких островков. Я был заинтересован — и то чуть-чуть — лишь в одном: нужно было высадить Дебору на одном из них. О себе я не беспокоился. Пен умерла, и с ней ушло все.

Мы выбрались на остров. Два дня и две ночи, рассказывала мне впоследствии Дебора, я был без сознания. Она заботилась обо мне. В беспамятстве я много бредил, она соединила обрывки бреда. И когда я пришел в себя, она знала о том, что произошло на борту «Сьюзан Энн», не меньше меня.

Или даже больше!

Я был удивлен и разгневан тем, что мир не исчез со смертью Пен. Он продолжал существовать, и я ненавидел его за это. Я был почти голым и обгорел бы, если бы Дебора не засыпала меня песком и не накрыла обрывками одежды. Поблизости оказался Малый остров Пальм, тот самый, на котором ловцы губок нас впоследствии подобрали. Тогда я не знал, как он называется, но видел на нем рощицы. Я убедил Дебору оседлать большой обломок ствола и поплыл рядом с нею.

Моя зажигалка дала нам возможность развести костер, и какое-то время мы жили на кокосах и воде. Изредка нам удавалось поймать краба.

Я был мрачен и общался с Деборой не больше, чем крабы, которые бегали по песку при свете луны, подняв, как перископы гномов, на тоненьких стебельках свои крошечные черные глаза. Дебора никак не могла привыкнуть и к маленьким крабам, и к большим «пальмовым ворам», которые по ночам шуршали вокруг костра и со стуком сбрасывали с пальм кокосы, как раз когда она засыпала.

Большую часть времени она смотрела на море и подавала дымовые сигналы несуществующим кораблям, а также разглядывала две нитки драгоценностей, которые зашила в пояс. Когда она упрекнула меня в отсутствии интереса к подаче сигналов, я ответил, что это дьявольский мир, в котором нет ни капли справедливости, иначе Пен не отобрали бы у меня, и, что касается меня, то корабли могут вообще не являться за нами. К тому же, мрачно добавил я, если Деборе предназначено спастись, она будет спасена, и, пожалуйста, забудьте о моем существовании.

Но как фиванские монахи вынуждены были общаться с духами, так и я вынужден был разговаривать с ней, когда она пыталась утешить меня тем, что, по ее мнению, превосходило всякую меру щедрости, — она предложила мне половину своих богатств.

Я выпалил.

— Оставьте себе это барахло! Пен умерла! Майк умер. Мир — это сплошной зеленый яд. А на этот хлам, — я оттолкнул ее руку, — нельзя купить противоядие.

Она спокойно ответила, укладывая ценности назад в пояс:

— Противоядие — это тоже яд. От него вас вырвет, и вы будете здоровы.

Я сказал:

— Бенсон был сумасшедший. Он довел Майка и Сватловых, леди Фитц и Бурилова до безумия. Он завел «Сьюзан Энн» в смертельную западню и погубил ее! Он подверг свои жертвы опасности, которая погубила их. Из любви и верности Пен осталась и погибла вместе с ним! Вот что любовь и верность делают с человеком в этом грязном мире! А у меня — ни царапины, как и у вас, — с ненавистью сказал я. — Почему? Какой в этом смысл?

— Нельзя обвинять Всемогущего, не зная всего.

— Но я знаю все!

— Неужели?

— Вероятно, вы хотите сказать, что Бенсон не был безумен, что он не знал о безымянном корабле и черном колесе, пока нас не принес к ним ураган. Что он не подложил сокровища на остров Рафферти. Что Ирсули и ее призрачные спутники использовали его, чтобы разорвать то, что привязывало их к этому миру. Что сейчас все они вместе с Ирсули наслаждаются плодами своей работы. Ведь так?

Она ответила:

— Провидение направляет наши судьбы. Все предопределено. Вы думаете, что можете делать все, что угодно, в любой ситуации, но не вы создаете ситуацию. Бог создает ее. Мы лишь орудия в руках Всемогущего — поэтому вы и были спасены.

— Значит, я — Божье орудие?

— Вы должны рассказать ждущему миру о том, что видели. Как и предопределено, это вызовет цепь последствий и продвинет вперед непостижимый план Господа.

— Вероятно, вас тоже пощадили из-за незавершенной работы?

— Да! Я должна принести моему Алеку плоды своей добродетели, показать ему, что языческий обычай, из-за которого я пострадала, неправедный.

Я сухо рассмеялся:

— Расскажите все это тем, кто нас подберет, и вас навсегда упрячут в сумасшедший дом.

— Все равно я расскажу.

— Если вам предопределено попасть в психобольницу, — сказал я, — драгоценности у вас отберут, чтобы оплатить лечение. Как же вы тогда что-нибудь докажете Алеку?

Об этом она не подумала. Я продолжал:

— Я врач, и могу подтвердить ваше безумие. Его вызвали шок кораблекрушения, печаль из-за гибели ее милости, трудности на этом острове, и мало ли что еще. И я это сделаю — если вы не будете придерживаться истории, которую я сочиню.

Она спросила:

— Почему?

— Мы не можем рассказать, что произошло. Что Бенсон сошел с ума и погубил свой корабль и всех на нем. Он мертв, и теперь причина его смерти не важна. Правда никому не поможет. Те совпадения, те исключительные события, что произошли на борту «Сьюзан Энн», кажутся невероятными даже мне, а ведь я был их свидетелем! Как же воспримут правду те, кто не видел их? Решат, что мы лжем, чтобы что-то скрыть. Если эти драгоценности подлинные, они стоят очень дорого. Они могли принадлежать леди Фитц, и вполне возможно, что мы вывели из строя все лодки, кроме одной, повредили корабль, а сами уплыли, увозя это богатство.

Нет, Дебора, мы просто расскажем, что «Сьюзан Энн» была отремонтирована после первого урагана и уничтожена вторым. Пен хотела спасти доброе имя своего отца. Давайте же сделаем для нее хотя бы это.

Она сказала упрямо:

— Мы должны сказать правду. Если вы солжете другим, солжете и себе! А пока вы лжете самому себе, вы никогда не узнаете, что произошло на самом деле! Вы хотите мира в душе, но никогда не найдете его, если не скажете правду. Предначертано, чтобы вы сказали правду и тем самым успокоили свою душу. Зачем ждать? Разве в святом писании не сказано, что то, что бросаешь в воду, возвращается к тебе? Бросьте вашу правду.

Но я был не менее упрям, чем она. Потребовалось три дня и три ночи, чтобы сломить эту кальвинистскую скалу. Принять решение Деборе помогла возможная конфискация драгоценностей.

Нас нашли ловцы губок, наши ложные свидетельства были приняты, и мы расстались.

Но я не обрел душевного мира. После смерти Пен я вообще не жил. Трубы воскрешения прозвучали бы для меня, если бы я мог поверить, что она где-то счастлива и ждет.

Правда, одинокими ночами я слышу, как зовет меня любимый голос. Мне часто снится чернильное море, по которому кружит туманный корабль, медлит и выжидает в раю у Ирсули, как я жду в этом земном аду. Но это ничего не доказывает, кроме того, что горе овладело мной, и сны дают мне хоть какое-то облегчение.

Иногда у меня случаются провалы в памяти, как у Флоры, и в эти моменты я веду себя так странно, словно кто-то извне вошел в

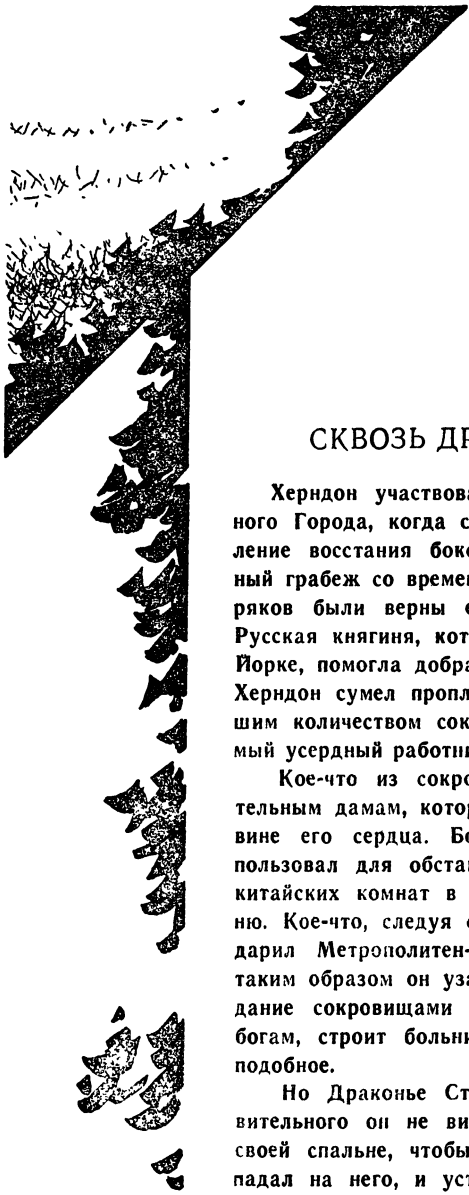
меня — какой-то дух, который вернулся в мир и подталкивает меня к действиям, чтобы решить свои проблемы, а заодно и мои. После таких приступов я прихожу в себя в незнакомых местах, меня окружают любители метафизики, владельцы толстых загадочных томов. Они могли бы утешить меня, вселить надежды — если бы я мог поверить им.

Но я так много лгал в ущерб остальным, что сейчас ни во что не верю. Моя одержимость привела меня к шизофрении, вот и все.

Пять лет такой жизни тяжело отразились на мне. Наконец Кертсон убедил меня написать правду, сказав, что когда я изложу все на бумаге, то смогу отнестись к этому беспристрастно. Я в этом сомневаюсь. Но нужно смотреть в лицо фактам — факты либо излечат, либо убьют.

И поэтому я все описал.

И... я жду!

СКВОЗЬ ДРАКОНЬЕ СТЕКЛО

Херндон участвовал в разграблении Запретного Города, когда союзники превратили подавление восстания боксеров в самый замечательный грабеж со времен Тамерлана. Шесть его моряков были верны его пиратским фантазиям. Русская княгиня, которую он развлекал в Нью-Йорке, помогла добраться до его яхты. Поэтому Херндон сумел проплыть через проливы с бóльшим количеством сокровищ Сына Неба, чем самый усердный работник в пекинском посольстве.

Кое-что из сокровищ он подарил очаровательным дамам, которые царили в светлой половине его сердца. Большую часть трофеев использовал для обстановки двух поразительных китайских комнат в своем доме на Пятой авеню. Кое-что, следуя слабым укорам совести, подарил Метрополитен-музею. Ему казалось, что таким образом он узаконивает собственное обладание сокровищами — словно преподносит их богам, строит больницы, Дворцы мира и тому подобное.

Но Драконье Стекло — ничего более удивительного он не видел — Херндон поставил в своей спальне, чтобы его первый взгляд утром падал на него, и устроил специальные светильники, чтобы можно было посмотреть на него среди ночи. Удивительное? Оно не просто удиви-

тельно, это Драконье Стекло! Тот, кто сделал его, жил в те времена, когда боги ходили по земле, каждый день создавая что-нибудь новое. Только человек, живший в атмосфере живой легенды, мог сотворить это стекло. В нынешние прагматичные времена ничего подобного больше не существовало.

Я был на Гавайях, когда телеграф сообщил о первом исчезновении Херндона. Сообщалось немногое. Слуга пришел утром будить его, но Херндона не было. Вся одежда оказалась на месте. Все говорило, что Херндон где-то в доме. Но его не было.

Человек, который стоит десять миллионов, естественно, не может растаять в воздухе, не вызвав огласки. Газеты добавили суматохи, но в них в сущности сообщалось только два факта: Херндон вернулся вечером, а утром его дома не оказалось.

Я возвращался домой, надеясь принять участие в поисках, когда радио принесло новость о его возвращении. Херндона нашли в спальне на полу, в обрывках шелкового халата, тело его было истерзано, как будто на него напал тигр. Но возвращение его было понятно не больше, чем исчезновение: вечером его не было, утром — появился.

Когда Херндон смог разговаривать, он отказался рассказать хоть что-то даже врачам. Я отправился прямо в Нью-Йорк и подождал, пока медики не решили, что лучше пустить меня к нему, чем давать Херндону возможность беспокоиться из-за того, что он меня не видит.

Когда я вошел, Херндон встал с инвалидной коляски. Глаза у него были ясными и яркими; ни в его приветствии, ни в рукопожатии не было слабости. Сестра выскользнула из комнаты.

— Что это было, Джим? — воскликнул я. — Что могло с вами произойти?

Он промолчал и показал на что-то похожее на высокий пюпитр, накрытый куском тяжелого шелка с китайскими рисунками. Несколько мгновений он колебался, потом подошел к шкафу. Достал оттуда два тяжелых ружья, те самые, я вспомнил, с которыми в последний раз охотился на слонов.

— Вы не сочтете меня сумасшедшим, если я попрошу вас держать одно из них наготове, пока мы будем разговаривать, Уорд? — извиняющимся тоном спросил он. — Это ведь вполне реально?

Он распахнул халат и показал перевязанную грудь. Я без дальнейших вопросов взял одно из ружей, он подошел к пюпитру и снял покрывало.

— Вот оно, — сказал Херндон.

Тогда я впервые увидел Драконье Стекло!

Ничего подобного ему не существовало! Никогда! Сначала в нем была видна только холодная зеленая мерцающая прозрачность, как под водой, когда плывешь в спокойный летний день и смотришь вверх сквозь воду. По краям — всплески алого и золотого, отблески изумру-

да, сверкание серебра и слоновой кости. А в основании — словно топазовый диск, обрамленный красным с маленькими желтыми язычками пламенем.

Потом начинаешь понимать, что эта зеленая прозрачность — овальный кусок полированного камня. Вспышки и отблески становятся драконами. Их двенадцать. Глаза у них изумрудные, клыки — цвета слоновой кости, когти из золота. Драконы чешуйчатые, и каждая чешуйка у основания зеленая, как первобытные джунгли, потом становится ярко-алой, а к концу алое сменяется золотым. Крылья драконов серебристо-зеленые, плотно прижатые к бокам.

И эти драконы — живые. Никогда никто не видел столько жизни в металле и дереве со времен легендарного Аль-Ахрама, который изваял во плоти первого крокодила, и в наказание ревнивый Всемогущий вдохнул жизнь в его создание.

И вот, наконец, вы замечаете, что топазовый диск, обрамленный маленькими желтыми огоньками, является вершиной металлической сферы, вокруг которой обвивается тринадцатый дракон, тонкий и красный, кусающий свой скорпионий хвост.

Первый же взгляд на Драконье Стекло заставляет затаить дыхание. Да и второй, и третий взгляды тоже — и вообще всякий раз, когда вы на него смотрите.

— Где вы его взяли? — потрясенно спросил я.

Херндон спокойно ответил:

— Оно было в маленьком тайном помещении в покоях императора. Мы обнаружили это помещение, — он немного помолчал, — скажем, по чистой случайности. Как только я его увидел, я понял, что стекло должно стать моим. Что вы о нем думаете?

— Думаю? — воскликнул я. — Думаю! Да это чудеснейшая вещь, какую когда-либо изготовлял человек! Что это за камень? Гагат?

— Не уверен, — ответил Херндон. — Но идите сюда. Встаньте передо мной.

Он выключил свет в комнате и повернул другой выключатель, и три электрические лампы бросили свои лучи на зеркальный овал.

— Смотрите! — сказал Херндон. — И рассказывайте мне, что увидите.

Я посмотрел в Стекло. Вначале я не увидел ничего, кроме лучей, уходящих все дальше и глубже — казалось, в бесконечность. Но потом...

— Милостивый Боже! — воскликнул я, застыв от ужаса. — Джим, что это за адское существо?

— Спокойней, старина, — послышался голос Херндона. В нем слышалось облегчение и странная радость. — Спокойней; скажите, что вы видите.

— Кажется, что я смотрю через бесконечное расстояние, и все же

то, что я вижу, близко ко мне, как будто по другую сторону Стекла. Я вижу расселину, которая разделяет две темно-зеленые массы, вижу лапу, гигантскую отвратительную лапу, протянутую через расселину. На лапе семь когтей, они разжимаются и сжимаются, разжимаются и сжимаются... Милостивый Боже, что это за лапа, Джим?! Такие лапы в буддистском аду хватают пролетающие мимо слепые души!

— Смотрите, смотрите дальше, в ущелье, над лапой. Ущелье расширяется. Что вы в нем видите?

— Я вижу невероятно высокую гору, вздымающуюся в небо, как пирамида. Позади нее — вспышки пламени, она чернеет на алом фоне. Вижу, как большой светящийся шар, похожий на луну, медленно выходит из этого пламени. Вот и другой шар движется поперек горы. И третий плывет в пламени на дальней стороне...

— Семь лун Рака, — прошептал Херндон, как бы про себя. — Семь лун, которые купаются в розовом пламени Рака. Это пламя жизни, что окружает Лалил, как диадема. Тот, на кого светили семь лун Рака, привязан к Лалил на всю жизнь и на десять тысяч следующих жизней.

Он протянул руку и щелкнул выключателем. В комнате зажегся свет.

— Джим, — сказал я, — ведь это не может быть реальностью! Что это? Какая-то дьявольская иллюзия в Стекле?

Он размотал бинты на груди.

— На лапе, которую вы видели, семь когтей, — спокойно ответил он. — Посмотрите на это.

По белой коже груди от левого плеча к правым нижним ребрам тянулись семь глубоких, уже заживающих царапин. Словно поперек груди провели гигантским стальным гребнем-бороной.

— Это сделала та лапа, — сказал он так же спокойно, как и раньше. — Уорд, — продолжал он, прежде чем я мог что-нибудь сказать, — я хотел, чтобы вы увидели то, что вы увидели. Я не знал, увидите ли вы. И не знаю, поверите ли мне даже сейчас. Не думаю, что, будь я на вашем месте...

Он подошел к пюпитру и набросил покрывало на Драконье Стекло.

— Я вам расскажу, — сказал он. — Но я хотел бы, чтобы меня... не прерывали. Поэтому я и закрыл его.

Он помолчал.

— Не думаю, — медленно начал он, — не думаю, Уорд, что вы когда-нибудь слышали о Раке-Чудотворце, который жил в начале времен, и о том, как Великий Чудотворец изгнал его за пределы мира.

— Не слышал, — коротко ответил я, все еще потрясенный зрелищем.

— Это главное из того, что я собираюсь вам рассказать, — продолжал он. — Конечно, вы решите, что это вздор, но... вначале я встре-

тился с этой легендой на Тибете. Потом снова — имена, конечно, были другие, — в Китае.

Боги еще жили поблизости от человека, когда родился Рак. Происхождение у него какое-то темное. Став старше, Рак не захотел просто смотреть, как другие творят чудеса. Он сам хотел их творить, и... гм... изучил метод. Немного погодя Великий Чудотворец натолкнулся на некоторых существ, сотворенных Раком, и нашел их восхитительными — даже слишком восхитительными. Он не хотел уничтожать меньшего чудотворца, потому что — так гласит сплетня-легенда — чувствовал свою ответственность. И он дал Раку место где-то за пределами мира и дал ему власть над десятками миллионов рождений — приманивать или захватывать душу, получать над ней власть, так, чтобы у него был свой народ — и над этим народом Раку дано высшее, низшее и среднее правосудие.

И Рак ушел за пределы мира. Он оградил свое владение облаками. Он поднял гигантскую гору и на ее склоне выстроил город для мужчин и женщин, которые должны были принадлежать ему. Он окружил город удивительными садами и населил сады множеством существ — одни хорошие, другие... ужасные. Вокруг горы он, как диадему, разместил семь лун и разжег за горой огонь — огонь жизни, и через этот огонь вечно должны проходить луны.

Херндон перешел на шепот.

— Через этот огонь проходят луны... И с ними — души народа Рака. Они проходят через огонь и рождаются заново для десяти тысяч жизней. Я видел луны Рака и души, которые с ними идут в огонь. В этой земле нет солнца, только полные луны зеленью светят на город и сады.

— Джим! — нетерпеливо воскликнул я. — О чем это вы говорите? Очнитесь! При чем здесь весь этот вздор?

И я указал на Драконье Стекло.

— При чем? — спросил он. — Ну, как же, через него пролегает дорога в сады Рака!

Тяжелое ружье выпало у меня из рук; я переводил взгляд с Джима на Стекло и обратно. Он улыбнулся и указал на свою перевязанную грудь.

— Вместе с союзниками я побывал в Пекине. Я представлял себе, что приближается, и хотел в этом участвовать. Одним из первых я оказался в Запретном Городе. Как и все, я жаждал добычи. Это зрелище сводило с ума, Уорд! Руки солдат были полны драгоценностей, которые даже Морган не может позволить себе купить; на груди у них красовались удивительные ожерелья, карманы были набиты драгоценными камнями — Сыны Неба собирали эти сокровища многие столетия. Мы были готами, грабящими имперский Рим. Войском Александра, набросившимся на увешанных драгоценностями придворных в

царском Тире! Ворами древнего, грандиозного масштаба, который даже воровство превращает в героическое деяние.

Мы достигли тронного зала. Оттуда влево вел узкий коридор, и я со своими людьми пошел по нему. Мы оказались в небольшой восьмиугольной комнате. В ней ничего не было, кроме странной статуэтки из гагата. Она стояла на полу спиной к нам. Один из моих людей наклонился, чтобы поднять ее. Поскользнулся. Статуэтка вылетела из его руки и ударилась в дверь. Часть стены наклонилась вперед. По такой вот случайности мы узнали тайну восьмиугольной комнаты!

Я посветил в отверстие и увидел помещение в форме цилиндра. Круглый пол примерно десяти футов в диаметре. Стены покрыты типично китайскими росписями: непонятные животные и предметы, которые я не могу описать. Вокруг всей комнаты на высоте примерно семи футов была картина, изображающая остров, плавающий в воздухе. Облака наплывали на его края, как замерзшее море, полное радуг. На острове высилась гигантская пирамидообразная гора. Вокруг вершины семь лун, а над вершиной — лицо!

Ни с чем не могу сравнить это лицо. Я не мог оторвать от него взгляда. Не китаец, и вообще не принадлежит ни к какой известной мне расе. Лицо милостивое и злое, жестокое и доброе, жалостливое и безжалостное, мрачное, как у Сатаны, и светлое, как у Аполлона. Глаза желтые, как лютики или солнечный камень на голове крылатого Змея, которому поклоняются в тайном храме Чжулуня. И мудрые, как Судьба.

«Здесь что-то есть, сэр», — сказал Мартин. Помните Мартина, моего первого помощника? Он указал на закутанный предмет в стороне. Я подошел и развернул его. Это было Драконье Стекло!

Как только я его увидел, я понял, что оно должно быть моим. И знал, что оно будет моим. Я хотел эту вещь, но и она тоже хотела быть у меня. Вначале мне показалось, что это что-то живое. Такое же живое, как вы и я. Ну, я его забрал. Добрался до яхты, и тут произошло первое странное происшествие.

Помните Ву-Синга, моего слугу на яхте? Помните, как он говорил по-английски? Ужасно! Драконье Стекло было у меня в каюте. Дверь я забыл закрыть. Услышал резкий вдох. Повернулся. Это был Ву-Синг. Ну, вы знаете, что Ву-Синга нельзя назвать интеллектуалом. Но тут что-то как будто прошло по его лицу, слегка изменив его. Глупое выражение исчезло, будто его стерли губкой. Он не поднял взгляда, но сказал — обратите внимание — на превосходном английском: «Хозяин подумал о стоимости своего приобретения?»

Я молча смотрел на него.

«Может быть, — продолжал он, — хозяин никогда не слышал о знаменитом Хао-Цзане? Ну, он услышит».

Уорд, я не мог ни шевельнуться, ни заговорить. Но теперь я знаю,

что удерживало меня не просто изумление. Я слушал, а Ву-Синг гладкой речью излагал ту самую легенду, которую я слышал в Тибете, только там героя звали Рак, а не Хао-Цзан. Но легенда была та же самая.

«И перед отправлением в далекий путь, — закончил он, — знаменитый Хао-Цзан сотворил великое чудо. Он назвал его Вратами. — Ву-Синг указал на Драконье Стекло. — Это чудо теперь у хозяина. Но посмеет ли тот, кто увидел Врата, войти в них? Не лучше ли оставить Врата — конечно, если он не решится в них войти?»

Он замолчал. Я тоже молчал. И мог думать только о том, откуда у этого парня взялось вдруг превосходное знание английского? И тут Ву-Синг распрямился. На мгновение он посмотрел мне прямо в глаза. Глаза у него были желтые, как лютики, Уорд, и такие мудрые! Я вспомнил маленькое помещение за тронным залом — глаза Ву-Синга были глазами на том лице, которое нависало над горой с семью лунами!

Через мгновение лицо Ву-Синга приобрело прежнее глупое выражение. Глаза стали черными и тусклыми. Я вскочил со стула.

«Эй ты, желтый мошенник! — закричал я. — Зачем ты притворялся, что не знаешь английского?»

Он смотрел на меня тупо, как всегда. Прохныкал на своем ломаном английском, что не понимает; что он ни слова не говорил. Я ничего не смог от него добиться, хотя напугал до полусмерти. Пришлось поверить. К тому же я видел его глаза. Ну, вначале я просто испытывал любопытство и желание как можно скорее доставить Стекло домой.

Я привез его домой. Установил здесь и устроил лампы, которые вы видели. У меня было смутное ощущение, что Стекло ждет... чего-то. Не знал только, чего именно. Но знал, что ждет оно чего-то очень важного...

Он неожиданно обхватил голову руками и начал раскачиваться назад и вперед.

— Сколько еще, — простонал он, — сколько еще, Санту?

— Джим! — воскликнул я. — Джим! Что с вами?

Он выпрямился.

— Скоро поймете.

И продолжал, так же спокойно, как раньше:

— Я чувствовал, что Стекло ждет. В ту ночь я не мог уснуть. Выключил свет в комнате, включил лампы за Стеклом и сел перед ним. Не знаю, сколько я просидел, но вдруг вскочил на ноги. Мне показалось, что драконы зашевелились. Они закружили вокруг Стекла. Двигались все быстрей и быстрей. Тринадцатый дракон начал поворачиваться вокруг топазового шара. Драконы кружили все быстрее и быстрее, пока не превратились в ореол алого и золотого пламени.

Само Стекло затуманилось, туман становился все гуще, пока не стало ничего видно, кроме зеленой дымки. Я подошел и коснулся Стекла. Рука моя прошла сквозь него, как будто его не было.

Я просунул в него руку — по локоть, по плечо. Почувствовал, что руку мою схватили маленькие теплые пальцы. Я сделал шаг вперед...

— Вы прошли сквозь Стекло? — воскликнул я.

— Да, — ответил он, — и тогда... другая рука коснулась моего лица. Я увидел Санту!

Глаза у нее были синие, как васильки, как большой сапфир, что сияет на лбу Вишну в его храме в Бенаресе, и широко расставлены. Иссиня-черные волосы двумя длинными прядями спускались меж маленьких грудей. Золотой дракон увенчивал ее голову, и сквозь его лапы спускались пряди. Другой золотой дракон опоясывал ее. Она рассмеялась мне в глаза, притянула к себе мою голову, пока наши губы не соприкоснулись. Она была стройна и гибка, как тростник, который растет перед храмом Хатор на краю пруда Джибы. Кто такая Санту, откуда она пришла — не знаю. Но знаю одно: женщины прекраснее не было на земле!

Она обняла меня руками за шею и потянула вперед. Я осмотрелся. Мы стояли в ущелье между двумя большими скалами. Скалы мягкого зеленого цвета, как зелень Драконьего Стекла. За нами зеленая дымка. Впереди — ущелье. За ним я увидел огромную пирамиду горы на фоне неба цвета хризопраза. Мягкое сияние пульсировало позади горы, а прямо перед ней парил большой шар зеленого огня. Девушка потянула меня к выходу. Мы шли медленно, рука об руку. И тут я понял: я в том самом месте, которое изображалось на картине в комнате Драконьего Стекла!

Мы вышли из ущелья и оказались в саду. Сады многоколонного Ирама могли быть такими. Странные огромные деревья, листья которых похожи на перья; они сияли огнями, как перья одежды танцовщиц Индры. Странные цветы росли вдоль нашей тропы, они светились, как светящиеся черви на радужном мосту Асгарда. Ветер вздыхал среди крылатых деревьев, и разноцветные тени проплывали мимо их стволов. Я слышал девичий смех, мужской голос что-то пел.

Мы шли дальше. В саду послышался низкий вой, и девушка заслонила меня, расставив руки. Вой прекратился, и мы пошли дальше. Гора приближалась. Я увидел, как другой большой зеленый шар выплыл из розовых всплесков справа от горы. Еще один входил в это сияние слева. За ним тянулся странный туманный след. Туман состоял из множества маленьких звездочек. И все было погружено в мягкий зеленый свет — как будто мы находились внутри светлого изумруда.

Мы повернули и пошли по другой тропке. Она поднялась на небольшой холм, на холме стоял маленький дом, как будто из слоновой кости и очень старый. Больше всего похож на джайнские пагоды

на Брахмапутре. Стены светились, они были полны внутреннего огня. Девушка коснулась стены, и часть ее скользнула в сторону. Мы вошли, и стена закрылась за нами.

Комната была полна шепчущего желтого света. Я говорю «шепчущего», потому что именно так я его ощущал. Свет был мягким и живым. Лестница слоновой кости вела в комнату наверху. Девушка повела меня по ней. Никто из нас не сказал ни слова. На мне лежало какое-то заклятье молчания. Я не мог говорить. Мне казалось, что и говорить нечего. Я чувствовал себя свободно и легко — как будто вернулся домой. Я поднялся в комнату наверху. Там было темно, только полоска зеленого света пробивалась в длинное узкое окно. В него я увидел гору и луны. На полу слоновой кости подушка и несколько шелковых покрывал. Я вдруг страшно захотел спать, упал на пол и заснул.

Когда я проснулся, девушка с васильковыми глазами лежала рядом со мной. Она еще спала. Я видел, как раскрылись ее глаза. Она улыбнулась и притянула меня к себе...

Не знаю почему, но в голове у меня возникло имя. Я воскликнул: «Санту!» Она снова улыбнулась, и я понял, что назвал ее имя. Мне казалось, что я знаю ее нескончаемые века. Я встал и подошел к окну. Посмотрел на гору. На ее фоне виднелись две луны. И тут я увидел на склоне горы город. Такой город можно увидеть во сне или в мираже. Всех цветов — слоновой кости, зелени, сверкающей синевы и алого. Я видел на его улицах людей. Слышался звон золотых колокольчиков.

Я повернулся к девушке. Она сидела, обхватив руками колени, и смотрела на меня. Чувство любви затопило меня. Она встала... я обнял ее...

Много раз луны огибали гору, и за ними тянулась звездная туманная дымка. Никого, кроме Санту, я не видел; никто не проходил мимо дома. Деревья кормили нас своими плодами, и в них была заключена сущность жизни. Да, плоды Дерева Жизни, что росло в саду Эдема, наверное, имели такой же вкус. Пили мы зеленую воду, что сверкала меж зеленых огней и имела вкус вина, которое Озирис дает голодным душам в Аменти, чтобы подкрепить их. Купались в бассейнах резного камня, полных воды, желтой, как янтарь. А чаще всего бродили по садам. Там много удивительного, в этих садах. Много неземного. Там нет ни дня, ни ночи. Только зеленый свет вечно кружащихся лун. Мы никогда не разговаривали друг с другом. Не знаю, почему. Всегда казалось, что говорить незачем.

Потом Санту начала петь мне. Песни у нее были странные. Не могу сказать, о чем они. Но у меня в мозгу возникали картины. Я видел, как Рак-Чудотворец создавал свои сады и заполнял их вещами прекрасными и вещами... недобрыми. Видел, как он воздвигает гору,

и знал, что это Лалил; видел, как он делает семь лун и разжигает огонь — огонь жизни. Видел, как он строит город, и видел, как мужчины и женщины приходят в этот город через множество врат.

Санту пела — и я знал, что звездный туман, скользящий за лунами — это души людей, которых Рак хочет возродить. Она пела, и я видел, как многие века иду по городу Рака рядом с Санту. Песня плакала, и я чувствовал себя одной из звездочек в тумане. Песня плакала, и я видел, как одна из звездочек вырывалась из тумана, бежала, уходила через неизмеримое зеленое пространство...

Рядом с нами стоял человек. Он был очень высок. Лицо у него одновременно жестокое и доброе, мрачное, как у Сатаны, и светлое, как у Аполлона. Он взглянул на нас, и глаза у него были желтые, как лютики, и такие мудрые, такие мудрые! Уорд, это было лицо над горой в комнате Драконьего Стекла! Эти глаза смотрели на меня с лица Ву-Синга! Человек улыбнулся... и исчез!

Я схватил Санту за руку и побежал. Мне вдруг показалось, что с меня достаточно этих призрачных садов Рака, что я хочу вернуться в свой мир. Но не без Санту. Я пытался вспомнить дорогу к ущелью. Я чувствовал, что именно там дорога назад. Мы бежали. Сзади издалека донесся вой. Санту закричала — но я чувствовал, что боится она не за себя. За меня. Ни одно существо из этого мира не могло ей повредить: она сама часть этого мира. Вой становился все ближе. Я повернулся.

На меня из зеленой выси падал зверь, немыслимый зверь, Уорд! Как крылатое чудовище Апокалипсиса, которое несет на себе женщину в пурпурном и алом. Зверь, прекрасный даже своим ужасным видом. Он сложил ало-золотые крылья, и его длинное сверкающее тело устремилось ко мне, как чудовищное копье.

И тут, в то мгновение, когда копье должно было ударить, между нами возник туман! Радужный туман. Как будто чья-то рука бросила сеть. Я услышал, как крылатый зверь разочарованно взвыл. Санту крепче схватила меня за руку, мы побежали сквозь туман.

Перед нами было ущелье меж двумя скалами. Снова и снова устремлялись мы к нему, и снова и снова прекрасный сияющий ужас обрушивался на нас — и каждый раз возникал туман. Это была игра. Один раз я услышал смех и понял, кто охотник. Хозяин зверя. Тот, кто бросает туман. Человек с желтыми глазами... и он играет мной... играет, как ребенок играет с котенком, когда снова и снова бросает ему кусочек мяса и выхватывает его из зубов!

Туман после очередного броска рассеялся, и вход в ущелье оказался прямо перед нами. Снова зверь устремился вниз — на этот раз никакого тумана не было. Игра надоела игроку! Зверь ударил, и Санту заслонила меня собой. Зверь отвернул, и лапа, которая должна бы-

ла разорвать меня от горла до пояса, нанесла скользящий удар. Я упал... и падал сквозь мили и мили зеленой пустоты.

Когда я пришел в себя, я оказался в постели, окруженный докторами, и с этим... — Он указал на забинтованную грудь. — В ту же ночь, когда сестра уснула, я встал, посмотрел в Драконье Стекло и увидел... лапу, как ты и сказал. Зверь там. Он ждет меня!

Херндон немного помолчал.

— Если он устанет меня ждать, то может послать зверя за мной, — сказал он. — Я говорю о человеке с желтыми глазами. Хочу попробовать одно из этих ружей. Они реальны, эти звери, а таким ружьем я останавливал слона.

— Но кто он, человек с желтыми глазами? — прошептал я.

— Как кто? — повторил Херндон. — Конечно, сам Чудотворец!

— Ты не можешь в это верить! — воскликнул я. — Это... это безумие! Какая-то дьявольская иллюзия в этом Стекле! Как будто... хрустальный шар тебя гипнотизирует, и ты думаешь, что видения, созданные твоим мозгом, реальны. Разбей его! Это дьявольское Стекло, Джим. Разбей его!

— Разбить его? — недоверчиво переспросил он. — Разбить его? Нет, даже за десять тысяч жизней — дар Рака! Не реальны? А разве эти раны не реальны? Разве Санту не реальна? Разбить его! Милостивый Боже, вы не знаете, о чем говорите! Да ведь это же единственная дорога к ней! Если этот желтоглазый дьявол так умен, как кажется, то он должен знать, что ему не нужно держать тут зверя на страже. Я хочу идти, Уорд, хочу идти и привести ее назад с собой. Мне кажется, что он... ну, не полностью всё контролирует. Мне кажется, что Великий Чудотворец не мог полностью отдать во власть Рака души всех тех, кто пройдет через множество врат в его царство. Должен быть выход, Уорд, должен быть путь к бегству. Я ушел от него один раз, Уорд. Но я оставил там Санту. Мне нужно вернуться за ней. И он тоже знает это. Поэтому и спустил на меня своего зверя.

Я пойду туда снова, Уорд. И вернусь — вместе с Санту!

* * *

Но он не вернулся. Прошло шесть месяцев с его второго исчезновения. Он опять исчез из спальни, как и в первый раз. По завещанию — в нем говорилось, что если он исчезнет и не вернется в течение недели, обладание домом и всем его имуществом переходит ко мне, — я оказался владельцем Драконьего Стекла. Драконы снова закружились для Херндона, и он снова прошел через Врата. Я нашел только одно слоновье ружье и понял, что второе он унес с собой.

Ночь за ночью сижу я перед Стеклом, жду, что он вернется — с Санту. Рано или поздно они вернутся. Я знаю это.

ЖЕНЩИНА-ЛИСА[1]

1

Ступени древней лестницы с каменным упорством вились по склону горы, меж высоких сосен. Тишина двадцати прошедших столетий, мудрая и терпеливая, как эти камни, нашла здесь свой приют.

Ступени были широкие — двадцать человек могли пройти по ним в ряд; бурый лишайник избороздил камень причудливым узором. Тут и там виднелись мягкие подушки изумрудно-зеленого мха. Кое-где ступени поднимались круто, в другом месте были совсем пологими, но неизменно с обеих сторон лестницы сомкнутой зеленой стеной стояли могучие сосны, настороженные и бдительные.

У подножия сосен притулились изогнутые лавры и карликовые рододендроны, замершие рядком, как люди на коленях. С листьями жесткими и блестящими, как звенья кольчуги, кусты походили на зеленых лучников Квеньяна, охраняющих свою богиню, когда та выходит весной будить деревья. Листва и хвоя шумят на ветру, и шум этот такой ясный, будто кто-то говорит на своем языке: «Подняться ты можешь и можешь спуститься, но только меж нами пройти не моги!»

Один из бастионов обогнула женщина. Она шла, упрямо склонив голову, как человек, идущий против сильного ветра, когда одна лишь воля заставляет двигаться. Ее плечо и одна грудь были обнажены, на руке виднелась ссадина и четыре алые полосы, словно след жестокой руки с длинными когтями.

Женщина повернулась и замерла, прислушиваясь. Казалось, она трепещет, как натянутая струна. В сумерках юнаньских плоскогорий, как сквозь дымчатый хрусталь, были видны каштановые волосы женщины, прекрасное, искаженное ужасом лицо. Ее серые глаза смотрели на ступени.

Женщина была беременна.

За изгибом бастиона послышались голоса, гортанные и монотонные. Кто-то спорил о чем-то, доносился топот множества ног. Казалось, идущие колеблются, то и дело останавливаются, но продолжают неумолимо приближаться. Голоса и шаги принадлежали хунхузам — разбойникам, убившим ее мужа, Кенвуда и носильщиков всего лишь час назад. Если бы не Кенвуд, они убили бы и ее.

Жизнь кончилась. Джин Мередит отчаянно хотела умереть. Она верила, что после смерти соединится со своим мужем, которого так любила, хотя он и был вдвое старше ее. Если бы они убили ее быст-

---

[1] Рассказ дописан в 1945 году Ханнесом Боком.

ро... Но она знала, что этого не будет, и не могла даже думать о том, что ждет ее перед смертью. Нет оружия, чтобы убить себя, а под сердцем — новая жизнь.

Но сильнее жажды смерти, сильнее страха пытки, сильнее зова нерожденного ребенка была месть. Не хунхузам, те — всего лишь стая диких зверей и поступают так, как велит их природа. Месть ее предназначалась тем, кто натравил их. Убийство не было случайным, теперь она была в этом уверена.

Он был как пульс, этот призыв к мести; пульс, который все усиливается, заглушая горе и ужас. Как будто в душе забил некий горький источник. Когда его темные волны захлестнут ее, коснутся губ, она сможет напиться... и тогда к ней придет знание... она узнает, кто задумал все это и почему. Ей нужно время, чтобы испить эту чашу, понять и отомстить. Она должна жить... ради мести.

«Аз воздам», — сказал Господь.

Как будто кто-то прошептал ей на ухо древние строки. Она ударила себя в грудь и холодными, сухими глазами посмотрела в спокойное небо.

— Ложь! — простонала она. — Как и всё, чему меня учили... Ты! Я отрекаюсь от Тебя! Месть! Тот, кто поможет мне отомстить, станет моим богом!

Голоса и шаги теперь слышались совсем рядом. Странно, как медленно, как неохотно они приближаются. Как будто боятся. Она посмотрела на густые заросли у лестницы. Пройти там было невозможно; во всяком случае, для нее. Если она там спрячется, ее найдут. Нужно подниматься дальше — там, наверху, может быть какое-нибудь укрытие.

Теперь сомнения исчезли: хунхузы страшатся этого места, поднимаются так медленно, так нерешительно... спорят, возражают...

Она увидела впереди еще один поворот. Если она доберется до него раньше, чем ее увидят, возможно, они туда не пойдут. Она начала подниматься.

Десятью ступенями выше на лестнице сидела лиса, словно бы преграждая путь. Это была рыжая лисица с очень большой головой и раскосыми зелеными глазами. На лбу ее серебрилось пятно, похожее на пламя свечи на ветру.

«Стройное и грациозное создание, — подумала Джин Мередит. — Изящная, как женщина».

Безумная мысль пришла ей в голову, рожденная отчаянием и отказом от Бога, которого ее с детства учили считать всеблагим, всемудрым, всемогущим. Она протянула руки к лисе и воскликнула:

— Сестра, ты тоже женщина, отведи меня в безопасное место, чтобы я смогла отомстить...

Вспомните: она только что видела смерть своего мужа под ножа-

ми хунхузов, она ждала ребенка, и кто знает, какие фантастические тропы нереальности могли возникнуть в ее сознании?

Как будто поняв ее, лиса медленно спустилась по ступеням, и Джин снова подумала, что зверек похож на изящную женщину. Лиса остановилась на расстоянии вытянутой руки, глядя на Джин раскосыми глазами, зелеными, яркими и блестящими, как драгоценный аквамарин. Никогда Джин не видела таких глаз у животных. В этом взгляде была и легкая насмешка, и чуть заметная угроза. Но когда взгляд лисы пробежал по окровавленным плечам женщины и опустился на ее большой живот, Джин могла бы поклясться, что увидела в этих глазах человеческие понимание и жалость. Джин прошептала:

— Сестра, помоги мне!

Послышался новый взрыв гортанной речи. Преследователи были совсем близко — еще несколько шагов, и убийцы увидят женщину. Она стояла, глядя на лису, сама не зная, на что надеяться.

Лиса тенью скользнула мимо и словно растаяла в кустах. Исчезла.

Черное отчаяние, отчаяние ребенка, который обнаружил, что тот, кому он верил, бросил его на растерзание зверям, опустилось на Джин Мередит.

Чего можно было ожидать от чужого бога теперь, когда она отреклась от своего?

Или это был более глубокий импульс? Атавизм, древняя память тех времен, когда человек считал зверей и птиц такими же, как он сам, только те были ближе к природе, которая дала им мудрость больше человеческой; они — слуги и посланники могучих божеств.

Так ли уж давно святой Франциск Ассизский говорил с животными и птицами, как с людьми, называя их «брат Волк» и «брат Орел»? И разве святой Конан не крестил тюленей на Оркнейских островах, как язычников? Мысли людей прошлого снова рождаются в нас. Иногда странные двери открываются в сознании, и из них выходят забытые духи. И кто может сказать, насколько они реальны?

Одно мгновение ей казалось, что лиса поняла ее, пообещала помочь — и покинула, убежала! Всхлипывая, Джин снова стала подниматься по лестнице.

Слишком поздно. Хунхузы показались из-за поворота. Раздался радостный хор воющих голосов; выкрикивая оскорбления и угрозы, бандиты бросились к ней. Впереди, с ножом в руке, бежал их предводитель, рябой полукровка-тибетец, тот самый, что первый ударил ножом ее мужа. Не в силах пошевелиться и даже закрыть глаза, Джин смотрела, как они приближаются. Предводитель заметил все это, понял, что-то сказал, и вся свора перешла на шаг, продлевая ее мучение.

И вдруг они остановились. Что-то, похожее на язык рыжего пламени, возникло на ступенях перед ними.

Лиса.

Она стояла, спокойно разглядывая людей, и надежда вернулась к Джин Мередит, растопив холодный ужас, от которого она оцепенела. Теперь она могла двигаться, но не пыталась, не хотела бежать. Пламя мести разгорелось с новой силой, и она чувствовала, что этот призыв достиг лисы.

Как будто услышав ее, лисица оглянулась и посмотрела на Джин. Зеленые глаза сверкнули, и белые зубы оскалились, словно в улыбке.

Лишь только лиса отвела взгляд, чары, сдерживавшие хунхузов, спали. Предводитель выхватил пистолет и выстрелил в нее.

Джин Мередит увидела невероятное.

Вместо лисы на лестнице стояла женщина, высокая и стройная, как молодая ива. Джин Мередит не видела ее лица, видны были только огненно-рыжие волосы и голова — маленькая, грациозная. Шелковое красное платье без рукавов ниспадало к ее ногам. Женщина подняла руку и указала на предводителя. Его люди стояли молча, неподвижно, как недавно стояла Джин Мередит, и ей показалось, что их держит неподвижными тот же ледяной ужас. Глаза их не отрывались от оборотня.

Женщина медленно опустила руку, и вслед за ее рукой опустился тибетец. Он встал на колени, потом на четвереньки, глядя ей в лицо и оскалив зубы, как собака. На губах его показалась пена, и вдруг он, словно зверь, набросился на своих людей. Он вцеплялся в горло, рвал зубами и ногтями, — хунхузы в страхе закричали, пытались отбиться и не могли.

Блеснули ножи, и предводитель, дергаясь в агонии, упал на ступени. По-прежнему крича, его люди без оглядки устремились вниз по лестнице и исчезли за поворотом.

Джин Мередит закрыла лицо ладонями, а когда опустила руки, на месте женщины вновь стояла лиса, шелковистая, красно-рыжая. Теперь она смотрела на нее. Джин видела, как сверкнули зеленые глаза, вновь, словно в улыбке, обнажились зубы, и лиса изящно направилась к ней.

Джин охватила слабость; она склонила голову и без сил опустилась на колени, прикрыв глаза дрожащими руками. Повеяло незнакомым ароматом — беспокойным, пробуждающим странные беглые образы. В следующее мгновение Джин услышала низкий приятный смех, и мягкий голос позвал:

— Сестра!

Она подняла голову. Над ней склонилось женское лицо. Утонченное лицо с раскосыми глазами цвета морской зелени, красно-рыжие волосы ниспадали на лоб, разделенные серебристой прядью, и прядь

эта напоминала пламя свечи. У женщины был длинный, но изящный нос с трепещущими ноздрями, маленький рот и красные, как коралл, полные губы. И легкая насмешка, и слабая угроза таились в этих губах. Длинные нежные руки коснулись сердца Джин, успокаивая ее, прогоняя прочь страх и горе.

Джин снова услышала голос, странный, невнятный и слегка насмешливый голос существа, которое понимает человеческие чувства, но никогда их не испытывает, зная, какие они жалкие и ненужные.

— Ты обретешь свою месть, сестра! — сказала женщина.

Белые ладони коснулись ее глаз, и Джин забыла... забыла... больше она ничего не помнила... ничего.

Даже саму себя.

* * *

Джин Мередит казалось, что она лежит на чем-то мягком, в бархатной слепой тьме, безграничной и непроницаемой. Она ничего не помнила и знала только, что она — это она.

«Я — это я», — подумала она. Тьма, в которой она лежала, была мягкая, добрая. Была и мысль: «Я — нерожденный дух во чреве ночи», но что такое ночь... и что такое дух? «Я довольна, — подумала она, — и я не хочу рождаться вновь».

Вновь? Это значит, что она уже рождалась... раньше... и тут в ее сознании всплыло слово: Джин. Она подумала: «Я Джин... но кто это — Джин?»

Два голоса. Один женский, мягкий и сладкий, со сдерживаемой дрожью натянутой струны. Она уже слышала этот голос... раньше, когда была Джин. Мужской голос низкий, полный спокойствия, человеческий... да, в нем есть что-то человеческое, чего нет в сладком голосе женщины. И она снова подумала: «Я Джин, я человек...»

— Скоро она проснется, — сказал мужчина. — Прибой сна высок на берегу жизни. Но он не должен накрыть жизнь.

— Прибой подчиняется мне, — ответила женщина, — и он стихает. Скоро она проснется.

— Она будет помнить?

— Да. Но страдать не будет. Как будто происшедшее случилось с другой женщиной. Ей будет жаль эту другую, но теперь та умерла вместе с мужем и унесла с собой печаль, боль и горе, не оставив никакого наследия — только память.

Джин показалось, что прошло некоторое время, хотя какое время может существовать в окутавшей ее темноте? Да и что это такое — время?

Тишину нарушил задумчивый мужской голос:

— Для нее, пока она помнит, счастье не существует.

Женщина рассмеялась, звонко, задиристо.

— Счастье? Я думала, ты достаточно мудр, чтобы не цепляться за эту иллюзию, священник. Я дала ей спокойствие, а это нечто большее, чем счастье. Да она и не просила счастья. Она молила о мести. И получит ее.

— Но она не знает, кто...

— Знает, — женщина прервала его. — И я знаю. И ты знаешь, вырвав это из сознания тибетца перед тем, как он умер. А если все еще не веришь, поверишь, когда виновник придет, чтобы убить ребенка.

— Убить ребенка!.. — прошептал мужчина.

Голос женщины стал холодным, он не утратил сладости, но стал звучать угрожающе:

— Ребенок не должен достаться ему, священник. Не сейчас. Позже, когда ты получишь знак...

Снова в голосе ее послышалась насмешка.

— Я собираюсь совершить путешествие... я слишком долго жила среди этих холмов. Пора посетить другие места, и я не хочу, чтобы твоя опрометчивость спутала мои планы... — Снова Джин Мередит услышала тот же смех. — Не бойся, священник, мои сестры помогут тебе.

— Я не боюсь, — спокойно ответил он.

Голос женщины стал мягким, ирония исчезла.

— Я знаю это. У тебя хватило мужества и мудрости, чтобы открыть запретные двери. Но меня держат тройные путы: обещание, клятва и желание. Когда наступит время, я дам больше... а пока я беспомощна. Поэтому мне и нужен ты, священник. Человек, который придет...

Голоса стихли. Тьма, внутри которой лежала женщина, медленно начала рассеиваться, едва заметно сменяясь зеленоватой серостью. Она в отчаянии подумала: «Я должна родиться. Но я не хочу этого!» Свет безжалостно усиливался. Среди серости возник изумрудный круг. Он становился все ярче, ярче...

Она лежала на низком ложе, в гнезде из шелковых подушек. Рядом был огромный бронзовый сосуд, похожий на купель. Его гладили ладони тысячелетий, оставив глубокую патину, похожую на мягкие зеленоватые сумерки. Солнечный луч коснулся сосуда, и там, куда он упал, патина засверкала, как крошечное солнце. На боках его виднелись странные рисунки, спирали и изгибы — символ грома. Сосуд стоял на треножнике... и вдруг Джин вспомнила. Да ведь это древняя обрядовая купель династии Танг, которую Мартин привез из Юнани

несколько лет назад... Неужели она дома?.. ей снилось, что она была в Китае и что Мартин... что Мартин...

Она резко села и через широко раскрытую дверь посмотрела на сад. Широкие ступени полого спускались к овальному бассейну, по краям которого гибкие ивы полоскали зеленые щупальца в голубой воде. Глицинии с висящими гирляндами цветов, белых и светло-желтых, азалии, подобные языкам пламени, и розовые лилии лежали на груди бассейна. А в дальнем конце — маленькая пагода, сказочная, крытая разноцветной черепицей, и по обе ее стороны замерли, как часовые, стройные кипарисы... Да ведь это же их сад, сад голубой пагоды, который Мартин скопировал с того места в Юнани, где живет его друг! Старый мудрый священник...

Но что-то здесь не так. Горы были не такие, как вокруг их ранчо. Конические голые скалы из розового камня, окруженные деревьями, походили на огромные шляпы с зелеными полями...

Она повернулась и снова осмотрелась. Комната оказалась широкой и длинной, но насколько длинной, не было видно — солнце, вливавшееся в высокое окно и ласкавшее древний сосуд, образовало непроницаемый световой занавес. Джин видела мощные потолочные балки, потемневшие от времени и покрытые странными резными символами. Она видела слоновую кость и сверкающий лак. Низкий алтарь из зеленого гагата, странно изогнутый, был уставлен церемониальными предметами незнакомой формы. Посредине возвышался большой бронзовый кувшин с крышкой в форме лисьей головы.

Из тени, отбрасываемой древним тангским сосудом, показался человек в шелковом серебристо-голубом одеянии, искусно расшитом паутиной таоистских символов. Под ними, на груди, призрачным силуэтом серебрилась голова лисы.

Человек был лысым, с тяжелым, лишенным выражения лицом и кожей гладкой и желтоватой, как древний пергамент. Ему можно было дать и шестьдесят лет — и триста. Глаза его притягивали Джин Мередит. Большие, черные, поразительно живые глаза, противоречащие лишенному возраста, тяжелому лицу. Лицо как будто маска, сквозь которую глядят эти глаза, сосредоточившие в себе всю жизнь. Этот взгляд вселял в нее спокойствие и уверенность, а все сомнения, все страхи и неясности исчезли из ее сознания. Впервые с момента нападения мозг стал ясным, хрустально чистым. Мысли ее снова принадлежали только ей.

Она вспомнила все. Но все это как будто случилось с кем-то другим. Было жаль этого другого, но печали она не чувствовала. Она была спокойна. Черные молодые глаза излучали спокойствие.

— Я вас знаю, — сказала она. — Вы — Ю Чин, мудрый священник, которого знал мой муж. А это — Храм Лис.

— Да, я Ю Чин, дочь моя, — ответил ей тот самый мужской голос, который она слышала из своего убежища во тьме.

Она попыталась встать, но снова опустилась на постель, побежденная слабостью.

— Ночь, день, еще ночь и часть дня ты спала, а теперь тебе нужно поесть. — По-английски он говорил медленно — очевидно, не привык говорить на этом языке.

Он хлопнул в ладоши, и от зеленого сосуда сквозь столбы солнечного света скользнула женщина. Такая же лишенная возраста, как и он, с широким умным лицом и раскосыми черными глазами, добрыми и очень мудрыми. Она была крепкая, смуглая, будто вырезанная из сухого выдержанного дерева. В руках она несла чашку с дымящейся похлебкой и овсяной хлеб.

Женщина села рядом с Джин Мередит, приподняла ее голову и начала кормить с ложечки, как ребенка. Джин увидела, что сама она почти обнажена: на ней была только тонкая рубашка из мягкого голубого шелка, с серебристым символом лисы на груди.

Священник кивнул, улыбаясь одними глазами.

— Фьен-ви будет ухаживать за тобой, — сказал он. — Скоро ты окрепнешь, я вернусь, и мы поговорим.

С этими словами он повернулся и вышел в широкие двери.

Женщина без остатка скормила ей похлебку и хлеб, потом ушла и вернулась с бронзовыми бутылями, в которых была горячая и холодная вода. Она вымыла Джин, вытерла, переодела в свежую серебристо-голубую рубашку, надела ей на ноги сандалии и ушла. Трижды Джин пыталась заговорить с ней, но женщина только качала головой, отвечая на каком-то диалекте. Джин не понимала ни слова.

Солнечный луч ушел с большой тангской купели. Джин, босая, лежала в постели. Она помнила все, через что прошла, но оставалась спокойной, невозмутимой. Происшедшее казалось ей сном. Так лесной пруд отражает тучи, но поверхность его остается неподвижной. Но под этой спокойной поверхностью скрывалось нечто безжалостное, алмазно твердое, наполняющее ее болью и горечью.

Она вспомнила, что рассказывал ей Мартин о Ю Чине. Китаец, чьи предки были просвещенными правителями еще за десять столетий до того, как Человек из Галилеи был распят на кресте, он изучал западный образ мысли в Англии и Франции, но не смог там утолить свою жажду мудрости, вернулся в землю своих отцов, где принял философию Лао-Цзы и удалился от мира в древний храм в Юнани, больше известный как Храм Лис. С этим храмом были связаны странные легенды, все в округе боялись его и почитали. Здесь Ю Чин проводил жизнь в размышлениях и научных занятиях.

Как же Мартин его называл? Ах, да, хозяином забытых знаний, хозяином иллюзий. Она знала, что Мартин уважал Ю Чина, любил его... Она подумала, не является ли женщина, ухаживавшая за ней, одной из его иллюзий, не исходит ли весь ее мир от него. Может, он сделал ее боль и печаль иллюзиями, да и эти мысли тоже внушил ей он? Но думала она об этом сонно, точно это ее не волновало.

Ю Чин снова показался в дверях, подошел к ней, и опять глаза его стали источниками спокойствия. Джин попыталась приподняться, приветствовать его, но не смогла. Мозг ее был ясен, но тело ее не слушалось. Он коснулся ее лба, и слабость исчезла.

— Все хорошо, дочь моя. Теперь нам нужно поговорить. Идем в сад.

Он вновь хлопнул в ладоши. Появилась Фьен-ви и с нею двое мужчин, одетых в голубые одежды. Они несли кресло. Женщина подняла Джин, усадила, мужчины вынесли кресло наружу и спустились по пологим ступеням к бассейну.

Храм был построен на уступе горы. Стройные колонны, изгрызенные зубами столетий, поддерживали изогнутую крышу, крытую голубой черепицей. От широкой двери, через которую они прошли, спускался двойной ряд статуй лисиц, похожий на Аллею сфинксов в Фивах. Эти статуи тянулись почти до самого бассейна. По склону горы сбегала древняя лестница, по которой Джин поднималась. Там, где она подходила к храму, покрытое белыми цветами дерево трепетало на ветру, как пламя свечи.

Странно, но и сам храм походил на голову лисицы: морда лежит между лап — рядов скульптур, вершина горы — лоб, а цветущее дерево как белая прядь в волосах той женщины...

Они сели у бассейна, повернувшись лицом к голубой пагоде. Пока Фьен-ви подкладывала подушки, Джин Мередит увидела, что у скамьи есть ручки, и на конце каждой — голова лисицы, а на спинке вырезана цепочка танцующих лисиц. По обе стороны скамьи в камне были выбиты маленькие тропки, словно для лап маленьких зверьков, что спускаются сюда на водопой.

Ю Чин заговорил:

— Камень брошен в пруд. Волны расходятся и достигают берега. Но вот они стихают, и пруд становится таким же, каким был. Но когда камень упал, когда он тонул, когда расходилась рябь, что-то малое и живое в пруду на миг изменилось. Но только на миг. Камень лег на дно, все утихло, и крошечные жизни опять стали такими же, как раньше.

Она спокойно ответила, ощущая прозрачную ясность сознания:

— Вы хотите сказать, что убийство моего мужа — такой камень?

Он продолжал, как будто не слышал:

— Но есть жизнь внутри жизни, и над жизнью, и под жизнью.

И то, что произошло с крошечными существами в пруду, могли ощутить те, другие. Жизнь — это пузырь, в котором еще много пузырей, которых мы не видим. А наш пузырь сам по себе лишь часть большего пузыря, который для нас так же неощутим. Но иногда мы воспринимаем эти другие пузыри, ощущаем красоту больших, чувствуем свое родство с меньшими... Когда меньшая жизнь касается нашей, мы говорим о демонах, а если нас касается большая жизнь, мы называем это небесной благодатью, ангелом, говорящим нашими устами...

И вновь Джин прервала его:

— Я поняла вас. Убийство Мартина — это камень. Он уйдет вместе с рябью... но он потревожил некий пруд, внутри которого меньшие пруды. И что из этого следует?

— В этом мире, — ответил Ю Чин, — есть места, где занавес между ним и другими мирами тонок. «Они» могут войти. Почему это происходит, я не знаю, но я знаю, что это правда. Древние умели находить такие места. Они называли тех, кто незримо там живет, — д у х и м е с т а. Эта гора, этот храм — такое место. Поэтому я и живу здесь.

— Вы имеете в виду лису, которую я видела на ступенях? Женщина, которая появилась на месте лисы и свела тибетца с ума? Я попросила лису о мести и назвала сестрой, и женщина прошептала мне, что я получу возможность отомстить, и тоже назвала меня сестрой. Ну, хорошо, и что же?

— Это правда. Убийство твоего мужа послужило камнем. Нужно подождать, пока исчезнет рябь. Но волны не утихнут, пока...

Новая мысль мелькнула в ее голове, как отражение солнца от камней на дне пруда.

— Я отвергла своего Бога. Существует он или нет, но я открылась этим другим жизням. И сделала это там, где эти другие жизни могут проявиться. Я принимаю это.

— У тебя сильный дух, дочь моя, — сказал Ю Чин.

С оттенком иронии она ответила:

— Оставаясь в темноте, до своего пробуждения, я слышала разговор. Один голос был ваш, другой — женщины-лисы, которая назвала меня сестрой. Она обещала спокойствие. Что ж, оно у меня есть. И обладая этим спокойствием, я теперь такая же чужая, как ее голос. Ю Чин, мой муж называл вас хозяином иллюзий. Скажите, эта женщина на ступенях — тоже одна из ваших иллюзий? А ее голос? Это спокойствие исходит от нее или от вас? Я не ребенок и знаю, что это легко было сделать — с помощью наркотика или просто внушением, пока я лежала беспомощная.

— Дочь моя, — сказал он, — если это и иллюзии, то они не мои.

— Вы тоже видели ее?

— И ее сестер. Много раз.

— Но это не доказывает, что она реальна. Видение могло пройти из вашего мозга в мой.

Он не ответил.

— Я буду жить? — резко спросила Джин.

— Нет, — без колебаний ответил тот.

Она немного подумала, глядя на гибкие ветви ив и стебли глициний.

— Я не просила счастья, и она дала мне спокойствие, — прошептала она, — не просила жизни, и вот она дала мне... месть. Но даже месть теперь не интересует меня.

Он серьезно ответил:

— Это неважно. Ты столкнулась с другой жизнью. Ты просила и получила обещание. Рябь на воде не уляжется, пока обещание не будет выполнено.

Она обдумывала это, глядя на конические холмы, затем вдруг рассмеялась. Они похожи на большие каменные шляпы с широкими полями. Интересно, какие под ними лица?

— Кто убил твоего мужа? — спросил Ю Чин.

Она подняла руки, сложила их на груди и сказала так равнодушно, будто читала по книге:

— Мне как раз исполнилось двадцать лет, когда я встретила Мартина. Я только что окончила колледж. Ему же было уже пятьдесят. Но в глубине души это был мечтательный мальчик. О, я знала, что он очень богат, но это не имело значения. Я любила его, любила этого мальчика в нем. Он попросил моей руки. Я вышла за него.

Чарльз с самого начала возненавидел меня, — продолжала она, и пояснила: — это его брат, и он на пятнадцать лет моложе. И жена Чарльза тоже меня ненавидела. Видите ли, у Мартина, кроме брата, никого не было, пока не появилась я. Если бы Мартин умер, все деньги остались бы Чарльзу. Они и не думали, что брат женится. Последние десять лет именно Чарльз управлял его делами: шахтами, инвестициями. Я не виню Чарльза за его ненависть ко мне, но он не должен был убивать Мартина.

Медовый месяц мы провели на ранчо Мартина. Знаете, там сад и бассейн такие же, как здесь. Тоже красиво, но горы вокруг покрыты снежными шапками, а не зелеными полями. И там был большой бронзовый сосуд, вот такой. Он рассказал, что скопировал сад, в котором у голубой пагоды живет Ю Чин. И что у сосуда есть двойник в Храме Лис. Мартин много рассказывал мне о вас.

Потом ему пришла мысль вновь посетить ваш храм. Мартин загорелся этой идеей, как мальчишка. Мне было все равно, но раз уж это могло сделать его счастливым, мы отправились. До Нанкина нас сопровождал Чарльз. В Нанкине я сказала Мартину, что у меня будет ребенок. Я знала об этом уже несколько месяцев, но не говорила ему:

боялась, что он откажется от путешествия, и это разобьет ему сердце. Но теперь я уже не могла держать это в тайне. Мартин был счастлив! Он сообщил об этом Чарльзу, и тот еще больше возненавидел меня. Мартин написал завещание, где указал, что в случае его смерти Чарльз, как и раньше, будет доверенным лицом, и его доля даже увеличится. Но все состояние — а это миллионы — переходит ко мне и ребенку. Было, правда, распоряжение на полмиллиона в пользу Чарльза.

Мартин прочел завещание брату, и я присутствовала при этом. И Кенвуд, секретарь Мартина, тоже. Я видела, как побледнел Чарльз, но взял себя в руки и притворился довольным, озабоченным только тем, чтобы ничего не случилось с братом. Но я догадывалась, что творится у него внутри.

Кенвуд был на моей стороне. Однажды вечером в Нанкине, за несколько дней до нашего выхода в Юнань, он пришел ко мне с попыткой отговорить меня от участия в путешествии. Насчет причин он не распространялся, говорил лишь о моем самочувствии, тяжелом пути и так далее, пока наконец я прямо не спросила, в чем дело. Он сказал, что Чарльз тайно встречался с Ли Конгом, известным китайским деятелем. Я ответила, что у Чарльза есть право выбора знакомых. Тогда Кенвуд намекнул, что Ли Конга подозревают в связях с преступниками из Сычуани и Юнани, в том, что он скупает и продает награбленное. Кенвуд добавил, что если я и Мартин умрем до рождения ребенка, Чарльз унаследует состояние брата, ведь он единственный наследник.

— Вы отправляетесь в Юнань, — сказал Кенвуд. — Очень легко известить одну из этих банд. И тогда братец Чарльз получит всё. Бесполезно говорить об этом вашему супругу: он верит всем, а Чарльзу больше всех, и все кончится только моим увольнением.

Конечно, он был прав, но я не могла поверить, что брат моего мужа решится пойти на убийство. Нас было двое, да еще Кенвуд и одна шотландка, мисс Маккензи, которую я отыскала в Нанкине и которая согласилась сопровождать меня — мне могла понадобиться помощь. А всего в отряде было двадцать человек, все остальные — китайцы, очень хорошие и надежные. Мы неторопливо двигались на север. Я уже говорила, что Мартин любил Китай, особенно древний. Он считал, что старый Китай теперь сохранился лишь в немногих местах, и прежде всего в Юнани. И он хотел, чтобы наш ребенок родился... здесь...

Она посидела молча, потом рассмеялась.

— Так оно и будет. Но не так, как мечтал Мартин... — Снова помолчала и сказала слегка удивленно: — Не по-человечески... смеяться в таких обстоятельствах! — Потом спокойно продолжала: — Мы двига-

лись медленно. По рекам на сампанах [1], в носилках. Меня всегда несли осторожно, медленно... из-за ребенка. Две недели назад Кенвуд сказал мне, что на нас могут напасть в определенном месте. Он много лет жил в Китае и умел добывать информацию. С самого начала похода он наблюдал, улещивал, угрожал и подкупал. Он сказал, что организует контрнападение, и нападающие попадутся в собственную ловушку. Он ругал Чарльза, говорил, что именно он стоит за всем этим и что если бы мы добрались до Ю Чина, то были бы в безопасности. Позже он добавил, что, должно быть, сведения были ложные, и отменил свое контрнападение. Помнится, я ему ответила, что у него чересчур разыгралось воображение.

Мы продолжали двигаться. И попали в засаду. И вовсе не из-за выкупа — им нужно было уничтожить нас. Хунхузы не дали нам ни одного шанса — мертвые мы для них были дороже живых. Я поняла это, когда выбежала из палатки и увидела, как зарубили Мартина, как упала бедная Маккензи. Кенвуд мог бы бежать, если бы я... но он погиб, чтобы дать мне возможность уйти...

Ю Чин, что вы со мной сделали? — сонно спросила Джин Мередит. — Я видела, как убили моего мужа... Видела, как человек отдал за меня жизнь... и все же я жалею их не больше, чем если бы они были тростинками под серпом... Что вы со мной сделали, Ю Чин?

— Если ты мертва... и все ныне живущие мертвы, имеет ли это значение? — ответил он.

Она сказала, качая головой:

— Но... я не мертва! И не мертвы те, что живут сейчас. И я предпочла бы остаться человеком и страдать, как все.

— Это невозможно, дочь моя.

— Я хотела бы испытывать чувства, — сказала она. — О Боже, как я хотела бы чувствовать... — Помолчав, она закончила свой рассказ. — Вот и все. Кенвуд заслонил меня собою. Я нашла эти ступени, поднималась по ним — все выше и выше. Потом встретила лису, на месте которой вдруг возникла женщина...

— И ты видела тибетца-полукровку, который, завывая, точно бешеный пес, бросился на тех, кто преследовал тебя. Видела, как он пал под ножами своих людей. Я со своими людьми подоспел раньше, чем тот умер, и мы принесли его сюда. Его умирающий разум сообщил, что их нанял глава хунхузов Шенси и приказал полностью уничтожить ваш отряд. Им пообещали за это все ваше добро и тысячу таэлей серебра впридачу. А когда тот спросил, кто платит такую сумму, наниматель спьяну проговорился — Ли Конг.

Она обхватила рукой подбородок, посмотрела на голубую пагоду и на бассейн. Наконец заговорила:

---

[1] Сампан — китайская одновесельная лодка.

— Значит, Кенвуд был прав. Это Чарльз...

Потом добавила:

— Я почти ничего не чувствую, Ю Чин, но то, что осталось за этим «почти», мне нравится. Это ненависть.

И еще:

— Мне всего двадцать четыре года. Слишком мало, чтобы умирать, не правда ли, Ю Чин? Но та женщина — она сказала, что моя жалость умерла вместе с Мартином. Она была права, Ю Чин... Но я думаю, что хотела бы соединиться с этой своей частью...

Солнце садилось. Аметистовая вуаль опустилась на конические горы. Неожиданно они как будто расплылись, стали прозрачными. Воздух между вершинами стал кристально чистым. Голубая пагода засверкала, будто сделанная из темных сапфиров, за которыми вспыхнули маленькие солнца.

Джин вздохнула.

— Как здесь прекрасно, Ю Чин. Я рада, что умру здесь...

Рядом послышался шорох маленьких лап. По одной из высеченных в камне тропок подбежала лиса и без страха посмотрела на Джин сверкающими зелеными глазами. Еще одна скользнула к бассейну, и еще, и еще. Они спокойно лакали голубоватую воду, с любопытством поглядывая на людей.

* * *

Проходили мимо дни, недели. Миновал месяц. Каждый день Джин сидела на скамье у бассейна, смотрела, как склоняют свои ветви ивы, как раскрываются и закрываются большие жемчужно-розовые лилии, как хрустальные зеленоватые сумерки окутывают острые вершины и как с наступлением вечера к бассейну приходят лисы.

Теперь они относились к ней по-дружески, эти лисы, сидели рядом и рассматривали ее; но больше она не встречала ту стройную лису с белым пятном меж раскосых зеленых глаз. Джин привыкла к Фьен-ви и храмовым слугам, а из разбросанных в округе селений приходили пилигримы, украдкой, со страхом смотрели на нее, когда она сидела на скамье в окружении лис, и простирались перед ней ниц, словно она была каким-то божеством.

И каждый день был точно таким, как предыдущий, и она думала: «Без печали, без страха, без радости, без надежды дни ничем не отличаются друг от друга, и потому какая разница, умру ли я завтра или через год?»

Какое бы лекарство ни получила ее душа — то ли от загадочной женщины на ступенях, то ли от Ю Чина, — теперь она не испытывала никаких эмоций, даже любви к нерожденному ребенку. Знала только, что должна его выносить.

Лишь однажды она ощутила слабое любопытство: она знала, что у этого мудрого священника из Храма Лис есть свои способы узнавать новости о мире.

— Чарльз знает о том, что я еще жива? — спросила она.

Он ответил:

— Еще нет. Посыльные, которых к нему отправляли, не дошли до него. Пройдет несколько недель, прежде чем он узнает.

— И тогда он придет сюда. Ребенок уже родится, когда он придет, Ю Чин?

— Да, — ответил тот.

— А я буду жива?

Он промолчал, и она рассмеялась. В тот же день, в сумерках, в середине Часа Собаки, она подошла к нему в саду у бассейна.

— Мое время пришло, Ю Чин, — сказала она. — Ребенок шевелится.

Ее отнесли в храм. Она лежала на кровати, и смуглая Фьен-ви склонялась к ней, ухаживала, помогала. В храме горел единственный светильник из молочного гагата, сквозь его прозрачные стенки виднелись огни пяти свеч, как пять маленьких лун. Джин почти не чувствовала боли. И подумала: «Вероятно, и этим я обязана Ю Чину». И летели минуты, пока не наступил Час Кабана.

Она услышала царапанье у дверей храма. Священник открыл. Он заговорил негромко, повторяя только одно слово, и она знала, что оно означает. «Терпение». Сквозь открытую дверь ей виден был сад и десятки маленьких зеленых огоньков, — как фонарики гномов.

— Мои маленькие лисы ждут, — сонно сказала она. — Пусть они войдут, Ю Чин.

— Еще рано, дочь моя.

Прошел Час Кабана. Миновала полночь. В храме царила полная тишина, Джин казалось, что весь храм ждет, и немигающие огоньки пяти маленьких лун на алтаре тоже. «Даже ребенок ждет... но чего?»

И вдруг она почувствовала острую боль и закричала. Смуглая женщина крепко держала ее за руки. Священник позвал, и в зал вошли четверо крепких слуг. Они принесли сосуды с водой, горячей и холодной. Они не смотрели на Джин и подходили, отвернувшись.

Священник коснулся ее глаз, провел ладонями по бокам, и боль ушла так же быстро, как появилась. Она видела, как слуги налили воду в древнюю тангскую купель и исчезли, по-прежнему не глядя на нее.

Она не видела, как открывалась дверь, но в храме появилась лиса. Призрачная в тусклом свете храмовой лампады, она грациозно приблизилась. Это была та самая зеленоглазая лисица со ступеней, которую она назвала сестрой...

И вот перед ней снова женское лицо. Изящное, с раскосыми

зелеными глазами, красновато-рыжие волосы спадают на лоб. Прядь серебра... Глаза смотрят ласково, одновременно с легкой насмешкой и угрозой.

Женщина была обнажена, и хотя Джин Мередит не могла оторвать взгляда от ее зеленых глаз, она видела изгиб тонких плеч, округлые груди, стройные бедра. Женщина как будто застыла, невесомая, легконогая, и Джин почувствовала щекочущий холодок в груди... приятный холодок... как будто женщина погружается в нее, становится ее частью. Лицо приближалось... ближе... ближе... глаза теперь совсем рядом, насмешка и угроза из них исчезли... в них были теперь только мягкость и обещание... Джин почувствовала, как холодные губы касаются ее губ...

Лицо исчезло. Она тонула, не сопротивляясь... с благодарностью... погружаясь в сверкающую серость... в мягкую слепую тьму, все глубже и глубже.

— Мартин! — воскликнула она. Потом снова с радостью: — Мартин!..

Свет одной из пяти лун в гагатовом светильнике померк. Еще мгновение — и она погасла.

Смуглая женщина лицом вниз лежала на полу рядом с постелью. Священник коснулся ее носком ноги, сказал:

— Приготовься. Быстрее.

И склонился к неподвижному телу.

Что-то шевельнулось у алтаря. Из тени к тангской купели изящно приближались четыре лисы. Все самки, они двигались грациозно, как женщины. Блестели глаза, яркие цветы моря, и на лбу у каждой серебрилось белое пятно. Они подошли к смуглой женщине и остановились, глядя на нее.

Священник распахнул двери. В храм одна за другой заскользили лисы... двадцать... сорок... весь храм заполнился ими. Они окружили древнюю купель, сидели, свесив красные языки, и смотрели на кровать.

Священник подошел к кровати. В руке у него был странно изогнутый тонкий бронзовый нож, обоюдоострый, заточенный, как скальпель. Смуглая женщина снова упала на пол. Ю Чин склонился над кроватью и начал резать уверенными движениями хирурга. Четыре лисицы придвинулись ближе, следя за каждым его движением.

Неожиданно в храме послышался громкий жалобный крик новорожденного.

Священник отошел от кровати. В руках у него был ребенок: и руки, и дитя были красны от крови. Четыре лисы шли рядом, а остальные расступились, снова смыкая круг за их спиной. Четыре лисицы остановились, каждая по одну сторону купели, но не садились. Они стояли, не отрывая взгляда от священника.

Ю Чин обошел купель, склоняясь перед каждой лисицей, поднося ребенка, и каждая коснулась его языком. Потом поднял ребенка за ноги, подержал вниз головой высоко над собой, поворачиваясь, чтобы видели все остальные лисы.

Пять раз окунул ребенка в воду купели.

И неожиданно погасли остальные четыре свечи.

Послышался шорох, топот множества лап, и наступила тишина.

Ю Чин позвал слуг. Принесли лампы. Смуглая женщина поднялась с пола, он передал ей ребенка и сказал:

— Все кончено — все начинается. Заботься о ней.

Так родилась дочь Джин и Мартина Мередитов в древнем Храме Лис. Родилась ночью, посреди Часа Лисы, как называют это время в тех районах Китая, где еще живы древние верования. По другой полюс был Час Лошади: это животное в определенное время и в определенных местах тоже обладало волшебством, которого не могли преодолеть лисы.

3

Дом Небесных Ожиданий своим присутствием оказал честь Пекину (в те годы его еще не переименовали в Бэйпин). Дом скрывался в сердце Древнего Города, и ожидания, что обсуждались здесь, были прямо противоположны небесным — во всяком случае, они относились к весьма странным разновидностям прекрасного.

Но, кроме хозяев, никто не знал, что происходит за его стенами. Никакие тайны не выходили за пределы этих стен. И почти никакой информации нельзя было получить о Доме Небесных Ожиданий и о его хозяевах.

В сущности здесь отмывали деньги предприятий, к которым неодобрительно относятся даже в менее цивилизованных странах. Шантаж, воровство, контрабанда, пиратство, убийства и так далее. Хозяева дома получали щедрую долю от каждой успешной операции в обмен на защиту от помех, подслушивания и шпионов, в обмен на советы специалистов по поводу любой части предприятия.

Будущие члены наиболее изысканных лондонских клубов — и те не проверяются с такой тщательностью, как желающие войти в Дом Небесных Ожиданий — нужно быть законченным мерзавцем, чтобы получить это право. Но возможности, которые предоставлял Дом, заслуживали преодоления таких препятствий.

Через три недели после рождения ребенка Джин Мередит в одной из комнат этого дома сидел Чарльз Мередит. Он не был членом Дома, но признанные члены его имели право приводить гостей.

Привилегия для гостей сомнительная, даже если они об этом и не знали. Вполне могло случиться так, что кое-кто из них не возвратился бы оттуда. Было почти невозможно установить связь с Домом; им всегда предлагали оставить свой экипаж в определенном месте за несколько кварталов отсюда, а если впоследствии за городом обнаруживали их тела, то даже тогда нельзя было заподозрить Дом Небесных Ожиданий: специалисты оттуда всегда могли обеспечить алиби.

Хотя Чарльз Мередит ничего этого не знал, он беспокоился. Во-первых, у него с собой было много денег, очень много, пятьдесят тысяч долларов. Во-вторых, он понятия не имел, где находится.

В назначенном месте он отпустил рикшу, и почти сразу к нему подошел другой, который произнес пароль. Потом его везли по каким-то улицам и переулкам, затем, завязав глаза, провели по извилистому коридору в прихожую, где его с поклоном встретил китаец и провел в эту комнату. Он никого не видел и ничего не слышал. В данных обстоятельствах он ценил одиночество — но, черт побери, всему ведь есть предел! И где Ли Конг?

Он встал и нервно прошелся по комнате. Карман пиджака приятно оттягивал пистолет. Чарльз Мередит был высоким, худощавым мужчиной с покатыми плечами. У него были ясные серые глаза, которые выглядели странно на смуглом лице, открытый лоб и хищный нос крючком. Плотно сжатые тонкие губы свидетельствовали о жестокости и привычке потакать своим слабостям. Внешне это был энергичный, деловой американец, который вряд ли был способен убить своего брата.

Он повернулся, услышав звук открывающейся двери, и увидел, как вошел Ли Конг.

Ли Конг закончил американский колледж, и отец его питал надежды на дипломатическую карьеру сына. Обучение в Америке было частью этих планов, но Ли Конг проводил время, изучая в мельчайших деталях все худшие стороны американской жизни. Это, а также природные склонности и таланты, позволили ему занять высокое место в Доме Небесных Ожиданий, среди его хозяев.

На нем был строгий вечерний английский костюм, и выглядел он тем, кем надеялся сделать его отец. На самом же деле это был абсолютно беспринципный человек, без морали и совести.

Нервозность Мередита нашла свой выход.

— Какого дьявола вы так долго сюда добирались, Ли Конг? — раздраженно спросил он.

Глаза китайца сверкнули, но ответил он вежливо:

— Плохие новости летят быстро. Хорошие идут медленно. Я не пришел слишком рано, но и не опоздал.

Мередит подозрительно нахмурился:

— Что это значит?

— Ваш почтенный старший брат поднялся к Дракону, — ответил Ли Конг, внимательно глядя на него.

Серые глаза Мередита сверкнули. Рот его искривился в жестокой усмешке, но прежде чем он смог заговорить, Ли Конг добавил:

— И с ним ушли его недостойные спутники. Все, кроме... — И он замолчал.

Тело Мередита напряглось, он наклонился вперед.

— Кроме?.. — тонким голосом спросил он.

Глаза китайца не отрывались от него.

— Когда вы минуту назад упрекнули меня в медлительности, я ответил, что не пришел раньше времени и не опоздал, — сказал китаец. — Поэтому я принес не только хорошие новости, но и дурные...

— Черт вас возьми, Ли Конг, кто уцелел?

— Жена вашего брата.

Лицо Чарльза Мередита побелело, потом почернело от ярости.

— Боже! — прошептал он. Потом взревел: — Вы все испортили! — рука его рванулась к пистолету под мышкой, потом опустилась. — А где она? — спросил он.

Китаец заметил движение, но не показал этого, лишь ответил:

— Она бежала в Храм Лис, к старому другу вашего брата, Ю Чину.

— Как они ее упустили? Почему не пошли за ней?

— Они пошли за ней! Но о том, что случилось дальше, вы услышите... когда заплатите мне, мой друг.

— Заплачу?! — ярость победила благоразумие. — Когда эта шлюха жива? Вы с ума сошли! Раньше я увижу вас в аду, чем уплачу вам хотя бы цент!

Китаец спокойно продолжал:

— Правда, она вскоре также ушла к Дракону, по стопам своего супруга. Она умерла при родах.

— Умерли... — Мередит опустился в кресло, дрожа, как человек, с которого спало огромное напряжение. — Оба умерли...

Китаец следил за ним с застывшей злобой во взгляде.

— Но ребенок жив! — сказал он.

Долгую минуту американец сидел неподвижно, глядя на него. На этот раз он уже не утратил контроль над собой и холодно сказал:

— Значит, вы играли со мной? Ну, что ж, знайте: вы ничего не получите, пока ребенок не последует за родителями. Ничего! И если вы задумали меня шантажировать, то помните: если обвините меня, то и сами отправитесь на встречу к палачу. Подумай об этом, желтая обезьяна!

Китаец закурил сигарету. Он спокойно сказал:

— Ваш брат мертв, чего вы и хотели. Его жена тоже мертва — и это условие мы выполнили, хотя она умерла позже остальных.

В нашем договоре ничего не сказано о ребенке. И не думаю, чтобы вы смогли добраться до ребенка без моей помощи. — Он улыбнулся. — Разве не сказано: «Кто из двух братьев считает себя неуязвимым, тот дурак»?

Мередит ничего не ответил, лишь мрачно глядел на него. Ли Конг продолжал:

— К тому же, я могу поделиться информацией, дать совет... необходимый вам, если вы решитесь идти за ребенком. А вам придется идти, если девочка вам нужна. И наконец, разве не написано в И-Цзин[1] — Книге Перемен, что в мозгу человека много входов, но только один выход? Для этого дома высказывание звучит наоборот. У этого дома только один вход, но зато много выходов, и у каждого выхода ждет смерть.

Он снова помолчал, потом сказал:

— Подумай над этим, белый братоубийца!

Американец вздрогнул, вскочил на ноги и потянулся за пистолетом, но сильные руки схватили его за локти, и он оказался совершенно беспомощен. Ли Конг подошел к нему, достал пистолет Чарльза и сунул в свой карман. Руки отпустили Мередита. Он оглянулся. За спиной у него стояли два китайца. Один держал алый шнурок для удушения, другой — короткий обоюдоострый меч.

— Две из множества смертей, охраняющих выход. — Голос Ли Конга был сама вежливость. — Можете выбирать. Рекомендую меч — быстрее.

Мередит не был трусом и отличался безжалостностью, но тут он столкнулся с не меньшей жестокостью.

— Вы выиграли, — сказал он. — Я заплачу.

— И немедленно, — улыбнулся Ли Конг.

Мередит достал пачку банкнот и протянул ему. Китаец пересчитал их, кивнул, что-то сказал двум палачам, и они вышли. Потом очень серьезно заявил:

— Мой друг, ваше счастье, что я понимаю, что оскорбления вашего молодого народа не имеют той силы, как те, что были бы сказаны представителем моей расы, гораздо более древней. В И-Цзин написано, что нас не должно смущать сходство: нельзя одинаково воспринимать слова взрослого человека и ребенка, хотя слова одни и те же. К тому же, я чувствую себя в определенном долгу. Непредвиденные обстоятельства привели к тому, что из посаженного в этом Доме семени вырос кривой цветок. И это, — серьезно продолжал Ли Конг, — пятно на чести дома...

---

[1] И-Цзин (И-Чин) — древнекитайский трактат, гадательная книга. Гадают по ней, подбрасывая стебли тысячелистника, и по их расположению выбирают соответствующую тезу или антитезу.

Он улыбнулся и добавил:

— Вернее, на нашей работе. Поэтому я предлагаю обсудить дальнейшие шаги без гнева и взаимных упреков.

Мередит кивнул:

— Простите меня за мои слова, Ли Конг. Это действительно было ребячество. Я приношу свои извинения.

Китаец поклонился, но не пожал протянутой руки. И не вспомнил о своих собственных словах.

— Ребенок в Храме Лис, — сказал он. — В Кансу это чрезвычайно почитаемое место. О девочке заботится Ю Чин, а он не только мудр, но и могуществен, и к тому же верный друг вашего покойного брата. Если Ю Чин что-нибудь заподозрит, вам будет очень трудно осчастливить вашего брата и его жену, отправив к ним дочь. Вы должны считать, что Ю Чин не просто подозревает — он знает.

Мередит недоверчиво спросил:

— Что он может подозревать? А тем более — знать?

Ли Конг, прежде чем ответить, задумчиво размял сигарету.

— Священник мудр. К тому же, как и я, он хорошо знаком с вашей восхитительной цивилизацией. Женщина жила у него несколько недель, следовательно, он должен знать, кому будет выгодно... гм... устранение ваших почтенных родственников. Ему должно показаться крайне подозрительным, что разбойники, вопреки обычаю, не стали держать пленников ради выкупа, а устранили их на месте. Естественно, он спросит себя, почему. Наконец, говорят, Ю Чин имеет доступ к источникам информации, недоступным для других людей — живых людей, я хочу сказать... Мертвые, — сардонически усмехнулся Ли Конг, — разумеется, знают всё.

Мередит презрительно скривился.

— О чем это вы? Духи, предсказание будущего и прочий вздор?

Ли Конг задумчиво посмотрел на него, потом ответил:

— Нет, не совсем это. Нечто близкое к классической идее о союзе с природой, существами из другого мира, более древнего, чем мир человека, и все еще живущими на земле. Что-то вроде тех духов, что были в дубовой роще Дидоны, или говорили с Сивиллой в гроте в Кумах, или, если вспомнить более близкие времена, наставляли Жанну д'Арк, сидя на ветвях волшебного дерева в Домреми.

Мередит рассмеялся.

— Милостивый Боже! И это говорите вы?

Ли Конг невозмутимо ответил:

— Да, я! Я сам по себе и ни во что не верю, но говорю вам, что не ступил бы на лестницу Храма Лис, сколько бы золота вы мне ни предложили.

«Он пытается запугать меня, — подумал Мередит. — Желтая соба-

ка не хочет пустить меня к храму. Почему?» Произнес же он только последнее слово:

— Почему?

— Китай очень стар, — ответил тот. — Древние верования здесь еще сильны. Например, существуют легенды о женщинах-лисах. Женщины-лисы — духи природы. Разум земной, но не человеческий, сродни дубовой роще Дидоны, Кумскому гроту и волшебному дереву Жанны д'Арк. В них верят, особенно в провинции Кансу. Эти духи обладают силами, недоступными человеку. Они могут принимать только две земные формы: лисы и прекрасной женщины. Есть и мужчины-лисы, но легенды в основном связаны с женщинами. Для них не существует времени, они его хозяева. Для тех, кто оказывается в их власти, день может показаться тысячелетием, а тысяча лет — одним днем. Они могут открывать двери в другие миры, миры ужаса, миры радости. Если даже эти миры и иллюзорны, они не кажутся такими тому, перед кем открылись двери. Женщины-лисы могут помочь путешествию или помешать ему.

Они могут создавать иллюзии. Фантомы, возможно, но эти фантомы могут ранить и убивать. Они капризны, и могут сделать добро независимо от того, есть добродетель у человека или нет. Особенно они внимательны к беременным. Если им позволят, они могут войти в беременную через ее грудь или под ее ногти. Они могут проникнуть в нерожденного ребенка. В таких случаях роды не бывают нормальными, и мать умирает. Они не могут вытеснить душу ребенка и живут рядом с ней, воздействуя на нее. Странные легенды, друг мой, и сам я в них не верю, но именно из-за них ничто не может заставить меня войти в Храм Лис.

Мередит задумался. «Он пытается обмануть меня! Неужели он думает, что меня может испугать этот суеверный бред?» Он проговорил высоким голосом, который появлялся, когда хладнокровие покидало его:

— Что за игру вы ведете, Ли Конг? Хотите сказать, что на моем месте вы бы не пошли в храм за этим ребенком? Почему?

— Друг мой, моя игра с вами сыграна. Я не говорю, что вы не пойдете, я говорю, что я бы не пошел. Это разные вещи.

Американец ударил кулаком по столу.

— И вы хотите, чтобы я серьезно воспринял этот вздор? Не думайте, что откажусь только потому, что какая-то желтая... — Он неожиданно смолк.

— Из-за каких-то суеверий желтых людей, — вежливо закончил китаец. — Нет, не думаю. Но позвольте указать вам на несколько тревожащих обстоятельств. Считается, что в Храме Лис живут пять таких женщин-лис. Пять... духов. Они сестры. Ко мне шли три вестника. Первый должен был добраться до меня через три недели после проис-

шествия. Он исчез. Второго отправили неделю спустя. Он тоже исчез. Но третий, несший весть о смерти жены вашего брата и о рождении ребенка, прилетел, как на крыльях ветра. Почему не дошли первые двое? Потому что кто-то хотел, чтобы мы ничего не знали о случившемся до рождения ребенка? Кто?

Далее. Из Кансу не пришло вообще никаких вестей о нападении на вашего брата. Это, друг мой, ставит нас перед дилеммой. Вы не можете сказать, что узнали о смерти брата от меня. Поэтому за ребенком вы послать не можете. Вам придется ехать самому — под каким-нибудь предлогом. Мне кажется, тот, кто пропустил третьего вестника, хочет, чтобы вы явились самолично. Почему?

Мередит снова ударил по столу.

— Я поеду!

— В-третьих, — продолжал Ли Конг, — мой вестник сообщил, что сбежавшая женщина поднималась по лестнице Храма Лис. И когда хунхузы почти догнали ее, между ними на ступенях появилась лиса. Затем эта лиса обернулась женщиной, которая превратила их предводителя в бешеного пса, и они бежали. Думаю, — задумчиво закончил Ли Конг, — что я тоже убежал бы.

Мередит ничего не ответил, но продолжал бить кулаком по столу, и в глазах его была ярость.

— Вы думаете, — сказал Ли Конг: — «Желтые собаки! Конечно, они убежали. Накачались по горло ромом и опиумом!» Верно?

Именно это и подумал Мередит, но ничего не сказал.

— И последнее, — сказал Ли Конг. — Жена вашего брата умерла при родах...

— Потому что шлюха-лиса забралась в нее, — усмехнулся Мередит и засмеялся высоким тонким смехом.

Китаец на мгновение утратил свое спокойствие, привстал, потом снова сел и терпеливо сказал:

— Если будете подниматься по лестнице, поезжайте верхом на лошади. Предпочтительно на английской, на которой охотятся за лисами.

Он зажег новую сигарету.

— Пусть это суеверие. Тем не менее, если решите отправиться, возьмите с собой людей, таких же свободных от предрассудков, как и вы. Я знаю двоих таких. Один из них немец, а другой — француз. Храбрые и решительные люди. Двигайтесь втроем. Не доверяйте китайцам. Когда подойдете к храму, поднимайтесь по ступеням одни. Я готов поручиться за этих двоих, — серьезно сказал он. — Более того, за них ручается Дом Небесных Ожиданий. Конечно, им нужно будет заплатить.

Мередит спросил:

— Сколько?

— Не знаю. Вероятно, не меньше пяти тысяч долларов.

Мередит подумал: «Вот зачем он все это придумал. Очередная ловушка».

И опять Ли Конг словно бы прочел его мысли. Он очень неторопливо и обдуманно сказал:

— Послушайте, Мередит. Я больше ничего от вас не хочу. Я не говорил с этими людьми. Они не знают ничего о той операции, за которую вы мне только что заплатили. Я с этим делом покончил! Вы мне не нравитесь, и я надеюсь, что мы больше никогда не встретимся. Понятный американский разговор?

Мередит так же неторопливо ответил:

— Мне нравится. Продолжайте.

— Пусть думают, что вы беспокоитесь о брате. Когда в должное время в пути вы узнаете, что ваш брат и его жена мертвы и что осталась их дочь, будет выглядеть естественным, если вы захотите увезти ребенка с собой. Если ребенка откажутся отдать и понадобится убивать, эти двое будут убивать. Это все. Я сведу вас с ними и позабочусь, чтобы все, с кем у меня есть связь, не мешали вам по пути в Кансу и на обратном пути — если вы вернетесь. Если бы не обязательства, о которых я говорил, я и пальцем бы не пошевелил, чтобы помочь вам. После того, как вы выйдете из этого дома, вы исчезнете для меня. Я не желаю враждовать с Ю Чином и с Храмом Лис. Если мы когда-либо встретимся — не заговаривайте со мной: мы не знакомы! Никогда не пишите мне и не думайте обо мне. Я забыл о вас! Ясно?

Мередит кивнул, улыбаясь. Он подумал: «Я ошибся, думая, что он хочет отвадить меня от этого храма. Желтая крыса боится... он верит в предрассудки! Америка не смогла выбить из него эти суеверия!»

Мысль эта позабавила его, помогла отнестись к Ли Конгу с презрительной терпимостью и дала приятное чувство собственного превосходства. Он сказал, не пытаясь скрыть презрения в голосе:

— Ясней, чем вы думаете, Ли Конг. Где я встречусь с вашими друзьями?

— Они будут у вас в отеле в час, если вас это устроит.

— Устроит. Как их зовут?

— Они сами вам скажут. У них будет с собой моя письменная рекомендация.

Ли Конг встал, задержался у двери и вежливо поклонился. Мередит прошел мимо него. Они миновали коридор и через извилистый переулок вышли на улицу. Это была не та улица, с которой он вошел. Он ее не узнал. Его ждал рикша. Ли Конг с поклоном усадил его.

— Пусть наши тени больше никогда не соприкоснутся, — церемонно

сказал он. И добавил, впервые за все время угрожающе: — Ради вас же самого!

Он повернулся и исчез в переулке. Рикша быстро побежал.

4

Месяц спустя, в полдень, Мередит выехал на зеленую поляну и увидел первые ступени лестницы, ведущей к Храму Лис. Рядом с ним ехали фон Бреннер и Лассаль, два храбрых и решительных человека, как отрекомендовал их ему Ли Конг. Они такими и оказались, но к тому же умели хранить тайну. Без всяких комментариев они приняли его объяснение, проявили должное сочувствие и не задавали неудобных вопросов. Оба знали китайский и несколько местных диалектов. Лассаль бывал в Кансу и даже знал местность, где был расположен Храм Лис.

Мередит рассудил, что будет разумно расспрашивать о брате в тех местах, через которые тот проезжал, и здесь немец и француз были его переводчиками. Когда сообщали, что через это место брат проехал в добром здравии, они, похоже, верили, что для него это добрая весть.

Либо они были превосходными актерами, либо Ли Конг сдержал слово и не сказал им ничего, кроме оговоренного с Мередитом. Правда, второе предположение вскоре после вступления в Кансу несколько пошатнулось, когда француз небрежно намекнул, что если желательно подобраться к храму незаметно, то он знает путь. Он сказал, что даже если священник знает об их приближении, то ожидает, что они пойдут обычным путем. Таким образом его можно захватить врасплох.

Мередит почувствовал ловушку. Согласиться с этим предложением — значит признать, что истинная цель его — храм, а все прочее — всего лишь предлог, и расспросы в пути — обман. Он резко ответил, что у него нет причины заставать священника врасплох, что Ю Чин почтенный ученый, старый друг его брата и беспокоиться не о чем. Почему Лассаль считает, что им нужна тайна? Француз вежливо ответил, что если бы он знал об этой дружбе, такая мысль не пришла бы ему в голову.

Мередит, кстати, опасался Ю Чина не больше, чем женщин-лис Ли Конга. Вспоминая, как китаец старался подействовать на него, он испытывал лишь презрение, которое компенсировало перенесенное им унижение, когда он вынужден был отдать ему проклятые деньги. Он часто слышал, как Мартин превозносил мудрость и добродетели Ю Чина, но это лишь доказывало, насколько непрактичен был его брат. То, что он преждевременно впал в маразм (по крайней мере, умственно), стало ясно, когда он женился на этой юной искательнице богатства, что годилась ему в дочери. Это был уже не тот Мартин,

которого он знал. Он уже не мог планировать свои поступки, и этот маразм привел бы их всех к гибели... Если бы Мартин страдал от какой-нибудь тяжелой, неизлечимой болезни и попросил бы помочь ему умереть, он, несомненно, сделал бы это, и какая, в сущности, разница между этим и тем, что он сделал? То, что пришлось пожертвовать девчонкой и ее отродьем, конечно, плохо... но это было необходимо.

Так Мередит оправдывал себя. Но в то же время у него не было причин доверять этим двоим.

Он очень ясно представлял себе, что будет делать с ребенком, когда тот окажется у него в руках. Девочке всего два месяца, а дорога в Пекин трудная. В храме должна быть какая-нибудь женщина. Он организует так, что она поедет с ними в Пекин. Если что-то случится, и девочка в пути заболеет, это не его вина. Ее настоящее место в семье ее отца, а не в языческом храме в глубине Китая. Никто не обвинит его, что он захотел привезти ее... даже если с ней что-нибудь случится.

Но поразмыслив, он решил, что это нехорошо. Лучше привезти ее в Пекин живой... может, лучше даже, если она живой попадет в Штаты и законно будет установлена опека и передано наследство. Времени впереди много. А он получит свои полмиллиона и увеличенный процент с доходов, это поможет продержаться до тех пор, пока... что-нибудь не случится и все состояние не перейдет к нему. И он бессердечно подумал: «Ну, что ж, до Пекина это отродье в безопасности».

Утром они проехали через селение. Их встретил староста и на вопросы дал полный отчет об убийстве, бегстве Джин, ее смерти в храме и рождении ребенка. Рассказ был такой полный, включая даты, что у Мередита зародилось легкое подозрение. Как будто этот человек заучил все заранее. Время от времени он подзывал какого-нибудь жителя для подтверждения. Чарльз разыграл должное горе и желание наказать убийц, а Бреннер и Лассаль в обычных словах выразили ему сочувствие.

Наконец он сказал:

— Прежде всего нужно увезти ребенка в Пекин. Там я найму хороших нянек. Здесь придется найти женщину, которая будет заботиться о ребенке до Пекина. Я хочу, чтобы девочка как можно скорее оказалась в Штатах под присмотром моей жены. И хочу направить закон по следам убийц, хотя понимаю, что особой пользы от этого ждать не приходится.

Его спутники согласились с этим.

Вскоре он уже стоял, глядя на древнюю лестницу, в конце которой находился ребенок. Он сказал:

— По этим ступеням лошадь не поднимется, если только это не цирковая лошадь. А таких здесь нет.

Лассаль улыбнулся.

— К храму на лошади вообще не подняться. Там впереди ступени еще более крутые. И тропы никакой нет. Нужно идти пешком.

Мередит подозрительно сказал:

— Похоже, вы хорошо знаете это место, Лассаль. Бывали раньше в храме?

— Нет, но я разговаривал с теми, кто в нем бывал.

Мередит улыбнулся.

— Мне советовали взять лошадь. Ли Конг сказал, что женщины-лисы боятся их.

Бреннер рассмеялся.

— Женщины-лисы? Всегда хотел их увидеть. Точно так же, как хотел бы увидеть одного из тех лунных лучников, о которых говорили во время войны. Да! Лучника я охотно пронзил бы пулей, но для женщины-лисы у меня нашлось бы другое оружие. Да!

Лассаль уклончиво заметил:

— Трудно выбить дурь из головы китайца.

Фон Бреннер повернулся к Мередиту:

— Я хотел бы задать вопрос. Насколько далеко мы зайдем, пытаясь забрать ребенка? Что, если священник не захочет нам его отдавать? Староста сказал, что в храме три женщины и четверо мужчин. — Потом прибавил задумчиво: — Староста был набит сведениями. Он слишком много знал. Мне это не нравится, совсем не нравится.

Лассаль кивнул, ничего не говоря, и вопросительно посмотрел на Мередита.

Мередит замялся:

— Не вижу, на каком основании Ю Чин отказался бы отдать нам ребенка, — сказал он. — Я его дядя и, естественно, опекун. Мой брат оставил распоряжение на случай своей смерти. Если священник откажется отдать ребенка добровольно, я буду прав, если применю силу. Если священник или его люди при этом пострадают, пусть винят только себя. Так или иначе, но ребенка я заберу.

Лассаль мрачно сказал:

— Если дело дойдет до схватки, обратно поедем тем путем, о котором я вам говорил. Будет лучше, если мы на расстоянии дневного перехода не покажемся ни в одном селении. И поедем мы со скоростью, которая может повредить ребенку.

— Я уверен, у нас не будет неприятностей с Ю Чином, — ответил Мередит.

Они привели с собой четвертую лошадь — крепкое животное с широким китайским седлом, на каких ездят женщины. Лошадей они привязали и начали подниматься по лестнице. Вначале они разговаривали, но постепенно их голоса поглотились окружающей тишиной, стихли.

Высокие сосны смотрели, как они проходят, скорчившиеся кусты тоже следили за ними. Путники никого не видели, ничего не слышали,

но постепенно стали такими же настороженными, как сосны и кусты, руки их лежали на рукоятках пистолетов, будто это придавало им уверенности. Они поднимались на выступ горы, по лицам их струился пот, как струится он с испуганных лошадей, когда те чувствуют невидимую опасность.

И тут они словно вышли из полных угроз джунглей в полный покой. Они по-прежнему молчали, но распрямились, перевели дыхание, руки их соскользнули с оружия. Перед ними была черепичная крыша Храма Лис, его голубая пагода и бассейн мира. Рядом с ним на каменной скамье сидел человек. Вскоре он встал и пошел к храму, сопровождаемый рыжими собаками. И вдруг путники поняли, что это не собаки, а лисы.

Они спустились с выступа и обогнули храм. В коричневом камне стены не было двери, и только шесть высоких окон наблюдали за их приближением. Сами они никого не заметили и, обойдя храм, вышли к его фасаду. Человек, которого они видели у бассейна, ждал их здесь. Лисы исчезли.

Все трое одновременно остановились. Мередит ожидал встретить старого-престарого человека, мягкотелого, может быть, слабого. Лицо, которое он увидел, было, несомненно, старое, но глаза на нем оказались молодые и поразительно живые. Большие, черные, подвижные, они притягивали к себе. Одет человек был в серебристо-голубое одеяние с изображением лисьей головы на груди.

Мередит подумал: «Он совсем не таков, как я ожидал», и нетерпеливо потряс головой, словно избавляясь от оцепенения, затем сделал шаг вперед и, протянув руку, сказал:

— Я Чарльз Мередит. А вы — Ю Чин, друг моего брата?

Священник ответил:

— Я ждал вас, Мередит. Вы уже знаете, что произошло. Староста деревни милостиво снял с меня тяжесть передачи вам первого цветка печального знания.

«Откуда он об этом знает? — подумал Мередит. — Отсюда до селения полдня пути! Мы двигались быстро, и никто не мог нас опередить!..»

Священник взял его протянутую руку. Не ладонь к ладони, не пожал, а обхватил пальцами запястье. Мередиту показалось, будто холодные иголочки покалывают его руку. Черные глаза пристально смотрели на него, и такое же прохладное оцепенение охватило его мозг. Рука старика разжалась, взгляд отпустил его, и Мередит почувствовал, что одновременно что-то уходит из его мозга.

— И ваши друзья... — Ю Чин так же взял за руку Бреннера, глядя ему в глаза, потом повернулся к Лассалю. Француз убрал руки за спину, отвел взгляд и поклонился.

— Для меня это слишком большая честь, почтенный отец мудрости, — сказал он.

Мгновение Ю Чин задумчиво смотрел на него. Потом повернулся к Мередиту:

— О вашем брате и его жене больше сказать нечего. Они ушли. Вы увидите девочку.

Мередит резко ответил:

— Я пришел забрать ее с собой, Ю Чин.

Священник, казалось, не слышал.

— Идемте в храм, и вы ее увидите.

Вдоль изъеденных временем колонн он прошел в зал, где умерла Джин Мередит. Трое следовали за ним.

В зале стоял странный полумрак. Мередит предположил, что просто сказался переход в темноту с яркого солнца. Казалось, все помещение наполнено молчаливыми, внимательными тенями. На алтаре из зеленого камня стояли пять древних ламп молочного гагата. Лампы были круглые, и в четырех из них горели свечи, превращая светильники в маленькие луны.

Священник подвел их к алтарю. Неподалеку от него стоял огромный бронзовый сосуд, похожий на крещенскую купель. Между алтарем и сосудом стояла старая китайская колыбель, а в ней — запеленутый ребенок. Девочка спала, поднеся ко рту сжатый кулачок.

Священник негромко сказал:

— Вот дочь вашего брата, Чарльз Мередит. Нагнитесь. Хочу кое-что вам показать. Пусть ваши друзья тоже посмотрят.

Трое склонились над колыбелью. Священник осторожно откинул пеленку. На груди, над сердцем, было родимое пятно в форме пламени свечи, трепещущего на ветру. Лассаль поднял руку, вытянув палец, но прежде, чем он успел заговорить, священник схватил его за запястье. Посмотрел французу в глаза и строго сказал:

— Не будите ее.

Француз несколько мгновений смотрел на него.

— Вы дьявол! — онемевшими губами прошептал он.

Священник отпустил его запястье и повернулся к Мередиту:

— Я показал вам это родимое пятно, чтобы вы его узнали, когда вновь увидите девочку. Но случится это не скоро.

Мередит почувствовал приступ гнева, но прежде чем дать ему волю, он успел удивиться. Он резко бросил:

— Прикройте его, Бреннер! Лассаль, придержите его!

Чарльз наклонился, чтобы взять девочку из колыбели, и застыл. Руки его схватили пустой воздух. И ребенок, и колыбель исчезли. Мередит поднял голову. Священник тоже исчез.

На месте Ю Чина стоял ряд лучников, больше десяти. Четыре светильника отбрасывали колеблющиеся тени. Воины были в древних

кольчугах, на головах — черные блестящие шлемы. С бесстрастных лиц смотрели желтые раскосые глаза. Луки натянуты, тетивы напряжены, треугольные головки стрел, как змеи, готовы к прыжку. Мередит тупо смотрел на них. Откуда они взялись? Во главе отряда стоял гигант семи футов ростом, с древним лицом, как будто вырезанным из грушевого дерева. Его стрела была нацелена Мередиту в сердце. Остальные...

Он отпрыгнул назад, встал между Бреннером и Лассалем. Те стояли, недоверчиво глядя на линию лучников. Немец поднял пистолет.

— Вот и Лунные Лучники... — хрипло сказал он.

— Брось пистолет! — послышался крик Лассаля.

Щелкнула тетива, и Мередит увидел, как стрела пронзила запястье немца. Пистолет со звоном упал на пол храма.

— Не двигайтесь, Мередит! — крикнул Лассаль.

Пистолет француза выпал из его руки.

Он услышал приказ — голос Ю Чина. Лучники двинулись вперед, не касаясь троих, но угрожая своими стрелами. Трое отступили назад.

Неожиданно у алтаря в свете четырех светильников Мередит снова увидел колыбель и в ней — спящего ребенка.

Рядом с колыбелью стоял Ю Чин.

Священник поманил его. Лучники расступились, и Чарльз Мередит прошел вперед. Ю Чин смотрел на него непроницаемым взором. Он спокойно, без оттенка гнева и упрека, заговорил:

— Я знаю правду. Вы считаете, что я ничего не смогу доказать. Вы правы — не смогу. В земном суде. А другого вы не боитесь. Но слушайте внимательно: у вас есть основания бояться. Однажды этот ребенок будет доставлен к вам. До этого дня хорошо заботьтесь об интересах девочки и не пытайтесь — прямо ли, косвенно ли — повредить ей. У вас есть деньги, оставленные вам братом, и в вашем распоряжении проценты с состояния. Пройдет не меньше семи лет, прежде чем она появится. Воспользуйтесь этими годами, Чарльз Мередит: для вас это возможность хотя бы частично исправить причиненное вами зло, хотя, конечно, полностью погасить свой долг вы не сможете. Но повторяю: не пытайтесь отыскать ребенка до того, как его к вам пришлют, не досаждайте мне. А когда она придет к вам, ваша судьба будет уже не в моих руках. Вы меня поняли, Чарльз Мередит?

Мередит услышал собственный голос:

— Я вас понял. Будет так, как вы говорите.

Ю Чин достал из-под одежды пакет.

— Здесь описаны обстоятельства смерти вашего брата, его жены и рождения ребенка. Они засвидетельствованы мною и еще несколькими очевидцами, хотя и моей подписи достаточно, чтобы доказать подлинность документа. Я указал причины, по которым считаю бесполезным добиваться наказания убийц вашего брата. Написал, что

предводитель нападавших пойман и казнен, и это правда. Пусть истинные причины моих действий останутся неизвестны вам. Теперь подберите ваше бесполезное оружие — по крайней мере, бесполезное здесь, — берите бумаги и уходите!

Мередит взял документы. Подобрал с пола пистолеты. Повернулся и прошел между лучниками туда, где у выхода под прицелом зловещих фантомов стояли Бреннер и Лассаль.

Все трое вышли из храма и двинулись по древней дороге.

Молча, как в полусне, они миновали бдительные сосны и наконец оказались на поляне, где оставили лошадей.

Послышалось проклятие немца. Он осторожно двигал запястьем. И вдруг все трое будто проснулись. Фон Бреннер воскликнул:

— Стрела! Я чувствовал ее... Видел! Но смотрите — никакого следа. Раны нет!

Лассаль очень тихо отозвался:

— Никакой стрелы не было, фон Бреннер. И лучников не было. Тем не менее, давайте побыстрей уйдем отсюда.

Мередит возразил:

— Но я видел, как ударила стрела! И лучников видел...

— Схватив каждого из нас за запястье, Ю Чин каким-то образом овладел нашим мозгом, — ответил Лассаль. — Если бы мы не поверили в реальность лучников... мы бы их не увидели. Стрела не могла причинить вам вреда, фон Бреннер, но священник захватил нас, и нам пришлось поверить. — Он отвязал свою лошадь, повернулся к Мередиту, поставив ногу в стремя. — Ю Чин угрожал вам?

Мередит с угрюмым весельем ответил:

— Да... но дал мне семь лет сроку до осуществления угрозы.

Лассаль кивнул:

— Хорошо. Тогда мы возвращаемся в Пекин. Переночуем в селении этого всезнайки-старосты и поедем назад открыто. Но поедем быстро.

Он уселся покрепче в седле и пустил коня рысью. Остальные последовали за ним. Лошадь с широким китайским седлом спокойно трусила позади.

Через два часа после наступления темноты они добрались до селения. Староста был вежлив, он обеспечил их ужином и ночлегом, но говорил мало. Мередит тоже молчал. Перед тем, как они закутались в одеяла, он повернулся к Лассалю:

— Когда священник схватил вас за руку, вы собирались что-то сказать — что-то о родимом пятне на груди ребенка. Что же именно?

Лассаль ответил:

— Это знак женщины-лисы.

— Не говорите только, что и вы верите в этот вздор!

— Я лишь сказал, что такое родимое пятно — знак женщины-лисы.

Вмешался фон Бреннер:

— Я видывал очень странные вещи в этом проклятом Китае и в других местах, Пьер. Но никогда стрела не протыкала руку человека и не торчала в ней, дрожа, чтобы потом исчезнуть. Но моя рука была мертва...

Лассаль усмехнулся:

— Послушайте, Франц. Священник большой мастер. Я видел, как такое проделывают так называемые волшебники в Индии и Тибете. Но никогда не встречал такой полноты, такого совершенства. Лучники пришли из мозга священника — да, это я знаю. Но поверьте, Франц, если бы вы поверили, что стрела пронзила вам сердце, оно бы умерло так же, как умерла ваша рука. Говорю вам: он великий мастер, этот священник.

— Но... — начал было Мередит.

— Ради Бога, неужели вы его не поняли? — Лассаль закутался в одеяла и замолчал.

Мередит долго лежал без сна. Он размышлял:

«Ю Чин ни черта не знает. Иначе разве пообещал бы он отдать мне ребенка? Он знает, что ничего нельзя доказать. Он считает, что может запугать меня, и девочка, когда вырастет, получит наследство».

И еще он думал: «Лассаль такой же сумасшедший, как и Ли Конг. Лучники просто где-то прятались. Они, конечно, реальны, а если это гипноз, старик мог бы разбогатеть, показывая их на ярмарках. Хотел бы я посмотреть на этот ряд лучников в ночном клубе Бронкса!»

Он тихо рассмеялся.

Очень хорошее соглашение, — решил он, наконец. Вероятно, священник не пришлет ему девочку еще лет десять. А тем временем... В любом случае хорошее соглашение. А священник, похоже, такой же маразматик, каким был Мартин.

Он был доволен.

И уснул.

ФАНТАСТИКА АБРАХАМА МЕРРИТА

Если судить по энтузиазму читательских откликов 20-40-х годов, выраженному в письмах в журналы, в опросах о «любимом авторе» и «любимой книге», Меррит был наипервейшим фантастом своего времени. Его вещи постоянно перепечатывались в разных журналах фантастики, а в 1950-м вышло даже пять номеров «Журнала фэнтези А. Меррита» — невиданная для фантаста честь, пока не появился в 1977-м «Журнал научной фантастики Айзека Азимова». «Свыше 5 000 000 экземпляров книг А. Меррита разошлись в изданиях «Эйвона» — гласит первая страница эйвонского издания «Металлического монстра» 1976 года.

Все в прошлом.

С пятидесятых слава Меррита неуклонно тускнела, и десять лет книги Меррита не переиздавались на его родине. Казалось, что Меррит отступает в ту же сумеречную зону малотиражных репринтов для специалистов и любителей, что и былые мэтры 30-х годов Стэнтон Кобленц или Джордж Аллан Инглэнд, но в 1992—1993 гг. «Эйвон» вновь предпринял массовое переиздание его романов.

Абрахам Меррит никогда не был профессиональным писателем. Потомок Фенимора Купера по прямой линии, он не питал литературных амбиций и намеревался стать юристом, но пришедшие в упадок финансовые дела родителей помешали ему получить образование. Кем становятся интеллигентные молодые люди без образования? Естественно, журналистами. На поприще журналистики Мерриту удалось сделать замечательную карьеру: из местной газеты «Филадельфия инквайрер» в 1912 году он был приглашен в херстовский «Американ уикли», а в 1937-м стал его главным редактором, сохранив этот пост до своей смерти в 1943 году. Писательство оставалось его хобби наряду с археологией, колдовством и выращиванием экзотических растений.

Первый рассказ Меррита «Через Драконье Стекло» был опубликован в журнале «Ол-Стори» 24 ноября 1917 года, когда автору было тридцать три года. До конца этого года в том же журнале успел по-

явиться рассказ «Три строчки на старофранцузском», в январе 18-го — «Обитатели бездны», а в июне — «Лунный бассейн», который, собственно, и принес Мерриту известность. Настойчивые письма читателей вынудили Меррита написать продолжение рассказа, затем переработанного им в роман, который был выпущен отдельным изданием в 1919 году. «Лунный бассейн» был настолько популярен в 20-30-х, что даже Хьюго Гернсбек, отнюдь не поклонник фэнтези, перепечатал его в своем «Эмейзинге» (и потом всю жизнь переживал из-за этого, как вспоминал Сэм Московиц).

Доктор Гудвин из «Покорителей Лунного бассейна» перекочевал в следующий (и, откровенно говоря, не самый удачный) роман Меррита «Металлический монстр» (1920), но кроме общности рассказчика эти два романа ничем не связаны. Если в «Лунном бассейне» Гудвин был скорее наблюдателем, чем участником событий, то в «Металлическом монстре» он окончательно самоустраняется до абсолютной пассивности, предоставляя своим товарищам самим выпутываться (и его выпутывать) из опасной ситуации.

Чем «Лунный бассейн» был для 20-х, тем «Корабль Иштар» стал для 50-х годов. Первоначально печатавшийся с продолжением в журнале «Аргоси» в 1924 году и изданный книгой в 1926-м, этот роман с его откровенным эскапизмом и богатейшей игрой воображения (и не в последнюю очередь акцентом на этнических корнях персонажей [1]) из всего, что написал Меррит, ближе всего к Говарду. Как и герой «Корабля», Меррит был ирландцем по происхождению, но в отличие от могучего атлета Кентона писатель, по известному выражению Дэймона Найта, «был лишен подбородка, лыс и сложен, как Шму» (пузатый человечек, персонаж юмористических картинок в массовых изданиях). Какой психологический эффект оказывало сочинение таких вещей на Меррита, явно идентифицировавшего себя с героем, не нужно объяснять.

От поэтики затерянных миров Меррит переходит к сверхъестественному детективу (уже сложившийся к тому времени жанр, которому отдали дань и Эдгар Уоллес, и Агата Кристи, а позднее — Рэндалл Гарретт в цикле о лорде Дарси и Джеймс Ганн в «Волшебнике»; а из более свежих примеров можно привести «Сердце Ангела» Уильяма Хьортсберга — известные у нас роман и его экранизация) — «Семь шагов к Сатане».

Та же линия была продолжена в двух других романах, составляющих то, что можно назвать дилогией — «Ведьма, гори!» (1932 в жур-

---

[1] Российским читателям эта черта напомнит «На краю Ойкумены» И. Ефремова. Между прочим, свои произведения Меррит предпочитал подписывать «А. Меррит», заменяя инициалом то самое имя, которое его предшественник Стокер изменил на как бы нордическое «Брам».

нале, 1933 книгой; больше известен у нас под названием «Дьявольские куклы мадам Мэндилип») и «Тень, ползи!» (1934 — последнее прижизненное издание Меррита), основанный на бретонской легенде, а также, по всей видимости, на имевшей в свое время большой успех опере Эдуарда Лало «Король города Ис» (1888) [1]. Во втором романе Меррит позаботился о связующих отсылках к первому, не загубив при этом сюжет, что само по себе большое достижение.

А в промежутке было еще три романа — все на тему затерянного мира: «Лик в бездне» (1931), переделанный из двух рассказов — «Лик в бездне» (1923) и «Змеиная мать» (1930) — о потомках беженцев из Атлантиды; переписанный из самого первого рассказа роман «Через Драконье Стекло» (1933) и «Жители Миража» (1932) — вероятно, лучший роман Меррита.

Самым же последним фантастическим произведением Меррита стала глава из романа-буриме «Космос», изданного приложением к фэнзину «Сайенс фикшн дайджест» в 1936 году, среди авторов которого ведущие писатели-фантасты того времени — Джон В. Кемпбелл мл., Эдмонд Гамильтон, Э. Э. Смит... Глава первоначально носила название «Ритм сфер», в сборнике же была переименована в «Последний поэт и роботы».

После смерти писателя его рассказы и незаконченные вещи вошли в две книги — опубликованные в одном томе две повести, дописанные за Меррита известным художником-иллюстратором и писателем Ханнесом Боком (1914—1964) — «Женщина-лиса» и «Голубая пагода» (1945), и роман «Черное колесо» (1947).

Имя Меррита в просвещенных НФ кругах надолго стало синонимом дурного вкуса, что не в последнюю очередь связано с отношением к жанру фэнтези вообще. Дэймон Найт писал в 1953 году: «Я не любитель фэнтези; большая часть творческого наследия Меррита наводит на меня тоску; точно так же и Говард с Лавкрафтом». Двадцать лет спустя Брайан Олдис язвил, что «Меррит не умел писать — ни строить сюжет, ни рисовать характеры, и стиль у него был ужасный — он владел лишь искусством кондитера». Только в 1989-м появилась первая серьезная монография о Меррите, написанная профессором Рональдом Фаустом. Зато Л. Спрэг де Камп, сам автор нескольких замечательных фэнтези, писал в том же 1953 году более амбивалентно, что «творчество Меррита характеризуется сильным воображением и живым описанием, сложными и слащавыми сюжетами, а также ледниковой неспешностью».

---

[1] Тот же источник имеют полузабытый роман Роберта У. Чеймберса «Мадемуазель д'Ис» (1895), возможно, известный Мерриту, и тетралогия Пола и Карен Андерсонов «Король города Ис» (1986—1988).

Впервые на русский язык Меррит был переведен еще в 20-е годы. Его «Металлический монстр» печатался с большими сокращениями в журнале «Мир приключений» за 1928—1929 годы под названием «Живой металл».

Потом была опубликована рецензия:

«Из всех появляющихся научно-фантастических романов, — с большевистской прямотой писал рецензент ленинградской «Звезды», — «Живой металл» — самый длинный и самый вредный. Прямо удивляешься, как у нас, при наличии Горлита и при отсутствии бумаги, такого рода бульварная литература может распространяться в десятках тысяч экземпляров (тираж 30 000)!»

После этого наше знакомство с Мерритом было надолго прервано — до 70-х, когда появились «самиздатовские» переводы романов «Дьявольские куклы мадам Мэндилип» и «Лик в бездне»; с этих «печаток» делались и первые издания Меррита в 1990—1991 годах.

Вышедшие в 1992 году покетбуки издательства «Янус» — «Корабль Иштар», «Семь шагов к Сатане» и «Жители Миража» — были первыми оригинальными и профессиональными переводами в России. В 1993 году романы Меррита начал публиковать «Северо-Запад» в своей популярной серии «Fantasy». Однако же трехтомное издание, которое вы держите в руках, имеет хотя бы то преимущество, что оно гораздо полнее.

А. Мешавкин

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ МОНСТР 5
ЛИК В БЕЗДНЕ 179
ЧЕРНОЕ КОЛЕСО* 373
РАССКАЗЫ
Сквозь Драконье Стекло 607
Женщина-лиса* 618
ФАНТАСТИКА АБРАХАМА МЕРРИТА . . . 650

* Произведения, помеченные знаком *, были дописаны после смерти А. Меррита писателем Ханнесом Боком.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

АБРАХАМ МЕРРИТ

Собрание сочинений

Составитель *В. Азарский*
Редактор *Ю. Баталина*
Художественный редактор *О. Владиславов*
Технический редактор *Т. Сайтарова*
Корректор *Е. Евсеева*

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:

А. Гладков (директор)
В. Смоляков
С. Пятунин
М. Шаламов

Сдано в набор 25. 11. 93. Подписано в печать 11. 04. 94. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бум. газетная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 34,44. Усл. кр.-отт. 34,44. Уч.-изд. л. 48,0. Тираж 100 000 экз. Заказ 1156. Цена свободная.

ОсОО «Янус», 614016, Пермь. а/я 10119.
ТОО «Типография «Книга», 614001, Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

Меррит Абрахам

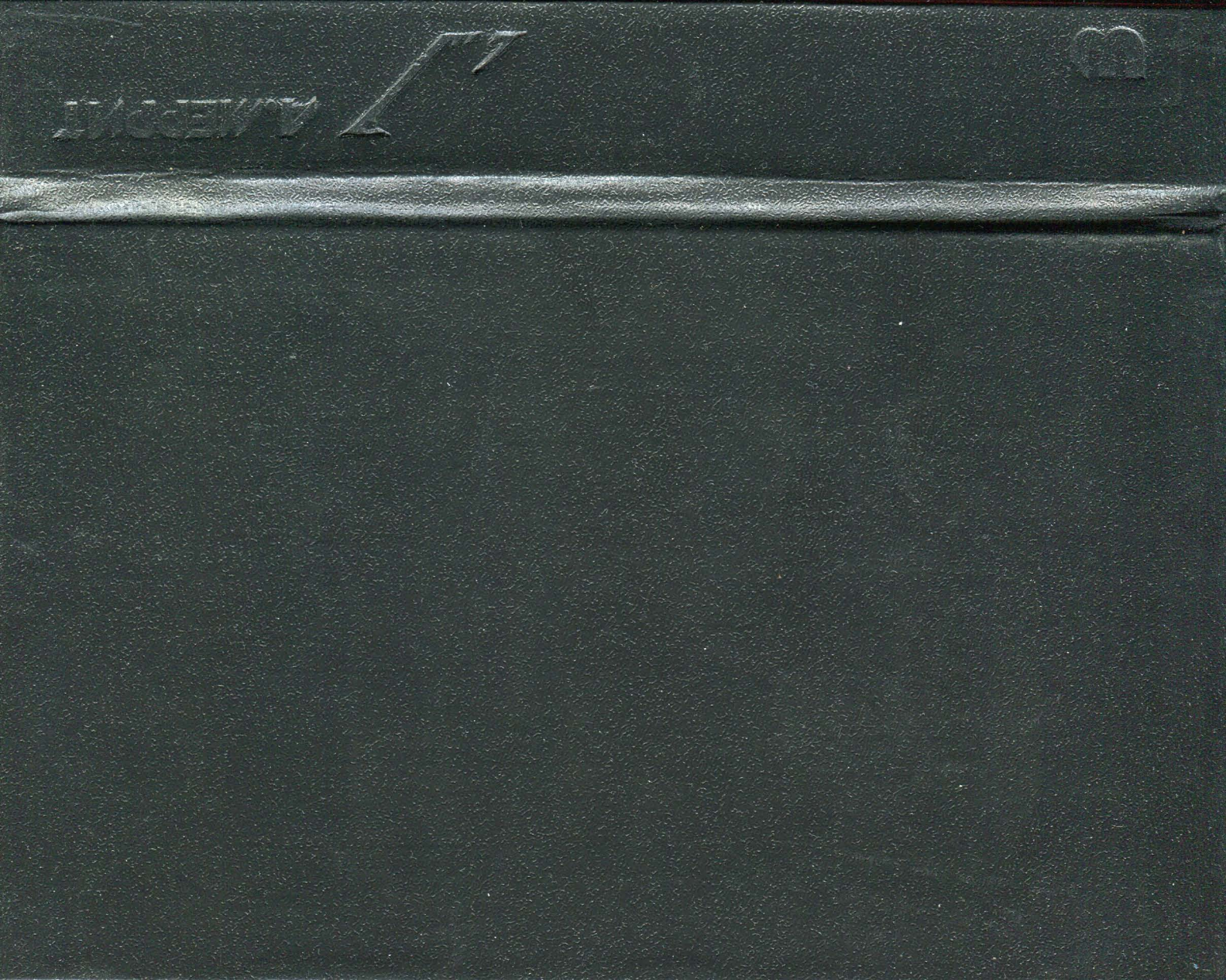
М52 Собрание сочинений. — Пермь: «Янус», 1994. — 656 с. («Коллекция «Януса»).

ISBN 5-87916-045-9

В очередной том с/с А. Меррита включены романы «Металлический монстр», «Лик в бездне», «Черное колесо», и два фантастических романа.

М $\frac{4703010100—045}{Д25(03)—94}$ Без объявл. ББК 84.4 США

Сканирование и обработка:
Алексей Н. (Lion)

Известный американский писатель-фантаст Абрахам Меррит прожил недолгую жизнь, успев, однако, оставить заметный след в мировой литературе.

Впервые на русском языке все девять романов, составляющих литературное наследие А. Меррита, а также несколько повестей и рассказов собраны в это собрание сочинений, которое осуществляет ОсОО «Янус».

ПЕРМЬ
ЯНУС
1994